

Генри Райдер Хаггард

ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Джеймс Кервуд

В ДЕБРЯХ
СЕВЕРА

Библио-
тека
приклю-
чений

*Б*ИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

20

ИЗДАТЕЛЬСТВО

*«Детская
литература»*

МОСКВА

1970

Тенри Райдер Хаггард

**ХОЗЯЙКА
БЛОСХОЛМА**

Джеспис Кервуд

**В ДЕБРЯХ
СЕВЕРА**

И (Англ)
X13

Рисунки

Г. ФИТИНГОФА И П. ЛУГАНСКОГО

Оформление

Ю. КИСЕЛЕВА

Генри
Райдер
Хатчард

ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА

РОМАН

Перевели с английского

Г В РУБЦОВА главы I—IX,
Н Я. РЫКОВА главы X—XVIII.

*Послесловие и подстрочные
примечания*

Д П. ПРИЦКЕРА

ГЛАВА I

Сэр Джон Фотрел

Кто хоть раз видел развалины Блосхолмского аббатства¹, никогда не сможет забыть их. Аббатство расположено на холме, с севера его окаймляет полноводное устье реки, по которому поднимается прилив; с востока и юга оно граничит с богатейшими поместьями, лесами и заболоченными пастбищами, а с запада окружено холмами, постепенно переходящими в пурпурные торфяные земли; гораздо дальше за ними виднеются бесконечные мрачные вершины. Вероятно, пейзаж не очень изменился со времен Генриха VIII², когда произошло то, о чем мы

¹ Аббатство — большой католический монастырь; обычно аббатству были подчинены несколько малых монастырей.

² Генрих VIII — король Англии в 1509—1547 годах.

собираемся рассказать; здесь не появилось большого города, не были вырыты шахты или построены фабрики, оскорбляющие землю и оскверняющие воздух ужасным, удушливым дымом.

Мы знаем, что население деревни почти не менялось — об этом говорят старые переписи, — а так как здесь не проложили железной дороги, то облик Блосхолма, вероятно, остался почти таким же. Дома, построенные из местного серого камня, долго не поддавались разрушению.

Люди многих поколений входили и выходили все из тех же дверей, хотя теперь крыши большинства домов покрыты черепицей или грубыми плитами сланца, вместо тростника, нарубленного у плотины. Железные помпы, заменившие в колодцах деревни прежние ведра на валиках, все еще снабжают деревню питьевой водой, как во времена Эдуарда Первого¹, а может быть, существовали много веков до него.

Недалеко от ворот аббатства, посредине монастырского луга, все еще можно было увидеть колодки и позорный столб, несмотря на то что ими не пользуются и надобность в них отпала. На позорном столбе красуются три набора железных скоб разного диаметра, прикрепленные на разной высоте и приспособленные для рук мужчины, женщины и ребенка.

Все это, помнится, находилось под странной старой крышей, которую поддерживали необтесанные дубовые столбы; над крышей виднелся флюгер, изображавший архангела, возвещающего о страшном суде, — фантазия монастырского художника: труба, или каретный рожок, или какой-то другой музыкальный инструмент, в который он трубил, исchez.

Приходская книга говорит, что во времена Георга I² какой-то мальчишка отбил его и расплавил, за что был публично высечен; именно тогда, по всей вероятности, и воспользовались этим столбом в последний раз. Но Гавриил все еще вертится так же решительно, как и тогда, когда известный кузнец, старик Питер, сделал его и собственноручно установил в последний год царствования короля Генриха VIII; говорят, он поставил архангела в

¹ Эдуард I — король Англии в 1272—1307 годах.

² Георг I — король Англии в 1714—1727 годах.

память того, что здесь были прикованы Сайсели Харфлит, леди Блосхолма, и ее кормилица Эмлин, осужденные на сожжение как ведьмы.

Время коснулось Блосхолма лишь слегка. Почти все луга носят те же названия и сохранили ту же самую форму и границы. Старые фермы и несколько помещичьих домов, где жила местная знать, стоят там же, где стояли всегда. Прославленная башня аббатства все еще стремится к небу, хотя у нее уже нет колоколов и крыши, в то время как в полумиле от нее по-прежнему стоит среди древних вязов приходская церковь, перестроенная при Вильгельме Рыжем¹ на заложенном еще во времена саксов² фундаменте. Дальше, на склоне долины, куда по полям сбегает ручеек, находились развалины совершенно разрушенного женского монастыря. когда-то подчинявшегося величавому аббатству на холме; часть развалин была покрыта листами оцинкованного железа и использовалась под коровники.

Об этом аббатстве, об этом женском монастыре и о тех, которые жили в тех местах в давно прошедшие времена, и в особенности о подвергшейся преследованиям прекрасной женщине, которая была известна как леди Блосхолма, и пойдет наш рассказ.

Это было в середине зимы, 31 декабря 1535 года. Старый, седобородый и краснолицый Фотрел, человек лет шестидесяти, сидел перед камином в столовой своего большого дома в Шефтоне и читал письмо, только что принесенное из Блосхолмского аббатства. Сэр Фотрел наконец одолел его, и если бы кому-нибудь довелось быть при этом, он мог бы увидеть рыцаря, хозяина обширного поместья, в ярости, необычной даже для времени Генриха VIII. Сэр Джон швырнул бумагу на землю, выпил подряд три кубка крепкого эля — и до того выпитого в достаточном количестве, — разразился градом отборнейших ругательств, бывших в ходу в то время и, наконец, в самых пылких выражениях послал

¹ Вильгельм Рыжий — король Англии в 1087—1100 годах.

² ...во времена саксов. — Германские племена англов, саксов и ютов завоевали Британию в V веке нашей эры и создали там семь государств: два королевства англов на севере, одно королевство англов и саксов в центральной части страны, три государства саксов на юге и одно государство ютов на юго-востоке.

тело блосхолмского аббата¹ на виселицу, а его душу в ад.

— Он притязает на мои земли, вот как! — воскликнул он, грозя кулаком в сторону Блосхолма. — Что говорит этот негодяй? Что прежний аббат разделил их с моим дедушкой не полюбовно, а под угрозами и страхом. Теперь, пишет он, этот государственный секретарь Кромуэл², прозывающийся главным викарием, заявил, что вышеупомянутая передача была незаконной и что я должен вручить вышеупомянутые земли Блосхолмскому аббатству до сретения или в самый день праздника. Интересно, сколько заплатили Кромуэлу за то, чтобы он подписал этот приказ без всякого расследования?

Сэр Джон налил и выпил четвертый кубок эля, затем принялся ходить взад и вперед по залу. Наконец он остановился перед камином и заговорил с ним, как если бы это был его враг:

— Вы умный парень, Клемент Мэлдон, мне говорили, что все испанцы таковы; вас научили вашему ремеслу в Риме и нарочно прислали сюда. Вначале вы были никто, а теперь вы аббат Блосхолма и, может, достигли бы еще большего, если бы король не поссорился с папой³. Но иногда вы забываетесь — ведь южная кровь горяча, и что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Не прошло и года с тех пор, как вы сказали при мне и при других свидетелях кое-какие слова, о которых теперь я вам напомню. Может быть, когда о них узнает секретарь Кромуэл, он откажется отдать вам мои земли, а вашу голову, голову заговорщика, поднимет, пожалуй, еще выше. Придется напомнить вам об этих словах.

Большими шагами сэр Джон подошел к двери и закричал; не будет преувеличением сказать, что он заревел, как бык. Немного спустя дверь распахнулась, и появился

¹ Аббат — в данном случае настоятель (начальник) аббатства.

² Кромуэл Томас, граф Эссекс (1485—1540), — английский политический деятель, занимавший в 1533—1540 годах высшие государственные должности — канцлера казначейства, государственного секретаря, генерального викария короля по церковным делам. В 1540 году был обвинен в измене и казнен.

³ ...если бы король не поссорился с папой. — Поводом для реформации церкви в Англии послужил конфликт между Генрихом VIII и папой римским Климентом VII, вызванный отказом папы разрешить развод короля с Екатериной Арагонской (подробнее о реформации см. в послесловии).

слуга — кривоногий, коренастый парень, с копной черных волос на голове.

— Ты не торопишься, Джеффри Стоукс? Неужели должен я ждать, когда вашей милости угодно будет пожаловать? — сказал сэр Джон.

— Как можно прийти быстрее, хозяин? За что вы меня браните?

— Ты еще поспорь со мной, парень. Повтори-ка еще раз, и я прикажу тебя привязать к столбу и отхлестать.

— Вы бы сами себя отхлестали, хозяин! Вышла бы из вас желчь и парь доброго эля — вот что вам нужно! — хриплым голосом ответил Джеффри. — Бывают люди, не умеющие ценить настоящих слуг, но такие часто умирают в одиночку. Что вам нужно? Если могу, сделаю, а нет, так делайте сами.

Сэр Джон поднял руку, точно собираясь ударить его, затем снова опустил ее.

— Люблю, когда человек умеет дать отпор, — сказал он более мягко, — и у тебя как раз такой характер. Не обижайся, малый. Я злюсь, и не без причины.

— Злость-то я вижу, а причины не знаю, хотя, может, и отгадаю: ведь только что из аббатства приходил монах.

— Увы! В том-то и дело, в том-то и дело, Джеффри. Послушай-ка! Я немедленно поеду в это воронье гнездо. Оседлай мне лошадь.

— Хорошо, хозяин. Я оседлаю двух лошадей.

— Двух? Я сказал одну, дурак; разве я скоморох, чтобы ехать на двух сразу?

— Этого я не знаю, но вы поедете на одной, а я на другой. Блосхолмский аббат приезжает к сэру Джону Фотрелу из Шефтона с соколом на руке, с капелланами¹ и пажам и с десятком недавно нанятых здоровенных вооруженных людей. Это больше, чем подобает священнику. Когда сэр Джон Фотрел едет в Блосхолмское аббатство, его должен сопровождать слуга, который мог бы держать его лошадь и служить свидетелем.

Сэр Джон испытующе посмотрел на него.

— Я обозвал тебя дураком, — сказал он, — но ты дурак только по виду. Делай как хочешь, Джеффри, только поскорее. Стой! Где моя дочь?

¹ Ка п е л л а н — католический священник, в данном случае — подчиненный аббата.

— Леди Сайсели у себя в гостиной. Я видел ее нежное личико в окне; она так смотрела на снег, будто видит привидение.

— Хм,— проворчал сэр Джон,— привидение, о котором она думает, шести футов роста и ездит на большой серой кобыле; у него веселое лицо и пара рук, прекрасно приспособленных для меча и щита и для того, чтобы крепко обнять девушку. Надо выдумать заклинание, чтобы привидение не появлялось, Джефри

— Очень жаль, хозяин. А вам, может быть, это и не удастся? Заставить исчезнуть привидение — это дело священника. Мужские руки найдут что обнять, раз девичьи к нему сами тянутся.

— Эй ты, иди! — заревел сэр Джон, и Джефри вышел.

Через десять минут они уже ехали по направлению к находившемуся в трех милях аббатству, а еще через полчаса сэр Джон не слишком скромно стучался в ворота; услышав стук, монахи, как испуганные муравьи, забегали взад и вперед, так как времена были тяжелые и никто не мог знать, что ему угрожает.

Узнав наконец гостя, они принялись отодвигать засовы огромных дверей, опускать поднятый на закате подъемный мост.

Вскоре сэр Джон стоял в комнате аббата, греясь у большого камина; за ним стоял слуга Джефри, держа в руках его длинный плащ.

Это была красивая комната с потолком из благородного резного орехового дерева, с каменными стенами, увешанными дорогами гобеленами, на которых были вытканы сцены из священного писания. Пол был покрыт роскошными коврами из цветной восточной шерсти. Так же великолепна была и чужеземная мебель с инкрустациями из слоновой кости и серебра; на столе стояло золотое распятие чудесной работы, на мольберте, повернутом так, что свет от серебряной висячей лампы падал прямо на него,— картина работы какого-то великого итальянского художника. На ней изображалась в человеческий рост кающаяся Магдалина; прекрасные глаза женщины были обращены к небу, она била себя кулаком в грудь.

Сэр Джон огляделся и презрительно фыркнул.

— Ну, Джефри, как ты думаешь, где мы находимся? В келье монаха или в гостиной какой-нибудь придворной

дамы? Посмотри под стол, парень, наверняка ты там найдешь ее лютню и вышивание. Чей это портрет, как тебе кажется? — И он указал на Магдалину.

— Я думаю, что это кающаяся грешница, хозяин. Она была приятна для мирян, пока была грешницей, а теперь стала святой и потому приятна для священника. А что касается всего остального, здесь неплохо можно было бы выпасться после кубка красного вина.— И он ткнул большим пальцем в сторону бутылки с узким и длинным горлышком, стоявшей на краю стола.— А что камин ярко пылает, в этом нет ничего удивительного, ведь его топят сухим дубом из вашего Стикслейского леса.

— Откуда ты это знаешь, Джефри? — спросил сэр Джон.

— По его прожилкам, хозяин, по его прожилкам. Я перевел там слишком много леса, чтобы не знать. Только стикслейские глины делают кольца извилистей и темнее к сердцевине. Посмотрите.

Сэр Джон посмотрел и злобно выругался.

— Ты прав, парень, теперь я вспомнил. Когда я был еще мальчишкой, мой дед показал мне именно эту особенность стикслейских дубов. Эти проклятые монахи истребляют мои леса у меня под носом. Мой лесничий — негодяй. Они напугали или подкупили его, и я его за это повешу.

— Сначала докажите преступление, хозяин, а это не так-то легко, а потом уж говорите о виселице. Только короли да аббаты, имеющие «право виселицы»¹, могут сделать это, если захотят. Ох, это правда,— добавил он изменившимся голосом,— прекрасная комната, хотя недостаточно хороша для того святого, что в ней живет; такому святому подобало бы иметь серебряную раку², вроде той, что стоит перед алтарем, и он безусловно заслужит ее еще до того, как состарится.— И Джефри, точно случайно, наступил на побаливавшую подагрическую ногу хозяина.

Сэр Джон круто обернулся, как блосхолмский флюгер в ненастный день.

¹ «Право виселицы».— В средние века короли, крупные феодалы (светские и духовные) имели право судить своих подданных и даже казнить их.

² Р а к а — металлический ящик, гроб.

— Неуклюжая жаба! — заревел он и сразу замолчал, потому что среди бесшумно раздвинувшихся гобеленов появился одетый в дорогие меха высокий человек с тонзурой¹ и за ним двое других тоже с тонзурами, но в простых черных одеждах. Это был аббат со своими капелланами.

— Благослови господь, — мягко сказал аббат с иностранным акцентом, поднимая два пальца правой руки для благословения.

¹ Тонзүра — выбритая макушка у католических священников и монахов, отличительный признак духовных лиц.

— Добрый день,— ответил сэр Джон, в то время как его слуга поклонился и перекрестился.— Почему вы подкрадываетесь к людям, как вор по ночам, святой отец?— раздраженно добавил он.

— Сказано, что именно так грядет страшный суд, сын мой,— ответил аббат, улыбаясь.— И по правде говоря, в нем чувствуется некоторая необходимость. Мы слышали громкие споры и разговор о том, чтобы кого-то повесить. Основательно ли ваше обвинение?

— Оно крепче дуба,— угрюмо ответил старый сэр Джон.— Мой слуга сказал, что эти дрова в камине взяты

из моего Стикслейского леса, а я ответил ему, что если это так, то, значит, они украдены и мой лесничий должен быть за это повешен.

— Достойный человек прав, сын мой, и все же ваш лесничий не заслуживает наказания. Я купил у него скудный запас топлива, и, если говорить правду, счет еще не оплачен. Деньги, которые следовало внести, отправлены в Лондон, потому я попросил отложить уплату до получения летней ренты. Не вините его, сэр Джон, если по дружбе к нам и зная, что это не причинит вам ущерба, он не потерпел скудости нашей скромной обители.

Сэр Джон окинул взглядом роскошную комнату.

— Разве это скудость скромной обители заставила вас послать мне письмо, в котором говорится, что у вас есть предписание Кромвеля захватить мои земли? — спросил сэр Джон, набрасываясь, как бык, на своего обидчика и бросая на стол письмо. — Или вы хотите сказать, что заплатите за них, когда получите свою летнюю ренту?

— Нет, сын мой. Долг заставляет меня начать это дело. Двадцать лет мы оспариваем эти поместья, которые, как вы знаете, ваш дед в трудную минуту отобрал у нас, разделив их пополам, несмотря на протест того, кто был в то время аббатом. Поэтому я, наконец, изложил дело главному викарию, который, как я слышал, решил вопрос в пользу аббатства.

— Удовлетворить иск, о котором ответчик и понятия не имеет! — воскликнул сэр Джон. — Милорд аббат, это нельзя назвать правосудием; это мошенничество, и я не потерплю этого. Помилуйте, может быть, он еще что-нибудь решил?

— Раз уж вы спрашиваете об этом — кое-что еще, сын мой! Чтобы избежать лишних расходов, я изложил ему некоторые нерешенные между нами вопросы; вот вкратце его решение: ваше право на владение блосхолмскими и прилегающими землями, в общей сложности достигающими 8 тысяч акров¹, не аннулируется, но оно не считается безусловным и остается под сомнением.

— Помилуй бог! Почему? — спросил сэр Джон.

— Я скажу вам, сын мой, — мягко ответил аббат. — В течение столетия земли принадлежали этому аббат-

¹ Акр — старинная английская земельная мера, около 0,5 га.

ству как дар короны, и нет никаких документов, указывающих на то, что корона согласилась на их отчуждение.

— Никаких документов,— воскликнул сэр Джон,— но у меня в секретном ящике есть договор, подписанный моим прадедушкой и аббатом Франком Ингхэмом! Никаких документов, но мой вышеупомянутый прадедушка дал вам вместо них другие земли, и вы ими сейчас владеете! Прекрасно, продолжайте, святой отец.

— Мой сын, я повинуюсь вам. Ваше право, хотя и является сомнительным, не аннулировано полностью; считается все еще, что вы будете владеть этими землями как арендатор аббатства, но они перейдут к нему, если вы умрете, не оставив потомства. Если же вы умрете, имея несовершеннолетних детей, то они будут переданы под опеку блосхолмского аббата, если таковой будет существовать, а если нет — то есть не будет ни аббата, ни аббатства,— то под опеку короны.

Сэр Джон выслушал это, затем откинулся на спинку стула, а его красное лицо посерело, как зола.

— Покажите мне это решение,— медленно сказал он.

— Оно еще не написано, сын мой. В течение десяти дней или около того, я надеюсь... Но вам, кажется, плохо. Быть может, после наружного холода подействовала теплота этой комнаты. Выпейте бокал нашего скромного вина.

И по его знаку один из капелланов шагнул к буфету, наполнил бокал из стоявшей там бутылки с длинным горлышком и поднес его сэру Джону.

Тот взял его, не сознавая, что делает, затем внезапно бросил серебряный бокал вместе с содержимым в огонь, откуда капеллан и извлек его щипцами.

— Выходит, что вы, монахи, оказываетесь моими наследниками,— сказал сэр Джон совсем другим, спокойным голосом,— по крайней мере вы так говорите, а если это так, то, вероятно, мне осталось недолго жить. Я не буду пить вашего вина, оно может быть отравлено. Теперь послушайте меня, сэр аббат. Я мало верю в эту сказку, хотя, без сомнения, взятками и другими способами вы сделали все от вас зависящее, чтобы за моей спиной навредить мне там, в Лондоне. Но завтра на рассвете, будет ли хорошая погода или ненастье, я поскачу сквозь снега в Лондон, где у меня тоже есть друзья, и

мы еще посмотрим... мы еще посмотрим. Вы умны, аббат Мэлдон, и я знаю, что вам нужны деньги или что-нибудь взамен, чтобы платить вашим оруженосцам и чтобы удовлетворить ваши громадные потребности — а у меня есть наши знаменитые драгоценности — да, да, старинные драгоценности времен крестовых походов. Из-за них вы ищете способа ограбить меня — ведь вы всегда меня ненавидели, и, может быть, Кромуэл поверил вашей басне. Быть может, безумный монах, — добавил он медленно, — он хотел откормить на моих хлебах такого церковного гуся, как вы, перед тем как свернуть ему шею и сварить его.

При этих словах в первый раз аббат содрогнулся и даже два бесстрастных капеллана переглянулись.

— Ах! Это вас волнует? — спросил сэр Джон Фотрел. — Хорошо, тогда вот что заставит вас содрогнуться по-настоящему. Вы думаете, что к вам благоволят при дворе, не так ли? Потому что вы принесли присягу насчет престолонаследия¹, от которой люди храбрее вас, например братья картезианского монастыря², отказались и погибли из-за этого. Но вы забыли слова, сказанные вами мне в моем доме, когда любимое ваше вино повлияло на вас, что...

— Замолчите! Ради самого себя замолчите, сэр Джон Фотрел! — перебил аббат. — Вы заходите слишком далеко.

— Не так далеко, как отправитесь вы, милорд аббат, прежде даже, чем я сам рассчитаюсь с вами. А вы попадете в Тауэр Хилл³ или на площадь Тайберн⁴, где вас повесят и четвертуют как изменника его величеству. Говорю вам, вы забыли сказанные вами слова, но я вам

¹ Присяга закону о престолонаследии. — В 1534 году, после развода Генриха VIII с Екатериной Арагонской, был издан закон, лишавший прав на престол детей Генриха VIII от первого брака.

² Картезианцы — монахи, принадлежавшие к одному из католических орденов (картезианскому). Католические ордена вообще и картезианский орден в частности представляли собой монашеские организации, которые активно поддерживали папство в его борьбе со всякими отклонениями от католического вероучения.

³ Тауэр Хилл — старинная крепость в Лондоне, превращенная в начале XVI века в тюрьму. Здесь содержались важнейшие государственные преступники.

⁴ Тайберн — место в Лондоне, где производились казни.

их напомним. Разве вы мне не сказали, когда ушли гости, что король Генрих — еретик, тиран и безбожник, и папа хорошо сделает, если отлучит его от церкви и лишит престола? Разве вы не спросили меня, когда я пошел вас провожать, не мог ли бы я вызвать в этой местности, где пользуюсь влиянием, восстание простолюдинов, а также знающих и любящих меня дворян, чтобы свергнуть короля, а на его место посадить некоего кардинала Пола, и за это обещали мне прощение и отпущение всех грехов и великие почести — именем папы и испанского императора¹.

— Никогда этого не было, — отвечал аббат.

— И разве я, — продолжал сэр Джон, не обращая внимания на его слова, — разве я не отказался слушать вас и не сказал вам, что ваши слова предательство, и будь они сказаны где-нибудь в другом месте, а не в моем доме, я, как повелевает мой долг верноподданного, доложил бы о них? Да, да и разве не с этой минуты вы стремитесь погубить меня, потому что вы меня боитесь?

— Я все это отрицаю, — снова сказал аббат. — Все это пустая ложь, вымышленная вашей злобой, сэр Джон Фотрел.

— Вот как! Пустые слова, милорд аббат? Ну, так я говорю вам, они все записаны и подписаны, как полагается по форме. Говорю вам, что у меня есть свидетели, о которых вы не подозревали и которые слышали их своими собственными ушами. Здесь, за моим стулом, стоит один из них. Не так ли, Джефри?

— Так точно, хозяин, — ответил слуга. — Я вместе с другими случайно оказался в маленькой комнате с деревянной панелью, где мы ждали аббата, чтобы проводить его домой, и слышал все, а потом я и они поставили свои подписи на документе. Это так же верно, как то, что я христианин, но, несмотря на это, хозяин, как бы несправедливо со мной ни обошлись в этом доме, я не стал бы об этом распространяться.

— А мне так нравится, — ответил рассвирепевший рыцарь, — и я стану говорить об этом еще громче в лю-

¹ Испанский император. — Имеется в виду испанский король и император так называемой Священной Римской империи германской нации — Карл V, ярый противник Генриха VIII и союзник папы римского.

бом другом месте, например перед Королевским советом. Завтра, милорд аббат, я с этим документом отправлюсь в Лондон, и тогда вы узнаете, чего вам будет стоить попытка лишить Фотрела его состояния.

Теперь, в свою очередь, испугался аббат. Его гладкие оливковые щеки побледнели и впали, как будто он уже почувствовал, как веревка обвивается вокруг его шеи. Его руки, все в драгоценных кольцах, дрожали, и он, схватив руку одного из капелланов, оперся на нее.

— Человек,— прошипел он,— неужели ты думаешь, что, произнеся подобные лживые угрозы, ты выйдешь отсюда, чтобы погубить меня, священнослужителя? У меня здесь есть темницы; я облечен властью. Будет доказано, что ты напал на меня и что я всего лишь защищался; не ты один, сэр Джон, можешь давать показания.— И он прошептал какие-то слова по-латыни или по-испански на ухо одному из капелланов, после чего священник повернулся, чтобы уйти.

— Кажется, теперь мы попали в историю,— сказал Джефри Стоукс, кладя руку на кинжал у пояса и проскользнув между дверью и монахом.

— Вот именно, Джефри! — воскликнул сэр Джон.— Держись, крысиная нора. Смотри, испанец, вот мой меч. Проводите меня к воротам, или, в силу королевских полномочий, мне данных, я буду немедленно судить тебя как предателя и, если добьюсь своей цели, отвечу за все.

Аббат с минуту подумал, как бы измеряя мысленно ярость стоящего перед ним рыцаря. Затем медленно сказал:

— Идите, как пришли, с миром, о раб ярости и зла, но знайте, что проклятие церкви последует за вами. Я говорю вам, что вы стоите на краю гибели.

Сэр Джон посмотрел на него. Злоба исчезла с его лица, на нем появилось какое-то странное выражение — пророческое или вдохновенное, можно назвать это как угодно.

— Во имя неба и всех святых! Я думаю, что вы правы, Клемент Мэлдон,— пробормотал он.— Под этой черной рясой вы такой же человек, как и мы все,— не правда ли? У вас есть сердце, есть руки и ноги, есть мозг, чтобы думать. Для бога вы всего лишь скрипка, на кото-

рой он играет, и как бы сильно ваш религиозный фанатизм ни искажал ее звуков, струны порой говорят правду. Ну, а я — другая, может быть, более честная скрипка, хоть я и не поднимаю двух пальцев правой руки и не говорю: «Благословляю, сын мой» или: «Отпускаются вам грехи ваши», и вот сейчас наш единый бог играет во мне свою мелодию, и я скажу вам, что она говорит. Я стою у порога смерти, но и вы стоите недалеко от виселицы. Я умру как честный человек; вы умрете, как пес, предавший все, и после этого пусть ваши молитвы, ваши обедни и ваши святые помогут вам, если им это удастся. Мы поговорим об этом еще раз, когда снова встретимся где-нибудь в другом месте. А теперь, милорд аббат, ведите меня к воротам, помня, что я с мечом следую за вами. Джефри, поставь перед собой этих мерзких воронов и следи за ними как следует. Милорд аббат, я ваш слуга. Вперед!

ГЛАВА II

Убийство у заводи

Некоторое время сэр Джон и его слуга ехали молча. Потом сэр Джон громко рассмеялся.

— Джефри, — позвал он, — это было опасным испытанием. Сэр священник намеревался воткнуть нам между ребер испанскую зубочистку, а потом для успокоения совести дать предсмертное отпущение грехов.

— Да, хозяин, но он благоразумно вспомнил, что у английских мечей лезвие длиннее и что его головорезы провожают старый год в харчевне у брода, и отказался от своего замысла. Я всегда говорил вам, хозяин, что ваше старое октябрьское вино слишком крепко для употребления днем. Его следовало бы приберечь, чтобы пить перед сном.

— Что ты хочешь сказать, парень?

— Я хочу сказать, что вашими устами говорил эль, а не мудрость. Вы раскрыли ваши карты и сваляли дурака.

— Как ты смеешь учить меня! — сердито сказал сэр Джон. — Мне хотелось, чтобы этот лстыивый предатель хоть раз в жизни услышал правду.

— Так-так, но для правды и для тех, кто ее почитает,

наступили плохие дни. Разве было необходимо говорить ему о том, что завтра вы отправляетесь в Лондон по этому делу?

— Почему нет? Я приеду туда раньше его.

— Приедете ли вы туда когда-нибудь, хозяин? Дорога идет мимо аббатства, а у этого священника достаточно головорезов, умеющих держать язык за зубами.

— Ты хочешь мне сказать, что он подставит мне ловушку. Не посмеет, я тебе говорю. Но для твоего успокоения мы поедем дальней тропинкой через лес.

— Дорога там трудная, хозяин; а кто ж будет сопровождать вас? Большинство отправилось в извоз, другие — отдыхают. В доме только трое, но вы не можете оставить без охраны леди Сайсели или взять ее с собой в такой холод. — И он прибавил многозначительно: — Помните, что в доме есть богатство, которое кое-кому нужнее ваших земель. Лучше подождите немного: ваши люди вернутся или вам удастся созвать арендаторов и поехать в Лондон, как подобает человеку вашего звания, в сопровождении двадцати славных молодчиков.

— И дать нашему другу аббату время нашептать на ухо Кромуэлу, а через него и королю. Нет, нет, я поеду завтра на рассвете с тобой или, если ты боишься, без тебя, как я ездил раньше и возвращался целым и невредимым.

— Никто не посмеет сказать, что Джефри Стоукс боится человека, священника или дьявола, — покраснев, ответил старый солдат. — Тридцать лет ваш путь был хорош для меня и теперь хорош. Я предупредил вас не ради себя — мне-то безразлично, что будет, — а ради вас и вашего дома.

— Я это знаю, — сказал сэр Джон, смягчаясь. — Не принимай моих слов близко к сердцу, я сегодня не в себе. Во имя всех святых! Наконец-то мы дома. О! чья это лошадь проскакала в ворота до нас?

Джефри взглянул на следы, отчетливо выделявшиеся при лунном свете на только что выпавшем снегу.

— Серая кобыла сэра Кристофера Харфлита, — сказал он. — Я узнаю ее подковы и круглую форму копыт. Без сомнения, он приехал навестить госпожу Сайсели.

— Я запретил ему это, — пробормотал сэр Джон, выскакивая из седла.

— Не запрещайте, — ответил Джефри, забирая его

лошадь.— Кристофер Харфлит может быть хорошим другом для девушки, когда понадобится, а мне кажется, что это время близко.

— Делай свое дело, мошенник! — закричал сэр Джон.— Чтобы в моем собственном доме какая-то девчонка и щеголь, желающий поправить свои пошатнувшиеся дела, не ставили меня ни во что?

— Раз уж вы меня спрашиваете, то, по-моему, они правы,— невозмутимо ответил Джеффри, уводя лошадей.

Сэр Джон большими шагами направился к дому через заднюю дверь, выходящую в конюшню. Взяв фонарь, стоявший около двери, он прошел по галереям вверх в гостиную, расположенную перед залом, которым после смерти матери пользовалась его дочь; тут он предполагал найти ее. Поставив фонарь на столик в коридоре, он толкнул незапертую дверь и вошел.

Вся передняя часть большой комнаты тонула во мраке. Задняя была освещена только ярким светом топившегося камина и двумя свечами. Все же около глубокой оконной ниши мрак рассеивался и озарял ярким пламенем сидящую на дубовом кресле с высокой спинкой Сайсели Фотрел, единственное оставшееся в живых дитя сэра Джона. Это была высокая грациозная девушка с голубыми глазами, каштановыми волосами и белоснежной кожей, с круглым ребячьим личиком, какие большинство людей считают красивыми. В эту минуту это лицо, обычно радостное и лукавое, казалось озабоченным. И для этого, видимо, были причины, так как рядом с ней на стуле сидел молодой человек и что-то горячо говорил ей.

Это был здоровенный молодец, очень широкий в плечах, с правильными чертами лица, длинным прямым носом, черными волосами и веселыми черными глазами. Как и подобает влюбленным, он, по всей вероятности, пылко и очень искренне объяснялся ей в любви; сидя лицом к Сайсели, он о чем-то умолял ее, а она откинулась на спинку кресла и ничего не отвечала.

Как раз в эту минуту обильный поток слов иссяк: то ли высказавшись до конца, то ли по какой-нибудь другой причине, но молодой человек перешел к иному, более действенному способу наступления. Вдруг, соскользнув со стула, он опустился на колени, взял руку Сайсели и, не встретив сопротивления, поцеловал ее

несколько раз; затем вдохновленный успехом, раньше чем сэр Джон, задыхавшийся от негодования, смог найти слова, чтобы остановить его, он обнял девушку своими длинными руками, прижал к себе и стал целовать ее алые губы, как прежде целовал руки.

Эта дерзость, казалось, разрушила сковывающие ее чары, так как, оттолкнув назад кресло и высвободившись из его объятий, она поднялась и сказала дрогнувшим голосом:

— О! Кристофер, дорогой Кристофер, так ведь нельзя!

— Может быть,— ответил он.— Раз вы меня любите, мне все остальное безразлично.

— Уже два года, как вы знаете это, Кристофер. Да, я люблю вас, но — увы! — мой отец не согласен. Теперь уходите, пока он не вернулся, или нам обоим придется поплатиться за это, а меня, быть может, отправят в монастырь, куда ни один мужчина не может проникнуть.

— Нет, моя голубка. Я пришел сюда, чтобы просить его согласия.

Тогда наконец сэр Джон не выдержал.

— Просить моего согласия, бесчестный мошенник! — проревел он из темноты; при этом Сайсели упала обратно в кресло почти в обмороке, а дюжий Кристофер зашатался, словно пронзенный стрелой. — Сначала обнимаешь мою дочь у меня на глазах, а потом, позволив себе такую дерзость, просишь моего согласия! — И он бросился к ним, как бык, готовый к нападению.

Сайсели поднялась, стремясь убежать, но, увидев, что бегство невозможно, бросилась в объятия своего возлюбленного. Взбешенный отец, надеясь вырвать девушку из объятий молодого человека, схватил первое, что попало ему под руку — одну из ее длинных каштановых кос, — и изо всех сил стал тянуть ее, пока Сайсели не закричала от боли. При звуке ее голоса Кристофер тоже вышел из себя.

— Оставьте в покое девушку, сэр,— сказал он тихо и зловеще,— или, да простит мне господь, я заставлю вас сделать это!

— Оставить девушку в покое? — задохнулся сэр Джон.— А кто держит ее крепче — ты или я? Это ты должен отпустить ее.

Кристофер обнял девушку и прижал ее к себе.

— Да, да, Кристофер,— прошептала она,— а то вы меня разорвете пополам.

Он повиновался и посадил ее в кресло, хотя отец все еще не отпускал каштановой косы.

— Теперь, сэр Кристофер,— сказал он,— я уж проткну тебя своим мечом.

— И пронзите сердце вашей дочери вместе с моим. Что ж, пусть будет по-вашему, а когда мы умрем и вы лишитесь детей, слезы сведут вас в могилу.

— О! Отец, отец! — воскликнула Сайсели, зная характер старика и опасавшаяся самого худшего. — Во имя справедливости и милосердия, выслушайте меня. Мое сердце принадлежит Кристоферу и принадлежало с самого детства. С ним я буду счастлива, без него будет только мрак и отчаяние, и он клянется в том же. Зачем вам разлучать нас? Разве он не подходит мне, плох его род или запятнано имя? До недавних пор разве он не пользовался вашим расположением и вы не разрешали нам быть все время вместе? А теперь слишком поздно отказывать ему. О! Почему, почему?

— Ты знаешь достаточно хорошо почему, дочь! Потому что я выбрал тебе другого мужа. Лорду Деспарду понравилось твое детское личико, и он хочет жениться на тебе. Не далее как сегодня утром мы ударили по рукам.

— Лорд Деспард? — вырвалось у Сайсели. — Но он только в прошлом месяце похоронил свою вторую жену! Отец, он вашего возраста, пьяница, и его внуки почти ровесники мне. Я покорна вам во всем, но никогда он не возьмет меня живой.

— И сам не останется в живых, если попробует взять вас, — пробормотал Кристофер.

— Какое значение имеет его возраст, дочь? Он очень крепкий человек, у него нет сына, а если он у него родится, то будет самым богатым наследником наших трех графств. Главное же — мне нужна его дружба, потому что у меня есть заклятые враги. Но довольно. Уходи, Кристофер, пока с тобой не случилось ничего плохого.

— Пусть будет так, сэр, я пойду; но прежде, как честный человек, как друг моего отца и, как я всегда думал, мой друг, ответьте мне на один вопрос. Почему вы с некоторых пор изменили отношение ко мне? Разве я не тот самый Кристофер Харфлит, что и год или два назад?

И разве я что-нибудь сделал унижающее меня в ваших глазах или в глазах общества?

— Нет, парень,—прямодушно ответил старый рыцарь,—но раз ты хочешь знать, слушай. Год или два назад твой дядя, чьим наследником ты был, женился, родил сына, и теперь ты только джентльмен с хорошим именем, не имеющий средств достойно поддерживать его. Твой большой дом будет продан с торгов, Кристофер. И ты никогда не введешь в него свою жену.

— Ах! Я так и думал. Кристофер Харфлит — наследник земель Лесборо — один человек; Кристофер Харфлит без этих земель — в ваших глазах другой человек. Однако, сэр, вы плохо рассчитали. Я люблю вашу дочь, и она любит меня, а земли Лесборо, и не только они, еще могут ко мне вернуться, да и я не так глуп, чтобы не добыть себе других. В скором времени очень много земель отойдет к короне, а при дворе меня знают. Кроме того, я должен сказать вам: я уверен, что женюсь на Сайсели раньше, чем вы думаете, но я бы хотел получить вместе с ней ваше благословение.

— Что! Неужели ты хочешь похитить девочку? — яростно спросил сэр Джон.

— Ни в коем случае, сэр. Но мы живем в такое время, когда ежечасно тот, кто был вверху, оказывается внизу, и наоборот, так что, надеюсь, я все-таки женюсь на ней. Во всяком случае, я уверен,—пьяница Деспард никогда ее не получит, ибо раньше я убью его, если даже меня за это повесят. Сэр, сэр, не бросите же вы вашу жемчужину в эту навозную кучу! Лучше раздавить ее сразу каблуком. Посмотрите на нее и скажите, что вы не в силах это сделать! — И он указал на трогательную фигурку Сайсели, которая стояла около них, сжав руки, прерывисто дыша, с выражением муки на лице.

Старый рыцарь взглянул на нее искоса уголком глаза и почувствовал жалость, так как в глубине души был порядочным человеком; хотя он обращался с дочерью грубо, как это было в обычае той эпохи, но любил ее больше всего на свете.

— Как ты смеешь говорить мне о долге по отношению к моей плоти и крови? — пробурчал он. Затем, немного подумав, добавил: — Выслушай же меня, Кристофер Харфлит. Завтра на рассвете я еду в Лондон с Джеффри Стоуксом по одному рискованному делу.

— По какому делу, сэр?

— Если хочешь знать — по поводу ссоры с этим испанским негодяем аббатом, который притязает на лучшую часть моих земель и много чего нашептал этому выскочке, главному викарию Кромгуэлу. Я еду, чтобы рассказать о тех его делах, которые Кромгуэл не знает, и постараюсь доказать, что он лжец и предатель. Скажи, будет ли мой дом избавлен от твоих посещений в мое отсутствие? Дай мне слово, и я поверю тебе, так как ты все же честный джентльмен, и если ты незаконно сорвал один или два поцелуя, то это можно простить. Еще до твоего рождения люди делали то же самое. Дай мне слово, или мне придется тащить эту девчонку за собой в Лондон через все снежные заносы.

— Я даю вам его, сэр, — ответил Кристофер. — Если ей понадобится мое общество, то для этого ей придется приехать в Крангуэл Тауэрс, так как я не буду надоедать ей в ваше отсутствие.

— Хорошо. Тогда одолжение за одолжение. Я не буду отвечать на письмо лорда Деспарда, пока не вернусь обратно, — не для того, чтобы доставить тебе удовольствие, а потому что я терпеть не могу писать. Это для меня труд, и я не могу тратить на него времени сегодня вечером. А теперь выпей кубок вина и уходи. Любовь — работа, вызывающая жажду.

— Охотно, сэр; но послушайте меня, послушайте. Не ездите в Лондон почти без спутников после ссоры с аббатом Мэлдоном. Разрешите мне охранять вас. Хотя мое имущество невелико, я все-таки могу взять человека или двух, даже, быть может, человек шесть — восемь, пока ваши разъехались.

— Ни за что, Кристофер. Я сам охранял свою голову все шестьдесят лет, смогу сохранить ее и сейчас. Кроме того, — добавил он, внезапно как бы охваченный предчувствием, — как ты сказал, путешествие опасно, и кто знает?.. Если что-нибудь случится, может быть, ты будешь тут гораздо нужнее. Кристофер, ты никогда не получишь мою дочь, она не для тебя. Однако возможно, возникнет необходимость заступиться за нее даже ценой отлучения от церкви. Уходи отсюда, девушка! Что ты стоишь здесь и глазеешь на нас, как сова при солнечном свете? И запомни, что, если я еще раз поймаю тебя за подобными штучками, ты будешь проводить свои дни

в монастыре, шепча молитвы, что принесет тебе немалую пользу.

— По крайней мере, я найду там покой и ласку,— ответила Сайсели с чувством, так как она знала своего отца и ее самые худшие опасения исчезли.— Только, сэр, я не знала, что вы хотите увеличить богатство блосхолмских аббатов.

— Увеличить их богатство! — заревел ее отец.— Нет, я повешу их всех. Иди в свою комнату и пришли Джеффри с водкой.

Сайсели не оставалось ничего другого, как сделать реверанс сначала отцу, потом Кристоферу, которому она взглядом сказала то, чего не смели произнести губы, потом исчезла в темноте, и только слышно было, как она ударилась о какую-то мебель.

— Посвети девочке, Кристофер,— сказал сэр Джон, который смотрел в огонь, погружившись в свои мысли.

Схватив одну из двух свечей, Кристофер бросился за Сайсели, как гончая за кроликом, и вскоре они оба вышли в дверь и пошли по начинавшемуся за ней длинному коридору. На повороте они остановились, и еще раз он безмолвно обнял ее своими длинными руками.

— Вы не забудете меня, даже если нам придется расстаться? — всхлипывала Сайсели.

— Нет, голубка,— ответил он.— Мы расстанемся ненадолго, так как господь отдал нас друг другу. Ваш отец не думает того, что говорит, а сегодня он расстроен, но потом смягчится. Если же нет, мы сами подумаем о самих себе. У меня есть одна-две быстрых лошади. Смогли бы вы поехать на одной из них, если понадобится?

— Я всегда любила ездить верхом,— ответила она многозначительно.

— Хорошо. Тогда вы никогда не попадете в хлев к этой свинье, так как сперва я ее заколю. У меня есть друзья и в Шотландии и во Франции. Что вы предпочитаете?

— Говорят, что воздух во Франции мягче. Теперь уходите от меня, а то он пойдет искать нас.

И они оторвались друг от друга.

— Вашей кормилице Эмлин можно доверять,— быстро сказал он.— И она очень любит меня. Если будет нужно, дайте мне знать о себе через нее.

— Ах,— ответила она,— непременно.— И ускользнула от него как призрак.

— Ты ждал восхода луны? — спросил сэр Джон, взглянув из-под мохнатых бровей на Кристофера, когда он вернулся.

— Нет, сэр, но коридоры в вашем старом доме удивительно длинные, и я повернул не в ту сторону, проходя по ним.

— О! — сказал сэр Джон.— У тебя изумительная способность поворачивать не в ту сторону; впрочем, расставаться, конечно, не легко. Теперь ты понимаешь, что вы виделись в последний раз?

— Я понимаю, что вы это говорите, сэр.

— Надеюсь, что я могу и думать так. Послушай, Кристофер,— добавил он строго, но ласково,— поверь мне, ты мне нравишься, и я бы не стал огорчать ни тебя, ни девушку, если бы мог. Но у меня нет выбора. Мне угрожают со всех сторон и священник и король, а ты потерял свое наследство. Она единственное сокровище, которое я могу дать в залог; и ради ее собственного блага и ради ее будущих детей она должна как следует выйти замуж. Этот Деспард долго не протянет, он слишком много пьет; тогда, быть может, придет твой день, если ты все еще будешь равнодушен к его наследству. Случится это года через два, а то и меньше, она скоро проводит его в другой мир. А теперь не будем больше говорить об этом, но если что-нибудь случится со мной, будь ей другом. Вот и водка — выпей и уходи. Пусть тебе кажется, что я суров с тобой, я все же надеюсь, ты осушишь в Шефтоне еще не один кубок.

Было семь часов утра следующего дня, когда сэр Джон, позавтракав, опоясывался мечом, так как Джеффри уже пошел за лошадьми; дверь в большой зал отворилась, и вошла его дочь со свечой в руках, закутанная в меховой плащ, поверх которого ниспадали ее длинные волосы. Взглянув на нее, сэр Джон заметил в ее широко открытых глазах ужас.

— Что с тобой, девочка? — спросил он.— Ты умрешь от простуды на сквозняке.

— О отец! — воскликнула она, целуя его.— Я пришла проститься с вами и... и просить вас не ехать.

— Не ехать? Но почему?

— Потому что, отец, я видела плохой сон.

— Я не боюсь снов, все эти глупости от плохого пищеварения.

— Может быть, отец, но вы должны остаться дома и послать кого-нибудь другого по этому делу. Например, сэра Кристофера.

— Зачем мне бояться твоего сна, правдив ли он или ложен? Если он правдив, то ничего не поделаешь, он должен исполниться; если ложен, с какой стати придавать ему значение? Сайсели, я простой человек и не обращаю внимания на такие фантазии. Но у меня есть враги, и вполне возможно, что мой час настал. Если так, то полагайся на свой здравый смысл, дочка, остерегайся Мэлдона; будь осторожна, спрячь драгоценности твоей матери. — И он повернулся, чтобы уйти.

Она схватила его за руку.

— Отец, что я должна делать, если с вами что-нибудь случится? — пылко спросила она.

Он остановился и смерил ее взором от головы до пят.

— Я вижу, что ты веришь в свой сон, — сказал он. — И хотя это и не остановит Фотрела, я начинаю верить в него тоже. Если это случится, у тебя будет возлюбленный, которому я отказал. Он и мне по сердцу и будет крепко бороться за тебя. Если я умру, моя игра кончена. Тогда начинай свою с начала, милая Сайсели, и начни ее скорее, прежде чем аббат станет тебя преследовать. Хоть я был и груб, не поминай меня лихом, и пусть будет с тобой божие и мое благословение. А вот и Джеффри зовет; если лошади будут стоять, они промерзнут. Ну, прощай. Не бойся за меня, у меня надета под плащом кольчуга. Ложись опять в постель и согрейся. — Он поцеловал ее в лоб, отстранил от себя и ушел.

Так Сайсели и рассталась с отцом навсегда.

Весь этот день сэр Джон и его слуга Джеффри скакали вперед по снегу. Но иногда они были вынуждены идти пешком по глубоким сугробам. Они ехали лесной тропой и хотели добраться до одной фермы в прогалине среди лесов за два часа до заката, переночевать в ней и на рассвете направиться в Фенс и Кембридж. Это, однако, оказалось невозможным: дорога была уж очень

плоха. И получилось так, что немногим ранее пяти часов, когда темнота сомкнулась над ними, принеся с собой холод, и стонущий ветер, и неожиданный снегопад, они были вынуждены укрыться в хижине лесничего, построенной из прутьев, и дожидаться, пока луна не выйдет из-за облаков. Там они накормили лошадей захваченным с собой зерном, поели сами сухого мяса и ячменных лепешек, запас которых нес Джефри в сумке на плече. Трапеза была убогая, в полной темноте, но она помогла хоть немного утолить голод и провести время.

Наконец луч света проник через дверь в хижину.

— Луна взошла,— сказал сэр Джон.— Поедем, пока лошади не замерзли.

Ничего не ответив, Джефри взнуздal лошадей и вывел их из хижины. В это время появилась полная луна, как огромный белый глаз между двумя черными грядками облаков, и покрыла серебром весь мир. Она осветила печальную картину; сверкающая равнина снега, местами поросшая кустарником боярышника, и то тут, то там мрачные очертания подстриженных дубов; это была опушка леса, и люди приходили сюда обрубать верхушки деревьев для топлива.

На расстоянии примерно ста пятидесяти ярдов¹, на гребне склона возвышался округлой формы холм, созданный не природой, а рукой человека. Никто точно не знал, но существовало предание, что однажды, сотни или тысячи лет назад, здесь произошла великая битва, в которой был убит король, и его победоносная армия, чтобы увековечить его память, насыпала над его останками этот холм.

В этой легенде говорилось, что это был морской король, поэтому для него построили или принесли сюда с берега реки лодку со всеми приспособлениями для гребли и усадили его в нее; также говорили, что по ночам можно видеть, как он в доспехах верхом на лошади объезжает окрестности, будто все еще руководит битвой. Во всяком случае холм назывался Королевским курганом, и люди боялись проходить мимо него после захода солнца.

Держа стремя своего хозяина, чтобы помочь ему сесть на лошадь, Джефри Стоукс вдруг вскрикнул и ука-

¹ Яр д — английская мера длины, равная 91 см.

зал на что-то. Взглянув по направлению его вытянутой руки, сэр Джон в ясном лунном свете увидел всадника, неподвижного, как статуя, на самой вершине Королевского кургана. Казалось, он был закутан в длинный плащ, но его шлем сверкал на голове, как серебро. В следующую минуту край черной тучи скрыл диск луны, и, когда туча прошла, человека на лошади уже не было.

— Что этот парень там делал? — спросил сэр Джон.

— Парень? — дрожащим голосом ответил Джефри. — Я не видел никакого парня. Это был могильный призрак. Мой дедушка, вероятно, встретил его, потому что погиб в лесу неизвестно какой смертью; волки, которых было очень много в те дни, обглодали дочиста его кости; за сотни лет его встречали и многие другие и всегда как раз перед смертью. Плохой вестник — этот могильный призрак, и тот, кому он попался на глаза, поступит мудро, если повернет своих лошадей к дому; я бы тоже так сделал сегодня вечером, если бы мог поступать по-своему, хозяин.

— Какой в этом смысл, Джефри? Если он предрекает смерть, пусть придет смерть. Да я и не верю этим сказкам. Твое привидение просто лесной сторож или пастух.

— Лесной сторож или пастух не слоняются в метель в стальном шлеме на прекрасной лошади, когда нет скота для охраны и нельзя рубить деревья. Думайте, как хотите, хозяин, только упаси меня боже от таких сторожей и пастухов. Они, я полагаю, вестники ада.

— Значит, это был шпион, следивший за тем, куда мы едем, — ответил сердито сэр Джон.

— Если так, то кто послал его? Блосхолмский аббат? В таком случае я бы лучше предпочел встретить дьявола, потому что с аббатом беды-то уж наверно не миновать. Я думаю, что нам лучше вернуться в Шефтон.

— Если тебе страшно, ты так и сделай, Джефри, а я ради честного дела не побоюсь ни сатаны, ни аббата и поеду дальше один.

— Нет, хозяин. Много лет назад, когда мы были моложе, я сражался около вас на Флодденском поле, и сэр Эдуард, отец Кристофера Харфлита, был убит рядом с нами, а голоштаные рыжебородые шотландцы крепко на нас нажимали, однако мне ни разу не захотелось удрать, даже когда детина с топором свалил вас и мы думали, что все погибло. Так зачем мне удирать сейчас?

Хотя, по правде сказать, я боюсь этой нечисти больше, чем всех горцев по ту сторону Твида¹. Едем; человек умирает только раз, и не все ли равно, когда это случится, потому что мне нечего терять в этом паршивом мире.

И так, без лишних слов, они отправились дальше, все время оглядываясь по сторонам. Вскоре лес стал гуще, и дорога, по которой они ехали, вилась то между огромными стволами первобытных дубов, то по краям болот, то сквозь колючий кустарник. Иногда дорогу очень трудно было различить, так как снег засыпал ее и под дубами было очень темно. Но Джефри родился в лесах и с детства различал по виду каждое дерево в тех местах, поэтому они благополучно ехали по правильной дороге. Но лучше было бы им никуда не ехать!

Когда они достигли перекрестка, где три других дороги пересекали их путь, Джефри Стоукс, ехавший впереди, поднял руку.

— Что такое? — спросил сэр Джон.

— Следы десятка или доброй дюжины подкованных лошадей, проехавших часа через два после того, как снег выпал в последний раз. Интересно — кто бы это мог быть?

— Должно быть, путешественники, как и мы. Едем дальше, парень; до фермы осталось не больше мили.

Но Джефри Стоукс возразил:

— Хозяин, не нравится мне все это. Здесь скакали воины, а не странствующие торговцы или фермеры, и мне думается... мне думается, я узнаю их следы. Я говорю вам, нам лучше повернуть, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку.

— Поворачивай тогда ты, — равнодушно пробурчал сэр Джон. — Я замерз, устал и хочу покоя.

— Молите господя, чтобы вы не нашли его навсегда, — пробормотал Джефри, прищипорив лошадь.

Они поехали дальше сквозь мертвую зимнюю тишину, прерывавшуюся лишь криками голодной совы, ищущей и не находящей пищи, или шорохом лисьих шагов, когда лиса, петляя, пробиралась по снегу мимо них.

Наконец они выехали на окаймленную лесом и такую сырую поляну, что только болотные деревья могли там расти. Направо от них была небольшая, покрытая льдом

¹ Твид — река в Шотландии.

заводь, с высохшим коричневым тростником, торчавшим тут и там на ее поверхности, а на противоположной стороне заводи росла группа совершенно обстриженных ив; их верхушки были срублены для столбов жителями расположенной недалеко отсюда лесной фермы. Усталая лошадь понюхала воздух и заржала, и в ответ ей совсем близко тоже послышалось ржание.

— Слава богу! Мы находимся ближе к ферме, чем я думал,— сказал сэр Джон.

Когда он произнес эти слова, из-за колючего кустарника, служившего укрытием, появилось несколько человек, мчавшихся на них галопом, и лунный свет осветил обнаженные клинки в их руках.

— Воры! — закричал сэр Джон. — А ну-ка на них, Джефри, и побьемся к ферме.

Слуга помедлил; он видел, что врагов было много и они не были просто грабителями, но его хозяин вытащил свой меч, прищипорил лошадь, и Джефри должен был последовать его примеру. Через двадцать секунд они уже были среди них, и кто-то предложил им сдаться. Сэр Джон бросился на этого парня и, поднявшись на стременах, ударил его. Тот мешком свалился на землю и теперь неподвижно лежал на снегу, окрасившемся алым цветом вокруг него. Один из всадников напал на Джефри, но тот повернул свою лошадь, и удар просвистел мимо, а затем Джефри острием меча отшвырнул его так, что всадник тоже упал и, чуть вздрагивая, остался лежать на снегу. Остальные, решив, что встреча была чересчур горячей, круто повернули и опять исчезли среди колючего кустарника.

— Теперь едем к ферме,— сказал Джефри.

— Не могу,— ответил сэр Джон. — Один из этих мошенников ранил мою кобылу. — И он указал на кровь, бежавшую из глубокой раны в передней ноге лошади, которую она поднимала с жалобным видом.

— Возьмите мою,— сказал Джефри. — Я ускользну от них и пешком.

— Ни за что! К ивам! Мы будем защищаться там. — И, прыгнув на землю, он побежал под прикрытия деревьев, а следом за ним верхом ехал Джефри.

Раненая лошадь попыталась, прихрамывая, последовать за ними, но не смогла, так как у нее были разорваны сухожилия.

— Кто эти негодяи? — спросил сэр Джон.

— Оруженосцы аббата, — ответил Джефри. — Я видел лицо того, которого я заколол.

Лицо сэра Джона омрачилось.

— Тогда нам конец, друг; они не посмеют нас выпустить.

В то время как он говорил, около них просвистела стрела.

— Джефри, — продолжал он, — у меня с собой есть документы; их нельзя потерять, с ними будет потеряно наследство моей девочки. Возьми их. — И он сунул пакет ему в руки. — И этот кошелек тоже. В нем порядочно денег. Беги отсюда куда угодно и на время спрячься в какомнибудь потайном убежище. Не то они заставят

тебя молчать. А потом, я поручаю это твоей совести, вернись с подмогой и повесь этого мошенника-аббата — ради твоей хозяйки, Джеффри. Она и господь вознаградят тебя за это.

Слуга сунул кошелёк и бумаги в какой-то глубокий карман.

— Как я могу оставить вас, когда вам грозит смерть? — пробормотал он, скрипя зубами.

Не успели эти слова слететь с его губ, как он услышал, что в горле хозяина что-то заклокотало, и увидел стрелу, выпущенную откуда-то сзади и пронзившую ему горло. Опытный воин, он сразу понял, что рана была смертельна. Тогда он больше не колебался.

— Христос да успокоит вас! — сказал он. —

Я выполню ваше приказание или умру.— И, повернув лошадь, он вонзил в нее шпоры, и та помчалась быстрее оленя.

Несколько мгновений сэра Джон наблюдал за тем, как он удалялся. Потом он выбежал из-за прикрытия, потрясая мечом над головой,— выбежал на открытое место, освещенное лунным светом, чтобы привлечь стрелы на себя. И они быстро посыпались на него, но прежде чем он упал — ибо его кольчуга была достаточно крепкой,— Джефри, припав к шее лошади, был уже в безопасности. Хотя убийцы упорно преследовали его, им не удалось его поймать.

Они искали его несколько дней, но не обнаружили его ни в Шефтоне, ни в каком-либо другом месте. Джефри хорошо знал, что все дороги оцеплены, поэтому, не смея пробраться к дому, скакал, как заяц, пока не добрался до моря; там стоял корабль, направляющийся в чужие страны, и на рассвете Джефри был уже в открытом море.

ГЛАВА III

Свадьба

На следующий день после гибели сэра Джона Сайсели Фотрел около полудня завтракала в Шефтон Холле. Она едва притронулась к грубой зимней пище, так как на душе у нее было беспокойно. Ее разлучили с любимым человеком, потому что он был накануне разорения, а ее отец отправился в путешествие, и она скорее догадывалась, чем знала, что оно было очень опасным. Молодая девушка, без друзей поблизости, в большом старом зале чувствовала себя покинутой. Сидя в этой огромной комнате, она вспоминала, до какой степени все было иным в дни ее детства, пока какая-то заразная болезнь, название и происхождение которой было ей не известно, не унесла ее мать, двух братьев и сестру — всех в одну неделю, не тронув только ее. Тогда в доме звучали веселые голоса, а теперь воцарилась тишина; и она одна, с нею только ее спаниель¹.

Кроме того, большая часть челяди уехала на повоз-

¹ С п а н и е л ь — порода длинношерстных охотничьих собак.

ках, нагруженных годовым запасом остриженной шерсти, которую отец берег до того момента, когда цены на нее вздорожали. И по такому глубокому снегу они вернутся назад не раньше чем через неделю, а то и позже.

О! Тревога, как зимние облака, давила ее сердце, и она, хотя была молода и красива, почти жалела о том, что не умерла тогда вместе со своими братьями и не обрела наконец покой.

Чтобы подбодрить себя, она отпила из кубка пряного эля, поставленного около нее слугой и накрытого салфеткой, и была рада, что он согрел и немного успокоил ее. Как раз в эту минуту отворилась дверь и вошла ее кормилица, миссис Стоуэр. Она была красавицей в расцвете лет; ее мужа и ребенка унесла лихорадка, когда ей не было еще и девятнадцати, после чего ее привезли в Холл, чтобы нянчить Сайсели, ибо мать девочки была очень больна после родов. Эмлин была высокой и смуглой, свои черные сверкающие глаза она унаследовала от отца, испанца благородного происхождения; ходили слухи, что в жилах ее матери текла цыганская кровь.

Во всем мире Эмлин Стоуэр любила только двоих людей: свою воспитанницу Сайсели да одного друга детства, некоего Томаса Болла, теперь брата-мирянина¹, скотника при аббатстве. Рассказывали, что в ранней юности он ухаживал за ней и она не противилась этому, но, когда трагически погибли ее родители, она, повинаясь воле опекуна, бывшего блосхолмского настоятеля, вышла замуж против своего желания; Томас же облекся в одежды брата-мирянина, так как был йоменом² из хорошей семьи, хотя и малообразованным.

Сайсели почувствовала в поведении кормилицы нечто странное, предвещавшее беду. Та остановилась около двери, повертела задвижку, чего никогда раньше не делала, потом повернулась и, выпрямившись, встала прямо против Сайсели, как картина в раме.

— Что случилось, няня? — спросила Сайсели дрожащим голосом. — Судя по твоему виду, у тебя есть новости.

Эмлин Стоуэр прошла вперед, оперлась рукой о дубовый стол и ответила:

¹ Б р а т - м и р я н и н — светское лицо, находящееся на службе в монастыре.

² Й о м е н ы — средние и зажиточные крестьяне в Англии в XIV—XVIII веках.

— Вести недобрые, если это правда. Будь готова, моя голубка!

— Скорее, Эмлин,— тяжело дыша спросила Сайсели.— Кто погиб? Кристофер?

Эмлин покачала головой, и Сайсели с облегчением вздохнула, добавив:

— Тогда кто же?

— Ах, дорогая, ты теперь сирота.

Голова девушки склонилась на грудь. Потом она подняла ее и спросила:

— Кто сказал тебе? Скажи мне всю правду, или я умру.

— Мой друг, имеющий связь с аббатством; не спрашивай его имени.

— Я его знаю, Эмлин. Томас Болл,— прошептала в ответ Сайсели.

— Мой друг,— повторила высокая смуглая женщина,— рассказал мне, что сэр Джон Фотрел, наш господин, был убит бандой вооруженных людей и он сам убил двоих.

— Из аббатства? — спросила Сайсели так же шепотом.

— Кто знает? Я думаю, ими. Говорят, что стрела в его горле была как раз такой, какие они там делают. Джеффри Стоукса преследовали, но он спасся бегством на каком-то тотчас же отплывшем корабле.

— Смерть ему за это, трусу! — воскликнула Сайсели.

— Не вини его пока. Он встретил другого моего друга и просил передать: он уехал, повинувшись последней воле своего хозяина; он слишком много видел, и для него бродить в окрестностях значило идти на верную смерть; но если он будет жив, то вернется с документами из-за моря, когда наступят лучшие времена. Он просит, чтобы вы в нем не сомневались.

— Документы? Какие документы, Эмлин?

Та пожала плечами.

— Откуда мне знать? Наверное, те, которые ваш отец повез с собой в Лондон и боялся потерять. Несгораемый ящик в его комнате открыт.

Теперь бедная Сайсели вспомнила, что ее отец говорил о каких-то документах, которые он собирался взять с собой, и начала плакать.

— Не плачь, дорогая,— сказала ее кормилица, глядя своей сильной рукой каштановые волосы Сайсели.— Так суждено богом, и с этим покончено. Теперь ты должна позаботиться о себе. Твоего отца нет, но кое-кто у тебя остался.

Сайсели подняла заплаканное лицо.

— Да, у меня есть ты,— сказала она.

— Я! — ответила Эмлин с беглой улыбкой.— Нет, какая от меня польза? Прошли те дни, когда тебе нужна была нянька. Ты мне что-то говорила о своем разговоре с отцом перед его отъездом, что-то насчет сэра Кристофера? Молчи! На разговоры нет времени; ты должна ехать в Крануэл Тауэрс.

— Зачем? — спросила Сайсели.— Он не может вернуть моего отца к жизни, и, право, показалось бы странным, что в такое время я посещаю мужчину в его собственном доме. Пошли к нему с этими вестями. Я останусь, чтобы похоронить моего отца и,— добавила она гордо,— чтобы отомстить за него.

— Если так, голубка, ты останешься здесь, пока тебя тоже не похоронят в том же самом монастыре. Слушай! Я еще тебе не рассказала всех новостей. Аббат Мэлдон претендует на земли Блосхолма на основании какого-то хитрого закона. Из-за этого твой отец поссорился с аббатом в тот вечер. Вместе с землями ты попадаешь под его опеку, как когда-то я была отдана под власть этого монастыря. До захода солнца сюда со своими оруженосцами придет аббат, чтобы забрать все, а тебя для безопасности посадить в монастырь, где твоим мужем станет святая церковь.

— Господи боже мой! Неужели это так? — сказала Сайсели, вскакивая.— А большинство наших людей уехало! Я не смогу защитить дом от этого иноземного аббата, а осиротевшая наследница может продать только движимое имущество! О! Теперь я понимаю, что хотел сказать мой отец. Прикажи готовить лошадей. Я поеду к Кристоферу. Однако постой, няня. Что ему со мной делать? Это может показаться ему бесстыдным и оскорбить его.

— Думаю, что он женится на тебе. Думаю, что сегодня ночью ты будешь его женой. Если же он не захочет, я узнаю почему,— гневно добавила она.

— Женой! Вечером! — воскликнула девушка, покрас-

нев до корней волос.— А отец только что умер! Как это можно?

— Мы поговорим об этом с Харфлитом. Может быть, он, как и ты, захочет подождать и попросить оглашения в церкви или изложит дело перед лондонским юристом. Но я приказала приготовить лошадей и послала одну записку аббату с уведомлением, что ты приедешь узнать об участии отца, поэтому он не тронется с места до вечера; и другую в Крануэл Тауэрс, чтобы мы смогли найти там кров и пищу. А теперь живо бери твой плащ и капюшон. Драгоценности в шкатулке у меня, потому что Мэлдон добивается их больше, чем даже ваших земель, и с ними все деньги, какие я нашла. Кроме того, я велела швее уложить кое-какие платья. Аббат голоден и скоро зашевелится. У нас нет времени для разговоров.

Через три часа при красном зареве заката Кристофер Харфлит, стоявший у дверей, увидел, что к нему по снегу едут верхом две женщины. Он узнал их еще тогда, когда они были довольно далеко.

— Значит, это правда,— сказал он отцу Роджеру Нектону, старому священнику Крануэла, вызванному им из прихода.— Я думал, что этот дурак посыльный был пьян. Что же могло случиться, святой отец?

— Думаю, что сэр Джон погиб, сын мой, потому что, наверное, ничто иное не привело бы сюда леди Сайсели без свиты, с одной только служанкой. Весь вопрос в том — что произойдет дальше? — И он искоса взглянул на него.

— Я-то знаю что, если бы все исполнилось по моему желанию,— ответил Кристофер с веселым смехом.— Скажите, отец, если бы вышло так, что эта леди захотела бы этого, смогли бы вы нас обвенчать?

— Без сомнения, сын мой, с согласия родителей.— И снова он взглянул на него.

— А если бы не было родителей?

— Тогда с согласия опекуна, так как невеста несовершеннолетняя.

— А если бы опекун не был объявлен или признан?

— Тогда такой брак, совершенный должным порядком, как всякое церковное таинство, будет нерушим, пока не велит судьба и пока папа его не отменит. Но ты

знаешь, в этой стране-папу не любят именно из-за брачного вопроса¹. Разреши мне объяснить тебе закон, церковный и гражданский...

Но Кристофер уже бежал к воротам, и наставление старого проповедника осталось недосказанным...

Они встретились в снежной метели; Эмлин Стоуэр поехала вперед, оставив их наедине.

— Что случилось, дорогая? — спросил он. — Что случилось?

— О Кристофер! — ответила Сайсели, всхлипывая. — Мой бедный отец умер — убит, по словам Эмлин.

— Убит! Кем?

— Воинами блосхолмского аббата, сказала мне Эмлин. Там, в лесу, вчера ночью. И по словам той же Эмлин, аббат собирается приехать в Шефтон, чтобы взять меня под опеку и заточить в монастырь. И потому, хоть и странно поступать так, но, оставшись беззащитной, я убежала к вам, — мне так велела Эмлин.

— Мудрая женщина эта Эмлин, — прервал Кристофер. — Я всегда ценил ее советы. Но неужели вы приехали ко мне только потому, что так велела Эмлин?

— Не только поэтому, Кристофер. Я приехала от отчаяния: лучше быть с другом, чем одной. Куда еще я могла бы поехать? Кроме того, мой бедный отец, хотя и был очень сердит на вас, велел мне — это были его последние слова, — если возникнет необходимость, просить вашей помощи и... о! Кристофер, я приехала, потому что вы клялись любить меня — я верила этому. Если бы я попала в монастырь, мать Матильда, настоятельница, хоть она добра и друг мне, может быть, и не выпустила бы меня оттуда, ведь ее начальник — аббат, а он-то мне не друг. Он хочет отнять наши земли и знаменитые драгоценности. Эмлин захватила их с собой.

За это время они переехали ров и очутились у крыльца дома, и поэтому, не ответив, Кристофер, нежно снимая ее с седла, крепко прижал к груди; это, ему казалось, было самым лучшим ответом.

Подошел грум, чтобы увести лошадей: он притронулся в знак приветствия к шапке и с любопытством посмотрел на них, а Сайсели, опершись на плечо своего возлюбленного, прошла сквозь сводчатую дверь Крануэл

¹ ...из-за брачного вопроса. — См. примечание к стр. 16 («если бы король не поссорился с папой»).

Тоуэrsa и попала в зал, где полыхал яркий огонь. Перед камином, грея тонкие руки, стоял отец Нектон и оживленно беседовал с Эмлин Стоуэр. При приближении молодых людей разговор оборвался — очевидно, речь шла о них.

— Госпожа Сайсели, — несколько возбужденно сказал добрый старик, — боюсь, что печальные обстоятельства привели вас сюда. — И он замолчал, не зная, что добавить.

— Да, действительно, — ответила она, — если все, что я слышала, правда. Говорят, что мой отец убит злодеями, но я точно не знаю, за что и кем, и что аббат Блосхолма собирается взять меня под свою опеку и заточить меня в Блосхолмский женский монастырь, а я не хочу туда идти. Я убежала сюда от него, потому что у меня нет другого убежища, хотя вы можете дурно истолковать мой поступок...

— Только не я, дитя мое. Я не буду выступать против аббата, потому что по церковному уставу он выше меня, но, примите во внимание, я ему не присягал в верности, так как этот приход ему не принадлежит, и я не бенедиктинец¹. Все же скажу вам правду. Я считаю этого человека бесчестным. Руки у него загребушие; мало того, он не англичанин, а испанец, которого кто-то подослал сюда вредить нашему королевству, высасывать его богатства, устраивать бунты и доносить обо всем происходящем на пользу врагов Англии.

— Однако у него при дворе есть друзья. Так, по крайней мере, сказал мой отец.

— Да, да, у таких людей всегда бывают друзья — деньги покупают их, хотя, может быть, для него и ему подобных черный день недалек. Да, ваш бедный отец погиб бог знает как, хотя я давно думал, что ему несдобровать, ибо он всегда говорил правду, да и вы с вашим богатством — лакомый кусочек для Мэлдона. А теперь что нам дальше делать? Это тяжелый случай. Хотите ли вы укрыться в каком-нибудь другом монастыре?

— Нет, — ответила Сайсели, искоса взглянув на своего возлюбленного.

— Тогда что же делать?

— О! Я не знаю, — сказала она и разрыдалась. — Что

¹ Бенедиктинцы — монахи старейшего из католических монашеских орденов.

мне сказать вам, когда я в таком смятении и печали? У меня был единственный друг — мой отец, хотя временами он бывал груб. Однако по-своему он любил меня, и я послушалась его последнего совета. — И, потеряв остатки мужества, она опустилась на стул и, схватившись за голову, стала раскачиваться из стороны в сторону.

— Это неправда, — смело сказала Эмлин. — Разве я, вскормившая тебя, не друг тебе и разве отец Нектон не друг, и сэр Кристофер не друг? Уж если все вы потеряли разум, то я его сохранила, и вот мой совет! Там, на расстоянии не далее двух выстрелов из лука, есть церковь, а перед собой я вижу священника и пару, которая сойдет за жениха и невесту. И мы можем найти свидетелей и кубок вина, чтобы выпить за ваше здоровье, а после этого пусть блосхолмский аббат пускается во все тяжкие. Что скажете вы, сэр Кристофер?

— Вы знаете, что я думаю, няня Эмлин; но что скажет Сайсели? О! Сайсели, что скажете вы? — И он наклонился над ней.

Она поднялась, все еще всхлипывая, обхватила его шею руками и положила голову ему на плечо.

— Я думаю, что это воля божья, — прошептала она, — и зачем сопротивляться ей мне — его рабе и вашей, Крис?

— А теперь что скажете вы, святой отец? — спросила Эмлин, указывая на молодых людей.

— Что еще можно сказать? — ответил старый священник, отворачиваясь. — Если вы потрудитесь прийти в церковь минут через десять, то найдете там свечу на алтаре, священника на амвоне и дьячка с открытой книгой. Большого мы не можем сделать за такое короткое время.

Затем он замолк, словно ожидая ответа, но, не услышав возражений, прошел через зал и вышел в дверь.

Эмлин взяла Сайсели под руку, повела ее в отведенную им комнату и там, как могла лучше, подготовила ее к свадебному торжеству. Не было красивого платья, чтобы ее нарядить, да, по правде говоря, и времени, чтобы наряжаться.

Но она причесала ее красивые каштановые волосы и, открыв шкатулку с восточными драгоценностями — великой гордостью Фотрелов, самыми редкостными и древ-

ними в округе, украсила ее ими. Она надела на ее высокий лоб обруч с ниспадающими с него сверкающими бриллиантами, привезенными, как рассказывала легенда, предком ее матери — Карфаксом — из Святой земли¹, где когда-то они были личной собственностью языческой королевы, а на шею ожерелье из больших жемчужин. Для ее груди и пальцев нашлись броши и кольца, а для талии — драгоценный пояс с золотой пряжкой; а в ее уши она вдела две лучшие драгоценности: две большие розовые жемчужины, похожие на цветущий боярышник, когда он начинает вянуть. Наконец, она накинула ей на голову вуаль из диковинно сплетенных кружев и с гордостью отступила назад, чтобы взглянуть на нее.

Теперь Сайсели, все время молчавшая и не сопротивлявшаяся, в первый раз заговорила:

— Как они попали сюда, няня?

— Твоя мать надела их, когда венчалась, и ее мать тоже, так мне говорили. И однажды я уже надевала их на тебя, когда тебя крестили, голубка!

— Может быть; но как ты привезла их сюда?

— Под платьем на груди. Не зная, когда мы снова вернемся домой, я привезла их, думая, что когда-нибудь ты выйдешь замуж и тогда они тебе пригодятся. А теперь, как это ни странно, наступил час свадьбы.

— Эмлин, Эмлин, я уверена, что ты заранее задумала все это, и один бог знает, чем это кончится.

— Потому и бывает начало, дорогая, чтобы в предначертанное время наступил конец.

— О, но каким будет этот конец? Может быть, ты надела на меня саван. По правде говоря, я чувствую себя так, будто рядом со мной смерть.

— Она всегда рядом,—беззаботно ответила Эмлин.— Но пока она не трогает,—какое это имеет значение? Слушай, моя голубка; во мне течет испанская и цыганская кровь, а я верю предчувствиям и скажу тебе кое-что для твоего успокоения. Как бы часто ни протягивала к тебе смерть свою руку, она не тронет тебя долгие, долгие годы, пока ты со временем не станешь почти такой же худой, как и она! О! У тебя будут горести, как и у всех нас, может, хуже, чем у большинства, но ты

¹ Святая земля.— Имеется в виду Палестина.

дитя Счастья, ты выжила, когда все остальные погибли, и ты победишь и поддержишь других, как кит поддерживает морских уток. Поэтому дай, как и я, щелчок смерти,— и она сделала соответствующий жест,— и будь счастлива, пока можешь, а когда будешь несчастна, жди, пока наступят счастливые дни. А теперь иди за мной и, хотя твой отец убит, улыбайся, как должно улыбаться в подобный час, потому что какой мужчина захочет печальную невесту?

Они спустились в зал по широкой дубовой лестнице, где ожидал их Кристофер. Смущенно взглянув на него, Сайсели увидела, что под плащом у него была надета кольчуга и меч был привешен сбоку к поясу; с ним было несколько вооруженных людей. С минуту он не отрываясь, в смятении смотрел на ее сверкающую красоту, потом произнес:

— Не бойся напоминания о войне в час любви.— И он дотронулся до своих блестящих доспехов.— Сайсели, наша свадьба столь же странная, как и счастливая, и кто-нибудь может попытаться помешать ей. Теперь пойдем, моя дорогая леди.— И, низко поклонившись, он взял ее за руку и повел из дома; за ними следовала Эмлин, а вокруг, спереди и сзади,— слуги с факелами.

Был сильный мороз, и снег хрустел под ногами. На западе, на сумрачном небе все еще горели последние красные отблески заката, а над ними, из-за выпуклого края земли, поднималась огромная луна. В саду, среди кустов и на тополях, окаймлявших ров, черные дрозды и дрозды-рябинники пели свою зимнюю вечернюю песню, в то время как вокруг серой башни соседней церкви все еще вились галки.

Эта картина, которую в ту минуту Сайсели, казалось, и не заметила, навсегда запечатлелась в ее памяти: холодные снега, чернильные деревья, тяжелое небо, сверкающий лик луны, дымный свет факелов, подхваченный и отраженный ее драгоценностями и кольчугой жениха, крики зимних птиц, лай собаки вдалеке, чужое крыльцо церкви, приближавшееся с каждым шагом, продолговатые могильные камни, скрывавшие кости сотен людей; в свое время эти люди детьми проходили мимо них, потом женихами и невестами, и, наконец, тут пронесли окоченевшие белые тела тех, кто был раньше мужчинами и женщинами.

Теперь Сайсели и Кристофер оказались в крыле старого храма, где их, словно мечом, ударило холодом. При дымном свете факелов было видно, что, несмотря на короткий промежуток времени, вести об этой удивительной свадьбе распространились в округе, так как повсюду стояли группами, по крайней мере, десятка два людей, а некоторые из них сидели на дубовых скамьях около алтаря.

Все они повернулись и с любопытством смотрели, как жених и невеста прошли к алтарю, где стоял священник в облачении, а так как зрение у священника было неважное, то за ним стоял старый дьячок, высоко державший конюшенный фонарь, чтобы тот мог читать по книге.

Они дошли до резной перегородки и, по знаку священника, встали на колени. Отчетливым голосом он начал службу; вскоре, по вторичному знаку, молодая пара поднялась, подошла к перилам алтаря и снова встала на колени.

Лунный свет, льющийся через западное окно, освещал их обоих, придавая им сходство с холодными белыми мраморными статуями, коленопреклоненными на могильной плите рядом с ними.

В течение всего обряда Сайсели, как зачарованная, смотрела на эти статуи, и ей казалось, что они и Харфлиты, крестоносцы давно прошедших дней, лежавшие совсем рядом, ласково и задумчиво следили за ней. Она дала нужные ответы; кольцо, хотя и слишком узкое, было надето ей на палец (в течение всей последующей жизни это кольцо временами причиняло ей боль, но она ни за что не хотела снять его), а потом кто-то поцеловал ее. Сначала она подумала, что это, должно быть, ее отец, и затем, вспомнив, чуть не заплакала, но услышала, как голос Кристофера называет ее женой, и поняла, что она была обвенчана.

Пока старый дьячок все еще держал фонарь над отцом Роджером, тот записал что-то в маленькой книге с пергаментным переплетом, спросив год ее рождения и полное имя; это показалось ей странным, — ведь он был на ее крестинах. Затем ее муж, пользуясь алтарем вместо стола, расписался в книге не очень-то быстро, так как он был плохой грамотей, и она тоже расписалась в последний раз своей девичьей фамилией; расписался и священник, и по его приказанию расписалась также

и Эмлин Стоуэр, умевшая хорошо писать. Потом, как бы спохватившись, отец Роджер вызвал некоторых прихожан, и они тоже, хотя довольно неохотно, подписались как свидетели. Пока они это делали, он объяснил им, что ввиду особых обстоятельств лучше, чтобы были свидетельские показания, и что он собирается послать экземпляры этой записи разным сановникам и даже самому святому отцу в Рим.

Узнав это, они, казалось, пожалели, что связались с таким делом, и один за другим исчезли в темноте церковного крыла и из памяти Сайсели.

Наконец все было кончено. Отец Нектон дул на маленькую книжку, пока не высохли чернила, потом спрятал ее под платьем. Старый дьячок, положив в карман полученное от Кристофера щедрое вознаграждение, осветил молодым путь через крыло церкви к выходу, затем запер за ними дубовую дверь, погасил свой фонарь и потащился по снегу к трактиру, чтобы там поболтать об этой свадьбе и выпить горячего пива.

В сопровождении факелоносцев Сайсели и Кристофер молча шли рука об руку к Тауэрсу, куда Эмлин, поцеловав невесту, ушла раньше. Добавив к своим бесчисленным летописям еще одну, быть может самую странную из всех церемонию, древняя церковь, оставшаяся позади, погрузилась в такое же безмолвие, как покойники в своих могилах.

Придя в Тауэрс, новобрачные вместе с Эмлин и отцом Роджером уселись за превосходнейший ужин, какой только мог быть приготовлен в столь короткий срок. Это был очень странный свадебный пир. Несмотря на малое число сотрапезников, сердечности хватало, так как старый священник произнес заздравную речь, пересыпанную латинскими словами, которых они не поняли; и все домашние, собравшиеся послушать его, выпили за них по кубку вина. Потом прекрасную невесту, которая то краснела, то бледнела, увели в лучшую комнату, наспех приготовленную для нее. Но Эмлин слегка задержалась, так как ей надо было кое-что сказать новобрачному.

— Сэр Кристофер, — сказала она, — вы очень быстро обвенчались с самой прелестнейшей леди, какую когда-либо освещало солнце или луна, вы можете считать себя счастливым. Однако такие большие радости редко достаются без горестей, и я думаю, горести эти близки.

Найдутся люди, которые позавидуют вашему счастью, сэр Кристофер.

— Но ведь им не изменить случившегося, Эмлин,— ответил он с беспокойством.— Узел, завязанный сегодня вечером, не может быть развязан.

— Никогда,— вставил отец Роджер.— Хотя, может быть, обстоятельства и внезапность этого союза необычны, но таинство совершено перед лицом всего мира с полного согласия обеих сторон и святой церкви. Мало того, еще до рассвета запись об этом я пошлю в регистратуру епископа и еще кое-куда, чтобы в последующие дни его не смогли оспаривать, и дам копии вам и кормилице вашей леди, ее ближайшему другу.

— Этот союз не может быть разорван ни на земле, ни на небе,— торжественно ответила Эмлин,— однако возможно, что его разрубит меч. Сэр Кристофер, я думаю, что правильнее всего как можно скорее уехать отсюда.

— Только, конечно, не сегодня вечером, няня! — воскликнул он.

— Нет, не сегодня вечером,— ответила она с еле заметной улыбкой.— Ваша жена пережила утомительный день, и у нее не хватило бы сил. Кроме того, нужно сделать приготовления, а сейчас это невозможно. Но завтра, если для вас будут открыты дороги, я думаю, мы должны отправиться в Лондон, где она сможет попросить защиты закона, потребовать свое наследство и попросить расследовать смерть отца.

— Это хороший совет,— сказал священник, и Кристофер, не отличавшийся разговорчивостью, кивнул головой.

— Как бы то ни было,— продолжала Эмлин,— у вас в доме есть шесть человек, а вокруг него имеются и другие. Отправьте посланца и соберите их всех здесь на рассвете, прикажите им захватить с собой провизию и какое у них есть оружие и луки. Поставьте также часового и, после того как отец и посланные уйдут, прикажите поднять подъемный мост.

— Чего вы боитесь? — спросил Кристофер, очнувшись от задумчивости.

— Я боюсь блосхолмского аббата и его наемных головорезов; для них закон не писан — об этом теперь знает душа погибшего сэра Джона; или же они исполь-

зуют законы, чтобы скрыть свои гнусные дела. Аббат уж постарается не допустить, чтобы такое сокровище проскользнуло у него между пальцев, а времена настали беспокойные.

— Увы! Увы! Это правда,— сказал отец Роджер,— этот аббат безжалостный человек, который ни с чем не считается, потому что он очень богат и у него много друзей как здесь, так и за морями. Однако он безусловно не посмеет...

— Это мы узнаем,— прервала Эмлин.— Тем временем, сэр Кристофер, встряхнитесь и отдайте приказание.

Кристофер созвал своих людей, поговорил с ними, после чего они очень помрачнели, но, будучи верными слугами и любя его, обещали выполнить все, как он велел.

Немного позже, сделав копию брачного свидетельства и подписав его, отец Роджер ушел вместе с посланцем. Подъемный мост подняли над рвом, двери заперли, и в башне у ворот поставили часового; тогда Кристофер, забыв обо всем, даже об опасности, угрожавшей им, пошел к той, что ждала его.

ГЛАВА IV

Клятва аббата

На следующее утро, вскоре после того как рассвело, Эмлин вызвала Кристофера и дала ему письмо.

— Когда оно пришло? — спросил он, подозрительно поворачивая его.

— Посыльный принес его из Блосхолмского аббатства,— ответила она.

— Жена, Сайсели,— позвал он через дверь,— будь добра, поди сюда.

Она пришла очень скоро в длинном меховом плаще, необычайно хорошенькая, и, обняв свою кормилицу, спросила, что случилось.

— Вот, моя дорогая,— ответил он, протягивая ей бумагу.— Я никогда особенно не любил науки, а сегодня утром я, кажется, ненавижу ее; ты же больше училась, прочти ее.

— Мне не нравится эта большая печать, Крис; она не предвещает ничего хорошего,— слегка побледнев, с беспокойством ответила Сайсели.

— Послание, находящееся внутри, не мушмула¹, делающаяся мягче от хранения,— сказала Эмлин.— Дайте его мне. Меня обучили в монастыре, я смогу прочесть их каракули.

Сайсели, не возражая, вручила Эмлин письмо; та взяла его своими сильными пальцами, сломала печать, вытащила шелк, развернула и прочитала. Послание гласило:

Сэру Кристоферу Харфлиту, госпоже Сайсели Фотрел, Эмлин Стоуэр, служанке, и всем другим, кого это может касаться.

Я, Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, услышав о смерти сэра Джона Фотрела, рыцаря, от жестоких рук лесных воров и бродяг, в соответствии с исключительным правом, установленным законом и обычаем, вчера вечером принял на себя обязанности опекуна над вашей личностью и собственностью Сайсели, единственным оставшимся в живых его потомком. Мои посланцы вернулись с сообщением, что вы бежали из вашего дома в Шефтон Холле. Далее они сообщили, что, по слухам, вы отправились с вашей кормилицей, Эмлин Стоуэр, в Крануэл Тауэрс, в дом сэра Кристофера Харфлита. Если это так, то, ради вашего доброго имени, необходимо, чтобы вы немедленно покинули его, так как о вас и о вышеупомянутом сэре Кристофере Харфлите уже ходят сплетни. Поэтому я намереваюсь, если позволит господь, отправиться сегодня в Крануэл Тауэрс и если вы окажетесь там, то в качестве вашего законного опекуна и духовного отца приказать вам, несовершеннолетнему подростку, отправиться со мной в монастырь Блосхолма. Там я решил, во исполнение моей воли, оставить вас до тех пор, пока не найдется подходящий для вас муж, если только бог не обратит ваше сердце к себе и вы не останетесь в его стенах как одна из Христовых невест.

Клемент, аббат.

¹ Мушмула — плод кустарникового растения из семейства розовых. Употребляется в пищу в сыром и соленом виде, используется для приготовления пастилы и вина.

Прочитав письмо, все трое поняли, что на них надвигается беда, и несколько мгновений стояли неподвижно, глядя друг на друга, затем Сайсели заговорила:

— Принеси мне бумагу и чернила, няня. Я отвечу аббату.

Все было принесено, и Сайсели написала круглым девическим почерком:

Милорд аббат,

В ответ на Ваше письмо я ставлю Вас в известность о том, что мой благородный отец (причину жестокой смерти которого необходимо расследовать и отомстить за нее) приказал мне, прощаясь, искать убежища, как Вы и предположили, в этом доме, из опасения, что меня постигнет такая же судьба от рук его убийц. Здесь, вчера, я обвенчалась перед лицом бога и людей в церкви Крануэла, как вы можете узнать из прилагаемой бумаги. Вам теперь незачем искать мне мужа, так как мой дорогой супруг сэр Кристофер Харфлит и я соединены до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Заявляю также, что я не признавала и не признаю за Вами права теперь, или когда-либо раньше, опекать мою особу или унаследованные мною земли и богатства, коими я обладаю.

*Ваша покорная слуга
Сайсели Харфлит.*

Это письмо Сайсели переписала начисто, запечатала, и затем оно было отдано посланцу аббата, который положил его в сумку и ускакал так быстро, как только возможно было по глубокому снегу.

Они следили из окна за его отъездом.

— Теперь,—сказал Кристофер, обернувшись к жене,—я думаю, дорогая, что чем быстрее мы тоже уедем, тем лучше. Этот аббат здорово проголодался, и я сомневаюсь, чтобы письмо удовлетворило его аппетиты.

— Я тоже так думаю,—сказала Эмлин.—Вы оба приготовьтесь и поешьте. Я пойду и прикажу оседлать лошадей.

Часом позже все было готово. Три лошади стояли у двери, а с ними охрана из четырех всадников. За такое короткое время Кристофер мог собрать немногих арендаторов и слуг — и в ответ на его призыв их собралось

в Тауэрсе двенадцать человек; из них четверо имели оружие и коней. Хотя Сайсели пыталась казаться бодрой и счастливой, она вздрогнула, увидев их через открытую дверь. Снег шел не переставая.

— Странный медовый месяц предстоит нам, моя голубка, — тревожно сказал Кристофер.

— Это все неважно, пока мы едем вместе, — весело ответила она, но ее слова прозвучали неискренне, — хотя, — добавила она, и что-то словно сдавило ей горло, — хотя я бы хотела остаться здесь, пока не будет найдено и похоронено тело моего отца. Меня все время преследует мысль, что он лежит где-то в снегу, точно зарезанный бык.

— А я хочу похоронить его убийц! — воскликнул Кристофер. — Клянусь именем господя, я не оставляю этого дела, пока все не будет кончено. Не думай, дорогая, что я забыл о твоем горе, потому что я мало говорю о нем, но свадьба и похороны плохо вяжутся друг с другом. Поэтому будем радоваться, пока можно, ведь горести прошлого не избавляют нас от горестей будущего. Пойдем сядем на лошадей — и прочь отсюда, в Лондон, поищем там друзей и справедливости.

Потом, сказав несколько слов своим домашним, он посадил Сайсели на лошадь, и они поехали сквозь мягко падающий снег, думая, что в последний раз видят Тауэрс и расстанутся с ним на долгие дни. Но этому не суждено было осуществиться. Когда они проезжали по большой блосхолмской дороге, намереваясь оставить аббатство слева, и были уже в трех милях от Крануэла, внезапно какой-то высокий человек, одетый в серую шубу из овчины, с монашеским капюшоном на голове и толстым посохом в руках, выскочил из-за забора и остановился перед ними.

— Кто ты? — спросил Кристофер, кладя руку на меч.

— Вы бы меня отлично узнали, если бы капюшон был откинут, — ответил он хрипло, — но если вы хотите знать мое имя, меня зовут Томас Болл, пастух, вон из того аббатства.

— Твой голос мне знаком, — сказал Кристофер, смеясь. — А теперь какое у тебя дело, брат Болл?

— Хочу найти стадо годовалых бычков, убежавших на опушку леса; они питаются, как и все мы, тем, что

ухитряются найти, а погода наступает такая плохая, что они, того гляди, умрут с голоду. Вот какое у меня дело, сэр Кристофер. Но я вижу с вами моего старого друга,— и он кивнул в сторону Эмлин, которая следила за ним, не слезая с лошади,— так, с вашего разрешения, я спрошу ее, не хочет ли она исповедаться, так как отправляется, по-моему, в опасное путешествие.

Кристофер хотел показать жестом, что спешит, так как ему совсем не хотелось болтать с пастухом. Но Эмлин, следившая за ним, позвала:

— Поди сюда, Томас. Я сама отвечу тебе. У меня всегда найдутся грешки, чтоб наполнить кошелек священника, да и благословение получить неплохо, чтобы согреться.

Он зашагал вперед и, взяв ее лошадь под уздцы, отвел немного в сторону, где их не могли слышать, и тотчас же начал с всадницей оживленную беседу. Через одну-две минуты Сайсели, тихим шагом ехавшая вперед, оглянулась и увидела, как Томас Болл проскочил через забор по другую сторону дороги и исчез в падающем снегу, а Эмлин прищипорила лошадь, чтобы догнать их.

— Стойте,— сказала она Кристоферу,— у меня есть новости. Аббат со всеми своими оруженосцами и слугами, а их сорок человек или даже больше, ждет нас там, под прикрытием Блосхолмской рощи, намереваясь силой захватить леди Сайсели. Какой-то шпион донес ему о нашем отъезде!

— Я никого не вижу,— сказал Кристофер, вглядываясь в расположенную в низине рошу, так как они находились примерно в четверти мили от нее и на самом подъеме дороги.— Но это не так трудно проверить.— И он позвал двух лучших ездовых, приказал им ехать вперед и доложить, если кто-нибудь скрывается за лесом.

Всадники уехали, а они остались на месте и, сильно встревоженные, молча ждали.

Минут через десять, еще до того, как разглядели что-либо сквозь густо падавший снег, они услышали стук копыт множества скачущих лошадей. Затем появились два всадника, которые, приблизившись, закричали:

— Аббат и все его люди преследуют нас. Назад, в Крануэл, пока вас не захватили!

Кристофер помедлил одно мгновение, но, поняв, что с четырьмя мужчинами и двумя требующими охраны

женщинами невозможно прорваться сквозь такой большой отряд, и, уже совсем ясно слыша приближающийся стук копыт, быстро дал приказание.

Они развернулись, и как раз вовремя, потому что в ту же минуту, не более чем в двухстах ярдах от них, появились первые всадники аббата, мчавшиеся по склону холма. Началась погоня; к счастью, лошади у них были хорошие и свежие, и все-таки, прежде чем они увидели Крануэл Тауэрс, преследователи уже были только в девяноста ярдах от них. Но здесь, на равнине, их лошади, почуяв стойло, должным образом ответили на хлыст и шпоры и вырвались немного вперед. Оставшиеся дома увидели их и побежали к подъемному мосту. Когда они были в пятидесяти ярдах от рва, лошадь Сайсели споткнулась, поскользнулась и упала, сбросив ее в снег, затем поднялась и поскакала одна. Кристофер остановился около Сайсели и, когда она встала испуганная, но невредимая, протянул свою длинную руку и, посадив на седло перед собой, помчался вперед, в то время как сзади них кричали ему: «Сдавайся!»

Под двойной тяжестью его лошадь бежала медленнее. Все же они достигли моста, прежде чем их догнали, и прогрохотали по нему.

— Поднять! — крикнул Кристофер, и все, кто там был, даже женщины, взялись руками за рычаги.

Мост начал подниматься, но тут пять или шесть воинов аббата, оставив лошадей, прыгнули на него и, ухватившись руками за его край, когда он был всего в шести футах¹ от земли, продолжали висеть на нем, поэтому его не могли сдвинуть, и он остановился, не поднимаясь вверх и не опускаясь вниз.

— Отпустите, вы, негодяи! — закричал Кристофер, но в ответ на это один из них с помощью своих товарищей вскарабкался на край моста и встал там, повиснув на цепях.

Тогда Кристофер выхватил у одного из слуг лук со стрелой в тетиве и снова закричал:

— Слушай, твоя жизнь в опасности!

В ответ человек прокричал что-то о приказах лорда аббата.

Кристофер посмотрел и увидел, что остальные сошли

¹ Фут — английская мера длины, равная 30,5 см.

с лошадей и бежали к мосту. Он прекрасно понимал, что, если они достигнут моста, игра проиграна. Поэтому он больше не колебался, а, нацелившись, быстро натянул и отпустил тетиву. На этом расстоянии он не мог промахнуться. Стрела ударила человека туда, где его шлем соединялся с кольчугой, и, пройдя через горло, поразила его насмерть. Остальные, испугавшись, что их ждет такая же судьба, выпустили мост из рук, и, освобожденный от тяжести, он немедленно поднялся и опустился со стороны дома, где был прочно закреплен.

Впоследствии стало известно — об этом можно сказать и сейчас, — что этот человек был капитаном охраны аббата. Больше того, это он пронзил стрелой горло сэра Джона Фотрела и убил его каких-нибудь сорок часов назад. Так и случилось, что он умер подобной же смертью, а значит, один из убийц доброго рыцаря получил справедливое возмездие.

Теперь люди бежали назад, боясь, что за этой стрелой последуют другие, а Кристофер молча наблюдал за их бегством. Сайсели, стоявшая рядом с ним, закрыв лицо руками, чтобы не видеть зрелища смерти, вдруг опустила их и, повернувшись к своему мужу, сказала, указывая на труп, лежавший на снегу в луже крови:

— Как знать, сколько еще последует за ним? Думаю, что это лишь первый тур долгой игры, супруг мой.

— Нет, дорогая, — ответил он, — второй; первый был сыгран два дня назад у Королевского кургана, там в лесу, а кровь всегда призывает кровь.

— Ах, — ответила она, — кровь призывает кровь. — Затем, подумав о том, что она осиротела, о том, каким будет ее медовый месяц, она повернулась и, плача, пошла в свою комнату.

Пока Кристофер все еще стоял в нерешительности, подавленный совершенным убийством, не зная, что ему делать дальше, он увидел, как три человека отделились от группы воинов и поехали по направлению к Тауэрсу; один из них держал над головой белую ткань, как посланный для переговоров.

Тогда Кристофер поднялся на маленькую орудийную башню около ворот, а следом за ним пошла Эмлин; спрятавшись за зубчатой кирпичной стеной, она могла все видеть и слышать, но оставаться незамеченной. Достигнув дальнего конца рва, тот, кто держал белое полотно, от-

кинул капюшон своего длинного плаща, и они увидели, что это был сам блосхолмский аббат,— его темные глаза сверкали, а оливкового цвета лицо побелело от ярости.

— По какому праву вы охотитесь за мной на моих же землях и так бесцеремонно стучитесь в мои двери, милорд аббат?— спросил Кристофер, облакачиваясь на паплет ворот.

— По какому праву вы убиваете моего слугу, Кристофер Харффлит?— спросил аббат, указывая на труп, лежавший на снегу.— Разве вы не знаете, что проливший кровь заплатит своей кровью, что по нашим древним хартиям я имею право восстанавливать справедливость? И, клянусь святым именем господним, я это сделаю!— добавил он сдавленным голосом.

— Вот как,— задумчиво повторил Кристофер,— «заплатит своей кровью». Может быть, потому и умер этот парень. Скажите мне, аббат, не был ли он среди тех, которые недавно проезжали при лунном свете около Королевского кургана и встретили там случайно сэра Джона Фотрела?

Удар был сделан наугад, однако казалось, он попал в цель, по крайней мере челюсть аббата отвисла и слова, которые он собирался произнести, так и замерли на его губах.

— Я не понимаю значения ваших слов,— немного более спокойным голосом сказал он,— не знаю, как погиб мой покойный друг и сосед, сэр Джон, да упокойт господь его душу! Однако о нем, вернее, о том, что он оставил, мы должны сейчас поговорить. Вы, говорят, похитили его дочь, несовершеннолетнюю девушку и, я боюсь, прикрываясь фальшивым браком, довели ее до позора — преступление более отвратительное, чем это убийство.

— Нет, лишь посредством законного брака я доставил ей ничтожную честь стать законной женой Кристофера Харффлита. Если есть сила в обрядах святой церкви, тогда рука самого господина так крепко связала нас, как только мужчина может быть связан с женщиной, и смерть единственный священник, могущий развязать этот узел.

— Смерть! — повторил аббат медленно, с любопытством глядя вверх на него.

Некоторое время он молчал, потом продолжал:

— По какому праву вы охотитесь за мной на моих же землях? —
грозно спросил Кристофер блосхолмского аббата.

— Пусть будет так; суд божий совершается постоянно, и у него есть много пронизательных и быстрых посланцев, таких, как этот.— И он указал на стрелу в шее убитого воина.— Однако я мирный человек, и хотя вы убили моего слугу, я хотел бы решить наше дело полюбовно, если это возможно. Послушайте теперь, сэр Кристофер, вот мое предложение. Уступите мне Сайсели Фотрел...

— Сайсели Харфлит,— перебил Кристофер.

— Сайсели Фотрел, и я клянусь вам, над ней не будет совершено никакого насилия, и она не будет выдана замуж до тех пор, пока король, или главный викарий, или какой-либо суд, назначенный королем, вынесет решение по этому делу и не объявит ваш смехотворный брак потерявшим законную силу.

— Что! — прервал Кристофер насмешливо.— Неужели аббат Блосхолма объявляет, что светская власть нашего королевства обладает правом развода?¹ Раньше, когда дело шло о королеве Екатерине, я слышал, как он, а также и другие утверждали иное.

Аббат закусил губу, но продолжал, не обращая внимания:

— Я также не подам против вас никакой жалобы по поводу убийства моего слуги, за что при иных обстоятельствах вас бы следовало повесить. Я напишу об этом как о несчастном случае, а потом выдам вознаграждение его семье. Теперь вы слышали мое предложение,— отвечайте.

— А что, если я откажусь от великодушного предложения выдать ту, что для меня дороже тысячи жизней?

— Тогда, в силу моих прав и власти, я возьму ее силой, Кристофер Харфлит, и, если случится несчастье, вы ответите за это головой.

Тут Кристофер не смог сдержать своей ярости.

— Вы осмеливаетесь угрожать мне, верному англичанину, вы, лжесвященник и иностранец-предатель,— за-

¹ ...светская власть нашего королевства обладает правом развода.— В те времена запись актов гражданского состояния, то есть регистрация рождений, браков, разводов и смертей, находилась в руках духовенства. После разрыва с папой Генрих VIII присвоил право записи актов гражданского состояния себе, но католики долгое время отказывались признать за светскими властями это право.

кричал он,— находящийся, как все знают, на жалованье у Испании¹ и под покровом монашеской одежды строящий козни против страны, на землях которой вы разжирели, как конская пиявка? Почему Джон Фотрел был убит два дня тому назад в лесу? Вы не хотите отвечать? Тогда я отвечу. Потому что он ехал ко двору, чтобы показать правду о вас и вашем предательстве, и за это вы убили его. Почему вы заявляете права на мою жену как на вашу подопечную? Потому что вы хотите присвоить ее земли и богатство, чтобы оплачивать свои интриги и излишества. Вы думаете, что при дворе вы купили себе друзей и что ради денег те, в чьих руках власть, закроют глаза на ваши преступления? Может быть, и так, но это временно. Подождите, подождите! Не все глаза там слепы, не все уши глухи. И ваша голова будет поднята выше, чем вы думаете,— так высоко, что попадет на верхушку Блосхолмской башни для предупреждения всем тем, кто попытается продать Англию ее врагам. Джон Фотрел лежит мертвый, в горле у него стрела вашего головореза, но Джеффри Стоукс с бумагами уехал. А теперь совершайте последнюю подлость, Клемент Мэлдон. Вам нужна моя жена — попробуйте взять ее.

Аббат слушал, слушал внимательно, впитывая каждое злое слово. Его смуглое лицо побелело от страха, потом потемнело от гнева. Вены на его лбу вздулись, даже на таком расстоянии Кристофер мог это видеть. Он был так зол, что его лицо смешно исказилось, и Кристофер, заметив это, разразился искренним смехом.

Аббат, не привыкший к насмешкам, прошептал что-то двум людям, которые были с ним, после чего они вдруг одновременно подняли принесенные с собой самострелы и дернули спусковые крючки. Одна стрела, описав широкую дугу, ударилась о стену дома сзади и крепко вонзилась в сплетения украшений из гвоздей. Но другая, нацеленная лучше, ударила Кристофера повыше сердца; он пошатнулся, но стрела, пущенная снизу, ударившись о кольчугу, надетую на нем, проскользнула над его ле-

¹ ...находящийся... на жалованье у Испании.— Испания была главным оплотом католицизма, важнейшей опорой папы римского. Екатерина Арагонская была испанкой, родной теткой испанского короля Карла V. Развод Генриха VIII с ней обострил англо-испанские отношения, и испанское правительство плело заговоры и интриги против Генриха VIII.

вым плечом. Люди, увидев, что он не был ранен, развернули лошадей и поскакали прочь, а Кристофер, положив другую стрелу на тетиву лука, оттянул ее к уху, целясь в аббата.

— Отпускай и покончи с ним,— пробормотала Эмлин из своего убежища за парпетом.

Но Кристофер с минуту подумал, потом закричал:

— Подождите немного, сэр аббат, мне надо сказать вам еще кое-что.

Аббат тоже поворачивал коня и не обратил на его слова никакого внимания.

— Подождите! — прогремел Кристофер.— Или я убью вашу прекрасную кобылу.

А так как аббат все еще тянул за удила, он выпустил стрелу. Цель была достигнута точно. Стрела прошла как раз сквозь изгиб шеи, разорвав связки между костями так, что бедное животное, выпрямившись, встало на дыбы и рухнуло наземь, сбросив своего седока в снег.

— Теперь, Клемент Мэлдон,— закричал Кристофер,— будете ли вы слушать или останетесь в снегу вместе с вашей лошастью и слугой и не услышите ничего больше до дня страшного суда? Если вы еще не догадались, то знайте, что я с юности упражнялся в стрельбе из лука. Если вы сомневаетесь, подымите руку, и я пропущу стрелу у вас между пальцев.

Аббат, сбитый с ног, но не пострадавший, медленно поднялся и стоял теперь между трупами лошади и человека.

— Говорите,— сказал он глухим голосом.

— Милорд аббат,— продолжал Кристофер,— минуту назад вы пытались убить меня, и, если бы моя кольчуга была ненадежной, вам удалось бы это. Сейчас ваша жизнь в моих руках, ибо вы видели, что я не промахнусь. Ваши слуги идут вам на помощь; прикажите им остановиться или...— И он поднял лук.

Аббат повиновался, и люди, поняв его знак, остановились там, где были, на таком расстоянии, что не могли ничего слышать.

— У вас на груди распятие,— продолжал Кристофер.— Возьмите его в правую руку и дайте клятву.

Аббат опять повиновался.

— Клянись так,— говорил Кристофер, повторяя

слова спрятавшейся за парпетом Эмлин.— Я, Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, перед ликом всемогущего бога на небесах, в присутствии Кристофера Харфлита и других на земле,— и резким кивком головы он указал на окна дома, где собрались и слушали все, кто в нем был,— даю клятву на распятии. Клянусь, что оставляю все притязания на опекунов над душой и телом Сайсели Харфлит, урожденной Сайсели Фотрел, законной жены Кристофера Харфлита, и все притязания на земли и богатства, которыми она владеет или которыми владел ее отец Джон Фотрел, рыцарь, или ее мать, покойная госпожа Фотрел. Клянусь, что не буду поднимать никакого дела ни в каком суде, ни в церковном, ни в светском, при этом или другом царствовании против вышеупомянутой Сайсели Харфлит или против вышеупомянутого Кристофера Харфлита, ее мужа, также не буду искать случая нанести оскорбление ни их душе, ни их телу или телам и душам тех, кто им верен, и с этой минуты они могут жить и умереть, не опасаясь ни меня, ни тех, кто мне подчинен. Поцелуйте распятие и принесите клятву, Клемент Мэлдон.

Аббат выслушал; его сердце никогда не отличалось мягкостью, а гнев был так велик, что он, казалось, раздулся, как обозленная жаба.

— Кто дал вам право диктовать мне клятвы? — спросил он наконец.— Я не буду клясться.— И он бросил распятие на снег.

— Тогда я буду стрелять,— ответил Кристофер.— Ну, поднимите крест.

Но Мэлдон молча стоял со сложенными на груди руками. Кристофер нацелился и выстрелил; мало пришлось бы в Англии таких стрелков, как он,— его стрела проткнула меховую шапку Мэлдона и сбила ее, не задев бритого лба аббата.

— Следующая попадет на два дюйма ниже,— сказал он, вставляя в тетиву новую стрелу.— Я не буду больше тратить зря хорошие стрелы.

Тогда, чтобы спасти свою жизнь, которой он весьма дорожил, Мэлдон очень медленно наклонился и, подняв распятие со снега, поднес его к своим губам, поцеловал и пробормотал:

— Клянусь.

Но клятва, данная им, сильно отличалась от повто-

ренной Кристофером, потому что, как преследуемая лиса, он умел ответить хитростью на хитрость.

— Теперь, когда я — рукоположенный аббат¹ — сделал по-вашему, считая, что должен был уступить для того, чтобы, оставшись в живых, исполнять свой долг на земле, волен я отправиться по своим делам, Кристофер Харфлит? — спросил он с горькой иронией.

— Почему же нет? — спросил Кристофер. — Только, будьте любезны, с этого времени не вмешивайтесь в мои дела. Завтра мы с моей супругой собираемся ехать в Лондон, и нам не хотелось бы встретиться с вами на дороге.

Подняв свою шапку и вытащив из нее стрелу, аббат повернулся, пошел назад к своим людям, и вскоре они, поднявшись на горку, усаkali к Блосхолму.

— Теперь все хорошо кончилось; он дал мне клятву, которую едва ли осмелится нарушить, — сказал вскоре Кристофер. — А что скажешь ты, няня?

— Я скажу, что вы даже бо́льший простак, чем я считала, — сердито ответила Эмлин, поднимаясь с места и потягиваясь, так как у нее свело все члены. — Клятва? Тьфу! Он уже освобожден от нее, так как она была дана под угрозой смерти. Разве вы не слышали, как я вам шепотом советовала пронзить стрелой его сердце вместо того, чтобы откалывать мальчишеские шутки с его шапкой?

— Я не хотел убивать аббата, няня.

— Глупец! Какая разница между ним и его слугами? А он еще скажет, что вы покушались на его жизнь, но промахнулись, и покажет шапку и стрелу в качестве вещественных доказательств. Но мои слова теперь уже не помогут, и скоро вы услышите об этом прямо от него самого. Идите, приготовьте свой дом к обороне и не осмеливайтесь ступить ногой за его порог. Там вас ждет смерть.

Эмлин была права. Через три часа безоружный монах пришел, несмотря на метель, в Крануэл Тауэрс и бросил через ров письмо, привязанное к камню. Потом

¹ Рукоположенный аббат. — При посвящении в духовное звание совершался обряд рукоположения, во время которого представитель высшего духовенства возлагал руки на голову посвящаемого.

он прибил бумагу к одному из дубовых столбов наружных ворот и без единого слова ушел так же, как и пришел. В присутствии Кристофера и Сайсели Эмлин распечатала и прочитала второе письмо так же, как она прочитала первое.

Оно было коротким и гласило:

Запомните, сэр Кристофер Харфлит и все остальные, к кому это может иметь отношение, что клятва, которую я, Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, дал вам сегодня, совершенно недействительна и не может иметь последствий, так как она была вырвана у меня под угрозой немедленной смерти. Запомните дальше, что доклад о совершенном вами убийстве направлен его величеству королю, шерифу¹ и другим представителям власти этого графства² и что в силу моих прав и власти, церковной и гражданской, я буду продолжать дело о возвращении ко мне моей подопечной, по имени Сайсели Фотрел, со всеми землями и другой собственностью, бывшей в руках ее отца, покойного сэра Джона Фотрела. От ее имени я уже вступил во владение имуществом и воспользуюсь всеми средствами, какие понадобятся, чтобы схватить вас, Кристофер Харфлит, и передать в руки закона. Кроме того, посредством уведомления, посланного при сем, предупреждаю всех, кто примыкает к вам и содействует в совершаемых вами преступлениях, что и телам их и душам грозит гибель.

Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма.

ГЛАВА V

Что произошло в Крануэле

Прошла неделя. В течение первых трех дней в Крануэл Тауэрсе ничего или почти ничего не произошло: нападения никто не предпринимал. Однако Кристофер с по-

¹ Шериф — должностное лицо, осуществлявшее в графстве административные и судебные функции.

² Графство — область, единица административного деления в Англии.

мощью дюжины домашних слуг и мелких арендаторов обнаружил, что они окружены со всех сторон. Раза два кое-кто пытался выехать на недалекое расстояние, но тотчас вынужден был вернуться обратно, так как из близлежащих рощиц, из деревенских коттеджей и даже из дверей церкви появлялись превосходящие по численности группы людей. Они нигде не подъезжали к ним близко, и поэтому жертв не было. Отчасти это было даже плохо: не хватало радостного возбуждения настоящей борьбы, оставался только страх перед постоянной опасностью.

В других отношениях дела тоже шли плохо. Так, прежде всего, у них кончилось пиво, а затем израсходовали и весь запас остальных возбуждающих напитков, и им приходилось пить одну воду. Затем кончилось топливо, потому что почти все заготовленное находилось на ферме на расстоянии четверти мили от замка; на второй день осады эту ферму подожгли, и она сгорела со всем, что в ней было, а скот и лошади были уведены неизвестно куда.

Дошло до того, что они могли поддерживать огонь только в кухне, и то не очень жаркий, лишь для приготовления пищи, сжигая двери надворных строений и половицы чердака. Да и пищи было немного: только запас солонины, свинины в уксусе, копченой грудинки да немного овсянки и муки, из которых спекли лепешки и хлеб.

На четвертый день кончилось и это, и им пришлось довольствоваться вяленным мясом, несколькими яблоками, вместо овощей, и горячей водой, которую они пили, чтобы согреться. Наконец топить стало нечем; они вынуждены были есть сырое мясо и болели от этого. Мало того, наступила оттепель, и дом заледенел; поэтому днем у них зуб на зуб не попадал, а по ночам, из-за постоянного недоедания, им едва хватало силы протянуть до утра под всеми одеялами, какие были.

Ах, какими длинными казались эти ночи, без единого огонька в камине, без такого пустяка, как зажженная свеча! В четыре часа темнело, и темнота была бесприсветна, так как луна поднималась невысоко, а туман не рассеивался до тех пор, пока около семи часов следующего утра не становилось светло. Боясь атаки, они все

время прислушивались в темноте, так что не имели возможности спокойно выспаться.

Некоторое время все мужественно переносили эти лишения, даже арендаторы, хотя до них дошли слухи, что их фермы опустошены, а жены и дети выгнаны и нашли приют, где кому удалось.

Сайсели и Эмлин не роптали. Действительно, новобрачная, не хмурясь, переживала свой страшный медовый месяц. Она с мужем медленно прогуливалась вдоль рва или от окна к окну в пустых комнатах, пока, наконец, усталость не осиливала их, и они, передав дозор другим, не падали в изнеможении на какую-нибудь кровать, чтобы поспать хоть немного. Только одна Эмлин, казалось, никогда не спала. Но, в конце концов, их сотоварищи стали выражать недовольство.

Однажды утром на рассвете, после очень тяжелой ночи, они дождались Кристофера и сказали ему, что были готовы бороться за него и его супругу, но так как нет никакой надежды на помощь, они больше не могут мерзнуть и ждать голодной смерти,— короче говоря, они должны или покинуть этот дом, или сдаться. Он терпеливо выслушал их, понимая, что они правы, и затем поговорил с Сайсели и Эмлином.

— Наше положение безвыходно, дорогая жена. Что теперь делать, раз для нас нет надежды на подкрепление? Ибо никто ведь не знает, в каком мы состоянии! Сдаться или попытаться бежать под покровом тьмы?

— Только не сдаваться,— ответила Сайсели, заглушив рыдания.— Если мы сдадимся, они, конечно, нас разлучат, и безжалостный аббат отправит тебя на тот свет, а меня в монастырь.

— Это может случиться в любом случае,— пробормотал Кристофер, отворачиваясь.— А что скажешь ты, няня?

— Я думаю, надо бороться,— храбро ответила Эмлин.— Здесь нам, конечно, нельзя оставаться; откровенно говоря, сэр Кристофер, кое-кому здесь я не доверяю. Но что поделаешь? У них желудки пусты, руки заледнели, их жены и дети неизвестно где, и, вдобавок ко всему, над ними нависло тяжкое проклятье церкви. И всего этого не было бы, если бы они вас предали. Давайте возьмем оставшихся лошадей и ускользнем в ночной ти-

шине, если сможем; если же не сможем, то умрем, как умирали люди и получше нас.

Так они решили испытать судьбу, полагая, что хуже, чем сейчас, быть не может, и провели весь остаток дня, готовясь, кто как умел. Семь лошадей все еще находились в конюшне, и, хотя они застоялись без движения, их накормили сеном и напоили.

На них они предполагали ехать, но сначала хотели откровенно объясниться с верными им людьми.

Поэтому около трех часов дня Кристофер созвал всех людей под воротами и с грустью поведал им все. Он объяснил им, что здесь больше нельзя оставаться, а сдаться означало бы обречь новобрачную на вдовство.

Они должны бежать, взяв с собой столько спутников, сколько у них лошадей, если, разумеется, кто-нибудь рискнет отправиться в такое путешествие. Если нет, то он и обе женщины поедут одни.

Тогда четверо самых верных людей, долгие годы служивших Кристоферу и его отцу, вышли вперед, говоря, что, как бы опасно это ни оказалось, они разделят его судьбу до конца. Он коротко поблагодарил их; тогда один из оставшихся спросил, что же им теперь делать, раз он собирается покинуть их, доведя до такого положения.

— Один бог знает, что я предпочел бы умереть,— ответил Кристофер от всей души.— Но, друзья мои, подумайте, в каком мы положении. Если я останусь здесь,— что будет с моей женой? Увы! Дело дошло до того, что вам приходится выбирать: или уйти с нами и рассеяться по лесу, где вас, я думаю, не будут преследовать, потому что этот аббат с вами не враждует; или вы останетесь здесь, а завтра на рассвете сдадитесь. В том и другом случае вы можете сказать, что я заставил вас остаться и что вы не пролили ничьей крови; об этом я дам вам бумагу.

Так они мрачно беседовали все вместе и, наконец, решили, что, когда сэр Кристофер и его супруга уедут, они тоже разойдутся и спрячутся как можно лучше. Но среди них был один мелкий фермер, по имени Джонатан Дикси, рассуждавший иначе. Этот Джонатан был арендатором Кристофера, но его втянули в дело защиты Крануэл Тауэкса почти что против его воли, по настоянию самого крупного из арендаторов Кристофера, с дочерью кото-

рого он был обручен. Это был ловкий молодой человек, и даже во время осады он, применив способ, который нет необходимости описывать, ухитрился переправить послание блосхолмскому аббату, где говорил, что, будь это в его власти, он был бы рад оказаться в любом другом месте. Поэтому он был уверен, что его ферма останется нетронутой, какова бы ни была судьба всех остальных.

Теперь он решил выпутаться из этой печальной истории как можно скорее, ибо Джонатан принадлежал к числу людей, предпочитающих всегда находиться на стороне победителя.

Поэтому хотя он и сказал: «Так! Так!» — громче своих товарищей, как только стало темно, пока другие готовили лошадей и сменяли караул, он перебросил через ров позади конюшни лестницу и убежал, карабкаясь по ее ступенькам, под прикрытием находившегося на лугу коровника.

Полчаса спустя, постаравшись натолкнуться на людей аббата и попасть в плен, он стоял перед ним в коттедже, служившем штабом. Сначала Джонатан ничего не хотел говорить, но когда они в конце концов пригрозили вытащить его на улицу и повесить, он, по его словам, для спасения жизни развязал язык и все рассказал.

— Так, так, — сказал аббат, когда тот кончил. — Господь благоволит к нам. Эти птички в наших сетях, и, значит, день святого Илария я буду справлять у себя в Блосхолме. За твою услугу, мастер Дикси, ты станешь моим управляющим в Крануэл Тауэрсе, когда он будет принадлежать мне.

Но можно сразу сказать, что все кончилось совсем не так, и он не только не получил места управляющего в Крануэле, но когда вся правда стала известна, невеста Джонатана не пожелала иметь с ним ничего общего, а люди тех мест разграбили его ферму и выгнали его из графства, и о нем с тех пор не было ни слуху ни духу.

Тем временем все было приготовлено к отъезду, и Кристофер, оставшись в Таурсе наедине с Сайсели, попрощался с ней в темноте, так как им нечем было осветить комнату.

— Это отчаянная попытка, — сказал он ей, — и я не

могу сказать, чем она кончится и увижу ли я когда-нибудь снова твое милое личико. И все же, дорогая, мы провели вместе несколько счастливых часов; и если я погибну, а ты останешься жить, я уверен, что ты всегда будешь меня помнить, пока, как нас учили, мы не встретимся снова там, где никакой враг не сможет мучить нас и где нет холода, голода и темноты. Сайсели, если так суждено и у тебя будет ребенок, научи его любить отца, даже если он никогда его не увидит.

Тут она обвила его руками и плакала, плакала, плакала.

— Если ты умрешь,—рыдала она,—то, наверное, умру и я. Хотя я еще молода, но этот мир для меня полон скорби, а теперь, когда мой отец умер, без тебя, супруг мой, он превратится в ад.

— Нет, нет,—ответил он,—живи, пока хватит сил, потому что — кто знает? — часто самое худшее приводит к лучшему. Ведь и у нас были свои радости. Поклянись, что будешь жить, голубка!

— Хорошо, если ты тоже в этом поклянешься, потому что, может быть, умру я, а ты останешься жить. Мечи в темноте не выбирают цели. Давай пообещаем друг другу, что мы оба будем жить, вместе или врозь, пока господь не призовет нас.

Так, в ледяном мраке, дали они эту клятву, скрепив ее поцелуями. Время наконец наступило, и они, рука об руку, ошупью, пошли во двор, немного успокоившись оттого, что ночь была очень благоприятной для выполнения их плана. Снег растаял, и сильный ветер, очень бурный, но не холодный, дул с юго-запада, раскачивая высокие вязы, которые скрипели и стонали, как живые существа. Кристофер и Сайсели были уверены, что при таком ветре, как этот, их никто не услышит и не увидит под мрачным и беззвездным небом, а дождь, ливший между порывами ветра, смывает следы их коней.

Они молча оседлали лошадей и с четырьмя людьми — к этому времени все остальные ушли — переехали через подъемный мост, опущенный, чтобы они могли бежать. На расстоянии примерно трехсот ярдов их путь проходил через старый известковый карьер, вырытый много поколений назад; по обе стороны тропинки густо проросли деревья.

Когда они приближались к карьеру, в ночной тишине

внезапно впереди заржала лошадь, и одно из их животных ответило ржанием.

— Стойте,— пролепетала Сайсели, слух которой обострился от страха.— Я слышу, как движутся люди.

Они натянули поводья и прислушались. Да, между порывами ветра слышался едва уловимый звук, как будто бряцали оружием. Они вперили взор в темноту, но ничего не смогли разглядеть.

Опять заржала лошадь, и ей ответило ржанье. Один из слуг выругал про себя животное и грубо ударил его плашмя мечом, и тогда отдохнувшая лошадь понеслась, закусив удила. В следующую минуту в известковом карьере перед ними поднялся невообразимый шум — шум окриков, удары меча, а потом тяжелый стон, словно сорвавшийся с губ умирающего человека.

— Засада! — воскликнул Кристофер.

— Можем мы объехать ее? — спросила Сайсели, и в ее голосе прозвучал ужас.

— Нет,— ответил он,— ручей разлился; мы увязнем. Чу! они атакуют нас. Обратно в Тауэрс, другого выхода нет.

Так они повернули и помчались, преследуемые криками и стуком копыт множества скачущих лошадей. Через две минуты они были уже там,— женщины, Кристофер и трое мужчин проскакали через мост.

— Поднять мост! — закричал Кристофер, и они спрыгнули с лошадей и, спотыкаясь, побежали к рычагам; слишком поздно, так как всадники аббата уже вступили на него.

Тогда началась битва. Лошади врагов шарахались назад от дрожавшего моста, поэтому ездоки спешили и ринулись вперед, но были встречены Кристофером и его тремя союзниками: в этом узком месте они могли заменить сотню.

Жестокие удары наносились в темноте наугад; двое из людей аббата упали, после чего низкий голос скомандовал:

— Вернитесь и подождите рассвета.

Когда они ушли, таща с собой раненых, а Кристофер и его слуги снова попытались поднять мост, они увидели, что он не двигается.

— Какой-то предатель испортил цепи,— сказал Кристофер тихим от отчаяния голосом.— Сайсели и Эмлин,

идите в дом. Я и каждый, кто захочет, останемся здесь, чтобы покончить с этим делом. Когда меня убьют, сдайтесь. Я думаю, что впоследствии король рассудит нас по справедливости, если вы сможете до него добраться.

— Я не пойду,— застонала Сайсели.— Я умру с тобой.

— Нет, ты пойдешь,— сказал он, топая ногой, и, когда он произносил эти слова, стрела просвистела между ними.— Эмлин, тащи ее туда, пока ее не убили. Скорее, говорю я, скорее, или проклятье господ и мое обрушится на вас. Разожми руки, жена; как я могу сражаться, если ты висишь у меня на шее? Что! Неужели я должен ударить тебя? Ну что ж, вот и вот!

Она разжала руки и со стоном упала на грудь Эмлин, которая полунесла, полувела ее через двор, где скакали на свободе испуганные лошади.

— Куда мы идем? — вскрикнула Сайсели.

— В центральную башню,— ответила Эмлин,— там, кажется, безопаснее.

К этой башне, которая дала название всему замку¹, они шли ощупью. В отличие от остальной части дома, построенного главным образом из дерева, башня была каменной, ибо являлась частью старой постройки времен норманнов. Спотыкаясь, они медленно поднимались по ступенькам, пока наконец не достигли крыши, так как инстинктивно искали места, откуда могли что-нибудь видеть, если бы появились звезды. Здесь, на этом возвышении, они укрылись и ждали конца, каким бы он ни был,— ждали молча.

Сколько времени прошло, они не знали, пока наконец из-под крыши кухни, позади дома, не вырвалось пламя, которое подхватил ветер и понес на стены основного здания, так что вскоре оно тоже запылало. Дом подожгли; кто — неизвестно, хотя, говорили, что предатель Джонатан Дикси вернулся и сделал это то ли за плату, то ли для того, чтобы в этой ужасной катастрофе было забыто его собственное преступление.

— Дом горит,— сказала Эмлин спокойно.— Теперь, если ты хочешь спасти свою жизнь, иди за мной. Под этой башней есть погреб, где нас не тронет пламя.

Но Сайсели даже не двинулась, потому что при свете

¹ Крануэл Тауэрс значит «Башни Крануэла».

яростного, все разгорающегося пламени она могла видеть то, что происходило внизу, и как раз случилось так, что ветер относил дым в другую сторону. Там, за мостом, собралась стража аббата, а в воротах стоял Кристофер и трое его людей с обнаженными мечами, во дворе же, как ошалелые, метались и ржали от страха лошади.

Один из солдат взглянул наверх и увидел, что две женщины стоят на вершине башни, затем крикнул что-то аббату, сидевшему на лошади рядом с ним. Он посмотрел и тоже увидел их.

— Сдавайтесь, сэр Кристофер,— закричал он,— леди Сайсели горит. Сдавайтесь, чтобы мы могли спасти ее.

С минуту Кристофер колебался, потом повернулся и решил побежать через двор. Слишком поздно; ибо, когда он подошел, пламя вырвалось через крышу главного строения, и передняя стена, яростно полыхая, упала во двор и забаррикадировала дверь, так что дом превратился в пылающий очаг, куда нельзя было войти и где никто не мог бы выжить.

Тогда, казалось, им овладело безумие. С минуту он пристально смотрел вверх на фигуры двух женщин, стоящих высоко над клубящимся дымом и все охватывавшим пламенем. Потом вместе со своими тремя людьми он с ревом бросился в гущу солдат, последовавших за ним во двор, словно пытаясь проложить дорогу к аббату, скрывавшемуся сзади. Это было ужасное зрелище, потому что он и те, кто был с ним, сражались яростно и убили многих врагов. Вскоре из четверых в живых остался только Кристофер. Мечи и копья ударялись о его доспехи, но он не падал, а падали те, кто с ним сражался. Огромный детина с топором очутился позади него и со всей силы ударил по его шлему. Меч выпал из рук Харфлита; он медленно повернулся, посмотрел наверх, потом, вытянув руки, тяжело рухнул на землю.

Аббат прыгнул с лошади и побежал к нему, встав около него на колени.

— Погиб! — воскликнул он и начал отходную его отлетевшей душе — так, по крайней мере, показалось всем.

— Погиб,— повторила Эмлин,— и какой доблестной смертью!

— Погиб,— простонала Сайсели таким страшным голосом, что все внизу услышали ее.— Погиб, погиб! — и без чувств упала на грудь Эмлин.

В эту минуту оставшаяся часть крыши провалилась, скрыв башню столбами пламени и пеленой дыма. Оставаться здесь означало неминуемую гибель. Подняв сильными руками свою хозяйку, как она обычно делала, когда Сайсели была маленькой, Эмлин нашла верхнюю ступеньку лестницы, и, когда ветер на минуту рассеял дым, все бывшие внизу увидели, что обе женщины исчезли, и решили, что они погибли в огне.

— Теперь вы можете вступить на Шефтонские земли, аббат! — воскликнул голос во тьме ворот, ибо в этой суматохе нельзя было различить, кто говорит.— Но если бы мне посулили все земли Англии, я не хотел бы отвечать за эту невинную кровь!

Лицо аббата мертвенно побледнело и, хотя было достаточно жарко, его зубы застучали.

— Кровь падет на голову этого похитителя женщин,— с усилием воскликнул он, глядя вниз на Кристофера, лежавшего у его ног.— Поднимите его, чтобы над ним, погибшим при совершении убийства, мог свершиться суд. Неужели никто не может войти в дом? Кто спасет леди Сайсели, получит полный карман золота!

— Неужели кто-нибудь может остаться в живых, войдя в ад? — ответил тот же голос из мрака и дыма.— Ищите ее чистую душу в раю, если вам удастся попасть туда, аббат.

Страх был на лицах тех, кто поднял Кристофера и других убитых и раненых и понес их прочь, предоставив Крануэл Тауэрсу догорать дотла, ибо воздух там так раскалился, что никто не мог вынести этого жара.

Прошло два часа. Аббат сидел в маленькой комнате Крануэлского коттеджа, где он жил во время осады Тауэrsa. Было около полуночи; однако, несмотря на усталость, он не мог отдыхать; конечно, если бы ночь не была такой темной и ненастной, он провел бы время в пути, возвращаясь в Блосхолм. На душе у него было беспокойно. Правда, все шло хорошо: Сэр Джон Фотрел был мертв — убитый «преступниками»; сэр Кристофер был мертв — разве его тело не лежало там, в коровнике? Сайсели, дочь одного из них и жена другого, тоже была мертва, сгорев в пожаре Тауэrsa, и потому драго-

ценности и огромные земли, которых он домогался, безусловно попадут к нему в руки без всяких дальнейших хлопот. Ибо Кромуэл был подкуплен, а кто другой посмел бы попытаться вырвать их у могущественного блосхолмского аббата, который имеет на них известные права?

И все же он чувствовал себя очень беспокойно, потому что, как говорил тот голос (чей это был голос, он не знал, но голос казался знакомым): «Кровь этих людей падет на твою голову»,— и тут он вспомнил текст святого писания, им же процитированный Кристоферу: «Кровь пролитая взывает о крови». Кроме того, хотя он и заплатил генеральному викарию, чтобы тот поддерживал его, монахи не были в большом почете при английском дворе, и если эта история дойдет до него— а это могло случиться, так как даже бессильные мертвецы находят друзей,— то не исключена возможность, что ему зададут вопросы, на которые будет трудно ответить. Перед небом он мог оправдаться во всем, что сделал, но перед королем Генрихом, если правда дойдет до его королевских ушей (король ведь присвоил себе права самого папы),— это будет не так-то легко.

В комнате было холодно после зноя, который они испытали на пожаре. В жилах аббата текла южная, горячая кровь; он стал зябнуть; его охватило уныние и тоска; он начал задумываться—насколько же в глазах бога цель оправдывает средства? Он открыл дверь дома и, держась за нее, чтобы сильный зимний ветер не сорвал ее со слабых петель, громко позвал брата Мартина, одного из своих капелланов. Вскоре пришел Мартин, появившись из коровника с фонарем в руках,— высокий, тонкий человек с тревожным и грустным взглядом, длинным носом и умным лицом. Поклонившись, он спросил, что угодно его начальнику.

— Мне угодно, брат,— ответил аббат,— чтобы ты закрыл дверь от ветра, потому что этот проклятый климат убивает меня. Да, если сможешь, затопи камин, но дрова слишком сырые, они не горят, а дымят. Видишь, я был прав: если так будет продолжаться, к утру мы превратимся в окорока. Ну хватит, не надо, растопим завтра утром, сегодня вечером мы видели достаточно огня; садись, выпей кубок вина,— нет, я забыл, ты пьешь только воду; тогда съешь кусок хлеба с мясом.

— Спасибо, милорд аббат,— ответил Мартин,— но я не могу притрагиваться к мясному: сегодня пятница.

— Пятница или нет, мы ведь уже притрагивались к мясу — к плоти людей — там, в Тауэрсе, сегодня вечером,— ответил аббат с принужденным смехом.— Однако делай, что велит тебе совесть, брат, и ешь хлеб. Скоро полночь и можно будет заесть мясом.

Тоший монах поклонился и, взяв ломоть хлеба, начал жевать его, потому что и вправду чуть ли не умирал от голода.

— Ты молился у трупа этого кровожадного мятежника, причинившего нам столько вреда и потерь? — спросил вскоре аббат.

Секретарь кивнул и, проглотив корку, сказал:

— Да, я молился над ним и над другими. Во всяком случае он был храбр, и, должно быть, ему тяжело было видеть, как его молодую жену сожгли, словно ведьму. Кроме того, я обдумал это дело и не понимаю, в чем заключался его грех,— ведь он только храбро сражался, когда на него напали. Брак его без сомнения вполне законный, а должен ли он был испросить вашего разрешения на него — это вопрос, о котором судебные инстанции христианского мира могли бы спорить.

Аббат нахмурился; он не любил столь откровенного и беспристрастного тона, когда вопрос так близко касался его.

— Недавно вы удостоили меня чести, выбрав меня одним из своих исповедников, хотя я думаю, что вы мне всего не говорите, милорд аббат; потому я и поверяю вам свои мысли,— продолжал, как бы извиняясь, брат Мартин.

— Тогда продолжай. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мне не нравится это дело,— медленно отвечал он в промежутках, когда переставал жевать хлеб.— Вы поссорились с сэром Джоном Фотрелом из-за земель, принадлежавших аббатству, как вы говорите. Бог знает, кто прав, я не разбираюсь в законах, но ведь он отрицал это,— я сам слышал его слова там, в вашей комнате, в Блосхолме. Он отрицал это и обвинил вас в предательстве, достаточном для того, чтобы отправить на виселицу весь Блосхолм, о чем опять-таки правду знает один бог. Вы в гневе угрожали ему, но он и его слуга были вооружены и поэтому победили, а на

следующий день они оба поехали в Лондон с какими-то документами. Да, в ту ночь сэр Джон Фотрел был убит в лесу, хотя его слуге Стоуксу удалось бежать с документами. Так кто же убил его?

Аббат взглянул на него, затем, казалось, принял внезапное решение.

— Наши люди, оруженосцы, собранные мной для защиты нашего монастыря и церкви. Я приказал схватить его живым, но старый английский бык не сдавался и боролся так яростно, что все кончилось иначе, к моему сожалению.

Монах положил хлеб — казалось, он больше не мог есть.

— Ужасное злодеяние, — сказал он. — За него вам придется когда-нибудь ответить перед богом и людьми.

— За него нам всем придется отвечать, — поправил аббат, — вплоть до самого последнего монаха и солдата, и тебе не меньше, чем всем нам, брат, потому что разве ты не присутствовал при нашей ссоре?

— Да будет так, аббат. Я невинен и готов отвечать.

Но это не все. Леди Сайсели, услышав об этом убийстве — нет, нечего вам гневаться, иначе этого не называть — и узнав, что вы претендуете на опеку над ней, бежала к своему жениху, сэру Кристоферу Харфлиту и в тот же день была обвенчана с ним приходским священником этой церкви.

— Это был незаконный брак. Не было сделано должного оглашения. Мало того, как могла моя подопечная обручиться без моего разрешения?

— Ей не принесли извещения о назначении опеки, если даже она установлена, по крайней мере так она заявила, — спокойно и упрямо ответил Мартин. — Я думаю, что во всей Европе не найдется суда, который не признал бы этого открыто совершенного брака, когда станет известно, что они оба некоторое время жили как муж и жена и мужем и женой были признаны окружающими, — даже сам папа этого не сделает.

— Ты заявил, что не законовед, а законы толкуешь, — вставил саркастически Мэлдон. — Ну, какое это имеет значение, если брак разрушен смертью? Муж и жена, даже если их брак действителен, оба умерли: все кончено.

— Нет, ибо теперь их жалоба — в небесном суде,

а там придется отвечать каждому из нас; и небо может побудить к действию свои орудия на земле. Нет, не нравится, не нравится мне это; и я скорблю о них, таких любящих, храбрых и молодых. Их кровью и кровью многих других запятнаны наши руки — из-за чего? Из-за полоски плоскогорья и болота, которые король или кто-нибудь другой могут завтра же у нас отнять.

Аббат, казалось, съезжился под тяжестью этих печальных и серьезных слов, и некоторое время они молчали. Потом он собрался с мужеством и сказал:

— Я рад, что ты помнишь, что их кровью запятнаны не только мои, но и твои руки; может быть, теперь ты будешь их прятать.

Он встал и пошел к двери, потом к окну — убедиться, что снаружи никого нет, затем, вернувшись, вскричал яростно:

— Дурак! Неужели ты думаешь, что все это совершено было ради нового поместья? Правда, эти земли принадлежат нам по праву и нам нужен доход, который можно с них получать, но за этим кроется нечто большее. Всей церкви в нашем королевстве угрожает проклятый сын велиала¹, сидящий на троне. Но что это с тобой, сын?

— Я англичанин и не люблю слушать, когда английского короля называют сыном велиала. Я знаю, грехи его велики и черны, как, впрочем, и грехи других людей, но все же — сын велиала! Одних этих слов достаточно, чтобы вас повесить, если бы король их услышал!

— Хорошо, пусть он будет ангелом благородства, если тебе это больше нравится. Во всяком случае, нам грозит беда. Вопреки законам божеским и человеческим наша благословенная королева, Екатерина Испанская, отвергнута в угоду какой-то девке, занявшей ее место². Даже и теперь у меня есть сведения из Кимболтона³, что

¹ Велиал — то же, что и сатана — олицетворение зла.

² Екатерина Испанская отвергнута в угоду какой-то девке, занявшей ее место. — После развода Генрих VIII женился на бывшей фрейлине своей первой жены — Анне Болейн.

³ Кимболтон — замок в Англии, куда была сослана после развода (в 1533 г.) Екатерина Арагонская и где она умерла в 1536 году. Католики утверждали, что она была отравлена.

она умирает там от медленно действующего яда; так говорят, и я этому верю. У меня есть и другие вести. Фишер¹ и Мор² умерщвлены, а в следующем месяце в парламенте будет поставлен вопрос об уничтожении малых монастырей и присвоении их богатств³, а затем наступит и наша очередь. Но мы не будем покорно терпеть все это: прежде чем окончится этот год, вся Англия будет в огне, и я, Клемент Мэлдон, я — я зажгу его. Теперь ты знаешь правду, Мартин. Предашь ли ты меня, как сделал бы этот мертвый рыцарь?

— Нет, милорд аббат, ваши тайны в безопасности. Я ведь ваш капеллан, а своенравный и мстительный король и вправду причинил много вреда богу и его слугам. И все же я говорю, что мне это не нравится, и я не знаю, чем все это окончится. Мы, англичане, — люди упорные, и вам — испанцам — нас не понять и не сломить, а Генрих силен и хитер, да и народ стоит за него.

— Я знал, что могу тебе доверять, Мартин, и недаром так открыто говорил с тобой, — продолжал Мэлдон более мягким тоном. — Хорошо, ты узнаешь все. Великий император Германии и Испании на нашей стороне, как и должно быть, если принять во внимание его кровь и веру. Он отомстит за несправедливости, причиненные церкви и его тетке-королеве. Я знаю его, являюсь здесь его посланцем, и то, что я делаю, сделано по его приказанию. Но мне нужно больше денег, чем он может дать мне, вот почему я поднял дело о Шефтонских землях. У леди Сайсели есть огромной ценности украшения, хотя боюсь, они погибли в огне сегодня вечером.

¹ Фишер Джон (1459—1535) — английский католический епископ, выступавший против развода Генриха VIII и против реформации церкви. Король заточил его в тюрьму, а папа демонстративно произвел его в кардиналы. В ответ Генрих VIII казнил Фишера.

² Мор Томас (1478—1535) — выдающийся английский ученый и политический деятель, один из основоположников утопического социализма. В 1529—1532 годах был первым министром (лордом-канцлером) Генриха VIII. Будучи противником реформации, вышел в отставку. За отказ принести присягу англиканской церкви был обезглавлен.

³ ...в парламенте будет поставлен вопрос об уничтожении малых монастырей и присвоении их богатств. — В 1536 году по решению парламента было закрыто 376 малых монастырей, а в 1539 году — все остальные. Большую часть захваченных земель и ценностей король продал придворным и спекулянтам.

— Грязные деньги — корень всех зол, — пробормотал брат Мартин.

— Да, но также источник всякого блага. Деньги, деньги. Мне нужно много денег, чтобы покупать людей и оружие, чтобы защищать небесную твердыню — церковь. Никаких жизней не жаль во славу и утверждение бессмертной церкви. Пусть погибают! Мой друг, ты боишься; гибель этих людей тяготит твою совесть, — увы, мне тоже тяжело. Я любил эту девушку, которую ребенком держал на руках, и я любил даже ее грубого отца, я любил его за честное сердце, хотя он всегда не доверял мне — испанцу — и имел на то основания. Любил я и Харфлита, лежащего там; он был храбрец, но не из тех, кто бы стал служить нашему делу. Они погибли, и за их пролитую кровь мы должны просить отпущения.

— Если сможем его получить.

— О, сможем, сможем. Оно уже лежит у меня в сумке под знакомой тебе печатью. Не бойся и за нашу брентную оболочку. В Англии подымается такой ветер, что все случившееся сегодня — перед ним только легкое дуновение. Какое значение имеют несколько выпущенных стрел, пожар, погибшие жизни, когда дело идет о столкновении между светской и духовной властью, когда решается вопрос, кто из них будет обладать скипетром в великой Британии? Мартин, у меня есть для тебя поручение, и оно может привести тебя к епископству, прежде чем все будет окончено, и если таковы твои мысли и цели, и ты преодолеешь свои сомнения и колебания, у тебя хватит ума, чтобы управлять. Корабль «Большой Ярмут», отплывший несколько дней назад в Испанию, прибит обратно к берегу и завтра утром должен снова поднять якорь. У меня есть письма для испанского двора; ты повезешь их, а также передашь кому следует мои устные объяснения, которые не могут быть доверены бумаге: за них нам грозила бы виселица. Корабль направляется в Севилью, но ты последуешь за императором, где бы он ни был. Ты поедешь, не правда ли? — И он взглянул на него искоса.

— Я повинуюсь приказанию, — ответил Мартин, — хотя я мало знаю испанцев и испанский язык.

— В каждом городе есть бенедиктинский монастырь, а в каждом монастыре — переводчик, и ты будешь официально направлен к ним, образующим великое брат-

ство. Значит, решено. Иди и подготовься как можно лучше. Мне надо писать письма. Стой! Чем скорее похоронят этого Харфлита, тем лучше. Прикажи этому здоровому парню, Боллу, найти церковного сторожа и помочь вырыть могилу, потому что на рассвете мы его похороним. Теперь иди, иди; я сказал тебе, что должен писать. Возвращайся через час, и я вручу тебе деньги на поездку, а также сообщу все, что ты должен будешь передать устно.

Брат Мартин поклонился и вышел.

— Опасный человек,— пробормотал аббат, когда за ним закрылась дверь,— слишком честный для нашей игры и слишком уж англичанин. Патриотизм так и пробивается сквозь его рясу. У монаха не должно быть ни родины, ни родни. Но в Испании его кое-чему научат, и я уж постараюсь, чтобы его задержали там на достаточно долгий срок. Теперь пора приняться за письма.— И он сел за грубо сколоченный стол и начал писать.

Полчаса спустя дверь отворилась, и вошел Мартин.

— Что еще? — спросил раздраженно аббат.— Я сказал: «Возвращайся через час».

— Да, вы это сказали, но у меня хорошие новости, и я думал, что вам было бы интересно их услышать.

— Тогда выкладывай. В наши дни это редкость. Нашли драгоценности? Нет, это невозможно. Дом все еще горит.— И он взглянул через окно.— Какие новости?

— Лучше, чем драгоценности,— Кристофер Харфлит жив. Когда я молился над ним, он повернул голову и пробормотал что-то. Думаю, что его только оглушили. Вы искусны в медицине, пойдите и посмотрите на него.

Через минуту аббат склонился над бесчувственным телом Кристофера, лежавшим на грязном полу коровника. При свете фонарей он пощупал искусными пальцами его раненую голову, с которой сняли разбитый шлем, а после этого послушал его сердце и пульс.

— Череп рассечен, но не разбит,— сказал он.— Я думаю, что он может пролежать без сознания много дней, но если за ним ухаживать и кормить его, то этот молодой и сильный человек будет жить. Если же его оставить одного в этом холоде, он умрет к утру; и может быть, лучше, если он умрет.— И он взглянул на Мартина.

— Это было бы настоящим убийством,— ответил секретарь.— Пойдемте отнесем его к огню и вольем

молока ему в горло. Мы еще можем его спасти. Поднимайте его за ноги, а я возьму за голову.

Аббат сделал это не особенно охотно, как показалось Мартину, скорее, как человек, у которого нет выбора.

Полчаса спустя, когда раны Кристофера были смазаны мазью и ему в горло было влито молоко, которое он проглотил, хотя и был без чувств, аббат, глядя на него, сказал Мартину:

— Ты отдал приказания насчет похорон Харфлита, не так ли?

Монах кивнул.

— А ты сказал кому-нибудь, что в настоящее время ему могила не нужна?

— Никому, кроме вас.

Аббат некоторое время раздумывал, потирая бритый подбородок.

— Я думаю, что похороны должны состояться,— сказал он вскоре.— Не пугайся: я не собираюсь хоронить его живым. Но в коровнике лежит еще один мертвец — Эндрью Вудс, мой слуга, шотландский солдат, убитый Харфлитом. У него здесь нет друзей, и никто не потребует его тела, а они примерно одного роста и объема. Завернутый в одеяло труп никто не распознает, а люди будут думать, что Эндрью похоронили вместе с остальными. Пусть он хотя бы после смерти поднимется выше своего звания и займет могилу рыцаря.

— С какой целью вы хотите сыграть такую безбожную шутку, тем более что через день все разъяснится? — спросил Мартин, пристально глядя на него.— Ведь все увидят, что сэр Кристофер жив.

— С весьма благой целью, мой друг. Пусть лучше все считают сэра Кристофера Харфлита мертвым; ибо, если узнают, что он жив, его могущественный родственник, живущий на юге, может навлечь на нас много неприятностей.

— Вы думаете?.. Если так, то, клянусь богом, я не стану в этом участвовать!

— Я сказал — считать мертвым. Куда девалась сегодня твоя сообразительность? — раздраженно ответил аббат.— Сэр Кристофер поедет с тобой в Испанию под именем больного брата Луиса; он, как и я, родом оттуда и хотел, как мы все знаем, вернуться домой, но слишком тяжело болен, чтобы осуществить это. Ты будешь ухажи-

вать за Харфлитом, и на корабле он или умрет или выздоровеет, в зависимости от божьей воли. Если он выздоровеет, то наше братство окажет ему в Севилье гостеприимство, несмотря на его преступления, а к тому времени, когда он опять вернется в Англию, что будет не скоро, люди забудут эту нашу схватку, переживая надвигающиеся более грандиозные события. Никто ему не повредит, поскольку леди, на которой он якобы женился, без сомнения умерла. Кстати, пусть он узнает об этом от тебя, если вновь обретет сознание.

— Странная игра,— пробормотал Мартин.

— Странная или нет, это моя игра, и я ее должен сыграть. Поэтому не задавай вопросов, а подчиняйся и дай клятву молчать,— холодно и жестко ответил аббат.— Крытые носилки, принесенные сюда для раненых, находятся в соседней комнате. Закутаем этого человека в одеяла и в монашескую рясу и положим его на них. Потом пусть братья, умеющие не задавать вопросов, отнесут его в Блосхолм, как одного из мертвецов, а перед рассветом, если он все еще будет жив, на корабль «Большой Ярмут». Корабль будет стоять у причала в полумиле от ворот аббатства. Торопись и помоги мне. Я догоню тебя с письмами и прослежу, чтобы тебе выдали все нужные вещи из нашей кладовой. Я еще должен поговорить с капитаном, прежде чем он поднимет якорь. Не трать больше времени на разговоры, а подчиняйся и храни все в тайне.

— Я подчинюсь и сохраняю все в тайне, как велит мне долг,— ответил брат Мартин, смиренно поклонившись.— Но чем кончится все это дело, знают только бог и его ангелы. Повторяю — мне оно не нравится.

— Очень опасный человек,— пробормотал аббат, глядя вслед Мартину.— Ему тоже следует побыть в Испании. И подольше. Я позабочусь об этом!

ГЛАВА VI

Проклятье Эмлин

На следующее утро после сожжения Тауэрса, как раз перед самым рассветом, труп, небрежно завернутый в саван, был перенесен из деревни на Крануэлское клад-

бище, где была вырыта неглубокая могила — его последний приют.

— Кого мы так спешно хороним? — спросил высоченный Томас Болл, один в темноте вырывший могилу, так как велено было сделать это срочно, а перепуганный суматохой могильщик убежал.

— Злодея этого, сэра Кристофера Харфлита, нанесшего нам такие потери, — сказал старый монах; ему приказали совершить обряд погребения, так как священник, отец Нектон, тоже уехал, боясь мести аббата за свое участие в бракосочетании Сайсели. — Печальная история, очень печальная история. Ночью они венчались и ночью же погребены: она — в пламени, он — в земле. Поистине, о господи, неисповедимы пути твои, и горе тому, кто подымает руку против твоих помазанников!

— Верно, что неисповедимы, — ответил Болл. Стоя в могиле, он взял труп за голову и положил его между своими широко расставленными ногами. — Настолько неисповедимы, что простой человек задумывается, каков будет неисповедимый конец всего этого и почему этот благородный молодой рыцарь стал неисповедимым образом намного легче, чем был. Наверное, из-за всех постигших его бед и голодухи в сожженном Тауэрс. Почему не положить его в склеп вместе с предками? Это бы избавило меня от работы в обществе привидений, часто посещающих это место. Что вы говорите, отец? Потому что плита замурована, а вход заложен кирпичами и не найти каменщика? Тогда почему бы не подождать, пока он не найдется? Да, неисповедимо, поистине неисповедимо! Но как я осмеливаюсь задавать вопросы? Если милорд аббат приказывает, монах повинует, ибо у настоятеля нашего пути тоже неисповедимы.

— Теперь все в порядке — лежит прямо на спине, ногами на восток, по крайней мере, я так думаю, потому что в темноте я не мог как следует разобраться, и вся неисповедимая история неисповедимо заканчивается. Дайте-ка мне вашу руку, чтобы выбраться из ямы, отец, и читайте скорее молитвы над грешным телом этого безбожного парня, осмелившегося жениться на любимой девушке и освободить от уз плоти души нескольких святых монахов или, вернее, нанятых ими головорезов (монахи-то ведь не дерутся), за то, что они хотели раз-

лучить тех, кого сочетал бог — то есть, я хочу сказать, дьявол, и присоединить их доходы к поместьям матери церкви.

Затем старый священник, дрожавший от холода и мало что разбиравший в путаной речи Болла, начал бормотать заупокойные молитвы, пропуская все, что не помнил наизусть. Так еще одно зерно было посажено на поле смерти и бессмертия, хотя, когда и где оно прорастет и что оно принесет, монах не знал и не стремился узнать: ему хотелось только поскорее убежать обратно от всех этих страхов и схваток назад, в свою привычную келью.

Все было кончено. Монах и носильщики ушли, прорываясь сквозь резкий сырой ветер и предоставив Томасу Боллу зарывать могилу, что он усердно делал до тех пор, пока они не скрылись из виду или, вернее, пока их уже не было слышно.

Когда они ушли, он спустился в яму как бы для того, чтобы утоптать рыхлую почву, и там, защищенный от ветра, уселся на ноги трупа и, раздумывая, стал отдыхать.

— Сэр Кристофер мертв, — пробормотал он сам себе. — Когда я был мальчишкой, я знал его деда, а мой дед говорил мне, что знал его деда, а что его дед знал прадеда его деда — и так было триста лет сряду, а теперь я сижу на оцепеневших пальцах последнего из них, зарубленного, подобно бешеному быку, в своем собственном дворе испанским священником и его наемниками, чтобы захватить богатство его жены. О! Да, это неисповедимо, воистину неисповедимо; и леди Сайсели мертва, сожженная, как обыкновенная ведьма. И Эмлин мертва — Эмлин, которую я столько раз обнимал на этом самом кладбище до того, как они силой заставили ее выйти замуж за старого жирного управляющего, а из меня сделали монаха.

Но мне она дала свой первый поцелуй, и — святые угодники! — как она проклинала старого Стауэра, возвращаясь по той вон тропинке! Я стоял там, за деревом, и слышал ее. Она сказала, что будет плясать на его могиле и плясала; я видел, как она это делала при лунном свете на следующую же ночь после того, как его похоронили: одетая в белое, она танцевала на его могиле. Да, Эмлин всегда выполняла свои обещания. Это у нсе

в крови. Мать ее была цыганской ведьмой, иначе она никогда не вышла бы замуж за испанца,— ведь все мужчины ее племени влюблены были в ее прекрасные глаза. Эмлин тоже ведьма или была ведьмой; ведь говорят, что она умерла, но мне как-то не верится — не из тех она, кто так просто умирает. Все же она, пожалуй, умерла, и для спасения моей души это к лучшему. О несчастный человек! О чем ты думаешь? Отыди от меня, сатана, если найдешь, куда отойти. Могила для тебя не место, сатана, но я хотел бы, чтобы ты сейчас находилась со мной, Эмлин. Ты, должно быть, была ведьма, потому что после тебя мне никогда не нравилась никакая другая женщина, а это противоестественно,— ведь на безрыбье и рак — рыба. Ясно — ведьма, и самая вредная, но, моя любимая, ведьма ты или нет, я хотел бы, чтобы ты была жива, и ради тебя я сломаю шею этому аббату, даже если погублю свою душу. О Эмлин, моя любимая, моя любимая! Помнишь, как мы целовались в рощице у реки?.. Разве может какая-нибудь женщина любить так, как ты?

И он продолжал стонать, раскачиваясь взад и вперед на ногах трупа, пока, наконец, алый яркий луч восходящего солнца не забрался в темную яму, осветив прежде всего полусгнивший череп, не замеченный Боллом в разрыхленной земле. Болл поднялся и выкинул его оттуда со словами, которые неуместны на устах монаха, но ведь и мысли, которым он только что предавался, тоже не должны были возникать в его голове. Затем он принялся за дело, задуманное им в те мгновения, когда он отвлекался от своих любовных мечтаний,— в некотором роде темное дело.

Вытащив нож из ножен, он разрезал грубые швы савана и онемевшими руками стащил его с головы трупа.

Солнце скрылось за тучей, и, чтобы не терять времени, он начал ощупывать лицо трупа.

— У сэра Кристофера нос не был перебит,— бормотал он про себя,— если только это не произошло в последней схватке; но тогда кости не могли бы еще срастись, а тут кость крепкая. Нет, нет, у него был очень красивый нос.

Солнечный луч появился снова, и Томас, взглядевшись в мертвое лицо, разразился вдруг хриплым смехом:

— Именем всех святых! Вот еще один фокус нашего

испанца. Это пьяница Эндрю — шотландец, превратившийся в мертвого английского рыцаря. Кристофер убил его, а теперь он стал Кристофером. Но где же сам Кристофер?

Он немного подумал, потом, выскочив из могилы, начал торопливо ее зарывать.

— Ты Кристофер, — сказал он, — хорошо, оставайся Кристофером, пока я не смогу доказать, что ты Эндрю. Прощай, сэр Эндрю-Кристофер; я пойду искать тех, кто лучше тебя. Если ты мертв, то мертвые, может быть, живы. После этого и Эмлин, возможно, не померла. О, нынче дьявол разыгрывает веселые шутки вокруг Крануэл Тауэrsa, и Томас Болл хочет принять в них участие.

Он был прав. Дьявол разыгрывал веселую шутку. По крайней мере, так думал не один только Томас. Например, те же мысли приходили в голову заблуждавшегося, но честного фанатика Мартина, когда он смотрел на все еще бесчувственное тело сэра Кристофера, названного братом Луисом и благополучно доставленного на борт «Большого Ярмута»; теперь, мертвый или живой — Мартин и сам не знал этого, — Кристофер лежал в маленькой каюте, предназначенной для них двоих.

Глядя на него и качая своей лысой головой, Мартин чуть ли не ощущал в этой тесной каюте запах серы, который, как он хорошо знал, был любимым запахом дьявола.

Сам капитан, косоглазый, угрюмый моряк, хорошо известный в Данвиче, где его прозвали Загребущим Ханжой за пылкое стремление приобретать, где только можно, деньги и искусно прятать их, казалось, ощущал нечистое влияние его величества сатаны. Плавание до сих пор было неудачно: отъезд задержался на шесть недель, то есть до самого плохого времени года, — пришлось ожидать каких-то таинственных писем и груза, который его хозяева велели ему везти в Севилью. Затем он вышел из реки с попутным ветром только для того, чтобы его вернула назад ужасающая буря, чуть не потопившая корабль.

Кроме того, шестеро его лучших людей сбежали, боясь путешествия в Испанию в такое время года, и он был вынужден взять наудачу других. Среди них был чернобородый широкоплечий парень, одетый в кожаную

куртку; на каблуках у него были шпоры, притом окровавленные,— видимо, он не успел их снять. Этот столь яростно гнавший своего коня всадник добрался до корабля на лодке, когда якорь был уже поднят и, бросив лодку на произвол судьбы, предложил хорошие деньги за проезд в Испанию или в любой другой иностранный порт и немедленно расплатился наличными. Загребущий взял деньги, хотя и с сомнением в душе, и выдал квитанцию на имя Чарльза Смита, не задавая вопросов, так как за это золото ему не надо было отчитываться перед хозяевами. Впоследствии этот человек, сняв шпоры и солдатскую куртку, принялся работать вместе с командой,— кое-кто из матросов, казалось, знал его, а во время случившейся потом бури он показал себя человеком сильным и полезным, хотя и не опытным моряком.

Все же этот Чарльз Смит и его окровавленные шпоры вызывали у капитана недоверие, и, если бы у него хватало рабочих рук и он не взял с негодяя солидные деньги, он бы с удовольствием высадил его на берег, когда они опять вошли в реку, особенно теперь, когда он услышал, что в Блосхолме было совершено убийство, что сэр Джон Фотрел лежит убитый в лесу. Может быть, этот Чарльз Смит и убил его. Ну что ж, даже если так, это ведь не его дело, а он не мог пренебречь рабочими руками.

Теперь же, когда наконец погода установилась, в самый момент подъема якоря является вдруг блосхолмский настоятель, чье распоряжение и заставило его задержаться, с каким-то худолицым монахом и другим пассажиром — по словам аббата, то был больной из его братии,— завернутым в одеяла и, по всей видимости, бездыханным.

Почему, удивлялся пронцательный Загребущий Ханжа, больной монах носит кольчугу? Ведь он нащупал ее сквозь одеяло, когда помогал поднять больного по лестнице, хотя, правда, сапоги на ногах у этого человека были монашеские. И почему голова монаха, как он заметил, когда покрывало на минуту соскользнуло, была обвязана окровавленным полотном?

Но когда он осмелился спросить аббата, что означает это таинственное обстоятельство, его милость, как раз отсчитывавший плату за проезд, дал ему весьма резкий ответ:

— Вам ведь приказано во всем мне подчиняться, капитан, и подчинение вряд ли совместимо с вмешательством в мои дела. Еще слово — и я сообщу о вас некоторым лицам в Испании, умеющим обращаться с интриганами. Если вы хотите снова увидеть Данвич, то придержите язык.

— Прошу прощения, милорд аббат, — сказал Загребуший, — но на корабле творятся такие дела, что мне становится страшно. Не может плавание быть удачным, если дважды поднимают якорь в одном и том же порту.

— Вы не улучшите положения, капитан, вынюхивая мои дела и дела церкви. Или вы хотите, чтобы я наложил на вас ее проклятие?

— Нет, ваша милость, наоборот, я хочу, чтобы вы сняли проклятие, — ответил Загребуший Ханжа, который был крайне суеверен. — Сделайте это, и я повезу дюжину больных священников в Испанию, даже если им нравится носить кольчугу для умерщвления плоти.

Аббат улыбнулся и затем, подняв руку, произнес какие-то слова по-латыни, и так как Загребуший их не понял, то счел весьма благотворными. Как раз когда они слетали с губ настоятеля, «Большой Ярмут» начал двигаться, так как моряки поднимали якорь.

— Я не стану сопровождать вас в этом плавании, а потому прощайте, — сказал аббат. — Святые будут с вами, как и мои молитвы. Поскольку вы не пойдете через Гибралтарский пролив, где, я слышал, скрывается много язычников-пиратов, при хорошей погоде ваше путешествие окончится вполне благополучно. Еще раз прощайте. Я поручаю вашему попечению брата Мартина и нашего больного друга и потребую отчета о них, когда мы встретимся снова.

«Надеюсь, это случится не здесь, по сю сторону ада: не нравится мне этот испанский аббат и его пассажиры, мертвые или живые», — думал про себя Загребуший, когда он с поклоном провожал его из каюты.

Минутой позже аббат, торопливо и озабоченно сказав Мартину несколько слов, начал спускаться по трапу в лодку, где на веслах сидели его люди, медленно ведя ее в уровень с кораблем. Спускаясь, он оглянулся и в липком утреннем тумане, почти таком же плотном, как шерсть, увидел лицо человека, которому было приказано держать лестницу, и узнал в нем Джеффри Стоукса, спас-

шегоса бегством во время убийства сэра Джона — спасшегося бегством с проклятыми бумагами, стоившими жизни его хозяину. Да, это Джеффри Стоукс, никто иной. Аббат намеревался что-то сказать, но, прежде чем одно слово слетело с его губ, произошел несчастный случай.

Аббату показалось, что будто весь корабль яростно ударил его сзади, так яростно, что он полетел головой вперед, упал в лодку между гребцами и лежал там, будучи не в силах пошевелиться и вздохнуть.

— Что случилось? — спросил капитан, услышав шум.

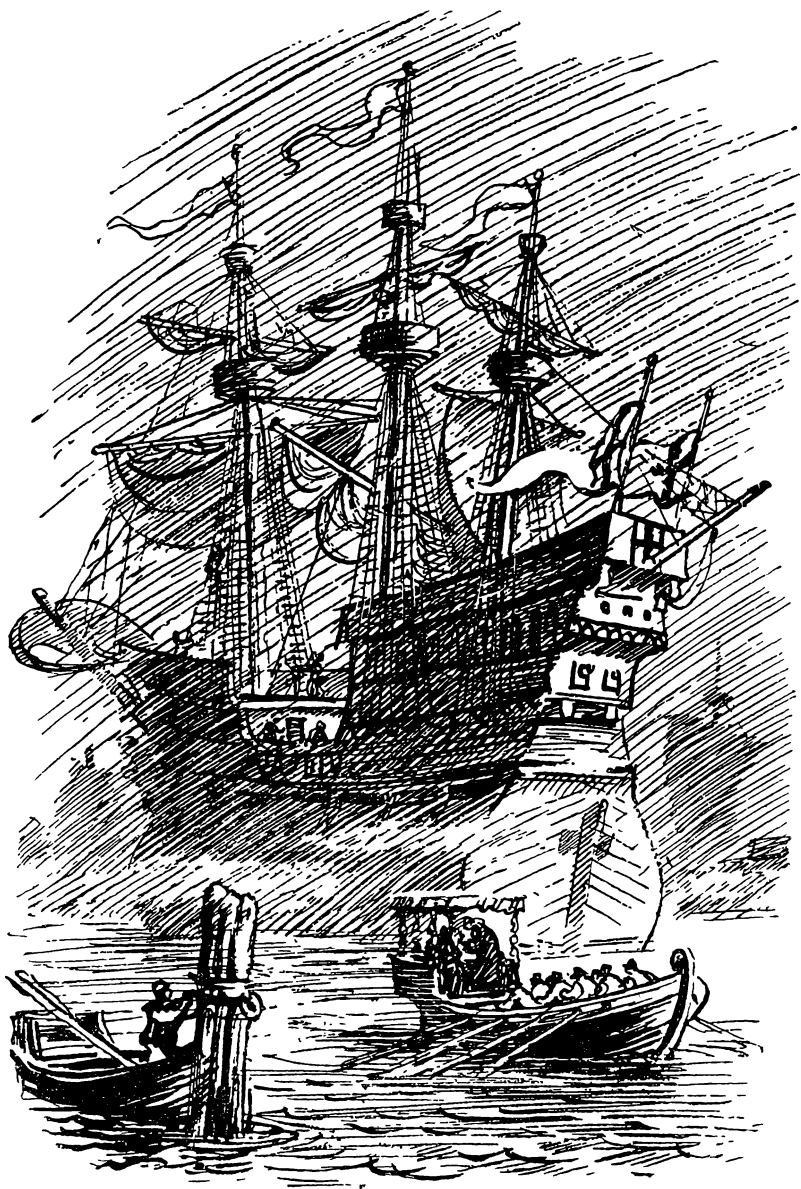
— Аббат поскользнулся или трап соскользнул, уж не знаю, что там произошло, — ответил Джеффри сердито, уставившись на носок своего морского сапога. — Во всяком случае, он теперь в лодке, в полной безопасности.

Повернувшись, он прошел к носовой части судна и исчез в тумане, бормоча себе под нос:

— Очень хороший удар, хотя немного высоковато. Но я хотел бы, чтобы он соскользнул с лестницы, предназначенной для другой цели. Этот мерзкий убийца хорошо бы выглядел с веревкой на шее. Не решился я на большее, хотя и это помогло заткнуть его лживую глотку, прежде чем он меня выдал. О, мой бедный хозяин, мой бедный старый хозяин!

Тяжко страдая от ушибов и ссадин, чувствуя себя очень плохо, через час с небольшим аббат Мэлдон вернулся к развалинам Крануэл Тауэрса. Могло показаться странным, что он направился туда, но, сказать правду, его смятенное сердце не давало ему покоя. Все планы настоятеля до сих пор осуществлялись великолепно. Сэр Джон Фотрел был мертв — конечно, это преступление, но преступление необходимое, так как если бы рыцарь остался жив и приехал в Лондон с документами в кармане, аббату пришлось бы поплатиться своей собственной жизнью и жизнью многих других, ибо кто знает, какие истины могут быть вырваны у жертвы, пытаемой на дыбе. Мэлдон всегда боялся дыбы; этот кошмар преследовал его по ночам, хотя честолубивое коварство его натуры и дело, которому он служил душой и сердцем, постоянно подвергали аббата опасности изведать подобную участь.

В момент, когда он не был настороже, когда у него от вина развязался язык, он отдал себя во власть сэра Джона Фотрела, надеясь привлечь его на сторону

Аббат, подняв руку, произнес какие-то слова по-латыни, и «Большой Ярмут» начал двигаться...

Испании, а потом, забыв об этом, сделал его своим самым злейшим врагом. Этот враг должен был погибнуть, ибо, если бы он остался в живых, не только сам аббат мог погибнуть, но рухнули бы и все планы о восстании церкви против короны. Да, да, это было законно, и ему наверняка простят в случае, если правда обнаружится. До сегодняшнего утра он надеялся, что ее никто не узнает, но теперь выяснилось, что Джеффри Стоукс бежал на корабле «Большой Ярмут».

О, если бы только он увидел его минутой раньше; если бы только что-то — а может быть, это был сам нечестивый негодяй Джеффри? — что-то не ударило его так сильно в спину и не швырнуло в лодку, где он лежал почти без сознания, пока судно уплывало от них вниз по реке. Итак, оно ушло, и с ним Джеффри. Но в конце-то концов он был всего лишь простым слугой, и даже если ему что-нибудь известно, у него никогда не хватит ума воспользоваться своим знанием, хотя, правда, он оказался достаточно умным, чтобы бежать из Англии.

На теле сэра Джона не нашли никаких бумаг. Без сомнения, старый рыцарь успел передать их Джеффри, покинувшему теперь королевство в одежде моряка. О! какой злой случай привел его на борт одного и того же судна с сэром Кристофером Харфлитом!

Да, сэр Кристофер Харфлит, возможно, умер бы; если бы брат Мартин не был таким дураком, он наверняка бы умер; но факт оставался фактом — этот монах, вообще способный, в таких делах был дураком, его совестливость в данных обстоятельствах становилась помехой. Если Кристофера можно будет спасти, то Мартин спасет его, как он уже спас его в коровнике, даже если и передаст его потом в руки инквизиции¹. Все же умереть он еще может, несмотря на уход; судно тоже может погибнуть, особенно в такое время года, о чем следует пламенно молиться. Нужно также при первой okazji отправить в Испанию кое-какие письма, благодаря которым действия брата Мартина и сэра Кристофера Хар-

¹ Инквизиция — судебно-полицейское учреждение католической церкви, созданное в XIII веке для борьбы с так называемыми еретиками; применяла к своим жертвам жесточайшие пытки, сжигала их на кострах. Сильнее всего инквизиция свирепствовала в Испании.

флита, если он выживет и попадет туда, встретятся со всевозможными препятствиями.

Тем временем, размышлял Мэлдон, и в других отношениях все шло не так, как нужно бы. Он хотел объявить себя опекуном Сайсели и заточить ее в монастырь, чтобы овладеть ее огромными землями, необходимыми ему для святого дела, но он не желал ее смерти. Право, он любил эту девушку, зная ее с детства, и ее невинная кровь легла тяжелым грузом на его душу, ведь в глубине сердца он никогда не стремился к кровопролитию. Все же не он, а само небо умертвило ее, и теперь этого нельзя было исправить. А раз она мертва, ее наследство, думал он, перейдет к нему в руки без дальнейших неприятностей, ибо у него — аббата с правами епископа, занимающего место в палате лордов, — были люди в Лондоне, которые за плату могли замять расследование этого темного дела.

Нет, нет, он не должен быть мягкосердечным. Потому что, в конце концов, он достиг многого, за что нужно быть благодарным. Дело их продолжается — великое дело церкви, которой угрожают и которой он посвятил свою жизнь. Генрих — еретик — падет. Испанский император — он любит аббата, своего шпиона, — вторгнется и захватит Англию. И Мэлдон еще доживет до того дня, когда святая инквизиция начнет работать в Вестминстере¹, а он сам — да, он сам — разве ему на это не намекнули? — сядет в долгожданной кардинальской красной шапке² на престол епископа Кентерберийского³, а затем — о великая мечта! — затем, может быть, окажется и в Риме с тройной папской тиарой⁴ на голове!

Шел сильный дождь, когда аббат в сопровождении двух монахов и полдюжины оруженосцев подъехал к Крануэлу. Дом превратился в кучу дымящегося пепла, обуглившихся балок и обожженной глины, и среди них

¹ Вестминстер — часть Лондона, в которой расположены парламент и другие правительственные учреждения.

² Красная шапка — головной убор кардинала.

³ Епископ Кентерберийский — сначала глава католической церкви в Англии, а после реформации — высший (после короля) сановник англиканской церкви. Его резиденцией является город Кентербери в юго-восточной Англии.

⁴ Тиара — трехглавая корона папы римского.

сквозь дождь, превращавшийся в облака пара, чуть виднелась угрюмая старая Нормандская башня; языки пламени напрасно лизали ее каменные стены.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил один из монахов, с трепетом глядя на эту ужасную картину.

— Чтобы найти тела леди Сайсели и ее служанки и предать их земле по христианскому обряду, — ответил аббат.

— После того как их убили самым нехристианским способом, — пробормотал про себя монах, затем добавил вслух: — Вы всегда были милосердны, милорд аббат, и хотя она не послушалась вас, с благородной леди нельзя поступить иначе. А кормилица Эмлин была ведьмой и кончила тем, чего заслуживала, если, конечно, она действительно умерла.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросил аббат.

— Я хочу сказать, что раз она была ведьмой, то огонь мог и не тронуть ее.

— Дал бы тогда господь, чтобы он не тронул и ее хозяйки. Но этого не может быть. Только дьявол мог выжить в пекле этой печи. Посмотрите, даже башня выжжена.

— Да, этого не может быть, — ответил монах, — поэтому, раз мы их никогда не найдем, давайте отслужим погребальную службу над этой огромной мрачной могилой и уйдем — чем скорее, тем лучше, потому что в этом месте наверно гнездятся привидения.

— Сперва мы должны разыскать их кости, там, под этой башней; на ней мы их видели в последний раз, — ответил аббат, добавив тихо: — Помни, брат, у леди Сайсели были драгоценные украшения, составляющие часть ее наследства; если они были завернуты в кожу, пламя могло пощадить их. В Шефтоне их не удалось найти. Значит, они здесь, но нельзя поручать поиски простому народу. Вот почему я поторопился прийти сюда сам. Понимаешь?

Монах кивнул головой. Сойдя с лошадей, они отдали их слугам и начали осматривать развалины, причем аббат опирался на руку своего подчиненного; он чувствовал сильную боль от удара, который Джефри нанес ему в спину своим матросским сапогом, и от синяков, полученных при падении в лодку.

Сначала они прошли под не тронутой огнем стороже-

вой башней у ворот и попали во двор, где их окутал удушливый дым тлеющего хлама, так что дальше они идти не могли: следует помнить, что стены дома обрушились не внутрь его, а во двор. Здесь они обнаружили лежащее под трупом лошади тело одного из людей, убитых Кристофером в последней схватке, и велели его вынести.

Затем, оставив мертвеца под воротами, они в сопровождении своих людей обошли вокруг развалин, придерживаясь внутренней стороны рва, пока не дошли до маленького садика для прогулок с задней стороны дома.

— Посмотрите,— испуганно сказал монах, указывая на опаленные кусты, бывшие когда-то беседкой.

Аббат посмотрел туда, но сперва ничего не мог различить из-за клубов дыма. Вскоре дуновение ветра отогнало их в сторону, и там он увидел фигуры двух женщин, стоявших рука об руку. Его люди тоже увидели их и громко закричали, что это призраки Сайсели и Эмлин. Пока они кричали, эти фигуры, по-прежнему держась за руки, стали двигаться к ним, и они увидели, что это действительно были Сайсели и Эмлин, но живые и совершенно невредимые.

С минуту царило глубокое молчание; потом аббат спросил:

— Откуда вы появились, мисс Сайсели?

— Из огня,— ответила она тихим невозмутимым голосом.

— Из огня! Как вы выжили в этом огне?

— Бог послал своего ангела, чтобы спасти нас,— ответила она так же тихо.

— Чудо,— пробормотал монах,— настоящее чудо!

— Или, может быть, колдовство Эмлин Стоуэр,— воскликнул один из стоявших позади, и Мэлдон вздрогнул при этих словах.

— Отведите меня к моему мужу, милорд аббат, чтобы его сердце не разбилось при мысли, что я мертва,— сказала Сайсели.

И опять наступила такая глубокая тишина, что можно было услышать стук каждой капли падающего дождя. Дважды аббат безуспешно пытался заговорить, но все же наконец произнес:

— Человек, которого ты называешь своим мужем, но

который был не мужем твоим, а похитителем, погиб прошлой ночью в схватке, Сайсели Фотрел.

Она стояла с минуту неподвижно, как бы обдумывая его слова, потом сказала тем же неестественным голосом:

— Вы лжете, милорд аббат. Вы всегда были лжецом, как отец ваш дьявол. Хотя я видела, как Кристофер упал, он на самом деле жив — да, я знаю это и еще многое другое.— И она закрыла рукой глаза, словно для того, чтобы не видеть лица своего врага.

Теперь аббат задрожал от ужаса — ведь он-то знал, что лжет, хотя никто из присутствовавших тогда и не подозревал об этом. Ему казалось, что его внезапно призвали на Страшный суд, где все тайное должно стать явным.

— Злой дух вселился в тебя,— сказал он хрипло.

Она опустила руку, указывая на него:

— Нет, нет; я знала только одного злого духа, и вот он стоит передо мной.

— Сайсели, — продолжал он, — перестань богохульствовать! Увы! Я должен сказать тебе правду. Сэр Кристофер Харфлит мертв, и его похоронили на этом кладбище.

— Что! Благородного рыцаря зарыли так быстро, даже не положив в гроб? Значит, вы похоронили его живым, и настанет день, когда он, живой, выступит против вас. Слушайте все мои слова. Кристофер Харфлит появится живой и невредимый и даст показания против этого дьявола в монашеской одежде, а потом, а потом...— Тут она дико захохотала, затем вдруг упала и осталась лежать неподвижно.

Тогда красивая и смуглая от своей испанской или, может быть, цыганской крови Эмлин, все время стоявшая молча, сложив руки на высокой груди, наклонилась и посмотрела на нее. Потом выпрямилась, и ее лицо казалось лицом прекрасного демона.

— Она умерла! — воскликнула она. — Моя голубка умерла. Она, вскормленная моей грудью, знатнейшая леди всей нашей округи, владелица Блосхолма, Крануэла и Шефтона, в чьих жилах текла кровь славных рыцарей и даже древних королей, умерла, убитая жалким иноземным монахом, умертвившим всего десять дней назад ее отца, там, у Королевского кургана, там, у заводи. О! Стрела в его горле! Стрела в его горле! Я про-

кляла руки, выпустившие ее, и сегодня эти руки, посиневшие руки мертвеца, уже в могиле. И так же я проклинаю тебя, Мальдонадо, злодей-настоятель, рукоположенный самим сатаной, тебя и всю твою шайку палачей! — И она разразилась потоком испанских ругательств, которые аббат отлично понимал.

Но вот Эмлин остановилась и посмотрела назад, на тлеющие развалины.

— Этот дом сожгли! — воскликнула она. — Так запомни слова Эмлин: точно так же будет гореть твой дом, и твои монахи разбегутся, визжа, как крысы, из горящего стога. Ты присвоил чужую землю — она будет отнята у тебя, и отняты будут твои собственные земли, все до последнего акра. Не останется даже клочка, чтобы зарыть тебя, потому что, монах, тебя и не придется хоронить: птицы обчистят твои кости, а на небо тебе суждено попасть только в их зобах. Убийца, если Кристофер Харфлит умер, он все же оживет, как поклялась его супруга, потому что его потомство восстанет против тебя. О! я забыла; как может это случиться, как может это случиться, раз и она умерла вместе с ним, а их брачное покрывало превратилось в саван, сотканный черными монахами? И все же так будет, так будет! Каким образом, я не знаю, но потомство Кристофера Харфлита восстанет, оно будет хозяином там, где хозяйничали блосхолмские аббаты, и от отца к сыну станет передаваться повесть о последнем из них — испанце, устраивавшем заговоры против английского короля и погубившем себя самого.

Ярость Эмлин, как штормовой ветер, меняла направление. Забыв аббата, она повернулась к монаху, стоявшему рядом с ним, и прокляла его. Потом она прокляла наемных оруженосцев, находившихся тут же и отсутствовавших, — многих из них поименно, и, наконец, — самое страшное преступление — она прокляла папу и короля Испании и призвала бога на небесах и Генриха Английского на земле отомстить за несправедливости, причиненные леди Сайсели, за убийство сэра Джона Фотрела и за убийство сэра Кристофера Харфлита, отомстить каждому из них в отдельности и всем вместе.

Таковыми яростными и страшными были ее неистовые речи, что все, кто их слышал, стояли оторопев. Аббат и монах прижались друг к другу, солдаты крестились и

бормотали молитвы, а один из них, подбежав к Эмлин, упал на колени и стал уверять ее, что он не принимал никакого участия в этом деле, потому что вернулся только накануне вечером из поездки и только утром был вызван сюда.

Эмлин, которая на мгновение смолкла, чтобы передохнуть, выслушав его, сказала:

— Тогда я снимаю проклятие с тебя и твоих близких, Джон Эти. Теперь подними мою леди и отнеси ее в церковь, там она будет лежать, как подобает ее званию, хотя и без своих украшений, великолепных, бесценных украшений, из-за которых за ней охотились, как за кроликом. Ей придется лежать без своих драгоценностей, без жемчугов и диадемы, без колец, пояса и ожерелья из сверкающих жемчужин, стоившего гораздо больше, чем все эти жалкие земли; ожерелье, которое некогда носила жена султана. Они погибли, хотя, может быть, этот аббат нашел их. Сэр Джон Фотрел для сохранности повез их в Лондон, а добрый сэр Джон мертв; бродяги в лесу напали на него, и стрела, пущенная сзади, пронзила ему горло. Те, кто убил его, захватили эти драгоценности, и мертвая невеста должна лежать без них, украшенная лишь своей собственной красой, данной ей богом. Подними ее, Джон Эти, а вы, монахи, начинайте погребальное пение, мы пойдем в церковь. Невеста, лишь на днях стоявшая перед алтарем, теперь будет лежать перед ним, как последняя жертва богу от Клемента Мальдонадо. Сначала отец, потом муж, а теперь жена — милая, молодая жена!

Так бушевала она, и все, как громом пораженные, стояли перед ней, а Джон Эти поднимал Сайсели. И вдруг Сайсели, которую все считали умершей, открыла глаза, высвободилась из его рук и встала на ноги.

— Смотрите, — вскрикнула Эмлин, — разве я вам не говорила, что потомство Харфлита должно жить, чтобы отомстить всему вашему племени? Вот уже встала та, кто сохранит его семя. Где же мы теперь найдем убежище, пока вся Англия не узнает эту историю? Крануэл разрушен, хотя он поднимется снова, а Шефтон присвоен врагом. Где же нам укрыться?

— Оттащите прочь эту женщину, — сказал аббат хриплым голосом, — ее колдовство отравляет воздух. Посадите леди Сайсели на лошадь и отвезите ее в

— Так запомни мои слова,— воскликнула Эмлин,— точно так же
будет гореть и твой дом...

Блосхолмскую женскую обитель, где о ней позаботятся.

Люди, хотя и очень неуверенно, двинулись вперед, чтобы исполнить его приказание. Но Эмлин, услышав то, что он сказал, подбежала к аббату и прошептала ему что-то на ухо на чужом языке; он отшатнулся от нее, перекрестился.

— Я передумал,— сказал он слугам.— Миссис Эмлин напомнила мне, что вскормила леди своей грудью, заменяя ей мать. Пока они должны остаться вместе. Отведите их обеих в монастырь, где они будут жить, и забудьте слова этой женщины, потому что она сошла с ума от страха и горя и сама не понимала того, что говорила. Пусть бог и его святые простят ей, как прощаю я.

ГЛАВА VI

Предложение аббата

В Блосхолмской женской обители — длинном сером доме, расположенном под тенью холма и огороженном высокой стеной,— все было спокойно. За стеной при доме был также большой, довольно запущенный сад и часовня — все еще красивая, хотя и начавшая разрушаться.

Когда-то Блосхолмский женский монастырь, построенный ранее аббатства, был богатым и знаменитым. Во времена Эдуарда I его основательница, некая леди Матильда из рода Плантагенетов¹, удалившаяся от света после того, как ее муж был убит в крестовом походе, не имея детей, принесла в дар ему все свои земли. Другие знатные леди, сопровождавшие ее туда или искавшие там приюта в последующие времена, поступали таким же образом, поэтому монастырь стал могущественным и богатым, так что в момент наивысшего процветания в его стенах перебирали четки более двадцати монахинь.

Потом на противоположном холме выросло гордое аббатство, получившее королевскую грамоту, утвержден-

¹ Плантагенеты — династия английских королей, представители которой правили Англией с 1154 по 1399 год.

ную папой, по которой Блосхолмский монастырь был присоединен к Блосхолмскому аббатству, и блосхолмский аббат стал духовным руководителем всех его монахинь. С этого времени богатство монастыря пошло на убыль, так как под тем или иным предлогом аббаты растаскивали по кусочкам его земли, чтобы расширять свои собственные владения.

Ко дню, когда начинается наша повесть, весь доход женской обители снизился до 130 фунтов в год на тогдашние деньги, и даже с этой суммы аббат взимал церковную десятину. Теперь в этом большом доме, когда-то густо населенном, жило всего шесть монахинь, одна из которых фактически была служанкой, а старый монах из аббатства служил мессу в красивой часовне, где лежали останки всех умерших до этого инокинь. В некоторые праздники служил сам аббат, исповедовал монахинь, отпуская им грехи, и давал свое святое благословение. В эти дни он просматривал счета обители и, если в ней имелись наличные деньги, брал часть из них для своих нужд, почему настоятельница и не очень радовалась его появлению.

Именно в этот древний и мирный дом, наутро после великого пожарища, были препровождены обезумевшая Сайсели и ее служанка Эмлин. Сайсели и раньше уже хорошо его знала, так как в течение трех лет, еще ребенком, она каждый день ходила сюда учиться у матери Матильды; каждая настоятельница принимала это имя в честь его основательницы и в соответствии с ее завещанием.

Это были счастливые годы, потому что старые монахини любили ее, когда она была юной и невинной, и она тоже любила каждую из них. Теперь волею судьбы ее привезли обратно в ту же тихую комнату, где она играла и училась,— ее, молодую жену и молодую вдову.

Но обо всем этом бедная Сайсели узнала лишь спустя три недели, когда наконец ее блуждающий ум прояснился и глаза опять увидели мир. В ту минуту при ней никого не было; лежа, оглянувшись она вокруг себя Место было ей знакомо. Она узнала глубокие окна, выцветшие гобелены, изображающие Авраама, ножом мясника разрезающего горло Исааку, и Иону, выскочившего из глотки гигантского карпа с выпученными глазами (модель для своего «кита» бесхитростный худож-

ник нашел в кастрюле) и очутившегося прямо у ворот своего замка, где его ждала семья. Да, она помнила эти забавные картины, помнила, как часто размышляла, сможет ли тяжело раненный Исаак выжить, сможет ли простершая руки жена Ионы выдержать внезапное потрясение, увидев мужа, выскочившего из чрева «кита».

Там был и великолепный камин из обтесанного камня, а над ним, в искусном обрамлении из золоченого дуба, сверкало много щитов с гербами, но без шлемов, потому что они принадлежали разным высокородным настоятельницам.

Да, конечно, это была большая комната для гостей Блосхолмского монастыря, а так как теперь у монахинь бывало мало гостей, а комнат для их размещения было много, эта комната была отдана ей, наследнице сэра Джона Фотрела, в качестве классной. И там она лежала, думая, что опять стала ребенком, счастливым, беззаботным ребенком, или что, может быть, это ей снится, пока, наконец, не открылась дверь и не появилась мать Матильда, а следом за ней Эмлин с подносом, на котором стояла дымящаяся серебряная миска. Да, это была мать Матильда в черном монашеском платье и в белом платке, с серебряным распятием на груди, символом ее должности, и золотым кольцом с большим изумрудом, на котором было вырезано изображение святой Екатерины во время пытки на колесе. Это старинное кольцо с самого основания носила каждая настоятельница Блосхолма. Да и без того нельзя было не узнать мать Матильду; кто хоть раз ее видел, не мог забыть ласкового старческого благородного лица с красивыми губами, орлиным носом и живыми добрыми серыми глазами.

Сайсели попыталась подняться, чтоб поклониться, по обычаю детских лет, но тотчас поняла, что не в силах сделать это, и, увы, опять тяжело упала на подушку. После этого Эмлин, с грохотом поставив поднос на стол, подбежала к Сайсели и, обвив ее руками, начала по своему обыкновению бранить ее, хотя и очень мягким голосом; а мать Матильда, опустившись на колени у кровати, возблагодарила Иисуса и всех его благословенных святых, хотя сначала Сайсели не поняла, за что она, собственно, благодарит его.

— Разве я больна, преподобная мать? — спросила она.

— Теперь уж нет, дочь моя, но ты была очень больна, — ответила настоятельница приятным тихим голосом. — Теперь мы думаем, что бог вылечил тебя.

— Сколько времени я здесь? — спросила она.

Настоятельница начала вспоминать, пересчитывая свои четки, отбрасывая по зерну на день — ибо в таких местах времени не замечают, — но задолго до того, как она кончила, Эмлин быстро ответила:

— Вчера вечером исполнилось три недели, как сгорел Крануэл Тауэрс.

Тогда Сайсели вспомнила и с горестным стоном отвернулась к стене, а настоятельница стала упрекать Эмлин, говоря, что она убила ее.

— Не думаю, — ответила няня тихим голосом. — Думаю, у нее есть то, что не даст ей умереть. — И этих слов настоятельница тогда не поняла.

Эмлин была права. Сайсели не умерла. Напротив, она стала здоровее телом, и ей стало лучше, хотя прошло много времени, прежде чем к ней вернулся рассудок. И действительно, она как привидение скользила по дому в своем черном траурном платье, ибо теперь она больше не сомневалась, что Кристофер умер и что она, всего неделю побыв женой, теперь овдовела так же, как и осиротела.

В этом бескрайнем отчаянии к ней вернулся покой; свет пролился на мрак ее души, как луна в полночь над истомленным морем. Она больше не была одна: убитый Кристофер оставил ей свой образ. Если она выживет, она родит ему ребенка, и поэтому она, конечно, должна жить. Однажды вечером, на коленях во время молитвы, она шепотом сообщила о своей тайне настоятельнице Матильде, отчего старая монахиня зарделась, как девочка, однако, помолившись про себя, положила тонкую руку ей на голову в знак благословения.

— Лорд аббат заявляет, что твой брак не был законным, дочь моя, хотя почему, я не понимаю, раз мужем стал тот, кого выбрало твое сердце и ты была обвенчана с ним рукоположенным в духовный сан священником перед алтарем господи и в присутствии прихожан.

— Мне все равно, что он говорит, — упрямо ответила Сайсели. — Если я незаконная жена, то, значит, никогда ни одна женщина не была законной.

— Дорогая дочь,— ответила мать Матильда,— не нам, неученым женщинам, оспаривать мудрость святого аббата, без сомнения вдохновленного свыше.

— Если он вдохновлен, то уж никак не свыше, мать. Разве бог и его святые повелели бы ему убить моего отца и моего мужа, чтобы захватить мое наследство или чтобы держать меня здесь в заключении — правда, не очень тяжком? Такое вдохновение свыше не приходит.

— Тише, тише! — сказала настоятельница, боязливо оглядываясь вокруг. — Горе лишило тебя рассудка. Кроме того, у тебя нет доказательств. В этом мире столько для нас непонятных вещей. Раз он аббат, то не может поступать неправильно, хотя нам его поступки и могут казаться несправедливыми. Но давай больше не будем говорить об этом; я ведь узнала обо всем лишь от злоязычной твоей Эмлин, не побоявшейся, как мне сказали, проклясть его самым страшным проклятием. Я же собиралась сказать тебе, что каким бы ни был закон, я считаю твой брак истинным и законным, а его последствия, если они будут, чистыми и неопороченными, и каждую ночь буду молиться, чтобы на будущего твоего отпрыска сошло самое щедрое небесное благословение.

— Благодарю вас, дорогая матушка,— ответила Сайсели, вставая и уходя.

Когда она ушла, настоятельница тоже встала и в беспокойстве начала расхаживать взад и вперед по трапезной, где происходил этот разговор. Ее терзали сомнения: если все это не клевета (но не могло же оно все быть клеветой), значит, аббат, которому она, англичанка, в глубине души всегда не доверяла,— этот смуглый ловкий испанский монах — был не святой, а гнусный негодяй? Но как же мог рукоположенный аббат оказаться негодяем? Должно быть какое-то объяснение, только она почему-то не в состоянии его найти.

Вскоре новость распространилась по монастырю, и если сестры любили Сайсели и до этого, то теперь они полюбили ее вдвойне. Сомнениям относительно законности ее брака они, как и настоятельница, не придавали никакого значения, потому что разве он не был совершен в церкви? Но то, что в их монастыре должен был родиться ребенок — ах! это было радостным событием, собы-

тием, не случавшимся здесь уже две сотни лет, когда — увы! (так говорили легенды и записи) — произошел ужасный скандал, о котором говорят только шепотом. Ибо — да будет это всем известно! — их обитель (что бы там ни бывало в других) — одна из тех, о которых ничего худого сказать нельзя.

Одетые в черные платья, эти старые монахини все еще оставались такими же женщинами, как и их матери, выносившие их, и новость о ребенке взбудоражила их до глубины души. Между собой, в часы отдыха, они почти ни о чем другом не говорили, и даже их молитвы в большинстве своем были посвящены тому же самому. А бедная, слабоумная старая сестра Бриджет, на которую до сих пор смотрели сверху вниз, потому что она была единственная из семьи не благородного происхождения, теперь стала очень популярной. Потому что сестра Бриджет в молодости была замужем и родила двух детей; после того как она овдовела, они оба умерли от оспы, и ее лицо осталось изрытым той же болезнью; оттого ли, что у нее не было надежды на другого мужа, как утверждали ее соседи, или потому, что ее сердце было разбито, как говорила она, но она приняла пострижение.

Теперь она назначила себя главным помощником Сайсели и, хотя эта леди была совершенно здорова и крепка, преследовала ее своими советами и ядовитыми микстурами собственного изготовления, пока Эмлин, налетев на старуху Бриджет, как буря, не выставила ее из комнаты и не выбросила все лекарства через окно.

В том, что сестры так заинтересовались столь незначительным вопросом, в самом деле не было ничего удивительного; надо представить себе, что если они и до этого вели жизнь отшельниц, то, с тех пор как среди них появилась леди Сайсели, эта жизнь стала еще в десять раз более замкнутой. Вскоре они узнали, что она и ее служанка, Эмлин Стоуэр, фактически находились здесь в заключении, а это означало, что и они, ее хозяйева, тоже были заключенными. Никому не разрешалось входить в монастырь, кроме молчаливого монаха, исповедовавшего их и служившего мессу, и по приказанию аббата, сестрам не разрешали выходить за пределы монастыря по какому бы то ни было поводу.

Так как единственным для них средством общения с теми, кто жил за стенами обители, был угрюмый глухой садовник, назначенный на эту должность, чтобы шпионить за ними, до них доходило извне очень немного новостей. Они были почти что умершими для мира, который, хотя они этого и не знали, как раз тогда был занят вопросами, близко касающимися всех церковных учреждений, в том числе и их монастыря.

Наконец однажды, когда Сайсели и Эмлин сидели в саду под цветущим деревом боярышника, ибо теперь наступила теплая июньская погода, к ним вдруг торопливо подошла сестра Бриджет с известием, что блосхолмский аббат желает их видеть. От этого Сайсели почувствовала себя худо, а Эмлин выругала Бриджет, спрашивая, не покинули ли ее остатки ума, если она считает это имя настолько приятным для ее хозяйки, что выкрикнула его ей прямо в уши.

Бедная старушка, не отличавшаяся умом и страшно боявшаяся Эмлин, после того как та выбросила в окно ее лекарства, начала всхлипывать, уверяя, что не хотела сделать ничего плохого. Но Сайсели, очнувшись, успокоила ее и отослала обратно — передать лорду настоятелю, что сейчас она к нему явится.

— Ты боишься его, госпожа? — спросила Эмлин, когда они собрались идти.

— Побаиваюсь, няня. Он вел себя как человек, которого надо бояться, — не правда ли? Мой отец и мой муж попали в его сети, и разве он пощадит последнюю рыбу в своем пруду — очень тесном пруду? — И она взглянула на высокие стены вокруг нее. — Я боюсь, чтобы он нас с тобой не разлучил и удивляюсь, как он этого еще не сделал.

— Дело в том, что мой отец был испанцем, и от него я знаю вещи, которые могут погубить аббата вместе с его друзьями — папой и императором. Кроме того, он верит, что у меня дурной глаз, и боится моего проклятия. Все же когда-нибудь он может попытаться умертвить меня — кто знает? Но тогда я унесу с собой тайну драгоценностей, потому что это лишь моя тайна; даже не твоя — ведь, если бы ты ее знала, они бы вытянули ее из тебя. Он захочет сделать тебя монахиней, но ты отвергни это, только без резкости. Скажи, что ты подумаешь об этом после рождения ребенка. До тех пор он

ничего не сможет сделать, а если последние новости матери Матильды верны, к тому времени, может быть, в Англии не будет больше монахинь.

В старый приемный зал, которым пользовались только когда приезжали гости или в других торжественных случаях, они вошли через боковую дверь совсем тихо и потому сразу же близко от себя увидели сидящего в кресле аббата; перед ним стояла настоятельница и отдавала отчет в своих расходах.

— Можете вы без него обходиться или нет,— услышали они его резкий голос,— но я должен получать ваш полугодовой доход. Времена сейчас плохие; нам, служителям бога, угрожает король-прелюбодей и его гордые министры, поклявшиеся ободрать нас до нитки и довести до голодной смерти. Я только что из Лондона и, хотя нашему врагу, Анне Болейн¹, отрубили ее капризную голову, говорю вам — опасность велика. Нужны деньги, чтобы поднять восстание, ибо без них вооружаться нельзя, а из Испании поступают гроши. Я договорился продать земли Фотрелов за ту цену, какую дадут, но до сих пор не могу предъявить на них документы. Или эта упрямая девчонка должна дать расписку в передаче мне прав, или постричься, иначе, пока она жива, какой-нибудь юрист или родственник сможет опротестовать продажу. Но готова ли она дать первые обеты? Если нет, я буду считать, что в этом большая доля вашей вины.

— Нет,— ответила настоятельница,— на это есть причины. Вы уезжали и не слышали.— Она поколебалась и, нервно оглянувшись, увидела Сайсели и Эмлин, стоящих позади нее.— Что ты здесь делаешь, дочь моя? — спросила она с такой строгостью, какой еще никогда не проявляла.

— Право, не знаю, матушка,— ответила Сайсели.— Сестра Бриджет сказала нам, что лорд аббат желал нас видеть.

— Я же велела ей сказать, чтобы вы ждали его в моей комнате...— сказала настоятельница раздраженным голосом.

¹ Анне Болейн отрубили... голову.— В 1536 году вторая жена Генриха VIII, Анна Болейн, была казнена по обвинению в измене королю. На следующий день после казни Генрих VIII женился на ее фрейлине — Джен Сеймур.

— Ну,— прервал аббат,— похоже, что ваша посланная просто дура; если это та изрытая оспой ведьма, то у нее не осталось мозгов уже много лет назад. Опекаемая Сайсели, здравствуй. После горестей, постигших тебя, о которых, с твоего разрешения, мы не будем говорить, потому что бесполезно тревожить подобные воспоминания, я надеялся, что ты сменишь свою мирскую одежду на лучшую, и очень жалею, что это не так. Но, перед тем как ты вошла, святая мать говорила о каком-то препятствии, стоящем между тобой и господом. Что это? Может, мой совет поможет тебе? Надеюсь, не эта женщина сбивает тебя с толку.— И он хмуро взглянул в сторону Эмлин, которая тотчас же спокойно ответила:

— Нет, милорд аббат, я не стою между ней и господом с его святыней; я защищаю ее от человека и его несправедливости. Все же, если желаете, могу сказать вам об этом препятствии — оно послано самим богом.

Тут старая настоятельница, покраснев до корней седых волос, наклонилась вперед и прошептала на ухо аббату слова, от которых он вскочил, как будто его ужалила оса.

— Порази его чума! Не может быть,— сказал он.— Что ж, если так, придется проглотить и эту пилюлю. Жаль, впрочем, что так случилось,— добавил он с усмешкой на смуглом лице.— Много лет прошло с тех пор, как в этих стенах родился внебрачный ребенок, а теперь дело обстоит так, что это может расшатать их и наделать вам бед...

— Я знаю, что такое потомство опасно,— прервала Эмлин, глядя Мэлдону прямо в глаза.— Мой отец говорил мне об одном молодом монахе в Испании,— я забыла его имя,— из-за которого некие дамы по такому же поводу были подвергнуты пытке. Но кто смеет говорить о незаконности ребенка госпожи Сайсели Харфлит, вдовы сэра Кристофера Харфлита, убитого блосхолмским аббатом?

— Молчи, женщина! Где нет законного брака, там не может быть законного ребенка...

— Который смог бы получить законно унаследованное имущество. Скажите, милорд аббат, разве сэр Кристофер тоже сделал вас своим наследником?

Тогда, не дав ему ответить, Сайсели, молчавшая все это время, вдруг заговорила:

— Осыпайте меня какими вам угодно оскорблениями. Милорд аббат, вы отняли у меня отца, мужа, сердце вырвали мне из груди, отнимите у меня также и мое богатство, если сможете. Мне это все равно. Но не клеветайте на моего ребенка, если он у меня родится, и не смейте затрагивать его права. Не думайте, что вы сможете сломить мать так же, как сломили девушку: перед вами окажется разъяренная волчица.

Он смотрел на нее да и все смотрели на нее, потому что в глазах Сайсели было что-то, заставившее их отвести взгляд. Клемент Мэлдон, знавший жизнь и понимавший, как волчицы могут бороться за своих волчат, прочел в них предостережение, принудившее его изменить тон.

— Ну, ну, ну, дочь моя,— сказал он,— какой смысл говорить попусту о ребенке, которого нет и, может, никогда не будет? Когда он родится, я его окрещу, и мы поговорим.

— Когда он родится, вы не коснетесь его и пальцем. Я бы предпочла, чтобы он лучше сошел в могилу некрещеным, чем отмеченным вашим кровавым крестом.

Он махнул рукой.

— Есть другой вопрос или скорее два, о которых я должен поговорить с тобой, дочь моя. Когда ты дашь свои первые обеты?

— Мы поговорим об этом после того, как родится мой ребенок. Это дитя греха, вы говорите, а я, несправимая, безнравственная женщина, не готова для того, чтобы дать святой обет, и вы не можете меня к нему принудить,— ответила она с горькой насмешкой.

Опять он махнул рукой, потому что волчица показала зубы.

— Второй вопрос,— продолжал он,— заключается в том, что мне нужна ваша подпись под документом. Это всего лишь формальный документ, и я боюсь, вы не сможете его прочесть, как и я, по правде сказать.— И с какой-то лицемерной улыбкой он вытащил неразборчивый документ и развернул его перед ней на столе.

— Что?— засмеялась она, отшвыривая пергамент в сторону.— Вы забыли, что вчера я стала совершеннолетней и поэтому не нахожусь больше под вашей опекой,

если даже когда-либо и была? Вам следовало продать мое наследство поскорее, потому что теперь ваши права стоят не больше, чем прошлогодние гнилые яблоки, а я ничего не подпишу. Будьте свидетелями, мать Матильда и ты, Эмлин Стоуэр, что я ничего не подписала и ничего не подпишу. Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, я свободная совершеннолетняя женщина, даже если, как вы утверждаете, распутница. Какое вы имеете право заковывать в цепи распутницу, не являющуюся монахиней? Отоприте ворота и дайте мне уйти.

Теперь он почувствовал всю остроту ее волчьих клыков.

— Куда бы ты пошла? — спросил он.

— Прямо к королю, чтобы изложить перед ним мое дело, как собирался сделать мой отец в прошедшее рождество.

Речь эта была смелой, но безрассудной. Волчица не сдержалась и зарычала — зарычала на охотника с окровавленным мечом.

— Кажется, твой отец не добрался до короля со своим лживым доносом, не доберешься, пожалуй, и ты, Сайсели Фотрел. Времена сейчас жестокие, пахнет восстанием, в лесах и на дорогах бродит много отчаянных людей. Нет, нет, ради своей безопасности оставайся здесь, пока...

— Пока вы не умертвите меня. О! Это у вас на уме. Знайте, я просила у бога помощи, милорд аббат. И какой бы тяжкой ни была моя судьба, какой бы близкой ни представлялась мне смерть, я не боюсь вас — и я и мой ребенок, — ибо господь уже приготовил камень, который упадет на вашу голову. Этот камень похож на топор.

Тут старая настоятельница воздела руки к небу и открыла от ужаса рот, но аббат вскочил со своего места в ярости или, может быть, в страхе?

— Ты назвала себя распутницей, — воскликнул он, — но я назову тебя еще и ведьмой, и если ты заслуживала снисхождения, то теперь должна погибнуть в огне как ведьма. Мать Матильда, я приказываю вам, во имя данных вами обетов, хорошенько стеречь эту ведьму и докладывать мне о ее колдовстве. Не годится, чтобы подобная тварь ходила повсюду и причиняла зло невинным. Ведьма и распутница, уходи к себе!

Сайсели выслушала, потом без единого слова рас-смеялась презрительным смехом и, повернувшись, вышла из комнаты, а следом за ней пошла настоятельница.

Но Эмлин не двинулась с места. Она осталась, и на ее смуглом красивом лице играла улыбка.

— Не повезло вам, хоть вы и бросали кости, налитые свинцом,— сказала она смело.

Аббат набросился на нее с ругательствами.

— Женщина,— сказал он,— если она ведьма, ты — демон-искуситель, и ты наверняка сгоришь, даже если она избежит этого. Именно ты научила ее вызывать дьявола.

— Тогда вам лучше оставить меня в живых, милорд аббат, чтобы я могла научить ее, как обуздать его. Нет, не угрожайте мне: ведь на дыбе я, чего доброго, заговорю, а птицы небесные разнесут повсюду то, что я расскажу.

Его лицо побледнело; потом он вдруг спросил:

— Где драгоценности? Мне они нужны. Отдай мне драгоценности, и ты будешь свободна, и, возможно, твоя проклятая хозяйка тоже.

— Я сказала вам,— ответила она.— Сэр Джон взял их с собой в Лондон, и если они не были найдены на его теле, значит, он или выбросил их или Джефри Стоукс увез их туда, куда он уехал. Обшарьте болото, обыщите лес, найдите Джефри и спросите его.

— Ты лжешь, женщина! Когда ты и твоя хозяйка бежали из Шефтона, слуга видел у тебя в руках шкатулку.

— Правильно, милорд аббат, но драгоценностей уже там не было; там были только любовные письма моей хозяйки, а их она не хотела оставлять.

— Тогда где шкатулка и где эти письма?

— Нам не хватало топлива во время осады, и мы сожгли и то и другое. Когда у женщины есть муж, ей не нужны его письма. Уж вы, Мальдонадо,— многозначительно добавила она,— вы-то должны знать, что не всегда благоразумно хранить старые письма. Хотела бы я знать, что бы вы дали за кое-какие письма, которые я видела и которые не сожжены!

— Проклятое отродье сатаны,— прошипел аббат,— как смеешь ты издеваться надо мною? Когда Сайсели венчалась с Кристофером, она надела те самые жемчу-

жины. Я слышал об этом от тех, кто видел ее с ожерельем на груди, с бесценными жемчужинами в ушах, похожими на розовые бутоны.

— Ого! Ого! — сказала Эмлин. — Значит, вы признаете, что она была обвинена, а сами только что обозвали ее, чистую душу, распутницей! Ладно, милорд аббат, не будем больше кривить душой: да, на ней были драгоценности. Джефри ничего с собой не увез, кроме вашего смертного приговора.

— Тогда где же они? — спросил он, ударив кулаком по столу.

— Где? О, там, где вы их никогда не найдете, — взвились в небо, когда бушевал пожар. Боясь, чтобы нас не ограбили, я спрятала их за секретной панелью в ее комнате, в надежде вернуться за ними позже. Идите выгребайте золу; вы, может быть, найдете один или два треснувших бриллианта, но не жемчужины: они в огне испаряются. Вот вам, наконец, правда, и много она принесет вам пользы.

Аббат застонал. Как большинство испанцев, он легко возбуждался и ничего не мог с этим поделать; вся горечь, скопившаяся у него в сердце, прорвалась наружу.

Эмлин потешалась над ним.

— Видите, как мудрым и могущественным мира сего случается самих себя перехитрить. Клемент Мальдонадо, я знаю вас около двадцати лет. Когда меня называли блосхолмской красавицей и старый аббат, ваш предшественник, взял меня под опеку церкви, вы находили для меня более нежные слова, чем те, которыми обзываете сегодня, хотя я-то всегда ненавидела вас — ведь вы затравили моего отца. Да, я следила за вашим возвышением и увижу ваше падение, и я знаю ваше сердце и все его желания. Деньги — вот чего вы домогаетесь и что хотите получить, иначе вам не добиться своей цели. Вам нужны были драгоценности, а не Шефтонские земли, которые теперь невысоко ценятся, а скоро совсем потеряют цену. Да, на одну из этих розовых жемчужин, если их продать евреям, можно закупить три прихода — и людей и дома. Ради этих драгоценностей вы послали на смерть одних, причинили горе другим, а свою собственную душу навеки погубили, хотя, если бы вы были благоразумны и посоветовались со мной, все эти драго-

ценности или по меньшей мере некоторые из них перешли бы к вам. Сэр Джон был не дурак. Он охотно расстался бы с одной или двумя жемчужинами, цены которых не знал, чтобы прекратить непримиримую вражду с церковью и отстоять права свои и своей дочери. А теперь, ослепленный безумием, вы сожгли их — сожгли драгоценности, которыми можно было бы заплатить выкуп за короля или, вернее, с помощью которых его можно было бы свергнуть. О! Если бы вы только об этом догадывались, вы бы отрубили руку, поднесшую факел к стенам Крануэл Тауэрс, потому что теперь вам не хватит золота, и все ваши грандиозные планы провалятся и погребут вас под собою, как вы хотели похоронить нас в Крануэле.

Аббат, терпеливо слушавший эту длинную и горькую речь, снова застонал.

— Ты умная женщина, — сказал он. — Мы понимаем друг друга, потому что мы одной крови. Ты знаешь, в чем дело; какой совет ты бы мне дала?

— Тот, которого вы не примете, будучи заранее обречены за свои грехи. Все же вот он — мой искренний совет. Освободите леди Сайсели, верните ей земли, сознайтесь в ваших злодеяниях. Уезжайте из королевства, прежде чем Кромвелл отвернется от вас, а Генриху станет все известно, уезжайте, взяв с собой все золото, какое вы сможете собрать, подкупите императора Карла, чтобы он дал вам епархию¹ в Гренаде или еще где-нибудь, но не близ Севильи, по причинам, вам известным. Там вы будете жить в почете, и наступит день, немало времени спустя после вашей смерти, когда многое забудется, и вас, возможно, канонизируют, как святого Клементя Блосхолмского.

Аббат посмотрел на нее задумчиво.

— Если бы я искал только покоя в старости, твой совет мог бы мне пригодиться, но я играю по более высокой ставке...

— А проиграть можете свою голову, — прервала его Эмлин.

— Не совсем, женщина, потому что в любом случае эта голова выиграет игру. Если она останется у меня на плечах, то будет носить архиепископскую митру или шапку кардинала, а может быть, и еще более гордую

¹ Епархия — обширная область, управляемая епископом.

тиару; если же она упадет с плеч, то — небесный венец мученика!

— Ваша голова? Ваша голова? — воскликнула Эмлин с презрительным смехом.

— Почему же нет? — ответил он угрюмо. — Тебе случилось узнать о некоторых ошибках моей юности, но в них я давным-давно раскаялся, и эти грехи отпущены мне полностью. — И он перекрестился. — Если бы это было не так, кто избежал бы адских мук?

Эмлин, стоявшая все это время, уселась, облокотившись на стол и положив подбородок на сложенные руки.

— Верно, — сказала она, глядя ему в глаза, — никто из нас не избежал бы их. Но, Клемент Мэлдон, как насчет грехов, в которых вы не покаетесь и которые совершили уже в зрелом возрасте? Сэр Джон Фотрел, например, сэр Кристофер Харфлит, например, леди Сайсели, например; не говоря уже о черной измене и еще кое о чем.

— Даже если бы все эти обвинения были справедливы, что я отрицаю, это не грехи, — ведь все они вместе и каждый в отдельности совершены были мною не ради себя, а ради церкви, ради того, чтобы одолеть ее врагов, воздвигнуть вновь ее разрушающиеся стены, навеки укрепить ее в этом королевстве.

— И вознести вас, Клемент Мэлдон, на самый высокий шпиль ее храма, откуда сатана покажет вам все царства земные, клятвенно обещая, что они будут ваши.

Очевидно, аббат не обиделся на эту смелую речь; действительно, искусно нарисованная Эмлин картина, казалось, понравилась ему. Он только мягко поправил ее, сказав:

— Не сатана, а господь — властитель сатаны. — С минуту он помолчал, оглядел комнату, чтобы убедиться, что двери закрыты и они одни, и продолжал: — Эмлин Стоуэр, ты умнее и мужественнее любой женщины из тех, кого я знал. Ты знаешь жизнь и ее тайны, почему суеверные дураки и называют тебя ведьмой, а я считаю пророчицей или ясновидящей. Это все у тебя в крови, я полагаю, — ведь твоя мать была из цыганского племени, а отец — высокородный испанский дворянин, очень образованный и умный, хотя и мерзкий еретик, поэтому ему и пришлось для спасения жизни бежать из Испании.

— Чтобы умереть в Англии при весьма странных обстоятельствах. Святая инквизиция терпелива, и у нее длинные руки. Если я верно припоминаю, именно это дело о ереси моего отца впервые привело вас в Блосхолм, где, после его гибели и публичного сожжения его книги, вы многого достигли.

— Ты всегда права, Эмлин, и потому нет необходимости напоминать тебе о том, что мы с ним были давнишними врагами в Испании; вот почему меня выбрали, чтобы выследить его, и почему тебе довелось узнать кое-что обо мне.

Она кивнула, и он продолжал:

— Достаточно об отце-еретике — теперь о матери-цыганке. Говорят, она сама наложила на себя руки, чтобы избежать казни.

— Нечего ходить вокруг да около, аббат, давайте, как старые друзья, говорить правду. Вы хотите сказать — она покончила с собой, чтобы не быть сожженной вами, как ведьма: ведь у нее имелись кое-какие несожженные письма, и она угрожала вам пустить их в ход, как и я.

— Зачем вспоминать все это, Эмлин? — сказал он мягко. — Она умерла, но перед смертью научила тебя всему, что знала. Конец истории немногословен. Ты влюбилась в сына старого йомена Болла или говорила, что влюбилась в него — долговязого глупого Томаса, который теперь брат-мирянин в аббатстве...

— Или говорила, что влюбилась, — повторила она. — Во всяком случае, он-то влюбился в меня и, может быть, я хотела, чтобы меня защищал честный человек, в те дни еще молодой и красивый. К тому же тогда он не был глуп. Это с ним случилось после того, как он попал к вам в руки. О! довольно об этом, — продолжала она, подавляя готовый прорваться гнев. — Красивая дочь ведьмы была под опекой церкви, а вы вертели тогдашним аббатом, и он заставил меня выйти замуж за старого Питера Стоуэра и стать его третьей женой. Я прокляла его, и он умер; я и предупредила его, что он умрет, а я родила ребенка, и он тоже умер. Тогда со всем, что у меня осталось, я нашла приют у сэра Джона Фотрела, который всегда был мне другом, и стала кормилицей его дочери, единственного существа, если не считать еще одного человека, которое я люблю в этом большом и жесто-

ком мире. Вот вся история; а теперь, что еще вы от меня хотите, Клемент Мальдонадо — злонамеренный человек?

— Эмлин, я хочу того, чего всегда хотел и в чем ты всегда мне отказывала,— твоей помощи, твоего соучастия. Я имею в виду соучастие твоего ума и знаний, которыми ты обладаешь,—ничего больше. В Крануэл Тауэрсе ты накликала на меня беду. Сними это проклятие, потому что, сказать по правде, оно тяжким грузом давит мне душу. Давай похороним прошлое, подадим друг другу руки и будем друзьями. Ты умеешь угадывать будущее. Помнишь, когда ты думала, что Сайсели умерла, ты сказала, что ее потомство все равно поднимется против меня, а теперь похоже на то, что так и будет.

— Что бы вы мне дали? — спросила Эмлин с любопытством.

— Я дам тебе богатство, я дам тебе то, что ты любишь еще больше,—власть, а также и высокое положение, если захочешь. Вся церковь прислушается к твоим словам. В этом королевстве да и во всем мире все твои желания будут удовлетворены. Я говорю правду; я даю в залог душу свою и честь тех, кому я служу, ибо мне дано такое право. Взамен я прошу от тебя твою мудрость; предсказывай мне будущее, указывай путь, каким я должен идти.

— Больше ничего?

— Еще две вещи: во-первых, ты должна найти для меня эти сожженные драгоценности, а с ними и старые несожженные письма; во-вторых, ребенок леди Сайсели не должен остаться в живых и сделать то, что ты мне предсказала. Ее жизнь я дарю тебе: одной монахиней больше или меньше — значения не имеет.

— Благородное предложение; и в данном случае я уверена, что вы заплатите обещанную цену, если останетесь живы. Но что, если я откажусь?

— Тогда,—ответил аббат, ударив кулаком по столу,—тогда смерть для вас обеих — умрете, как ведьмы, потому что я не позволю вам погубить меня. Помни: я здесь хозяин, а вы — пленницы. Очень немногие знают, что вы живете здесь, если не считать горсточку слабоумных женщин, боящихся даже слово вымолвить,—марионеток, которые танцуют, когда я дергаю за верев-

вочку; и уж я прослежу, чтобы ни единая душа не приблизилась к этим стенам. Выбирай же между смертью, со всеми ее ужасами, и жизнью, со всеми ее надеждами.

На столе стояла деревянная чаша с большим букетом роз. Эмлин придвинула ее к себе и, взяв розы, бросила их на пол. Потом она подождала, пока вода успокоится, и сказала:

— Трудная задача, но если у меня на самом деле есть колдовская сила, здесь я найду решение.

Он не отрываясь глядел на нее, как зачарованный; она же дунула на воду и долгое время смотрела на нее. Наконец подняла глаза и сказала:

— Смерть или жизнь — такой выбор вы предложили мне. Хорошо, Клемент Мальдонадо, от своего имени и от имени леди Сайсели и ее мужа сэра Кристофера и ребенка, который должен родиться, и во имя бога, властителя наших судеб, я выбираю смерть.

Наступило торжественное молчание. Потом аббат поднялся и сказал:

— Хорошо! Да падет это на твою голову.

Опять наступило молчание, и так как она не отвечала, он повернулся и направился к двери; она же продолжала смотреть в чашу.

— Хорошо,— повторила она, когда он положил руку на щеколду.— Я сказала вам, что выбрала смерть, но я не сказала, чью смерть я выбрала. Играйте вашу игру, милорд аббат, а я буду играть свою, помня, что бог назначает ставки. И я подтверждаю гневные слова, сказанные мною в Крануэле. Ждите беды, ибо теперь я знаю — она постигнет вас и всех, кто будет вместе с вами.

Потом, глядя ему вслед, она неожиданным резким движением опрокинула чашу на стол.

ГЛАВА VIII

Эмлин призывает своего человека

Одна за другой протекали для Сайсели и Эмлин недели их заключения, не принося им ни надежд, ни вестей. И действительно, хотя они не могли видеть нитей

зловещей сети, в которой их держали, они чувствовали, как она стягивается все туже. В глазах матери Матильды, когда она смотрела на Сайсели, думая, что никто этого не замечает, отражались страх, жалость и любовь. Остальные монахини тоже боялись, хотя было ясно, что они сами не знали чего. Однажды вечером Эмлин, застав настоятельницу одну, засыпала ее вопросами: она спрашивала, что именно для них готовится и почему ее леди, свободную совершеннолетнюю женщину, удерживают здесь против ее воли.

На лице старой монахини появилось выражение замкнутости. Она ответила, что ничего особенного не знает, а насчет заключения — что ж, она должна подчиняться приказаниям своего духовного начальства.

— Тогда, — выпалила Эмлин, — знайте: вам же будет хуже. Говорю вам, что умрет моя леди или будет жить, найдутся люди, чтобы призвать вас к строгому ответу: да, найдутся люди, чтобы выслушать мольбы беспомощных. Мать Матильда, Англия уже не та, какой она была, когда вас еще девочкой похоронили в этих заплесневелых стенах. Где сказано, что бог позволяет свободную и ни в чем не повинную женщину держать в тюрьме, как преступницу? Отвечайте.

— Я не могу, — простонала мать Матильда, ломая свои тонкие руки. — Правды добиться трудно, здесь повсюду охрана; и, что бы я ни думала, я должна делать то, что мне приказано, чтобы не погибла моя душа.

— Ваша душа! Вы, затворницы, всегда думаете о своей жалкой душонке. Что вам до других людей и до их души! Значит, вы не поможете мне?

— Я не могу, не могу, ведь я и сама в оковах, — снова ответила она.

— Пусть будет так, мать Матильда; тогда я сама помогу себе; и когда я это сделаю, да поможет вам всем господь. — И, презрительно пожав широкими плечами, она вышла, оставив бедную старую настоятельницу чуть ли не в слезах.

Угрозы Эмлин были такими же смелыми, как и ее сердце, но могла ли она исполнить хотя бы десятую их долю? Конечно, право было на их стороне, но, как известно заключенным во все времена, право — это не труба иерихонская и ему не сокрушить высоких стен. Да и

Сайсели не могла помочь ей. Теперь, когда погиб ее муж, она была занята только одним — мыслями о своем будущем ребенке.

До всего остального ей, казалось, не было никакого дела. У нее не было друзей, с которыми она могла бы повидаться; она понимала, что имущество у нее отнято; значит, думала она, эта тихая обитель — самое подходящее место для рождения ребенка.

Когда он родится и она поправится, можно будет подумать о другом. А пока она ощущала бесконечную усталость и не понимала, зачем Эмлин напрасно говорит с ней о свободе. Если бы она была свободна, что бы она делала, куда бы пошла? Монахини были очень добры к ней; они любили ее так же, как и она их.

Так они беседовали, и Эмлин, слушая ее, не решалась сказать ей правду: что здесь можно опасаться за жизнь ребенка. Она боялась, что это известие, пожалуй, убьет и мать и дитя. Поэтому она перестала ее тревожить и решила рассчитывать только на себя.

Сначала она думала о побеге, но оставила эту мысль, потому что положение Сайсели не позволяло подвергнуть ее опасности. Да и куда им было идти? Тогда ей пришла в голову мысль об избавителе, но — увы! — кто может спасти их? Влиятельные люди в Лондоне, может быть, могли вмешаться в это дело как политическое, но к влиятельным людям трудно добиться даже свободного. Однако если бы она была на свободе, то нашла бы способ заставить их выслушать ее, но она была пленницей, да и не могла в такое время покинуть свою госпожу. Что же тогда оставалось делать? Придумать для освобождения какую-нибудь хитрость.

Вероятно, это можно было бы сделать за деньги — ценой украшений Сайсели; потайное место, где они находились, знала только она одна, — и ими же откупиться от преследователей? Но Эмлин не собиралась делать ни того ни другого: она считала, что это не было выходом. Очутись они за этими стенами, их все равно не оставили бы в живых: слишком уж много они знали. Однако же здесь, в монастыре, ребенка Сайсели наверняка погубят — он ведь будет наследником всего имущества. Что же может вернуть им свободу и обеспечить безопасность?

Страх, пожалуй, тот самый страх, благодаря кото-

рому израильтяне избавились от рабства. О! Если бы только она могла найти Моисея, способного навлечь египетскую чуму на этого аббата-фараона — ту самую чуму, которой она ему угрожала. Но хотя она твердо верила, что чума поразит его (она сама удивлялась тому, что так верила в это), все же не могла выполнить свое проклятие.

Оставался Томас Болл! Если бы она могла поговорить с верным Томасом Боллом, неистовым и хитрым человеком, которого все считали придурковатым!

Томас Болл заполнил все мысли Эмлин — Томас Болл, любивший ее всю жизнь, готовый погибнуть, чтобы услужить ей. Тщетно пыталась она как-нибудь снестись с ним. Старый садовник настолько глух, что не сможет или не захочет понять. Глупая Бриджет по ошибке отдала письмо, написанное ему, настоятельнице, которая, ничего не говоря, сожгла его у нее на глазах.

Монахов, приносящих в монастырь продукты, всегда принимали три сестры, поставленные для того, чтобы шпионить друг за другом и за ними, так что она не могла даже приблизиться к этим монахам. Священник, служивший мессу, был старым ее врагом; с ним она ничего не могла сделать, а больше никому не разрешалось подходить к монастырю; только раз или два появлялся сам аббат, который в течение нескольких часов разговаривал взаперти с настоятельницей, но с ней больше не говорил.

Почему, думала Эмлин, пространство меньше поместилось между ней и Томасом Боллом непреодолимо? Если бы он стоял на расстоянии двадцати ярдов от нее, она могла бы заставить его уразуметь, что ей нужно. Почему же этого нельзя сделать, когда он находится на расстоянии пятисот ярдов?

Эта мысль овладела ею; естественные препятствия сводили ее с ума.

Она отказывалась считаться с ними. Все ночи напролет размышляла она, лежа в постели, пока Сайсели спокойно спала рядом с ней; ее сильная душа рвалась к душе ее давнишнего возлюбленного, Томаса Болла, приказывая ему слушать, подчиниться, прийти.

Сначала ничего не произошло. Потом через некоторое время у нее появилось смутное чувство, что ей отве-

тили; хотя она не могла ни видеть, ни слышать Томаса, она как-то ощущала его близость. Потом однажды, в полдень, выглянув из верхнего слухового окна, она увидела, как за воротами происходит свалка, и услышала сердитые голоса. Томас Болл пытался силой пробить себе путь к двери, но его выталкивали люди аббата, всегда стоявшие там на страже.

Вечером она узнала правду от монахинь, не подозревавших, что она подслушивает их разговор. Оказалось, что Томас, показавшийся им не то сумасшедшим, не то пьяным, пытался ворваться в монастырь. Когда его спросили, чего он хочет, он сказал, что сам хорошенько не знает, но ему надо поговорить с Эмлин Стоуэр. Услышав это, она улыбнулась про себя, ибо теперь знала: он услышал ее и найдет какой-нибудь способ выполнить ее волю и прийти.

Два дня спустя Томас действительно пришел, и вот каким способом.

Кончался сентябрьский вечер, наступали сумерки, а Эмлин, оставив Сайсели отдыхать на постели (теперь она зачастую ложилась ненадолго перед ужином), ушла в сад, чтобы подышать вечерней прохладой. Там она ходила до тех пор, пока сад ей не надоел, потом вошла через боковую дверь в старую часовню и уселась, чтобы поразмыслить, около алтаря, недалеко от раскрашенной деревянной статуи святой девы в человеческий рост, стоявшей против стены. На эту статую она часто смотрела, так как ей казалось странным, что она как бы наполовину вделана в кирпичную кладку. Глазные орбиты ее были пустыми, и наблюдательной Эмлин казалось, что в них когда-то были вделаны драгоценные камни, или же это был образ не богоматери, а скорее слепой святой Люции.

Пока Эмлин размышляла, сидя в одиночестве, потому что в такое время никто не заходил в часовню и она пустовала до утра, ей показалось, что она услышала по соседству со статуей странные звуки, словно там кто-то шевелился. Тут многие, но только не Эмлин, испугались бы и ушли, а она сидела, не двигаясь, и слушала. Не поворачивая головы, она стала наблюдать. Лучи заходящего солнца, проникавшие через западное окно, почти полностью освещали фигуру, и благодаря им она увидела — или ей показалось, — что глазные

орбиты уже не пустые: в них были двигавшиеся и сверкавшие глаза.

Тут на мгновение стало страшно даже Эмлин. Потом ей пришло в голову, что, может быть, священник или одна из монахинь следили за ней из-за статуи, а это ее нисколько не беспокоило. Или, может быть, произошло одно из тех чудес, о которых она так много слышала, но никогда не переживала. А зачем ей бояться чудес или соглядатаев? Она будет сидеть на том же месте и посмотрит, что случится. Но долго ждать ей не пришлось, потому что вскоре голос, хриплый мужской голос прошептал:

— Эмлин! Эмлин Стоуэр!

— Да,— ответила она тоже шепотом.— Кто говорит?

— А кто, ты думаешь? — спросил голос с усмешкой.— Может быть, черт?

— Если черт дружественный, то, кажется, я не стану возражать; мне в этом уединенном месте скучновато. Появись, кто бы ты ни был, человек или дьявол,— ответила Эмлин решительно. Однако же она незаметно перекрестилась под плащом: в те времена народ верил, что черти являются людям, чтобы причинять им вред.

Статуя начала скрипеть, потом открылась, как дверь, хотя с большим трудом, словно ее петли долго не двигались, как на самом деле и оказалось. Внутри, подобно трупу в поставленном вертикально гробу, появилась фигура, крупная сильная фигура, одетая в рваную монашескую рясу, увенчанная огромной головой с огненно-рыжими волосами и нависшими бровями, под которыми сверкали безумные серые глаза. Сердце Эмлин замерло,— сатана все же не подходящее общество для смертной женщины,— но затем словно подскочило в ее груди и потом стало биться ровно, как обычно. И она спокойно сказала:

— Что ты там делаешь, Томас Болл?

— Вот это я и хотел бы знать, Эмлин. Днем и ночью в течение долгих недель ты звала меня, и потому я пришел.

— Да, я звала тебя; но как ты пришел?

— Старой дорогой монахов. Они давно забыли о ней, но мой дед говорил мне про нее, когда я был мальчишкой, и, наконец, лиса показала мне, где она проходит.

Это мрачная дорога; и когда я впервые попробовал по ней пойти, я думал, что задохнусь, но теперь воздух не такой уж плохой. Когда-то она доходила до аббатства и, может быть, и теперь доходит, но моя дверь и дверь госпожи лисы находится в рощице около стены парка, где никто не стал бы ее искать. Если ты хочешь лисенка, чтобы поиграть с ним, я могу принести его тебе. Или, может быть, ты хочешь чего-нибудь посущественнее? — добавил он, усмехаясь.

— Да, Томас, я хочу гораздо большего. Слушай, — горячо воскликнула она, — сделаешь ли ты то, что я тебе скажу?

— Там видно будет, миссис Эмлин. Ведь я всю свою жизнь исполнял твои приказания и не получал награды.

Она прошла через алтарь и уселась против него, почти совсем прикрыв дверь и разговаривая с ним сквозь щель.

— Если ты не получил награды, Томас, — сказала она мягко, — то кто виноват в этом? Кажется, не я. Я любила тебя, когда мы были молоды, — не правда ли? Я бы отдалась тебе душой и телом — ведь так? Но кто встал между нами и погубил нашу жизнь?

— Монахи, — простонал Томас, — проклятые монахи, выдавшие тебя замуж за Стоуэра, потому что он заплатил им.

— Да, проклятые монахи. А теперь твоя молодость прошла, и любовь — любовь молодости — уже позади нас. Я была женой другого человека, Томас, а могла быть твоей. Подумай об этом: твоей любящей женой, матерью твоих детей. А тебя — тебя они покорили и превратили в слугу, в пастуха, использовали твою силу, сделали тебя носильщиком, полоумным, как они тебя называют; однако они считают, что тебе все-таки можно давать поручения, потому что ты умеешь держать язык за зубами; они сделали тебя вьючным мулом аббатства, не смеющим брыкаться, батраком на твоей же собственной, захваченной ими земле — тебя, чей отец был свободный йомен. Вот что они сделали с тобой, Томас, а со мной, находившейся под опекой церкви... Ну хватит, мне не хочется говорить об этом. Скажи, как бы ты отплатил им, если бы дать тебе волю?

— Как бы я отплатил? Как бы отплатил? — задох-

нулся Томас, доведенный до бешенства рассказом о всех причиненных ему обидах.— Ну, если бы я осмелился, я бы перерезал каждому из них глотку и выпотрошил их, как оленей, — и он заскрипел своими белыми зубами.— Но я боюсь. Они владеют моей душой, и каждый месяц я должен исповедоваться. Ты помнишь, Эмлин, я предупредил тебя, когда ты и твоя леди собрались ехать в Лондон перед осадой. Ну, потом — я должен был покаяться в этом — аббат сам выслушал мою исповедь. Мучительную наложил он на меня епитимью!¹ Я еще не закончил ее, а у меня уже ребра проступили сквозь кожу, спина же стала похожа на корзину из красных ивовых прутьев. Только об одном я им не рассказал — ведь это, в конце концов, не грех, — о том, что отвернул саван и поглядел на труп.

— Ах! — сказала Эмлин, глядя на него. — Тебе нельзя доверять. Ну, я так и думала. Прощай, Томас Болл, трус. Я найду себе другого друга, настоящего мужчину, а не хнычущую, загнанную монахами гончую, ставящую непонятное для него латинское благословение выше своей чести. Господи боже! Подумать только, что я когда-то любила подобного человека! О! Мне стыдно! Мне стыдно! Пойду вымою руки. Закрой свою ловушку и убирайся прочь по крысиной тропе, Томас Болл, и живым или мертвым никогда не осмеливайся заговаривать со мной. Не забудь также рассказать своим монахам, как я призывала тебя к себе — потому что это колдовство, ты сам знаешь, — и меня сожгут, зато спасешь свою душу. Господи боже! Подумать только, что ты был когда-то Томасом Боллом! — И она сделала вид, что собирается уходить.

Он протянул свою ручищу и поймал ее за платье.

— Что же ты прикажешь мне, Эмлин? Я не могу переносить твоего презрения. Сними его с меня, или я убью себя.

— Самое лучшее, что ты можешь сделать. И дьявол будет тебе лучшим хозяином, чем чужеземный аббат. Прощай навсегда.

— Нет, нет; скажи — чего ты хочешь? Пусть погибает моя душа, я сделаю все.

— Сделаешь? Правда, сделаешь? Если так, подожди

¹ Епитимья — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы и т. п.).

минуту! — Она побежала на другой конец часовни, закрыла двери, потом, вернувшись к нему, сказала: — Теперь подойди, Томас, и, раз ты снова мужчина, поцелуй меня, как ты обычно делал более двадцати лет тому назад. Ты не будешь исповедоваться в этом, не правда ли? Ну, вот. Теперь встань на колени перед алтарем и дай клятву. Нет, выслушай сначала, потому что это великая клятва.

Эмлин сказала ему, в чем он должен поклясться. Это была действительно великая и ужасная клятва. Принеся ее, он должен был стать рабом Эмлин, объединиться с ней в борьбе против монахов Блосхолма и в особенности против аббата Клемента Мэлдона, в отплату за все обиды, нанесенные им обоим; в отплату за убийство сэра Джона Фотрела и сэра Кристофера Харффлита; за то, что он обокрал и держит в тюрьме Сайсели Харффлит, дочь первого и жену второго. Связав себя клятвой, он должен был делать все, что она ему прикажет.

Он должен был поклясться, что ни во время исповеди, если бы до этого дошло дело, ни на ложе пыток или на эшафоте он не скажет ни слова об их тайном сговоре. Он должен был просить у бога, чтобы, в случае, если он изменит этой клятве, душа его обречена была бы на вечные муки; и он должен был призвать небо в свидетели всех данных им обещаний.

— Теперь, — сказала Эмлин, произнеся все слова этой ужасной клятвы, — будешь ли ты мужчиной, поклянешься ли и тем самым отомстишь за мертвых и спасешь невинных от смерти? Или ты, знающий мою тайну, будешь по-прежнему пресмыкаться перед настоятелем и, вернувшись в Блосхолмское аббатство, предашь меня?

С минуту он подумал, почесывая свою рыжую голову, ибо клятва страшила его, что, впрочем, было понятно. В его душе, где он все это взвешивал, чашки весов стояли вровень, и Эмлин не знала, какая из них перетянет. И тут она употребила всю свою женскую силу: положив руку на его плечо, она наклонилась вперед и прошептала ему на ухо:

— Ты помнишь, Томас, как в первый раз мы признались друг другу в нашей юной любви? Это было в весенний день в рощице у ручья, когда у наших ног цве-

ли душистые нарциссы — нарциссы и дикие лилии. Помнишь, как мы поклялись друг другу всей жизнью, да, настоящей и будущей жизнью, и для нас обоих земля превратилась в рай? А потом, ты помнишь, как мимо нас прошел монах — это был Клемент Мэлдон, — и он оледенил нас взглядом своих жестоких глаз и сказал: «Что ты делаешь с дочерью ведьмы? Она тебе не пара». И тогда... О Томас, я больше не могу. — И она разрыдалась, а потом добавила: — Не клянись ни в чем, уходи и предай меня, если хочешь. Я не буду питать к тебе злобы, даже если ты предашь меня на смерть, ибо как можно было надеяться, что ты после двадцати лет монашества останешься мужчиной? Уходи, скорее уходи, пока нас не застали вместе и твоя добрая слава ничем не опорочена. Уходи, не медли и предоставь меня и мою леди и ее еще не родившегося ребенка той участи, которую нам готовит Мэлдон. Забудь рожицу у реки! Забудь увядшие лилии!

Томас слушал; большие синие жилы выступали у него на лбу, его широкая грудь вздымалась, слова застряли в горле. Затем они полились обильным потоком.

— Я не уйду, дорогая; я поклянусь в чем хочешь, твоими глазами и твоими губами, цветами, по которым мы шли, всеми прошедшими годами жгучих страданий, горя и позора, богом, восседающим на небесном престоле, и дьяволом в адском огне. Пойдем, пойдем! — Он побежал к алтарю и схватил стоявшее там распятие. — Произнеси снова эти слова или любые другие, и я повторю их и дам клятву, и пусть огненные черви заживо грызут меня во веки веков, если я нарушу хоть одно ее слово. — В темных глазах Эмлин вспыхнул огонек торжества, она наклонилась над коленопреклоненным мужчиной и в сгустившемся мраке зашептала-зашептала, а он шепотом же повторял ее слова и в подтверждение целовал распятие.

Когда все было кончено, они отошли от алтаря обратно к раскрашенной статуе.

— Значит, ты все же мужчина, — сказала она с громким смехом. — Теперь слушай, мужчина — мой мужчина: если мы переживем все это и ты тогда пожелаешь, я стану твоей женой, да, твоей женой — это будет моей платой тебе и моей гордостью; слушай же мои приказания. Видишь, я Моисей, а там в аббатстве сидит

— Теперь, — сказала Эмлин, — поклянешься ли ты, что отомстишь за мертвых и спасешь невинных от смерти?

фараон с очерстевшим сердцем, а ты ангел, ангел разрушения, держащий меч чумы египетской. Вечером в аббатстве будет пожар — такой же пожар, какой был в Крануэл Таурсе. Нет, нет, я знаю: церковь не сгорит и каменные строения тоже. Но дортуары, и кладовые, и стога сена, и коровьи хлева — они здорово запылают после такой засухи, а если телеги превратятся в золу, то на чем они привезут свой урожай? Сделаешь ли ты это, мой мужчина?

— Конечно. Разве я не поклялся?

— Тогда за работу, а потом — завтра или на следующий день — возвращайся с докладом. Теперь меня часто будут привлекать одиночество и молитва; поэтому жди, пока опять не увидишь меня здесь одну, стоящую на коленях у алтаря. Стой! Оденься в саван, чтобы тебя сочли за призрак, если увидят, — они ведь считают, что в часовне появляются призраки. Не сомневайся, к тому времени я найду тебе немало работы. Ты меня понял?

Он кивнул головой.

— Все, все понял, особенно твое обещание. О! Теперь-то я не умру; я буду жить для того, чтобы потребовать его исполнения.

— Хорошо. Получай в счет будущего. — И она снова поцеловала его. — Иди.

Он шатался, опьяненный радостью; потом сказал:

— Еще одно слово: у меня кружится голова, я забыл тебе сказать. Сэр Кристофер жив или же был жив...

— Что ты хочешь сказать? — произнесла она свистящим шепотом. — Именем Христа, торопись: я слышу снаружи голоса!

— Вместо Кристофера они похоронили другого человека. Я разрезал полотно и посмотрел. Кристофера отправили за границу, тяжело раненного, на корабле — черт возьми, я забыл его название, — на том же корабле, на котором уехал Джефри Стоукс.

— Благослови тебя господь за эти вести! — воскликнула Эмлин странным, тихим голосом. — Уходи, кто-то подходит к двери!

Деревянная фигура со скрипом захлопнулась и теперь смотрела на нее так же спокойно, как смотрела уже в течение ряда поколений. С минуту Эмлин стояла неподвижно, держась рукой за сердце. Потом она быстро пошла через часовню, открыла дверь и на крыльце

встретила входящую мать Матильду, другую монахиню и старуху Бриджет, шептавшихся между собой.

— О! Это вы, миссис Стоуэр,— сказала мать Матильда с явным облегчением.— Сестра Бриджет клялась, что слышала в часовне мужской голос, когда приходила на закате солнца закрывать ставни.

— Неужели? — равнодушно ответила Эмлин.— Тогда ей повезло больше, чем мне: я ведь стосковалась по звукам мужского голоса в доме, где болтают одни женщины. Не возмущайтесь, матушка, я не монахиня, и господь сотворил для этого мира не одних только женщин, иначе нас с вами здесь бы не было. Но раз уж вы заговорили об этом, значит, в часовне и вправду происходит что-то странное. Не всякий решился бы оставаться здесь в одиночестве: дважды во время молитвы я слышала странные звуки, а однажды, когда не было солнца, на меня упала какая-то холодная тень. Наверно, призрак того мертвеца, о котором столько врани. Ну, я-то никогда не боялась привидений. А теперь мне надо идти и взять ужин для моей леди — сегодня вечером она будет ужинать в своей комнате.

Когда она ушла, настоятельница покачала головой и, как обычно, ласково сказала:

— Странная женщина и резкая, но, сестры мои, мы не должны ее строго судить, ведь она из чуждого нам мира и, боюсь, пережила много горя, от которого мы защищены нашими священными обетами.

— Да,— ответила сестра,— но я думаю, что она видела призрак, появляющийся в этой часовне, многие утверждают, что он являлся им, и я сама видела его однажды, еще когда была послушницей. Настоятельница Матильда, я имею в виду четвертую, ту, что являлась с монахом Эдуардом Хромым и внезапно умерла после...

— Тише, сестра; не будем злословить о покойнице, покинувшей землю около двухсот лет назад. Даже если ее беспокойный дух все еще приходит сюда, как говорят многие, я не понимаю, почему бы он стал говорить мужским голосом.

— Возможно, то был голос монаха Эдуарда,— ответила сестра.— Видно, он все еще не оставляет ее в покое, как и при жизни, если легенда говорит правду. Миссис Эмлин сказала, что ей призраки нипочем, и я вполне

этому верю, она ведь дочь ведьмы, и взгляд у нее какой-то странный. Вы видели у кого-нибудь такие смелые глаза, матушка? Как бы то ни было, я терпеть не могу привидений и лучше месяц проведу на хлебе и на воде, чем останусь одна в этой часовне, на закате или после заката солнца. У меня мурашки бегут по спине, когда я думаю об этом; говорят, что некрещеное дитя тоже тут бродит и что-то невнятно лепечет около купели, надеясь получить святое крещение — ух! — И она содрогнулась.

— Довольно, сестра, довольно нечестивых речей! — сказала опять мать Матильда. — Будем думать о святых вещах, чтобы враг рода человеческого не мог к нам подойти.

Но в ту же ночь, около часу, враг этот очень близко подошел к Блосхолму, явившись в облике пожара. Внезапно монахини были подняты с постелей отчаянным набатом. Подбежав к окнам, они увидели огромные языки пламени, плясавшие на крышах аббатства. Они раскрыли оконные створки и в ужасе смотрели на пожар. Сестру Бриджет даже послали разбудить глухого садовника и его жену, живших около ворот, чтобы они пошли и узнали, в чем дело, почему слышатся крики и не напало ли на Блосхолм какое-нибудь войско.

Прошло много времени, прежде чем Бриджет вернулась; путаный рассказ слабоумной, переданный со слов глухого садовника, понять было нелегко. Крики доносились по-прежнему, и пожар в аббатстве разгорался все яростнее. Монахини уже думали, что наступил их последний час; они опустились на колени у открытых окон и принялись молиться.

Как раз в эту минуту среди них появились Сайсели и Эмлин и стали смотреть на великое пожарище.

Вдруг Сайсели повернулась и, устремив большие голубые глаза на Эмлин, сказала громко, так что услышали все.

— Аббатство горит. Ой, няня, мне рассказывали, будто там, среди развалин Крануэла Тауэрса, ты говорила, что это так будет! Ты, конечно, пророчица.

— Огонь призывает огонь, — ответила Эмлин угрюмо, а стоявшие тут же монахини подозрительно посмотрели на нее.

Пожар был ужасен; он, казалось, начался в дортуа-рах, даже на расстоянии были видны полуодетые монахи,

спасавшиеся через окна: некоторые — с помощью связанных постельных принадлежностей, некоторые — выпрыгивая из окон, несмотря на высоту.

Вскоре крыша здания провалилась и град горящих углей посыпался на соломенные крыши хлебов и сараев, на сметанные стога, на постройки гумна; так пламя перекинулось и на них, и еще до рассвета все сгорело.

Одна за другой монахини, наблюдавшие пожар из монастыря, устав от горестного зрелища и в страхе бормоча молитвы, отправились спать. Но Эмлин продолжала сидеть у открытого окна, пока край чудесного сентябрьского солнца не показался над холмами. Так сидела она, подпирая голову рукой, и ее строгое лицо было неподвижно, как у статуи. Только в темных глазах, отражавших языки пламени, казалось, мелькала жестокая радость.

— Томас хорошее оружие, — наконец пробормотала она про себя, — славно нанес первый удар. И это еще цветочки. Подожди, Клемент Мальдонадо, ты запрошишь пощады у Эмлин.

ГЛАВА IX

Блосхолмское колдовство

В тот же день в полдень аббат снова явился в монастырь и послал за Сайсели и Эмлин. Они застали его одного в приемной; лицо у него было встревоженное, и он шагал взад и вперед по комнате.

— Сайсели Фотрел, — сказал он без всякого приветствия, — когда мы в последний раз виделись, ты отказалась подписать принесенный мною документ. Это ничего не значит, потому что тот покупатель уехал по своему делу.

— Сказав, что его не удовлетворяют доказательства ваших прав? — спросила Сайсели.

— Да! Но кто научил тебя рассуждать о правах и о тонкостях закона? Впрочем, зачем спрашивать?.. — И он бросил сверкающий взор в сторону Эмлин. — Ладно, бог с ним сейчас... У меня с собой документ, который ты должна подписать. Прочти его, если хочешь. Он тебе ущерба не причинит — это всего лишь предписание арен-

даторам земель, принадлежавших твоему отцу, уплатить мне как лицу, осуществляющему опеку.

— Значит, они отказываются, видя, что вы все захватили, милорд аббат?

— Да, кто-то их подстрекает, и эти упрямые скоты не хотят платить без указания, подписанного твоей рукой и скрепленного печатью. На фермах, обрабатывавшихся твоим отцом, я собрал урожай, но вчера вечером при пожаре сгорело все до последнего зернышка, до последней шерстинки.

— В таком случае я прошу вас все это точно учесть, милорд, чтобы я могла получить от вас должное возмещение, когда мы начнем сводить счета: я ведь никогда не разрешала вам стричь моих овец и собирать мой хлеб.

— Тебе нравится дерзить мне, девчонка,— ответил он, кусая губы.— У меня нет времени для перебранки. Подписывай, а ты будь свидетельницей, Эмлин Стоуэр.

Сайсели взяла документ, взглянула на него, потом медленно разорвала его на четыре части и бросила их на пол.

— Грабьте меня и моего еще не рожденного ребенка, если хотите и можете, но я, во всяком случае, не буду соучастницей вора,— сказала она спокойно.— Если вам нужна подпись, можете подделать ее, потому что я ничего не подпишу.

На лице аббата отразилась вся его злость.

— А ты забыла, несчастная,— спросил он,— что здесь ты в моей власти? Известно тебе, что таких непокорных грешников запирают в мрачную темницу и налагают на них покаяние — дают только хлеб и воду и хлещут прутьями? Исполнишь ты мое приказание или подвергнешь себя всему этому?

Красивое лицо Сайсели вспыхнуло, и на минуту ее голубые глаза наполнились слезами стыда и ужаса. Затем они снова прояснились; она смело взглянула на него и ответила:

— Я знаю, что убийца может быть также и мучителем. Тому, кто погубил отца, ничего не стоит подвергнуть истязаниям дочь. Но я знаю также, что существует бог, защищающий невинных, хотя иногда он не сразу протягивает им руку помощи, и к нему я обращаюсь, милорд аббат. И я знаю, что принадлежу к роду Фотрелов и Карфаксов и что ни одна женщина и ни один муж-

чина моей крови никогда еще не покорялись страху и страданию. Я ничего не подпишу.— И, повернувшись, она вышла из комнаты.

Аббат и Эмлин остались одни. Прежде чем она смогла заговорить, потому что у нее от ярости не поворачивался язык, он начал бранить и проклинать ее и угрожать ей и ее хозяйке ужаснейшими пытками, какие только мог вообразить испанский инквизитор. Наконец он остановился, чтобы передохнуть, и она перебила его:

— Молчите, злодей, чтобы крыша над вами не обрушилась; я уверена, что каждое ваше жестокое слово превратится в змею, которая вас ужалит. Разве то, что случилось вчера ночью, не является для вас предостережением или вам нужны другие уроки?

— Ого! — ответил он. — Значит, ты знаешь об этом, не правда ли? Я так и думал — всему виной твое колдовство.

— Как я могла не знать об этом, когда все небо полыхало? Жирным монахам Блосхолма зимой придется потуже затянуть пояса. Присвоенные земли как будто не приносят счастья, и кровь Джона Фотрела превратилась в огонь. Берегитесь, говорю я, берегитесь! Нет, я больше не хочу слушать ваших безумных речей. Только троньте хоть пальцем эту несчастную леди, если посмеете, и вы заплатите за все! — И она тоже повернулась и ушла.

Прежде чем уйти из монастыря, аббат переговорил с матерью Матильдой.

— Сайсели, ради спасения ее души, надо заставить вести себя как следует, — сказал он. — Сначала лаской, потом суровостью и даже, если придется, бичеванием. Также ради спасения ее души, нельзя подпускать к ней служанку Эмлин, так как, без сомнения, Эмлин опасная ведьма.

А когда наступит время родов, аббат пришлет подходящую женщину ухаживать за нею, женщину, опытную в таких делах, ради спасения жизни матери и жизни ее ребенка. Теперь, когда на них свалилось это страшное несчастье — пожар в аббатстве, нанесший им такие ужасные убытки, не говоря даже о смерти двух слуг и о других людях, обожженных и искалеченных, — у него нет времени распространяться о подобных мелочах, но он надеется, что она его поняла.

И тут-то мягкая и кроткая мать Матильда до глубины души огорчила и удивила аббата, своего духовного начальника.

Она решительно ничего не поняла. Предложенные им меры воздействия, какими бы ни были недостатки и слабости леди Сайсели, энергично заявляла настоятельница, не могут быть к ней применены: по ее мнению, Сайсели уже и так много выстрадала за пустяки, а теперь еще ждет ребенка; потому с нею надо обращаться как можно бережнее. Что касается ее, то в этом деле она умывает руки и скорее обратится к генеральному викарию в Лондоне, который, насколько ей известно, рассматривает такие дела, чем подчинится подобным приказаниям. Или, на худой конец, она выпустит леди Харфлит и ее служанку за ворота и призовет милосердных людей оказать им помощь. Тем не менее, если его милость захочет прислать искусную женщину, чтобы ухаживать за Сайсели в ее положении, она не будет возражать при условии, что эта женщина пользуется доброй славой. Но, как бы то ни было, в данных обстоятельствах с ней бесполезно говорить о хлебе и воде, и мрачной темнице, и бичевании. Ничего подобного не произойдет, пока она является настоятельницей. Прежде чем кто-либо на это решится, она и сестры уйдут из монастыря и призовут королевский двор решать это дело.

Теперь аббат оказался в положении сторожевого пса, который привык пугать и мучить какую-нибудь овечку, а затем вдруг, после того как она отъегнилась, столкнулся с совершенно другим существом; овечка уже не боится, не бежит, но, обретя силу барана, отталкивает его, борется, прыгает, бьет головой и копытами. Может ли пес справиться с неистовой, неожиданно прорвавшейся яростью овцы, казалось рожденной для того, чтобы быть им растерзанной? Что ему остается делать, как не бежать в полном смятении, задыхаясь, в свою конуру? То же самое было с аббатом, когда мать Матильда яростно обрушилась на него в защиту своего ягненка — Сайсели. С Эмлин он мог сцепиться зубами — но мать Матильда!.. Его собственная прирученная добыча! Это было уж слишком! Он мог только уйти, проклиная всех женщин и их вечные прихоти, из-за которых мужчины никогда не знают, чего от них ждать.

Во всяком случае, из всех людей на земле меньше все-

го можно было ожидать чего-либо подобного от матери Матильды.

Так и получилось, что в монастыре, несмотря на все эти страшные угрозы, все шло по-прежнему. Такие уж наступили времена, что даже всемогущий лорд аббат, имевший «право виселицы», не мог довести дело до крайности. Сайсели не заперли в темницу на хлеб и воду и, тем более, не бичевали. Не разлучили ее и с няней — Эмлин. Правда, настоятельница отчитала Сайсели за сопротивление установленным властям, однако, выговорившись до конца, она поцеловала ее, благословила и назвала «своей милой девочкой, своей голубкой и своей радостью».

Но если все было по-прежнему в обители, то в аббатстве все постоянно менялось и царило крайнее возбуждение. Не прошло и трех дней после пожара, как целое стадо в восемьсот овец ринулось на Красный утес и свалилось с него, а все пастухи тех мест знают, что там — отвесный обрыв высотой в сорок футов. Никогда еще баранина не была такой дешевой в Блосхолме и в его окрестностях, как наутро после той ночи, и каждый батрак на десять миль в окружности мог приобрести зимний тулуп, потратив только время на то, чтобы содрать шкуру с мертвой овцы. Кроме того, пастухи клялись, что они видели, как сам дьявол с рогами и копытами верхом на осле гнал этих овец.

Потом стал являться призрак сэра Джона Фотрела, одетый в доспехи, иногда верхом, иногда пеший, но всегда ночью. Сначала этот ужасный дух был замечен в садах Шефтон Холла, где он встретил назначенного аббатом сторожа (ведь теперь дом был заперт), когда тот шел ставить силки для кроликов. Сторож был уже в преклонном возрасте, однако немногие лошади могли бы покрыть расстояние между Шефтоном и Блосхолмским аббатством так быстро, как он это сделал в ту ночь. С тех пор ни он, ни кто другой не соглашались сторожить Шефтон, ставший жилищем привидения, которое, как все могли видеть, иногда горело в окнах, словно свеча. Более того, вышеупомянутый призрак бродил по всей округе; в темные и бурные ночи он стучался в двери тех, кто при его жизни брал у него в аренду землю, и загробным голосом вещал, что он был убит блосхолмским аббатом и его присными и что аббат держит его

дочь в заточении. При этом, угрожая ужасной мезтью, призрак требовал от всех людей, чтобы они привлекли аббата к ответу, не присягали и не платили ему аренды.

Призрак нагнал на всех такой ужас, что проворного Томаса Болла послали выследить, что же это, собственно, такое. Томас вернулся и объявил, что он видел его, что призрак назвал его по имени, но что он, будучи храбрым малым и не сомневаясь, что имеет дело с человеком, выстрелил в него из лука. Однако стрела прошла насквозь через его тело, призрак же рассмеялся и сразу исчез. В доказательство этому Томас привел аббата и его монахов на то самое место и показал им, где стоял он и где стоял призрак, показал и стрелу, глубоко вонзившуюся в стоявшее неподалеку дерево, точно опаленную огнем, потому что все перья на ней странным образом обгорели. Потом, дабы рассеять страхи и во избежание соблазна, аббат в полном облачении наложил торжественное заклятие на то место, где, по словам Томаса Болла, прошел призрак.

После того как на духа было наложено такое строгое заклятие (вроде как на первый камень фундамента), аббат и его монахи возвращались домой лесом, но по дороге ужасный голос, принадлежавший, как все признали, сэру Джону Фотрелу, произнес из чащи, в полной темноте, так как уже наступила ночь, следующие слова:

— Клемент Мальдонадо, аббат Блосхолма, я, убитый тобою, призываю тебя встретиться со мной не позже чем через год перед престолом господним.

Тут все обратились в бегство. Бежал и аббат — впрочем, он утверждал, что его понесла лошадь; отставший от них Томас Болл, как выяснилось, перегнал их всех и вернулся домой первым, потому что по дороге читал «Ave».

После этого призрака сэра Джона больше не видели, хотя вся округа искала его. Без сомнения, призрак сделал свое дело, хотя аббат объяснял это иначе. Однако стали твориться другие дела — еще, пожалуй, похуже.

Однажды в лунную ночь среди коров поднялось страшное смятение; они мычали и носились по полю, куда их пригнали после дойки. Думая, что к ним забежали собаки, пастух и сторож — теперь после захода солнца никто в Блосхолме не соглашался выходить один — пошли посмотреть, что случилось, и вскоре повалились на-

земь полумертвые от страха. Они увидели, что там, прислонившись к воротам и смеясь, стоял сам мерзкий дьявол — черт с рогами и хвостом и с чем-то похожим на вилы в руках.

Сами не зная как, добрались они до дому, но только после этой ночи коров этих никто доить не мог; мало того, некоторые коровы преждевременно отелились и стали такими буйными, что их пришлось зарезать.

Потом пошли слухи, что даже в монастыре, и особенно в часовне, стали являться призраки. Оттуда слышались голоса, и Эмлин Стоуэр, молившаяся там, вышла из часовни, клянясь, что она видела, как огненный шар катался вдоль и поперек бокового крыла; человеческая голова в центре этого шара пыталась заговорить с ней, но не могла.

Это дело расследовал сам аббат, спросив Эмлин, узнала ли она лицо, находившееся в огненном шаре. Она ответила, что, кажется, узнала. Оно показалось ей очень похожим на лицо одного человека из собственной охраны аббата, по имени Эндрью Вудс и по прозвищу пьяница Эндрью — шотландца, убитого, как говорят, сэром Кристофером Харфлитом в ночь великого пожара. Но, очевидно, после смерти Эндрью очень изменился, поэтому она и не совсем уверена, что то был он. Одно только ей стало ясно: он несомненно пытался сообщить ей что-то.

Вспомнив о том, что было сделано с телом вышеупомянутого Эндрью, аббат замолчал. Он лишь многозначительно спросил Эмлин, как могло случиться, что, видя такие ужасы, она не боится бывать в часовне одна: ему сообщили, что она часто туда ходит. Эмлин же со смехом ответила, что боится людей, а не духов, добрые они или злые.

— Да,— воскликнул он в припадке ярости,— ты их не боишься, женщина, потому что ты — ведьма и вызываешь их сама, и мы не избавимся от этого колдовства, пока ты и вся твоя шатия не сгорят в огне.

— Если так,— холодно ответила Эмлин,— в следующий раз, когда мы увидимся, я спрошу у мертвого Эндрью, что он хотел мне сообщить, если он не предпочтет сообщить это лично вам.

Так они и расстались. Но в ту ночь произошло самое худшее. Было около часу пополудни, когда аббата,

спавшего с открытым окном, разбудил голос, говоривший с шотландским акцентом и несколько раз назвавший его по имени, призывая выглянуть и посмотреть. Аббат и другие монахи поднялись и посмотрели, но ничего не смогли увидеть, потому что ночь была темная и шел дождь. Тем не менее, когда рассвело, их поиски увенчались успехом: на расстоянии всего лишь нескольких ярдов от спальни лорда аббата, уставив глаза прямо в окна этой комнаты, торчала насаженная на шпиль монастырской церкви страшная голова Эндрью Вудса!

Разгневанный аббат спрашивал, кто совершил это ужасное дело, но монахи, уверенные, что это штуки того же, кто околдовал коров, только пожали плечами и предложили разрыть могилу Эндрью, чтобы посмотреть, потерял ли он свою голову.

Это, в конце концов, было сделано, хотя, по особым соображениям, аббат запретил нарушать покой мертвеца.

Итак, могила была вскрыта, когда Мэлдон уезжал в одно из своих таинственных путешествий. И — о ужас! — там не было Эндрью, а лишь дубовая балка, зашитая в одеяло, набитое соломой в форме человеческого тела. Ведь настоящий Эндрью или, вернее, его останки находились, как вы помните, в другой могиле, в которой, как все полагали, лежал сэр Кристофер Харфлит.

С этого дня повсюду на пятьдесят миль в округности стали передавать сказки о так называемом блосхолмском колдовстве: полным основанием для подобных разговоров служила высохшая голова Эндрью, насаженная на шпиль, откуда никто не решался ее снять ни из жалости к покойнику, ни за деньги. Все отметили, что аббат перешел в другую спальню, после чего, если не считать болезней монахов, возникшей, как полагают, от выпитого ими кислого пива, вся эта сумятица улеглась.

Действительно, в то время люди думали о другом, так как воздух был насыщен слухами о надвигающихся переменах. Король угрожал церкви, а церковь готовилась противостоять королю. Говорили об упразднении монастырей — некоторые фактически уже были упразднены — и еще больше говорили о восстании католиков в графствах Йорк и Линкольн; все это были важные дела, заставлявшие аббата Мэлдона часто отлучаться из дома.

Однажды он вернулся из долгого путешествия уста-

лый, но удовлетворенный, и наряду с другими новостями, ожидавшими его тут, он нашел записку от настоятельницы, над которой размышлял, пока завтракал. Было также письмо из Испании, которое он тотчас же внимательно прочитал.

Прошло девять месяцев с тех пор, как отплыл корабль «Большой Ярмут». В течение этого времени стало известно только, что он не достиг Севильи; поэтому, как и все другие, аббат считал, что он пошел ко дну где-нибудь в открытом море. Это печальное событие он перенес со смирением, хотя оно и означало потерю очень важных писем: зато на борту было несколько лиц, которых он не желал более видеть, в особенности сэра Кристофера Харфлита и слугу сэра Джона Фотрела, Джеффри Стоукса, захватившего с собой, по слухам, некие неприятные документы. Даже секретаря и капеллана, брата Мартина, не стоило жалеть как человека, по мнению аббата, более подходившего для неба, чем для земли, где лучшие люди должны порою идти на сделки со своей совестью.

Короче говоря, исчезновение «Большого Ярмута» было мудрым решением дальновидного провидения, убравшего некоторые камни преткновения из-под ног аббата, которым последнее время приходилось ступать по неровной и тернистой дороге. Ведь мертвые не могут говорить, хотя призрак сэра Джона Фотрела и оскалившаяся голова пьяницы Эндрю на шпиле, казалось, доказывали обратное. Кристофер Харфлит и Джеффри Стоукс на дне Бискайского залива не могли выдвинуть против него неприятных обвинений, и ему не придется больше иметь дела ни с кем, кроме забытой в заточении женщины и еще не родившегося ребенка.

Теперь обстоятельства опять изменились: письмо из Испании говорило ему, что «Большой Ярмут» не утонул, так как двое из экипажа спаслись, — каким образом, об этом ничего не говорилось. Спасшиеся заявляли, что корабль был захвачен в плен турецкими или другими язычниками-пиратами и был уведен в какое-то неизвестное место через узкий пролив Гибралтар. Поэтому, если сэр Кристофер перенес это путешествие, он все еще мог быть жив, так же как Джеффри Стоукс и брат Мартин. Но вряд ли это было возможно. Вернее всего, они погибли в бою, ибо все трое были неистовые вояки — англича-

не, или, в лучшем случае, были приговорены к турецким галерам, откуда никогда не возвращался даже один из тысячи.

Значит, в общем, у него почти не было причин опасаться тех, кто умер или все равно что умер, особенно теперь, когда грозили другие, более непосредственные опасности.

Все, чего он боялся и что стояло между ним или, вернее, между церковью и очень богатым наследством, была девушка в монастыре, неродившийся ребенок и, конечно, Эмлин Стоуэр. Ну, он был уверен, что ребенок не выживет да и мать, может быть, тоже. Что касается Эмлин —

ее сожгут за колдовство, как она того заслуживает; теперь уже скоро, так как у него есть время проследить за этим; если же Сайсели поправится, то хотя ему и жаль ее, она — соучастница ведьмы, должна по справедливости вместе с ней отправиться на костер. Пока же насчет ребенка надо принять меры — мать Матильда сообщала ему, что сроки наступают.

Аббат позвал монаха, служившего ему, и велел передать женщине, известной под именем Меггс-Камбалы, чтобы она немедленно явилась в аббатство. Через десять минут она вошла: оказывается, ее уже предупредили, что она должна быть все время под рукой.

Эта Меггс-Камбала, слышавшая в той местности повивальной бабкой, была особой лет пятидесяти, невероятно толстой, с плоским лицом, маленькими продолговатыми глазками и маленьким изогнутым ртом, за что ее и прозвали Камбалой. Она почтительно приветствовала аббата, приседая до тех пор, пока ему не показалось, что она валится назад, и, получив его отеческое благословение, опустилась в кресло, которое совсем исчезло под ее объемистым телом.

— Вам любопытно, наверное, почему я призвал вас сюда, друг мой,— ведь здесь ваши услуги никому не могут понадобиться,— начал с улыбкой аббат.

— О нет, милорд,— ответила женщина.— Я слышала, что нужно ухаживать за супругой сэра Кристофера Харфлита в ее положении.

— Я бы хотел называть ее благородным словом «супруга»,— вздохнув, сказал аббат.— Но мнимый брак не дает права так называться, миссис Меггс, и — увы! — бедное дитя, если ему суждено родиться, будет лишь незаконнорожденным, заклеянным позором с момента появления на свет.

Теперь Камбала — отнюдь не дура — начинала понимать его намеки.

— Грустно это, ваше святейшество, весьма грустно, и даже, можно сказать, вовсе худо. Ну, да ничего, поправим дело еще до того, как все произойдет. Такое внезапное, случайное появление приносит счастье — я имею в виду приезд вашей милости,— а здесь таких ребят очень много, как всегда поблизости от монастырей... то есть, я хочу сказать, повсюду вообще. К тому же они обычно вырастают дурными и неблагодарными,

как я хорошо могу судить по своим трем — хотя, правда, меня успели сразу же выдать замуж. Ну, словом, я хотела сказать, если уже такое случается, то иногда истинное благословение, если бедный невинный младенец умрет с самого начала и, таким образом, избегнет позорного клейма и насмешек. — И она замолчала.

— Да, миссис Меггс. По крайней мере, в подобных случаях мы не должны роптать на волю Божию — при условии, конечно, если младенец проживет достаточно долго, чтобы его окрестить, — добавил он поспешно.

— Нет, ваше кардинальское святейшество, нет. Именно это я говорила прошлой весной дочери Смита. Сон у меня очень крепкий — ну, я случайно заспала ее отродье, а проснувшись, смотрю — ребенок уже посинел и не двигается. Она, как увидела, расстроилась, разревелась, словно корова, потерявшая своего первого теленка, а я ей и говорю: «Мэри, это не я, это сам господь бог. Мэри, ты должна радоваться, что моя тяжесть избавила тебя от твоего бремени, и ты можешь похоронить малютку почти даром. Мэри, поплачь немного, если хочешь, все-таки ведь первый твой ребенок, не хули господи и не грози небу кулаком — не любит этого господь бог».

— А! — протянул аббат и без особого интереса спросил: — Что же Мэри тогда сделала?

— Что она сделала, бесстыдная тварь? Она мне тогда говорит: «Ты кулака боишься, старая свинья, и душишь поросят. Так я тебя по-другому двину», — и она оттолкнула верхнюю перекладину с моего забора (мы разговаривали стоя у ворот); перекладина-то дубовая, размером три на два, как хватит меня, до сих пор на голове шрам, а Мэри еще крикнула: «Довольно тебе, или, может, столб из ворот вывернуть?» Уж если я чего не люблю, так это кольев, особенно дубовых и острием к тебе.

Так болтала, по своему обыкновению, гнусная старая карга; аббат же молча смотрел в потолок. Когда наконец она остановилась, чтобы передохнуть, он сказал:

— Хватит мне слушать о пороках и насилиях. Такие несчастные случаи возможны, и вас винить нельзя. Теперь, добрая миссис Меггс, возьметесь ли вы за это дело? Монахини о нем ведь понятия не имеют. Хотя сейчас времена тяжелые и в последнее время наш дом понес много потерь, за ваше искусство будет хорошо заплачено.

Женщина поерзала своими большими ногами и уставилась на пол, потом внезапно подняла глаза и впиалась в настоятеля взглядом, сверлившим, как шило.

— А если случится так, что невинный младенец из моих рук отправится прямо на небо, как, бывало, многие отправлялись, плату я все же получу?

— Тогда,— ответил аббат с какой-то вымученной улыбкой,— тогда, я думаю, миссис, вам следует заплатить вдвое, чтобы утешить вас и вознаградить за то, что люди, пожалуй, усомнятся в вашем искусстве.

— Вот это благородная сделка,— ответила она, и глаза ее загорелись жадностью.— Такую только с аббатом и заключишь. Но, милорд, говорят, в обители появляется призрак, а призраков я боюсь. Мужчина или женщина, с кольями или без них, матушке Камбале все равно, но призраков не хочу ни за что. Да и миссис Стоуэр — ведьма и может околдовать меня, а монашки полны всяких причуд и могут своими молитвами свести честную душу в могилу.

— Ну, ну, у меня мало времени. Чего вам нужно? Выкладывайте.

— Постоялый двор у брода — вашей милости в следующем месяце понадобится съемщик. Это хороший, доходный дом для тех, кто умеет держать язык за зубами и не смотреть куда не надо, а после страшного скандала и злостной клеветы, которая пошла из-за ребенка Смитовой дочки, мои дела идут не так, как раньше. Так вот, если бы мне получить его и не платить арендной платы первые два года, чтобы у меня хватило времени наладить дело...

Аббат больше не мог выносить этой особы; он поднялся со стула и резко сказал:

— Я буду помнить. Да, обещаю. А теперь ступайте; преподобная мать извещена о том, что вы к ней явитесь. И докладывайте мне каждое утро и вечер об этом деле. Послушайте, что это вы делаете? — вскричал он, потому что она вдруг упала на колени и вцепилась в его одежды своими толстыми и грязными пальцами.

— Отпущения, святой отец: я прошу отпущения и благословения — рах Meggiscum¹ и так далее.

¹ Бабка Меггс переиначивает на свой лад латинское рах vobiscum («мир вам»).

— Отпущения? Нечего отпускать.

— Нет, милорд, есть что отпускать, но хотелось бы знать, вам-то кто отпустит вашу долю греха? Мне иногда по ночам не дают спать сонмы ангелочков, вот почему я не выношу призраков. Я уж лучше зимой буду пить за ужином слабый холодный эль и есть непрожаренную свинину, только бы мне не встретиться с призраком даже мертворожденного ребенка.

— Вон отсюда! — произнес аббат таким голосом, что она поднялась на ноги и ушла, не получив отпущения и благословения.

Когда за ней закрылась дверь, он подошел к окну и, хотя ночь была бурной, распахнул его настежь.

— Святые угодники! — пробормотал он. — Эта гнусная убийца отравляет воздух. Как это господь терпит на земле подобные существа? Разве она не может заниматься своим адским ремеслом не так нагло? О! Клемент Мальдонадо, как низко ты пал, если вынужден пользоваться подобным орудием и для таких дел! Однако другого выхода нет. Не для меня, а ради церкви, о господи! Великий заговор разрастается, и все люди обращаются ко мне, его вдохновителю и организатору, за деньгами. Денег, только денег — и не пройдет и шести месяцев, как поднимется Йоркшир и Северные графства, не пройдет и года, как антихрист Генрих погибнет, а принцесса Мария¹ будет прочно сидеть на троне с императором и папсой в качестве сторожевых псов. Упрямая Сайсели должна умереть, и ее ребенок должен умереть, а потом я вырву тайну драгоценностей из уст этой ведьмы Эмлин — даже на дыбе, если понадобится. Не один раз видел я эти драгоценности; на них можно прокормить целую армию; но, пока жива Сайсели и ее отродье, как мне их получить? Поэтому — увь! — они должны умереть, но — горе! — старая карга права. Кто даст мне отпущение за дело, которое мне самому мерзко? Не для себя, не для себя, о мой заступник, а ради церкви! — И, распростершись на полу перед изображением святого, которого он считал своим покровителем, уткнувшись головой ему в ноги, аббат зарыдал.

¹ Принцесса Мария. — Имеется в виду дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, Мария Тюдор, ярая католичка, лишенная прав на престол после развода родителей.

Бабка Меггс и призрак

Меггс-Камбала водворилась со всеми принадлежностями своего ремесла в обители, в качестве повивальной бабки при Сайсели. Устроилось это, правда, не без труда, ибо Эмлин, которой хорошо известна была печальная слава этой женщины и которая подозревала, что от нее можно ожидать самого худшего, изо всех сил противилась ее водворению; однако тут мягко, но решительно вмешалась настоятельница. Она признала, что и ей не особенно по сердцу эта особа, которая так странно выглядит, так быстро говорит и пьет столько пива. Однако по наведенным справкам выяснилось, что она очень искусна в подобного рода делах. Уверяли, что она достигла полного успеха в исключительно трудных случаях, от которых лекарь отказывался, как от безнадежных, хотя, конечно, бывали и такие, когда ей ничего не удавалось сделать. Но обычно — так передавали настоятельнице — это происходило с бедняками, не имевшими возможности хорошо заплатить. В данном же случае вознаграждение будет щедрое, ибо мать Матильда обещала ей большую сумму из своих личных средств; а кроме того, раз врач-мужчина не мог быть допущен сюда, где было искать другого знающего человека? Ни она сама, настоятельница, ни другие монахини для этого не годились, ибо никто из них не был замужем, кроме старой Бриджет, полоумной и уже давным-давно обо всем этом позабывшей. Не могла помочь и Эмлин, которая была почти девочкой, когда у нее родился ребенок, а с той поры уже не рожала. Так что и выбора-то не было.

Эмлин пришлось сдаться на эти доводы, хотя она и не доверяла толстой противной бабке, которая с первого же взгляда не понравилась и бедняжке Сайсели. Однако страх заставил Эмлин смириться и обращаться со старухой вежливо: не то она, пожалуй, не захочет постараться ради ее госпожи. Поэтому Эмлин, как раба, выполняла все ее прихоти, сдабривала ей пряностями пиво, стелила постель и даже безропотно выслушивала ее гнусные шуточки и болтовню.

Наконец все совершилось, и ребенок, красивый и крепкий мальчуган, появился на свет. И Камбала торже-

ственно выставила его напоказ в корзинке, прикрытой овечьей шкурой, а Эмлин, и мать Матильда, и все монахи ни целовали и благословляли его. И сразу же во избежание какой-либо случайности (вот она, отеческая предусмотрительность аббата!) он был окрещен поджидавшим уже священником и наречен Джоном Кристофером Фотрелом: Джоном по деду, Кристофером по отцу, а фамилия Фотрел дана ему была потому, что аббат, считая его незаконнорожденным, не желал, чтобы он именовался Харффлитом.

Итак, ребенок родился, и матушка Меггс божилась, что из двухсот трех ребят, появившихся с ее помощью на свет божий, он был самый лучший — по меньшей мере девяти с половиной фунтов весом. Судя по тому, как он кричал и двигался, мальчуган был здоровый и жизнеспособный: когда он ухватился ручонками за толстые указательные пальцы Камбалы, она на глазах изумленных монашек приподняла его на этих своих пальцах, а затем выпила целую четверть сдобренного пряностями эля за его здоровье и долголетие.

Но если ребенок отличался жизнеспособностью, то Сайсели близка была к смерти. Она чувствовала себя очень, очень худо и, возможно, не выжила бы, но Эмлин пришла в голову хорошая мысль. Ибо, когда Сайсели стало совсем плохо, а Камбала, качая головой и заявляя, что она уже ничего сделать не может, ушла выпить неизменного эля и подремать, Эмлин подкралась к своей госпоже и взяла в свои руки ее холодную руку.

— Дорогая,—произнесла она,— послушай, что я скажу. (Но Сайсели не шелохнулась.) Дорогая,—повторила она,— выслушай меня: я кое-что слышала о твоём муже.

Бледное лицо Сайсели слегка шевельнулось на подушке, и синие глаза ее открылись.

— О моем муже?—прошептала она.— Ведь его нет в живых, да и меня скоро не будет. Что ты могла о нём слышать?

— Он не умер, он жив, по крайней мере я так думаю, хотя доселе скрывала это от тебя.

Голова Сайсели на мгновение приподнялась, а глаза уставились на Эмлин с радостным удивлением.

— Ты морочишь меня, няня? Нет, ты бы этого никогда не сделала. Дай мне молока, теперь я буду пить. По-

слушаю, что ты скажешь, и обещаю, что не умру, пока ты не поведаетшь всего. Если Кристофер жив, то и мне незначем умирать. Ведь я только одного хотела — соединиться с ним.

И Эмлин шепотом рассказала ей все, что знала. Это было немного, только то, что Кристофер не был погребен в могиле, куда его якобы положили, что он, раненный, был перенесен на корабль «Большой Ярмут». Об участии этого корабля Эмлин, к счастью, ничего не слыхала. Как ни скудны были эти известия, на Сайсели они подействовали, как волшебное лекарство, ибо разве не означали они возвращение надежды — надежды, которая девять долгих месяцев была мертва и, казалось, погребена вместе с Кристофером? С этого мгновения Сайсели стала поправляться.

Когда Камбала, отоспавшись после пьянства, вернулась к постели больной, она изумленно уставилась на нее и пробормотала что-то насчет колдовства, так уверена была она, что Сайсели умрет: в те времена подобным образом погибали многие женщины, попавшие в такие же руки. По правде сказать, для нее это было горьким разочарованием, ибо она знала, что тот, кому она служила, хотел этой смерти; теперь он, чего доброго, сдаст постоялый двор у брода кому-нибудь другому. Да к тому же еще и ребенок был не заморыш, а существо вполне жизнеспособное. Ну, тут уж она сумеет поправить дело, а если все произойдет быстро, то и мать, пожалуй, помрет с горя. Однако сделать это будет труднее, чем кажется на первый взгляд: за ребенком-то следит много любящих глаз.

Когда она заявила, что возьмет его на ночь к себе в постель, Эмлин яростно воспротивилась. Обратилась к настоятельнице, и та, зная, что бабка пьет, и наслышавшись об участии ребенка Смитов и многих других, приказала не отдавать ей мальчика. Так как мать была еще слишком слаба, чтобы взять его к себе, ребенка уложили рядом с нею, в колыбельке. И постоянно днем и ночью одна, а то и несколько ласковых монахинь стояли у изголовья колыбельки, словно ангелы-хранители. И питала его сама природа, ибо с первого же дня Сайсели давала ему грудь, так что бабка не могла примешать к молоку ничего такого, что заставило бы мальчика заснуть навеки.

Так и шли день за днем, и сердце бабки Меггс разрывалось от ярости и, можно сказать, отчаяния, пока наконец не выпал случай, которого она ждала. В один прекрасный вечер, когда монахини ушли к вечерне (но не в часовню, ибо с тех пор, как распространились слухи о привидении, они избегали этого места в сумерки), Сайсели, к которой возвращались силы, попросила Эмлин переодеть ее и перестелить ей постель. А ребенка поручили сестре Бриджет, души в нем не чаявшей, и велели ей погулять с ним по саду, ибо дождь прошел и вечер был приятный и теплый. Она и пошла в сад, но по дороге ее перехватила Камбала. Все думали, что бабка спит, на самом же деле она пошла следом за Бриджет, а придурковатая монашка ее очень боялась.

— Ты что делаешь с моим младенчиком, дура старая?— закричала она, почти вплотную приблизив лицо к лицу Бриджет.— Уронишь его, а ругать станут меня. Отдавай-ка мне ангелочка, не то я перешибу тебе нос. Давай, говорю, и убирайся подобру-поздорову.

Старая Бриджет, растерянная и перепуганная, отдала ей ребенка и побежала прочь. Но затем, немного успокоившись или повинувшись какому-то безотчетному чувству, возвратилась, спряталась за кустами сирени и стала наблюдать.

Увидела она, что Камбала оглянулась по сторонам, желая убедиться, что за ней не следят, и зашла с ребенком в часовню. Послышался звук задвигаемого засова. Бриджет, как она впоследствии рассказывала, очень испугалась, сама не зная чего, и какое-то внезапное побуждение заставило ее подбежать к окну алтаря, взобраться на стоявшую под ним тачку и заглянуть в часовню. И вот что ей довелось увидеть.

Бабка Меггс стояла на коленях в алтаре, и монахиня сперва подумала, что она молится. Но тут луч заходящего солнца осветил часовню, и Бриджет заметила, что на плиточном полу перед бабкой лежит ребенок и что чертовка засовывает свой толстый указательный палец ему в горло, так что личико у него уже почернело, а бабка при этом что-то дико бормочет. Застыв на месте от ужаса, Бриджет не смогла ни двинуться, ни крикнуть.

И вот, пока она стояла, словно окаменевшая, внезапно появилась какая-то мужская фигура в ржавых доспехах. Камбала подняла глаза, увидела ее и, вытащив па-

лец из горла ребенка, принялась отчаянным голосом вопить. Человек, не говоря ни слова, вынул из ножен меч и поднял его, а детоубийца между тем кричала:

— Призрак! Призрак! Пощадите меня, сэр Джон, я бедная женщина, а он мне заплатил. Пощадите меня Христа ради!

С этими словами она без сознания упала на пол, стала корчиться, извиваться и наконец затихла.

Тогда человек или же призрак взглянул на нее, вложил меч в ножны и, подняв с полу ребенка, который теперь снова стал дышать и кричать, направился с ним вон из часовни. Затем до сознания Бриджет дошло, что он стоит перед ней и протягивает ей ребенка. Лица его она видеть не могла, так как забрало было опущено, но услышала глухой голос, говоривший:

— Это дар небес леди Харфлит. Скажи ей, чтобы она не ведала страха, ибо одного дьявола я уже скосил, а другие созрели для жатвы.

Бриджет взяла ребенка и упала наземь, и в то же мгновение монашки, встревоженные отчаянными воплями Меггс, ворвались во главе с матерью Матильдой через боковой проход. Они тоже увидели мужскую фигуру и узнали на шлеме и щите герб Фотрелов. Но призрак не заговорил с ними, а скрылся за деревьями и исчез.

Прежде всего они позаботились о ребенке, которого, как они думали, этот человек намеревался похитить. Затем, убедившись, что ничего худого с ним не случилось, стали расспрашивать старуху Бриджет, но от нее невозможно было добиться толку: она только бормотала что-то, указывая сперва на тачку, а затем на окно алтаря. Под конец мать Матильда поняла, в чем дело, и, взобравшись на тачку, заглянула по примеру Бриджет в окно. Заглянула, увидела и без чувств упала навзничь.

Прошел час. У ребенка не оказалось серьезных повреждений — только незначительные царапины и кровоподтеки вокруг нежного ротика, — и он заснул на материнской груди. Бриджет пришла в себя и наконец рассказала всю историю всем, кроме Сайсели, которая так ничего еще и не знала, ибо ее и Эмлин комната находилась в противоположном конце здания, и они не слышали криков.

Послали за аббатом, и он явился в сопровождении своих монахов, как раз когда разразилась гроза и полил

ливень. Он тоже выслушал рассказ — лицо его было бледно; монахи в ужасе творили крестное знамение. Под конец он спросил о Меггс. Ему ответили, что, живая или мертвая, она еще, видимо, в часовне, куда никто пока не решился войти.

— Пойдем поглядим,— сказал аббат.

Когда подошли к часовне, дверь, как и передавала Бриджет, оказалась запертой изнутри.

Послали за кузнецами, которые принялись ломать засов. Все прочие стояли под дождем и ждали. Наконец дверь была открыта, и все во главе с аббатом вошли в часовню с факелами и свечами, так как теперь уже совсем стемнело. На полу у алтаря что-то лежало. Когда это место было освещено факелами, все увидели нечто такое, от чего бросились бежать прочь, призывая на помощь всех святых. И при жизни бабка Меггс не отличалась привлекательностью, но после того как ее постигла такая смерть...

Наступило утро. Лорд аббат со своими монахами собрались в приемной, а против них сидели леди настоятельница и монахини. Тут же находилась и Эмлин.

— Колдовство! — закричал аббат, стуча кулаком по столу. — Черное колдовство! Сам сатана и злейшие его демоны блуждают по округе и ютятся в вашей обители. Минувшей ночью они себя показали...

— Тем, что спасли ребенка от жестокой смерти и покарали мерзкую убийцу, — прервала его Эмлин.

— Молчи, ведьма! — закричал аббат. — Отыди от меня, сатана. Знаю я тебя и твоих присных! — При этих словах он взглянул на настоятельницу.

— Что вы имеете в виду, милорд аббат? — вызывающе спросила мать Матильда. — Я и мои сестры вас не понимаем. Эмлин Стоуэр права. Можно ли называть колдовством то, что завершилось ко благу? Да, призрак сэра Джона Фотрела появился здесь, и мы все его видели. Но что он сделал? Уничтожил злодейку, которую вы к нам подослали, и спас невинного младенца, когда она уже засунула ему в горло палец, чтобы прервать его невинную жизнь. Если это колдовство, так я тоже ведьма. Скажите-ка, на что эта негодяйка намекала, когда молила призрак пощадить ее, вопя, что она бедная женщина, которую подкупили совершить злодеяние? Кто подку-

пил ее, милорд аббат? Даю клятву, что у нас в обители — никто. А кто превратил сэра Джона Фотрела из живого человека в духа? Почему он теперь призрак?

— Я здесь не для того, чтобы загадки разгадывать, женщина. А ты кто такая, чтобы задавать мне подобные вопросы? Тебя я смеаю, а на всю твою обитель налагаю отлучение. Приговор церкви решит вашу участь. Не осмеливайтесь переступить за порог вашего дома, пока не соберется трибунал, который будет вас судить. И не рассчитывайте, что вам удастся спастись. Англия ваша прогнила, и повсюду растекается ересь, но,— добавил он, понизив голос,— огонь еще жжет, а в лесу много хвороста. Пусть души ваши приготовятся к суду. Теперь же мне пора идти.

— Делайте, что вам угодно,— ответила разъяренная мать Матильда.— Когда нам предъявят обвинение, мы будем держать ответ. А пока просим вас забрать останки вашей наймитки; мы не желаем находиться в ее обществе, и у нас она не обретет погребения. Милорд аббат, хоть вы и ваши предшественники присвоили себе не принадлежащие вам права, но грамота на основание нашей обители дана королем Англии. Утверждена она Эдуардом Первым, и с того дня только сам король, и никто другой, может подписывать назначение настоятельницы. А мое подписано собственноручно Генрихом Восьмым. Вы меня сместить не можете, на аббата я пожалуюсь королю. Прощайте, милорд.— С этими словами она в сопровождении своей свиты из пожилых монахинь выплыла из комнаты, как оскорбленная королева.

Когда после ужасной гибели детоубийцы ребенка передали матери невредимым, Сайсели быстро поправилась. Через неделю она уже встала и начала ходить, а через десять дней была уже совсем здорова, здоровее, чем когда-либо. Насчет аббата ничего не было слышно, и хотя все знали, что с его стороны по-прежнему грозит опасность, радовались краткой передышке до нового громового удара.

Однако в пробудившемся уме Сайсели возникло острое желание побольше узнать о том, на что намекнула ее кормилица, когда она лежала на смертном одре. День за днем донимала она Эмлин расспросами, пока не выпытала все, а именно, что новость исходила от Томаса Болла и что это он, облаченный в доспехи ее отца, спас ребенка

от гибели. Теперь она во что бы то ни стало пожелала сама увидеть Томаса, уверяя, что хочет поблагодарить его. Но Эмлин хорошо понимала, что Сайсели надо услышать из его собственных уст все обстоятельства и все подробности того, что можно узнать насчет Кристофера.

Некоторое время Эмлин противилась этому, ибо хорошо понимала, какую опасность представила бы подобная встреча. Но она не в состоянии была отказать в чем-либо своей госпоже и под конец уступила.

В назначенный час, на закате солнца, Эмлин и Сайсели зашли в часовню. Сайсели сказала монахиням, что хочет поблагодарить бога за избавление от стольких опасностей. Они преклонили колени перед алтарем и, делая вид, что молятся, услышали стуки — сигнал, означавший, что Томас Болл прибыл. Эмлин постучала в ответ — это значило, что все в порядке, после чего деревянная фигура повернулась, и перед ними предстал Томас, одетый, как и раньше, в доспехи сэра Джона Фотрела. На мгновение Сайсели показалось, что она видит покойного отца — так похож был на него Томас в этой столь знакомой ей броне, — и ноги ее подкосились.

Но Томас преклонил пред ней колено, поцеловал ей руку, осведомился о здоровье ее мальчика и спросил, довольна ли она тем, как он ей служит.

— Да, тысячу раз да, — ответила она. — О друг мой, теперь я нищая пленница, но если ко мне вернется мое достояние, все, что я имею, будет принадлежать тебе. А пока я благословляю тебя, и да будет над тобою благословение божие, благородный человек!

— Не благодарите меня, леди, — ответил честный Томас. — По правде-то говоря, служил я Эмлин, ибо мы много лет были друзьями, хотя монахи и разлучили нас. А что касается ребенка и этого чертова отродья, Камбалы, то благодарите бога, а не меня, ведь я вовсе не собирался появиться в тот вечер и оказался в часовне лишь случайно. Я намеревался идти за скотом, и тут мне что-то словно шепнуло, чтобы я надел доспехи и появился в часовне. Меня словно какая-то рука толкала, а остальное вы сами знаете. Полагаю, что теперь бабка Мергс тоже знает, — мрачно добавил он.

— Да, да, Томас, я и благодарю бога, чей перст вижу во всем этом деле, как благодарю тебя, его оружие. Но есть и другие вещи, о которых мне говорила Эмлин.

Она сказала, ах, она сказала, что мой муж, которого я считала убитым и погребенным, на самом деле был только ранен, и его не похоронили, а отправили за море. Расскажи мне все об этом, ничего не опуская, но побыстрее,— времени у нас мало. Я хочу все узнать из твоих собственных уст.

И вот, путаясь и запинаясь по своему обыкновению, он поведал ей слово в слово все, что сам видел и что узнал от других. Сводилось же это к тому, что сэра Кристофера увезли за границу на «Большом Ярмуте», тяжело раненного, но не мертвого, и что вместе с ним отправились Джеффри Стоукс и монах Мартин.

— С тех пор прошло десять месяцев,— сказала Сайсели.— Неужто о корабле не было никаких известий? Он ведь мог бы уже возвратиться обратно.

Немного поколебавшись, Томас ответил:

— Из Испании никаких известий не приходило. Затем, хотя я даже Эмлин ничего об этом не говорил, прошел слух, что корабль погиб со всем своим экипажем. А потом рассказывали другое...

— Что же именно?

— Леди, двое из его команды прибыли в Уош. Я сам их не видел, и они опять пошли в плаванье — в Марсель во Францию. Но я беседовал с пастухом, сводным братом одного из них, и тот рассказал мне, что слышал от него, будто на «Большой Ярмут» напали два турецких пиратских корабля и захватили его после славного боя, в котором капитан и многие другие были убиты. Этот человек с товарищем сумели бежать в шлюпке и дрейфовали по морю туда и сюда, пока идущая на родину каравелла не подобрала их и не доставила в Гулль. Вот все, что я знаю, кроме еще одного.

— Еще одного? Чего же, Томас? Что мой муж погиб?

— Нет, нет, как раз наоборот, что он жив или был жив, ибо эти люди видели, как он, и Джеффри Стоукс, и священник Мартин — он, я хорошо знаю, не трус — дрались как черти, пока турки не одолели их численностью, не связали им рук и не переташили всех троих невредимыми на свои корабли, намереваясь, видимо, превратить таких храбрых парней в рабов.

Хотя Эмлин и старалась остановить Сайсели, та стала забрасывать Томаса вопросами, на которые он отве-

чал, как мог, пока, наконец, до его ушей не долетел какой-то необычайный звук.

— Взгляните на окно! — вскричал он.

Они взглянули, и кровь застыла у них в жилах: сквозь стекло смотрело на них темное лицо аббата, а рядом с ним виднелись и другие лица.

— Не выдавайте меня, не то я буду сожжен, — прошептал Томас. — Скажите им только, что вам привиделся призрак. — Неслышно, как тень, он скользнул в свою нишу и исчез.

— Что теперь делать, Эмлин?

— Только одно — Томаса надо спасти. Держаться смело и стоять на своем. Не твоя вина, что дух твоего отца появляется в часовне. Помни, только дух его, и ничего больше. А, вот и они!

При этих ее словах дверь широко распахнулась, и в часовню ворвались аббат и с ним вся толпа его служителей. В двух шагах от обеих женщин они остановились, тесно прижавшись друг к другу, словно роящиеся пчелы, — так им было страшно, и только один голос крикнул: «Хватайте ведьм!»

У Сайсели прошел всякий страх, и она смело обратила к ним лицо.

— Что вам от нас нужно, милорд аббат? — спросила она.

— Мы хотим знать, колдунья, что за существо сейчас говорило с тобой и куда оно девалось?

— Это был тот же, кто спас мое дитя и призвал меч господень на голову убийцы. На нем были доспехи моего отца, но лицо его осталось скрытым. Он исчез, как и появился, куда — я не знаю. Узнайте это сами, если можете.

— Женщина, ты над нами смеешься! Что это существо говорило тебе?

— Оно говорило об убийстве сэра Джона Фотрела у Королевского кургана и о тех, кто совершил это злодеяние. — И она пристально посмотрела на аббата, так что тот опустил глаза.

— А еще что?

— Оно сообщило мне, что муж мой жив и что вы не похоронили его, как уверяли меня, а отправили его в Испанию. И оно предрекло, что он возвратится оттуда, чтобы отомстить вам. Оно поведало мне, что моего мужа

взяли в плен мавры, а с ним Джеффри Стоукса, слугу моего отца, и священника Мартина, вашего секретаря. Затем оно подняло взор и исчезло, или же нам показалось, что оно исчезло, хотя, может быть, оно еще находится среди нас.

— Да,— ответил аббат,— сатана, с которым вы тут беседовали, всегда среди нас. Сайсели Фотрел и Эмлин Стоуэр, вы обе зловредные ведьмы, в чем сами признались. Слишком долго терпел мир божий ваши колдовские дела; теперь же вы ответите за них перед богом и людьми, ибо мне, лорду настоятелю Блосхольмского аббатства, даны право и власть заставить вас это сделать. Схватите этих ведьм и заточите их в комнате, где они живут, пока я не соберу церковный трибунал, который будет их судить.

Сайсели и Эмлин схватили и повели в обитель. Когда они шли через сад, им повстречались мать Матильда с монахинями; те уже второй раз в этом месяце выбегали узнать, что за шум поднялся в часовне.

— Что еще случилось, Сайсели?— спросила настоятельница.

— Теперь мы, оказывается, ведьмы, матушка,— ответила она с грустной улыбкой.

— Да,— вмешалась Эмлин,— и обвиняют нас в том, что дух убитого сэра Джона Фотрела будто бы говорил с нами.

— Что, что? — вскричала настоятельница.— Разве можно объявлять ведьмой женщину только за то, что ей явился дух ее отца? Может быть, и бедная сестра Бриджет ведьма? Ведь тот же призрак передал ей ребенка!

— Верно,— сказал аббат.— Я об ней забыл. Она из той же шайки, ее тоже надо схватить и заточить. Надеюсь всей душой, что, когда наступит час суда, других ведьм обнаружить не придется.— И он угрожающе взглянул на бедных монашек.

Итак, Сайсели и Эмлин заточены в своей комнате, и монахи бдительно стерегли их, но дурному обращению они не подвергались. В их положении мало что изменилось, за исключением того, что теперь они сидели под замком. Ребенок находился при Сайсели, и монахиням разрешено было навещать пленниц.

И все же над ними обеими нависла мрачная тень тяжелой беды. Они хорошо сознавали — и казалось, им даже

все время стараются напоминать об этом,— что их ожидает суд и смертная казнь по чудовищному и гнусному обвинению, будто они общались с неким темным и страшным созданием, именовавшимся врагом рода человеческого, ибо все верили, что люди наделены властью вызывать его к себе, чтобы он давал им советы и помогал во всех делах. Но они-то сами хорошо знали, что то был Томас Болл, и все случившееся казалось им нелепостью. Однако не приходилось отрицать, что означенный Томас, по наущению Эмлин, причинил блосхолмским монахам немало зла, отплатив им или, вернее, их настоятелю его же монетой. Но что было делать? Раскрыть правду означало предать Томаса жестокой участи, которую и им самим, вероятно, пришлось бы разделить, хотя, может быть, они очистились бы от обвинения в колдовстве.

Эмлин изложила все эти соображения Сайсели, не высказавшись ни «за» ни «против», и ждала ее решения. Оно и последовало — скорое и окончательное.

— Этого узла нам все равно не развязать,— сказала Сайсели.— Не станем никого выдавать и доверимся воле божьей. Я уверена,— добавила она,— что бог нам поможет, как помог, когда бабка Меггс едва не удавила моего мальчика. Не хочу я защищаться за счет других. Пускай бог решает.

— Со многими, кто вверялся богу, случались странные вещи: все зло мира тому свидетельство,— неуверенно промолвила Эмлин.

— Может быть,— ответила с обычным своим спокойствием Сайсели,— потому только, что верили недостаточно и не так, как нужно. Как бы то ни было, но этот путь я избираю и пойду по нему — хоть в огонь, если придется.

— В тебе как будто заложены семена душевного величия, но что из них вырастет?— ответила Эмлин, пожимая плечами.

На следующий же день вера Сайсели подверглась жестокому испытанию. Аббат явился поговорить наедине с Эмлин. Пел он все ту же песню.

— Отдайте мне драгоценности, и тогда с тобой и с твоей госпожой все еще может обойтись по-хорошему. А не то пойдете на костер.

Как и раньше, она стала уверять, что ничего о них не знает.

— Найдите драгоценности, или вы будете сожжены,—

ответил он. — Неужели какие-то жалкие камешки вам дороже жизни?

Тут Эмлин поколебалась, хоть и не ради себя, и сказала, что поговорит со своей госпожой.

Он велел ей сделать это поскорее.

— Я думала, драгоценности погибли в огне. Эмлин, разве ты знаешь, где они находятся? — спросила Сайсели.

— Да, тебе я ничего не говорила, но знаю. Скажи только слово, и я отдам их, чтобы тебя спасти.

Сайсели призадумалась, поцеловала ребенка, которого держала на руках, потом громко рассмеялась и ответила:

— Нет, не будет так. Не разбогатеет этот аббат от моего добра. Я уже сказала тебе, что не на драгоценности я надеюсь. Сожгут меня или я буду спасена, только ему их не видеть.

— Хорошо, — сказала Эмлин, — я сама так думаю; я ведь говорила об этом лишь ради тебя. — И она пошла сообщить решение Сайсели аббату.

Он явился в комнату к Сайсели разъяренный и угрожал обеим женщинам, что они будут отлучены от церкви, подвергнуты пытке, а затем сожжены. Но Сайсели, которую он пытался запугать, даже бровью не повела.

— Что ж, пусть так и будет, — ответила она, — постараюсь все перенести, насколько хватит сил. Ничего об этих драгоценностях я не знаю, но если они и существуют, то принадлежат мне, а не вам, в колдовстве же я не повинна. Делайте свое дело, ибо я уверена, что конец ему будет совсем не такой, как вы думаете.

— Что! — вскричал аббат. — Значит, дух зла опять у тебя побывал, что ты так уверенно говоришь! Ладно, колдунья, скоро ты у меня запоешь по-другому!

И, подойдя к двери, он велел вызвать настоятельницу.

— Посадить этих женщин на хлеб и на воду, — сказал он, — и подготовить их к дыбе, чтобы они выдали своих сообщников.

Но доброе лицо матери Матильды приняло непреклонное выражение.

— У нас в обители этого не будет, милорд аббат. Закон мне известен, вам такая власть не дана. И более того, если вы их отсюда возьмете — они ведь мои гости, — я обращусь с жалобой к королю, а пока что подниму против вас всю округу.

— Разве я не прав, что у них имеются сообщники?— злобно усмехнулся аббат и ушел восвояси.

Но о пытке разговор больше не поднимался. Угроза пожаловаться королю пришлось аббату не по вкусу.

ГЛАВА XI

Суд и приговор

Настал день суда. Еще с рассвета Сайсели и Эмлин видели, как через ворота обители снует народ, и слышали, как рабочие устраивают все, что нужно, в парадном зале под самой их комнатой. Около восьми часов одна из монашек принесла им завтрак. Лицо у нее было бледное, испуганное. Говорила она шепотом и все время оглядывалась, словно думая, что за ней следят.

Эмлин спросила, кто будет их судить, и монахиня ответила:

— Аббат, какой-то чужой темнолицый приор¹ и старый епископ. О сестры мои, да поможет вам бог, да защитит он всех нас! — И с этими словами она скрылась.

Тут мужество на миг оставило Эмлин, ибо на что они могли рассчитывать перед таким трибуналом? Аббат был их самым беспощадным врагом и обвинителем, чужой приор — кто-нибудь из его друзей — одного с ним поля ягода. Что же касается духовного лица, прозванного Старым епископом, то он был известен как самый, может быть, жестокий человек в Англии, бич еретиков — до того времени, как ересь вошла в моду², — охотник за ведьмами и колдунами. К тому же все знали, что ради своей выгоды он готов был пойти на что угодно. Но Сайсели она ничего не сказала — да и зачем? Та и сама все скоро узнает.

Они поели, хорошо сознавая, что силы им понадобятся. Затем Сайсели покормила ребенка и, передав его Эмлин, преклонила колени, чтобы помолиться. Она еще не кончила, когда дверь распахнулась и появилось целое шествие. Сперва шли два монаха, потом шесть вооружен-

¹ Приор — настоятель небольшого католического монастыря, подчиненный аббату.

² ...до того времени, как ересь вошла в моду...— Католики рассматривали реформацию церкви как ересь.

ных людей из стражи аббата, потом настоятельница с тремя монахинями. При виде юной красавицы, преклонившей колени для молитвы, даже стражники, эти грубые люди, остановились, словно не решаясь помешать ей. Но один из монахов беззастенчиво закричал:

— Хватайте эту проклятую лицемерку, а если она не пойдет по доброй воле, тащите ее насильно.— И он протянул руку, словно намереваясь схватить ее за плечо.

Но Сайсели поднялась и, глядя ему прямо в лицо, сказала:

— Не дотрагивайтесь до меня. Я следую за вами. Эмлин, передай мне ребенка, и пойдем.

И так они двинулись, окруженные стражей; впереди шли монахи, а позади — опустив головы — монахини. Вот вступили они в парадный зал, но у порога им велели остановиться, пока не освободят проход.

Сайсели никогда потом не забывала, каким пришлось ей увидеть этот зал. Высокий сводчатый потолок из орехового дерева, наведенный сотни лет назад руками, не жалевшими ни труда, ни материала, и между балками потолка лучи утреннего солнца, игравшие так ярко, что она могла различить даже паутину с угодившей в нее вялой осенней осой. Она помнила и толпу собравшихся поглядеть, как она публично предстанет перед судом, а ведь многих из этих людей она знала еще с детства.

Как смотрели они на нее, стоящую у подножия лестницы с уснувшим ребенком на руках! Все это были нарочно подобранные люди, подготовленные к тому, чтобы осудить ее,— это она могла и видеть и слышать! Ведь кое-кто из них указывал на нее пальцами, хмурился, пытался кричать: «Ведьма!» — как им было велено. Но криков этих никто не подхватил. Когда они увидели ее, дочь Фотрела, жену Харфлита, знатных людей округи, стоящую перед ними во всем блеске своей прелести и невинности, с дремлющим у ее груди младенцем, их это словно сразило: даже на самых суровых лицах проступила жалость, а на некоторых и гнев, только не против нее.

Затем ей бросились в глаза трое судей за большим столом, у которого устроились и секретари из монахов. Посредине Старый епископ с жестоким лицом и крючковатым носом, в пышном облачении и митре; пастырский посох его стоял позади, прислоненный к деревянным панелям стены, а сам он глядел прямо перед собой

маленькими, похожими на бусины, глазками. Слева от него — угрюмого вида, с тяжелой нижней челюстью при-ор из какого-нибудь отдаленного графства, одетый в простую черную рясу с поясом вокруг талии. А справа Клемент Мэлдон, блосхолмский настоятель и враг ее дома; его чужеземное, оливково-смуглое лицо казалось любезным, черные быстрые глаза внимательно следили за всем, обостренный слух схватывал каждое слово, даже произнесенное шепотом; он что-то тихо сказал епископу, и тот мрачно улыбнулся в ответ. Наконец, на огороженном веревкой месте под охраной стражника — несчастная, полубезумная старуха Бриджет, бормотавшая какие-то слова, на которые никто не обращал внимания.

Теперь проход расчистился, и им велели идти вперед. На полпути какое-то яркое пятно привлекло внимание Сайсели — это была рыжая борода Томаса Болла. Глаза их встретились, и в его взгляде она увидела страх. Ей сразу же стало понятно: он боится, что будет выдан и обречен на страшную пытку.

— Не бойся ничего,— шепнула она, проходя мимо.

Он услышал или, может быть, по взгляду Эмлин понял, что ему ничего не угрожает; во всяком случае, у него вырвался вздох облегчения.

Теперь они тоже вступили в огороженное веревкой пространство и там остановились.

— Ваше имя?— спросил один из секретарей, указывая на Сайсели своим гусиным пером.

— Всем известно, что меня зовут Сайсели Харфлит,— спокойно ответила она; писец грубо возразил, что она лжет, и тут опять разгорелся старый спор о законности ее брака, причем аббат настаивал на том, что она по-прежнему Сайсели Фотрел, мать незаконнорожденного ребенка.

Епископ проявил к этому некоторый интерес, стал задавать вопросы и даже склонялся, скорее, на ее сторону, ибо, когда дело касалось религии, он хорошо разбирался в законах и старался быть справедливым. Впрочем, под конец он от этого вопроса отмахнулся, довольно грубо заметив, что если хоть половина того, что он о ней слышал,— правда, для нее вскоре уже не будет иметь значения, каким именем она звалась при жизни, и велел писцам именовать ее Сайсели Харфлит или Фотрел.

Затем сказала свое имя Эмлин, а сестру Бриджет за-

писали безо всяких вопросов. Потом прочитали обвинительное заключение, очень длинное, полное технических терминов, отдельных слов и целых фраз по-латыни. И из всего этого Сайсели поняла, что их обвиняют в разных ужасающих преступлениях, в том, что они вызывали дьявола и он являлся к ним в образе чудовища с рогами и копытами, а также в образе ее покойного отца. Когда обвинительное заключение было прочитано, им велели отвечать, и они заявили о своей невинности. Вернее, заявили только Сайсели и Эмлин, ибо Бриджет начала что-то очень длинно рассказывать, и понять ее было невозможно. Ей велели умолкнуть, после чего на речи ее уже никакого внимания не обращали.

Тут епископ спросил, были ли эти женщины подвергнуты пытке, и, получив отрицательный ответ, выразил по этому поводу сожаление: ведьмы, сказал он, явно очень упорные, и, подвергнув их некому дисциплинарному воздействию, можно было бы избежать лишней возни. Спросил он также, были ли обнаружены у них на теле колдовские знаки, то есть места, где дьявол поставил свою печать и где, как известно, избранники его не ощущают боли. Он даже поднял вопрос о том, чтобы судебное разбирательство было отложено, пока ведьм не исколют булавками, чтобы найти колдовские знаки, но в конце концов отказался от своего предложения, дабы не терять времени.

Последний вопрос был поднят хмурым приором, который высказал мнение, что ребенка тоже следует обвинить, ибо и он ведь, по-видимому, общался с дьяволом: говорят же, что от смерти его спас дьявол, который взял его на руки и передал монахине Бриджет,— это к тому же единственное свидетельство против означенной Бриджет. Если она виновна, то как может быть невинным ребенок? Не следует ли их сжечь вместе, ибо очевидно же, что младенец, которого нянчил сам дух зла, проклят богом.

Законник-епископ признал этот довод интересным, но в конце концов решил, что безопаснее будет пренебречь им, приняв во внимание младенческий возраст преступника. Он добавил, что значения это не имеет, ибо можно не сомневаться, что гнусный враг рода человеческого вскоре сам предъявит права на свое добро.

Под конец, перед вызовом свидетелей, Эмлин потре-

бовала адвоката, который бы взял на себя их защиту, но епископ, усмехнувшись, ответил, что в этом нет никакой нужды, ибо у них и так имеется лучший из адвокатов — сам сатана.

— Верно, милорд,— сказала, подняв глаза, Сайсели,— у нас лучший из адвокатов; только вы его неправильно назвали. Бог, защитник невинных,— наш адвокат, и на него я полагаюсь.

— Не кошунствуй, колдунья! — закричал старик; и начался допрос свидетелей.

Передавать его во всех подробностях не стоит, да это и заняло бы слишком много времени — он тянулся несколько часов. Прежде всего обсуждались молодые годы Эмлин и очень подчеркивалось, что мать ее была цыганка, покончившая самоубийством, а отец осужден инквизицией, после того как публично сожгли написанный им еретический труд. Затем давал показания сам аббат; хотя таким образом он оказался одновременно и судьей и главным свидетелем, никому это не показалось странным, ведь речь шла об обвинении в колдовстве. Он сообщил об испуганных речах Сайсели после сожжения Крануэл Тауэrsa, добавив, что она и ее сообщница Эмлин спаслись от пожара явно благодаря волшебству, иначе они никак не могли бы остаться в живых. Он рассказал о том, как Эмлин угрожала ему, после того как поглядела в сосуд с водой, и обо всех ужасных делах, которые совершались в Блосхолме и были несомненно вызваны этими ведьмами. В этом он был прав, хотя и не знал, как все это происходило на самом деле. Он поведал о гибели повивальной бабки, о том, какой у нее был вид после смерти — при этом все присутствующие содрогнулись от ужаса, — и, наконец, о появлении призрака сэра Джона Фотрела, который общался с обвиняемыми в часовне обители, а затем бесследно исчез.

Когда он кончил свою речь, Эмлин попросила разрешения в свою очередь задать ему вопросы, но в этом ей было отказано на том основании, что лица, обвиненные в таких ужасных преступлениях, не имеют права на перекрестный допрос.

После этого заседание было прервано на обед. Обвиняемым тоже принесли пищу, но они вынуждены были есть там, где стояли. А хуже всего было то, что Сайсели пришлось и ребенка кормить при всей собравшейся тол-

пе, которая глазела на нее, грубо издевалась и злилась, когда Эмлин и несколько монахинь окружили и заслонили Сайсели как бы живой ширмой.

Судьи возвратились, и снова начались показания свидетелей. Хотя большая часть этих показаний была совершенно несущественна, их набралось столько, что под конец Старый епископ устал и заявил, что больше он ничего слышать не хочет. Тут судьи принялись задавать сперва Сайсели, а затем Эмлин вопросы такого гнусного рода, что, с негодованием отрицательно ответив на первые из них, они потом уже просто замолчали, отказываясь что бы то ни было отвечать,—явное доказательство их вины, как с торжеством отметил хмурый приор. Наконец запас этих омерзительных вопросов иссяк, и Сайсели задали последний — хочет ли она что-нибудь сказать в свою защиту.

— Да, я имею что сказать,—ответила она,—но я устала и вынуждена говорить кратко. Я не ведьма и не понимаю, в чем меня обвиняют. Блосхолмский аббат, выступающий в качестве судьи, мой злейший враг. Он притязал на земли моего отца — теперь он наверно захватил их — и зверски умертвил у Королевского кургана в лесу упомянутого отца моего, когда тот ехал в Лондон, чтобы подать на него жалобу и раскрыть его измену перед его милостью королем и королевским советом...

— Лжешь, ведьма! — крикнул аббат, но Сайсели, не обратив на это внимания, продолжала:

— Потом он и его вооруженные наемники напали на дом моего мужа, сэра Кристофера Харфлита, и сожгли его, умертвив или попытавшись умертвить — я не знаю точно его участи, — означенного супруга моего, который так и пропал без вести. Потом он заточил меня и мою служанку Эмлин Стоуэр в этой обители и пытался принудить меня подписать бумаги, по которым к нему перешло бы мое и моего сына имущество. Я отказалась пойти на это, и именно потому он предал меня суду: говорят, что у осужденных за колдовство отнимают все их достояние, а завладевают им те, у кого хватит силы его удержать. Заявляю, наконец, что не признаю власти этого трибунала, и обращаюсь с жалобой к королю, который рано или поздно услышит мой вопль и отомстит за нанесенные мне обиды, а может быть и за мою смерть, тем, кто в них повинен. Услышьте эти слова мои, добрые люди! Я обраща-

юсь к королю и ему одному, после бога, вверяю свое дело, а если мне суждено погибнуть, то и опекунство над моим осиротевшим сыном, которого аббат тоже пытался убить, подослав свою наймитку, гнусную тварь,— да настигнет ее суд божий, как настигнет он и вас, убийцы ни в чем не повинных людей!

Так говорила Сайсели. И, кончив говорить, она, измученная усталостью и горем, упала на пол — ибо в течение всех этих долгих часов ей приходилось стоять на ногах,— да так и осталась лежать с ребенком на руках; жалостное это было зрелище, и тронуло оно даже суеверные души собравшихся здесь людей.

Однако ее слова о том, что она обращается с жалобой к королю, видимо, испугали злобного Старого епископа. Он повернулся к аббату и затеял с ним какой-то спор. Сайсели прислушалась и уловила кое-что из его речей:

— Тогда пусть вся ответственность ложится на вас. Я сужу это дело лишь с церковной точки зрения и прикажу, чтобы в протоколах так и было записано. Что же касается приведения приговора в исполнение и вопроса об имуществе осужденной, то здесь я умываю руки. Занимайтесь этим сами.

— Так говорил Пилат! — крикнула Сайсели, подняв голову и глядя ему прямо в глаза. Потом голова ее снова упала, и она замолкла.

Тут открыла рот Эмлин, и из него полился целый поток слов.

— А известно ли вам,— начала она,— кто такой и что из себя представляет этот испанский священник, который судит нас за колдовство? Послушайте-ка, я вам скажу. Много лет назад он бежал из Испании, потому что натворил там гнусных дел. Спросите-ка его о монахине Изабелле, двоюродной сестре моего отца, о том, какой конец постиг ее и других, что были с нею. Спросите-ка его...

В это время один монах, которому аббат что-то шепнул, подкрался к Эмлин сзади и накиннул ей на голову покрывало. Но своими сильными руками она сорвала его и закричала:

— Он убийца и предатель! Он замышляет убить короля. Я могу доказать это, Фотрел потому и погиб, что знал...

Аббат что-то крикнул, и снова монах, здоровенный парень, по имени Амброз, закрыл ей рот покрывалом. Она опять освободилась и, повернувшись к народу, закричала:

— Многим из вас я в свое время помогала. Неужто у меня друга не осталось? Неужто в Блосхолме нет никого, кто отомстит за меня этой скотине Амброзу? Кое-кто, верно, найдется!

Но тут Амброз, с помощью других монахов, набросился на нее, ударил по голове и стал трясти, пока она, задыхаясь, почти лишившись сознания, не упала на пол.

Быстро обменявшись несколькими словами со своими коллегами, епископ вскочил с места и в сумерках, сгущающихся в зале — ибо солнце уже зашло,— прочитал приговор суда.

Прежде всего он заявил, что обвиняемые найдены виновными в злостнейшем колдовстве. Затем он со всей подобающей торжественностью отлучил преступниц от церкви и отдал их души во власть сатаны, их господина. Под конец, как бы между прочим, он приговорил их тела к сожжению, не указав, однако, когда, кто и каким образом должен совершить казнь. В это мгновение из темноты раздался чей-то громкий голос:

— Ты превышаешь свою власть, поп, и посягаешь на права короля. Берегись!

Начался шум; одни кричали «верно», другие — «нет». Когда же все утихло, епископ или, может быть, аббат — разглядеть было невозможно — воскликнул:

— Церковь защищает свои права! Пускай король заботится о своих.

— Да он и позаботится,— ответил тот же голос.— Он уже показал это римскому папе. Монахи, ваша песенка спета.

Опять поднялся ужасающий шум. И правда, вся эта сцена или, вернее, шум, царивший кругом, кому угодно могли показаться странными. Епископ со своего места вопил от ярости, словно курица, потревоженная ночью на насесте; хмурый приор мычал, точно бык; народ волновался и кричал то одно, то другое; секретарь требовал, чтобы ему дали свечу, а когда, наконец, ее принесли и она, как слабая звездочка, замерцала в густом мраке, он трубкой приставил руку ко рту и заорал:

— А как насчет этой Бриджет? Оправдать ее?

Епископ ничего не ответил. Казалось, он испугался тех сил, которые сам же развязал; но аббат крикнул секретарю:

— На костер старую ведьму вместе с другими! — И тот записал это решение в протокол.

Когда стража окружила трех осужденных, чтобы увести их, у перепуганного ребенка вырвался тонкий жалобный крик. А епископ и его спутники, предшествуемые монахом со свечкой в руке — это как раз был Амброз, ударивший Эмлин, — целой процессией двинулись через зал к парадной двери.

Но не успели они дойти до нее, как свеча была вырвана из руки Амброза, воцарился полнейший мрак, а во мраке поднялась страшная суматоха. Раздавались вопли, шум борьбы, крики о помощи. Понемногу все стихло, зал начал пустеть, ибо ни у кого, по-видимому, не было желания там задерживаться. Зажгли факелы, и глазам оставшихся в зале предстало необычайное зрелище.

Епископ, аббат, чужой приор лежали в разных местах, избитые, окровавленные, одежды с них были сорваны, так что они оказались полуголыми; рядом с епископом валялся его разломанный пополам посох: похоже было, что и обломали его о голову самого епископа. Но хуже всего пришлось монаху Амброзу: он лежал, приклоненный к одному из столбов, поддерживающих свод; ноги его обращены были носками вперед, а лицо смотрело назад, ибо кто-то свернул ему шею, как гусю в михайлов день.

Епископ огляделся по сторонам и почувствовал, как болят его раны. Потом он позвал свою свиту:

— Принесите мне плащ и подайте лошадь; хватит с меня Блосхолма и всех этих колдовских штук. Теперь вы уж сами распутывайте свои дела, аббат Мэлдон; мне в них что-то не везет. — При этих словах он взглянул на свой сломанный посох.

Так закончился большой процесс блосхолмских ведьм.

Сайсели наконец заснула, и Эмлин оберегала ее сон. Так как никакого другого подходящего помещения не было, их опять ствели в прежнюю комнату, но теперь они находились там под вооруженной стражей, чтобы им не вздумалось бежать. Однако Эмлин хорошо созна-

вала, что на бегство рассчитывать нечего: даже если бы им и удалось выбраться из стен обители, как смогли бы они скрыться, не имея друзей себе в помощь, пищи, чтобы не умереть с голоду, и лошадей для дальнейшего путешествия? Не пройдя и мили, они оказались бы настигнутыми погоней. К тому же Сайсели не пожелала бы расстаться с ребенком, да и вряд ли была в состоянии куда-либо двинуться после всего, что перенесла. Так Эмлин и сидела без сна, и сердце ее полно было горечи, гнева и страха, ибо она не видела впереди ни малейшего луча надежды. Тьма окружала их со всех сторон.

Дверь открылась, потом ее снова закрыли и заперли на ключ. Из-за занавески выступила высокая фигура настоятельницы со свечой в руках, сверкнувшей во мраке, как звезда. Она стояла и осматривалась, подняв свечу; и у Эмлин, когда она ее увидела, мелькнула одна мысль: может быть, она, так любившая Сайсели, поможет им? Разве сейчас образ ее — ласковое лицо, свеча во мраке — не представился ей воплощением самой надежды? Эмлин встала навстречу настоятельнице, приложив палец к губам.

— Она спит, не будите ее, — прошептала она. — Вы пришли сказать нам, что завтра мы будем сожжены?

— Нет, Эмлин. Старый епископ велел, чтобы это совершилось не ранее как через неделю: ему надо время, чтобы, проехав через всю Англию, возвратиться домой. По правде говоря, если бы не то, что его избили в темноте и свернули шею брату Амброзу, я думаю, он вообще не довел бы дела до казни, чтобы не иметь потом неприятностей. Но сейчас он взбешен, клянется, что в зале на него набросились злые духи и что те, кто их вызвал, должны умереть. Эмлин, кто же убил брата Амброза? Люди или...

— Думаю, что люди, матушка. Дьявол никому шею не сворачивает — это только монахам такое снится. Кого может удивить, если у моей госпожи сохранились верные друзья? Она ведь самая знатная леди в наших местах, и с ней поступили так жестоко. Наши люди просто перетрусили, а то бы они уже давно камня на камне в этом аббатстве не оставили и глотки бы перегрызли всем, кто скрывается за его стенами.

— Эмлин, — снова начала настоятельница, — во имя

Христово и ради спасения своей души, скажи ты мне правду,—есть во всем этом деле колдовство или нет? А если нет, то что же оно все означает?

— Не больше в нем колдовства, чем в вашем добром сердце. Все это сделал человек. Имени его я вам не назову, чтобы вы его как-нибудь не подвели. Человек надел на себя доспехи Фотрелов и потайным ходом пришел в часовню посоветоваться с нами. Человек спалил кельи и скирды аббатства, разогнал скот, надев себе на голову козью шкуру, и вытащил из могилы череп пьяницы Эндрью. Не сомневаюсь, что его же рука свернула шею Амброзу, который меня ударил.

— А! — сказала настоятельница. — Кажется, я теперь догадываюсь; только очень уж у тебя грубое орудие, Эмлин. Ну, не бойся, тайны твоей я никому не выдам. — Она помолчала, потом заговорила опять: — Ох, и рада же я, что вражья сила тут ни при чем! А вот все в это верят. Теперь мне ясно виден мой путь, и я пойду по нему хоть до смерти, если придется. Да, да, я вас спасу или сама погибну.

— Какой путь, матушка?

— Эмлин, в течение всех этих месяцев вы никаких новостей не слышали, но я многое знаю. Слушай, сейчас происходят важные события. Король, или лорд Кромуэл, или оба они вместе ведут войну против монастырей послабее, уничтожают их, захватывают их владения, прогоняют оттуда монахов и пускают нищими по миру. Его милость посылает в монастыри королевских комиссаров; они там творят суд и расправу. Они и сюда намеревались явиться, но у меня есть друзья и кое-какие свои личные средства — я ведь из хорошего и небедного рода, — и мне удалось их подкупить. Один из этих комиссаров, Томас Ли, как я недавно узнала, ведет расследование в Бэйфлитском монастыре в Йоркшире. А настоятель там мой двоюродный брат Альфред Стакли; от него я нынче утром получила письмо. Эмлин, я отправлюсь к этому жестокому человеку, — все говорят, что он жесток. Я старая и слабая женщина, но я проникну к нему и предложу ему эту древнюю обитель, которой управляю, только бы спасти твою жизнь и Сайсели, а также старей Бриджет.

— Вы поедете, матушка? О, да благословит вас бог! Но как вы это сделаете? Они ведь не дадут вам уехать.

Старая монахиня выпрямилась и ответила:

— А кто имеет право запретить блосхолмской настоятельнице отправиться туда, куда ей нужно? Уж, наверно, не какой-то там испанский аббат. Слуги этого надменного монаха тоже хотели помешать мне в моем собственном доме зайти сюда, в вашу комнату, но я дала им такую отповедь, что они ее не забудут. В моем распоряжении имеются лошади, но что правда, то правда — я не могу ехать одна: сил у меня мало, да и трудно мне будет за пределами монастыря, — я ведь не была в миру уже много лет. Вот мне и вспомнился этот рыжеволосый монастырский батрак, Томас Болл. Говорили мне, что он хоть и чудаковат, но человек смелый, с которым мало кто решается потягаться, и что к тому же он умеет обращаться с лошадьми и знает все дороги. Как ты думаешь, Эмлин Стоуэр, согласится этот Томас Болл стать моим спутником, с разрешения ли аббата или без него? — И она снова посмотрела прямо в глаза Эмлин.

— Может быть, очень может быть; он риска не побоится, по крайней мере таким он мне помнится с моих молодых лет, — ответила та. — Да и предки его в течение ряда поколений служили Фотрелам и Харфлитам и в мирное время и на войне, так что он, без сомнения, любит мою госпожу. Но как с ним сговориться?

— Это не трудно было бы, Эмлин. Он как раз стоит на страже за воротами. Но надо передать ему какой-нибудь условный знак.

Эмлин на миг задумалась, потом сняла с пальца сердоликовый перстень в виде сердца.

— Отдайте ему и скажите, что та, кто носила этот перстень, велит ему сопровождать ту, у кого он в руках сейчас, повсюду, до смерти, если придется. И что это нужно для спасения жизни той, что носила кольцо, и еще другой. Он — человек простой души, и, если аббат не перехватит его, я думаю, он поедет с вами.

Мать Матильда взяла кольцо и надела себе на палец. Затем она подошла к ложу Сайсели и посмотрела на нее и на мальчика, спавшего на ее груди. Протянув над ними свои тонкие руки, она призвала на них обоих благословение божие и пошла к выходу.

Но Эмлин удержала ее за платье.

— Пойдите, — сказала она. — Вы думаете, я не понимаю, но ошибаетесь. Вы все отдадите ради нас. Даже

если вы останетесь живой и невредимой, эта обитель, которой вы руководили столько лет, будет закрыта, овцам вашим придется разбрестись по свету и голодать на старости лет, а в загоне овечьем, что стоял четыреста лет, поселятся волки. Я очень хорошо это понимаю, и она,— тут Эмлин указала на спящую Сайсели,— тоже поймет.

— Ей ты ничего не говори,— прошептала мать Матильда,— меня может постичь неудача.

— Может, конечно, а может быть, дело и выйдет. Если будет неудача и нас сожгут, бог воздаст вам за ваши старания. Если удача и мы будем спасены, клянусь вам от ее имени, вы не пострадаете. Есть у нас припрятанное богатство; стоит оно многих обителей. Вы и ваши сестры получите свою долю, и комиссар этот не останется внакладе. Пусть он знает, что у нас имеется малая толика заплатить ему за труды и что только блосхолмский аббат может нам в этом помешать. А теперь, миледи Маргарет — кажется, так звали вас раньше и будут звать после, когда вы порвете с попами и монашками,— благословите меня тоже и знайте, что, живая или мертвая, я считаю вас человеком великой и святой души.

Настоятельница благословила ее, удалилась величавой своей походкой, и дубовая дверь сперва открылась, а потом закрылась за нею.

Через три дня аббат навестил их один, без спутников.

— Гнусные и проклятые ведьмы,— сказал он,— я пришел объявить вам, что в следующий понедельник в полдень вы будете сожжены на лужайке против ворот аббатства. И лишь благодаря милосердию церкви не предали вас пытке, чтобы обнаружить сообщников, а я полагаю, у вас их было немало.

— Покажите мне королевский указ на это убийство,— сказала Сайсели.

— Ничего я тебе не покажу, кроме костра, ведьма. Покайся, покайся, пока не поздно. Адский огонь уже ждет тебя.

— И моего ребенка тоже, милорд аббат?

— Отродье твое возьмут у тебя перед тем, как ты взойдешь на костер, и положат на землю,— он ведь окрещен и слишком юн, чтобы его сжечь. Если кто сжа-

лится над ним — ладно, а нет — на том же самом месте его и похоронят.

— Да будет так,— ответила Сайсели.— Бог мне его дал, он пусть его и спасает. Оставь меня, убийца, наедине с ним.— Тут она повернулась и ушла.

Аббат и Эмлин остались вдвоем.

— Правда, что в понедельник нас сожгут? — спросила она.

— Можешь не сомневаться. Разве что хворост не зажжется. Однако,— медленно произнес он,— если некие драгоценности найдутся и будут вручены мне, дело, возможно, удастся передать на рассмотрение другого трибунала.

— А наши мучения только оттянутся. Боюсь, милорд аббат, что эти драгоценности так и не будут найдены.

— Что ж, тогда вы сгорите, и, может быть, на медленном огне, так как недавно прошли дожди и дрова сырые. Говорят, это ужасная смерть.

— Не сомневаюсь, что вы сами ее испытаете, Клемент Мэлдон, теперь или впоследствии. Но об этом мы поговорим, когда все кончится,— об этом и многом другом. Я имею в виду суд божий. Нет, нет, я не угрожаю, как вы, но так оно и будет. А пока у меня к вам последняя, предсмертная просьба. Я хочу повидать двух человек — настоятельницу Матильду, которой мне надо поведать одну тайну, и Томаса Болла, монастырского слугу у вас в аббатстве, с которым я некогда была помолвлена. Ради себя самого не вздумайте мне отказать.

— Я бы охотно согласился, если бы это от меня зависело, но тут я бессилен,— ответил аббат, с любопытством глядя на нее. Он подумал, что им она, возможно, сообщила бы то, что отказывается открыть ему,— место, где спрятаны драгоценности,— он уж потом заставил бы их сказать, где оно.

— Почему же, милорд аббат?

— Потому что настоятельница куда-то тайно уехала по своим делам, а Томас Болл исчез тоже неизвестно куда. Если они или кто-нибудь из них возвратится до понедельника, ты их увидишь.

— Если же они не вернутся, я увижу их впоследствии,— ответила Эмлин, пожав плечами.— Это неважно. Прощайте, милорд аббат, пока мы не встретимся у костра.

В воскресенье, то есть накануне казни, аббат явился снова.

— Три дня тому назад,— сказал он, обращаясь к ним обоим,— я предлагал вам на известных условиях возможность сохранить жизнь, но вы, упорствующие в своем злодействе ведьмы, не захотели слушать. Теперь я предлагаю вам единственное, что еще в моей власти,— не жизнь, конечно, для этого уже слишком поздно, но смерть без мучений. Если вы отдадите мне то, чего я домогаюсь, палач отправит вас на тот свет прежде, чем вас коснется пламя,—неважно, как он это сделает. Если же нет,—я уже сказал вам: прошли сильные дожди и, говорят, хворост довольно сырой.

Сайсели слегка побледнела — кто бы не побледнел даже в те жестокие времена! — а затем спросила:

— А что вам нужно такое, что мы можем вам дать? Признание своей вины, чтобы обелить вас в глазах людей? Если так, то этого вы не добьетесь, хотя бы тела наши горели понемножку, дюйм за дюймом.

— Да, я хочу этого, но ради вас самих, а не ради себя, ибо кто признает свою вину и покается, тот может получить отпущение. Однако мне и другое нужно — великоленные драгоценности, которые вы спрятали и которые можно употребить ко благу церкви.

Тогда Сайсели проявила все мужество, которое было у нее в крови.

— Никогда, никогда! — закричала она, обратив на него горящий взор. — Пытайте и убивайте меня, если хотите, но достояния моего вам не похитить. Я не знаю, где находятся эти драгоценности, но, где бы они ни были, пусть там и лежат, пока их не найдут мои наследники или пока они не рассыплются прахом.

Лицо аббата приняло злобное выражение.

— Это твое последнее слово, Сайсели Фотрел?

Она наклонила голову, он же повторил свой вопрос Эмлин, которая ответила:

— Что говорит моя госпожа, то и я скажу.

— Пусть же будет так! — вскричал он. — Наверно, вы, колдуньи, надеетесь на дьявола. Что ж, посмотрим, поможет ли он вам завтра.

— Бог нам поможет, — спокойно ответила Сайсели. — Придет время, и вы вспомните мои слова.

С тем он и ушел.

ГЛАВА XII

Костер

Последняя ночь была ужасна. Пусть те, кто следил за этим рассказом, представят себе, в каком состоянии находились эти две женщины — одна из них почти девочка, — которые завтра, под глумление и проклятия суеверной толпы, должны были безвинно претерпеть мучительную смерть, если, конечно, не считать преступлением затеи Эмлин и Томаса Болла, к которым Сайсели почти не имела отношения. Однако тысячам других, тоже ни в чем не повинным, приходилось претерпевать подобную же, а то и еще худшую участь в те времена, кое-кем именуемые «добрыми, старыми», времена рыцарей и любезных кавалеров, когда даже малых детей пытали и сжигали «святые» и «ученые» мужи, трепетавшие перед дьяволом и его деяниями: ведь считалось, что дьявола можно видеть или хотя бы ощущать его присутствие.

Жестокость их была жестокостью страха. Несомненно, что хотя аббат Мэлдон преследовал и другие священные для него цели, он верил в то, что Сайсели и Эмлин занимались мерзостным колдовством, что они общались с сатаной ради мщения ему, аббату, и потому были слишком большими злодейками, чтобы оставаться в живых. Старый епископ тоже в это верил, верили и хмурый приор и большая часть невежественных людей, что жили в округе и знали об ужасных вещах, творившихся в Блосхолме. Разве некоторые из них не видели взаправду, как злой дух с рогами, копытами и хвостом угонял монастырский скот, а другим разве не встретился призрак сэра Джона Фотрела, который, без сомнения, был также чертом, только в другом облике? О, эти женщины были виновны, несомненно виновны и заслуживали костра! Какое значение имело то, что мужа и отца одной из них убили, а другая тоже претерпела в прошлом горькие, но позабытые уже обиды? По сравнению с колдовством убийство было вещью для всех привычной, незначительным, вполне обычным преступлением, которое всегда может совершиться там, где замешаны человеческие страсти и нужды.

Ужасная это была ночь. Иногда Сайсели ненадолго засыпала, но большую часть времени она молилась. Оже-

сточившаяся Эмлин не спала и не молилась, лишь раз или два вознесла она мольбу о том, чтобы мщение поразило аббата, ибо вся душа ее возмущалась и гнев душил при мысли о том, что она со своей любимой госпожой должна погибнуть позорной смертью, а враг их будет жить, торжествуя, окруженный почетом. Даже ребенок, видимо, нервничал и беспокоился, словно некое неосознанное чувство предупреждало его о неминуемой ужасной беде: он не был болен, но, вопреки своему обыкновению, беспрестанно просыпался и плакал.

— Эмлин,— сказала Сайсели уже под утро, но еще до рассвета, когда наконец ей удалось успокоить ребенка и он уснул,— как ты думаешь, сможет мать Матильда помочь нам?

— Нет, нет, и не помышляй об этом, родная. Она стара и слаба, дорога трудная и длинная; ей даже, может быть, и вовсе не удалось добраться до места. Наугад пустилась она в путь, и даже если и попала куда нужно, то, может быть, этот самый комиссар уже уехал, или не пожелал ее выслушать, или, возможно, почему-либо не в состоянии приехать сюда. Чего ему тревожиться о том, что каких-то двух ведьм собираются сжечь за сотню миль от него? Это же пиявка, присосавшаяся к какому-нибудь жирному монастырю! Нет, нет, не считывай на нее!

— Во всяком случае, она смелая и верная, Эмлин, и сделала все, что могла. Да будет над нею всегда милость божия! Ну, а что ты скажешь насчет Томаса Болла?

— Ничего, кроме того, что он рыжий осел, который кричать умеет, а лягнуть не смеет,— со злобой ответила Эмлин.— Не говори мне о Томасе Болле. Если бы он был мужчиной, так давно уже свернул бы шею этому мерзавцу аббату, вместо того чтобы наряжаться козлом и охотиться за его коровами.

— Если то, что говорят, правда, он же свернул шею отцу Амброзу,— слегка улынувшись, возразила Сайсели.— Может быть, он просто ошибся в темноте.

— Если так, то это очень похоже на Томаса Болла: он всегда хотел того, что нужно, а делал обратное. Не говори о нем больше, я не хочу встретить свой смертный час с горечью в сердце. Мы теперь погибаем из-за веселых проказ Томаса Болла. Чума на него, безмозглого труса, вот что! А ведь я еще его поцеловала!

Сайсели слегка удивилась ее последним словам, но, решив, что расспрашивать не стоит, сказала:

— Нет, нет, спасибо ему говорю я — он ведь спас моего мальчика от этой гнусной ведьмы.

На некоторое время опять воцарилось молчание, ибо о бедном Томасе Болле и его поведении говорить было уже нечего. Да и не хотелось им спорить о людях, с которыми им уже никогда не придется увидеться. Под конец Сайсели опять заговорила в темноте:

— Эмлин, я постараюсь быть мужественной. Но помнишь, как-то ребенком я хотела стащить только что сваренные и еще не застывшие леденцы и обожглась. Как мне было больно! Я буду стараться принять эту смерть так, как приняли бы ее мои предки, но, если не устою, ты не подумай обо мне плохо: дух ведь может быть силен, даже когда плоть слаба.

Эмлин молча скрипнула зубами, а Сайсели продолжала:

— Но это не самое худшее, Эмлин. Несколько мучительных минут — и все пройдет, и я усну, чтобы, надеюсь, проснуться в ином мире. Но вот если Кристофер действительно жив, как он будет страдать, когда узнает...

— Молю бога, чтоб он был жив, — перебила ее Эмлин, — ибо тогда уж наверно одним испанским попом станет меньше на земле и больше в аду.

— А ребенок, Эмлин, ребенок! — продолжала Сайсели дрожащим голосом, не обращая внимания на то, что Эмлин прервала ее. — Что будет с моим сыном? Он унаследовал бы все наше родовое достояние, если бы за ним сохранились его права, но кто за него заступится? Они и его убьют, Эмлин, или сделают все, чтобы он погиб, а это одно и то же: ведь иначе им не завладеть землями и имуществом.

— Если так, то все его страдания окончатся, и с тобою в небесах ему будет лучше, — вздохнув, сухо произнесла Эмлин. — Мне ничего больше не нужно: только чтобы ты с мальчиком попала в рай, где все святые и блаженные, а мы с аббатом в ад — там-то, среди чертей, мы и сведем счеты. Да, да, я кощунствую, но несправедливость доводит меня до безумия. Тяжко лежит она у меня на сердце, и тяжесть эту я сбрасываю, говоря горькие слова, но тяжело мне не за себя, а за тебя и за

него. Родная моя, ты добрая, милая, господь услышит таких, как ты. Призови же бога, а если он не станет внимать, послушай, что скажу тебе я. У меня есть один способ легкой смерти. Не спрашивай какой, но если в последнюю минуту я нанесу тебе удар, не осуждай меня ни здесь, ни на том свете, ибо то будет удар, нанесенный любящей рукой, оказывающей тебе последнюю услугу.

Казалось, Сайсели не уразумела этих горьких слов, во всяком случае, она не обратила на них внимания.

— Я опять помолюсь,— прошептала она,— хотя боюсь, что врата неба закрыты для меня: ни луча света я не вижу.— И она опустила на колени.

Долго она молилась, но под конец усталость взяла свое, и Эмлин услышала, что она дышит ровно, как спящая.

«Пусть себе спит,— подумала она.— О, если бы у меня не оставалось сомнений, она бы не проснулась на рассвете! Я почти готова это сделать, но— что поде-лаешь? — нет у меня полной уверенности. Я бы отдала драгоценности, но какой смысл отдавать? Эти люди все равно убили бы ее, иначе им не завладеть имуществом. Нет, сердце мое велит мне ждать».

Сайсели проснулась.

— Эмлин,— произнесла она тихим, дрожащим голо-сом,— слышишь меня, Эмлин? Мне снился сон.

Она замолкла.

— Ладно, ладно, что же тебе снилось?

— Сама не знаю, Эмлин,— смущенно ответила она,— все сразу исчезло. Но ты не бойся, Эмлин; с нами все будет хорошо, и не только с нами, но также и с Кристофером и с ребенком. Да, да, и с Кристофером и с ребенком.— Тут она уронила голову на свое ложе и залилась счастливыми слезами. Потом опять поднялась, взяла на руки мальчика, поцеловала его, улеглась и спокойно уснула.

Тотчас же после этого наступил рассвет, ясное утро, и Эмлин протянула руки навстречу солнцу, полная вос-торга и благодарности. Ужас исчез из ее сердца так же, как рассеялся ночной мрак. Она тоже поверила, что сам бог внушил надежду Сайсели, и на некоторое время душа ее обрела покой.

Когда около восьми часов утра дверь открылась, чтобы впустить монахиню, принесшую им поесть, та уви-

дела зрелище, преисполнившее ее изумлением. У нее самой, бедняжки, глаза покраснели от слез, ибо, подобно всем в обители, она любила Сайсели, которую ей случилось нянчить, когда та была ребенком, а потому она вместе с другими сестрами провела бессонную ночь, молясь за нее, за Эмлин и за Бриджет — ведь и Бриджет предстояло погибнуть на костре. Она ожидала, что увидит несчастных жертв лежащими на полу и, может быть, потерявшими сознание от страха, а что же было на самом деле? Они сидели у окна, одетые в лучшие свои одежды, и спокойно разговаривали. Право же, когда она вошла в комнату, одна из них — это была Сайсели — даже слегка рассмеялась в ответ на что-то, сказанное другой.

— Доброе утро, сестра Мэри, — произнесла Сайсели. — Скажите мне, вернулась ли настоятельница?

— Нет, нет, и мы не знаем, где она. От нее не было ни одной весточки! Что ж, ей, по крайней мере, не придется увидеть этого ужасного зрелища. Вы хотите что-нибудь передать? Если да, то говорите скорей, пока стража меня не отозвала.

— Спасибо, — сказала Сайсели, — но я думаю, что сама передам ей все, что мне нужно.

— Что? Значит, по-вашему, матушки нашей нет в живых? Неужто нас постигнет еще и это горе? О, кто мог сообщить вам такую печальную новость?

— Нет, сестра, я думаю, что она жива и что я, тоже еще живая, сама буду с ней говорить.

Сестра Мэри была, видимо, крайне удивлена. Каким образом, спрашивала она себя, заключенные, которых так строго охраняли, могли знать что-либо подобное? Оглядевшись, чтобы убедиться, что никто ее не видит, она сунула в руку Сайсели два каких-то пакетика.

— Храните это на себе до конца вы обе, — шепнула она. — Что бы они там ни говорили, но мы считаем вас ни в чем не повинными и не побоялись совершить ради вас великий грех. Да, мы открыли ковчежец с реликвиями и извлекли оттуда наше самое драгоценное сокровище — кусочек веревки, которой святая Екатерина была привязана к колесу. Мы разделили ее на три части — по одной прядке на каждую из вас. Если вы и вправду не виновны, он, может быть, совершит чудо: или огонь не загорится, или дождь погасит его, или аббат смягчится и пощадит вас...

— Вот уж это будет величайшее чудо,— перебила ее Эмлин с мрачной усмешкой.— Впрочем, мы вам от всего сердца благодарны и сохраним реликвии, если их у нас не отнимут. Но— слышите?— вас зовут обратно. Прощайте, и да благословит вас небо, добрые души.

Снова раздался громкий голос стражника. Сестра Мэри повернулась и убежала прочь, недоумевая: а может быть, обе эти женщины все-таки ведьмы? Иначе как они могли сохранить столько мужества, вести себя так не похоже на бедняжку Бриджет, которая плакала и стонала в своей келье внизу?

Сайсели и Эмлин поели довольно охотно, зная, что в этот день им понадобятся все их силы, и, кончив еду, снова сели у окна, из которого могли видеть, как сотни людей на лошадях и пешком спускались с холма по дороге, ведущей к лужайке против ворот аббатства, хотя сама лужайка скрыта была за деревьями.

— Слушай,— сказала Эмлин.— Тяжело мне это говорить, но очень возможно, что ты видела всего только приятный сон и что, если это так, нас через несколько часов уже не будет в живых. А ведь мне известно, где спрятаны драгоценности, и без меня их никто никогда не найдет. Сообщить мне эту тайну какому-нибудь верному человеку, если представится возможность? Найдется ведь добрая душа— может быть, из числа монашек, которая позаботится о твоём мальчике; ему же драгоценности в будущем очень пригодились бы.

Сайсели немного подумала, потом ответила так:

— Нет, не надо, Эмлин. Я верю, что господь послал во сне своего ангела. А сделать, как ты говоришь, означало бы испытывать его, показать наше маловерие. Пусть тайна эта останется там, где она находится,— у тебя в сердце.

— Велика же твоя вера,— сказала Эмлин, с восхищением глядя на нее.— Ладно, пусть и меня она либо спасет, либо погубит. У тебя ее хватит на двоих.

Монастырский колокол пробил десять, и снизу до них донесся шум шагов и голоса.

— За нами идут,— сказала Эмлин.— Сожжение назначили на одиннадцать, чтобы после этого зрелища народ мог спокойно разойтись на обед. Ну, призови на помощь эту свою великую веру и храни ее крепко ради нас обеих, ибо моя что-то очень слабеет.

Дверь открылась, вошли монахи и вооруженная стража. Командир ее велел им встать и следовать за ними. Они молча повиновались. Сайсели накинула себе на плечи плащ.

— Тебе и без этого будет жарко, ведьма,— сказал этот человек с гнусной усмешкой.

— Сэр,— ответила она,— плащ мне понадобится, чтобы завернуть в него ребенка, когда мы с ним расстанемся. Передай мне мальчика, Эмлин. Вот теперь мы готовы. Нет, незачем нас вести. Убежать мы не можем и не станем усложнять вам дело.

— Бог свидетель, она храбрая девка! — пробормотал офицер своим товарищам, но один из монахов покачал головой и ответил:

— Колдовство! Скоро сатана оставит их на произвол судьбы.

Прошло еще несколько минут, и впервые за столько месяцев они вышли за ворота обители. Здесь их поджидала третья жертва, несчастная, старая, полубезумная Бриджет, завернутая в какую-то простыню, ибо монашеская одежда была с нее сорвана. Глаза у нее дико блуждали, седые пряди волос свисали по плечам; она трясла своей старой головой и с криком молила о пощаде. При виде ее Сайсели вздрогнула, ибо зрелище и впрямь было ужасное.

— Успокойся, добрая моя Бриджет,— сказала она, когда они шли мимо нее,— ты же невиновна. Что тебе бояться?

— Огня, огня! — закричала несчастная старуха.— Я боюсь огня.

Потом им пришлось занять предназначенные для них в этом шествии места, и некоторое время они не видели Бриджет, хотя и не могли не слышать позади себя ее громких жалоб.

Процессия была длинная. Впереди шли монахи и певчие, затянувшие унылую похоронную песнь на латинском языке. За ними под конвоем двенадцати вооруженных стражников — жертвы, потом монахини, которых заставили присутствовать, а позади и вокруг шествия двигался народ, бесчисленная толпа людей, хотя многие из них жили миль за двадцать отсюда. Перешли через пешеходный мост, у которого находился постоянный двор, тот, что Камбала должна была получить за убийство ре-

бенка. Поднялись на косогор по дороге, грязной от осенних дождей, через рошу, куда открывался потайной ход Томаса Болла, и наконец добрались до лужайки перед высоким порталом аббатства.

Здесь их ожидало ужасное зрелище. В землю вбиты были три только что срубленных дубовых столба толщиной в четырнадцать дюймов, высотой побольше шести футов, таких, что уж наверное не сразу сгорят, а вокруг каждого из них уложены были одна на другую большие связки хвороста, с проходом между ними. Со столбов свисали новые тележные цепи, а поблизости стояли деревенский кузнец и его подмастерье с переносной наковальней и молотом для холодной заклепки этих цепей.

На некотором расстоянии от столбов шествие остановилось. Из ворот аббатства вышел настоятель в облачении и митре, впереди него церковные служки, а позади монахи. Он приблизился к месту, где стояли осужденные, и остановился. Один из монахов вышел вперед и прочел им приговор, которого они так и не поняли, ибо состоял он из латинских фраз и сложных юридических терминов. Затем аббат громким голосом призвал осужденных ради спасения их грешных душ признать свою вину и тем самым заслужить отпущение, прежде чем плоть их пострадает за гнусное преступление — колдовство.

В ответ на это Сайсели и Эмлин только покачали головой, заявляя, что в колдовстве они не повинны и потому каяться им не в чем. Но старая Бриджет дала другой ответ. Громким жалобным голосом объявила она, что она — ведьма, так же как до нее ведьмами были и мать ее и бабка. И собравшаяся толпа с увлечением выслушала рассказ о том, как Эмлин Стоуэр представила ее черту — он был в красных штанах, горбатый, лицом чернявый, с пучком рыжих волос под носом, — а также множество самых невероятных подробностей ее встреч с означенным врагом рода человеческого.

Когда ее спросили, что ей говорил черт, она ответила, что он велел ей околдовать блосхолмского аббата, так как тот был весьма святой человек, очень нужный богу, и делал на земле слишком много добра, а также препятствовал Эмлин Стоуэр и Сайсели Фотрел творить его, дьявола, волю, но дал им возможность сохранить в живых ребенка, которому предстоит сделаться страшным

колдуном. Он сказал ей, кроме того, что бабка Меггс была ангелом (тут в толпе раздался смех), посланным убить означенного ребенка, который был на самом деле его, дьявола, сыном, о чем свидетельствуют черные брови, раздвоенный язык ребенка и соединенные перепонкой пальцы ног. Он также пообещал явиться в образе сэра Джона Фотрела, чтобы спасти ребенка и передать его ей, что он и сделал, прочитав навыворот «Отче наш» и велев ей воспитать ребенка «верным пятиугольнику».

Так бредила несчастная, обезумевшая старуха, а пи-сец тем временем записывал фразу за фразой всю эту чепуху; под конец ей велели поставить под протоколом отпечаток своего пальца, и все это заняло очень много времени. Затем она попросила, чтобы ей даровали прощение и не сжигали, но получила ответ, что это невозможно. Тогда она пришла в ярость и спросила, зачем же ее вынудили нагородить столько лжи, раз все равно сожгут. Услышав этот вопрос, толпа разразилась хохотом, а священник, уже готовый дать Бриджет отпущение, передумал и велел приковать ее к столбу, что кузнец и сделал с помощью своего подмастерья и переносной наковальни.

Тем не менее ее «исповедь» торжественно прочитали Сайсели и Эмлин, после чего их спросили, упорствуют ли они в отрицании своей вины даже теперь, после того как все это выслушали. Вместо ответа Сайсели откинула капюшон с лица своего мальчика и показала, что брови у него вовсе не черные, а золотистые. Она также открыла его ножки, просунула мизинец ему между пальчиками и спросила, есть ли здесь перепонка. Кто-то ответил «нет», но один монах заорал: «Что из того? Сатана может сделать перепонку и снять ее!» Затем он вырвал ребенка из рук Сайсели, положил его на дубовый пенек, принесенный сюда именно для этого, и закричал:

— Пусть ребенок живет или умрет, как богу будет угодно.

Какой-то негодяй, стоявший тут же, ударил мальчика палкой, завопив: «Смерть ведьмину отродью!» Но высокого роста человек, в котором Сайсели узнала одного из арендаторов сэра Джона, подхватил оброненную палку и нанес негодю такой удар, что тот камнем упал на землю, а потом всю жизнь ходил без одного глаза и с перебитым носом.

С этого момента уже никто не пытался повредить ребенка, который, как известно, по причине всего случившегося с ним в этот день, впоследствии носил прозвище Кристофер Дубовый Пенек.

Люди аббата подошли, чтобы привязать Сайсели к ее столбу, но, прежде чем они прикоснулись к ней, она сняла с себя плащ на шерстяной подкладке, бросила его йомену, который ударил того парня его же палкой, и сказала:

— Друг, заверни в это моего мальчика и побереги его, пока я не возьму его у тебя.

— Хорошо, леди,— ответил высокий человек, преклонив колено,— я служил твоему деду и отцу, послужу теперь сыну.— И, отбросив палку, он вынул из ножен меч и стал перед дубовым пеньком, на котором лежал ребенок. Никто и не попытался помешать ему, ибо все видели, что другие такие же люди собираются вокруг него.

Теперь кузнец принялся, хотя и довольно медленно, приковывать Сайсели цепью к столбу.

— Слушай,— сказала она ему,— немало лошадей подковал ты у моего отца. Кто бы мог подумать, что ты

доживешь до того дня, когда свое честное ремесло обратишь против его дочери!

Услышав эти слова, тот заплакал, отшвырнул свои инструменты и побежал прочь, проклиная аббата. Подмастерье намеревался сделать то же самое, но его поймали и заставили довершить начатое. Потом приковали и Эмлин, так что, в конце концов, все уже было готово для ужасной развязки.

Главный палач — то был повар аббата — положил для растопки несколько сосновых щепок на стоявшую тут же жаровню и, ожидая последнего приказа, громко сказал своему помощнику, что ветер поднялся свежий и колдуны живо сгорят.

Зрителям велели отойти подальше, и в конце концов они отошли, но многие из них при этом угрюмо перешептывались. Ибо здесь монахам нельзя было собрать только нужных людей, как во время суда, и аббат с тревогой подметил, что среди них его жертвы имеют немало друзей.

«Пора кончать,— подумал он,— пока сочувствие и жалость еще только в зародыше, пока они не превратились в буйный мятеж». И вот он быстро подошел к столбам, встал прямо против Эмлин и, понизив голос, спросил ее, отказывается ли она, как прежде, открыть ему, где спрятаны драгоценности; сейчас он еще может приказать, чтобы их умертвили легким способом, не предавая живыми огню.

— Пусть решает хозяйка, а не слуга,— твердо ответила Эмлин.

Он повернулся к Сайсели и задал ей тот же вопрос, но она промолвила:

— Я уже сказала вам: никогда. Прочь от меня, злодей, ступайте, покайтесь в грехах своих, покуда еще не поздно.

Аббат изумленно взглянул на нее, сознавая, что в таком постоянстве и мужестве есть нечто почти сверхчеловеческое. Он был человек острого ума, наделенный сильным воображением, и мог представить себе, как он сам повел бы себя, находясь в подобном же положении. И хотя он торопился поскорее покончить с этим делом, им овладело величайшее любопытство — откуда у нее берутся такие силы,— и он даже теперь попытался его утолить.

— Обезумела ты, Сайсели Фотрел, или тебя ополчили? — спросил он — Разве тебе не известно, что ты почувствуешь, когда огонь начнет пожирать твое нежное тело?

— Не известно и никогда не будет известно, — спокойно ответила она.

— Ты что, по обещанию сатаны, твоего владыки, умрешь до того, как огонь коснется тебя?

— Да, я верю, что умру до того, как меня коснется огонь, но не здесь и не теперь.

Аббат рассмеялся резким, нервным смехом и громко обрattился ко всем собравшимся:

— Эта ведьма говорит, что не будет сожжена, ибо такова воля неба. Правда, ведьма?

— Да, я так сказала. Будьте свидетелями моих слов, добрые люди, — ответила Сайсели ясным голосом.

— Хорошо, посмотрим! — крикнул аббат. — Эй ты, поджигай, и пусть небо или преисподняя спасут ее, если смогут!

Повар-палач подул на свою растопку, но либо он нервничал, либо не наловчился, только прошла минута, а то и больше, пока щепки вспыхнули. Наконец одна разгорелась, и он довольно неохотно наклонился, чтобы взять ее.

И вот тогда, посреди глубокой тишины, ибо весь собравшийся народ, казалось, затаил дыхание, а старуха Бриджет замолкла, лишившись чувств, за склоном холма послышался чей-то громовой голос:

«Именем короля, остановитесь! Именем короля, остановитесь!»

Все повернулись в ту сторону, и между деревьями показалась белая лошадь: с боков ее, израненных шпорами, струилась кровь, она уже не мчалась галопом, а тащилась, шатаясь от изнеможения, и сидел на ней богатырский вида человек с рыжей бородой. Одет он был в кольчугу и держал в руке топор лесоруба.

— Поджигай хворост! — закричал аббат, но повар, не отличавшийся храбростью, уронил горящие щепки, которые и затухли на мокрой земле.

Теперь лошадь прорвалась сквозь собравшуюся толпу, подминая под себя людей. Длинными судорожными прыжками достигла она кольца, образовавшегося вокруг столбов, и в то мгновение, когда всадник соска-

кивал с нее, упала на землю, да так и осталась лежать, тяжело дыша,— силы оставили ее.

— Это же Томас Болл! — крикнул кто-то, а аббат продолжал звать:

— Поджигайте хворост! Поджигайте хворост!

Один из стражников бросился вперед, чтобы снова запалить растопку. Но Томас поспел раньше. Схватив за ножки жаровню, он с такой силой ударил ею стражника, что на того посыпались горячие уголья, а железная клетка жаровни плотно села ему на голову. Томас же крикнул:

— Ты потянулся к огню — ну и получай!

Стражник покатился по земле и вопил от ужаса и боли до тех пор, пока кто-то не сорвал у него с головы раскаленную жаровню. Лицо его оказалось все в полосах, как жареная селедка. Но никто уже не обращал на него внимания, ибо теперь Томас Болл стоял перед столбами, размахивая своим топором и повторяя:

— Именем короля, остановитесь! Именем короля, остановитесь!

— Что это значит, негодяй?

— А то, что я сказал, поп. Ни шагу дальше, не то я раскрою тебе башку.

Аббат откинулся назад, а Томас продолжал:

— Фотрел! Фотрел! Харфлит! Харфлит! Вы все, кто ели их хлеб, живой сюда, разбросайте хворост, спасайте их кровь и плоть. Кто поднимется вместе со мной против Мэлдона и его палачей?

— Я! — ответили ему из толпы. — И я, и я!

— И я тоже! — закричал йомен, стоявший у дубового пенька. — Только я стерегу ребенка. Ну ладно, я заберу его с собой! — И, схватив под мышку кричащего младенца, он побежал к Томасу.

Другие тоже бросились вперед; разбрасывая во все стороны хворост.

— Разбивайте цепи! — снова загредел Болл, и в конце концов сильным мужским рукам удалось это сделать.

Единственные повреждения, которые в этот день оказались у Сайсели, были ссадины, полученные ею, когда рубили цепи. Теперь обе женщины были свободны. Сайсели вырвала ребенка из рук у йомена, который был очень рад, что избавился от него: сейчас предстояла другая работа, ибо стражники аббата уже бросились на них.

— Окружайте женщин,— гремел Болл,— и бей без промаха за Фотрелов, бей без промаха за Харфлитов! Ах ты, поповская собака, вот тебе именем короля! — И топор его по рукоятку вошел в грудь командира — того самого, который сказал Сайсели, что ей и без плаща будет жарко.

Тут закипел жаркий бой. Сторонники Фотрелов — их было человек двадцать — обступили три дубовых столба кольцом, внутри которого стояли Сайсели, Эмлин и старуха Бриджет, все еще прикованная к своему столбу, так как никто не подумал — да и времени не было — освободить ее. На них напали стражники аббата — свыше тридцати человек,— которых подстегивал сам Мэлдон, взбешенный тем, что жертвы от него ускользнули, больше же всего боявшийся, чтобы слова Сайсели не оправдались и она оказалась бы уже не ведьмой, а пророчицей, вдохновленной свыше.

Трижды отступали нападавшие, но и треть оборонявшихся выбыла из строя, и теперь аббат придумал новый способ покончить с ними.

— Принесите луки,— крикнул он,— и перестреляйте их, луков у них нет!

И стражники побежали за оружием.

Теперь оборонявшимся пришла на помощь сообразительность Эмлин. Болл уже покачал своей рыжей головой и пробормотал, что похоже, будто им всем приходит конец, ибо против стрел ничего не поделаешь, но она ответила:

— А если так, зачем же стоять и ждать, пока нас не раздавят, дурень ты этакий? Надо прорваться, пока стрелы еще не посыпались, и укрыться за деревьями либо в обители.

— Женщина иногда может неплохо придумать,— сказал Болл.— Стройся, фотрелцы, и марш вперед.

— Нет,— вмешалась Сайсели,— сперва освободите Бриджет, а то они, чего доброго, все-таки сожгут ее. Иначе я не пойду.

Бриджет расковали и вместе с несколькими ранеными, поддерживая, потащили прочь оттуда. Началось отступление с боем, довольно, впрочем, успешное. И все же под конец бойцы не смогли бы устоять, так как женщины и раненые задерживали их, но, к счастью, подошла помощь. Когда они отходили к роще, теснимые

с двух сторон разъяренными стражниками аббата, среди которых было много французов и испанцев, внезапно из-под склона холма, где проходила дорога, показалась мчавшаяся галопом лошадь, на которой сидела верхом женщина, вцепившись обеими руками в гриву, а позади этой всадницы — множество вооруженных людей.

— Смотри, Эмлин, смотри! — вскричала Сайсели. — Кто это? — Она не верила своим глазам.

— Да эго же мать Матильда, — ответила Эмлин. — И, клянусь всеми святыми, странный у нее вид!

Вид и вправду был необычный, ибо монашеского покрывала на ней не было, волосы, всегда так заботливо уложенные, разлетались во все стороны, юбка поднялась и спуталась у колен, четки и крест, которые она носила на груди, болтались теперь сзади и били ее по спине, а платье было спереди разорвано. Словом, почтенная пожилая настоятельница никогда еще не появлялась в подобном виде. Она налетела на них, как вихрь, ибо ее испуганная лошадь уже почуяла блосхолмское стойло и, мрачно косясь на своего необычного всадника, ржала вовсю.

— Во имя божие, остановите эту ошалелую скотину!

Болл схватил лошадь под уздцы и так резко осадил ее, что всадница, не удержавшись, перелетела через ее голову и попала прямо в объятия того йомена, который стерег ребенка, и блаженно замерла у него на груди. Впоследствии мать Матильда с обычной своей милой улыбкой говорила, что раньше она и не знала, как приятна может быть близость мужчины.

Когда она наконец сняла руки с его шеи, йомен поставил ее на ноги, заявив, что это потруднее, чем держать под мышкой ребенка. Блуждающий взгляд настоятельница упал на Сайсели.

— Итак, я поспела вовремя! Ну, никогда и слова теперь не скажу против этой лошади! — вскричала она и, тут же упав на колени, пробормотала благодарственную молитву.

Тем временем следовавшие за нею всадники осадили своих коней и задержались, а стражники аббата и сопровождавшая их толпа тоже остановились, не зная, как поведут себя эти чужие воины, так что Болл и его отряд вместе с женщинами оказались между ними.

Среди вновь прибывших был один толстый неуклюжий человек весьма спесивого вида, видимо привыкший ко всеобщему повиновению. Он выехал вперед и прерывающимся голосом — ибо он задыхался от быстрой езды — спросил, что означает весь этот беспорядок.

— Спросите у блосхолмского настоятеля, — ответил ему кто-то, — это все он натворил.

— Блосхолмский настоятель? Он-то мне и нужен, — надуваясь от важности, произнес толстяк. — Подойдите-ка сюда, настоятель Блосхолмского аббатства, и отдайте отчет во всем, что здесь происходит. А вы, ребята, — обратился он к своей охране, — постройтесь и будьте наготове на случай, если этот священник попытается сопротивляться.

Аббат в сопровождении нескольких монахов тоже выступил вперед и, смерив всадника взглядом, спросил:

— А кто это так грубо требует отчета от рукоположенного настоятеля?

— Рукоположенный настоятель? Рукоположенный павлин, беспокойный, мятежный, предатель-поп, чванливый испанский бродяга, который, говорят, набрал себе шайку наемных головорезов, чтобы нарушать спокойствие в королевстве и убивать добропорядочных англичан. Ладно, рукоположенный аббат, я скажу тебе, кто я такой. Я Томас Ли, посланец его милостивого величества и королевский комиссар, которому поручено обследовать так называемые духовные обители, и прибыл я сюда потому, что присутствующая здесь настоятельница Блосхолмского женского монастыря жаловалась мне на то, как поступаешь ты с некоторыми подданными его величества, коих, заявила она, ты из личной мести и ради присвоения их имущества обвинил в колдовстве. Вот кто я такой, мой преподобный расфуфыренный павлин-аббат.

Едва Мэлдон дослушал до конца эту напыщенную речь, как ярость на его лице сменилась страхом. Он уже знал, что представляет собой этот доктор Ли и какая миссия на него возложена, и понял теперь, что означал крик Томаса Болла: «Именем короля!»

ГЛАВА XIII

Посланец

— Кто тут поднял всю эту суматоху? — заорал комиссар. — Почему здесь кровь, раненые и убитые люди? И что вы намеревались сделать с этими женщинами, из коих одна, по всей видимости, не низкого звания? — И он уставился на Сайсели.

— Суматоху поднял вон тот болван, Томас Болл, батрак моего монастыря; он ворвался к нам вооруженный, с криком: «Именем короля, остановитесь!»

— Почему же вы не остановились, сэр аббат? Разве с именем короля шутят? Знайте, что я послал этого человека.

— У него не было никакой грамоты, сэр комиссар, разве что его бычий голос и большой топор заменяли грамоту; я же не остановился, так как мы вершили суд и расправу над тремя зловреднейшими ведьмами.

— Вершили суд и расправу? Что за суд и чей? А у вас-то имеется грамота, разрешающая вам приводить в исполнение приговоры?¹ Если есть, предъявите мне ее.

— Ведьмы эти осуждены были духовным трибуналом, членами которого являлись епископ, приор и я, и во исполнение нашего приговора они должны были на костре искупить свой грех, — ответил Мэлдон.

— «Духовный трибунал»! — загремел доктор Ли. — А разве духовные трибуналы имеют право поджаривать до смерти свободных людей Англии? Если не желаете идти под суд за покушение на убийство, предъявите мне грамоту, подписанную его милостивым величеством королем или членами его королевского суда. Что? Вы не отвечаете? У вас никакой грамоты нет. Я так и думал. Ого, Клемент Мэлдон, испанская собака, висельник, знайте, что за вами давно уже наблюдают, а теперь вы еще, по всей видимости, присваиваете себе королевские полномочия. — Тут он на миг остановился, затем продол-

¹ ...грамота, разрешающая приводить в исполнение приговоры. — Духовные власти имели право судить виновных в преступлениях против религии, но приводили в исполнение приговоры не они, а светские власти. Только в исключительных случаях светские власти выдавали духовным властям специальные грамоты на право приводить в исполнение приговоры.

жал: — Задержать это духовное лицо и зорко стеречь его, пока я не разберусь в этом деле.

Солдаты из охраны комиссара окружили Мэлдона, его же люди не осмелились помешать им: сражаться они больше не хотели, а разговор о королевской грамоте внушил им страх.

Затем комиссар обратился к Сайсели:

— Вы единственная дочь сэра Джона Фотрела, не правда ли, и утверждаете, что являетесь супругой сэра Кристофера Харфлита? Так, по крайней мере, показала присутствующая здесь настоятельница. Что тут с вами происходило и почему?

— Сэр,— ответила Сайсели,— я и моя служанка, а также старая монахиня Бриджет были обвинены в колдовстве и приговорены к сожжению вон у тех столбов. Правда,— добавила она,— я-то верила, что мы не погибнем.

— А почему вы верили, леди? Похоже, что пламя едва не добралось до ваших тел,— сказал он, взглянув на столбы и разбросанные связки хвороста.

— Сэр, я верила, потому что господь бог послал мне во сне видение.

— Да, стоя у столба, она клялась, что это правда!— вскричал чей-то голос.— А мы-то думали, сошла с ума.

— Станете ли вы теперь отрицать, что она ведьма? — вмешался Мэлдон.— Если бы она не была из числа слуг сатаны, то могла ли пророчествовать о своем освобождении?

— Ну, если видения и пророчества — доказательства колдовства, тогда, поп, все святое писание просто ведьмин котел,— ответил Ли.— Тогда и блаженная дева Мария и святая Елизавета были ведьмы, а апостолов Петра и Иоанна тоже следовало сжечь. Продолжайте, леди, только свои сновидения вы оставьте до более подходящего времени.

— Сэр,— продолжала Сайсели,— мы и не думали заниматься колдовством, и все мое преступление состоит в том, что я не соглашаюсь признать своего сына незаконнорожденным и передать право на мои земли и имущество этому вот аббату, убийце моего отца, а возможно, и мужа. О, выслушайте, выслушайте меня вы и весь собравшийся здесь народ, и я постараюсь как

можно короче поведать вам мою историю. Разрешаете вы мне говорить?

Комиссар кивнул головой, и она стала рассказывать все с самого начала так коротко, так просто, так правдиво и серьезно, что весь народ обступил ее тесным кольцом, стараясь не упустить ни слова, и даже жесткое лицо доктора Ли смягчилось, когда он слушал. Около получаса или немного больше рассказывала она о смерти отца, о своем бегстве и замужестве, о сожжении Крануэл Тауэрс, о том, как она овдовела, если действительно муж ее погиб. О том, как ее заточили в обители и как поступил аббат с нею и Эмлин; о рождении ее ребенка и попытке повивальной бабки, нанятой аббатом, умертвить мальчика. О том, как их судили и приговорили к смерти, хотя они ни в чем не повинны, и обо всем, что они претерпели в этот день.

— Если вы невиновны,— крикнул один из монахов, когда она остановилась, чтобы передохнуть,— что же это за существо в образе черта натворило бед тут в Блосхолме? Разве мы не видели все это собственными глазами?

И тут кто-то громко вскрикнул и указал на деревья: в их тени двигалось какое-то странное существо, а спустя мгновение оно вышло на свет. Еще раз толпа рассыпалась во все стороны — кто туда, кто сюда,— даже лошади закусил удила и помчались прочь. Ибо к ним направлялся сам сатана, которого теперь все могли хорошо видеть. На голове у него торчали рога, сзади болтался хвост, тело было покрыто шерстью, как у зверей, лицо страшное и пестро размалеванное, а в руке он держал острые вилы на длинной рукояти. Люди очертя голову пустились наутек; только комиссар, спешившись, стоял неподвижно, может быть просто потому, что оцепенел от страха, а подле него обе женщины и кое-кто из монахинь, в том числе настоятельница, которая упала на колени и принялась бормотать молитвы.

Страшное существо продолжало идти прямо к ним, пока не дошло до королевского посланца. Тут оно отвесило ему поклон, издало бычье мычанье, затем принялось спокойно развязывать какие-то завязки — и наконец ужасное одеяние спало с него, и перед всеми предстал Томас Болл.

— Что означает этот маскарад, мошенник? — прохрипел доктор Ли.

— Вы говорите — маскарад, сэр? — усмехнувшись, ответил Томас. — Если так, то, значит, из-за таких маскарадов попы жгут на кострах женщин в нашей веселой Англии. Сюда, люди добрые, сюда! — загремел он во весь голос. — Поглядите-ка на сатану во плоти. Вот его рога. — И он поднял их так, чтобы все видели. — Когда-то они красовались на голове у козла вдовы Джонсон. Вот хвост; немало мух согнал он с живота одной монастырской коровы; вот страшная харя, я ее смастерил, размалевав красками кусок пергамента. Вот грозные вилы, которыми окаянных грешников загоняют туда, где пожарче; сколько угрей поймал я этим трезубцем там, в заводи! Имеется у меня в мешке и еще одна штучка — адское пламя; лучше всего оно получается из серы, смешанной с маслом, подсохшим на очаге. Живо сюда, задарма поглядите на черта в полном параде!

Толпа начала возвращаться, сперва с опаской, потом люди стали брать у него из рук вещи, которые он им протягивал, ошупывали их, пока, наконец, сперва один, другой, а затем уже все не рассохотались.

— Нечего ржать! — заорал Болл. — Что тут смешного, когда благородные леди да и другие, чья жизнь кое-кому дорога, — и он взглянул на Эмлин, — едва не изжарились, как сельди, только потому, что одному бедняге пришлось в голову повалить дурака и нарядиться в шкуру, чтобы не замерзнуть, да вдобавок нагнать страху на злодеев. Слушайте вы все: это я морочил людям голову. Это я вельзевул¹ да и заодно и призрак сэра Джона Фотрела. Я зашел в часовню обители через известный мне потайной ход, спас вот этого младенца от гибели и так напугал убийцу, что она угодила прямо в ад; да, да, ряженный черт отправил ее к настоящему. Зачем я все это сделал? Чтобы защитить невинных и покарать злодея во всей его гордыне. Но злодей схватил невинных, а те не сказали ни слова, чтобы я не пострадал вместе с ними, и... ну, бог мой, остальное все знают! Еще немного, совсем немного, и дело бы плохо кончилось. Но я вовсе не такой дурень, каким притворялся много лет. К тому же у меня был добрый конь

¹ Вельзевул — то же, что и дьявол.

и тяжелый топор, а тут, в блосхолмской округе еще немало верных сердец; и вот вам доказательство: славные парни, что сейчас полегли мертвыми. И по земле ходят ангелы, хоть, правда, с виду они на ангелов не похожи. Вот один из них, а вот и другой.— Тут он указал пальцем сперва на толстого, напыщенного комиссара, а затем на растрепанную настоятельницу и добавил:— А теперь, сэр комиссар, за все, что я совершил во имя справедливости, прошу прощения у вас, ибо как на мне красовались чертовы рога и копыта, так вы ныне облачены величием и милосердием самого короля. Иначе аббат и его наемные палачи, которые считают себя господами и над королем и над народом, прикончат меня за все это, как прикончили немало людей и получше. Потому простите меня, ваше всемогущество, простите!— И он бросился перед ним на колени.

— Прощаю тебя, Болл, именем короля прощаю,— ответил Ли: титулы и звания, которые так щедро расточал ему хитрый Томас, польстили ему гораздо больше, чем можно было подумать.

— Я, комиссар его милостивого величества, объявляю, что за все сделанное тобой, а также начатое, но недоделанное ты никакому взысканию не подлежишь и против тебя не может быть возбуждено уголовное или гражданское дело, о чем мой секретарь составит тебе бумагу. Ну, славный парень, вставай, но не рядись больше в перья сатаны — не то, пожалуй, он покажет тебе и когти свои и клюв — это ведь не такая птичка, которую можно дразнить. Давайте-ка сюда этого испанца Мэлдона. Мне надо сказать ему кое-что.

Стали искать и тут и там, но аббата обнаружить не удалось. Солдаты клялись, что они не спускали с него глаз, даже когда старались улепетнуть от черта, однако он, несомненно, исчез.

— Мерзавец от нас ускользнул! — прорычал комиссар, побагровев от ярости.— Разыскать его и схватить! Мой приказ дает на это право любому. Начинайте охоту. Я иду в аббатство,— может быть, лиса укрылась в свою нору. Пять золотых крон тому, кто поймает этого лицемера и предателя.

Теперь все, ревностно стараясь показать свою преданность королю и заработать кроны, разбрелись на поиски, так что три «ведьмы», Томас Болл, мать Матиль-

да и монахини очутились почти в полном одиночестве и стояли, глядя друг на друга и на лежащих кругом убитых и раненых.

— Пойдемте в обитель,— сказала мать Матильда.— По солнцу я вижу, что наступает время вечерней молитвы, и, видимо, никто нас трогать не станет.

Томас подошел к ее лошади, которая паслась неподалеку, и подвел ее к настоятельнице.

— Ну нет, друг мой,— решительно вскричала та,— пока я жива, видеть не хочу эту зловредную скотину. Теперь я буду ходить пешком, а там пусть меня носят. Дарю тебе этого коня. Он мой, за него заплачено. Сестра, подай мне руку.

— Хорошо я поработал, Эмлин? — спросил Болл, подтягивая подпругу.

— Не знаю,— ответила она, искоса глядя на него.— Сперва ты праздновал труса, так что нас едва не сожгли за твои дела, ну, а потом, что и говорить, обрел разум. Впрочем, если верить тебе, ты его никогда не терял. Повадки твои тоже переменялись, вон тот подлец капитан узнал, что ты умеешь обращаться с топором. Так что давай, парень, об этом больше не говорить; по правде сказать, аббат и его шпионы были жестокие хозяева и сломили твой дух своими епитимьями да разговорами об адских мучениях. Ладно, помоги моей госпоже сесть на лошадь, она совсем обессилела, а мне дай опереться на твое плечо. Стоять у столба нелегкое дело.

У Сайсели сохранились лишь очень туманные и путаные воспоминания о второй половине этого дня. Помнилось ей, что в церкви служили благодарственный молебен, и хотя уста ее почти не шептали молитв, сердце зато было преисполнено благодарности. Помнилось и то, что добрая сестра, которая снабдила их прядками из веревки святой Екатерины, получая обратно сохраненные заботливо реликвии, уверяла Сайсели и Эмлин, что спаслись они исключительно благодаря им. Помнилось, что она принимала какую-то пищу и давала мальчику грудь, а затем все исчезло до следующего утра, когда она проснулась и увидела, что солнце заливает ту самую комнату, из которой их вчера вывели, чтобы предать самой мучительной смерти.

Да, она проснулась и увидела, что рядом с нею Эмлин

приводит в порядок ее одежду, как она делала в течение многих лет, и тут же на ярком солнце лежит ее мальчик и радостно лепечет, в блаженной своей невинности даже не ведая о миновавших ужасах. Сперва ей показалось, что она видела очень страшный сон, но постепенно вся правда дошла до ее сознания, и она невольно задрожала — да, теперь, когда вся тяжесть свалилась с ее сердца, она побледнела и задрожала, как осина на ветру.

О, если бы лошадь Томаса Болла обессилела на пять минут раньше, она, в чьих жилах сейчас так горячо билась алая кровь, была бы теперь лишь грудой обгорелых костей. А если бы вера оставила ее и она уступила аббату, так что ему не пришлось бы тратить время на уговоры у костра, Болл тоже явился бы слишком поздно.

Когда они позавтракали, их вызвали к настоятельнице, которая хотела поговорить с ними у себя в комнате. Они отправились к ней, с радостью ощущая, что их уже не держат под замком и они могут ходить куда угодно, и застали ее сидящей в высоком кресле; все тело у нее болело, и она не в состоянии была двинуться. Сайсели подбежала к ней, опустилась на колени и поцеловала ее, а настоятельница благословила молодую женщину левой рукой, так как правую стерла себе о поводья.

— А ведь, по правде говоря, Сайсели,— сказала она, улыбаясь,— это мне бы следовало стать перед тобой на колени, если бы у меня хватило сил. Теперь мне все рассказали, и, выходит, велика твоя вера.

— Да, правда, матушка,— коротко ответила Сайсели, ибо об этих вещах ей не хотелось распространяться, да и впоследствии она не любила много о них говорить,— все исполнилось благодаря вам.

— Дочь моя, я ведь оказалась только орудием; ну, да оставим пока разговоры обо всех этих святых делах. Может быть, потом ты мне о них расскажешь подробнее, а пока обратимся к делам мирским, которые не очень хороши. Твое освобождение куплено было довольно дорогой ценой, дочь моя: этот грубый и безбожный человек, королевский ревизор, сказал мне по дороге сюда, что наша обитель будет закрыта, ее земли и доходы перейдут в казну, а мне и моим сестрам при-

дется на старости лет пропадать с голоду. По правде сказать, для того чтобы он согласился сюда приехать, я вынуждена была сама составить ходатайство об обследовании монастыря и подписать его. Теперь ты видишь, как сильно я люблю тебя, моя Сайсели.

— Матушка, — ответила она, — этого не должно, не может быть.

— Увы, дитя мое, что ты тут сделаешь? Эти ревизоры да и те, кто их посылает, жадный народ. Я слышала, что они повсюду отбирают земли и имущество у таких монахов и монахинь, как мы, и если уж очень повезет, кое-кто из монахов получит жалкое пособие на хлеб насущный. Когда-то у меня были свои средства, но они все ушли на выкуп фермы в долине, которую захватил аббат, и на то, чтобы удовлетворять его дальнейшие вымогательства.

— Послушайте, матушка. У меня есть богатство, спрятанное, я сама хорошо не знаю где, но Эмлин знает. Оно принадлежит только мне — это семейные драгоценности Карфаксов, перешедшие ко мне от матери. Из-за них-то мы и попали на костер: в обмен на сокровище аббат предлагал нам жизнь, а когда было уже слишком поздно, то более легкий конец, чем смерть от огня. Но я не позволила Эмлин раскрыть ему тайну: какое-то предчувствие было у меня, и теперь я знаю, что поступила правильно. Матушка, мы продадим эти камни и выкупим вашу землю, а может быть, и добьемся у его королевской милости разрешения не закрывать вашу обитель, так чтобы вы с прочими сестрами могли жить в ней и служить богу, как это делалось на протяжении многих поколений. Даю вам клятву от своего имени, от имени моего сына, а также и мужа, если он жив.

— Но если твой муж жив, милая моя Сайсели, ему, возможно, понадобится это богатство.

— Нет, матушка, он его не получит — разве что встанет вопрос о его жизни, свободе или чести. Да и сам он, узнав, что вы сделали для меня и нашего ребенка, с радостью отдаст вам его и все, что у него самого есть; да он будет считать это своим долгом.

— Хорошо, Сайсели, во имя божие и от своего собственного имени — благодарю тебя. Посмотрим еще, посмотрим! Только берегись, чтобы доктор Ли не узнал об этом сокровище. Но где оно спрятано, Эмлин? Не

бойся открыть мне тайну; неплохо будет, если ее узнает кто-нибудь, кроме тебя, а я думаю, что опасность для вас миновала.

— Да, скажи, Эмлин,— сказала Сайсели.— Я раньше не расспрашивала тебя, опасаясь своей собственной слабости, но теперь мне любопытно. Здесь нас никто не услышит.

— Хорошо, госпожа, я тебе скажу. Помнишь, в тот день, когда сгорел Крануэл, мы искали убежища в центральной башне, откуда я унесла тебя, бесчувственную, в подземелье? Там мы пролежали всю ночь; и, когда ты была без сознания, я все время ощупывала пальцами стену, пока не обнаружила, что один камень от времени и сырости расшатался,— за ним оказалось пустое пространство. В этой дыре я и спрятала драгоценности; они лежали у меня на груди, завернутые в шелк. Потом я заполнила дыру мусором, собранным с полу, и положила на место камень, укрепив его кусками извести. Это третий камень, если считать от восточного угла, во втором ряду над полом. Туда я их положила, и там они лежат и поныне. Никто их в стене не обнаружит, разве что башню разрушат и сравняют с землей.

В это мгновение раздался стук в дверь.

Когда Эмлин открыла ее, вошла монахиня и сказала, что королевский ревизор хочет побеседовать с настоятельницей.

— Пусть он зайдет ко мне,— я ведь не могу двигаться,— сказала мать Матильда.— А вы, Сайсели и Эмлин, побудьте со мной, при таком разговоре не плохо иметь свидетелей.

Минуту спустя появился в сопровождении своих секретарей доктор Ли; он был пышно разодет и тяжело дышал, так как ему пришлось подняться по лестнице.

— К делу, к делу,— произнес он, не успев даже как следует ответить на приветствие настоятельницы.— Монастырь ваш секвестрирован по вашему собственному ходатайству, сударыня, поэтому мне незачем заниматься предварительным обследованием. Впрочем, я готов признать, что, по всем данным, слава у него неплохая: никаких скандальных историй о нем неизвестно — может быть, потому, что все вы уже вышли из возраста, когда занимаются шалостями. Предъявите-ка теперь все документы, акты на владение землей и данные по доходам

от аренды, чтобы я мог принять их от вас по должной форме и объявить о закрытии обители.

— Сейчас я за ними пошлю,— смиренно ответила настоятельница,— а пока скажите же мне, что нам, бедным монахиням, теперь делать? Мне шестьдесят лет, и сорок из них я прожила в этом доме. Среди сестер тоже нет молодых, а некоторые еще старше меня. Куда нам деваться?

— Живите в миру, сударыня. Вы найдете, что там неплохо и для всех места хватает. Бросьте гнусавить молитвы, откажитесь от грубых суеверий — да кстати, не забудьте передать нам все ценные ковчезцы для мощей и другие папистские эмблемы, отлитые из драгоценных металлов, которые у вас имеются,— и ступайте в широкий мир. Выходите замуж, если сможете найти мужей, занимайтесь полезными ремеслами. Делайте, что вам вздумается, и благодарите короля, который освобождает вас от бремени нелепых обетов и из плена монастырских стен.

— Вы даруете нам свободу умирать с голоду. Понимаете ли вы, сэр, что делаете? Сотни лет жили мы в Блосхолме и в течение ряда поколений молились богу о душах людей и заботились о их земных нуждах. Никому мы не делали зла, а все, что получали от своей земли или от благочестивых даятелей, раздавали щедрой рукой, ничего себе не оставляя. Множество бедняков питалось у наших ворот, мы ухаживали за больными, обучали детей. Часто мы отказывали себе во всем, чтобы побольше раздавать. Теперь вы гоните нас из обители на верную гибель. Если на то воля божия, ничего не поделаешь; но что будет с бедняками Англии?

— Это, сударыня, дело Англии и ее бедняков. Теперь же, как я вам уже сказал, времени у меня мало. Я тороплюсь в Лондон доложить об этом вашему аббате: он настоящий мерзавец и я многое разузнал о его злодейских кознях. Поэтому прошу вас поскорее послать кого-нибудь за документами.

В этот миг вошла монахиня, неся поднос с печеньем и вином. Эмлин приняла его от нее и, налив вина в кубки, предложила ревизору и секретарям.

— Славное вино,— сказал он осушив кубок,— весьма благородное вино. Вы, монашки, готовите самые лучшие наливки. Пожалуйста, не забудьте вклю-

чить его в инвентарь. Вы, милая моя, кажется, одна из тех, кого этот аббат намеревался сжечь? Да, да, а это ваша хозяйка, госпожа Фотрел или госпожа Харфлит? Мне как раз надо сказать ей два слова.

— Я к вашим услугам, сэр,— сказала Сайсели.

— Так вот, сударыня, вы и ваша служанка избежали костра, к которому, насколько я мог судить, вас приговорили без каких-либо оснований. Однако осудил вас компетентный духовный трибунал, и его решение остается в силе, пока король не дарует вам прощения, если ему угодно будет это сделать. Поэтому, я полагаю, что вам следует ожидать здесь его волеизъявления.

— Но, сэр,— сказала Сайсели,— если добрым сестрам, приютившим меня, придется уйти отсюда, как же мы сможем жить в их доме одни? Вы, однако, говорите, что я не должна его покидать; и действительно, если бы даже мне и можно было его покинуть — куда я пойду? Дом моего мужа сожжен, мой собственный дом захвачен аббатом. С другой стороны, если я и здесь останусь, он тем или иным способом погубит меня.

— Мерзавец скрылся,— сказал доктор Ли, почесывая себе подбородок.

— Да, но он возвратится или же пришлет кого-либо из своих людей, а вы сами знаете, сэр, что эти испанцы злопамятны; я же долго с ним враждовала. О сэр, я молю короля оказать покровительство моему ребенку и мне, а также Эмлин Стоуэр.

Комиссар продолжал почесывать подбородок.

— Вы можете дать ценные показания против этого Мэлдона — не так ли?

— Да,— вмешалась Эмлин,— такие, что его можно будет десять раз повесить; и я тоже дам показания.

— И у вас имеются большие поместья, которые он захватил,— верно?

— Имеются, сэр, ибо род мой знатный и положение высокое.

— Леди,— промолвил он уже гораздо более почтительным тоном,— отойдите в сторону; мне надо с вами переговорить с глазу на глаз.— С этими словами он направился к окну, и она пошла за ним.— Скажите-ка мне, какова была стоимость вашего имения?

— Точно не знаю, сэр, но от отца слышала, что оно приносило около трехсот фунтов дохода.

Ревизор сделался еще почтительнее, ибо по тем временам это было большое состояние.

— Вот как, миледи. Большие деньги, весьма хорошее состояние, если вам удастся получить его обратно. Буду говорить с вами откровенно. Королевские комиссары не очень хорошо оплачиваются, расходы же у них большие. Если я устрою дела ваши таким образом, что вы получите обратно свое состояние и приговор за колдовство, вынесенный вам и вашей служанке, будет отменен, обещаете вы заплатить мне сумму, равную годовому доходу с вашего имущества, в возмещение тех затрат, которые мне придется сделать во время хлопот по вашему делу?

Теперь подумать надо было Сайсели.

— Разумеется,— наконец ответила она,— если вы сделаете еще одно—оставите добрых сесгер спокойно доживать в их обители.

Он покачал своей большой головой.

— Сейчас это уж невозможно. Дело получило чересчур широкую огласку. Лорд Кромуэл скажет, что меня подкупили, и я, чего доброго, потеряю должность.

— Хорошо,— продолжала Сайсели,— тогда, если вы обещаете, что на один год их оставят в покое для того, чтобы они могли устроить как-нибудь свое будущее.

— Это я могу сделать,— сказал он, кивнув головой,— на том основании, что вели они здесь ничем не опороченную жизнь и защищали вас от врагов короля. Но в этом мире все непрочно. Я должен просить вас подписать один документ; в нем вы признаете, что получили от меня заем в триста фунтов, которые будут возвращены мне с процентами после того, как вы вступите во владение своим имуществом.

— Составьте его, и я подпишу, сэр.

— Отлично, сударыня. Теперь, поскольку мы обо всем договорились, вы поедете со мной в Лондон, где будете в безопасности. Отправимся мы не сегодня, а завтра, с рассветом.

— В таком случае со мной должна поехать и моя служанка Эмлин, сэр, чтобы помогать мне с ребенком, а также Томас Болл, ибо он может доказать, что колдовство, за которое нас осудили, всего-навсего его проделки.

— Да, да, но дорожные расходы на троих будут весьма значительны. Есть у вас какие-нибудь деньги?

— Да, сэр. У Эмлин в одном из ее платьев зашито около пятидесяти фунтов золотом.

— А! Сумма вполне достаточная. Она даже слишком крупная, чтобы в наше беспокойное время вы могли одни везти ее без риска. Не дадите ли мне на хранение половину?

— С удовольствием, сэр, я вам вполне доверяю. Выполните только свое обязательство, а я буду твердо держаться моего.

— Хорошо. Когда Томасу Ли идут навстречу, он в долгу не остается—это всякий признает. Сегодня вечером я принесу документ, а вы мне передадите на хранение двадцать пять фунтов.

Затем он в сопровождении Сайсели вернулся туда, где сидела настоятельница, и сказал:

— Мать Матильда — ведь, кажется, таково имя ваше в иночестве? — леди Харфлит просила меня за вас, и ввиду того что вы так благородно обошлись с нею, я обещал от имени короля, что вы и ваши монашки будете жить здесь еще один год, с этого дня, после чего безропотно передадите свой монастырь его величеству; я же исходатайствую для вас пенсию.

— Благодарю вас, сэр. Для старого человека год отсрочки — большое дело. За год многое может приключиться, например — моя смерть.

— Не благодарите меня,—я просто человек, поступающий, как велят ему долг и справедливость. Документы, которые вы должны подписать, готовы будут после обеда. Кстати, скажу вам, что леди Харфлит со своей служанкой, а также этот смелый и умный парень, Томас Болл, завтра утром едут со мною в Лондон. Она вам все объяснит. В три часа я буду у вас.

Ревизор и его секретари вышли из комнаты так же спешиво, как вошли. Оставшись втроем с матерью Матильдой и Эмлин, Сайсели объяснила им, что произошло.

— Думаю, что ты правильно поступила,—сказала настоятельница, выслушав все до конца.—Человек этот — жадная акула, но лучше пусть он откусит тебе палец, чем проглотит всю целиком. А насчет нас ты, конечно, хорошо поторговалась — мало ли что может случиться за год? К тому же, дорогая Сайсели, в Лондоне тебе будет безопаснее, чем здесь. В надежде на

такие деньги, как триста фунтов, этот комиссар будет беречь тебя как зеницу ока и продвинет вперед твое дело.

— Если кто-нибудь не пообещает ему побольше, например тысячу фунтов, чтобы он, наоборот, ставил палки в колеса,— вмешалась Эмлин.— Ну, да иного выхода не было, а бумажные обязательства ничего не стоят. Вот добрых двадцати пяти фунтов золотом мне жалко. Теперь же, матушка, нам надо собраться, а дела много. Прошу вас, пошлите кого-нибудь разыскать Томаса Болла; он, наверно, тут, неподалеку. Раз уж мы теперь не заключенные, я хотела бы пройти вместе с ним по одному делу, о котором вы, может быть, догадываетесь. В городе Лондоне нам могут понадобиться средства. Надо также раздобыть лошадей для нас самих и для багажа и еще о многом позаботиться.

Томаса Болла вскоре разыскали: он спал в одном из соседних домов, ибо после своих приключений и триумфа основательно выпил и долго не мог проснуться. Узнав об этом, Эмлин задала ему хорошую головомойку, заявила, что он не человек, а пивной бочонок, и наговорила много других неприятных слов. Под конец он вышел из себя и ответил, что не будь этого пивного бочонка, она сейчас была бы кучкой пепла. Тут она перевела разговор на другое и сообщила ему, в чем они нуждаются, а также о том, что ему предстоит сопровождать их в Лондон. На это он ответил, что к утру оседланы будут хорошие кони, благо он знает, где их раздобыть: в конюшне аббатства еще остались лошади, которым пробежка не повредит. Добавил он также, что рад будет на некоторое время расстаться с Блосхолмом: здесь у него со вчерашнего дня завелись враги — все те, чьи друзья лежат раненые или ждут погребения. После этого Эмлин шепнула ему что-то на ухо, и он в знак согласия кивнул головой, сказав при этом, что мешкать не станет и скоро будет готов.

В тот же вечер Эмлин отправилась куда-то верхом вместе с хорошо вооруженным Томасом, объяснив, что хочет испытать коней, на которых им предстоит завтра ехать. Вернулась она поздно — было уже совсем темно.

— Ну что, достала? — спросила Сайсели, когда они остались вдвоем у себя в комнате.

— Да,— ответила Эмлин.— Все до единой. Но кое-где каменная кладка обвалилась, и трудно было пробраться в подземелье. По правде сказать, без Томаса Болла с его бычьей силой мне самой никогда бы не справиться. К тому же аббат побывал уже там до нас и изрыл весь пол. Но, дурень такой, о стене он и не подумал, так что все хорошо. Половину вещей я зашью в свою нижнюю юбку, половину в твою, чтобы риска было меньше. На случай, если нападут грабители, деньги, что нам оставил этот загребуший ревизор (я ведь половину отдала ему, когда ты подписала документ), мы будем открыто держать в кошельках на поясе. Дальше они искать не станут. О, чуть не забыла: кроме драгоценностей, у меня еще кое-что есть, вот оно.— С этими словами Эмлин вынула из-за корсажа пакет и положила его на стол.

— Что это? — спросила Сайсели, недоверчиво глядя на грязный лоскут парусины, в который он был завернут.

— Откуда мне знать? Разрежь и посмотри. Я знаю только, что, когда я стояла у ворот обители и ждала Томаса, который отводил лошадей в конюшню, какой-то человек в широком плаще вынырнул из-за завесы дождя и спросил, не Эмлин ли я Стоуэр. Я сказала «да»; тогда он сунул мне это в руку, велел непременно отдать леди Харфлит и исчез.

— У этого пакета такой вид, точно он прибыл из-за моря,— прошептала Сайсели, дрожащими пальцами торопливо вспарывая его. Под конец парусиновая обложка была вскрыта, внутренний запечатанный конверт тоже, и в нем, среди прочих документов, оказался небольшой сверток пергаментных листов, покрытых корявыми, неразборчивыми письменами. Однако на обороте они смогли разобрать названия «Шефтон» и «Блосхолм», начертанные более крупными буквами. Что-то написано было и каракулями сэра Джона Фотрела, а под этой записью стояло его имя и другие, среди которых были имена отца Нектона и Джеффри Стоукса. Сайсели некоторое время смотрела на документы, потом сказала:

— Эмлин, я узнаю эти пергаментные листки. Их мой отец взял с собой, когда ехал в Лондон, чтобы опроверг-

нуть домогательства аббата, а вместе с ними были показания об изменнических речах, которые аббат вел в прошлом году в Шефтоне. Да, эту внутреннюю обшивку делала я сама из полотняных тряпок, взятых в коридорном стенном шкафу. Но как они сюда попали?

Не ответив ни слова, Эмлин взяла разрезанную материю и потрясла ее. Не замеченная ими раньше полоска бумаги упала на стол.

— Может быть, тут мы найдем объяснение,— сказала она.— Прочитай, если сможешь. Тут, на внутренней стороне, что-то написано.

Сайсели схватила полоску бумаги. И так как исписана она была разборчивым почерком умелого писца, прочитала ее без труда, только голос ее дрожал. Вот что было в записке:

Миледи Харфлит!

Это бумаги, которые Джефри Стоукс спас, когда погиб ваш отец. Они были отданы на хранение тому, кто вам сейчас пишет, далеко в заморских землях, и он возвращает их, не вскрыв. Супруг ваш жив и здоров, так же как и Джефри Стоукс, и хотя их задержали в пути, сэр Кристофер, без сомнения, сумеет добраться до Англии, куда не торопился возвращаться, думая, как и я думал, что вас нет в живых. Есть причины, мешающие мне, его и вашему другу, повидаться с вами или написать обстоятельнее, ибо долг призывает меня в другое место. Когда он будет выполнен, я разыщу вас, если буду жив. Если нет, то ждите спокойно, пока не обретете вновь свое счастье; я надеюсь, что это случится.

Некто, горячо любящий вашего супруга, а ради него — и вас.

Сайсели положила записку на стол, и из глаз ее хлынул поток слез.

— О, жестокий, жестокий,— рыдала она,— сообщить мне так много и вместе с тем так мало! Впрочем, нет, я просто неблагодарная дрянь, ведь Кристофер жив, и я дожидая до того, что узнала об этом, хоть он и считает меня умершей.

— Клянусь душой,— сказала Эмлин, когда ей удалось успокоить Сайсели,— этот человек в плаще просто

король всех вестников. Знай я только, что он принес, я бы у него все выпытала, даже если бы мне пришлось вцепиться в него, как жена Пентефрия вцепилась в Иосифа Прекрасного¹. Ну что ж, Иосиф скрылся, а на безрыбье и рак рыба, да и рак-то не плохой. К тому же ты получила документы, которые сейчас тебе особенно необходимы и, что еще лучше, письменное свидетельство, по которому предатель Мэлдон угодит на эшафот.

ГЛАВА XIV

Джекоб и драгоценности

Путешествие в Лондон было для Сайсели делом необычным: никогда еще не отъезжала она больше чем на пятьдесят миль от своего дома, и лишь однажды, еще ребенком, провела месяц в городе, когда гостила у тетки в Линкольне. Правда, путешествовала она с удобствами, так как комиссар Ли не любил себя утруждать: по этой причине они пускались в дорогу поздно, а останавливались на ночлег рано, либо в какой-нибудь гостинице получше (если вообще в те времена существовали сносные гостиницы), либо в одном из монастырей, где он требовал всего самого лучшего, что только могли предложить ему перепуганные монахи. С ними, как заметила Сайсели, он обходился очень сурово: бранился, угрожал, производил тщательное обследование, зачастую обвинял их в преступлениях, которых они не совершали, и под конец вымогал большие взятки даже в тех случаях, когда в данное место ему никакого поручения не давалось, грозя, что вернется позже. Он также принимал доноскиков и записывал все скандальные сплетни и клеветнические сведения, которые они сообщали ему о тех, чей хлеб ели.

Поэтому еще задолго до того, как они увидели Черинг Кросс, Сайсели возненавидела этого спесивого, властного и жадного человека, который скрывал жесто-

¹ ...как жена Пентефрия вцепилась в Иосифа Прекрасного.— Библейский миф рассказывает, что жена придворного египетского фараона Пентефрия воспылала страстью к находившемуся в рабстве у ее мужа юноше Иосифу Прекрасному, но тот отверг ее домогательства.

кость под личиной добродетели и, преследуя свои личные цели, произносил громкие слова о боге и короле. Однако, наученная горьким опытом, она умела скрывать свои чувства, так как боялась нажать врага в чело-веке, имевшем возможность погубить ее, и скрепя сердце принудила к этому Эмлин. Дело осложнялось и тем, что Сайсели была красива и некоторые из спутников ревизора заговаривали с нею так, что не понять их было невозможно. Кончилось все это тем, что, налетев на одного из них, Томас Болл задал ему такую взбучку, какой тот еще никогда не получал, после чего возникли неприятности, от которых пришлось откупаться деньгами.

Однако в целом все шло не так уж плохо. Королевскому ревизору и его спутникам никто повредить не смел; осень стояла погожая, мальчуган ничем не болел, а места, по которым они проезжали, были для Сайсели полны новизны и интереса.

Наконец однажды, выехав из Барнета, они к вечеру добрались до столицы, показавшейся ей чудесным городом,— никогда еще не видала она такого множества домов и людей, деловито сновавших взад и вперед по узким улицам, которые с наступлением темноты освещались фонарями. Тут произошел оживленный спор, где им остановиться. Доктор Ли сказал, что он знает один дом, который им вполне подошел бы, но Эмлин и слышать об этом не хотела: она уверена была, что там их обворуют; мысль о драгоценностях, которые они втайне от всех хранили на себе, не давала ей покоя. Вспомнив о двоюродном брате своей матери, золотых дел мастере, по имени Смит, который еще года два тому назад был жив и обитал в Чипсайте, она заявила, что непременно его разыщет.

Они отправились в Чипсайд, взяв в качестве проводящего одного из писцов ревизора — не того, которого поколотил Болл, а другого,— и, наконец, поискав немного, обнаружили в глубине одного двора довольно невзрачный дом Джекоба Смита с тремя шарами вместо вывески. Эмлин спешила и, так как дверь оказалась не запертой, вошла в дом, где ее встретил седобородый старик в поднятых на лоб роговых очках и с такими же, как у нее самой, черными глазами — ведь у них обоих текла в жилах цыганская кровь.

Разговора их Сайсели не слышала, но старик вышел к ней вместе с Эмлин и довольно долго осматривал ее и Болла с ног до головы, словно снимал с них мерку. Наконец он сказал, что от своей родственницы, которой не видел уже лет тридцать, он узнал, что обе они и их слуга хотят снять помещение; свободные комнаты у него есть, и они могут получить их за соответствующую плату.

Сайсели спросила, сколько это будет стоить, и, когда он назвал сумму — десять шиллингов серебром в неделю за всех троих и их лошадей, которые будут помещены в конюшне неподалеку, — велела Эмлин выдать ему один фунт золотом вперед. Он взял деньги, надкусил золотые монеты, чтобы убедиться в их качестве, но не спрятал в карман, а предложил жильцам сперва осмотреть помещение. Они прошли в комнаты и, найдя их чистыми и удобными, хотя и несколько темноватыми, заключили сделку с хозяином, после чего отпустили своего провожатого-писца с поручением сообщить адрес доктору Ли, пообещавшему известить их о ходе дела, как только ему удастся продвинуть его.

Когда он ушел, а Томас Болл в сопровождении подмастерья отвел в конюшню верховых и вьючную лошадь, старик стал вести себя иначе, пригласил их в комнату для посетителей, расположенную за мастерской, и послал свою домоправительницу, женщину не очень молодую, но приятной внешности, приготовить для всех еду. Сам же принялся угощать их всевозможными наливками из приземистых голландских бутылок. Он проявлял необыкновенную любезность, уверяя, что очень счастлив повидать родственницу, ибо теперь у него совсем не осталось близких людей — жена и двое детей умерли во время одной из частых в Лондоне эпидемий. К тому же родился он в Блосхолме, хотя и уехал оттуда полвека назад, знал деда Сайсели и мальчишкой играл с ее отцом. И он, как человек веселый и разговорчивый, стал засыпать их бесконечными вопросами о том и о сем, но они сочли более осторожным на некоторые из них не отвечать.

— Ага! — сказал он. — Вы хотите испытать меня, прежде чем довериться. Да и кто вас за это осудит в нашем жестоком мире? Но, может быть, я больше знаю о вас, чем вы думаете; ведь у меня такое ремесло, что мне приходится многое узнавать. Вот, например, слышал

я о том, что в Блосхолме недавно был суд над ведьмами, довольно плохо окончившийся для некоего аббата, а также об исчезновении знаменитых драгоценностей Карфаксов, что весьма огорчило этого святого человека. Да, драгоценности, говорят, были самые настоящие: я, по крайней мере, слышал, что среди них имелись две розовые жемчужины, достойные королевской сокровищницы. Жалко, что они утеряны: ведь их владелицей была бы

миледи, а мне, скромному золотых дел мастеру, очень хотелось бы на них взглянуть. Ну ладно, ладно; может быть, я их все-таки увижу: утерянное иногда снова находят. А вот и обед наш поспел; кушайте, кушайте, потом побеседуем.

Так прошла первая из многих приятных трапез, которые они разделяли со своим хозяином — Джекобом Смитом. Эмлин потихоньку навела о нем справку у всех соседей и узнала, что ее родственник пользуется самой доброй славой и всеобщим доверием.

— Так почему же и нам не довериться ему? — спросила Сайсели. — Нам ведь очень нужны друзья и люди, которым мы могли бы верить.

— Даже в отношении драгоценностей, госпожа?

— Даже и в этом отношении: ведь драгоценности — по его части; у него в железном сундуке они были бы сохраннее, чем зашитые на живую нитку в наших платьях: я из-за них ни днем ни ночью покоя не имею.

— Все-таки лучше обождем, — ответила Эмлин. — Когда они окажутся у него в сундуке, — кто знает, удасться ли нам вообще извлечь их оттуда?

На другой день после этого разговора к ним явился ревизор Ли и принес не очень приятные новости. По его словам, лорд Кромуэл заявил, что поскольку блосхолмский настоятель притязал на шефтонские земли, а теперь его права перешли или скоро перейдут к королю, король сам выступает как притязатель и от своих требований не откажется. К тому же деньги при дворе сейчас так нужны, тут доктор Ли бросил на них жесткий взгляд, что и речи не может быть об отказе от каких-либо ценностей, разве что за соответствующее возмещение. При этих словах он взглянул еще жестче.

— А откуда у миледи средства на это возмещение? — резко вмешалась Эмлин, опасаясь, как бы Сайсели себя не выдала. — Сейчас она лишь бездомная нищая, у которой едва наберется несколько фунтов золотом; и даже если бы ей удалось получить свое имущество, вашей милости известно ведь, что доходы с него за первый год уже обещаны.

— Ах, — с грустным видом произнес доктор, — дело, разумеется, обстоит плохо. Однако, — хитро добавил он, многозначительно подчеркивая свои слова, — только недавно дошел до меня слух, будто у леди Харфлит есть

припрятанное богатство, доставшееся ей от матери,— разные ценные украшения и тому подобные вещи.

Сайсели вся вспыхнула, ибо маленькие глазки доктора Ли буквально впились в нее, а притворяться она не умела. Но с Эмлин дело обстояло иначе: та умела с волками быть по-волчьи.

— Послушайте, сэр,— сказала она, напуская на себя таинственность,— вам сказали правду. Были у нас разные ценные вещи. Зачем бы нам скрывать это от вас, нашего друга? Но — увы! — они у этого жадного мерзавца аббата. Он ощипал мою бедную леди, как птичку, которую собираются изжарить. Отберите их у него, сэр, и могу поручиться, что она отдаст вам половину,— ведь правда, миледи?

— Разумеется,— ответила Сайсели. — Доктору, которому мы стольким обязаны, я с радостью отдам половину всех ценностей, которые он сможет отобрать у аббата Мэлдона. — Она замолкла, ибо ложь застряла у нее в горле. Вдобавок она чувствовала, что побагровела, как пион.

По счастью, комиссар этого не заметил, а если заметил, то приписал волнению или гневу.

— Аббат Мэлдон,— проворчал он,— вечно аббат Мэлдон! И гнусный же ворюга этот высокомерный испанец, которому нипочем оставить человека сиротой, а потом еще обобрать его. К тому же он еще злодей и изменник. Знаете ли вы, что он сейчас поднимает на севере мятеж? Ну, я еще увижу, как его вздернут на дыбу! А есть у вас список этих ценных вещей?

Сайсели дала отрицательный ответ, а Эмлин добавила, что его придется составить по памяти.

— Хорошо. Завтра или в ближайшие же дни я опять зайду, а пока не бойтесь, я с вашего дела глаз не спущу, как кошка с воробья. Ах ты, крыса поганая, испанский аббат, подожди у меня, запущу я когти в твою жирную спину! До свидания, миледи Харфлит, до свидания, госпожа Стоуэр; мне надо идти возиться с другими попами немногим получше этого. — И он удалился, бормоча проклятия по адресу аббата.

— Ну вот, теперь, кажется, настало время довериться Джекобу Смиту,— сказала Эмлин, когда дверь за ним закрылась. — Тот еще может оказаться честным человеком, а уж этот доктор наверняка мошенник. К тому же

он что-то прослышал о драгоценностях и подозревает нас. А вот и вы, кузен Смит, заходите, пожалуйста, нам с вами надо побеседовать. Заходите и, будьте добры, закройте за собою дверь.

Через каких-нибудь пять минут все до единой драгоценные вещи лежали на столе перед старым Джекобом, который смотрел на них круглыми от изумления глазами.

— Драгоценности Карфаксов, драгоценности, о которых я так часто слышал! Те самые, которые старый крестоносец отнял у одного султана на востоке, где о них доныне идет молва. Сокровище султанов, если только оно не прямо из Нового Иерусалима¹, где эти украшения носили ангелы. И вы говорите, что вы, две женщины, везли такие бесценные вещи зашитыми в ваши плащи, которые, как я сам убедился, у вас валяются где попало? Правда, у женщин вообще разума нет, но таких дур я еще никогда не видел! А ведь спутником у вас был доктор Ли, который у ребенка способен стащить игрушку!

— Дуры мы или нет,— едко возразила Эмлин,— но вот они в целости и сохранности, хотя и подвергались некоторому риску. И потому я прошу вас взять их на хранение, кузен Смит.

Старый Джекоб прикрыл драгоценности скатертью и понемногу переложил их к себе в карман.

— Мы на верхнем этаже,— объяснил он,— и дверь заперта, но кто-нибудь мог поставить лестницу и заглянуть в окно. Находясь я на улице, я бы по игре отраженного в них света сообразил, что на столе лежат драгоценности. Даже у себя в кармане я и в течение часа не могу считать их сохранными.— С этими словами он подошел к стене, нащупал пальцами какое-то место в деревянной обшивке; панель отошла, открыв тайник, в котором лежали различных размеров пакеты и свертки, и среди них он разместил драгоценности, но не все. Потом он подошел к другим панелям и открыл их точно таким же способом: там тоже лежали пакеты, и за ними он разместил остальные вещи.

— Ну вот, безрассудные вы женщины,— сказал он,— раз вы мне доверились, то и я вам верю. Вы видели у меня в конторе окованные железом сундуки и, наверно, подумали, что там я и храню весь свой товар. Так ду-

¹ Новый Иерусалим — в христианской мифологии одно из названий рая.

мают и все лондонские воры; они там уже дважды рылись, а унесли только немного олова. Помнится мне, что часть этого олова была потом обнаружена у придворных короля. Но за этими панелями все в безопасности, хотя ни одна женщина не придумала бы столь простого и надежного тайника.

Эмлин не сразу нашлась что ответить, может быть, оттого, что вся пылала негодованием, но Сайсели мягким голосом спросила:

— А у вас в Лондоне бывают пожары, мастер Смит? Кажется, я об этом что-то слышала, а ведь в таком случае, второпях, знаете...

Смит поднял на лоб свои роговые очки и воззрился на нее с кротким изумлением.

— Подумать только,— произнес он,— что меня будут учить уму-разуму младенцы и мамки.

— Вы хотите сказать — сосунки,— вставила Эмлин.

— Мамки, сосунки — это все одно, — с раздражением ответил он, но затем усмехнулся и добавил: — Ладно, ладно, миледи, вы правы. Поймали старого Джекоба. О пожаре-то я и не подумал, а ведь в прошлом году в соседнем доме случился пожар, и я тогда выскочил на улицу в простыне и одеяле, вовсе позабыв о золоте и камнях. Теперь я устрою тайники в каменной кладке погреба, там-то огонь ничего не сделает. Ага! Вам, женщинам, до такого не додуматься; вы же зашиваете сокровища в ночные сорочки.

Тут уж Эмлин не могла дольше сдерживаться.

— А как же, по-вашему, нам было везти их, кузен Смит? — с негодованием спросила она. — Навесить на шею или привязать к ногам? Недаром, помнится, мне мать моя говорила, что вы всегда были простоватым парнем, и, верно, вам покровительствует весьма могущественный святой, раз он помог вам целым и невредимым добраться до Лондона и научил, как зарабатывать на жизнь. А может, на свое счастье, женились вы на очень умной женщине, хотя сейчас-то сразу видно, что ее давно нет в живых. Ну хорошо, — добавила она, смеясь, — тешьте свое мужское тщеславие вы, рожденный женщиной; и раз у вас столько ума, поделитесь с нами своей мудростью, — мы в этом крайне нуждаемся.

— Женщины всегда так: когда неправы, — начинают браниться, — сказал Джекоб, подмигнув глазом. — Ну, рожденная от мужчины, расскажи-ка, что вас обоих смущает. Может быть, мудрость, которую я унаследовал от всех моих матерей вплоть до праматери Евы, пригодится вместо той, которой не хватало всем твоим матерям. Однако довольно шуток; если тебе угодно говорить, я слушаю.

И вот, призвав предварительно проклятие божие на его голову, в случае, если он выдаст их хоть одним словом, Эмлин с помощью Сайсели поведала ему все с самого начала; еще задолго до того, как она кончила, пришлось зажечь свечи. Все это время Джекоб Смит сидел против них и не произнес почти ни слова, — лишь иногда задавал какой-нибудь уместный вопрос. Когда наконец они кончили, он воскликнул:

— А все-таки правда, что у женщин нет разума!

— Мы это от вас уже слышали, мастер Смит, — сказала Сайсели. — Но на этот раз — почему?

— Потому что вы не открылись мне раньше: это сберегло бы вам добрую неделю времени. Правда, дело сложилось так, что вашу историю я знаю подробнее, чем вы мне ее рассказали, и благодаря этому дни прошли не совсем даром. Ну, коротко говоря, этот доктор Ли — хищник и негодяй.

— О премудрый Соломон, это мы и без вас знали! — воскликнула Эмлин.

— Единственная его цель — устлать свое гнездо вашими перышками. Кое-что вы ему сами обещали, в данном случае, впрочем, поступив правильно. Теперь он прослышал об этих драгоценностях, что и не удивительно: подобных вещей скрыть невозможно. Даже если бы вы спрятали их в ящик и зарыли на глубину шести футов, и то они засверкали бы сквозь толщу земли и выдали свое присутствие. План его такой: обчистить вас до нитки, пока вы еще не попали в руки его хозяина — Кромуэла. А если вы явитесь к этому всемогущему министру с пустыми руками, — чего будет стоить ваше ходатайство в глазах Кромуэла? Он ведь самая жадная акула из всех, кроме еще одной.

— Понимаем, — сказала Эмлин. — Каков же ваш план, кузен Смит?

— Мой? Не могу сказать, чтобы у меня имелся план. Но вот что, по-моему, было бы целесообразно. Хотя я человек маленький и незаметный, при дворе обо мне вспоминают, когда возникает нужда в деньгах. А теперь как раз нужно очень много денег, ибо вскоре за оружие возьмется весь Йоркшир, и потому сейчас обо мне вспоминают очень часто. Если вы пожелаете расстаться с доктором Ли и поручить свое дело мне, это, может быть, обойдется вам подешевле.

— Во сколько же это нам обойдется? — выпалила Эмлин.

Старик с негодованием повернулся к ней.

— Кузина, с какой стати ты меня оскорбляешь? Разве я вымогал что-нибудь у тебя или у твоей хозяйки? Хватит, вы мне не верите. Хватит; забирайте свои драгоценности и ищите себе другого помощника! — И он подошел к панелям стены, намереваясь достать оттуда украшения.

— Нет, нет, мастер Смит, — взмолилась Сайсели, схватив его за руку, — не сердитесь на Эмлин. Вы же

знаете: мы прошли суровую школу, где учителями нашими были Мэлдон и доктор Ли. Я-то во всяком случае вам верю; не бросайте же меня на произвол судьбы,— мне ведь не к кому больше обращаться, а трудностей и забот так много! — И при этих словах из ее синих глаз скатились крупные слезы прямо на лицо мальчика; тот проснулся, и ей пришлось отвернуться, чтобы успокоить его.

— Не огорчайтесь,— смутился добрый старик.— Это мне надо огорчаться: мои грубые слова довели вас до слез. К тому же Эмлин ведь права; даже безрассудные женщины вовсе не должны доверяться первому попавшемуся человеку, у которого они поселились. Впрочем, раз вы уверяете, что говорили от чистого сердца, я постараюсь не оказаться недостойным вашего доверия, миледи Харфлит. Так вот что вам нужно от короля? Чтоб он рассудил вас с аббатом? Это вы и даром получите, если его милость доберется до аббата, каковой в настоящее время поднимает мятеж против короля. Нет, значит, необходимости напирать на его прежние злодеяния. Чтобы вам вернули ваши владения, на которые заявил притязания аббат? Вот это будет потруднее, ибо сам король явится притязателем вместо аббата. В лучшем случае тут придется раскошелиться. Чтобы ваше замужество и рождение вашего сына признаны были законными? Это не так уж трудно, хотя тоже будет стоить денег. Чтобы приговор за колдовство вам и Эмлин был отменен? Дело несложное, ведь процесс-то устроил аббат. Ну как, это все или еще что-нибудь есть?

— Да, мастер Смит. Я хотела бы, чтоб у добрых монахинь, которые так хорошо ко мне отнеслись, не отнимали их дома и их земли. Я обещала отдать эти самые драгоценности, если таким образом можно будет этого добиться.

— Это вопрос денег, леди, всего-навсего вопрос денег. Вам придется выкупить их имущество — вот и все. А теперь посмотрим, какие нам предстоят затраты; может быть, фортуна мне улыбнется.— Он достал перо, бумагу и принялся писать цифры.

Под конец он встал, вздохнув и покачав головой.

— Две тысячи фунтов,— со стоном вырвалось у него,— сумма огромная, но уменьшить ее невозможно ни на шиллинг,— слишком многих надо подкупить. Да, ты-

сячу фунтов на взятки и тысячу — взаймы его величеству, который долгов не отдает.

— Две тысячи фунтов! — вскричала испуганная Сайсели. — О, откуда мне взять столько? Ведь даже доходы за первый год я уже обещала!

— А вы знаете стоимость своих драгоценностей? — спросил, глядя на нее, Джекоб.

— Нет. Половина того, что вы сказали?

— Если назвать цифру вдвое больше, то это будет еще довольно мало.

— Ну, а коли так, — ответила ошеломленная Сайсели, — где нам их продать? У кого наберется столько денег?

— Я постараюсь найти их или, во всяком случае, столько, сколько понадобится. Ну вот, кузина Эмлин, — добавил он саркастически, — сама видишь, в чем моя выгода: покупаю драгоценности за полцены, а остальное — мое.

— Теперь я отвечу, как вы: хватит, — сказала Эмлин, — шуточки свои попридержите до более подходящего времени.

Старик призадумался, а затем сказал:

— Поздновато уже, но вечер погожий и мне полезно подышать воздухом. Пусть этот ваш башковитый рыжий парень постережет вас, пока меня не будет дома; и, ради всего святого, будьте осторожны со свечами. Нет, нет, печей не топите — придется вам померзнуть. После того, что вы тут наговорили, мне только пожары и мерещатся. Это всего на одну ночь. К завтрашнему вечеру я подыщу такое местечко, что там даже аббата Мэлдона не опалило бы адское пламя. Но пока обходитесь теплой одеждой. У меня в закладе имеются меха, я их вам сейчас пришлю. Вы сами виноваты, а для меня в молодости в осенний день топки не требовалось. Ну ладно, ладно.

Он ушел; и в тот вечер они его больше не видели.

На следующее утро, когда они сидели за завтраком, Джекоб Смит появился и принялся говорить о чем угодно — о плохой погоде, о том, что ветчина жестковата и ни в какое сравнение не идет с той, которую приготавливали в Блосхолме, когда он был молод, о том, что мальчуган Сайсели очень похож на мать.

— Ну уж нет, — прервала его Сайсели, почувство-

вавшая, что он их дразнит,— он вылитый отец. Со мной у него нет ни малейшего сходства.

— Вот как? — ответил Джекоб.— Ладно, я выскажу свое мнение, когда увижу отца... А кстати, дайте-ка мне перечитать записку, которую человек в плаще передал Эмлин.

Сайсели дала ему записку, и он стал внимательно изучать ее. Потом безразличным тоном промолвил:

— На днях я видел список христианских пленников, спасенных от турок императором Карлом в Тунисе. Среди них имеется некий Хуфлит, обозначенный как английский сеньор и его слуга. Вот мне и кажется...

Сайсели так и бросилась на него.

— Жестокий, злодей! Сколько времени знали это — и слова не проронили!

— Потихе, миледи,— сказал он, отступая.— Я узнал это лишь вчера в одиннадцать часов вечера, когда вы уже спали сном праведным. Вчера ведь не сегодня, потому я и сказал: на днях.

— Можно было меня разбудить. А теперь живо говорите, где он.

— Откуда мне знать? Во всяком случае, не здесь. Но в этом документе говорилось...

— Что же в нем говорилось?

— Стараюсь припомнить, да память мне изменяет. Может, и с вами такое случится, когда вы доживете до моих лет, если небу угодно будет...

— О, хоть бы ему угодно было заставить вас рассказывать толком! Что говорилось в документе?

— А, вот, припомнил! В примечании, имевшемся среди прочих новостей. Упомянул ли я о том, что это было письмо от посла его королевской милости в Испании? Пишет он такими каракулями, что ничего не разобрать. Ну, ну, не торопите меня. Так вот, говорилось там, что означенный «сэр Хуфлит» — посол снабдил это имя восторженным знаком — и его слуга — да, да, я уверен, что речь шла и о слуге, — что оба они, будучи очень злы на турок за то, как обходились с ними эти нехристи — нет, я забыл прибавить, что их было трое, третий — священник, который поступил иначе; так вот, будучи очень злы, они оспаривали там, чтобы вместе с испанцами сражаться против турок до окончания военных действий. Теперь я все сказал.

— Все — и как это мало! — вскричала Сайсели. — Но все же лучше, чем ничего. И зачем это женатому человеку понадобилось плыть за море, чтобы мстить несчастным, невежественным туркам?

— А почему нет, — вмешалась Эмлин, — если он, как твой супруг, считает себя вдовцом?

— Да, я забыла. Он думает, что меня нет в живых; да и его скоро не будет в живых; может быть, и сейчас уже нет, — ведь эти безбожные, злобные турки убьют его. — И она залилась слезами.

— Я забыл добавить, — поспешно сказал Джекоб, что в другом письме, помеченном более поздним числом, посол сообщает, что поход императора против турок прерван до весны и что участвовавшие в нем англичане сражались с великой доблестью и все возвратились живы и невредимы, но на этот раз имена их не упомянуты.

— Все возвратились! Если бы мой муж умер — а он не мог умереть бесславно, как трус, — то разве говорилось бы в письме, что все возвратились? Нет, нет, он жив, но вернется ли — кто знает? Может быть, он еще куда-нибудь отправится или останется в Испании и женится там.

— Это невозможно, — с поклоном сказал старый Джекоб. — Раз вы были его женой, это невозможно.

— Невозможно, — повторила Эмлин. — Ведь ему надо еще свести счеты с этим Мэлдоном! Мужчина может забыть свою возлюбленную, особенно если он думает, что ее нет в живых... Но раз он остался за границей, чтобы сражаться с турками, которые с ним плохо обращались, так уж наверно возвратится домой, чтобы расправиться с аббатом, который разорил его и убил его жену.

Наступило молчание. Золотых дел мастер, чувствуя, что всем невесело, поторопился прервать его.

— Да, он несомненно возвратится на родину. По тому, что нам известно, может быть, уже и возвратился. Мы тоже должны предъявить счет этому аббату. Он, конечно, негодяй, но не следует думать, что все без исключения аббаты злодеи. Теперь же, миледи, я расскажу вам, что мне удалось сделать; и, может быть, вам это понравится больше, чем мне самому. Вчера вечером я повидался с лордом Кромуэлом, с которым у меня немало своих дел, у него в доме, в Остин Фрайерс, и изло-

жил ему ваше дело. Как я и предполагал, этот подлый обманщик Ли о нем с ним и не заговаривал, рассчитывая вытащить из пудинга все сливы, а хозяину своему передать уже объедки. Он просмотрел ваши документы, достал ходатайства аббата и сравнил то и другое. Затем он взял мою просьбу на заметку и сразу же спросил: «Сколько?»

Я сказал: «Тысячу фунтов в качестве займа королю». Заем этот возвращать не придется, а в качестве возмещения я прошу — от вашего имени — все земли аббата в добавление к вашим собственным, когда земли означенного аббата будут конфискованы, что не замедлит последовать. На это он согласился от имени его королевской милости, ибо король весьма нуждается в деньгах, но спросил — что же ему самому? Я ответил: пятьсот фунтов ему и его шакалам, в том числе доктору Ли, причем никакой расписки мы не потребуем. Он же сказал, что этого недостаточно: после того как насытятся шакалы, для него останутся только обглоданные кости; я должен предложить больше, ибо и мои требования не малые; затем он сделал вид, что прекращает разговор. Я пошел к дверям, но обернулся и сказал, что у меня есть чудеснейшая жемчужина, и ему, любителю драгоценных камней, может быть, любопытно будет взглянуть на нее: жемчужина стоит не одного аббатства. Он сказал: «Покажите!» — и вы бы только видели! — млел над нею, как девушка над первым полученным ею любовным письмом. «О, если бы таких было две!» — прошептал он.

«Две, милорд! — ответил я. — Да на всем белом свете нет другой такой жемчужины!» Правда, когда я произносил эти слова, оправа второй, приколотой к внутренней стороне моего камзола, крепко уколола меня, словно рассердившись. Затем я взял у него жемчужину и вторично начал откланиваться.

«Джекоб, — сказал тогда Кромуэл, — вы мой старый друг, и ради вас я немного поступлюсь своим долгом. Оставьте жемчужину. Его королевская милость так нуждается в этой тысяче фунтов, что я, пожалуй, возьму ее у вас, хоть и скрепя сердце». И он протянул руку за жемчужиной, но я вовремя прикрыл ее своей рукой.

— Сперва документ, потом плата, милорд. Я тут уже сам составил бумагу, чтобы вам не беспокоиться, если только вы соизволите подписать.

Он перечитал, потом, взяв перо, вычеркнул пункт насчет отмены приговора за колдовство — по его словам, это может сделать лишь сам король или специально уполномоченные им лица, — но остальное подписал, приняв на себя обязательство после уплаты тысячи фунтов выдать документ по форме, подписанный королем и скрепленный государственной печатью. Так как ничего большего добиться было невозможно, я сказал, что это нам подходит, и оставил ему вашу жемчужину. Он же обещал со своей стороны побудить его величество принять вас; и я не сомневаюсь, что он не замедлит это сделать ради пресловутой тысячи фунтов. Правильно я поступил?

— Разумеется, конечно! — вскричала Сайсели. — Кто бы устроил все хоть вполовину так же хорошо?

Едва она успела произнести эти слова, как со двора раздался громкий стук в дверь, и Джекоб побежал открывать. Почти тотчас же он вернулся, ведя за собой посланца в роскошной одежде, который поклонился Сайсели и спросил, не она ли леди Харфлит. Услышав в ответ, что таково действительно ее имя, он сказал, что ему поручено передать ей повеление его милости короля явиться к нему сегодня в три часа пополудни в его дворец Уайтхолл и привести с собою Эмлин Стоуэр и Томаса Болла, чтобы держать перед его величеством ответ по обвинению в колдовстве, возбужденному против нее и против них; и горе ей, ежели она попытается от этого уклониться.

— Сэр, — ответила Сайсели, — я не замедлю явиться, но скажите мне: должна ли я считать себя заключенной?

— Нет, — сказал вестник, — поскольку мастер Джекоб Смит, которому его милость изволит доверять, готов поручиться за вас.

— И за тысячу фунтов, — проворчал Джекоб себе под нос, когда он с низким поклоном провожал королевского посланца к выходу. При этом он не преминул сунуть золотую монету в руку, которой тот помахал ему на прощание.

Было половина третьего, когда Сайсели с ребенком на руках и в сопровождении Эмлин, Томаса Болла и Джекоба Смита очутилась на парадном дворе Уайтхоллского дворца. Кругом было много людей, пришедших по своим делам, и сквозь эту толпу беспрестанно прокладывали себе дорогу герольды и солдаты, крича: «Расступись! Именем короля, расступись!» Толкотня была такая, что некоторое время даже Джекоб не мог привлечь к себе внимания, пока наконец он не заметил герольда, который приходил к ним утром, и не кивнул ему.

— Я уже высматривал вас, мастер Смит, а также леди Харфлит,— произнес этот человек, отвешивая поклон Сайсели.— Вам назначена аудиенция у его королевской милости, не так ли? Один бог знает, удастся ли вам ее получить. В приемной полно людей, принесших известия о мятеже на севере, а также вельмож и советников, ожидающих распоряжений и денег, главным образом денег. Одним словом, король отменил на сегодня все аудиенции: он никого принять не может. Так сказал мне сам лорд Кромуэл.

Джекоб вынул из кошелька золотую монету и стал вертеть ее в пальцах.

— Понимаю, благородный герольд. Все же вы, может быть, попытались бы послать кого-нибудь к лорду Кромуэлу? Если да, то вот эта мелочь...

— Попытаюсь, мастер Смит,— ответил тот, протягивая руку за червонцем.— Но что ему передать?

— О, скажите, что Розовая жемчужина хотела бы узнать у его милости, где можно получить в долг тысячу фунтов без процентов.

— Станный вопрос, на который я сам, пожалуй, ответил бы: нигде,— сказал герольд.— Но, во всяком случае, найду кого-нибудь, кто передаст это лорду Кромуэлу. Постойте тут, в крытом проходе, чтобы не мокнуть под дождем. Не бойтесь, я мигом вернусь.

Они сделали, как он сказал, и были очень рады, ибо начало моросить, и Сайсели боялась, как бы не простудился мальчуган, на которого пребывание в Лондоне влияло не очень хорошо. Так стояли они, развлекаясь зрелищем пестрой толпы людей, шнырявших туда и

сюда. Болл, для которого все это было совершенно ново, изумленно открыв рот, созерцал людскую толчею; Эмлин быстрым взглядом пронизывала каждого, а старый Джекоб шепотом сообщал всевозможные, большей частью нежелательные, сведения о всех проходящих мимо.

Что касается Сайсели, то вскоре мысли ее унеслись далеко. Она знала, что сейчас решается ее судьба, что, если нынче все обойдется хорошо, врагов ее, наверное, постигнет возмездие, а она в богатстве и чести проведет остаток своей жизни. Но не об этом она мечтала — сердце ее было с Кристофером; без него все прочее не имело смысла. Где-то он сейчас? Если то, что рассказал Джекоб, было верно, он пережил много опасностей, но еще недавно был жив и здоров. Однако в те времена смерть настигала человека внезапно, поражая его молнией из неожиданно собравшихся туч или даже с ясного неба, — так что кто мог сказать наверное? Кроме того, он думал, что ее нет в живых, и потому, быть может, не старался беречь себя или же — самая ужасная мысль — взял в жены другую, что было бы вполне естественно. О, в таком случае...

В это самое мгновение шум какой-то перебранки вернул ее к действительности; и, подняв глаза, она убедилась, что Томас Болл вовлекает их в неприятность. Какой-то толстый неотесанный парень с огненно-красным бугристым носом, несколько подвыпивший, забавлялся тем, что поднимал на смех деревенский облик и рыжие волосы Томаса, громко спрашивая, не пользуются ли им в качестве пугала на его родных полях.

Сперва Томас довольно спокойно переносил эти насмешки, задав со своей стороны другой вопрос: не помогает ли нос толстого парня лондонским хозяйкам зажигать огонь в печи? Тот, заметив, что над ним потешаются больше, чем над Томасом, указал своим приятелям на ребенка, которого Сайсели держала на руках, и спросил: не кажется ли им, что он вылитый папаша? Тут вся ярость Томаса прорвалась наружу, хотя шутка была глупая и безобидная.

— Ах ты, паршивый лондонский подонок! — вскричал он. — Вот я покажу тебе, как оскорблять леди Харфлит мерзкими шуточками! — И, протянув свой огромный кулак, он, словно железными клещами, вцепился в багровый нос своего недруга и принялся крутить его, пока

пьянчуга не завопил от боли. Тут сбежалась стража и Томаса едва не схватили за нарушение мира в королевском дворце. И он, наверное, был бы задержан, несмотря на все, что Джекоб Смит делал для его вызволения, если бы в то же мгновение не появился человек, при виде которого вся собравшаяся во дворе толпа расступилась с низкими поклонами, человек средних лет с умным, проныцательным лицом. На нем было богатое платье, отороченный мехом бархатный плащ и такой же берет.

Сайсели сразу же распознала в нем Кромгуэла, самого могущественного в Англии, после короля, вельможу, и старалась хорошенько запомнить его, прекрасно понимая, что в руках Кромгуэла и ее судьба, и судьба ее сына. Она отметила и узкий, маленький, как у женщины, рот, и маленькие карие глазки, посаженные близко друг к другу и окруженные тонкими морщинками, что придавало им хитрое выражение, и, отметив все это, испугалась: перед ней был человек, который сейчас, по всей видимости, мог считаться ее другом, но если бы ему случилось оказаться врагом — а ведь однажды его уже подкупили, чтобы он стал врагом ее отца, — он проявил бы к ней не больше жалости, чем паук к мухе.

И в этом она была права, ибо Кромгуэл высосал уже немало мух, запутавшихся в расставленной им паутине; находясь в самом расцвете могущества и славы, он забывал об участии своего учителя, кардинала Уолси¹, в свое время еще более жадного паука.

— Что тут происходит? — резким голосом спросил Кромгуэл. — Нашли место, где поднимать суматоху, — прямо под окнами его королевской милости! А, это вы, мастер Смит? В чем дело?

— Милорд, — с поклоном ответил Джекоб, — это слуга леди Харфлит, но он не виноват. Вот этот толстый негодяй оскорбил ее, а слуга Болл, человек вспыльчивый, вцепился ему в нос.

— Вижу, что вцепился. Смотрите, он сейчас оторвет ему этот самый нос. Дружище Болл, отпусти своего противника, не то в руке у тебя останется предмет, совершенно тебе не нужный. Стража, заберите-ка этот пивной

¹ Уолси Томас (1475—1530) — английский политический деятель, кардинал. Был лордом-канцлером при Генрихе VIII, протестовал против его развода и был уволен в отставку.

бочонок и минут пять подержите его голову под насосом, чтобы он протрезвел, а если он после этого очнется, набейте ему колодки. Ты молчи, ни слова, это тебе поделом. Мастер Смит, следуйте за мною со своими спутниками.

Толпа снова расступилась; они пошли за Кроммуэлом к боковой двери, которая находилась тут же, и очутились в маленьком помещении, где никого не было, кроме них и Кроммуэла. Там он остановился и, обернувшись, стал внимательно разглядывать их, особенно же Сайсели.

— Полагаю, мастер Смит,— сказал он, указывая на Болла, вытиравшего себе руки поднятыми с полу тростниковыми метелками,— это и есть тот самый человек, который, как вы мне говорили, разыгрывал в Блосхолме черта. Я вижу, что он и дурака свалить способен: еще минута, поднялась бы всеобщая суматоха, и вы, может быть, на много месяцев упустили бы случай увидеть его королевскую милость, ибо король решил завтра утром выехать из Лондона на север, хотя, правда, к утру он еще может изменить свое решение. Мятеж его сильно беспокоит, и, не обещая вы ему заем — а займы сейчас очень нужны,— весьма мало надежды было бы добиться для вас аудиенции. Ну, а теперь медлить нельзя, и будьте осторожны, не рассердите короля — нынче он крайне раздражителен. По правде сказать, если бы не королева, которая сейчас с ним и которой захотелось увидеть леди Харфлит, едва не сожженную за колдовство, вам пришлось бы ждать более подходящего времени, а оно, чего доброго, и вовсе не наступило бы. Стойте! Что это у тебя в большом мешке, Болл?

— Чертово облачение, если угодно вашей милости.

— В Лондоне многие носят чертово облачение. Что ж, тащи его с собой; может быть, его величество посмеется, я бы тебе дал за это червонец, мне и то надоели проклятья и разносы и,— добавил он с кислой усмешкой,— даже тумак. А теперь идемте, вы предстанете перед лицом короля; говорите только тогда, когда он к вам обратится, и не осмеливайтесь возражать, если он на вас напустится.

Выйдя из этой комнаты, они пошли по коридору и очутились у другой двери, где двое часовых подозрительно посмотрели на Болла и его мешок, но Кроммуэл что-то сказал им, и они пропустили их в просторную комнату

с камином, в котором пылал огонь. В противоположном конце ее стоял высокий, надменного вида человек с плоским, жестоким лицом (которое Томас Болл сравнивал впоследствии с бычьей мордой), в богатом одеянии из темной материи и в бархатном берете. В руках он держал свиток пергамента, а против него, по другую сторону дубового стола сидел чиновник, весь в черном, и что-то писал тоже на пергаменте; кругом, на столе и на полу валялось еще много таких же пергаментных свитков.

— Негодяй! — кричал король. — Они догадались, что то был он, — ты неверно подсчитал эти цифры. И горькая же моя доля, что служат мне одни дураки!

— Прошу прощения у вашей милости, — дрожащим голосом произнес секретарь, — я их трижды проверял.

— И ты еще смеешь возражать, лживый стряпчий! — снова загремел король. — Говорю тебе, они не могут быть верными — здесь на тысячу сто фунтов меньше, чем мне было обещано. Куда девались эти тысяча сто фунтов? Не ты ли их присвоил, ворюга?

— Я присвоил, я? О ваша милость!

— А почему нет? И почище тебя люди крадут. Только ты ведь болван — ума у тебя не хватит. Попроси лорда Кромуэла дать тебе несколько уроков. Его-то обучали лучшие учителя, да к тому же и сам он из купцов. Убейся ты вон и забирай свою писанину.

Несчастный чиновник поспешил подчиниться этому приказу. Наскоро собрав пергаменты, он откланялся разгневанному монарху. Но у двери, когда между ним и королем образовалось расстояние футов в двенадцать, он обернулся.

— Всемиловитейший государь, — снова начал он, — итог подсчитан верно. Честью клянусь: я, как верующий христианин, могу прямо смотреть в лицо вашему величеству, и в глазах у меня будет одна лишь правда...

На столе стояла массивная чернильница из бараньего рога, оправленная в серебро. Генрих схватил ее и изо всех сил швырнул в чиновника. Нацелился он отлично, ибо тяжелый рог угодил злополучному писцу прямо в нос, залил ему лицо чернилами, а его самого сбил с ног.

— Теперь у тебя в глазах будет еще кое-что, кроме правды! — крикнул король. — Поднимайся, покуда за чернильницей не последовал стул.

Две дамы, которые стояли у камина и разговаривали, не обращая внимания на эту грубую сцену, так как, по видимому, привыкли к подобным вещам, взглянули на чиновника, засмеялись и продолжали свою беседу.

Кромгуэл улынулся и пожал плечами. И вдруг среди наступившего затем молчания раздался громкий голос Томаса Болла, с разинутым ртом наблюдавшего за происходящим:

— Вот это удар так удар! Я сам бы не метнул лучше!

— Молчи, дурень,— прошипела Эмлин.

— Кто говорил? — спросил король, бросив быстрый взгляд в их сторону.

— Прошу прощения, государь, это я, Томас Болл.

— Томас Болл! А умеешь ты метать камень из пращи, Томас Болл, кто бы ты там ни был?

— Так точно, государь, но, наверное, не лучше вас; замечательный был удар!

— Томас Болл, ты прав. Принимая во внимание спешку и неудобство снаряда, удар был превосходный. Пусть этот негодяй поднимется с пола, и я ставлю золотой нобль¹ против медного гвоздя, что на таком же расстоянии ты метче не ударишь. Как, этот парень скрылся? Может быть, испробовать на милорде Кромгуэле? Нет, сейчас не до забав. Какое у тебя ко мне дело, Томас Болл и кто эти женщины?

Тут Кромгуэл вышел вперед и с раболепными жестами стал что-то тихим голосом объяснять королю. Тем временем обеих дам внезапно заинтересовала Сайсели, и одна из них, бледная, но красивая женщина в роскошном одеянии, подошла к ней.

— Вы и есть леди Харффлит, о которой мы уже слышали, та самая, что едва не была сожжена, как ведьма? Да? А это ваш ребенок? О, какой прелестный! Держу пари, что мальчик. Ну, поди ко мне, ангелочек, и впоследствии ты сможешь рассказывать, что тебя нянчила королева.

С этими словами она протянула руки.

По счастью, ребенок не спал, и его привлек ласковый голос королевы или же, может быть, блеск драгоценных камней ее ожерелья. Во всяком случае, он тоже протянул к ней ручонки и охотно прильнул к ее груди. Джен

¹ Нобль — старинная английская монета.

Сеймур — ибо это была она — принялась ласкать его, а затем в сопровождении своей фрейлины подошла к королю.

— Взгляните, Гарри, взгляните, какой прелестный мальчуган и как он меня полюбил. Послал бы нам бог такого сына!

Король посмотрел на мальчика и сказал:

— Да, неплохо было бы. Это уж твоя забота, Джен. Понянци, понянци его; может быть, пол ребенка передается. И я и вся Англия ждем не дождемся, когда у тебя наступят роды, дорогая моя. Что вы такое говорили, Кромуэл?

Могущественный министр продолжал объяснять, пока королю не надоело слушать его и он не позвал:

— Подойдите сюда, мастер Смит.

Джекоб приблизился, отвесил поклон и молча вытянулся перед королем.

— Итак, мастер Смит, лорд Кромуэл говорит, что, ежели я подпишу эти бумаги, вы, по поручению леди Харфлит, дадите мне взаймы без процентов тысячу фунтов, в которых я в настоящее время нуждаюсь. Так где же эта тысяча фунтов? Обещаний мне не надо, даже от вас, мастер Смит, хотя известно, что вы свое слово держите.

Джекоб сунул руку под свой камзол, извлек из многочисленных внутренних карманов мешочки с золотыми монетами и разложил их в ряд на столе.

— Вот она, ваша милость,— спокойно сказал он.— Если вам угодно, золото можно взвесить и сосчитать.

— Клянусь богом! Пожалуй, пусть уж оно лучше останется здесь у меня: не ровен час, с вами на обратном пути что-нибудь приключится, мастер Смит. Чего доброго, упадете в Темзу и утонете.

— Ваша милость изволите говорить правду; пергаменты нести куда легче, даже если,— добавил он многозначительно,— на них стоит подпись вашего величества.

— Я не могу ничего подписать,— нерешительно заметил король.— Все чернила пролились.

Джекоб достал маленькую роговую чернильницу, которая, как у большинства купцов того времени, подвешена была у него к поясу, вынул втулочку и с поклоном поставил на стол.

— Вы и правда деловой человек, мастер Смит, слыш-

ком уж деловой для меня, простого короля. Вы так ко всему подготовились, что мне, наоборот, хочется помедлить. Может быть, нам лучше встретиться после, когда я буду посвободнее.

Джекоб снова поклонился и, протянув руку, медленным движением приподнял первый мешочек с золотом, словно собирался вновь спрятать его в карман.

— Кромуэл, подите-ка сюда,— произнес король, после чего Джекоб, словно по рассеянности, опять положил мешочек на стол.

— Перечислите еще раз все пункты этого дела, Кромуэл.

— Государь, леди Харфлит жалуется на испанца Мэлдона, настоятеля Блосхолмского монастыря, который, по всем данным, умертвил ее отца, сэра Джона Фотрела, и ее супруга, сэра Кристофера Харфлита, хотя прошел слух, будто последнему удалось вырваться из его когтей и он в настоящее время находится в Испании. Еще: означенный аббат захватил земли, которые присутствующая здесь госпожа Сайсели должна была унаследовать от отца, и она ходатайствует о том, чтобы они были ей возвращены.

— Клянусь страстями господними, правосудие над Мэлдоном мы совершим и даром, если только сможем,— ответил король, хватив своим мощным кулаком по столу.— Незачем терять время на перечисление обид, которые он нанес леди Харфлит. Это ведь тот же самый негодяй испанец Мэлдон, который заварил нам чертову кашу на севере. Ладно, он сварится в своем же собственном котле, мы тоже можем предъявить ему порядочный счет. Что еще?

— Леди Харфлит, урожденной Сайссли Фотрел, необходимо официальное признание законности ее брака с Кристофером Харфлитом. Бракосочетание было, без сомнения, совершено по закону, хотя аббат оспаривает его в своих личных интересах. Есть также ходатайство о денежном возмещении за гибель тех людей, которые пали в то время, когда означенный аббат напал на дом упомянутого Кристофера Харфлита и сжег его.

— Это было бы легче всего сделать, если бы сам Мэлдон тоже пал, но я согласен. Что еще?

— Обещание вашей милости, что к леди Харфлит

отойдут земли Блосхолмского аббатства и Блосхолмской женской обители в качестве компенсации за данную агентом Сайсели Харфлит, Джекобом Смитом, займы вашему величеству тысячу фунтов.

— Требование немалое, милорд. Эти земли оценены?

— Так точно, государь, вашим комиссаром, каковой доложил, что стоимость их, то есть обрабатываемой земли вместе с лесными угодьями, не достигает тысячи фунтов золотом.

— Наш комиссар? Гроша медного не стоит его оценка; нет сомнения, что он подкуплен. Однако, вернув долг, мы сможем получить обратно земли. Кроме того, эта госпожа Харфлит и ее супруг тяжко потерпели от руки Мэлдона и от его вооруженных бандитов, так что я и тут готов согласиться. Ну, а теперь все? Я устал от всех этих разговоров.

— Еще одно только, ваша милость,— поспешно добавил Кромуэл, ибо Генрих уже поднялся, чтобы идти.— Госпожа Сайсели Харфлит, ее служанка Эмлин Стоуэр и одна старая полусумасшедшая монахиня были осуждены за колдовство церковным трибуналом, членом которого являлся аббат Мэлдон, по жалобе этого же самого аббата на то, что они околдовали его самого и его владения.

— Значит, он был и истцом и судьей в одном лице?

— Точно так, ваша милость. Хотя приговор не был утвержден королем, их возвели на костер, так что означенный Мэлдон тем самым присвоил себе prerogatives короны. Однако ваш комиссар Ли подоспел вовремя и освободил их, хотя и не без борьбы—оказались раненые и убитые. И теперь все три обвиняемые смиренно умоляют о даровании им вашим величеством монаршего прощения за их участие в человекоубийстве, если такое участие было; о том же молит и присутствующий здесь Томас Болл, по всей видимости и совершивший эти убийства...

— Вполне этому верю,— проворчал король.

— Ходатайствуют они также о признании суда над ними и приговора незаконными, а их самих не виновными в том, за что они были осуждены.

— Невиновными!— вскричал Генрих, который, потеряв терпение, придрался к последнему пункту.— Откуда же мы знаем, что они не были виновны, хотя правду

сказать, если госпожа Харфлит ведьма, то уж, наверно, самая хорошенькая из всех, которых мы видели и о которых слыхали. Вы, Кромуэл, как всегда, требуете непомерно много.

— Умоляю вашу милость еще о минуточке терпения. Здесь имеется человек, который может доказать их невиновность: вот этот рыжеволосый Болл.

— Как? Тот, что похвалил наш удар? Хорошо, Болл; раз уж ты такой удалец, мы тебя выслушаем. Доказывай, но покороче.

— Теперь все пропало,— шепнула Эмлин Сайсели.— Болван Томас наверняка посадит нас в лужу.

— Ваша милость,— произнес Томас своим мощным голосом.— Повинуюсь вам и скажу лишь три слова: чертом был я.

— Черта с два ты им был! Как тебя понимать?

— Ваша милость, в Блосхолме пошаливала нечистая сила, а шалости-то были мои.

— А как же иначе, раз ты там жил?

— Сейчас я покажу вашей милости.— И, без лишних слов, к величайшему ужасу Сайсели, Томас высыпал из мешка все предметы своего адского облачения и принялся одеваться. Так как в этом деле он хорошо напрактиковался, не прошло и минуты, как на нем уже была устрашающая маска вместе с рогами и шкурой козла вдовы Джонсон, в руке он вертел трехзубую острогу с укороченной рукояткой. В этом одеянии он принялся выделывать разные штуки перед изумленными королем и королевой, помахивая хвостом, в котором прота была проволока, и стуча копытами по полу.

— О, отличный черт! Замечательный черт! — вскричал его величество, хлопая в ладоши.— Повстречайся ты мне, я бы пустился наутек, что твой заяц. Слушай, Джен, загляни-ка в ту дверь и скажи мне, что за народ там собрался.

Королева повиновалась и, вернувшись, сказала:

— Там дожидаются аудиенции епископ со священником, но какой, не разобрала — становится темно,— и с капелланом, а также всякие лорды королевского Совета.

— Прекрасно. Испытаем на них черта — они же мастера укрощать дьявола. Друг сатана, подойди к этой двери, незаметно проскользни в нее, а там бросайся в самую толпу, кричи и гони их сюда, так чтобы мы уви-

дели, у кого из них хватит храбрости усмирить тебя. Понял, Вельзевул?

Томас кивнул своими рогами и исчез бесшумно, как кошка.

— Теперь откройте двери и становитесь все на одну сторону.

Кромуэл повиновался, и долго ждать не пришлось. Из соседней залы донесся ужасающий многоголосый вопль, затем в комнату через открытую дверь ворвался задыхающийся епископ, за ним лорды, капелланы, секретари и, наконец, священник; толстый, запутавшийся в своем облачении, он не мог так быстро бежать, хотя за его спиной скакал и завывал сам сатана. Все они никакого внимания не обратили на его королевское величество или на кого-либо другого: мчась через комнату к противоположной двери, они думали только о том, как бы поскорее улепетнуть.

— Замечательно, великолепно! — гремел король, трясаясь от хохота. — Коли их вилами, черт, коли!

И Болл, получив королевский приказ, усердствовал всю.

В полминуты все было кончено. Толпа налетела и пронеслась, только Том в своем устрашающем одеянии стоял, склонившись перед королем.

— Спасибо, Томас Болл, — вскричал тот, — ты насмешил меня так, как я уже много лет не смеялся! Понятно, что твою хозяйку осудили как ведьму. А теперь, — добавил он другим тоном, — довольно шутовства. Вы, Кромуэл, разыщите кого-нибудь из этих болванов и растолкуйте, в чем дело, пока по всему дворцу не пошли рассказы. Джен, перестань хохотать, всему свое время. Подойдите, леди Харфлит: мне надо с вами поговорить.

Сайсели приблизилась и низко присела перед королем, оставив уснувшего ребенка на руках у королевы, ибо та, видимо, и не думала с ним расставаться.

— Вы требуете от нас многого, — внезапно произнес он, испытующе глядя на нее, — и полагаетесь, несомненно, или на то, что обиды, вам причиненные, велики, или на свою привлекательную внешность, или и на то и на другое вместе. Что ж, все это, быть может, трогает королей больше, чем кого-либо другого. К тому же я знал старого сэра Джона, вашего батюшку: он был честный

и храбрый человек, отлично дрался при Флоддене.¹ Да и молодой Харфлит, ваш супруг, если он еще жив, с честью носит имя своих предков. Вдобавок недруг ваш, Мэлдон, является также и нашим врагом — чужеземная змея, предатель, из тех, кого вся Англия ненавидит, потому что они хотят видеть ее под пятой Испании.

Так вот, госпожа Харфлит, наверное, выйдя от нас, вы разнесете повсюду странные рассказы о короле Гарри² и его поведках. Вы станете говорить, что он вальет дурака, швыряет в своих слуг чернильницами, приходя в гнев (видит бог, у него для этого часто бывают основания), и натравливает на своих епископов ряженных чертей (а почему бы и нет, когда мир полон остолопов?). Вы также скажете, что он действует по указке своих министров и подписывает все, что ему подсовывают, не особенно заботясь о том, чтобы выяснить, где там правда, а где ложь. Что ж, такова участь властителей, ибо даже у них лишь одна голова и ровно столько времени, сколько отпущено одному человеку, ибо они вынуждены доверяться слугам, пока те не превращаются в господ, и тогда остается только одно, — тут лицо его приняло свирепое выражение, — уничтожать их и заводить других, еще хуже. Новые слуги, новые жены, — при этих словах он взглянул на Джен, которая не слушала, — новые друзья, причем и те, и другие, и третьи изменяют, новые враги, а под конец итог всему подводит старуха смерть. Такова была участь всех владык мира, начиная с царя Давида, и так, я думаю, всегда будет.

Он замолк и ненадолго погрузился в мрачное раздумье, затем поднял глаза и продолжал:

— Не знаю, зачем я говорю все это такому ребенку, как вы. Впрочем, вы ведь, несмотря на свою молодость, хлебнули горя, и на душе у вас не легко. Да, да, о вас и о вашем деле я слышал больше, чем вы предполагаете, и память у меня хорошая — это уж моя особенность. Госпожа Харфлит, вы на самом деле богаче, чем признались, по данному вам совету, и, повторяю, просите меня о многом. Правосудие государи творить обязаны, и вы

¹ Флодден — селение в Северной Англии, близ которого в 1513 году английские войска одержали победу над шотландцами.

² ...о короле Гарри... Гарри — уменьшительное от Генрих.

его получите. Но обширные земли аббатства и земли Блосхолмской обители, которые вы хотели бы вернуть вашим приятельницам монашкам, общее прощение тем, кто, вступившись за вас, пролил кровь, отмена без соблюдения законной формы приговора, вынесенного правомочным трибуналом, хотя бы даже этот приговор и был неправильным,— все это за один лишь заем ничтожной суммы — тысячи фунтов? Вы хорошо соблюдаете свою выгоду, леди Харфлит; можно подумать, что отцом вашим был какой-нибудь барышник, а не суровый Джон Фотрел, так ловко вы торгуетесь со своим королем, когда он в нужде.

— Государь, государь,— прервала его вконец смущенная Сайсели,— у меня больше ничего нет; земли мои разорил аббат Мэлдон, дом моего мужа сожжен его солдатами, а целый годовой доход с моего имущества, если я его все-таки получу, обещан...

— Кому?

Она колебалась.

— Кому? — загремел он. — Отвечайте, сударыня.

— Комиссару вашего королевского величества, доктору Ли.

— А, так я и думал, хотя, рассказывая о вас, гнусный мошенник об этом умолчал.

— Драгоценности, доставшиеся мне от матери, заложены за ту самую тысячу фунтов, а больше у меня нет.

— Очевидная ложь, госпожа Харфлит, ибо чем же вы платили Кромгуэлу? Даром он вас сюда не привел бы.

— О государь, государь,— вскричала Сайсели, падая на колени,— не требуйте от беспомощной женщины, чтобы она предала тех, кто помог ей в ее правом деле и в самой горькой нужде! Я сказала, что у меня ничего нет, разве что эти драгоценности стоят дороже, чем мне самой известно.

— Верю, госпожа Харфлит. Хорошо мы все вас обчистили — не так ли? Но, может быть, в конце-то концов вы в проигрыше не останетесь. Ну, а мастер Смит работает ведь не за одно только спасибо?

— Государь, — сказал Джекоб, — это правда; я подражаю своим господам. Драгоценности этой леди у меня в закладе, и я надеюсь кое-что заработать. Однако, ваше величество, среди них имеется розовая жемчужина ред-

кой красоты, и, может быть, королеве было бы приятно носить ее. Вот она.— И он положил жемчужину на стол.

— О, какая прелесть! — сказала Джен. — Никогда еще я ничего подобного не видела.

— В таком случае рассматривай получше, женушка, ибо ты видишь ее в последний раз. Когда нам нечем платить своим солдатам, чтобы удерживать на голове корону и охранять свободу Англии от испанцев и римского папы, не время дарить тебе камни, которых я не купил. Возьмите эту драгоценность, мастер Смит, и продайте ее за ту сумму, которую можно будет выручить у евреев; сумму же эту добавьте к полученной мной тысяче фунтов, удержав в свою пользу одну десятую за труды. Итак, госпожа Харфлит, вы купили благоволение короля, и это святая правда, ибо, в отличие от многих других, я никогда не лгу. А, вот и Кромуэл. Милорд, вы не торопились.

— Ваша светлость, тот священник едва не помешался от страха и воображает, что попал в ад; мне пришлось обождать, пока не явился врач.

— Теперь, когда вы ушли, он наверняка почувствует себя лучше. Бедняга, если ряженный черт так напугал его, что он будет делать, когда ему придется иметь дело с настоящими? Так вот, Кромуэл, я обдумал это дело и подпишу ваши бумаги, все до единой. Госпожа Харфлит рассказала мне, как вы постарались для нее, и притом задаром. Я очень доволен, Кромуэл, потому что порою удивлялся — как это вы богатеете, подобно вашему учителю Уолси? А он-то брал взятки, Кромуэл!

— Государь, — ответил тот тихим голосом, — с миледи поступили жестоко, и это вызвало во мне жалость!..

— Так же как и в нас, причем мы разбогатели на тысячу фунтов и на стоимость одной жемчужины. Ну как, все пять документов подписаны? Возьмите их, мастер Смит, поскольку леди Харфлит ваша клиентка, и тщательно проверьте сегодня вечером. Если окажется какая-нибудь ошибка или упущение, даю вам свое королевское слово — все будет исправлено. Вот наш приказ — заметьте себе, Кромуэл, когда наступит момент осуществить на деле все, о чем здесь идет речь касательно прощений, пожалований и восстановлений в правах, — осуществлено это должно быть незамедлительно.

Под бумагами вы и свою подпись поставьте здесь же, при мне. Никаких поборов ни в открытую, ни тайно никому больше не дозволяется взимать ни с леди Харфлит, каковую отныне, в знак особой нашей милости, мы жалует и именуем владительницей Блосхолма, ни с ее супруга или сына. Комиссар Ли обязан под соответственную расписку внести в нашу казну всю сумму или суммы, которые могла ему посулить указанная госпожа Харфлит. Запишите все это, милорд Кромуэл, и проследите за тем, чтобы слово мое было выполнено, я с вас спрошу.

Вельможа поспешно повиновался, ибо во взгляде короля он прочел нечто, нагнавшее на него страх. Королева же, увидев, как вожденная жемчужина исчезла в кармане Джекоба, вернула ребенка Сайсели и, не сказав королю на прощанье ни слова и даже не поклонившись, вышла в сопровождении своей фрейлины из комнаты и хлопнула за собой дверь.

— Ее милость гневается из-за того, что эта жемчужина, ваша жемчужина, леди Харфлит, ей не досталась,— сказал Генрих, добавив с сердитым ворчанием: — Клянусь богом! Как смеет она куражиться надо мною, когда я весь поглощен куда более важными делами! Ого, Джен Сеймур нынче королева и желает, чтобы об этом знал весь свет. Ну, а что превращает женщину в королеву? Прихоть короля и золотая корона на голове, а корону может снять та же рука, которая надела ее, да еще с головой и всем прочим в придачу, если так просто не снимется. И где тогда королева? Чума на всех баб и на все, что заставляет нас к ним тянуться! Госпожа Харфлит, вы, надеюсь, со своим супругом так обращаться не станете? Вы ведь никогда не были при дворе иначе я бы вас помнил. Что ж, может быть, так для вас лучше, и именно потому-то вы и остались милой и кроткой.

— Если я кротка, государь, то этому научило меня горе; я ведь много страдала и даже теперь еще не знаю, жена я или вдова, а с мужем прожила всего одну неделю.

— Вдова? Если вы овдовели, то приходите ко мне, и я найду вам супруга еще познатнее вашего. С такой внешностью и состоянием, как у вас, это будет нетрудно. Ну, не плачьте, я верю, что этот счастливец жив и воз-

вратится порадовать вас и послужить своему королю. И, во всяком случае, надеюсь, что он не станет орудием Испании и папистским интриганом.

— Если бог даст, он будет так же верно служить вашей милости, как служил мой убитый отец.

— Мы знаем это, леди. Вы когда-нибудь кончите марасть бумагу, Кромуэл? Предстоит еще заседание совета, а потом надо поужинать и сказать на сон грядущий два слова ее милости. Ты, Томас Болл, не дурак и умеешь держать в руке меч. Посоветуй-ка: идти мне самому на север усмирять мятежников или оставаться здесь и поручить это дело другим?

— Оставайтесь здесь, ваша милость,— поспешил ответить Томас.— Между Уошем и Хомбером местность зимою дикая, стрелы там летают, как утки в ночи, и никому не ведомо, откуда они пушены. К тому же милость ваша тяжеловаты для верховой езды по лесам и болотам, а случись беда, в Испании и Риме, а то и поближе многие обрадуются; и кто будет править Англией, когда на престол сядет девочка? ¹ — С этими словами он многозначительно усталился на спину Кромуэла.

— Наконец-то я из уст рыжего мужика услышал правду, — пробормотал король, тоже взглянув на невозмутимого Кромуэла, который продолжал писать, прикинувшись глухим либо действительно ничего не слыша.— Томас Болл, я сказал, что ты не дурак, хотя многие и считали тебя таковым. Может быть, ты хотел бы чего-нибудь попросить в награду за свой совет — только не денег, у нас их нет.

— Так точно, государь; освободите меня от обетов, которые я дал как батрак Блосхолмского аббатства, и разрешите мне вступить в брак.

— В брак? А с кем?

— С ней, государь.— И он указал на Эмлин.

— Что? С другой красивой ведьмой? Ты разве не видишь, что она с норовом? Молчи, молчи, баба, это по лицу твоему видно. Хорошо, получай свою свободу и ее в придачу, но почему, Томас Болл, ты не попросил чего-

¹ ...на престол сядет девочка.— В то время у Генриха VIII были две дочери: от брака с Екатериной Арагонской — Мария (род. в 1516 г.) и от брака с Анной Болейн — Елизавета (род. в 1533 г.).

нибудь другого, раз представился случай? Я был о тебе лучшего мнения. Но ты оказался не умнее всех прочих. Прощай, дурачина Томас, прощайте и вы, прекрасная леди Блосхолма.

ГЛАВА XVI

Голос в лесу

После того как к документам была приложена печать, все четверо благополучно возвратились домой, в Чипсайд, в сопровождении трех солдат, которых им дали для охраны.

— Ну как, хорошо было сделано, хорошо? — спросил Джекоб, потирая руки.

— Кажется, да, мастер Смит, — ответила Сайсели. — Благодаря вам, разумеется, если все, что сказал король, действительно стоит в документах.

— Там все в полном порядке, — сказал Джекоб. — Знайте, что я сам с помощью стряпчего и трех писцов составил их сегодня в канцелярии лорда Кромуэла; и уверяю вас, я не стеснялся. Мы основательно поработали, даже обедать не пошли, вот почему я и опоздал на десять минут, за что мне так досталось от Эмлин. Однако я опять перечту документы, и, если хоть что-нибудь опущено, мы выправим, хотя вообще это те самые пергаменты, — я на них поставил никому не заметные знаки.

— Нет, нет, — возразила Сайсели, — пусть остается как есть. Может, изменится настроение его милости или же королевы из-за этой жемчужины.

— Ах, жемчужина! Жалко мне было расставаться с такой красивой жемчужиной. Но ничего не поделаешь, придется ее продать, а деньги пойдут королю — этого требует честь. А если бы я отказал, кто знает, как обернулось бы дело? Да, надо бога благодарить: хоть мы и пожертвовали большей частью ваших драгоценностей, зато нам достались земли аббатства и кое-что другое. Ничто не забыто. С Болла сняли рясу, и он может жениться; кухня Стоуэр получила мужа.

До этого момента Эмлин, ко всеобщему удивлению, молчала. Но тут ее словно прорвало.

— Что я, скотина, чтобы меня отдавать по приказу короля этому человеку? — вскричала она, указывая

пальцем на Болла, стоявшего в углу комнаты.— Кто дал тебе право, Томас, свататься ко мне?

— Раз уж ты спрашиваешь Эмлин, так я отвечу: ты сама. Один раз, много лет назад, — у речки на лугу, а второй — недавно в часовне Блосхолмской обители, перед тем как я стал разыгрывать черта.

— Разыгрывать черта! Да, ты и меня здорово разыграл. Битый час, а то и больше я стояла перед лицом короля и словечка не смогла вымолвить, в то время как все кругом разговаривали, а под конец дождалась, что его милость назвал меня бабой с норовом, а тебя дураком за то, что ты хочешь на мне жениться. О, если мы и поженимся, я уж постараюсь доказать тебе, что он был прав.

— Коли так, Эмлин, то, пожалуй, нам с тобой, так долго жившим в разлуке, лучше и не сходиться, — спокойно ответил Томас. — Но не понимаю, почему ты разъярилась: из-за того, что тебе пришлось в течение какого-то часа придержать свой язык на привязи, или из-за того, что я по-благородному попросил тебя в жены? Я как мог поработал для тебя и твоей госпожи, не щадя себя, и дело не так уж плохо обернулось: мы от всего очистились и твердо стоим на пути к миру и благоденствию. Если ты недовольна, значит, король прав: я последний дурак, и потому — до свидания, не стану больше докучать тебе ни в радости, ни в беде. Мне дано разрешение жениться, и я найду других женщин на белом свете, если захочу.

— И червяк взъерепенится, если на него наступишь, — как бы про себя произнес Джекоб.

Эмлин же разразилась слезами.

Сайсели подбежала утешать ее, а Болл сделал вид, будто собирается уходить. В это мгновение с улицы постучали в дверь и раздался чей-то голос:

— Именем короля! Именем короля, отворите!

— Это комиссар Ли, — сказал Томас. — У него и я научился этому возгласу, очень полезному в тяжелую минуту, как, наверно, кое-кто из вас помнит.

Эмлин отерла рукавом слезы, Сайсели села, а Джекоб рассовал пергаменты по карманам, после чего в комнату ворвался комиссар, которому кто-то открыл.

— Что я слышу? — закричал он, обращаясь к Сайсели. Лицо его побагровело, как мясистые наросты на

голове и шее рассерженного индюка.— Вы, оказывается, действовали за моей спиной; оклеветали меня перед его королевской милостью, и он назвал меня негодяем и вором и велел мне внести в казну все, что я должен от вас получить! Какая неблагодарность! Напрасно спасал я вас от костра, раз вы меня так опозорили.

— Вы столько пыли и жару принесли в мой убогий дом, ученнейший доктор, что теперь-то мы, пожалуй, действительно сгорим,— успокоительным тоном произнес Джекоб.— Леди Харфлит сказала лишь то, что вынудил ее сказать его величество; я присутствовал при этом и могу подтвердить. К тому же вы повсюду так много набрали, что вам ничего не стоит уделить какую-то малость казне. Ну, ну, выпейте кубок вина и успокойтесь.

Однако доктор Ли, который и без того уже осушил немало кубков вина, не в состоянии был успокоиться. Он принялся поносить всех присутствующих одного за другим, но особенно досталось Эмлин, которую он объявил главной виновницей всех своих бед; под конец он даже обозвал ее очень уж плохим словом. Тогда вперед выступил Томас Болл, до этого момента безмолвно стоявший в стороне, и схватил его за шиворот.

— Именем короля! — сказал он. — Нет, нет, теперь не взыщите, это ведь ваш возглас, и вы сами дали мне право действовать с его помощью.— С этими словами Томас хватил доктора Ли головой о дверную притолоку.— Именем короля, вон отсюда!— И он дал ему такого пинка, какого королевский комиссар дотоле еще не получал и от которого кубарем покатился к входной двери.— В третий раз именем короля! — И тут он вышвырнул доктора Ли во двор.— Убирайтесь и запомните, что если я еще раз увижу вашу дурацкую рожу, то именем короля сверну вам шею.

Таким образом ревизор Ли навсегда скрылся с глаз Сайсели, хотя в положенное время она уплатила ему сумму, равную годовому доходу с ее имуществу, не поинтересовавшись, впрочем, узнать, кто этими деньгами воспользовался.

— Томас, — сказала Эмлин, когда Болл вернулся к ним, еще улыбаясь при мысли о славном прощальном ударе,— король был прав: я временами бываю норовиста, и это не плохо, так как не раз помогало мне.

Забудь все, и я тоже забуду.— С этими словами она подала ему руку, которую он поцеловал, а затем пошла позаботиться об ужине.

Когда они ели, притом с большой охотой, ибо сильно проголодались, снова раздался стук в дверь.

— Пойди, Томас, — сказал Джекоб, — и скажи, что мы сегодня никого не принимаем.

Томас пошел открывать, и они услышали, как он с кем-то разговаривает. Вскоре, однако, он вернулся, а за ним шел человек, закутанный в плащ.

— Пришел посетитель, которому я не смею отказать, — сказал Томас, и все встали, вообразив ни с того ни с сего, что это сам король, а не человек в то время почти столь же могущественный, — лорд Кромуэл.

— Простите меня, — сказал Кромуэл, кланяясь с обычной своей учтивостью, — и, если на то будет ваша милость, разрешите мне сесть вместе с вами за стол и перекусить чего-нибудь; я в этом очень нуждаюсь, так как сегодня крепко поработал.

Он сел к столу, ел и пил, благодушно беседуя о том о сем, причем рассказал, что на заседании совета король изменил свое решение и не отправится на север усмирять мятежников, а пошлет герцога Норфолькского с другими лордами. По мнению Кромуэла, на короля повлияли очень запомнившиеся ему слова Томаса Болла. Кончив есть, он отодвинул кубок, тарелку, взглянул на хозяев и сказал:

— А теперь к делу. Миледи Харфлит, счастье вам нынче улыбнулось, ибо вы получили все, о чем просили, а это весьма удивительно, принимая во внимание, в каком настроении находился его королевская милость. Вдобавок, должен вас поблагодарить за то, что вы не ответили на некий вопрос обо мне лично, хотя, говорят, король очень настаивал на ответе.

— Милорд, — сказала Сайсели, — вы же оказали мне большую услугу. Хотя, бог знает, как бы все обернулось, если бы он продолжал требовать ответа. Комиссар Ли не очень-то меня поблагодарил. — И она рассказала Кромуэлу об их недавнем госте и о том, как кончилось это посещение.

— Грубый и жадный человек, который теперь, без сомнения, будет для вас врагом, — ответил Кромуэл. —

Впрочем, вы никак не могли поступить иначе — против рожна не попрешь. Во всяком случае, пока я нахожусь у власти, вашей верности не забуду, хотя, по правде говоря, миледи Блосхолм, держусь я на волоске, а подомной — бездна, поглотившая уже немало людей и покрупнее меня¹. Поэтому — не стану отрицать — я и стараюсь отложить кое-что на черный день, пока могу, хоть и не знаю, удастся ли мне самому этим воспользоваться.

Он призадумался, а затем, вздохнув, продолжал:

— Времена сейчас смутные. Так что вы, хоть вам и обещано богатство, можете умереть нищей. Земли Блосхолмского аббатства, на которые вы получили нерушимую грамоту, еще не в руках короля, и он не может передать их вам. На севере поднялась великая буря, и, говорю это не для разглашения, ярость ее может смести Генриха с престола. Если это случится, вам надо будет скрыться в такие места, где вас никто не знает, ибо после того, что сегодня произошло, единственным вашим наследством будет тогда веревка. Кроме того, нынешняя королева, в противоположность покойной Анне, сочувствует церковникам² и, хоть она и делает вид, что не придаст значения таким вещам, из-за жемчужины сердита на короля, а также и на вас как владелицу жемчужины. Не осталось ли у вас какой-нибудь драгоценной вещи, которую вы могли бы дать мне для передачи ей? Что же касается самой жемчужины — кстати, когда мастер Смит показывал мне другую такую же, он, помнится, клялся, что подобной нет в целом свете, — ее надо продать, согласно королевскому повелению. — И тут он не очень-то ласково взглянул на Джекоба.

Сайсели сказала Джекобу несколько слов; тот вышел и вскоре возвратился, держа в руках брошь с крупным алмазом, окруженным пятью небольшими рубинами.

— Примите это вместе с моей глубокой благодарностью, милорд, — произнесла Сайсели.

— Отлично, отлично. О, не бойтесь, королева полу-

¹ ...держусь я на волоске... — Кромуэл уже предчувствовал свою близкую опалу; в 1540 году он был казнен.

² ...нынешняя королева, в противоположность покойной Анне, сочувствует церковникам. — Речь идет об Анне Болейн и Джен Сеймур — второй и третьей женах Генриха VIII.

чит брошь,— я сам в этом заинтересован не меньше вас. Вы мудро поступаете, леди Харфлит, когда даете за-благовременно. Но и у меня есть для вас подарок, кото-рый, может быть, придется вам больше по сердцу, чем драгоценные камни. Ваш супруг, Кристофер Харфлит, в сопровождении слуги, прибыл в Англию и сошел на берег где-то на севере, живой и невредимый.

— О милорд! — вскричала она. — Где же он сейчас?

— Увы! Конец моего сообщения не столь приятный, ибо, отправившись дальше, кажется из Гуллы, он был взят в плен мятежниками и заключен в Линкольне: он ведь знатного рода и они хотели бы завербовать его в свои ряды. Но, будучи человеком рассудительным и верным, он ухитрился переслать письмо командующему королевскими войсками, и сегодня вечером его доста-вили мне. Вот оно — узнаете почерк?

— Да, да,— с трудом выговорила Сайсели, не опу-скаая глаз с клочка бумаги, покрытого каракулями, при-том не очень грамотными, ибо Кристофер не отличался ученостью.

— Так я вам прочту его, а потом мы сделаем копию, и я заверю ее, чтобы вещественных доказательств у нас было больше.

Командующему королевскими войсками под Лин-кольном.

Пишу, дабы вы, его королевская милость, министры короля и все прочие знали, что мы — Кристофер Хар-флит, дворянин, и Джефри Стоукс, его слуга, — выехав из порта, в который прибыли из Испании, были захва-чены вооруженными мятежниками, восставшими против короля, и доставлены в Линкольн. Эти люди хотели бы завербовать меня в свои ряды, так как род Харфлитов — сильный и знаменитый. Они грозились нас убить, и мы вынуждены были дать им какую-то присягу. Но мое письмо пусть явится доказательством, что я сделал это лишь с целью сохранить жизнь, а сердце у меня к ним не лежит, я верен королю и плохо понимаю, чего они хотят. Да и сама по себе жизнь мне не дорога, так как я потерял свою жену и свое достояние и всё вообще. Но умирать не хочу, пока не отомстил злодею и убийце, блосхолмскому аббату, а потому стараюсь сохранить жизнь и убежать от них.

Слышал я, что означенный аббат собрал большое войско и находится в пятидесяти милях отсюда. Молю бога, чтобы он не допустил меня снова попасть к аббату в когти, но ежели это случится, передайте королю, что Харфлит умер как человек верный.

*Кристофер Харфлит
Джефри Стоукс приложил палец.*

— Милорд,— спросила Сайсели, — что же мне теперь делать, милорд?

— Ничего нельзя пока сделать, только надеяться на бога и на лучший исход. Не сомневаюсь, что ему удастся бежать, но, во всяком случае, его королевская милость завтра же утром увидит это письмо и, если окажется возможным, пошлет приказ помочь ему. Перепишите письмо, мастер Смит.

Джекоб взял письмо и принялся быстро писать, а Кромгуэл сидел и думал.

— Слушайте,— произнес он наконец.— Вокруг Блосхолма мятежников нет,— все они перебрались на север. Имена Фотрел и Харфлит в Блосхолме хорошо известны. Не могли бы вы отправиться туда и набрать отряд добровольцев?

— Да, да, я могу это сделать,— вмешался Болл.— За неделю я наберу под свою команду добрую сотню человек. Дайте миледи полномочия и денег, а меня назначьте командиром и сами увидите, что будет.

— Полномочия и назначение, скрепленные королевской печатью, будут доставлены сюда завтра в девять утра,— ответил Кромгуэл.— Деньги вы должны раздобыть сами— они имеются только в сундуках Джекоба Смита. Но обдумайте все хорошенько, леди Харфлит,— дело опасное, а здесь вам ничто не грозит.

— Я знаю, что дело опасное,— ответила она,— но что для меня опасность— я их уже столько пережила,— когда мой муж там и я могу помочь ему?

— Вы сильны духом, и я надеюсь, что силы эти даны вам свыше,— заметил Кромгуэл.

Но старый Джекоб, заканчивая свою копию словами «с подлинным верно», под которым Кромгуэлу оставалось только ~~поставить~~ подпись, грустно покачал головой.

Не медля ни минуты и даже не сверив оба документа, Кромгуэл подписал копию, сказал на прощанье несколько

любезных слов и ушел, так как его ждали куда более важные дела.

С тех пор Сайсели его никогда не видела. Впрочем, кроме Джекоба Смита, ей так и не пришлось увидеть никого из людей, в том числе и короля, связанных с этими обстоятельствами ее жизни. Все же, несмотря на его хитрость и вымогательства, ей стало жаль Кромгуэла, когда года четыре спустя герцог Суффолкский и граф Саутэмптон грубо сорвали с него орден Подвязки и другие знаки отличия, и из Королевского совета он был отведен в Тауэр, а оттуда, после унижительных молений о пощаде,— на плаху. Во всяком случае, ей он хорошо послужил, ибо исполнил все свои обещания до последнего. Напоследок он даже отослал ей обратно розовую жемчужину, полученную от Джекоба Смита, написав при этом, что, как он уверен, владеть такой вещью ей скорее подобает, чем ему, и он надеется, что она принесет ей больше счастья.

Когда Кромгуэл отбыл, Джекоб обратился к Сайсели и спросил, покинет ли она его дом завтра же.

— Разве я уже не сказала?— с раздражением спросила она.— Могу ли я оставаться в Лондоне после того, что узнала? Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо свести с вами счет. Я считаю, что за помещение и харчи вы должны мне около двадцати марок золотом. К тому же нам, вероятно, понадобятся деньги на дорогу, а сегодня у меня совсем не осталось звонкой монеты.

— Нам на дорогу? — переспросила Сайсели.— Разве вы поедете с нами, мастер Смит?

— Думаю, что с вашего разрешения поеду, леди. Здесь настало беспокойное время, у меня нет ни шиллинга для ссуд, а если я не буду ссужать, мне этого никогда не простят. К тому же я заслужил отдых и хотел бы перед смертью еще раз повидать Блосхолм, где родился, если, конечно, мы туда доберемся. Но если отправляться завтра, то у меня сегодня будет еще много дела. Так, например, надо спрятать в надежном месте ваши драгоценности, что у меня в закладе, надо сделать копии с этих документов и передать в верные руки жемчужину для продажи. В котором же часу отправимся мы в это безрассудное путешествие?

— В одиннадцать,— ответила Сайсели,— если к тому времени получим от короля пропуск и полномочия.

— Что ж, пусть так. А теперь пожелаю вам доброй ночи. Пойдем-ка со мною, достойный Болл, нам ведь спать не придется. Я сейчас позову своих писцов, а тебе надо позаботиться о лошадях. Вы же, леди Харфлит, и вы, кузина Эмлин, отправляйтесь почивать.

На следующее утро Сайсели поднялась с зарей и даже рада была этому, так как провела бессонную ночь. Долго не могла она заснуть, а когда наконец забылась, ее стало носить по морю сновидений: ей снились король, угрожающе говоривший что-то своим мощным голосом; Кромвелл, забиравший у нее все, вплоть до одежды; комиссар Ли, который тащил ее обратно на костер за то, что от него ускользнула данная ею взятка.

Но чаще всего видела она Кристофера, своего любимого мужа; теперь он был как будто бы близко, вместе с тем так же далеко, как прежде: он был пленником в руках мятежников и считал ее умершей.

От всех этих грез она очнулась заплаканная и истерзанная страхом. Неужели теперь, когда чаша радости почти у самых губ, судьба снова отнимет ее? Ничего нельзя было знать заранее, ибо помочь ей могла только вера, так хорошо послужившая ей недавно. Однако она была уверена, что если Кристофер жив, он проберется в Крануэлл или Блосхолм, и ей, невзирая ни на какие опасности, надо поскорее мчаться туда же со всей скоростью, на какую способны будут их кони.

Как могли, торопились они, собираясь в путь, но все же лишь к часу пополудни удалось им выехать из Чипсайда. Надо было столько сделать, но все же многое осталось недоделанным. Все четверо ехали в самой скромной одежде, выдавая себя за людей купеческого звания, возвращающихся в Кембридж после поездки в Лондон по делам о наследстве, в котором заинтересованы были все, но особенно Сайсели, изображавшая вдову, по имени Джонсон. Эту историю они и рассказывали всюду, внося в нее те или иные изменения, смотря по обстоятельствам. На обратном пути им было легче, чем по дороге в столицу, ибо сейчас, по крайней мере, они не находились в гнусном обществе комиссара Ли и его людей, не тревожила их и мысль о том, что они везут с собой ценные вещи. Все эти украшения остались в надежных местах, рав-

но как и документы, подписанные королем и скрепленные его печатью, — с собой они взяли только заверенные копии, а также полномочия на сбор отряда, присланные Кромуэлом и выданные на имя Сайсели и ее мужа, и грамоту, назначавшую Болла командиром. Документы были спрятаны у них в обуви и под одеждой вместе с деньгами, необходимыми на дорожные расходы.

Имея отличных, неутомленных лошадей, они ехали быстро и к концу второго дня благополучно прибыли в Кембридж, где и заночевали. Там им сообщили, что за Кембриджем повсюду очень беспокойно и путешествовать опасно. Но в тот момент, когда они пришли в полное отчаяние и даже Болл заявил, что дальше ехать нельзя, прибыл отряд королевских конников, который двигался в том же направлении, что и они, на соединение с войсками герцога Норфолькского, действовавшими где-то в Линкольншире.

Их командиру, по имени Джефрис, Джекоб показал королевские полномочия и открыл, кто они такие. Так как в полномочиях указывалось, что все офицеры и чиновники его величества должны оказывать им содействие, капитан Джефрис согласился дать им охрану до того места, где их пути разойдутся. Поэтому на следующий же день они смогли отправиться дальше. Общество, в котором они теперь находились, было не из приятных, ибо эта сотня вооруженных людей состояла из очень грубых парней. Будучи, однако, предупреждены, что каждый, кто оскорбит или хоть пальцем тронет путешественников, будет повешен, солдаты оставили их в покое. И хорошо было, что они смогли получить охрану, ибо местность, через которую они проезжали, кишела вооруженными отрядами под предводительством священников, которые не раз угрожали им и напали бы на них, если бы осмеливались.

В течение двух дней путешественники ехали вместе с капитаном Джефрисом и к вечеру второго — добрались до Питерборо, где нашли приют в гостинице.

Но наутро, когда они встали, оказалось, что Джефрис со своими людьми уже выступил, оставив им записку, что получил спешный приказ немедленно идти в Линкольн.

Теперь им опять пришлось рассказывать старую историю, но при этом объявлять себя бостонскими горожана-

ми, которые узнали, будто на Болотах спокойно¹, может быть, потому, что там живет так мало народу, и решили переехать туда под предводительством Болла, который не раз путешествовал в этих местах, покупая и продавая скот в монастырях. Трудно было ехать здесь, среди болот, особенно в сырую осеннюю погоду, так как во многих местах речки и ручьи вышли из берегов и проселочные дороги превратились в непроходимые топи. Первую ночь они провели в хижине местного жителя, прислушиваясь к шуму дождя и опасаясь лихорадки, особенно боялись за мальчика. На вторую ночь они, к счастью, выбрались в более возвышенную местность и переночевали в трактире.

Здесь к ним приходили суровые люди из партии церковников, чтобы выяснить, чего им нужно. Сперва положение казалось опасным, но Болл, говоривший на местном наречии, убедил мятежников, что нет причин опасаться людей, путешествовавших с двумя женщинами и ребенком. К этому он добавил, что сам является служителем Блосхолмского аббатства, переодетым в военное платье из страха перед сторонниками короля. А Джекоб Смит велел подать эль и выпил с мятежниками за успех Благодатного паломничества, как именовалось это восстание.

Таким образом, говоря то одно, то другое, они отводили от себя подозрения. Им удалось даже разузнать, что вокруг Блосхолма все спокойно, хотя, правда, настоятель укрепил аббатство и снабдил его провиантом. Сам он находился вместе с главарями мятежа неподалеку от Линкольна, но в монастыре все подготовил, чтобы иметь крепкое убежище, которое могло бы стать опорным пунктом.

Так что под конец, наполнив животы крепким пивом, мятежники удалились, и эта опасность миновала.

На следующее утро они выехали очень рано, надеясь к заходу солнца добраться до Блосхолма, хотя дни стали теперь гораздо короче. Однако это им не удалось, так как они основательно завязли в болоте милях в двух от своего трактира, а выбравшись из него, вынуждены были сделать порядочный крюк, чтобы объехать топи. Вот

¹ ...на Болотах спокойно.— Имеются в виду болотистые районы в графствах Кембриджшир и Линкольншир, где часто скрывались мятежники.

почему лишь к концу дня они добрались до леса, где аббат умертвил сэра Джона Фотрела. Проезжая вдоль лесной дороги, они к заходу солнца оказались у заводи, где он был убит.

— Говорят, что тут-то и зарезали твоего отца,— сказала Эмлин, ехавшая за Сайсели с ребенком на руках.— Смотри, вон там лежат кости Мег, его кобылы; я узнаю ее черную гриву.

— Да, леди,— вмешался Болл,— сам он лежит там, где погиб. Его зарыли, даже молитвы над ним не прочитав.— С этими словами он указал на небольшой, небрежно насыпанный холмик между двумя ивами.

— Иисусе, смилуйся над его душой! — молвила Сайсели и перекрестилась.— Клянусь, если буду жива, я перенесу его останки в блосхолмскую церковь и поставлю ему хороший памятник.

И она сделала это, в чем могут убедиться все посещавшие эти места, ибо памятник сохранился до наших дней. На нем изображен старый рыцарь; он лежит с торчащей в горле стрелой на снегу, между двумя убийцами, которых он, защищаясь, прикончил, а дальше, уже почти за гробницей, виднеется удаляющаяся фигура всадника — Джеффри Стоукса.

Пока Сайсели, шепча молитву за упокой души, смотрела на эту заброшенную могилу, Томас Болл услышал нечто, заставившее его насторожиться.

— Что там такое?— спросил Джекоб Смит, заметив, как изменилось выражение его лица.

— Мчатся во всю прыть кони, много коней, мастер,— ответил он.— Да, и на них всадники. Послушайте.

Все прислушались и теперь тоже услышали конский топот и крики людей.

— Живей, живей,— сказал Болл,— за мною! Я знаю, где мы сможем укрыться.— И он указал им дорогу к густой высокой поросли терна и бука, находившейся на расстоянии около двухсот ярдов под сенью нескольких высоких дубов у перекрестка, где сходились четыре проселочных дороги. Всякий садовод знает, что, когда буквые деревья еще молоды, листья их осенью и зимой словно присасываются к веткам. Вот почему эта поросль стала очень густой и могла совершенно укрыть их.

Едва успели они остановиться в своем укрытии, как

необычное зрелище предстало им в багряном свете заката. По дороге — не той, по которой ехали они, а другой, с противоположной стороны огибавшей Королевский курган, — то скрываясь за деревьями, то показываясь вновь, мчался на сером коне высокий всадник в доспехах и с ним другой — в кожаном камзоле на черной лошади, а за ним на расстоянии не более чем в сто ярдов показался разношерстный отряд преследователей.

— Бежавшие пленники и погоня, — пробормотал Болл, но Сайсели не обратила внимания на его слова. Во внешности всадника на сером коне почудилось ей нечто столь знакомое, что сердце едва не выпрыгнуло из ее груди.

Она нагнулась над головой своей лошади, глядя во все глаза. Теперь оба всадника почти поравнялись с их кустарником, и тот, что был в доспехах, обернувшись к своему спутнику, весело крикнул:

— Они отстают! Мы от них ускользнем, Джефри!

Сайсели увидела его лицо.

— Кристофер! — крикнула она. — Кристофер!

Еще мгновение — и они промчались бы мимо, но до Кристофера, ибо то был он, долетел звук этого голоса, который он так хорошо помнил. Взором, обостренным любовью и страхом, она увидела, что он задержал коня. Она услышала, как он что-то крикнул Джеффри, и тот ответил недовольным, встревоженным тоном. Они колебались, медлили на открытом пространстве перед порослью.

Кристофер попытался повернуть, затем увидел, что преследователи приближаются, и, когда они уже почти настигали его, с громким криком устремился вперед, чтобы опередить их. Слишком поздно! Оба всадника проскакали еще сотню ярдов вверх по косогору, но их окружили, и на гребне холма, видимо, завязалась схватка, ибо мечи так и засверкали в лучах заходящего солнца. Преследователи набросились на всадников, как свора псов

на загнанную лисицу. Все умчались вниз — скрылись из глаз.

Сайсели, обезумев, пыталась ринуться вслед за ними, но ее удержали.

Наконец все смолкло, и Томас Болл, спешившись, прокрался на дорогу. Минут через десять он возвратился.

— Все умчались, — сказал он.

— О, он погиб! — простонала Сайсели. — Это проклятое место отняло у меня и отца и мужа.

— А я думаю, что он жив, — ответил Болл. — Нет ни крови, ни признаков того, чтобы кого-то уносили. Он уехал верхом на своем коне. Но какое все же несчастье, что небу не угодно вразумить женщин и научить их молчать, когда следует!

ГЛАВА XVII

Жизнь или честь

День едва занимался, когда, наконец, измученные душевно и физически, Сайсели и ее спутники подъехали на своих спотыкающихся от усталости конях к воротам Блосхолмской обители.

— Дал бы бог, чтобы монашки находились еще здесь, — сказала Эмлин, державшая ребенка. — Если их выгнали и моя госпожа должна будет ехать дальше, я боюсь, что она не выдержит. Стучи сильнее, Томас: старик садовник глух как пень.

Болл повиновался и стучал так добросовестно, что вскоре решетка в воротах открылась и дрожащий женский голос спросил, кто там.

— Это сама мать Матильда, — сказала Эмлин и, соскочив с коня, подбежала к решетке и стала через нее разговаривать с настоятельницей.

Подошли другие монахини и общими силами открыли одну половину огромных ворот, так как садовник не смог или не захотел встать. Путешественники въехали во двор и, когда монахини поняли, что Сайсели действительно возвратилась, ее приняли с распростертыми объятиями. Но от усталости Сайсели едва могла произнести хоть одно слово, поэтому ее заставили выпить чашку молока и отвели в их прежнюю комнату, где она

тотчас уснула. Проснулась она около девяти и увидела, что Эмлин, выглядевшая немногим лучше ее, уже встала и разговаривает с матерью Матильдой.

— О,— вскричала Сайсели, когда вспомнила обо всем,— не слышно ли чего-нибудь о моем муже?

Они покачали головой, настоятельница сказала:

— Сперва, дорогая, ты должна поесть, а потом мы сообщим тебе то немногое, что удалось узнать.

Она поела, так как ей необходимо было подкрепить силы, и, пока Эмлин помогала ей одеваться, узнала все новости. Их было действительно немного — лишь подтверждение того, что сообщили жители Болот, а именно, что аббатство укреплено и охраняется пришельцами-мятежниками с севера или иностранцами, а сам настоятель, видимо, уехал.

Болл, который уже выходил разведать положение, сообщил со слов одного встречного, что ночью через деревню промчался конный отряд, но никаких подробностей узнать не удалось, ибо даже если он действительно промчался ночью, ливень смыл все следы конских копыт. К тому же в то беспокойное время люди часто ездили в разные места под покровом темноты, и никто не мог сказать, имел ли этот отряд какое-нибудь отношение к тому, который они видели в лесу: тот ведь мог направиться совсем другой дорогой.

Когда Сайсели была готова, они сошли вниз и в комнате матери Матильды застали поджидавших их Джекоба Смита и Томаса Болла.

— Леди Харфлит,— сказал Джекоб с видом человека, не желающего терять даром времени,— положение таково. До сих пор никто еще не знает, что вы здесь,— садовника и его жену мы никуда не выпускаем. Но, как только в аббатстве об этом прослышат, можно будет опасаться нападения, а здесь обороняться невозможно. У вас же в Шефтоне дело обстоит иначе: там, говорят, имеется глубокий ров с подъемным мостом и все прочее. Поэтому вам нужно немедленно отправиться в Шефтон, если возможно — незамеченной. Томас уже ходил туда и говорил кое с кем из ваших арендаторов, кому можно было довериться; сейчас они работают вовсю, подготавливая помещение и снабжая его припасами, а также оповещают других. К ночи Томас надеется собрать человек тридцать вооруженных для защиты замка, а дня через три, когда

станет известно, что вам даны полномочия набрать войско, и он назначен командиром,— даже добрую сотню. Двинемся же в путь, медлить нельзя, лошади уже оседланы.

Сайсели расцеловалась с матерью Матильдой, которая благословила и поблагодарила ее за все, что она сделала или старалась сделать для сестер, и через пять минут все опять уже сидели на своих усталых конях и под дождем двинулись к Шефтону, который, к счастью, находился лишь на расстоянии трех миль от обители. Держась под деревьями, они выехали незамеченными, ибо в такую погоду никто на улицу не выходил, а если у ворот аббатства и стояли часовые, то они укрылись в сторожке. Так удалось им благополучно добраться до окруженного лесом и валом Шефтона, который Сайсели видела в последний раз, когда бежала оттуда в Крануэл в день своей свадьбы, а с тех пор — так казалось ее измученной душе — прошли целые годы.

Странное это и печальное возвращение в отчий дом, подумалось ей, когда они ехали через подъемный мост и мокнувший под дождем, заросший сорной травой сад к знакомой двери. Но в доме все обстояло не так уж плохо, ибо предупрежденные Боллом арендаторы поработали на славу. В течение более чем двух часов несколько женщин, пришедших по своей доброй воле, мели и чистили комнаты, в каминах горел огонь, а на кухне и в кладовой было вполне достаточно разных припасов. Более того, в большом зале собралось человек двадцать, которые приветствовали хозяйку радостными возгласами и подбрасывали вверх свои колпаки.

Джекоб тотчас же прочитал им королевскую грамоту, показав подпись и печать, а также назначение Томаса Болла командиром, предоставлявшее ему большие полномочия. Ознакомившись с этими документами, собравшиеся люди, давно уже лишенные предводителя и какой-либо защиты со стороны властей, видимо, ощутили прилив бодрости. Один за другим поклялись они твердо стоять на стороне короля, своей леди, Сайсели Харфлит, и ее супруга, сэра Кристофера; если же он погиб, то их сына. Затем около половины собравшихся сели на коней и разъехались в разные стороны — именем короля собирать вооруженный отряд. Остальные же остались охранять замок и обеспечить его защиту.

На закате со всех сторон стали съезжаться люди, причем некоторые из них везли на тележках провиант, оружие и корм для животных или гнали перед собою овец и рогатый скот для забоя на случай осады. По мере того как они подходили, Джекоб записывал их имена, а Томас Болл, по праву командира, приводил к присяге. В ту ночь в замке находилось уже человек сорок и должно было собраться еще много больше.

Однако теперь тайна оказалась нарушенной, весть о возвращении Сайсели разлетелась повсюду, да и дым из труб Шефтона сам за себя говорил. Сперва на возвышенности против замка появился один разведчик и стал наблюдать. Затем он ускакал и через час возвратился в сопровождении десятка вооруженных всадников, один из которых держал в руке знамя с вышитыми на нем эмблемами Благодатного паломничества. Всадники эти подъехали на сто шагов к Шефтон Холлу, видимо с намерением напасть, но, увидев, что мост поднят, а по обе стороны его стоят стрелки с луками наготове, остановились и выслали парламентаря с белым флагом.

— Кто вы там в Шефтоне,— прокричал этот человек,— и чье дело защищаете?

— Леди Харфлит, владелица Шефтона, и капитан Томас Болл — именем короля!— крикнул Джекоб Смит.

— По чьему указу?— спросил парламентар. — Владеет Шефтоном настоятель Блосхолма, а Томас Болл всего навсего брат-мирянин его монастыря.

— По указу его милости короля,— ответил Джекоб; и, повысив голос, он прочитал королевскую грамоту.

Выслушав, парламентар отъехал посовещаться с товарищами. Некоторое время они колебались, словно все еще собираясь атаковать, но под конец повернули обратно, и больше их не видели.

Болл намеревался преследовать их, собрав всех людей, что были у него под рукой, но осторожный Джекоб Смит воспрепятствовал этому, опасаясь, чтобы он не попал в какую-нибудь западню и не был убит или захвачен со своими людьми, оставив замок беззащитным.

Так прошел день, а к вечеру у них уже набрались такие силы, что можно было не опасаться нападения со стороны аббатства, чей гарнизон, как они узнали, состоял из пятидесяти солдат и всего нескольких монахов,— остальные бежали.

В тот вечер Сайсели с Эмлин и старым Джекобом сидели в большой верхней комнате, где сэр Джон Фотрел однажды застал ее в обществе Кристофера, как вдруг вошел Болл, а вслед за ним какой-то человек подозрительного вида, в куртке из овчины, которая к нему не очень шла.

— Это еще кто, дружище?— спросил Джекоб.

— Один мой старый товарищ, ваша милость, блосхолмский монах, которому надоела и благодать и паломничество и который жаждет королевского мира и прощения. Я взял на себя смелость обещать, что они будут ему дарованы.

— Хорошо,— сказал Джекоб,— я запишу его имя, и, если он останется нам верен, твое обещание будет исполнено. Но сюда-то ты зачем его привел?

— А он с новостями.

Что-то в голосе Болла побудило Сайсели, задумчиво сидевшую в сторонке, быстро взглянуть на пришельца и молвить:

— Говори, и живей.

— Миледи,— начал этот человек негромким голосом,— имя мое в иночестве Бэзил, и хоть я и монах, но бежал из аббатства, ибо верен королю и к тому же много натерпелся от настоятеля, который только что вернулся разъяренный: у Линкольна его постигла какая-то неудача, какая именно — не ведаю. Новость же моя состоит в том, что супруг ваш сэр Кристофер Харфлит и его слуга Джеффри Стоукс содержатся как пленники в подземной темнице аббатства; они захвачены были прошлой ночью отрядом мятежников, который доставил их в монастырь, а потом усакаал дальше.

— Пленники!— вскричала Сайсели.— Значит, он не убит и не ранен? Цел и невредим?

— Да, миледи, цел и невредим, как мышь в лапах у кошки, пока она еще не съедена.

Кровь отхлынула от лица Сайсели. Ей представился аббат Мэлдон в виде громадного кота с головой монаха, а в когтях у него — Кристофер.

— Это моя вина, моя! — произнесла она мрачным голосом.— О, не позови я его, он бы им не попался. Лучше мне было бы на месте лишиться языка!

— Не думаю,— ответил брат Бэзил.— Впереди его поджидали другие, и, когда он был схвачен, они уехали,

благодаря чему вам самим удалось проскочить. Как бы то ни было, но он сейчас там, и, если вы хотите спасти его, вам надо собрать все свои силы и ударить немедленно.

— Известно ли ему, что я жива?— спросила Сайсели.

— Откуда мне знать, леди? В темницах аббатства не многое разведаешь. Но монах, который утром приносил пленникам еду, говорил, что сэр Кристофер сказал ему, будто попал в беду из-за некоего призрака, окликнувшего его голосом покойной жены, когда он проезжал вблизи Королевского кургана.

Услышав это, Сайсели встала и вместе с Эмлин вышла из комнаты — больше она не в силах была выдержать.

Но Джекоб Смит и Болл еще долго расспрашивали монаха о самых разнообразных вещах и, разузнав все, что он мог им сообщить, отослали его, велев держать под стражей, а сами сидели почти до полуночи, совещаясь и вырабатывая свои планы совместно с фермерами и йоме-нами, которых время от времени вызывали к себе.

На следующий день рано утром они явились к Сайсели и сказали, что, по их мнению, правильнее всего было бы без промедления штурмовать аббатство.

— Но ведь там мой муж,— ответила она в полном смятении.— Они тогда убьют его.

— Боюсь, что это и случится, если мы не нападём на них,— ответил Джекоб.— К тому же, леди, по правде говоря, надо подумать и о другом. Например, о деле и чести короля, которые мы обязались защищать, о жизни и имуществе всех тех, кто благодаря нам встал на его сторону. Если мы будем бездействовать, аббат Мэлдон пошлет на север за помощью, и через несколько дней на нас обрушится многочисленное войско, против которого мы окажемся бессильными. Весьма возможно, что он уже послал. Но если мятежники узнают, что аббатство пало, они вряд ли явятся сюда лишь ради отмщения. Наконец, если мы будем сидеть сложа руки, то нашими людьми, которые сейчас так и рвутся в бой, снова овладеют сомнения и страхи, они поостынут и начнут расходиться.

— Что ж, если так надо, ничего не поделаешь. Да сохранит бог его жизнь,— с тяжким вздохом сказала Сайсели.

В тот же день королевские люди под водительством Болла выступили и со всех сторон обложили аббатство,

а лагерь свой раскинули в деревне Блосхолм. Сайсели, не пожелавшая остаться в замке, вышла вместе с ними и снова обосновалась в обители, которая по ее требованию открыла перед нею ворота. Единственный страж обители — глухой садовник — сдался без сопротивления. Его отправили в лагерь чернорабочим, и никогда еще не приходилось ему так много трудиться: Эмлиш, имевшая против него зуб, постаралась, чтобы работы у него хватало и чтобы она была погрязнее и потяжелее.

Томас и другие вместе с ним обследовали подступы к аббатству и вернулись, охваченные сомнением: без пушек — а их пока не было — мощное здание из тесаного камня казалось почти неприступным. Лишь в одном месте штурм представлялся возможным — с тыла, где когда-то находились сторожка и ферма, сожженные Томасом по желанию Эмлиш. Развалины стояли во внутреннем кольце рва и тесно примыкали к стене аббатства, но от сильного огня каменная кладка их растрескалась и осыпалась, а балки вывалились и упали в ров.

Для обеспечения обороны образовавшаяся брешь была закрыта двойным палисадом из крепких кольев, а пространство между ними заполнено связками хвороста, балками разрушенных строений и всяким мусором. Перед палисадом находился широкий и глубокий ров, а над ним окна и угловая башня, из которых его легко было защищать, так что идти здесь на приступ аббатства означало бы потерять очень много людей, и осаждающие не могли на это решиться. Однако от монаха Бэзила и других они узнали еще одну важную вещь, а именно, что запасов продовольствия в аббатстве на весь его гарнизон было слишком мало: Бэзил полагал, что дня на три, а по мнению других, уж никак не больше, чем на четыре.

В тот же вечер состоялся второй военный совет, на котором решено было взять аббатство измором, а на приступ идти лишь в том случае, если разведка донесет, что мятежники двинулись ему на помощь.

— Но, — возразила Сайсели, — в таком случае супруг мой и Джеффри Стоукс тоже умрут с голоду.

Все печально разошлись, заявив ей, что тут уж ничего не поделаешь — нельзя ради двух человек положить десятки жизней.

Началась осада, такая же, как та, которую Сайсели перенесла в Крауэл Тауэрсе. В первый день гарнизон

аббатства насмеялся над ними со своих стен. Но на второй — насмешки прекратились: осажденные увидели, что силы их противников с каждым часом увеличиваются. На третий — они внезапно опустили мост и бросились к нему, словно намереваясь сделать вылазку, но, увидев перед собою десятки воинов Болла с натянутыми луками, отказались от этой мысли и снова подняли мост.

— Они начали голодать и отчаиваться, — заметил рассудительный Джекоб. — Скоро мы получим от них известия.

Он оказался прав. Незадолго до захода солнца открылись боковые ворота, и какой-то человек, держа над головой белый флаг, бросился в ров и поплыл на противоположную сторону. Он выбрался из рва, отряхнулся и медленно двинулся туда, где на лужайке перед аббатством, на месте, куда не могли долететь стрелы осажденных, стояли Болл и обе женщины. Сайсели, ослабевшая от горя и страха за мужа, прислонилась к дубовому столбу, к которому она была в свое время прикована для сожжения на костре и который до сих пор не убрали.

— Кто этот человек? — спросила у нее Эмлин.

Сайсели взглядела в изможденного бородатого человека, направлявшегося к ним прерывающейся походкой больного.

— Не знаю; а впрочем, да, он чем-то напоминает Джеффри Стоукса!

— Это не кто иной, как Джеффри, — сказала Эмлин, кивнув головой. — Что-то он нам сообщит?

Не ответив ни слова, Сайсели только теснее прижалась к столбу; на сердце у нее было не легче, чем тогда, когда повар аббатства раздувал растопку, чтобы поджечь хворост. Теперь Джеффри стоял уже прямо перед ней. Взгляд его ввалившихся глаз упал на нее, и рот раскрылся от изумления, отчего лицо еще больше вытянулось и еще резче обозначились скулы.

— Ах, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — От всех этих боев и путешествий и трехдневной голодовки, когда еды у меня было меньше, чем хватило бы крысе, да к тому же от холодной ванны в ноябре — не говоря уже о том, что похуже, — в уме и вправду может помутиться. Но все же, подумать только, что мне довелось увидеть призрак среди бела дня, да еще у нас дома, в Блосхолме, где такого никогда не бывало!

Не спуская глаз с Сайсели, он выжал из бороды воду и добавил:

— Брат-мирянин или капитан Томас Болл, кто бы ты теперь ни был, если ты тоже не привидение, дай мне четверть крепкого эля и краюху хлеба, ибо в нутре у меня пусто, как у выпотрошенной селедки, и я, можно сказать, сейчас вознесусь к небесам, а предпочел бы все же стоять обеими ногами на нашей грешной земле...

— Джефри, Джефри,— прервала его Сайсели,— что ты сообщишь нам о своем господине? Эмлин, скажи ему, что мы обе живы. Он не понимает.

— О, так вы живы? — медленно произнес он.— Значит, вы не погибли от пожара и Эмлин тоже? Ну, раз так, каждый может надеяться; и, пожалуй, ни голод, ни нож аббата Мэлдона не прикончат Кристофера Харфлита.

— Значит, он жив и здоров?

— Жив и здоров, поскольку можно быть живым и здоровым и после трехдневной голодовки в подземной темнице, к тому же довольно-таки сыроватой. Вот тут имеется письмо по поводу всех этих дел к командиру вашего отряда.

Он развернул свой белый флаг и достал из складок его прикрепленное к флагу письмо, протянул его Боллу, а тот, не умея читать, передал письмо Джекобу Смиту. В это же самое время мальчик принес эль, о котором просил Джефри, а также поднос с кусками мяса и хлеба. Джефри набросился на них, как изголодавшийся пес, поглощая огромными глотками и эль и пищу, которую не трудился даже прожевывать.

— Клянусь всеми святыми, да ты, видно, чуть не помер с голоду, Джефри,— сказал один из стоявших тут же йоменов.— Пойдем-ка со мной и сбрось свою мокрую одежду, не то тебе станет худо.— И он увел Джефри, продолжавшего жевать, в ближайшую палатку.

Тем временем Джекоб, тревожно хмурия лоб, ознакомился с письмом, а затем прочел его вслух. Оно гласило:

Командиру воинов короля от Клемента, настоятеля Блосхолмского аббатства.

Мне неизвестно, по чьему указу осадили вы нас, грозя аббатству и его инокам огнем и мечом. Я прослышал, что предводительствует вами Сайсели Фотрел. Передай-

те же этой избежавшей костра ведьме, что в плену у меня находится человек, которого она именует своим мужем и который является отцом ее незаконнорожденного ребенка. Если в эту же ночь она не распустит свой отряд и не пришлет нам подписанный и засвидетельствованный документ, где мне и всем находящимся со мною от имени короля гарантируется прощение за все, что мы могли содействовать против него и его законов, а также против нее лично, и возможность свободно уйти, куда мы пожелаем, так, что при этом нам не станут препятствовать, и не будут нас преследовать, и не отнимут наших земель и движимого имущества, знайте, что завтра на заре мы предадим смерти рыцаря Кристофера Харфлита в наказание за убийства и другие преступления, которые он против нас совершил, и в доказательство этого вы увидите его труп, повешенный на башне аббатства. Если же вы примете наши условия, мы оставим его здесь невредимым, и вы найдете его, когда мы удалимся. Об остальном спросите его слугу Джеффри Стоукса, которого мы посылаем к вам с этим письмом.

Клемент, настоятель.

Джекоб кончил читать, и среди слушавших воцарилось молчание.

— Пойдемте отсюда и где-нибудь в четырех стенах обсудим это дело,— сказала Эмлин.

— Нет,— вмешалась Сайсели,— в отсутствие моего супруга я являюсь уполномоченной короля и требую, чтобы меня выслушали. Томас Болл, прежде всего пошли к аббату парламентаря с заявлением, что если хоть один волос упадет с головы сэра Кристофера Харфлита, каждого находящегося в стенах аббатства человека я предаю смерти от меча или веревки и лично буду отвечать за это перед королем. Напишите это, мастер Смит, и пошлите вместе с копией королевской грамоты, подтверждающей мои полномочия. Сейчас же, без промедления.

Они отправились в стоявший неподалеку домик, где Болл устроил караульное помещение. Там это суровое предупреждение было изложено на бумаге, переписано начисто, подписано Сайсели, а также Боллом, как командиром отряда, и Джекобом Смитом в качестве свидетеля. Бумагу вместе с копией королевской грамоты Сайсели

собственноручно передала смелому и верному человеку, поручив ему потребовать ответа; и он отправился в путь с белым флагом в руке и стальной кольчугой под стегаемым камзолом, чтобы обезопасить себя от предательского удара.

Когда он ушел, они послали за Джефри, который явился в сухой одежде и все еще жуя, ибо голод у него был волчий.

— Расскажи нам все,— сказала Сайсели.

— Если начинать с начала, то это будет длинная история, леди. Когда ваш блаженной памяти батюшка, сэр Джон, и я с ним выехали из Шефтона в день его гибели...

— Нет, нет,— прервала Сайсели,— с этим можно обождать, сейчас не до того. Мой супруг и ты бежали из Линкольна — не так ли?— и, как мы видели, были снова захвачены в лесу.

— Так точно, леди. Какой-то дух сыграл с нами шутку, позвал его вашим голосом; он услышал и придержал коня, тогда они нас догнали и захватили благодаря своему численному превосходству, но, по счастью, мы остались целы и невредимы. Нас привезли в аббатство и бросили в это окаянное подземелье, где в течение трех дней мы почти не получали пищи, только немного хлеба и воды, и подыхали с голоду в полной темноте. Вот и весь рассказ.

— А как ты вышел оттуда, Джефри?

— Да вот как, миледи. Около часу тому назад какой-то монах и три вооруженных стражника открыли дверь нашей тюрьмы. Пока мы моргали глазами на свет его фонаря, как совы в полдень, монах стал говорить, что аббат намеревается послать меня в лагерь королевских людей с предложением обменять жизнь Кристофера Харфлита на жизнь всех, находящихся в аббатстве. Он добавил также, что принес чернила и бумагу и что, если Харфлит хочет спастись, ему следовало бы написать письмо с просьбой принять это предложение, не то он наверняка умрет на заре.

— Что же сказал мой муж? — спросила Сайсели, подавшись вперед.

— Что он сказал? Он рассмеялся им в лицо и заявил, что скорее отрубит себе руку, после чего они потащили меня из темницы, и притом довольно грубо, так как я хо-

тел оставаться с ним до конца. Но, когда дверь уже закрывали, он успел крикнуть мне: «Скажи офицерам короля, чтобы они спалили эту крысиную нору, не помышляя о Кристофере Харфлите, который вовсе не прочь умереть».

— А почему он желает смерти? — снова спросила Сайсели.

— Потому что считает жену свою умершей, госпожа, как и я считал, и думает, что в лесу слышал ее голос, призывающий его соединиться с нею.

— О боже, боже! — простонала Сайсели. — На моей совести будет его гибель.

— Нет, — ответил Джефри. — Неужто вы так плохо знаете Кристофера Харфлита, что думаете — он предал бы дело короля ради спасения своей жизни? Да если бы вы сами пришли к нему и умоляли его об этом, он бы оттолкнул вас и сказал: «Отойди от меня, сатана!»

— Верю, что он поступил бы так, и горжусь этим, — прошептала Сайсели. — Если нельзя будет иначе, пусть Харфлит умрет. Мы спасем его честь и свою, чтобы он не проклял нас, если бы остался жив. Продолжай.

— Ну, меня привели к аббату; он передал мне это самое письмо и велел мне взять его и все рассказать тому, кто здесь у вас начальник. Потом он поднял руку и, положив ее на крест, висевший у него на груди, поклялся, что это не пустая угроза и что если его условий не примут, с зарею Харфлит будет повешен на башне, и при этом добавил, хоть я тогда и не понимал, что он имеет в виду: «Думаю, ты там найдешь человека, который прислушается к этим доводам». Он уже собирался отпустить меня, как вдруг один солдат сказал:

«А умно ли будет освободить этого Стоукса? Вы забываете, милорд настоятель, что предполагается, будто он присутствовал при одном убийстве в лесу, и что он может выступить свидетелем». — «Да, — ответил Мэлдон, — я забыл в этой спешке; я помнил только, что никому другому, пожалуй, не поверят. Все же, может быть, и лучше будет послать кого-нибудь другого, а этого парня заставить замолчать навеки. Напишите, что Джефри Стоукс, пленник, был убит при попытке к бегству стражником, защищавшим свою жизнь. Заберите его отсюда, и чтобы я о нем больше не слышал».

Тут кровь у меня в жилах застыла, хотя я и старался

держаться смело, как только может держаться человек, три дня просидевший в темноте с пустым животом, и прямо в лицо наговорил ему по-испански разных крепких слов. Когда меня уже тащили из комнаты, брат Мартин — помните его? он был нашим товарищем, когда мы попали за морем в переделку, — выступил вперед из темного угла и сказал: «Для чего, настоятель, пятнать вам свою душу столь гнусным убийством? С тех пор как умер Джон Фотрел, король может записать на ваш счет еще много других дел, и любого из них достаточно, чтобы вас повесить. Попадись вы ему в руки, он не станет добираться до обстоятельств гибели Фотрела, даже если бы вы и были к ней причастны».

«Вы наговорили резких слов, брат мой, — ответил аббат. — То, что происходит на войне, нельзя считать убийством, хотя, может быть, впоследствии, спасая свою шкуру, вы и станете говорить об этом как об убийстве, вы или кто другой. Как бы там ни было, но речь ваша разумна. Не надо трогать этого человека. Дайте ему письмо и бросьте его в ров, пусть плывет на ту сторону. Что бы он на меня ни наклеветал, участь моя хуже не станет».

Так они и сделали. Я попал сюда, как вы сами видели, и нашел вас живой. Теперь-то мне понятно, почему Мэлдон считал, что жизнь одного Харфлита так дорого стоит. — И, закончив свой рассказ, Джеффри снова принялся за еду.

Сайсели смотрела на него, и все смотрели на этого измученного, ожесточившегося человека, который после многих других бедствий и мук провел три дня в мрачной темнице, полной крыс, где получал только воду да немного черного хлеба. Да, он сидел там вместе с крысами и с другим человеком, бесконечно дорогим одной из присутствующих, и тот все еще находился в этой ужасной дыре, ожидая, что на заре его повесят, словно какого-нибудь злодея. Все молчали, слышно было только, как жует Джеффри; и молчание стало так тягостно, что все обрадовались, когда дверь открылась и перед ними предстал человек, посланный к настоятелю. Он задышался, так как быстро бежал и, видимо, находился в некоем смятении, может быть потому, что в спине у него — вернее, в камзоле — торчали две стрелы: в тело они не вонзились, задержанные кальчугой.

— Говори,— сказал старый Джекоб Смит, — каков их ответ?

— Взгляните на мою спину, мастер, и сами увидите,— ответил посланец.— Они перекинули через ров лестницу, на нее положили доску, на которую вступил какой-то монах, чтобы принять от меня письмо. Я немного подождал, потом услышал, как кто-то зовет меня с башни над воротами, и, когда поднял глаза, увидел, что там стоит аббат Мэлдон, и лицо у него от злобы черное, как у дьявола.

«Слушай, ты, мошенник,— крикнул он мне,— ступай к ведьме Сайсели Фотрел и к ренегату монаху Боллу, которого я предаю анафеме и извергаю из лона святой церкви, и скажи им, чтобы при первых лучах зари они взглянули в нашу сторону, да повыше, ибо тогда смогут увидеть, как, чернея на утреннем небе, здесь болтается тело Кристофера Харфлита!»

Услышав это, я не сдержался и крикнул в ответ: «Коли так, то завтра еще дотемна вы составите ему компанию, ибо все до единого будете висеть, чернея на вечернем небе, кроме тех, кто будет впоследствии четвертован в Тауэр-холле и Тайберне». Потом я пустился наутек, и они стреляли мне вдогонку и раза два попали, но кольчуга, хоть и стара, служит хорошо, и вот я здесь невредимый, если не считать двух-трех ссадин.

Немного позже Сайсели, Джекоб Смит, Томас Болл, Джефри Стоукс и Эмлин Стоуэр сидели все вместе, держа совет — очень важный совет, ибо положение было отчаянное. Вносилось одно предложение за другим и сразу же по той или иной причине отвергалось. Под конец они молча переглянулись.

— Эмлин,— вскричала наконец Сайсели,— в прежнее время у тебя всегда находились нужные слова. Неужто теперь, в такой беде, ни одного не найдется?— Ибо, пока они совещались, Эмлин все время сидела молча.

— Томас,— сказала Эмлин, подняв глаза,— помнишь то место во рву аббатства, где мы ребятишками ловили самых крупных карпов?

— Ну да, помню,— ответил он,— но при чем тут рыбная ловля, да еще столько лет назад? Я уже говорил,— на подземный ход рассчитывать нечего. За рощей он обвалился и полностью засыпан,— я уже смотрел. Правда, будь у меня неделя времени...

— Пусть она говорит,— прервал его Джекоб,— ей, видно, есть что сказать.

— А помнишь,— продолжала Эмлин,— ты говорил мне, что карпы здесь такие крупные и жирные потому, что в этом месте, как раз под подъемным мостом, опорожняется в ров сточная труба аббатства, та, в которую спускают все помои и отбросы? И я после того в рот не могла взять этой рыбы.

— Ну помню. Так что же?

— Томас, ты, кажется, говорил, будто порох, за которым посылали, уже доставлен?

— Да, час назад пришел фургон с шестью бочонками, весом в сто фунтов каждый. Мы надеялись, что пришлют больше, но и это неплохо, хотя делать с порохом нечего, так как пушку не прислали — у королевских солдат ее не оказалось.

— Темная ночь, лестница с доской, кирпичный сводчатый сток, два, нет, лучше четыре бочонка, по сто фунтов каждый, в сток под ворота, фитиль и смелый человек, который его подожжет,— со всем этим да еще с божьим благословением в придачу многое можно сделать,— задумчиво, словно про себя, произнесла Эмлин.

Все наконец поняли, к чему она клонит.

— Да они всё услышат, как кошка слышит скребушуюся мышь,— сказал Болл.

— Кажется, ветер поднялся,— ответила она,— слышно, как зашумели деревья. Думаю, что скоро начнется буря. К тому же у задней стены аббатства, где заделанная брешь, можно собрать людей, которые будут ходить взад и вперед с фонарями и кричать, словно в этом месте готовится штурм. Это отвлечет осажденных. А мы с Джеффри Стоуксом тем временем попытаем счастья с лестницей и пороховыми бочонками — он их подкатит, а я подожгу, когда придет время. Вы же слышали, что я ведьма,— значит, сера мне нипочем¹.

Через десять минут план был выработан. А спустя два часа, под вой бури, скрытые непроглядной тьмой и дополнительным заслоном — торчащим над стенами поднятым настилом моста,— Эмлин и силач Джеффри перекатили бочонки с порохом по переброшенным через ров

¹ ...сера мне нипочем.— По средневековому поверью, сера, как и другие воспламеняющиеся материалы, считалась обязательной принадлежностью ада, чертей и ведьм.

доскам в жерло большой сточной трубы и в глубь ее футов на двадцать, пока они не оказались как раз под башнями главных ворот. Затем, лежа в зловонной грязи, Эмлин и Джефри вынули втулки из отверстий, заблаговременно просверленных в бочонках, и заложили туда фитили. Джефри выбил из кремня искру, раздул подложенный трут и передал его Эмлин.

— Теперь ты уходи,— сказала она,— а я за тобой. На это дело двух человек не нужно.

Через минуту она присоединилась к нему на противоположном краю рва.

— Беги! — сказала она. — Беги, не то погибнешь. За нами — смерть.

Он повиновался, но Эмлин обернулась и принялась кричать так громко, что стража на стенах слышала ее и, зажигая фонари, бросилась к башням посмотреть, что случилось.

— Штурм! Штурм! — кричала она. — Ставьте лестницы! За короля и Харфлита! Штурм! Штурм!

Затем она тоже пустилась наутек.

ГЛАВА XVIII

Из тьмы к свету

Внезапно среди мрака ночи, освещая все вокруг, подобно молнии, поднялась багряная пелена пламени. Покрытая вой бури, прокатился глухой тяжкий гул, словно отдаленный грохот грома. Потом все затихло, и через мгновение с неба посыпался град камней, а с ними — разорванные на части человеческие тела.

— Ворота взорваны! — прокричал мощный голос; то был Томас Болл. — Кидай лестницы!

Люди, стоявшие наготове, бросились вперед и перекинули через мост четыре лестницы. По доскам, привязанным к перекладинам, осаждающие перебежали на другую сторону рва и, перебравшись через нагромождение камней, устремились во двор, где их никто не ждал, так как все сторожившие здесь были убиты или покалечены.

— Зажигай фонари! — снова закричал Болл. — Там, внутри, будет темно!

И какой-то человек, бежавший за ним с факелом, исполнил его приказание

Через двор они ринулись к открытым дверям трапезной и там, в обширном зале с высоким потолком, встретились со всей массой воинов Мэлдона, примчавшихся сюда от заделанной бреши, где они ожидали нападения. У некоторых из них тоже были фонари. Несколько мгновений противники стояли неподвижно друг перед другом, а затем завязалось дикое, кровавое побоище. Люди яростно сражались, звучали проклятья и боевые крики. Тяжелые дубовые столы были перевернуты; в багровом свете фонарей на высоких шестах сцепившиеся бойцы падали на пол и лежа убивали друг друга. Один монах ударил йомена бронзовым распятием, и в следующее же мгновение обломком того же распятия ему размозжили голову.

— За бога и благодать! — кричали одни.

— За короля и Харфлита! — отвечали другие.

— Держи строй! Держи строй! — гремел Болл. — Выметай их отсюда!

Фонари, сорванные с шестов, падали и затухали, пока не остался всего один — красноватая, тускло мерцавшая звездочка. Хриплые голоса требовали огня, ибо невозможно было уже разобрать, где друг, где враг. И огонь вспыхнул: кто-то поджег тканую обивку стен, и пламя рванулось под крышу. Тогда, опасаясь сгореть заживо, солдаты настоятеля дрогнули и бросились к задней двери, преследуемые осаждающими. Тут и пало большинство из них, ибо они сгрудились между дверными притолоками и были перебиты там или на лестнице за дверью.

В то время как Болл продолжал яростно размахивать своей секирой, кто-то схватил его за руку и прокричал ему в ухо:

— Стой! Стой! Надо опередить негодяя!

Охваченный яростью, он повернулся, чтобы ударить говорившего, и в отблеске пламени увидел, что это Сайсели.

— Что вы тут делаете? — крикнул он. — Уходите!

— Дурень, — ответила она тихим, но каким-то иступленным голосом. — Я ищу своего мужа. Покажи, куда идти, пока еще не поздно, здесь один ты знаешь дорогу. Джеффри Стоукс, скорее фонарь, скорее!

Появился Джефри с мечом в одной и фонарем в другой руке, а с ним Эмлин, у которой тоже был меч, взятый у одного из убитых; Эмлин, вся еще в грязи, так и оставшейся на ней после клоаки и рва.

— Я не могу,— пробормотал Томас Болл.— Я ищу Мэлдона.

— Веди нас в подземелье! — крикнула ему Эмлин.— Или я тебя заколю! Я слышала, как они велели убить Харфлита.

Тогда он вырвал фонарь из рук Джефри и с криком «За мной!» помчался по коридору; так добежали они до открытой двери, за которой находилась лестница. Они быстро сошли вниз, миновали еще другие переходы и лестницы, спускались все ниже, пока, повернув направо, не очутились в небольшом сводчатом помещении. Два факела пылали в железных гнездах, вделанных в стену, освещая картину необычайную и страшную. В глубине этого помещения была широко открыта тяжелая, утыканная гвоздями дверь, за которой виднелась камера или, вернее, маленький погреб,— любопытные еще и в наши дни могут его увидеть. К стене этой подземной темницы прикован был человек, который держал в руке трехногий табурет и рвался на цепи, как взбесившийся зверь. Впереди, заслоняя его и защищая проход, стоял высокий худой монах; полы его рясы были приподняты и подоткнуты за пояс. Он был ранен, ибо с его бритой головы стекала кровь, и, сжимая обеими руками рукоять тяжелого меча, яростно отбивался от четырех воинов, старавшихся повалить его на землю.

Когда появился Болл во главе своего маленького отряда, один из этих людей только что пал, сраженный монахом, но другой встал на его место, крича:

— Прочь с дороги, изменник! Мы хотим прикончить Харфлита, а не тебя.

— Вместе мы умрем или отобьемся, убийца,— ответил монах хриплым, прерывающимся голосом.

В это мгновение один из нападающих, тот, что говорил, услышал приближающиеся шаги освободителей и обернулся. Тут же он обратился в бегство, метнувшись мимо них, словно заяц. Однако свет фонаря упал на его лицо, и Эмлин узнала аббата. Она ударила его мечом, но сталь только скользнула по кольчуге. Он тоже ударил, но попал по фонарю, свалив его на пол.

— Хватай его, — закричала Эмлин, — хватай Мэлдона, Джеффри!

Стоукс бросился догонять аббата, но тотчас же вернулся, потеряв его в темных переходах. Тогда Болл, рыча, обрушился на двух оставшихся солдат, и вскоре под ударами топора и меча, которыми у них с тыла орудовал монах, они пали наземь и умерли, сражаясь до последней секунды, так как знали, что им не будет пощады.

Все было кончено, и кругом воцарилась тишина, безмолвие смерти, прерываемое лишь тяжелым дыханием тех, кто остался в живых. Раненый монах прислонился к дверной притолоке, выпустив из рук обгаренный кровью меч. Харфлит, пошатываясь от изнеможения, все еще держа в руке поднятый табурет, до отказа натягивал свою цепь и изумленно глядел вперед. А на полу лежали трое убитых, один из которых еще судорожно подергивался.

Сайсели проскользнула вперед, прошла между убитыми, мимо монаха и наконец оказалась лицом к лицу с пленником.

— Подойди только ближе, и я разможу тебе голову, — хрипло проговорил он, ибо слабый свет факела падал на нее сзади, и он думал, что перед ним находится один из убийц.

Наконец Сайсели обрела голос.

— Кристофер, — крикнула она, — Кристофер!

Он услышал, и табурет выпал из его руки.

— Опять тот же голос, — пробормотал он. — Что ж, пора. Погоди немножко, жена, сейчас я приду к тебе. — И, откинувшись на стену, он закрыл глаза.

Она скользнула к нему и, обняв его обеими руками, поцеловала прямо в губы, бледные, бескровные губы. Веки его снова разомкнулись.

— Смерть могла бы быть хуже, — произнес он. — Но я ведь знал, что мы свидимся.

Тогда Эмлин, заметив, что лицо его как-то изменилось, сорвала со стены один из факелов и метнулась вперед, держа его так, чтобы свет падал на Сайсели.

— О Кристофер, — вскричала та. — Я не призрак, я жена твоя, и я жива!

Он услышал, взглянул, взглянул еще раз, потом поднял исхудалую руку и погладил ее по волосам.

*Когда появился Болл во главе своего маленького отряда, все ринулись
вниз, в подземелье.*

— О боже, — воскликнул он, — мертвые оживают! — И, потеряв сознание, упал к ее ногам.

Сайсели оттащили от него; она вся дрожала, думая, что снова потеряла мужа, и теперь уже навсегда. С трудом разбили цепь, которой он был прикован, как собака у конуры, и понесли, все еще бесчувственного, наверх по длинным переходам: Болл выступал впереди, взяв на себя охрану; за ним шел Джеффри Стоукс, потом Эмлин, поддерживающая монаха Мартина, ибо это не кто иной, как он, спас жизнь Кристофера.

Подходя к лестнице, они услышали какое-то гудение.

— Огонь! — сказала Сайсели, хорошо знавшая этот звук; и в тот же миг их озарил отблеск пламени и со всех сторон окружил дым. Аббатство пылало, и главный зал его прямо перед ними походил на жерло ада.

— Разве я не предсказывала, что так и будет, еще тогда, в горящем Крануэле? — с каким-то жестоким смехом спросила Эмлин.

— За мной! — прокричал Болл. — Живей, не то крыша обрушится, и тогда нам не выбраться отсюда.

Они стали отчаянно пробиваться вперед, обойдя зал слева, и счастьем было для них, что Томас знал дорогу. Одна небольшая комната, через которую они проходили, была уже охвачена огнем, сверху на них падали какие-то пылающие хлопья, клубился густой дым. Но они прошли, хотя еще минутой позже этим путем им не удалось бы выбраться живыми. Они прошли по горящему аббатству и вышли на чистый воздух через парадную дверь, которую оставили широко открытой те, кто бежал до них. Они достигли рва в том самом месте, где брешь была заделана хворостом, и, взобравшись на этот плетень, Болл кричал до тех пор, пока один из его людей не услышал и не опустил лука, собираясь пустить стрелу в Томаса, которого он принял за мятежника. Принесли доски, лестницы, и наконец все опасности миновали и нестерпимое пекло осталось позади.

И случилось так, что Сайсели, в огне потерявшая своего возлюбленного, в огне же обрела его снова.

Кристофер не умер, как опасались вначале. Его отнесли в обитель, и Эмлин, убедившись, что сердце у него бьется, хотя и слабо, послала мать Матильду за португальским вином, которое так одобрил комиссар Ли. Ложку за ложкой вливала она ему в горло это вино,

пока наконец он не открыл глаза лишь для того, впрочем, чтобы тотчас же закрыть их снова; но теперь он просто уснул — так подействовало вино на его измученное тело и ослабевший мозг. Шли часы; Сайсели все время сидела подле него, лишь время от времени поднимаясь, чтобы взглянуть, как горит большая церковь аббатства; так же она в свое время смотрела на пожар, охвативший его сторожки и службы.

Около трех часов утра растопленный свинец перестал стекать с крыши серебристым ливнем, она обрушилась, и к утру от церкви остался только закоптелый остов — почти такой, каким мы видим его в наши дни.

Перед самым рассветом Эмлин пришла к Сайсели и сказала:

— С тобой хочет говорить один человек.

— Я не могу к нему выйти,— ответила она.— Я оберегаю сон своего мужа.

— Все же тебе следовало бы пойти,— сказала Эмлин.— Не будь его, твой муж не был бы в живых. Монах Мартин, защищавший его от убийц, умирает и хочет с тобой попрощаться.

Сайсели нашла Мартина еще в сознании, но с каждой минутой он слабел, истекая кровью, которую ничем невозможно было остановить.

— Я пришла поблагодарить вас,— прошептала она, не зная, что ей сказать.

— Не надо,— ответил он слабым, прерывающимся голосом.— Я старался хоть частично возместить свой великий долг. Прошлой зимой я принял участие в совершении ужасного греха, повинуюсь не голосу сердца, а данным мною обетам. Когда потом мне было поручено бодрствовать над телом вашего мужа, я обнаружил, что он жив; с моей помощью его перенесли на корабль, который был захвачен неверными, и потом нас с ним и Джеффри заставили работать гребцами на галерах. Там я заболел, и ваш муж выходил меня. Это я привез вам документы и написал письмо и затем отдал все Эмлин Стоуэр. Однако, верный своим обетам, большего я не сделал. Нынче же ночью я разорвал эти узы: услышав, как отдан был приказ о его умерщвлении, я бросился вниз, оказался там раньше, чем убийцы, и, забыв о своем монашеском сане, бился с ними, как мог, пока вы не подоспели. Да послужит хоть частичным искуплением

моей тяжелой вины перед родиной, королем и вами то, что в конце концов я отдал жизнь за своего друга. И я рад, что умираю,—слишком тяжело мне в этом мире.

— Я передам ему все, если он останется жив,—со вздохом молвила Сайсели.

— О, он будет, будет жить. Много страданий перенесли вы оба, но теперь вам уже ничто не грозит, кроме, конечно, старости и смерти. Я вижу, я знаю это.

Он опять смежил веки, и стоявшие вокруг подумали, что он испустил дух, как вдруг глаза его открылись еще раз, и, с трудом произнося слова, он добавил:

— Настоятель... будьте к нему милосердны... если сможете. Он человек злой, жестокий, но я был его духовником и читал в его сердце. Шел он к благой цели, хоть и дурным путем. Королева Екатерина была законной супругой короля. Захват монастырей — бессовестный грабеж. К тому же по рождению он не англичанин. У него другие взгляды; он служит папе, как, впрочем, и я, но также Испании, которой я не слуга. Я помог вам, помогите же и вы ему. Не судите, да не судимы будете. Обещайте! — Тут он слегка приподнялся и настойчиво поглядел на Сайсели.

— Обещаю,—сказала она, и в ответ на ее слова Мартин улыбнулся.

Потом его лицо покрылось сероватой бледностью, глаза потухли, и через мгновение Эмлин покрыла его голову куском полотна. Все было кончено.

Сайсели возвратилась к Кристоферу и увидела, что он сидит на кровати и пьет из чашки бульон.

— О муж мой!—сказала она, заключая его в объятия. Затем она взяла на руки сына и положила его отцу на грудь.

Прошло еще три дня. Кристофер и Сайсели прогуливались по саду Шефтон Холла. Он уже почти совсем поправился, хотя был еще слаб; но единственной болезнью его были горе и голод, а лучшее лекарство от них — радость и изобилие. Спустился вечер; мягкие и ясные сумерки, незаметно переходящие в ночь. Они сидели на скамье; он рассказывал ей о своих приключениях, и это была волнующая повесть; потом Сайсели написала старому Джекобу Смиту (эти листки, исписанные ее тонким своеобразным почерком, сохранились донныне; из них

стоило бы составить книгу, хотя сделано это, по-видимому, никогда не было).

Он рассказывал ей о жестокой битве на корабле «Большой Ярмут», когда на них напали два турецких судна, и о том, как храбро вел себя брат Мартин. После того как их посадили гребцами на галеры, Мартину, Джефри и ему посчастливилось очутиться на одной скамье. Потом Мартин схватил какую-то южную лихорадку, но так как в то время они стояли в Тунисском порту, где можно было достать фрукты, чтобы кормить больного, Кристофер и Джефри выходили его. Через четыре месяца император Карл появился под Тунисом, и, когда город пал, по милости божией они были освобождены вместе с прочими рабами-христианами, после чего Мартин возвратился в Англию с бумагами сэра Джона, которые намеревался вернуть его ближайшему наследнику, так как все они считали Сайсели погибшей.

Кристоферу же и Джефри на родине нечего было делать, и они остались, чтобы на стороне испанцев сражаться против турок, от которых так много натерпелись. Когда эта война кончилась, они тоже отправились в Англию,— больше им некуда было деваться, да и хотелось свести счеты с испанским настоятелем Блосхолма. А остальное она сама знает.

Да, ответила Сайсели, она знает и никогда не забудет; но становится холодно, и ему вредно сидеть тут на скамейке, надо уходить. В ответ Кристофер только засмеялся:

— Голубка моя, если бы ты только видела галерную скамью, на которой я сидел там, у берегов Туниса, я, едва оправившийся после раны, нанесенной мне солдатами Мэлдона в Крануэл Тауэрсе, ты бы не стала сейчас беспокоиться. В течение шести месяцев мы трое — я, Мартин и Джефри — были скованы одной цепью, ибо эти черти-язычники почему-то держали нас вместе,— может быть, чтобы легче было следить за нами. И днем, изнемогая от жары, и ночью, дрожа от сырости, мы гребли и гребли, а нехристи-надсмотрщики ходили взад и вперед между рядами скамей и подбадривали нас ремennыми плетями. Да,—медленно добавил он,—они хлестали нас, словно мы были волами в ярме. Ты видела шрамы у меня на спине.

— О боже! Подумать только,—прошептала она,—

тебя, англичанина из знатного рода, били, словно скотину, эти злодеи и дикари! Как мог ты перенести все это, Кристофер?

— Не знаю, жена. Думаю, что, не находясь подле меня этот ангел в образе человека, монах Мартин — мир его благородной душе, — по меньшей мере трижды спасший мне жизнь, я бы или раздробил себе череп об уключины для весел, или перестал бы есть, чтобы подохнуть с голоду, или учинил бы что-нибудь такое, что вынудило бы мавров покончить со мной. Я ведь считал тебя умершей и вовсе не хотел жить. Но Мартин внушал мне другое, убеждая меня, что не напрасно я столько страдал. О своих собственных муках он никогда не говорил и уверял, что, как ни ужасна моя участь, все для меня сложится к лучшему.

— И поэтому ты решил выжить, муж мой? О, этот Мартин поистине святой, и я выстрою раку для его останков.

— Не только поэтому, дорогая. Я жил для мщения Клементу Мэлдону — человек он или сам дьявол, — который причинил мне столько горя и мук, что из-за них я преждевременно постарел, — при этом он указал на свой изборожденный морщинами лоб и волосы, где уже проступала седина, — для мщения также и этим пиратам-магометанам, державшим меня в рабстве. Да. Хотя Мартин и порицал меня, когда я ему признавался, думаю, что ради этого я и жил. И богу известно, — мрачно добавил он, — что потом, когда мы их разгромили, я хорошо мстил туркам повсюду, где только можно было. О, видела бы ты мою и Джеффри последнюю встречу с капитаном этой пиратской галеры и его помощниками, которые нас в свое время избивали! Нет, я рад, что ты этого не видела: жестокое и кровавое было зрелище, даже не очень-то мягкосердечных испанцев, и тех оно проняло.

Он замолк. Чтобы изменить ход его мыслей, ибо в течение всей своей дальнейшей жизни Кристофер, вспоминая об этих вещах, мрачнел на долгие часы и даже дни, — Сайссели быстро заговорила:

— Хотела бы я знать, что произошло с нашим врагом, аббатом. Его так тщательно разыскивали; дороги находятся под наблюдением, и мы знаем, что никого с ним нет, — все его чужеземные солдаты перебиты или захвачены. Думаю, Кристофер, что он погиб в огне.

Он покачал головой.

— Дьявол в огне не погибает. Где-нибудь он скрывается, замышляя, кого бы еще убить — может быть, нас или нашего сына. О,—добавил он с яростью,—пока руки мои не сжимают ему горло, а кинжал мой не торчит у него в груди, нет для меня покоя: я с ним не считался, да и вы оба не в безопасности.

Сайсели не нашла что ответить. Когда на Кристофера находило такое настроение, с ним трудно было говорить. Тяжкие страдания выпали ему на долю, и, подобно ей, он спасся только чудом.

Внезапно воцарилась необычайная тишина. Черные дрозды перестали по-зимнему стрекотать в кустах остролистника. Стало так тихо, что слышно было, как сухой лист упал с дерева на землю. Наступала ночь. Последний багровый луч заходящего солнца сверкнул в морозном небе, и блеск его озарил все кругом. В этом свете зоркие глаза Кристофера заметили, как что-то белое мелькнуло под сенью бука, где они сидели. Как тигр прыгнул он туда и в тот же миг возвратился, таща какого-то человека.

— Гляди,—сказал он, поворачивая голову своего пленника так, чтобы на нее падал свет.— Гляди, я поймал-таки змею. А, жена, ты ничего не видела, но я его рассмотрел, и наконец-то, наконец он у меня в руках!

— Аббат! — изумленно прошептала Сайсели.

Это и вправду был аббат, но как он изменился! Его некогда полное, оливково-смуглое лицо казалось теперь лицом скелета, еще обтянутым желтой кожей, а в глазницах вращались темные, налитые кровью, неестественно большие глаза. Тонзура и щеки поросли серой щетиной, все тело как-то ослабело и съезжилось, мягкие холерные руки казались теперь руками женщины, умершей от какой-то изнурительной болезни и так же, как одежда его, были покрыты грязью. Надетая на нем кольчуга болталась, одного сапога не хватало, и из продырявленного чулка торчали пальцы. Он дошел до крайнего падения.

— Бросай оружие,—проворчал Кристофер, тряся его, как терьер трясет пойманную крысу,—не то умрешь! Сдаешься? Отвечай.

— Как он может ответить,—вмешалась Сайсели,—когда ты сжал ему глотку?

Кристофер снял руки с его горла, но схватил за запястья. Аббат же сделал глубокий вдох, ибо почти лишился сознания, и упал на колени — не моля о пощаде, а просто от слабости.

— Я пришел сдаться на вашу милость, — сказал он, — но, услышав ваш разговор, понял, что мне надеяться не на что. Да и как могу я рассчитывать на милосердие, когда сам не проявлял его? К тому же дело мое, великое дело, ради которого я жил и боролся, видимо, погибло. Дайте же мне умереть вместе с ним. О большем я не прошу. Но вы благородный человек, и потому я прошу вас об одном одолжении. Не выдавайте меня вашему злодею королю, который станет меня пытаться, повесит, четвергует. Убейте меня сейчас. Вы скажете, что я напал на вас и вы защищались. Оружия у меня нет, но вы можете сунуть мне в руку кинжал.

Кристофер поглядел на жалкое существо, лежащее у его ног, и засмеялся.

— А кто мне поверит? — спросил он. — Правда, никто, пожалуй, не спросит, ведь и я, и любой другой может безнаказанно лишить вас жизни. Впрочем, пусть это дело разбирает королевский трибунал.

Мэлдон вздрогнул.

— Пытки, виселица, четвертование, — повторил он, тяжело дыша. — Разве я предал того, кому никогда не служил? Почему же мне суждена участь предателя?

— А почему бы и нет? — спросил Кристофер. — Вы играли в жестокую игру — и судьба обернулась против вас.

Он не ответил. Заговорила Сайсели.

— Зачем же вы возвратились? Мы думали, что вам удалось бежать.

— Леди, — ответил он, — три дня и три ночи провел я без пищи в земляной норе, словно затравленная лисица, прячась в дренажной трубе вашего сада. Под конец я вылез наружу, чтобы умереть на вольном воздухе, услышал ваши голоса и решил сдаться на вашу милость, ибо когда человек при последнем издыхании, ему уже не до чести.

— Милость! — сказала Сайсели. — О вашей измене я говорить не стану — вы не англичанин и служите своему королю, который много лет назад прислал вас сюда устраивать козни против нашей страны. Но посмотрите

— Я пришел сдаться на вашу милость,— проговорил аббат,
упав на колени.

на этого человека, на моего мужа. Он разве не умирал с голоду трое суток в вашей подземной темнице, пока вы не спустились туда, чтобы его прикончить? Разве вы не сделали все для того, чтобы он сторел в своем доме, а потом не отправили его раненого за море на произвол судьбы? Разве вы не подослали свою наймитку убить моего ребенка, стоявшего между вами и богатством, в котором вы нуждались для своих козней, а меня, его мать, не возвели на костер, чтобы я погибла в огне? Разве вы не подстрелили в лесу моего отца, боясь, что он обличит вас как предателя, а потом не присвоили себе мое наследство? Разве вы не заставили своих монахов совершать злодеяния и не погубили многих из них? Хватит! Змея, принявшая личину служителя божия, как посмела ты приползти сюда и просить пощады?

— Я сказал, что пришел просить о милосердии, ибо муки бессонницы и голода выгнали меня из моей норы, но теперь прошу только смерти. Не глумись над павшим, Сайсели Фотрел, но соверши мщение, на которое ты имеешь право, и убей меня,— ответил аббат, глядя на нее своими ввалившимися глазами и добавил со смехом, походившим на стон: — Кончайте, сэр Кристофер. При вас меч, и вам пора идти ужинать. К тому же становится холодно — это сказала только что ваша жена, раз уж она вам жена.

— Сайсели,— сказал Кристофер,— иди в дом и вызови Джеффри Стоукса. Эмлин знает, где его найти.

— Эмлин! — простонал аббат.— Не выдавайте меня Эмлин. Она замучает меня.

— Нет,— ответил Кристофер,— тут не Блосхолмское аббатство. Но насчет того, что с вами может случиться в Лондоне, я не поручусь. Иди, жена.

Но Сайсели не шевельнулась. Она стояла и смотрела на жалкую тварь, лежащую у ее ног.

— Я сказал тебе — иди,— повторил Кристофер.

— А я не стану слушаться,— ответила она.— Помнишь, что я обещала Мартину, когда он умирал?

— Мартин умер? Так Мартин, спасший твоего мужа, умер? — вскричал аббат, подняв голову и потом снова уронив ее на грудь.— О счастливец!

— Я не был у его смертного ложа и не связан твоими обещаниями, Сайсели.

— Но я связана, а мы с тобой — одно. Я обещала

быть милосердной к этому человеку, если он попадет в наши руки, и буду.

— Так ты пощадишь его нам на беду! В Англии колесо событий вертится быстро, жена.

— Пусть так. Я поклялась и сдержу клятву. Остальное — на волю божью. До сих пор он нас хранил и, думаю, — добавила она с торжествующей уверенностью, — будет хранить до конца. Аббат Мэлдон, преступник и грешник, аббат Мэлдон, вы таковы, каким созданы, а Мартин, этот святой человек, сказал, что не все в вашем сердце — зло, хотя я и мои близкие добра от вас не видели. Так вот, слушайте. Там, в саду, стоит беседка, крытая соломой; в ней тепло. Ступайте туда. Я пришлю вам вина и еды и новую одежду с человеком, который не проболтается, пришлю и пропуск в Линкольн. К завтрашнему утру вы отдохнете, подкрепитесь. Вон у того дерева будет привязана лошадь. Поезжайте в Линкольн, попытайтесь воспользоваться правом убежища в церкви, и уж если потом с вами случится беда, знайте, что не от нас она, а от какого-либо другого врага или же ее послал сам бог. Желаю вам примириться с ним. Пусть он простит вас, как я прощаю; он ведь читает в сердцах людей, а мне это не дано. Теперь прощайте. Нет, ни слова больше: нам с вами говорить не о чем. Пойдем, Кристофер. На этот раз не я должна подчиниться, а ты.

Они ушли, а злодей, приподнявшись на руках, поглядел им вслед, но что творилось в это мгновение у него в сердце, никто никогда не узнает.

Прошло несколько месяцев, и Блосхолм со всей своей округой снова жил в мире. Смута перекинулась на север, где, по слухам, опять вспыхнул мятеж. Аббата Мэлдона никто больше не видел, и все считали, что, хотя он и не воспользовался правом церковного убежища в Линкольне, ему пришел в голову более разумный выход и он бежал в Испанию. Но Эмлин, которая всюду все узнавала, принесла известие, что это не так и что он стоит во главе тех, кто возбуждал мятеж и междоусобную войну у границ Шотландии.

— Вполне этому верю, — сказала Сайсели. — Свинья не может не лезть в лужу. Он заговорщик по природе

своей и до конца пойдет по той дороге, на которую влечет его сердце.

— Но на этой дороге ему, пожалуй, не сносить головы,— мрачно ответила Эмлин.— О, подумать только, что волк уже был у тебя в клетке, а ты сама выпустила его, всей Англии и нам на беду.

— Я только проявила милосердие к поверженному, Эмлин.

— Милосердие? А я скажу — безумие. Когда Джеффри и Томас услышали об этом, я думала, — они задохнутся от ярости. Особенно Джеффри, который очень любил твоего отца и не очень-то пиратскую галеру, — ответила непримиримая Эмлин.

— «Мне отмщение, и аз воздам», — сказал господь, — тихо прошептала Сайсели.

— Господь и другое сказал: кровь пролитая вопиет о крови. Я слышала эти слова, когда сам Мэлдон говорил их твоему мужу в Крануэл Тауэрс.

— Если так должно быть, то так и будет, Эмлин, но пусть другие прольют его жестокую кровь. Не хочу я видеть ее на своих руках и на руках тех, кто живет в моем доме. Я ведь дала обещание. И не говори ты больше об этом, чтобы не подвести нас под беду, — мы ведь не имели права отпускать его. Да и негоже тебе питать такие злобные чувства в день твоей свадьбы. Лучше пойди и надень то красивое платье, которое Джекоб Смит прислал тебе из Лондона. Священник явится в блосхолмскую церковь около четырех, и я полагаю, что Томас тебя достаточно долго ожидал.

Эмлин усмехнулась, пожав своими широкими плечами и пробормотала что-то себе под нос.

Томас, наверное, рассердился бы, услышав эти ее слова. Сайсели же вышла в другую комнату, куда ее позвал Кристофер.

Она увидела, что он записывает на бумаге какие-то цифры. Это был совсем не тот Кристофер, не тот умирающий, которого они вынесли из темницы, хотя все же он очень постарел от перенесенных ужасов и, видно было, лишь недавно обрел душевное спокойствие.

— Видишь ли, дорогая, — сказал он, — нам бы следовало выделить Эмлин приличную сумму денег в приданое, она этого заслужила более, чем кто-либо. Но откуда взять их — не знаю. Земли аббатства, выкуплен-

ные Джекобом Смитом у короля, нам еще не принадлежат да и Генриху тоже, хотя он их, без сомнения, скоро отвоюет. Дохода со своего имени ты не получила, а когда получишь, его придется, как обещано, переслать в Лондон. Что касается моей несчастной вотины, то аббат так основательно прошелся по ней своей бритвой, что она теперь голая, как череп на кладбище. Кроме того, мы должны содержать мать Матильду и ее монашек, покуда не сможем возратить им их земли. Может быть, настанет день, когда мы или наш сын опять разбогатеем, но, пока он не наступил, нам всем придется пережить трудные времена.

— Однако полегче, чем те, которые мы уже пережили, муженек,— со вздохом ответила она.— На худой конец, мы все-таки свободны, не голодаем, а на все остальное займем денег у Джекоба Смита под те драгоценности, что у меня еще остались. Я уже писала ему, он не откажет.

— Да, но как быть с Томасом и Эмлин?

— Устроятся они, как другие устраиваются. Томасу мы сдали за самую низкую арендную плату замковую ферму; хоть там и надо еще налаживать хозяйство, но ведь и платить он будет лишь тогда, когда сможет. Да и Джекоб Смит положил в карман подвенечного платья Эмлин хороший подарок. Более того, я думаю, он сделает ее своей наследницей, а если так, она будет очень богата, так богата, что мне придется ей низко кланяться. А теперь пойдешь оденешься к свадьбе. Нарядного камзола у тебя нет, так пусть Джефри поможет тебе надеть кольчугу. Она тебе больше всего идет, так, по крайней мере, мне кажется, хотя для меня ты во всем одинаково хороша.

Он начал возражать, что сейчас нет необходимости разгуливать по Блосхолму в военных доспехах, что Джефри нет дома — он устраивается хозяином на постоялом дворе у брода, том самом постоялом дворе, который аббат в свое время обещал Камбале-Меггс,— но Сайсели поцеловала его, схватила ребенка, который радостно лепетал что-то и, кружась, исчезла вместе с ним из комнаты. Ибо на сердце у Сайсели было теперь легко и весело.

На свадьбу Эмлин Стоуэр и Томаса Болла собралось много народу: последнее время в Блосхолме было неве-

село, и это празднество явилось как бы дыханием весны, оживляющим леса и луга, залогом радости после зимнего мрака. Повсюду рассказывали историю жениха и невесты: как они были в юности помолвлены, а затем разлучены кознями людей, преследующих свои личные цели, как Эмлин выдали против ее воли замуж за ненавистного ей пожилого человека, а Томас вынужден был пойти братом-мирянином в монастырь — в качестве сильного и искусного в обращении со скотом батрака, но полупомешанного, ибо он предпочитал выдавать себя за безумца.

Люди знали и конец этой истории: Эмлин прокляла настоятеля, и проклятие ее исполнилось; а Томас Болл преодолел свой суеверный страх, восстал против монахов, получил от короля назначение и, как офицер войск его милости, показал себя отнюдь не безумцем, но человеком, полным мужества, который сумел штурмом взять аббатство и освободить из темницы сэра Кристофера Харфлита. Эмлин, вместе со своей госпожой, должна была взойти на костер, как ведьма, но от сожжения ее спас тот же Томас, участвовавший, подобно ей, во многих необычайных событиях, о которых по всей округе разносились и были и небылицы.

Теперь, после всех этих приключений, они шли под венец. Как же было не сбежаться на такое событие людям, жившим хотя бы на расстоянии десяти миль от Блосхолма!

Монахов уже не было, и отец Роджер Нектон, старый крануэлский викарий, который при столь необычных обстоятельствах совершил бракосочетание Кристофера и Сайсели (после этого, спасая свою жизнь, он вынужден был бежать, когда последний настоятель Блосхолмского аббатства сжег Крануэл Тауэрс), возвратился теперь освятить новый брачный союз перед всем собравшимся народом. Хотя и жених и невеста были уже не первой молодости, Эмлин в своем богатом свадебном платье и мускулистый рыжеволосый Томас в зеленой одежде йомена, какую он носил много лет назад, в дни своей помолвки с Эмлин, до того как напялил на себя коричневую монашескую рясу, — оба являли собою в церкви перед алтарем красивую и видную пару. Во всяком случае таково было мнение всего народа, хотя какой-то сторонник монахов, вспомнив, как Болл разгуливал ряже-

ным чертом, а Эмлин слыла колдуньей, крикнул из темного угла, что это сам сатана женится на ведьме, но Джефри так хватил его кулаком, что едва не раздробил ему череп.

И вот седовласый добродушный отец Нектон, прочитав сперва Королевский указ, разрешающий Томаса от его обетов, по-старинному совершил свадебный обряд и благословил молодоженов.

Наконец все кончилось, и молодые двинулись из старой церкви в замковую ферму, где им предстояло поселиться, в сопровождении, согласно обычаю, всех друзей и доброжелателей. Когда они проходили через небольшую рощицу у речки, где в этот весенний вечер разносился сладкий аромат диких лилий и нарциссов, Эмлин на миг задержалась и сказала своему мужу, капитану Боллу:

— Помнишь ты это место?

— Да, жена,— ответил он,— это здесь мы с тобой в молодости пообещались друг другу и вдруг увидели, как вон под тем дубом проходит Мэлдон, и тень его холодом легла на наши сердца. Ты заговорила об этом и в часовне женской обители, когда я пришел к тебе потайным ходом, и я чуть не обезумел, припомнив все.

— Да, Томас, я об этом говорила,— ответила Эмлин глубоким, ласковым, новым для него голосом.— Ну ладно, пусть теперь это воспоминание сделает тебя счастливым. Я тоже об этом постараюсь, несмотря на все мои недостатки, если только сумею.— Тут она быстрым движением прижалась к нему, поцеловала его и прибавила: — Пойдем, муженек, за нами столько народу. Я надеюсь, что теперь все беды и козни миновали.

— Аминь,— ответил Болл. Сказав это, он заметил каких-то незнакомых людей под королевским флагом, которые шли поодаль в том же направлении, как и они, и тащили за собой длинную приставную лестницу. Недоумевая, что нужно этим людям в Блосхолме, молодожены вышли из рощи и взобрались на холм, с которого на расстоянии пятидесяти шагов виден был мрачный остов сгоревшего аббатства. Они остановились и глядели в ту сторону, и тут их нагнали Кристофер и Сайсели, мать Матильда с монашками, Джефри Стоукс и другие. В лучах заката место это казалось угрюмым, опустошен-

ным, и все они стояли и смотрели на него, думая каждый о своем.

— Что это там такое? — вздрогнув, спросила Сайсели и указала на какой-то круглый черный предмет, только сейчас появившийся на развалинах главной башни.

В то же самое мгновение на него упал красный луч заходящего солнца.

Это была отрубленная голова Клемента Мэлдона, испанца.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Английский писатель Генри Райдер Хаггард (1856—1925 гг.), автор множества исторических и приключенческих романов, хорошо известен не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Его произведения неоднократно издавались и в нашей стране.

Следует отметить, что исторические романы Хаггарда страдают существенными недостатками. В погоне за занимательностью автор нередко пренебрегает исторической правдой, приписывает реально существовавшим политическим деятелям несвойственные им черты и поступки, смещает историческую перспективу.

В этом отношении «Хозяйка Блосколма» выгодно отличается от других произведений Хаггарда. Здесь нет серьезных искажений истории. Образы короля Генриха VIII, его министра Томаса Кромвеля, аббата Мэлдона и других персонажей обрисованы правдиво, дух эпохи передан верно.

Однако и этот роман не может быть признан безупречным с исторической точки зрения. Действие происходит в 1535—1537 годах, в переломный период английской истории, но многие важнейшие стороны жизни того времени автор не освещает вовсе, а других касается лишь вскользь.

Главные изменения в английской общественной жизни XVI столетия заключались в том, что страна вступала тогда на путь капиталистического развития, и в недрах одряхлевшего феодального строя шел быстрый процесс формирования новых классов — буржуазии и пролетариата, причем формирование пролетариата протекало чрезвычайно болезненно, путем разорения десятков тысяч крестьян. Об этом всемирно-исторического значения процессе Хаггард, поглощенный злоключениями Сайсели Фотрел, ничего не говорит в своем романе.

Значительно больше внимания уделяет автор происходившей тогда ожесточенной религиозной борьбе и англо-испанскому соперничеству. Однако эти вопросы излагаются в «Хозяйке Блосколма» отрывочно. Поэтому необходимо хотя бы кратко о них рассказать.

В конце XV века английский престол заняла новая династия — Тюдоры, основателем которой был отец Генриха VIII — Генрих VII (1485—1509 гг.). К этому времени наиболее могущественные феодалы перебили друг друга в междоусобных войнах. Это позволило первым Тюдорам укрепить свою власть. На смену старой сословной монар-

хин, при которой ведущая роль принадлежала феодалам, приходила новая форма правления — абсолютизм, то есть неограниченная власть короля.

Тюдоры конфискуют и забирают в казну земли крупных феодалов, распускают вооруженные дружины, которые до этого содержал каждый из них, создают королевские суды и особые трибуналы для обуздания непокорных. В своей борьбе против засилия феодалов королевская власть опирается на поддержку буржуазии, заинтересованной в стабильности и прекращении губительных усобиц.

Установление королевского абсолютизма встречало упорное сопротивление со стороны феодалов. Не только при Генрихе VII, но и при Генрихе VIII и даже позднее они поднимали восстания и пытались с оружием в руках отстоять свои вольности. Важнейшим оплотом старых феодальных сил были отсталые в экономическом отношении районы Англии — Север и Запад. В романе «Хозяйка Блосхолма» говорится, в частности, об одном из самых больших восстаний северной феодальной знати, происходившем в 1536—1537 годах. Восстание это, как и другие подобные выступления, Генрих VIII беспощадно подавил.

Преодолев сопротивление крупных феодалов, которые лишились своих привилегий, пошли на службу к королю и получили высшие должности при дворе, королевская власть столкнулась с другой силой, препятствовавшей дальнейшему расширению и укреплению абсолютизма, — католической церковью. В те времена церковь обладала почти неограниченным могуществом, она представляла собой своеобразное государство в государстве. Католическая церковь подчинялась не королю, а папе римскому, ей принадлежали огромные богатства, она пользовалась большим влиянием в массах.

Причины этого влияния нетрудно понять: без санкции церкви человек не мог тогда и шагу ступить. Человеком он мог именоваться только после того, как священник его крестил, и его зависимость от церкви не ослабевала до самой смерти. Кроме того, в то время люди, будучи не в состоянии понять природу вещей, были проникнуты религиозными представлениями, верили в загробную жизнь и больше всего на свете боялись ада. Церковь умело эксплуатировала эти чувства: церковники распространяли теорию, согласно которой человек по своей сущности склонен к греху и поэтому без помощи церкви обязательно попадет в ад. Спасти его могут лишь особые таинства церкви — причастие, исповедь и т. д. — и стоит только исполнять все обряды, поддерживать церковь материально, приобщаться к ее таинствам, и человек избежит вечных мук.

Пользуясь зависимостью людей от церкви и обладая грозным оружием для борьбы с любым проявлением непокорности — инквизиционными трибуналами и отлучением от церкви, — католическое духовенство окончательно распоясалось. Большая часть католических священников, разумеется, не верила во все те таинства, которыми она одурачивала прихожан, и беззастенчиво грабила верующих. Папы, кардиналы, епископы, многие аббаты получали баснословные доходы, утопали в роскоши, вели разгульную жизнь, нередко шли на преступления. Важным средством выкачивания денег у населения были так называемые индульгенции — грамоты об отпущении грехов. Сначала продавались индульгенции, отпускавшие уже совершенные грехи, а потом, когда спрос на них стал падать, церковь стала про-

давать новые, авансом освобождавшие верующих от ответственности за грехи, которые они еще не совершили, но могут совершить в будущем.

Спекуляция индульгенциями и другие преступления католических священников вызвали растущее возмущение, ибо они находились в вопиющем противоречии с проповедуемым теми же священниками христианским учением. Недовольство католицизмом приняло широкие масштабы. Повсеместно раздавались голоса, требующие реформации (преобразования) церкви. При этом различные слои населения, различные общественные классы и группы, в соответствии со своими интересами, вкладывали в понятие реформации различное содержание.

Так, буржуазия видела в католической церкви оплот феодализма, серьезное препятствие для роста и развития капиталистических отношений. В католической церкви существовала та же сложная иерархия, что и в феодальном государстве, — целая лестница чинов; так же как и в государстве, в церкви руководящие должности могли занять только выходцы из господствующего класса — класса феодалов; буржуазии доступ к ним был практически закрыт. Между тем английская буржуазия уже в XVI столетии представляла собой значительную экономическую силу и претендовала на активное участие в управлении государством и церковью — только таким путем она могла создать условия, необходимые для дальнейшего роста своего могущества.

Буржуазия требовала упразднения церковной иерархии, открытия доступа на церковные должности представителям народа (понимая под народом только буржуазию), отказа от характерной для католицизма чрезмерной пышности обрядов и замены их более простыми обрядами (требование «дешевой» церкви), выступала за отмену некоторых догматов и таинств, находившихся в слишком явном противоречии с новыми данными науки. Буржуазия считала необходимым ликвидировать церковное землевладение, задерживавшее развитие капитализма в сельском хозяйстве, а также отменить часть религиозных праздников, чтобы увеличить число рабочих дней в году.

Народные массы, находившиеся на крайне низком уровне культуры и не имевшие еще своих собственных идеологов, поддерживали требования буржуазии, но понимали под реформацией прежде всего передачу крестьянам церковных земель, уничтожение ненавистных феодальных порядков, очищение церкви от ее пороков.

Наконец, королевская власть стремилась избавиться от вмешательства папы в дела государства, пожиться огромными богатствами церкви и таким образом расширить и укрепить абсолютизм.

В Англии инициатива реформации исходила от короля. Долгое время Генрих VIII не решался идти на разрыв с папой. Помимо страха перед могуществом католической церкви, его останавливал также страх перед народом, который мог по-своему истолковать действия короля и потребовать далеко идущих преобразований. Но алчность короля и его деспотический характер в конце концов победили все сомнения. Генрих VIII был властным, жестоким самодуром, не терпевшим никакого противодействия своей воле, и это хорошо показывает Хаггард в «Хозяйке Блосхолма».

Поводом для похода против католицизма, начатого английским королем, послужил его конфликт с папой римским в деле о разводе.

Воспылав страстью к фрейлине своей жены Анне Болейн, Генрих решил развестись с королевой и жениться на фрейлине. Разрешение на развод мог дать только папа, — к нему и обратился король, но получил категорический отказ. Причина отказа заключалась не только в том, что католическая церковь в принципе не одобряла разводов и считала брак священным — от всех таких принципов она легко отказывалась, когда считала это выгодным, — а в том, что женой английского короля была Екатерина Арагонская, тетка испанского короля и германского императора Карла V, а Испания была в то время главным оплотом католицизма и основной опорой папы римского. И папа и Карл V рассматривали развод Генриха с Екатериной как удар по их влиянию в Англии.

Получив отказ, разъяренный Генрих VIII, знавший, что почва для реформации церкви уже подготовлена, решил на разрыв с папой. В 1529 году он создал Реформационный совет, который разработал статут новой, так называемой англиканской, церкви. Все преобразования, проведенные этим советом, отвечали интересам короля и придворной знати.

Главой англиканской церкви был объявлен король. Отныне он, а не папа римский назначал епископов и распоряжался доходами церкви. Богослужение в англиканских церквях стало вестись не на латинском, а на английском языке. Реформационный совет направил в монастыри королевских комиссаров, которым было приказано найти предлоги для их закрытия и конфискации их имущества. Вскоре парламент принял решение о закрытии 376 мелких монастырей (1536 г.), а через три года были закрыты все остальные. Имущество монастырей — земли, драгоценности, золото, серебро, облачения, различная утварь — перешло в казну. Благодаря этой мере государство за короткий срок получило около 1,5 миллиона фунтов стерлингов чистого дохода.

Захваченные монастырские земли Генрих VIII раздавал и продавал придворным, фермерам, спекулянтам — реформация обогатила около 40 тысяч дворянских семей. Вместе с тем она ничего не дала народным массам и широким слоям буржуазии; земли, принадлежавшие той части высшего духовенства, которую Генрих стремился привлечь на свою сторону, конфискованы не были, церковная иерархия сохранилась, догматы новой церкви почти не отличались от католических. Все это свидетельствовало о том, что, осуществляя реформацию, король преследовал свои, корыстные цели.

Понимая, что подобная реформация церкви не могла удовлетворить массы, Генрих VIII навязывал ее народу грубой силой. Реформация сопровождалась жестоким террором. Англичане были обязаны принять новые церковные порядки без всяких оговорок. Перед реформацией людей сжигали за неподчинение догматам католицизма, теперь с ними расправлялись за неподчинение принципам англиканства.

Со своей стороны, папа объявил англиканство страшной ересью, отлучил Генриха VIII от церкви, грозил англичанам вечными муками на том свете. Однако отлучение от церкви, бывшее в прежние времена острейшим оружием папства, в данном случае оказалось малоэффективным: противников реформации — Томаса Мора, кардинала Фишера и других — Генрих VIII отправил на плаху, а на высшие церковные должности назначил покорных ему людей.

Более опасным, чем конфликт с папой Клементом VII, был для

Англии конфликт с Испанией. Находившаяся в то время еще в расцвете могущества феодально-католическая Испания была грозным противником. Англо-испанская вражда достигла крайней остроты; светские и духовные правители Испании вели против Генриха VIII ожесточенную борьбу и не жалели средств для его свержения и восстановления католицизма.

Исход этой борьбы долгое время оставался неясным. На протяжении полувека борьба между Испанией и папством, с одной стороны, и Англией, с другой, представляла собой главную политическую проблему эпохи и шла с переменным успехом. Острота этой борьбы усугублялась запутанностью вопроса о престолонаследии. Генрих VIII был женат шесть раз; после того как ему уже не требовалось разрешения на развод от папы, он либо отправлял своих жен на плаху, либо разводился с ними. От первого брака (с Екатериной Арагонской) у него была дочь Мария, ревностная католичка, которую он, женившись на Анне Болейн, лишил прав на престол. Любовь короля к Анне Болейн оказалась недолговечной — через три года после вступления в брак, в 1536 году, он предал ее казни по обвинению в супружеской неверности. Свою дочь от второго брака, Елизавету, он тоже лишил прав на престол, несмотря на то что она с младенчества воспитывалась в духе англиканизма.

Третья жена Генриха VIII, бывшая фрейлина Анны Болейн, Джейн Сеймур (она-то и выведена в романе «Хозяйка Блосхолма»), родила королю сына Эдуарда, который был объявлен наследником престола. Джейн Сеймур умерла от родов. После нее Генрих VIII сменил еще трех жен, но детей у него больше не было, и претендентами остались названные трое. Когда Генрих VIII умер (в 1547 году), на престол вступил десятилетний Эдуард VI, при котором оставшиеся у власти царедворцы Генриха VIII продолжали прежнюю политику. Ранняя смерть Эдуарда VI (в 1553 году) вновь поставила в порядок дня вопрос о престолонаследии. На этот раз верх взяла не дремавшая испанская группировка, и королевой стала Мария. Ее приход к власти сопровождался восстановлением католической церкви и полной отменой реформационного законодательства. Более того, Мария вышла замуж за короля Испании Филиппа II и подчинила английскую политику испанским интересам. Началась свирепая расправа со сторонниками реформации, по всей стране запыхали костры инквизиции.

Царствование Марии оказалось недолгим. Уже в 1558 году она умерла без прямых наследников, и на престол вступила Елизавета. На этот раз реформация окончательно восторжествовала: все реформационные законы Генриха VIII вновь вступили в силу, отношения с папой были снова прерваны. Елизавета отвергла предложение Филиппа II выйти за него замуж, и вражда с Испанией приняла еще более острые формы, чем при Генрихе VIII. Она привела в конце концов к войне между обоими государствами, завершившейся победой Англии и гибелью испанского флота, так называемой «Великой Армады» (1588 год). Эта дата знаменует собой начало упадка Испании и феодализма, а также начало возвышения Англии и капитализма, который победил окончательно во время английской буржуазной революции XVII века.

Таковы основные вехи истории Англии той эпохи, знание которых облегчит читателю правильное понимание романа Хаггарда.

В «Хозяйке Блосхолма» автор яркими красками рисует картину

разложения верхушки тогдашнего английского общества. В образе аббата Мэлдона заклеены присущие большинству католических священников того времени черты — алчность, жестокость, стремление к обогащению и господству, готовность на любое преступление, на любую подлость и низость ради достижения этих целей. Впрочем, политические и религиозные противники Мэлдона — король Генрих VIII, его министр Кромвэл и комиссар Ли тоже недалеко ушли от Мэлдона и движимы теми же устремлениями. Хаггард убедительно показывает, что борьба между сторонниками и противниками реформации в Англии не носит принципиального характера — это борьба за власть и деньги, за бесконтрольное право распоряжаться судьбами и имуществом народа.

Роман «Хозяйка Блосхолма» направлен против суеверий и религиозного фанатизма, которые играют на руку власти имущим и помогают им безнаказанно творить свои грязные дела. Подлинными героями романа являются не столько Сайсели Фотрел и ее супруг Кристофер Харфлит, сколько простые люди — кормилица Эмлин, монах-мирянин Томас Болл, слуга Джеффри Стоукс. Их образы выписаны Хаггардом с большой любовью, они жизненны и правдивы. Без этих честных, находчивых и храбрых людей главные персонажи «Хозяйки Блосхолма» были бы, несомненно, обречены на гибель.

Читатель безусловно заметит, что те пороки, против которых мужественно боролись положительные герои романа, присущи и современному капиталистическому обществу. Это обстоятельство придает роману актуальное звучание.

Увлекательный сюжет, хороший язык, правдивое изображение суровой эпохи — все эти качества «Хозяйки Блосхолма» бесспорно обеспечат роману успех у наших молодых читателей.

Д. Прицкер

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

РОМАН

Перевела с английского
И. Г. ГУРОВА

Послесловие
М. Н. ЧЕРНЕВИЧ

ГЛАВА I

Неподалеку от сурового северного берега озера Верхнего, где вечно бушуют ветры, к югу от Каминистиквии, хотя и не южнее Рейни-ривер, в глухих лесах прятался райский уголок, который был «сущим адом».

Во всяком случае, так назвала его героиня нашей повести, когда однажды она, не выдержав, сквозь слезы жаловалась самой себе на свою тяжкую судьбу. Правда, тогда у нее еще не было Питера, но и когда он появился, ад все равно остался адом.

Однако посторонний наблюдатель, если бы он в этот чудесный весенний день тридцатого мая поднялся на лысый Гребень Крэгга, ни за что не догадался бы, что в открывшемся перед ним раю таится ад. Зимой он увидел бы простирающиеся на сотню квадратных миль занесенные снегом леса, болота и речные долины, где в темной оправе из елей, кедров и сосен там и сям поблескивают закованные в лед озера; он увидел бы перед собой край буранов и глубоких сугробов, край людей, чья кровь го-

ряча от вечной борьбы с дикой природой и от неиссякаемой радости побед над ней.

Но теперь была весна — и такая, какой канадский Север не видел уже много лет. Еще три дня назад шли теплые ливни, а потом на землю хлынули золотые, пол-летнему жаркие солнечные лучи. От морозного дыхания зимы не осталось и воспоминания, согрелось даже дно самых глубоких и черных трясин. На севере, на юге, на востоке и на западе лесные дебри закипали новой жизнью, и на смену весне уже спешило лето. Оранжевые, зеленые и черные хребты убегали в неведомую даль, точно волны гигантского моря, а между ними лежали долины и болота, озера и речки, и всюду звучала смешливая песенка струящейся воды, всюду веяло благоуханием первых цветов, всюду раздавались веселые голоса птиц и лесного зверья.

Упомянутый выше рай расстилался под Гребнем Крэгга — сочные луга тянулись до самых берегов Прозрачного озера, и над этим океаном буйных трав островками поднимались тополиные и березовые рощицы, перемежавшиеся темными ельниками. Цветы распустились на две недели ранее положенного срока, луга источали ароматы, более обычные для конца июня, чем для мая, и среди бархатистой зелени древесных ветвей уже появились первые гнезда.

На краю ельника, распластавшись, лежал Питер. В его сердце жила страсть к приключениям, и в этот день он предпринял дерзкую экскурсию, на какие еще ни разу не решался за всю свою коротенькую жизнь. Впервые он в одиночестве отправился к Прозрачному озеру, до которого от дома было около полумили, храбро исследовал желтую полоску пляжа, еще хранившую следы ног его хозяйки, и смело затявкал на безграничный простор мерцающего озера и на белых чаек, которые кружили у него над головой, высматривая выброшенную на берег рыбу. Питеру исполнилось три месяца. Еще вчера он был робким щенком, и все вокруг казалось ему огромным, непонятным и страшным; сегодня же он рискнул в одиночку спуститься по тропинке к озеру, он тявкал, но никто не посмел выйти с ним на бой, и его сердце исполнилось великим мужеством и столь же великим любопытством.

Вот почему на обратном пути он остановился на опушке густой поросли бальзамических елей и припал к

земле, устремив жадный взгляд блестящих глазенок в густую лесную тень, стараясь угадать, какие тайны кроются в этих неведомых мрачных глубинах. Этот лесок рос в небольшой круглой впадине, и ружейная пуля могла бы легко пронизать его из конца в конец, но Питеру он казался бесконечным, как сама жизнь. И что-то манило его войти туда.

Любопытство и нерешительность боролись в душе щенка, но он и не подозревал, что от победы того или иного — храбрости или трусости — зависит не только его собственное собачье будущее, но и другие более важные судьбы — судьбы людей, мужчин и женщин, и даже еще не рожденных детей. Некогда стакан вина погубил целое царство, гвоздь решил исход жесточайшей битвы, а из-за женской улыбки были разрушены дома тысяч людей. Вот так пустячные предметы и события порой влияют на ход человеческой жизни, но Питер не знал об этом и не догадывался, что наступила его минута.

В конце концов он поднялся и твердо встал на все четыре лапы. Его никак нельзя было назвать красивым щенком — этого Питера Pied-Bot, Питера-Хромулю, как назвал его Веселый Роджер Мак-Кей (который жил у болота в кедровнике), когда подарил Питера девушке. Был он дворняжкой, да к тому же весьма неказистой. Его отец, боевой эрдельтерьер самых голубых кровей, как-то удрал с псарни, влюбившись в большелопую и добродушную канадскую гончую. Так на свет появился Питер. В три месяца на его мордочке уже топорщились свирепые баки, унаследованные от отца-эрделя; уши у него были большие и обвислые, хвост узловатый, а длинные неуклюжие лапы — такими тяжелыми и нескладными, что они то и дело заплетались и он тыкался носом в землю. При первом взгляде на него человек испытывал жалость, вскоре переходившую в горячую симпатию. Пусть Питер был некрасив, но зато в его жилах смешалась кровь двух прекраснейших собачьих пород. Впрочем, в некоторых отношениях такая смесь напоминала смесь нитроглицерина с оливковым маслом или динамита и селитры с молоком и медом.

Когда Питер шагнул в черную тень, его сердечко отчаянно забилося, и он старательно проглотил слюну, словно в горле у него стоял комок. Но решение его было бесповоротным. Что-то неотвратимо влекло его вперед, и он

подчинился этому неслышному зову. Над ним медленно сомкнулся непроницаемый сумрак, и вновь шутница-судьба избрала самое нехитрое орудие, чтобы потом с его помощью творить радость и горе в человеческой жизни.

Когда тьма поглотила Питера, его уши стали торчком и жесткая шерсть на загривке вздыбилась. Но он не лаял, как лаял сегодня на берегу озера и среди зелени лугов. Дважды он оглянулся через плечо на чуть брезжащий позади солнечный свет, который с каждым его шагом становился все более тусклым. Но и это неясное пятно, говорившее о том, что путь к отступлению открыт, поддерживало мужество Питера, которое стало быстро убывать в нарастающем мраке. Однако когда он оглянулся в третий раз, сзади была уже только тьма! На мгновение в его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а глаза превратились в два огненных кружка — с таким напряжением он вглядывался в темноту. Даже его хозяйка, которая не страшилась почти ничего на свете, пожалуй, тоже остановилась бы тут в безотчетном испуге. А Питеру казалось, что солнце внезапно погасло совсем. Мохнатые лапы хвойных деревьев над его головой сплетались в единый непроницаемый полог. Зимой сюда не проникал снег, а летом даже самые яркие солнечные лучи превращались здесь в призрачный сумрак.

Питер думал теперь только о том, как бы убраться отсюда восвояси, но тут он стал различать в окружающей тишине незнакомые и непонятные звуки. Самым непонятным и самым жутким было шипение, которое раздавалось то в отдалении, то совсем близко и сопровождалось странным пощелкиванием, от которого кровь стыла у него в жилах. Дважды после этого над ним возникала тень огромной совы, и он припадал к земле, чувствуя, что комок в горле растет и становится все более тугим. Потом Питер услышал среди сплетения веток над его головой мягкое движение больших оперенных тел, и тогда он медленно и осторожно повернулся на животе, решив как можно скорее выбраться на луг, где по-прежнему сиял день. И в этот миг его сердце сжалось от невыразимого страха: перед ним на пути, который вел к дневным просторам, горели два пронзительно-зеленых огонька!

Не рассудок и не опыт, а инстинкт подсказал Питеру, что эти два зеленых кружка, светящиеся в темноте, не предвещают ему ничего хорошего. Правда, он не знал,

что его собственные выпученные глаза казались в этом темном тоннеле не менее страшными, и главное, он не знал, что распространяет вокруг себя нечто наводящее смертельный ужас — запах собаки! Зеленые глаза продолжали смотреть на него, и его неуклюжие лапы подогнулись, спина словно переломила пополам, и он упал в мягкую хвою, ожидая гибели. Но тут зеленые огоньки погасли. Потом зажглись снова, но уже подальше. Опять погасли. А когда вспыхнули в третий раз, то были похожи уже не на кружки, а на две светящиеся точки. Питер ощутил невероятное торжество. Инстинкт, унаследованный от предков-эрделей, сказал ему, что неведомый враг обратился в бегство. И Питер победоносно тявкнул.

На этот звук мрачная чаша, полная затаившихся тварей, ответила жуткими шорохами в перепутанных ветвях, непонятным ропотом шепчущихся голосов, зловещим шелканьем клювов, которые могли разодрать тощее тельце Питера на мелкие клочки. В глубине леса раздался сильный треск и насмешливое бормотание дикобраза, а потом вопросительный вопль: «У-уу-уух?!» Питеру сначала даже показалось, что это кричит человек. И он вновь, дрожа, припал к толстому хвойному коврику: его сердце отчаянно билось о ребра, баки стали дыбом от смертельного страха. Затем наступила тревожная, наводящая ужас тишина, и в этом ледяном безмолвии Питер тщетно вертел головой, стараясь увидеть хотя бы отблеск исчезнувшего солнечного дня. И вдруг, принося с собой надежду, до него долетел новый шепот, тихий и неясный, но совсем не похожий на прежние звуки. Где-то еле слышно журчала вода. Питеру было знакомо это дружелюбное журчание. Он не раз играл на гальке, песке и камнях там, где оно рождалось. Мужество вернулось к нему, он поднялся и пошел туда, откуда доносился этот звук. Что-то подсказывало ему, что ступать надо очень осторожно, но неуклюжие толстые лапы упрямо разъезжались и он несколько раз падал носом в хвою. Наконец он добрался до ручейка, который плескался и играл на обнаженных древесных корнях — такой узенький, что высокий человек без труда перешагнул бы через него. И тут Питер увидел впереди свет. Он пустился бегом и вскоре выбрался на луг, где под синим солнечным небом по-прежнему благоухали цветы, зеленела трава и весело пели птицы.

Питер забыл пережитый страх. Комок в горле исчез, сердце вернулось на обычное место, и щенок уже неколебимо и яростно верил, что успел победить всех на свете. Он оглянулся на темный проход под еловыми ветками, из которого выбегал смешливый ручей, и неторопливо затрусил прочь, вызываясь огрызаясь. На безопасном расстоянии он остановился и посмотрел по сторонам. За ним никто не гнался, и это подтверждало, что он совершил великий подвиг. Питер весь раздулся от гордости; воинственно упершись передними лапами в землю, он выгнул спину и залился самым грозным своим лаем. Он лаял, скреб лапами землю, рвал траву острыми щенячьими зубами — и все-таки никто не посмел выйти из темной чащи в ответ на его вызов.

Задрав голову и поставив уши торчком, Питер неторопливой рысцой взбирался по склону, впервые за всю свою трехмесячную жизнь пылая желанием задать кому-нибудь трепку — все равно кому. Он стал другим, и теперь ему уже было мало грызть палки или камни и трепать кроличью шкурку. Когда Питер выбрался из впадины, он остановился и, глядя вниз, громко тьякнул — ему уже почти хотелось вернуться в эти темные заросли и разогнать всех их обитателей. Потом он повернулся к Гребню Крэгга, и его боевой задор внезапно угас, а задраный хвост опустил, так что узловатый кончик коснулся земли.

Ярдах в четырехстах от него из райской ложбины, которая переходила в расселину, разделявшую два отроча Гребня, поднимался белый дымок. Увидев дым, Питер тут же расслышал и стук топора. Его пробрала дрожь, но он все-таки пошел на этот стук. Он был еще слишком мал, чтобы ненавидеть по-настоящему, и к тому же унаследовал кроткое добродушие своей матери, но тем не менее каждый раз, когда Питер слышал стук этого топора, в его смышленной головке зрели тревожные мысли и он чувствовал приближение опасности. Ведь стук этот был для него неразрывно связан с похожим на кошку остролицым человеком, у которого по верхней губе тянулась полоска рыжей щетины, а один глаз никогда не открывался. И Питер научился бояться одноглазого гораздо больше, чем он боялся призрачных чудовищ, скрытых в черной пропасти леса, куда он сегодня так отважно вошел.

Однако совы, дикобраз и убежавшая от него лиса с горящими глазами научили Питера чему-то, чего он еще не знал накануне, и, подойдя к краю ложбины, щенок не прильнул к земле, а остался стоять на своих кривых лапах и смело устремил взгляд вперед. По ту сторону ложбины, у западного отрога, среди высоких кедров, ярко-зеленых тополей и белоствольных берез виднелась бревенчатая хижина. Это был прелестный уголок. Между тем местом, где остановился Питер, и хижинкой простирался бархатистый зеленый ковер, усеянный цветами и источающий аромат фиалок и дикой жимолости, а над ним звенело птичье пение. Через лужайку бежал ручеек и исчезал в скалистой расселине, а на его берегу стояла хижина, увитая диким виноградом. Но настороженные глаза Питера не видели этой красоты, его уши не слышали ни птичьих трелей, ни болтовни рыжей белки, которая расположилась на пне по соседству. Он смотрел туда, где позади хижины на лесной опушке поднималась большая белая скала, похожая на гигантский гриб, а слышал он только удары топора, хотя и напрягал слух, стараясь уловить, не раздастся ли голос, которой он любил больше всего на свете.

Не услышав этого голоса, он подавил желание заскучить, спустился к ручейку, перешел его вброд и тихонько подкрался к хижине, приглядываясь и прислушиваясь. готовый при первом признаке опасности пуститься наутек. Он хотел позвать девушку обычным визгливым тьяканьем, но угроза, таившаяся в стуке топора, заставила его отказаться от этого намерения. У задней стены хижины, где дикий виноград разросся особенно густо, Питер давно уже вырыл себе тайник, и теперь он нырнул в него, точно испуганная крыса в нору. Потом осторожно просунул щетинистую мордочку сквозь зеленый занавес и огляделся, проверяя, безопасно ли будет вернуться домой и много ли у него шансов получить ужин.

Но тут его сердце радостно забилось: сегодня топором стучала девушка, а не мужчина!

В нескольких шагах у большой поленницы сверкнули на солнце ее каштановые волосы, и когда она повернулась к хижине, Питер успел разглядеть ее бледное лицо. Он уже готов был броситься к ней, шалея от восторга, но его удержал ужасный голос, который всегда внушал ему невыразимый страх.

Из хижины вышел мужчина в сопровождении женщины. Мужчина был долговязым и тощим, а его лицо походило на череп. Едва он появился в дверях, Питер понял, что в этот день он был даже злее обычного. Тот, кто подошел бы к нему в эту минуту, неминуемо заметил бы, что от него разит виски. Уголки губ у него пожелтели от табака, который он постоянно жевал, а когда он мотнул головой в сторону девушки с блестящими кудрями, в его единственном глазу засветилось жестокое торжество.

— Муни обещал отвалить за нее семьсот пятьдесят долларов, когда начальство заплатит ему за шпалы, и дал мне пятьдесят долларов задатка,— объявил он.— Не задарма же я ее десять лет кормил, бездельницу. А как будет ближе к свадьбе, я из него и тысячу выжму.

Женщина ничего не ответила. Она была отучена возражать, а тем более настаивать на своем. Каждая черта безобразного лица, каждая линия костлявой фигуры одноглазого говорили о беспощадной жестокости. Женщина давно была сломлена и порабощена. Ее лицо казалось безжизненным. Глаза потускнели, сердце отупело от постоянной боли, руки заскорузли и искривились от тяжелой работы, которой замучил ее безжалостный негодяй. Но даже Питер, притаившийся под домом, как мышь, понимал, что эти двое непохожи друг на друга. Он не раз видел, как девушка и женщина плакали, обнявшись. А когда он тихонько подходил к женщине, ее пальцы порой ласково гладили его и она давала ему поесть. Но он почти никогда не слышал ее голоса, если мужчина был где-нибудь поблизости.

Мужчина откусил кусок табачной жвачки.

— А сколько ей лет, Лиз? — спросил он вдруг.

И женщина ответила неестественным, придушенным голосом:

— Двенадцатого ей сравнялось семнадцать.

Мужчина сплюнул.

— Придется Муни выложить тыщонку. Мы же ее десять лет кормили, а Муни по ней с ума сходит. Ничего, раскошелится!

— Джед... — Голос женщины стал почти звонким. — Джед... нехорошо эдак-то...

Мужчина захохотал. Он широко разинул рот, и на солнце блеснули пожелтевшие клыки. Девушка опустила топор и, повернув голову, посмотрела на пару в дверях.

— Нехорошо? — гоготал мужчина. — Нехорошо? Ты мне то же самое десять лет твердишь насчет тайной продажи виски, а я продавал и продаю. Верно? И это твое слово не помешает нам с Муни договориться насчет свадьбы... если, конечно, Муни раскошелится на тысячу. — Тут он повернулся к жене и занес руку, словно для удара. — А если ты ей скажешь... если хоть вот на столечко меня выдашь, я тебе все кости переломаяю! Разрази меня на этом месте, если не так. Поняла? Ничего ей не скажешь?

Сутулые плечи женщины сгорбились еще больше.

— Я не скажу, Джед... право слово.

Мужчина хрипло хмыкнул и опустил занесенную руку.

— Ну смотри, а не то тебе не жить, — пригрозил он.

Девушка бросила топор на землю и пошла к ним. Она была худенькой и стройной, а гордо вскинутая голова и упрямый подбородок свидетельствовали о том, что одноглазому еще не удалось превратить ее в забитое и покорное существо, подобное его жене. На ней было надето вылинявшее ситцевое платье, обтрепанное по швам и с подрезанными рукавами, так что ее тонкие белые руки были открыты выше локтя. Ее чулки пестрели шпоткой и заплатками, а старые башмаки совсем прохудились.

Однако Питеру, который с обожанием созерцал ее из своего тайника, она казалась прекраснейшим в мире созданием. Правда, Веселый Роджер говорил то же самое, да и большинство мужчин (как, впрочем, и женщин) согласилось бы, что эта худенькая девочка была красива красотой, способной долго противостоять горестям и физическим мукам. Глаза у нее были синие, как фиалки, в которые Питер так недавно уткнулся носом. А ее чудесные волосы, пока она колола дрова, выбились из плена, в котором их держала выцветшая лента, и рассыпались по плечам. При виде этих густых каштановых кудрей, достигавших талии, даже в единственном глазу Джеда Хокинса порой вспыхивало восхищение. Но и тогда он продолжал ее ненавидеть, и не раз его костлявые пальцы злобно вцеплялись в эти сверкающие кудри, но лишь очень редко ему удавалось вырвать у Нейды крик боли. И теперь, когда она увидела лютую злобу на лице одноглазого, ее гордое сердце не дрогнуло, хотя по телу и пробежал холодок.

И все же эта вечная пытка уже начинала сказываться на ней. В синих глазах застыла тревога, лицо утратило краски, побледнело и осунулось, а яркие алые губы свидетельствовали не о здоровье и счастье, но лишь оттеняли бледность щек, напоминая об исчезнувшем румянце.

Она остановилась перед Джедом Хокинсом на таком расстоянии, что он не мог дотянуться до нее.

— Я же говорила тебе, чтобы ты больше никогда не смел поднимать на нее руку! — вскричала она, с трудом сдерживая ярость, а ее синие глаза метали в него молнии ненависти и презрения. — Если ты ударишь ее еще хоть раз, то... то будет плохо! Раз уж тебе надо кого-нибудь бить, бей меня. Я выдержу. А она... погляди сам! Ты сломал ей плечо, ты ее искалечил — и как это тебя еще земля носит!

Мужчина в бешенстве сделал шаг вперед. Где-то в самой глубине своего существа Питер ощутил нечто новое и незнакомое. Желание без оглядки бежать от этого человека вдруг исчезло. Худая маленькая грудь напряг-

лась, а за ней горло, и щенок издал рычание — правда, такое тихое, что человеческий слух не мог его уловить. У себя в тайнике Питер злобно оскалил острые зубы.

Однако мужчина не нанес удара и не протянул руку, чтобы схватить Нейду за шелковистые кудри. Он засмеялся придушенным смешком и отвернулся, пожав плечами.

— Я ведь не ударил ее, Нейда, верно? — сказал он и скрылся за углом хижины.

Девушка взяла женщину за руку. Злость исчезла из ее глаз, но она вся дрожала.

— Я его предупредила, что будет, и он теперь не посмеет тебя и пальцем тронуть, — мягко сказала Нейда. — А не то ему придется плохо. Уж я об этом позабочусь. Я донесу в полицию. Я покажу им все тайники, где он прячет виски. Я... я засажу его в тюрьму, пусть мне потом не жить!

Исхудалые пальцы женщины стиснули руку Нейды.

— Нет, нет, и не думай об этом, — произнесла она

умоляюще.— Когда-то он был со мной ласков, давным-давно это было, Нейда. Джек, он не такой уж и злой, это все виски виновато. Не доноси на него, Нейда. Слышишь, не доноси!

— Я же тебе обещала, что не донесу, если он перестанет тебя бить. Пусть дерет меня за волосы, коли ему нравится. Но если он ударит тебя...

Она судорожно вздохнула и тоже скрылась за углом хижины.

Питер подождал, прислушиваясь. Потом он скользнул тайной дорожкой под пологом дикого винограда и увидел, что Нейда быстро идет по направлению к расселине, прорезающей Гребень. Он последовал за ней так тихо, что она заметила его присутствие, только когда уже пробиравась по каменной россыпи среди скал по ту сторону отрога. С радостным криком девушка схватила щенка и прижала его к груди.

— Питер, Питер, где же это ты разгуливал? — спросила она.— Я тебя повсюду искала, и Роджер тоже... то есть мистер Веселый Роджер.

Питер почувствовал, что его обняли еще крепче, и расслабленно повис на руках хозяйки, которая тем временем добралась до прятавшейся среди скал группы карликовых бальзамических елей. Это был их «уголок», и Питер давно понял, что должен свято хранить его секрет. Тут Нейда устроила для себя тайный приют, и теперь она опустилась на кучу еловых веток и усадила перед собой Питера, придерживая его за передние лапы. В ее глазах зажегся новый свет, и они сверкали, как звезды. Щеки ее разругались, алые губы полуоткрылись, но Питер, который в конце-то концов был только собакой, не мог постигнуть, какой красивой она стала. Однако он понял, что произошло какое-то событие, и из всех сил старался понять, какое именно.

— Питер, он опять приходил сюда сегодня — мистер Роджер, мистер Веселый Роджер,— зашептала девушка, и ее щеки порозовели еще больше.— И он сказал мне, что я очень хорошенькая!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через скалы туда, где в долине чернел лес. Ее пальцы под косматыми лапами Питера сжались так сильно, что он тихонько заворчал.

— И он спросил меня, можно ли ему потрогать мои

волосы... Подумай только, Питер, он спросил меня об этом! А когда я сказала «да», он только чуть-чуть к ним прикоснулся, точно боялся чего-то, и сказал, что они чудесные и что я должна за ними хорошенько ухаживать!

Питер заметил, что на горле у нее забилась жилка.

— Питер... он сказал, что не обидел бы меня ни за что на свете, что он скорее даст отрубить себе руку! Вот что он сказал. А потом сказал, что если я позволю, он хотел бы меня поцеловать...

Она снова обняла Питера.

— А... а я сказала ему, что, наверное, это можно, потому что он мне нравится и никто другой меня никогда не целовал, и... и, Питер, он меня не поцеловал! А когда он уходил, он был как будто не в себе — лицо у него стало совсем белое... И с той минуты у меня внутри все время что-то поет. Я не знаю, что это, Питер, но оно тут!

Помолчав немного, она прошептала:

— Знаешь, Питер, хорошо бы мистер Веселый Роджер увез нас с тобой отсюда далеко-далеко.

Тут она сжала губы, нахмурилась и, посадив Питера рядом с собой, вновь посмотрела через долину на темный лес, в глубине которого пряталась хижина Веселого Роджера.

— Почему он не хочет, чтобы люди знали, что он там живет, а, Питер? — произнесла она задумчиво. — Он поселился в старой лачуге, где в ту зиму помер индеец Том... то есть умер, — поправилась она. — И я обещала, что никому не скажу. Он говорит, что это тайна и что о ней знаем только ты, я да миссионер на Быстром ручье. До чего же мне хочется как-нибудь прибрать у него в хижине!

Питер тем временем принялся обнюхивать щели между камнями и не видел, как синие глаза вдруг сердито засверкали. Девушка смотрела на свои рваные башмаки, на штопаные-перештопаные чулки, на жалкое вылинявшее платье, и ее пальцы судорожно сжались в кулачки.

— Я бы так и сделала... Я бы уехала отсюда куда глаза глядят и не вернулась бы никогда, если бы не она... Она теперь обходится со мной хуже ведьмы, только это все Джед Хокинс виноват. Я ведь помню...

Внезапно она вскочила на ноги и вызывающе трясну-

ла головой, так что ее волосы солнечным облачком взметнулись под порывом ветра.

— Когда-нибудь я его убью! — крикнула она темному лесу по ту сторону долины. — Да, убью!..

ГЛАВА II

Нейда шла за Питером. Уже давно в ее измученной душе зрела буря, хотя до сих пор только Питер бывал свидетелем грозových вспышек. Но в этот день она не сумела промолчать и тихим, бесчувственным голосом рассказала Веселому Роджеру (чужаку, поселившемуся в лесной чаще) о том, как десять с лишним лет назад ее родители умерли от какой-то заразной болезни, и о том, как Джед Хокинс и его жена обещали заботиться о ней за три черно-бурые шкурки, которые ее отец добыл незадолго до начала морового поветрия. Все это она слышала от женщины — ведь самой ей в то время было всего шесть лет. Рассказывая Веселому Роджеру о том, что было дальше, она не осмелилась поднять на него глаза и поэтому не видела, как все больше темнело его лицо. Но он громко хмыкнул. У него была такая привычка, однако Нейда только недавно познакомилась с ним и не знала, что это означает. Вот тогда-то он и попросил разрешения потрогать ее волосы и его большая ладонь на мгновение с женской ласковостью коснулась ее головы.

Воспоминание об этом прикосновении все еще согревало ее сердце. Оно давало ей новое мужество и неизведанную прежде радость — такие же, какие подарила Питеру его недавняя победа над невидимыми чудовищами. Питер теперь ничего не боялся, и Нейда тоже. Они вошли в узкое ущелье, загроможденное скалами. Тут Питер внезапно застыл на месте, опустив нос к земле, потом его ноги напряглись, и девушка впервые услышала, как он рычит. Она остановилась, прислушиваясь, и вскоре до нее донесся тихий звук, словно кто-то скреб камнем о камень. Нейда перевела дух, выпрямилась, и Питер, взглянув вверх, увидел, что ее губы полуоткрылись, а глаза засверкали. Затем она нагнулась и подобрала с земли тяжелый сук.

— Пойдем туда, Питер,— шепнула она.— Это один из его тайников.

Сознание, что она больше не боится, пьянило Нейду, как пьянило оно и Питера, чье сердечко быстро забилося, когда он последовал за хозяйкой. Ступали они очень осторожно — девушка шла на цыпочках, а у Питера на лапах были мягкие подушечки,— и когда они вышли на песчаную площадку между двумя огромными скалами, Джек Хокинс, который копался в песке, стоя на коленях спиной к ним, даже не повернул головы. Еще накануне и Питер и Нейда, если бы они вот так наткнулись на него, поспешили бы незаметно улизнуть, потому что Джек был занят своим черным делом и тому, кто ему помешал бы, не поздоровилось бы. Джек выгреб из-под скалы кучу песка, достал из ямы большую бутылку и принялся наполнять шесть грязных кожаных фляг. Затем он прервал эту работу и приложился к бутылке. Щенок и девушка услышали, как виски забулькало у него в глотке.

Нейда постучала дубинкой по скале, и Джек стремительно обернулся. Когда он увидел, кто перед ним, его лицо побелело от бешенства. Вскочив на ноги, он стиснул огромные кулаки, его желтые зубы оскалились.

— Ах ты чертова шпионка! — хрипло крикнул он.— Будь ты женщиной, ты не ушла бы отсюда живой!

Девушка даже не вздрогнула, не побледнела. Наоборот, ее щеки вспыхнули румянцем, и Хокинс увидел в ее глазах торжествующую радость. Презрительно искривив губы, Нейда сказала с насмешкой:

— Будь я мужчиной, Джек Хокинс, ты бы сразу задал стрекача!

Он шагнул к ней.

— Ты бы задал стрекача,— повторила она, глядя прямо ему в лицо и крепче сжимая сук.— Ты ведь бьешь только женщин, малых детей да щенят, которые еще не умеют кусаться. Ты трус, Джек Хокинс, подлый, бесчестный трус и торговец краденым виски,— и как это тебя еще земля носит!

Даже Питер почувствовал, что произошло что-то сверхъестественное: самый воздух между скалами застыл, словно вот-вот должен был взорваться гигантский динамитный заряд или обрушиться мир. Питер, забыв все на свете, смотрел на свою хозяйку, такую тоненькую и маленькую, впервые готовую без страха встретить

будущее, и его преданное собачье сердце угадало смысл происходящего: широко раставив большие лапы, он встал перед Джедом Хокинсом и зарычал на него.

Бутлѣгер¹ на мгновение растерялся. Последние месяцы он старался не задевать Нейду, чтобы она вела себя смирно и ничего не заподозрила, пока Муни не заплатит ему обещанных денег. А потом — потом он отведет ее к Муни, и тот уж пускай сам ее обламывает, рассуждал Джек. И вот как она отплатила ему теперь за его мягкость! Она в грош его не ставит, подглядывает за ним, ругает в глаза — дармоедка, которую он десять лет кормил и поил!

Он уже не думал о ее красоте. Ее следовало хорошенько проучить, выдрать ей волосы, задать ей такую таску, чтобы на ней места живого не осталось, — тогда небось прикусит язык! Хокинс рванулся к девушке, и Питер отчаянно залаял, увидев, что Нейда замахнулась дубинкой. Но она опоздала на одно мгновение. Хокинс вышиб сук из ее пальцев, и его правая рука погрузилась в пышные мягкие локоны.

Тут словно цепь распалась в душе Питера. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Весь мир теперь свелся для него к одной узкой полоске — к полоске кожи на ноге бутлѣгера между штаниной и башмаком. Он прыгнул. Его белые зубы, острые как иглы, впились в облюбованное местечко. И Джек Хокинс с диким воплем выпустил волосы Нейды. Питер услышал его крик и еще крепче стиснул зубы на щиколотке единственного существа, которое он ненавидел. Весь ужас того, что последовало, понял не столько Питер, сколько Нейда. Хокинс нагнулся, его сильные пальцы сомкнулись на тонкой шее Питера, и щенок, вдруг утратив способность дышать, разжал челюсти. Затем Джек Хокинс отвел руку со щенком так, словно собирался бросить камень.

В тот миг, когда его рука выпрямилась и тело Питера взлетело в воздух, Нейда с криком бросилась к бутлѣгеру. Ее дубинка опустилась на его лицо, и тут же раздался глухой и какой-то хрустящий стук — это нескладное тельце Питера ударилось о скалу. Когда Нейда обернулась, она увидела, что Питер извивается в песке — его

¹ Бутлѣгер — человек, занимающийся тайной продажей спиртных напитков.

спина и задние лапы были, по-видимому, сломаны, но он не взвизгнул, не заскулил и, не спуская с нее блестящих глаз, силился подползти к ней. Только Веселый Роджер знал, что мать Питера погибла, спасая жизнь женщине, и, наверно, в эту минуту ее дух проснулся в сердце Питера, потому что, не замечая мучительной боли, он думал только об одном: дотащить до ног девушки и умереть, защищая ее от врага. Он не понимал, что его искалеченное тельце при каждом отчаянном усилии продвигается вперед не более чем на дюйм, но Нейда догадалась об ужасной правде и со стоном, которого не вырвали бы у нее никакие побои Хокинса, бросилась к щенку, упала на колени и бережно подхватила его на руки. Затем, поднявшись, девушка с быстротой молнии повернулась к Джеду Хокинсу.

— За это я тебя убью! — задыхаясь, крикнула она. — Убью! Помяни мое слово.

Ее удар на несколько секунд ослепил единственный глаз бутлегера, но теперь он кинулся на нее, и Нейда пустилась бежать, напрягая все силы. Позади раздавались тяжелые шаги ее преследователя, хрустел песок, рассыпались камешки, и девушку охватил мучительный страх, но она боялась не за себя, а за Питера. Постепенно Хокинс отстал, ругаясь и проклиная судьбу, которая лишила его одного глаза.

Нейда стремглав выбежала из ущелья на простор лугов, ее волосы развевались, руки сжимали тельце Питера. Щенок заскулил тихо и жалобно; Нейда вдруг вспомнила, что точно так же плакал ребенок — умиравший пятимесячный младенец. Из ее груди вырвался мучительный крик, так как она решила, что Питер тоже умирает. Спотыкаясь, она продолжала бежать в сторону черной стены леса, прижимала лицо к мордочке Питера и со слезами повторяла его имя:

— Питер... Питер... Питер...

А Питер, который даже и в эту минуту был бесконечно счастлив, потому что чувствовал ее любовь и слышал звук ее голоса, высунул язык и благодарно лизнул ее щеку. Нейда громко всхлипнула.

— Не бойся, Питер, — шептала она. — Не бойся, маленький... Он тебя больше не тронет, а мы уйдем за ручей в хижину мистера Роджера. И тебе там будет хорошо. Тебе там будет очень хорошо...

Она судорожно зарыдала, и ее сердце, переполненное материнской нежностью, словно разорвалось в ее груди. А шенок, инстинктивно чувствуя всю силу этой сроднившей их любви, крепче прижался колючей мордочкой к ее щеке, тихонько повизгивая. Он не боялся умереть, пока его держали эти теплые ласковые руки.

— Не плачь, маленький,— уговаривала Нейда.— Не плачь, Питер. Скоро все будет хорошо... да, хорошо...

Она снова всхлипнула, рыдания душили ее, и она больше не сказала ни слова, пока они не добрались до опушки дремучего леса.

Тут Нейда взглянула на Питера и увидела, что он закрыл глаза. И вдруг ей почудилось какое-то сходство между его щетинистой мордочкой и бледным личиком умиравшего младенца.

— Я тебя выхожу, Питер. Мистер Роджер тебя вылечит,— шепнула она.

Но она знала, что говорит неправду — никто уже не мог помочь Питеру. Она глядела на неподвижную мордочку щенка, и ее сердце сжималось от тягостного предчувствия неизбежной утраты: ведь у Питера был сломан хребет и он умирал — умирал у нее на руках. Но Нейда продолжала быстро бежать по сумрачной лесной тропе — она хотела добраться до хижины Веселого Роджера за ручьем у болота, пока сердце Питера еще не остановилось. Она не надеялась, что Роджер может спасти Питера, но ей казалось, что и щенку и ей станет немного легче, если рядом будет Веселый Роджер. Ведь эта весна была первой радостной весной в ее жизни, ибо знакомство с человеком, тайно поселившимся в лесной хижине, скрасило ее безрадостное существование, пробудило в ней надежду, и они с Питером считали, что лучше его нет никого на свете.

Когда Нейда добралась до брода через Быстрый ручей, от которого до хижины оставалось еще добрых полмили, она совсем запыхалась и выбилась из сил. Вода в ручье мчалась стремительно, почти вровень с берегами; Нейда вспомнила, как Веселый Роджер предупреждал ее, что начался разлив, и ее глаза расширились от страха. Она поглядела на Питера: он беспомощно и неподвижно висел на ее руках. Нейда глубоко вздохнула и решила. Она знала, что даже в разлив в самом глу-

боком месте ей здесь будет только по пояс; но слишком уж бешеным было течение.

Она прижала губы к мохнатой мордочке Питера, поцеловала его и шепнула:

— Мы переберемся на ту сторону, Питер. Мы ведь не боимся, маленький? Мы переберемся, обязательно переберемся...

Нейда храбро шагнула вперед — вода закружилась у ее щиколоток, у колен, у бедер. Потом вода достигла ее талии, и словно какие-то невидимые руки поднялись к ней со дна, схватили, потянули за собой — Нейда удержалась на ногах лишь ценой отчаянного усилия, но течение продолжало упорно тащить ее. И вот, когда девушка уже почти добралась до спасительного берега, случилось то, чего она опасалась. Нейда почувствовала, что теряет равновесие, и едва успела пробормотать какие-то слова ободрения Питеру, как ноги ее окончательно утратили опору. Что-то сильно ударило ее в бок, Нейда, придерживая Питера одной рукой, беспомощно взмахнула дру-

гой — и ее пальцы сомкнулись на сучке, торчавшем, точно ручка, над черным скользким бревном, которое обрушил на нее ручей.

— Все хорошо, Питер! — крикнула Нейда, хотя и знала, что они вот-вот утонут. — Все хоро...

Внезапно она с головой ушла под воду, а с ней и Питер, которого она продолжала судорожно прижимать к груди.

Думала она не о себе, а только о Питере. Почему-то она не боялась, хотя обычно зрелище бурных весенних разливов внушало ей робость. Вода гремела над ней, под ней и всюду вокруг; в ее ушах стоял оглушающий хриплый рев, и все же она не испытывала привычного страха.

Пока этот черный хаос душил ее, в ее мозгу по-прежнему рождались слова ободрения Питеру, которые она уже не могла произнести вслух; одной рукой она держала щенка, а другой цеплялась за сучок, силясь приподняться над водой. Питер перестал быть для нее просто собакой — ведь он бросился на ее защиту и отдал за нее жизнь!

Внезапно какая-то сила подбросила ее кверху — большое бревно повернулось, возвращаясь в устойчивое положение, из которого его на минуту вывел ее вес. На краю заводи, где вода кружила, но уже не мчалась неудержимо вперед, на поверхности показались каштановые волосы Нейды, потом ее побелевшее лицо, и последним судорожным усилием девушка положила мокрое тельце Питера на бревно. Всклипывая, Нейда пыталась вздохнуть поглубже. Мокрые пряди залепили ей глаза, и она ничего не видела. Силы совсем ее оставили, ей никак не удавалось взобраться на бревно рядом с Питером, а потом, когда она немного приподнялась, сук склонившегося над водой дерева оторвал ее от бревна, точно могучая рука.

Вскрикнув, она попробовала схватить Питера, но он исчез, исчезло и бревно, а сук вцепился ей в волосы, как нередко вцеплялся в них Хокинс, и несколько секунд течение раскачивало ее тело так, что содрогалось все дерево.

Но боли Нейда на ощущала; смигнув воду с глаз, она увидела ниже по течению широкую тихую заводь, где теперь колыхалось бревно. Однако Питера на нем не было. И вдруг сердце замерло у нее в груди, глаза широ-

ко раскрылись, и в изумлении перед невероятностью свершившегося чуда она забыла, что висит на волосах в бурлящем потоке, а скользкие руки течения бьют ее, хватают и стараются увлечь на дно. Она увидела Питера! Он был в дальнем конце заводи и плыл к берегу! Несколько секунд она была уверена, что зрение ее обманывает. Наверное, это течение несет его труп. Ведь Питер не мог плыть! Но... но голова его была поднята над водой... он продвигался к берегу... он бил лапами...

Нейда отчаянно рванулась. Что-то подалось. Голову ей словно обожгло, и течение потащило ее дальше. В заводи она поплыла, преодолевая слабость, и вскоре ее ноги коснулись дна. Она протерла глаза, почти рыдая от невыразимого страха и невыразимой надежды. Питер уже выбрался из воды. Он кое-как всполз на берег и съехал в мокрый комок, но он смотрел на нее! Его глаза блестели, они искали ее. Нейда побрела к нему. Только теперь, когда все осталось позади, она поняла, до чего обессилела. В голове у нее что-то беспрерывно кружилось, к горлу подступала тошнота, все вокруг плыло перед глазами, и ее уже не удивляло, что Питер жив, а не умер. До берега оставалось всего несколько футов, но силы совсем оставили Нейду, она опустилась в воду и, ползком добравшись до Питера, снова взяла его на руки и прижала к мокрой, судорожно вздымающейся груди.

Солнце лило на них свои лучи, не затененное ни единой веточкой, вода, еще так недавно певшая песнь смерти, теперь снова журчала весело и дружески, кругом щебетали птицы и совсем рядом на стволе рябины резвились две рыжие белки. Потемневшие от воды волосы Нейды снова посветлели на солнце и начали завиваться в крупные кольца; высохли и жесткие баки Питера. Через полчаса глаза девушки уже сияли светом надежды и щеки ее окрасил румянец.

— Мы уже почти высохли, Питер, и можем пойти к мистеру Веселому Роджеру,— шепнула она весело.

Нейда встала, встряхнула лишь чуть влажными волосами, взяла Питера на руки... и вздрогнула, потому что он жалобно заскулил.

— Он тебя вылечит, Питер,— сказала она, чтобы утешить щенка.— И нам у него будет хорошо.

Взгляд Нейды был устремлен вперед, в пронизанную

солнцем лесную зелень. Пение птиц и вся окружающая красота наполняли ее душу неизъяснимой радостью, а прикосновение мягкой земли к ее босым ногам, казалось, сулило чудесную, неизвестную ей дотоле свободу.

— Цветы! — негромко воскликнула она. — Цветы, и птицы, и солнце! Питер... — Она умолкла на миг, словно прислушиваясь к дыханию света и жизни вокруг. — Ну, нам пора идти к мистеру Веселому Роджеру, — сказала она затем.

Нейда еще раз встряхнула волосами, и они засияли вокруг ее лица, будто ореол. Синева ее глаз стала еще синее, а румянец на щеках еще алее, когда она свернула на еле заметную тропинку, которая вела к хижине, где Веселый Роджер прятался от людских глаз.

ГЛАВА III

В старой лачужке индейца Тома, построенной на травянистой поляне неподалеку от Быстрого ручья, раздался веселый мужской смех. В этот предвечерний час последнее солнечное золото лилось в распахнутую дверь хижины, сложенной из тополевых бревен. И как солнечные зайчики на пестрой тополевой древесине, этот смех словно озарял тут все вокруг — тут, на краю огромного болота, которое простиралось далеко на север и на запад. Это был особый смех — не буйный или насмешливый, но звонкий и чарующий своей искренностью. Он был очень заразителен и мог разогнать тьму самой хмурой ночи. Он рассеивал страх, и если в болоте старого индейца Тома и вправду водились черти, то, заслышав его, они, конечно, улепетывали во все лопатки. И не раз, как могли бы засвидетельствовать обитатели многих типи¹ и хижин далеко отсюда, перед этим смехом отступала сама смерть.

В последний вечер мая, о котором мы ведем рассказ, человек, умевший так смеяться, стоял, облокотившись о грубо сколоченный стол. Это был Роджер Мак-Кей, более известный как Веселый Роджер, разбойник, разы-

¹ Типи — жилище североамериканских индейцев: остроконечный шалаш, крытый шкурами или корой.

скиваемый всеми патрулями королевской северо-западной конной полиции к северу от Водораздела¹.

Но тот, кто увидел бы его в эту минуту в золотом ореоле солнечных лучей, не поверил бы, что перед ним скрывающийся преступник, а тем более преступник, который, по слухам, творил в северном краю неслыханные бесчинства. Он был не особенно высок ростом, крепкий, как наливное яблоко, и такой же румяный. Было что-то детское в его круглом розовом лице, в ясных серых глазах, в льняных, коротко подстриженных волосах и в пухлости его обнаженных по локоть рук. Веселый Роджер выглядел упитанным и благодушным. Фигура его была округлой в каждой своей линии, однако тот, кто назвал бы его толстяком, ошибся бы. Очень ошибся бы, как могли подтвердить многие люди, встречавшиеся с ним на лесных тропах. Его лицо не носило никаких следов порочности, и он ничем не походил на гонимого преступника; разве что сторонний наблюдатель сосредоточил бы свое внимание только на пистолете, который висел на поясе, обвивавшем его не слишком стройный стан. Если бы не этот пистолет, Веселый Роджер производил бы впечатление не просто безобидного малого, но человека, самой судьбой предназначенного всюду приносить дух бодрости и доброжелательства. Что до его возраста, то ему было двадцать пять лет, о чем он, впрочем, избегал упоминать.

На первый взгляд в хижине не было ничего, что могло бы рассмешить даже самого заядлого весельчака, не говоря уж о разбойнике, за чью голову была назначена награда,—если только это не был аппетитный запах готовящегося ужина. На маленькой плите в дальнем углу поджаривались две куропатки, а из сломанного носика кофейника подымались клубы ароматнейшего пара. В открытой духовке ждали своей очереди шесть горячих печеных картофелин в хрустящей золотисто-коричневой корочке.

Веселый Роджер, посмеиваясь и потирая руки, отошел от стола и в третий раз направился к низкой полке в дальнем углу. Там он осторожно приподнял кипу старых газет; в открывшейся коробке что-то зашуршало, раздался протестующий писк, и над краем появилась

¹ Водораздел — общее название хребтов, отделяющих бассейны Великих озер от Гудзонова залива.

мордочка бурой мышки, которая устремила на Роджера вопросительный взгляд двух блестящих глаз-бусинок.

— Вот плутовка!— радовался Роджер.— До чего же храбрая плутовка!

Он приподнял газеты повыше и снова принялся рассматривать диковинку, на которую случайно наткнулся полчаса назад. В мягком гнездышке лежало четверо крохотных мышат, еще совсем голеных и слепых. Едва он спустил газеты, как мать прошуршала назад к ним, и было слышно, как она попискивает, успокаивая малышей,— она как будто говорила им, что этого человека можно не бояться: она его хорошо знает и он ни за что не причинит им никакого зла. А Веселый Роджер, вернувшись к столу, вновь расхохотался, и смех его разнесся над долиной ручья, одетой золотом заката, так что с вершины высокой ели на самом берегу ему задорным стрекотом ответила голубая сойка.

Однако на самом деле этот смех был вызван не только видом четырех голеных мышат в гнезде из газетных клочков. В этот день к веселому и беззаботному искателю приключений вдруг пришло счастье — ему стоило только протянуть руку, и счастье навсегда осталось бы с ним. Но он не протянул руки... потому, что был разбойником, и еще потому, что во всем следовал собственному строгому кодексу чести. Роджер Мак-Кей не верил в бога, но он поклонялся природе: все ее проявления, ее жизнь, самый воздух, которым он дышал, были теми страницами, из которых слагалась книга его веры. И когда солнце начало спускаться за вершины высочайших деревьев, он прочел на этих страницах, что поступил как глупец, когда отвернулся от самого лучшего подарка, который могла ему сделать жизнь,— отвернулся только потому, что прихоть судьбы превратила его в нарушителя людских законов и обрекла на скитания. Вот почему теперь его душа пела и смеялась.

Он твердо верил, что полчаса назад принял непоколебимое решение. Он заставил себя забыть про нарушенный закон и про облаченных в красные мундиры служителей этого закона, которые неотступно шли по его следу. Но им и в голову не придет искать его здесь, на самой границе цивилизации, а время, заверил он себя в эту минуту оптимизма, укроет его надежной завесой забвения. Завтра он снова отправится за Гребень Крэгга и...

Перед его умственным взором встало грустное личико с широко открытыми синими глазами, вновь в неярких лучах солнца заблестели каштановые кудри и алые губы, запинаясь, произнесли: «Вы меня не обидите, если поцелуете, мистер Веселый Роджер... если вам этого хочется!»

Он подробно рассказал про это ясноглазой мышке-матери, которая то и дело выглядывала из своей коробки.

— А ты чересчур уж любопытна, плутовка,— сообщил он ей.— И к тому же настоящая пиратка, суший капитан Кидд: ты съела мой сыр, изгрызла ремешки моих лыж и утащила у меня носок для своего гнезда. Мне следовало бы поймать тебя в мышеловку или отстрелить тебе голову. Но я этого не делаю. Я позволяю тебе спокойно жить... и растить детей. И, миссис Кидд, тебе я обязан замечательной мыслью. Да-да! Ты сказала мне, что я имею право завести собственное гнездо,— и я его заведу! А хозяйкой в нем будет самая милая, самая красивая девушка на свете, которая только по ошибке не родилась цветком! Вот так, миссис Кидд. А если явятся полицейские ищейки...

И тут вдруг радужные дали затуманились, и на лице Веселого Роджера появилось выражение, которое бывает у человека, когда он не боится взглянуть правде в глаза и знает, что загнан в угол и должен защищаться.

Солнце заходило, ужин стыл на столе, а это облако, омрачившее светлую картину, становилось все мрачнее, превращалось в темную тучу, оледенившую его сердце. Он отошел от стола к открытой двери; его пальцы медленно сжались в кулаки, и он спокойно и неторопливо оглядел свой мир. Перед ним простиралась глухая лесная чаща, кое-где еще пронизанная угасающими отблесками заката. Вот это и был его мир — весь его мир. Здесь он родился и здесь когда-нибудь умрет. Он любил и понимал этот мир, чей могучий дух говорил с ним всегда — днем и ночью, при солнечной погоде и в бурю. Но теперь он безмолвствовал. И Веселый Роджер, погрузившись в задумчивость, не слышал насмешливой брани, которой осыпала его голубая сойка с пламенеющей вершины высокой темной ели.

Тут внутри него поднялось что-то более сильное, чем эгоистическое желание счастья, и его угрюмо сомкнутые губы прошептали с тихим, но яростным вызовом:

— Она совсем маленькая девочка. А я... я разбойник, и меня ждет тюрьма... Ведь рано или поздно они меня изловят, я знаю!

Он отвернулся от закатного неба и шагнул в сумрак своей хижины. В газетах шуршала маленькая мать, и на мгновение губы Веселого Роджера искривились в грустной улыбке.

— Нельзя! — сказал он. — Нельзя — и все тут, миссис Кидд. Ей и так живется несладко, а со мной будет еще хуже. Этого ведь не избежать. Никак не избежать, миссис Кидд. Но я рад, чертовски рад, что она разрешила мне поцеловать себя, если я этого захочу! Только подумать, миссис Кидд! Если я захочу... О господи!

И, обнаружив комическую сторону даже в своей трагедии, Веселый Роджер усмехнулся и нагнулся над сковородкой с куропатками.

— Если я захочу! — повторил он. — Да я бы жизнью заплатил, лишь бы поцеловать ее хотя бы один раз! Но дело так обернулось, миссис Кидд, что...

Веселый Роджер вдруг умолк и весь напрягся. Жизненный опыт научил его одному: выживает самый приспособленный — но самым приспособленным он остается, только пока выживает. И он всегда был начеку. Он умел думать быстро, слух у него был острый, а мышцы в каждой своей клеточке хранили настороженность. И теперь, не поворачивая головы, он знал, что в дверях у него за спиной кто-то стоит. Об этом ему сказали легкий шорох, тень, возникшая на стене, еще чуть позолоченной закатом, чей-то устремленный на него взгляд, чье-то безмолвное и неподвижное присутствие. Такого предупреждения было достаточно. Роджер подцепил куропатку на вилку, перевернул ее, громко рассмеялся... и внезапно с быстрой молнии повернулся к двери, уже держа свой кольт сорок четвертого калибра на уровне груди незваного гостя.

И сразу же рука с пистолетом опустилась.

— Ах черт...

Он растерянно глядел в глаза, отвечавшие ему таким же растерянным взглядом.

— Нейда! — с трудом выговорил он. — А я-то думал... я думал... — Он сделал судорожное движение губами, подыскивая правдоподобное объяснение. — Я думал, что это медведь.

В первую минуту он не заметил, что ситцевое платье тоненькой воспитанницы Джеда Хокинса промокло насквозь. Синие глаза девушки испуганно блеснули. Щеки горели лихорадочным румянцем. Какие-то невысказанные слова застыли на полураскрытых губах, а волосы падали на плечи растрепанной волной. Однако Веселый Роджер ничего не замечал — недавние счастливые грезы, внезапность ее появления и ее красота заслонили от него все остальное. Но тут он внезапно увидел и другое. Последний луч заката блеснул в ее волосах потому, что они были влажными, платье облепляло ее, а вокруг ее рваных башмаков растекались маленькие лужицы. Само по себе это его не особенно удивило бы, так как, чтобы попасть сюда, она должна была перейти вброд ручей. Но его поразило выражение ее лица и руки, крепко прижимающие к груди Питера, щенка, которого он ей подарил.

— Нейда, что случилось? — спросил он, кладя пистолет на стол. — Ты упала в ручей?

— Нет. Питеру плохо, — сказала она с рыданием в голосе. — Мы наткнулись на Джеда Хокинса, когда он выкапывал свое виски... Он совсем взбесился, схватил меня за волосы, и Питер укусил его... а... а он схватил Питера и бросил его о камень... Он совсем изувечен! Мистер Веселый Роджер...

Девушка протянула ему щенка. Веселый Роджер взял щетинистую мордочку в ладони, а потом осторожно перехватил расшибленное тельце, и Питер тихонько заскулил. Девушка судорожно всхлипывала, но ее глаза, когда она на миг перевела взгляд со щенка на пистолет, были сухими.

— Будь у меня револьвер, я бы его убила! — крикнула она.

Веселый Роджер опустился на колени и нагнулся над Питером. Его лицо стало серым и холодным.

— Он схватил тебя за волосы?

— Я... я нечаянно сказала про это, — прошептала она, наклоняясь над его плечом. — Я не хотела. И мне совсем не было больно. А вот Питеру...

Роджер ощутил у себя на шее влажное прикосновение ее локонов.

— Скажите, мистер Веселый Роджер, он сильно покалечен?

Веселый Роджер с женской бережностью ощупывал

худенькое тельце Питера. И Питер чуть слышно повизгивал, испытывая невыразимое облегчение оттого, что его касались эти пальцы. Он больше не боялся ни Джеда Хокинса, ни боли, ни смерти. Собаки понимают счастье очень просто. И для Питера было невыразимым блаженством лежать вот так, забывая терзавшую его боль, потому что над ним наклонялось лицо любимой хозяйки, а ласковые пальцы Веселого Роджера трогали его, неся ему исцеление. Он заскулил, когда Веселый Роджер нащупал место перелома, и вскрикнул совсем как маленький ребенок, когда внезапно что-то хрустнуло и кость встала на место, но даже и в эту минуту он повернул голову так, чтобы горячим язычком лизнуть дружескую руку. А Веселый Роджер тем временем давал указания девушке, которая быстро отыскала подходящую тряпку, разорвала ее на узкие полоски, и уже через десять минут правая задняя нога Питера была перебинтована так туго, что стала неподвижной и бесполезной, точно деревяшка.

— У него было вывихнуто бедро и сломана голень,— объяснил Веселый Роджер, закончив перевязку.— Теперь все хорошо, и через три недели он будет бегать по-прежнему.

Он осторожно поднял Питера и сделал ему постель на нарах из собственного одеяла. Потом все с тем же странным серым лицом повернулся к Нейде.

Она стояла вполоборота к двери и смотрела прямо на него. И Веселый Роджер увидел в ее глазах то самое чудо, которое утром посулило счастье его измученной бурями душе. Глаза Нейды были синее самых синих фиалок, какие только ему доводилось видеть, и он знал, что ее бесхитростное сердце не станет скрывать тайны, о которой говорят эти глаза. Он отдал бы все на свете, лишь бы обнять ее, и он знал, что для этого ему стоит только протянуть к ней руки, но их сковало другое, более сильное чувство. На щеках Нейды пылал румянец, и Роджеру казалось, что нигде в мире не найдется красавицы, равной этой тоненькой девушке в старом платье и худых башмаках.— такая неземная радость озаряла ее лицо, обрамленное влажной волной кудрей, которые чуть блестели в свете угасавшего дня.

— Я знала, мистер... Роджер, что вы его вылечите! — сказала она, и в ее голосе зазвенела гордость за него, вера и обожание.— Я знала это!

В горле Веселого Роджера встал какой-то комок, и, отвернувшись к плите, он начал тыкать вилкой в хрустящую корочку печеных картофелин. Не оборачиваясь, он сказал ей:

— Ты пришла как раз к ужину, Нейда. Мы поедим, а потом я провожу тебя до Гребня.

Питер не спускал глаз с Роджера и девушки. Нога уже не болела, лежать на одеяле Веселого Роджера было тепло и уютно, и, положив щетинистую мордочку на передние лапы, он внимательно следил за каждым движением этих двух людей, без которых не мог бы жить. Он слушал негромкий звонкий смех, который ему случалось слышать очень редко — ведь Нейда смеялась так, только когда бывала счастлива; он смотрел, как она потряхивает волосами в свете лампы, которую зажег Веселый Роджер, и успел заметить, что в эту минуту Роджер, возившийся у плиты, бросил на нее взгляд, полный глубочайшей любви, но тотчас отвел глаза, едва она обернулась. Как ни был Питер смышлен, он ничего не понял, но он чувствовал во всем этом ту радость, какую ощущал всегда, когда они встречали Веселого Роджера: сияло ли тогда солнце или день был непогожий и хмурый. За свою коротенькую жизнь он много раз видел горе и слезы Нейды, видел, как она вся съеживалась и старалась куда-нибудь спрятаться, когда раздавалась гнусная ругань мужчины и хриплый голос женщины в той, другой хижине. Но в обществе Веселого Роджера этого не случалось никогда. У него было два глаза, он не бранился и не таскал Нейду за волосы — поэтому Питер любил его всем сердцем. И он знал, что его хозяйка тоже любит Веселого Роджера — ведь она сама ему об этом говорила; в ее глазах, когда она глядела на Веселого Роджера, не бывало грусти, и только с ним она смеялась тихо и звонко, вот как сейчас, в эту минуту.

Веселый Роджер сидел за столом, а Нейда стояла позади него, покрасневшись от восторга: ей было позволено налить ему кофе! А потом она тоже села к столу, и Веселый Роджер начал подкладывать ей лучшие куски куропатки и старался сохранять спокойную невозмутимость, когда смотрел на очаровательное личико напротив. Нейда же и не думала прятать синего сияния радости в своих глазах. Немногими светлыми часами, которые выпали ей в жизни, она была обязана Веселому Родже-

ру, пришельцу, три месяца назад поселившемся в хижине индейца Тома. Она любила его так же бесхитростно, как Питер. И не думала этого скрывать.

— Нейда,— сказал Роджер,— тебе ведь семнадцать лет...

— Мне пошел восемнадцатый год,— быстро поправила она.— Семнадцать мне сравнялось полмесяца назад!

Она сказала это с таким оживлением, что его сердце забилося. Он кивнул и улыбнулся.

— Да, тебе пошел восемнадцатый год,— повторил он.— И скоро явится какой-нибудь молодой человек, увидит тебя, женится на тебе...

С уст Нейды сорвалось что-то вроде тихого стога. Веселый Роджер увидел, как дрогнули ее губы, какими испуганными стали глаза, и на мгновение решимость почти оставила его.

— Куда вы уезжаете, мистер Веселый Роджер?

— Я? Да нет, я не думаю уезжать — по крайней мере пока. А вот ты уедешь отсюда, когда выйдешь замуж... в один прекрасный день.

— Я не выйду замуж! — с жаром возразила она.— Я ненавижу всех мужчин. Всех, кроме вас, мистер Веселый Роджер. А если вы уедете...

— Так что же будет, если я уеду?

— Я убью Джеда Хокинса!

И Нейда невольным движением протянула маленькую руку к большому пистолету, забытому на углу стола.

— Я убью его, если вы уедете,— повторила она угрожающе.— Он замучил свою жену, искалечил ее... Если бы не она, я бы давно убежала. Но я обещала ей, и я останусь... пока что-нибудь не переменится. А если вы уедете... теперь...

Она всхлипнула, уголки ее губ опустились, и Веселый Роджер, вскочив, пошел за кофейником, хотя его чашка была еще наполовину полна.

— Я не уеду, Нейда,— сказал он с притворным смехом.— Я обещаю... честное слово, провалиться мне на этом месте! Я не уеду, пока ты мне не позволишь.

И тут Питер, почувствовав что-то неладное, затаивал со своего ложа, а когда Веселый Роджер вернулся с кофейником, глаза Нейды поблагодарили его за обещание радостным взглядом. Стоя позади нее, он сделал вид, что подливает ей кофе, хотя она даже еще не притронулась

к своей чашке, и тут вновь заметил, как влажны ее волосы.

— Так что же случилось, когда ты переходила ручей, Нейда? — спросил он.

Она начала рассказывать, и, услышав свое имя, Питер настороженно приподнял щетинистую мордочку. Ему было видно лицо Веселого Роджера, на котором недоумение сменилось испугом, а потом быстрой улыбкой. Когда же Нейда умолкла, Роджер наклонился к ней в светлом круге, отбрасываемом лампой, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что обещала, Нейда. Если Джед Хокинс еще раз поднимет на тебя руку, или схватит тебя за волосы, или даже просто пригрозит тебе, непременно скажи мне об этом, хорошо?

Нейда молчала в нерешительности.

— А не то я возьму назад свое слово и не останусь здесь, — добавил он.

— Ну, раз так... то обещаю, — сказала она. — Если он меня ударит, я вам скажу. Но я боюсь... то есть боюсь... не за себя, а только за Питера. Джед Хокинс наверняка его убьет, если я возьму его домой, мистер Роджер. Можно, он останется у вас? И... ах, если бы и мне можно было остаться...

Последние слова она пробормотала еле слышно, и тут же краска бросилась ей в лицо. Однако Веселый Роджер уже опять отошел к плите, так, словно не видел, как она покраснела, и словно не расслышал последней фразы; поэтому смущение Нейды быстро рассеялось.

— Конечно, пусть Питер остается здесь, — ответил он через плечо, но в сердце у него другой, неслышный ей голос стонал: «Я бы отдал все на свете, лишь бы и ты могла тут остаться!»

Полчаса спустя, доедая свою порцию куропатки, Питер уголком глаза следил за Веселым Роджером и Нейдой, которая собралась уходить. Было уже темно, и Роджер спустил только сетку от комаров, а дверь закрывать не стал; Питер слышал, как постепенно затихали их шаги в густом лесном мраке. Луна еще не взошла, и под сводом сосен и елей все было черно, как в аду. Кругом царил мертвая тишина, и безмолвие этого первого ночного часа нарушал лишь звук их собственных шагов да шум воды в ручье. Душа Веселого Роджера ликовала — теплая маленькая рука Нейды лежала в его

руке, ее пальчики крепко держались за его большой палец, и так он вел ее по невидимой тропе. Когда он остановился, отыскивая путь, Нейда оказалась так близко от него, что ее щека прижалась к его плечу, и, немного наклонившись, он слегка коснулся губами ее волос. Но в темноте ему не было видно ее лица, всю дорогу до брода его сердце отчаянно билось.

Потом он рассмеялся странным негромким смехом, совсем не похожим на обычный смех Веселого Роджера.

— Я постараюсь не дать тебе вымокнуть во второй раз, Нейда,— сказал он.

Пальцы девушки по-прежнему не выпускали его большого пальца, точно она боялась потеряться в чернильной тьме, окутывавшей их со всех сторон. Она опять прильнула к нему, и Веселый Роджер должен был напирать всю свою волю, чтобы тут же не сжать ее в объятиях и не признаться в своей любви.

— Я не боюсь... то есть не боюсь вымокнуть,— услышал он ее шепот.— Вы такой большой и сильный, мистер Роджер...

Он осторожно высвободил свой палец и подхватил Нейду на руки так, чтобы даже в самом глубоком месте вода до нее не достала. Сперва руки Нейды еле касались его плеч, но когда Роджер дошел до глубокого места и она почувствовала, как он борется с течением, девушка теснее сжала руки, и они обвили шею Роджера теплым милым кольцом. Наконец он благополучно опустил ее на землю на другом берегу, и она глубоко, с облегчением вздохнула. Потом она нащупала в темноте его руку, и снова ее пальчики обхватили его большой палец, и Веселый Роджер, мокрый насквозь, повел ее к расселине в Гребне Крэгга, а из-за вершин восточного леса показался верхний край луны.

ГЛАВА IV

Для Питера, оставшегося в пустой хижине, время ожидания тянулось бесконечно. Веселый Роджер, уходя, задул лампу, а когда взошла луна, ее свет не проник в темную комнату, так как дверь выходила на запад, а занавески на обоих окнах были плотно задернуты.

Однако через открытую дверь щенок видел, как ночной мрак сначала побледнел и как потом повсюду внезапно разлилось нежное сияние, рассеявшее тьму и населившее мир вокруг таинственными тенями, которые казались живыми, хотя и были беззвучны. В эту ночь светила великолепная полная луна, а Питер любил такую луну, хотя за свою трехмесячную жизнь он видел ее всего лишь несколько раз. Она заволаживала его куда больше солнца, потому что солнце всходило всегда при свете и ему никогда не доводилось видеть, чтобы солнце пожирало тьму, как это делает луна. Эта тайна преисполняла его благоговением, но несколько не пугала. Правда, ему были не совсем понятны странные безмолвные тени, которые переставали существовать, едва он принимался их обнюхивать; несколько сбивало его с толку и еще одно наблюдение — птицы почему-то не летали и не пели при лунном свете, хотя при дневном свете они и летали и пели. Но едва это непонятное нечто, пожирающее тьму, выплывало на небо, как в самой глубине его существа просыпалось что-то древнее, полученное в наследство от предков, и кровь быстрее бежала по жилам, а неверные бледные лучи манили к себе, звали тихо и незаметно красться всё вперед и вперед, напрягая зрение и слух, чтобы увидеть и услышать то, чего он еще никогда не видел и не слышал.

Теперь Питера окружал мрак хижины, но его взгляд был прикован к открытой двери, и долгое время он прислушивался, не раздадутся ли шаги возвращающихся Роджера и Нейды. Он дважды пробовал подползти к краю нар, но при каждом движении его тело пронзала такая острая боль, что после второй попытки он отказался от своего намерения. Вскоре он услышал, как за стенами хижины просыпается Ночной народ. Они были очень осторожны, эти ночные создания, не то что веселые существа, приветствующие зарю счастливой песней, — ведь большинство из них обладало острыми клыками и длинными когтями, и были это разбойники лесных дебрей, всегда готовые наброситься на добычу. Питер знал и это, потому что в нем жил опыт многих поколений северных собак, от которых он происходил. Где-то вдалеке завыл волк, и что-то сказало Питеру, что это воет не собака. Затем ближе протрубил лось, и тот же инстинкт объяснил ему, что он слышит голос великана медведя, хо-

тя он никогда в жизни не видел ни единого медведя. Питер еще ни разу не встречал ни бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников — лисиц, рысей, куниц, норок и горностаев, — ни круглоглазых крылатых убийц, кружащих среди древесных ветвей, однако тот же опыт предков предупреждал его, что они бродят сейчас там, за дверью, среди теней, в этом смутном серебристом мерцании. И вдруг наглядный пример доказал ему, что все это — правда. На поляну перед дверью хижины выпрыгнул крольчонок, еще совсем маленький, и принялся щипать траву, но тут по воздуху промчался когтистый, кривоклювый метательный снаряд, и Питер услышал предсмертный вопль крольчонка, которого сова унесла на вершину высокой ели. Но все равно Питера неудержимо тянуло выйти на лунный свет — он ничего не боялся.

Но вот его ожидание пришло к концу. Он услышал шаги, и вскоре из желтоватой лунной дымки возник Веселый Роджер. На пороге он молча остановился и посмотрел на запад, туда, где небо над вершинами деревьев сверкало звездами. Питер готов был уже радостно тьякнуть, но не тьякнул. Веселый Роджер молчал как-то странно, шагов Нейды не было слышно, и Питер прихулся, проглотил вставший в горле комок и почувствовал в воздухе предвестие чего-то важного. Затем Веселый Роджер вошел в хижину, сел возле стола, не зажигая лампы, и Питер долго-долго смотрел на смутное пятно в темноте, прислушиваясь к звуку дыхания, а потом не выдержал и заскулил.

Веселый Роджер очнулся от своей задумчивости. Он встал, чиркнул спичкой, но тут же задул огонек, подошел к Питеру, сел рядом с ним и принялся тихонько его гладить.

— Питер, — сказал он вполголоса, — пожалуй, нам с тобой предстоит одно дело. Ты сегодня его начал... а я должен буду довести до конца. Нам придется убить Джеда Хокинса!

Питер прильнул к ласковой ладони.

— Может быть, я и преступник, может быть, мое место в тюрьме, — продолжал в темноте Веселый Роджер, — да только до этого вечера я никого не убивал и убивать не хотел. А вот теперь — хочу. Если Джек Хокинс ее хоть пальцем тронет, мы его уьем! Понимаешь, Хромуля?

Он встал, и Питер услышал, что он начал раздеваться. Затем Роджер уложил Питера на одеяле на полу, а сам растянулся на нарах, и на долгое время в хижине воцарилось что-то более тягостное, чем ночной мрак,— так, по крайней мере, казалось щенку, который ждал, прислушивался, по-своему, по-собачьи, мечтая о возвращении Нейды, и не мог понять, почему она вдруг забыла о нем. А в желтоватых лучах луны бесчинствовал Ночной народ, и смутный светлый сумрак был полон стремительного бега, ужаса смерти, а Веселый Роджер спал, а волк завыл совсем близко, а ручей, не смолкая, журчал свою вечную песню. В конце концов веки Питера сомкнулись, и через порог в безмолвие хижины, где пахло человеком и собакой, заглянул красноглазый горноста́й.

После этой первой ночи миновало много дней, прежде чем Питер снова увидел Нейду. Прошли проливные дожди, ручей разлился, и каждый раз, когда Веселый Роджер переправлялся через бурный поток, чтобы добраться до Гребня Крэгга, он рисковал жизнью. Все это время Питер не видел никого, кроме Роджера. К концу второй недели кость срослась, и щенок начал бегать, но хромота осталась, и его след всегда можно было отличить от любого другого по своеобразному отпечатку правой задней ноги.

За эти две недели болезни Питер очень повзрослел. Теперь он научился понимать Веселого Роджера не только с помощью глаз и ушей, но и с помощью особого инстинкта, развитию которого способствовала его мышленость. За две недели вынужденной неподвижности этот инстинкт приобрел необычайную остроту, и под конец Питер уже умел догадываться о настроении Веселого Роджера по одному звуку его приближающихся шагов. Все это время щенок изо всех сил старался постигнуть смысл таинственной перемены в своей судьбе. Он знал, что Нейда исчезла, и чувствовал, что каждый новый день все больше отдаляет ее от него, но он чувствовал также, что Веселый Роджер видится с ней, и когда тот возвращался в хижину, в Питере каждый раз пробуждалась тоскливая надежда, что с ним возвращается и Нейда.

Однако постепенно мысли о Нейде начали сменяться мыслями о Веселом Роджере, и вскоре этот человек стал для него самым главным и самым любимым на свете. А Веселый Роджер за эти дни научился находить в об-

шестве Питера и в их растущей взаимной привязанности утешение и отвлечение от тяжелых мыслей. Питер был свидетелем и тех часов, когда хижина светлела от голоса и смеха Веселого Роджера, и тех часов, когда его лицо становилось угрюмым, а в глазах появлялся суровый рассеянный взгляд, смысла которого Питер не мог разгадать. И вот в эти-то часы, когда сердце щенка разрывалось от великой любви к Веселому Роджеру, тот рассказывал Питеру то, чего не открывал еще ни одному человеку.

Как-то в сумерках, вернувшись весь мокрый после переправы через ручей, он сообщил Питеру:

— Нам бы следовало уйти отсюда, Питер. Нам бы следовало сложить сегодня же все пожитки и ночью убраться подальше. Видишь ли... иногда я сам себя боюсь, Хромуля. Ради нее я могу и убить. Ради нее я готов умереть. Я бы бросил все на свете и пошел бы в тюрьму, если бы там со мной была она. А это опасное желание, Питер, потому что ей быть с нами нельзя. Никак нельзя, дружок. Она ведь не знает, почему я поселился тут. Она ведь не знает, что меня давно уже разыскивает полиция — им, конечно, и в голову не придет, что Веселый Роджер Мак-Кей прячется так близко от населенных мест. Если же я ей признаюсь, она решит, будто я даже хуже Джеда Хокинса, и, конечно, не поверит, что действовал я смекалкой, а не пистолетом и что я в жизни не убил и не ранил ни одного человека. Нет, она мне не поверит, Питер. А хуже всего то, Хромуля, что она... она меня любит. Во всем на меня полагается и хоть завтра пошла бы со мной к отцу Джону. Я знаю это. Вижу, чувствую, и я...

Его пальцы стиснули загривок щенка.

— Питер, — прошептал он в сгущающейся мгле, — я не верю в того бога, в которого верят многие люди, мне хватает цветов, птиц, деревьев, неба — всего, что вокруг, и всем этим я клянусь, что не сделаю ее несчастной, Питер. Клянусь, понимаешь?

И всю ночь Питер слышал, что Роджер не спит и беспокойно ворочается на нарах.

Однако утром он принялся петь, пока готовил завтрак, и голос его был таким же веселым, как солнечные лучи, разлившиеся по лесу. Для Питера эта смена настроений была неразрешимой загадкой. Сколько раз он

видел, как угрюмый и унылый Роджер вдруг вскакивал и принимался бодро насвистывать или петь, а однажды он объяснил Питеру:

— Я беру пример с солнца, Хромуля. Оно ведь светит, даже когда его заслоняют от нас тучи и мы его не видим. А смех еще никогда не вредил человеку.

В этот день Веселый Роджер не ходил за ручей.

ГЛАВА V

Только когда пошла третья неделя, Питер наконец увидел Нейду. К этому времени он уже провожал Роджера до брода и ждал там — иногда по несколько часов, — пока его товарищ и хозяин не возвращался с Гребня Крэгга. Но часто Веселый Роджер оставался с Питером у брода и, растянувшись на краю лужайки, которую они нашли там, принимался читать какую-нибудь из своих старинных книжечек в красных переплетах — как было известно Питеру, он очень дорожил этими книгами. Щенок часто пытался понять, что интересного могло прячется между выцветшими крышками переплета, и умей он читать, то прочел бы следующие заглавия: «Маргарита Анжуйская», «История Наполеона», «История Петра Великого», «Цезарь», «Колумб — великий путешественник» и так далее, — всего двадцать томов, которые Веселый Роджер раздобыл, ограбив почту за два года до описываемых событий, и которые он ценил не меньше собственной жизни.

В этот день, когда они лежали на полянке в дремوتной июньской тишине, Веселый Роджер решил наконец удовлетворить любопытство, написанное на мордочке Питера и блесевшие в его глазах.

— Видишь ли, Хромуля, — начал он виновато, — мне до смерти хотелось почитать что-нибудь, и я прикинул, что у почтальона что-нибудь да найдется — газеты, например. Вот я и остановил почту, почтальона связал и увидел эти вот книжки. И, честное слово, больше я ничего не взял — во всяком случае, в тот раз. Их двадцать штук, и весят они вместе девять фунтов, и за последние два года мне пришлось пройти с ними не меньше пяти тысяч миль. Но все равно я не сменял бы их, даже предложи

мне кто-нибудь золота, сколько я вешу — а это не так уж мало! Я назвал тебя Питером потому, что так называли в юности Петра Великого. Сказать по правде, я чуть было не окрестил тебя Христофором Колумбом. Как-нибудь потом, Питер, мы доставим эти книжки тому человеку, которому они были адресованы. Я дал себе такое слово. Ведь украсть книги — словно душу у кого-нибудь украсть. И я их только взял почитать. Адрес их хозяина я записал — он живет на самом краю Голых Земель. Как-нибудь мы возьмем да и доставим книги по принадлежности.

Внезапно Питер утратил интерес к этим объяснениям, и Роджер, проследив направление его взгляда, увидел, что на другом берегу ручья стоит Нейда и смотрит на них. Питер тотчас узнал ее и задрожал всем телом, но тут Веселый Роджер с радостным смехом схватил его под мышку и бросился с ним в ручей. Потом он добрых пять минут стоял в сторонке и смотрел на встречу Питера и Нейды; он слушал восторженное повизгивание щенка, лизавшего лицо и руки девушки, видел слезы на щеках Нейды, и его собственные глаза подозрительно заблестели. Для Питера три недели были бесконечно длинным сроком, но в своей обожаемой маленькой хозяйке он не смог углядеть никаких перемен. Все осталось прежним — и пышные локоны, в которые можно было уткнуть нос, и ласковые руки, и нежный голос, и пьянящее тепло ее тела, когда она крепко прижала его к груди. Он не понял, что на ней надеты новые башмаки и новое платье, что ее алые губы словно поблекли, лицо побледнело, а тоскливое выражение уже больше никогда не исчезало из глаз.

Но Веселый Роджер видел и этот взгляд, и растущую бледность — он наблюдал их уже больше двух недель. И вечером, когда Нейда ушла за Гребень Крэгга, а он вновь переплыл ручей, держа Питера на руках, на его лице застыло суровое и мрачное выражение, которое Питер начал замечать все чаще. И когда они сидели в сумерках на пороге хижины, Веселый Роджер сказал:

— Скоро все станет ясно, Питер. Я жду, что вот-вот что-то случится. Она что-то скрывает от нас. И боится за меня. Это-то мне понятно. Но я узнаю, в чем дело, — и скоро. А тогда, Хромуля, мы, пожалуй, убьем Джеда Хокинса и уйдем на Север.

Мрачные предчувствия, звучавшие в голосе и словах Роджера, словно окутали хижину на долгие дни, и Питер все более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Он быстро рос, становился сильнее и сметливее, и в нем уже начали развиваться те благоразумие и сообразительность, которые впоследствии сыграли такую важную роль в его жизни. Инстинкт, не менее могучий, чем разум (а может быть, это и был разум), подсказывал ему, что его хозяин постоянно и напрасно ожидает чего-то. Тот же инстинкт открыл ему, что этого неизвестного события следует опасаться. Теперь он уже не бросался очертя голову исследовать загадки и тайны. Он выбирал окольный путь и заставлял таинственное врасплох. На смену щенячьему любопытству и безрассудности пришли умение и хитрость. Он легко постигал новое, а слово Веселого Роджера стало для него законом, и достаточно ему было услышать распоряжение одно или два раза, как оно становилось частью его жизненного опыта. Но если в мозгу Питера развивались наблюдательность и сметка его отца-эрделя, то его тело складывалось по образу и подобию его матерей, быстрой и кроткой матери-гончей. Его ноги утрачивали былую нескладность и неуклюжесть. Узлы на хвосте скрылись под слоем мышц. Его крупная голова, щетинившаяся свирепыми баками, казалось, пока перестала расти, чтобы дать время нескладному худому туловищу догнать ее. И хотя всего несколько недель назад его огромные лапы вечно заплетались и спотыкались, теперь они научились ступать уверенно и бесшумно.

И с недавних пор Питер, услышав приближающиеся шаги, уже не бросался навстречу с веселым лаем, пока не убеждался, что это действительно идет Веселый Роджер. Такое поведение могло показаться странным, если принять во внимание, что за те пять недель, которые протекли с того вечера, когда Нейда принесла Питера с Гребня Крэгга, в окрестностях хижины не появлялось ни одного человека, кроме Роджера и Нейды. Но прирожденная осторожность росла и крепла в душе щенка с каждым днем. Затем как-то под вечер Питер сделал неожиданное открытие. Они с Веселым Роджером возвращались с рыбной ловли, которой занимались ниже по ручью, и едва Питер вышел из леса на вырубку, как учуял незнакомый запах. Он поспешно начал расследо-

вание и обнаружил тот же запах всюду вокруг хижины, а особенно силен он был возле двери. Питеру все было ясно. Тут побывал какой-то неизвестный ему человек: он несколько раз обошел хижину, открывал дверь и даже заходил внутрь — Питер учуял его следы на половицах. Он попытался сообщить Веселому Роджеру о случившемся: весь ошестинился, заскулил и начал внимательно вглядываться в темную чашу. Роджер осмотрел поляну вместе с ним, но не заметил никаких следов и сказал, принимаясь чистить рыбу для ужина:

— Наверное, нас навестила россомаха, Хромуля. Негодяйка думала чем-нибудь поживиться, пока хозяев нет дома.

Но Питер не успокоился. Ночью он спал вполглаза. Знакомые звуки вдруг обрели новый смысл. Весь следующий день его тяготили непонятные предчувствия. Вторжение неизвестного запаха в их мир пугало его и сердило. Собачья логика подсказывала ему, что произошло посягательство на права его хозяина, а он, как того требовал закон его племени, был защитником этих прав.

На четвертый день после появления незнакомого запаха Веселый Роджер задержался у Гребня Крэгга дольше обычного. Питер, который в этот день охотился в одиночку, вернулся домой перед закатом. С недавних пор у него появилась новая привычка: прежде чем выйти на открытое место, он сначала несколько мгновений принюхивался и прислушивался. И теперь, когда он осторожно высунул нос из-за ствола ели ярдах в двадцати от хижины, его сердце внезапно забилося от жгучего волнения. Дверь хижины была открыта. А возле двери, внимательно оглядываясь по сторонам, стоял незнакомый человек. Он был совсем не похож на Джеда Хокинса, как немедленно решил Питер: высокий, в широкополой шляпе, в полосатых брюках, заправленных в сапоги, и в куртке с какими-то металлическими штучками, которые блестели в последних лучах солнца. Питер не имел ни малейшего представления о королевской северо-западной конной полиции. Но он все равно почуял опасность и замер. Все время, пока незнакомец осматривался, держа руку на расстегнутой кобуре, Питер стоял совершенно неподвижно. Только когда неизвестный вошел в хижину и притворил за собой дверь, Питер тихонько отступил в лесную тень. А потом бесшумно, как лисица, он прокрал-

ся через кусты к тропинке и побежал по ней к броду, которого не мог миновать Веселый Роджер, возвращаясь с Гребня Крэгга.

Когда Веселый Роджер вышел на берег, до темноты оставалось еще полчаса. Против обыкновения, Питер не бросился встречать его у самой воды. Он продолжал сидеть, прижав уши и как будто совсем не радуясь хозяину. Необходимость постоянно быть начеку приучила Веселого Роджера замечать самые, казалось бы, ничтожные мелочи. Он заговорил с Питером, погладил его и пошел по тропинке по направлению к хижине. Питер угрюмо поплелся за ним, но через несколько секунд остановился и опять сел. Веселый Роджер удивился.

— В чем дело, Питер? — спросил он. — Тебя опять напугала росомаха?

Питер тихонько взвизгнул, но уши его были по-прежнему прижаты, а в глазах, устремленных на тропу позади хозяина, горели красные огоньки. Роджер повернулся и пошел дальше, пока не скрылся за поворотом тропинки. Там он остановился и поглядел назад. Питер не последовал за ним и продолжал сидеть на прежнем месте. Веселый Роджер коротко перевел дух и вернулся к Питеру. Целую минуту он простоял, наблюдая за ним и прислушиваясь, и все это время в глазах Питера, устремленных в сторону хижины, не гасли красные огоньки. Глаза Роджера тоже вспыхнули, и, внезапно опустившись на колени рядом с Питером, он тихонько произнес над его прижатым ухом:

— Ты говоришь, что это не росомаха, Питер? Верно?

Зубы Питера щелкнули, и он заскулил, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Глаза Веселого Роджера блеснули холодным блеском, он вскочил, быстро и бесшумно скользнул под прикрытие деревьев, под которыми уже сгущался сумрак, и пальцы его сжали большой пистолет. Теперь Питер последовал за ним, и Роджер, описав дугу, вышел к хижине у той стены, в которой не было окон. Там Веселый Роджер снова встал на колени рядом с Питером и прошептал:

— Жди здесь, Хромуля. Понял? Жди здесь.

Он ласково нажал ладонью на его спину, и Питер понял. Затем, пригибаясь, Роджер с кошачьей мягкостью подбежал к глухой стене хижины. Присев на корточки,

он осторожно выглянул из-за угла и осмотрел дверь. Она была закрыта. Потом он покосился на окна. На западном занавески были подняты, как он их поднял, но на восточном...

Лукавая улыбка тронула уголки его рта. Эти занавески он всегда плотно задергивал. Одна из них оставалась опущенной и теперь, но другая была чуть-чуть приподнята, так что человек, прятавшийся в хижине, мог следить за тропинкой.

Роджер отодвинулся от угла и беззвучно усмехнулся. Ловушка была устроена бесстрашно и умно, а это сказало ему о многом. В хижине кто-то прятался, и он готов был голову прозакладывать, что прячется в ней Кассиди, упрямый ирландец из отряда «М». Роджер не раз и прежде думал, что проследить его здесь, на самой границе цивилизации, способен только Кассиди, и никто другой. И вот Кассиди явился сюда — Кассиди, который упорно, как волк, три года шел по его следу, гнал его через все Голые Земли, проплыл за ним до верховий Маккензи и весь путь назад, который дрался с ним, голодал и замерзал, как и он, но так его и не арестовал. В глубине души Веселый Роджер питал к Кассиди симпатию. Они долго играли и продолжали играть в захватывающую игру: победа в этой игре стала для обоих целую жизнь. И вот теперь Кассиди поджидает его в хижине, не сомневаясь, что добыча у него в руках и вот-вот войдет в ловушку.

Веселый Роджер знал, что дело может обернуться трагически, но тем не менее ему было смешно. Три раза за последние полтора года он оставлял Кассиди в дураках, и этому охотнику за людьми приходилось с трудом выбираться из паутины, которую он сам хитро сплетал для своей жертвы. И вот то же произойдет в четвертый раз! Кассиди это будет чертовски неприятно!

Вознося в душе молитву, чтобы Питер остался смирно сидеть на месте, Веселый Роджер снял башмаки и бесшумно, как ласка, подобрался к двери. Потом медленно, дюйм за дюймом, приподнялся и распластался у стены возле самой дверной щели. Затаив дыхание, он прислушался. Ему казалось, что он стоит бесконечно долго, но изнутри не доносилось ни звука. Он догадывался, что делает сейчас Кассиди: смотрит в узкий просвет между занавеской и подоконником. Но догадываться еще не

*На стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его
руки были связаны за спиной...*

значит знать, а любой просчет мог оказаться роковым — ведь в хижине ждал Кассиди с пистолетом в руке.

Внезапно до его ушей донеслось легкое поскрипывание: мужские шаги, приглушенные, но все же ясно различимые... Человек шел от окна к двери. На полдороге шаги замерли, а потом прозвучали ближе к окну, выходящему на запад. Однако наблюдатель, очевидно, не предполагал, что его жертва может появиться с той стороны, так как после секундной паузы он возвратился туда, откуда ему была видна тропа. На этот раз Веселый Роджер твердо знал, что Кассиди стоит, прильнув к окну, спиной к двери, и каждая мышца в теле лесного бродяги напряглась для молниеносного броска. Еще миг — дверь распахнулась, и наблюдатель, отпрянув от окна, увидел прямо перед собой темное дуло пистолета Веселого Роджера.

После того как его хозяин стремительно распахнул дверь, Питер еще несколько секунд пролежал там, где ему было велено лежать, изо всей мочи напрягая глаза, так что они чуть не вылезли на лоб. Он услышал голоса, потом звонкий раскат смеха — это засмеялся Веселый Роджер — и, не в силах дольше сдерживаться, осторожной рысцой затрусил к открытой двери хижины. Там на стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его руки были крепко связаны у него за спиной. А Веселый Роджер в последнем отблеске дня сновал по хижине, упаковывая заплочный мешок.

— Мне бы следовало убить тебя, Кассиди,— говорил он с торжествующим смешком.— Ты не даешь мне ни минуты покоя. Куда бы я ни отправился, ты обязательно рано или поздно являешься туда, хотя, насколько мне помнится, я ни разу тебя не приглашал. И теперь, когда подвернулся такой случай, мне следовало бы убрать тебя с моей дороги и посадить над тобой цветочки. Да только духу не хватает. А к тому же ты мне нравишься. Может, когда ты наконец бросишь гоняться за мной, из тебя и выйдет отличная ищейка. Но покуда, Кассиди, тебе не хватает тонкости. Тонкости тебе не хватает.— И Роджер снова расхохотался.

— Просто тебе везет, как черту,— пробурчал Кассиди.

— Ну, если так, то будем надеяться, что мне не перестанет везти! — ответил Веселый Роджер.— А теперь

послушай-ка, что я скажу, Кассиди. Давай побьемся об заклад, как мужчина с женщиной: если в следующий раз ты меня опять не сцапаешь, если я возьму над тобой верх, кончишь ты гоняться за мной?

Глаза Кассиди блеснули в полумраке.

— Если ты улизнешь от меня в следующий раз, я подам в отставку!

Голос Веселого Роджера стал серьезным:

— Я верю тебе, Кассиди. Ты всегда играл честно. А теперь, если я развяжу тебе руки, ты дашь мне два часа форы?

— Ладно,— ответил Кассиди.

В темноте уже трудно было различить его худое лицо.

Веселый Роджер зашел ему за спину. Щелкнул раскрытый нож. Потом Роджер взял мешок и направился к двери. На пороге он остановился.

— Погляди на свои часы, Кассиди, чтобы не ошибиться и не выйти раньше, чем пройдут полных два часа.

— Я дам тебе два часа и пять минут,— сказал Кассиди.— Думаешь уйти на север, Веселый Роджер?

— Думаю уйти в леса,— ответил разбойник.— Я иду туда, где путешествовать не так-то легко и просто, Кассиди. Ну, прощай...

Он ушел, направляясь прямо на север и не стараясь приглушить свои шаги. Но, углубившись в чащу, он повернул на юг и переплыл ручей, держа Питера под мышкой. Они прошли по равнине почти мило, когда Веселый Роджер наконец заговорил, обращаясь к Питеру:

— Кассиди думает, что уж теперь-то я уйду в северные края, Хромуля. Но мы его надуем. Я так и думал, что чего-нибудь в этом роде не миновать, и теперь мы идем к дальнему отрогу Гребня Крэгга, где скалы так накинаны, что в них сам черт заплутается. Ведь ничего другого нам не остается, дружок! Не можем же мы бросить ее сейчас. Никак не можем!

Голос Веселого Роджера прервался. Помолчав немного, разбойник нагнулся и погладил Питера.

— Если бы не ты, Питер, Кассиди на этот раз меня сцапал бы... Одно мне непонятно, Питер, почему господь бог забыл наделить собак речью?

Питер твякнул в ответ, и они растаяли в ночном мраке.

ГЛАВА VI

Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока Веселый Роджер и Питер шли по равнине между ручьем и Гребнем Крэгга, он постепенно рассеялся.

Они не торопились, потому что Мак-Кей полагался на слово Кассиди. Он знал, что рыжеволосый охотник за людьми не нарушит обещания: он просидит в хижине индейца Тома полных два часа и еще пять минут. С каждой уходящей секундой торжествующая радость в душе Веселого Роджера угасала и сменялась привычной тоской одиночества и злостью на судьбу, которая сделала из Кассиди врага вместо друга. Но зато какого врага!

Роджер нагнулся и погладил косматую голову Питера.

— И почему только власти не поручили ловить нас кому-нибудь другому! — проворчал он. — Кому-нибудь, кто ненавидел бы нас и кого мы могли бы возненавидеть! Ну зачем им понадобилось назначать Кассиди — честнейшего в мире человека, хоть он и носит полицейский мундир? Вот мы и не можем нанести ему удар в спину, Хромуля, не можем разделиться с ним, даже если нам самим придется туго. А если он когда-нибудь упрячет нас в тюрьму и увидит, как мы сидим за решеткой, ему это будет нож острый, я знаю. И все-таки он это сделает, Питер, если сумеет. Это же его долг. А Кассиди честный человек, против этого не поспоришь.

Перед ними за равниной встала темная стена Гребня, и Веселый Роджер умолк, вглядываясь в темноту на востоке. Там в миле от них, за расселиной, точно глубокая борозда рассекавшей Гребень, стояла хижина Джеда Хокинса, безмолвная и сумрачная в слабом свете звезд. А в хижине была Нейда. Он чувствовал, что она сидит у своего окошка, глядит в ночной мрак, думает о нем, и его неодолимо тянуло пойти туда. Но он повернул на запад.

— Мы ведь не можем рассказать ей, что случилось, дружок, — сказал он, повинуясь голосу благоразумия. — Пусть пока думает, будто мы ушли отсюда. Если Кассиди решит поговорить с ней, ее синие глаза могут нечаянно выдать нас, а потому лучше будет, чтобы она не знала, что мы прячемся в скалах Духовки. Ну, да авось она не попадется на глаза Кассиди. И наверное, так оно и

будет, Хромуля, потому что, сдается мне, судьба хочет, чтобы перед уходом мы приструнили Джеда Хокинса.

Годы одиночества приучили его разговаривать вслух с существами, которые не могли ему ответить. Но даже во мгле Роджер чувствовал, что Питер по-своему понимает его.

Камни под ногами путников делались всё крупнее, их становилось все больше, потому они пошли медленнее, но все равно иногда спотыкались. Но несмотря на темноту, они легко находили дорогу. Прежде Питер не раз дивился, зачем его хозяин так подробно исследует угрюмое нагромождение скал у дальнего конца Гребня. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встречали ни единой живой твари, не видели ни единого стебелька травы. Все там было неприветливым, мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней злой судороге. Теперь во мраке это ощущение еще усиливалось, и Питер старался держаться поближе к хозяину. Они поднимались всё выше, пробираясь между хаотических нагромождений камней, кружа по обрывам, находя правильный путь больше наугад, но тем не менее неуклонно взбираясь вверх, к звездам. Больше Роджер Мак-Кей не заговаривал с Питером. Каждый раз, когда утесы не заслоняли неба, он искал в вышине на его темном фоне одинокий пик, который в мерцании звезд приобретал жуткое сходство с гигантским могильным камнем — это была их путеводная веха. Они долго карабкались так среди скал, и Веселому Роджеру казалось, что шляпки гвоздей в подошвах его башмаков скрежещут о каменистую почву как-то особенно громко и зловеще. Но наконец они приблизились к вершине.

Они остановились на узкой песчаной площадке, со всех сторон укрытой громадами скал, и Роджер расстелил там свои одеяла. Потом он вышел из черной тени, такой густой, что мириады звезд, сверкавших над их головами, казались совсем близкими. Он опустился на камень и закурил, размышляя над тем, что принесет ему грядущий день и все другие дни, которые за ним последуют. Нигде в мире он не мог бы найти настоящий покой — разве после того, как его руки ощутят холод железных прутьев тюремной решетки и роковая игра будет сыграна до конца.

Сердце Веселого Роджера было свободно от разъ-

едающей горечи злобы и жажды мести. Поэтому даже его заклятые враги — полицейские — стали называть Мак-Кея прозвищем, которое дали ему обитатели лесных дебрей. Он не питал ненависти к конной полиции. Как ни странно, эти блюстители закона даже нравились ему своим неоспоримым мужеством и закалкой. И к закону он тоже не испытывал ненависти. Скорее, он посмеивался над его гордым величием, ибо закон с глубочайшей серьезностью придавал важность всяким пустякам — ему самому, например. Служители этого закона, казалось, не знали ни сна, ни отдыха, пока не вешали человека или не сажали его за решетку, и их не интересовало, насколько горячо этот человек любит людей и жизнь. А Веселый Роджер любил и людей и жизнь. В глубине души он считал, что не совершил никакого преступления, восстановив справедливость, когда ее нельзя было восстановить иными средствами. Но он не отрицал, что закон он при этом нарушил. И он любил жизнь. Любил звезды, безмолвно сиявшие над его головой в эту ночь. Ему нравились даже безжизненные скалы вокруг, потому что они говорили его воображению о захватывающей и буйной жизни нашей планеты в дни ее юности. Нравился ему и исполненный жуткого величия могильный пик в вышине. Но больше всего он любил людей.

Однако даже больше них, больше собственной жизни и всего, что она сулила ему, он любил синеглазую девушку, которая пришла к нему из унылой хижины Джеда Хокинса.

Позабыв о своих преследователях, забыв обо всем на свете, кроме нее, он наконец вернулся в тюремный мрак своего убежища под скалами, и, после того как Питер выкопал себе уютную ямку в песчаном ковре, оба они крепко уснули.

Проснулись они на рассвете. Но и в тот день, и в следующие два они покидали свой приют только ночью, да и тогда не выходили за пределы окружающих скал. Роджер назвал это место Духовкой, и оно вполне заслуживало такое название в полуденные часы и во вторую половину дня.

Тут было жарко — так жарко, что издали казалось, будто это нагромождение белых скал плавится и тает в раскаленном мареве июльского солнца. Веселый Роджер заверил Питера, что сюда не сунется ни человек, ни

зверь — разве что сумасшедший или совсем уж несмышленная тварь. Тем, кто смотрел на их временное укрытие с зеленой равнины между Гребнем и лесом, оно вряд ли могло показаться особенно заманчивым. В незапамятные времена земля в видимом раздражении извергла из своих недр этот каменный хаос, и Веселый Роджер сообщил Питеру, что, по его мнению, Провидение в ту минуту, несомненно, пеклось именно о них, хотя оно задумало и осуществило извержение за сотню-другую тысячелетий до их появления на свет.

К вечеру третьего дня Веселый Роджер решил, что настало время действовать.

Весь день солнце с безоблачного неба палило по скалам Духовки из всех своих орудий. И даже теперь, на закате, над ними еще плавал и курился невыносимый зной. Огромные каменные массы накалились и обжигали кожу при случайном прикосновении, а воздух между их серо-белыми стенами казался густым и горячим, как дым.

Хотя с равнины Духовка и выглядела суровой и непривлекательной, тот, кто, не испугавшись солнечных ожогов, рискнул бы взобраться на господствовавший над ней утес, который вздымался на сотню футов вверх у конца Гребня, был бы вознагражден за свои старания. Внизу, уходя к дремучему лесу, простирались зеленые и золотистые луга, усеянные сверкающими озерами, которые нередко были обрамлены темной бархатистой зеленью сосен, кедров и елей. На полпути между подножием Духовки и этим пиком прятался скрытый от всех глаз тайник, который отыскиали для себя Веселый Роджер и Питер.

Как ни накалялись окружающие скалы, там всегда веяло прохладой подземных пещер. Два огромных утеса сомкнули над ним свои плечи, точно два сказочных великана, образовав узкий сводчатый проход в человеческий рост высотой, куда не проникали солнечные лучи.

Когда Питер освоился с окружающей мертвенностью, он решил, что им тут живется не хуже, чем в хижине индейца Тома. Днем он с удовольствием валялся на мягком песке, а вечером наслаждался тихим уединением их неприступной крепости. Он, разумеется, не понимал, что означало их бегство от Кассиди, но, руководимый инстинктом, охранял их убежище с неизменной бдительностью. Охранял от всех существ на свете.

От всех, кроме Нейды. Не раз он принимался тихо скулить, тоскуя по ней, почти как сам Роджер. И в этот третий вечер, когда жаркое июльское солнце уже почти касалось зубчатой полосы западного леса, Питер и его хозяин с одинаковой жадностью глядели на восток, туда, где за стеной Гребня Крэгга укрывалось жилище Джеда Хокинса.

— Мы скажем ей все сегодня,— объявил наконец Роджер Мак-Кей с задумчивой решимостью.— Мы рискуем и расскажем ей все.

Щетинистые баки Питера, торчавшие по сторонам его морды, как маленькие веники, сочувственно задергались, и он завил хвостом, разметая песок. Питер, без сомнения, был величайшим лицемером, потому что неизменно притворялся, будто понимает все, что ему говорят, даже в тех случаях, когда не понимал ничего. И Веселый Роджер, не отводя взгляда от серой стены у выхода из их приюта, продолжал:

— Мы должны быть с ней честными, Хромуля. Скрывать от нас правду — преступление хуже убийства. Если бы она не была таким ребенком, Питер! Но ведь она еще маленькая девочка, самая милая и чистая душой, и нельзя ее дольше обманывать, как бы мы ни любили ее, Питер. А мы ее любим, Питер, больше всего на свете.

Питер лежал не двигаясь и наблюдал за непривычно угрюмым лицом Веселого Роджера.

— Мне придется сказать ей, что я грабитель с большой дороги,— добавил Роджер после недолгого молчания.— И она этого не поймет, Питер. Не сумеет понять. Но все равно я ей скажу. И сделаю это сегодня же. А потом... думаю, мы очень скоро отправимся на Север, Хромуля. Если бы не Джек Хокинс...

Он поднялся с песка и сжал кулаки.

— Все-таки нам следовало бы убить Джеда Хокинса перед уходом. Так было бы безопаснее для нее,— закончил он.

Забыв про Питера, Роджер вышел из их убежища и стал подниматься по каменной осыпи, пока не взобрался на верх громадной скалы. Там он остановился и устремил взор на необъятную глушь Севера. Перед ним на сотню... на пятьсот... на тысячу миль раскинулся его край. Да, там был его дом — от Гудзонова залива до Скалистых гор, от Водораздела до арктической тундры, и там он

жил полной жизнью, следуя только своему собственному кодексу. Он знал, что любит жизнь так, как не многим дано ее любить. Он поклонялся солнцу, луне и звездам — всему этому миру, где было так хорошо жить, хотя ему самому непрерывно грозила гибель.

Но теперь, когда он стоял, озаренный лучами заходящего солнца, его сердце исполнилось безысходной тоской. На мгновение ему улыбнулось счастье, и поэтому он лгал — лгал тем, что молчал. Он не сказал приемной дочери Джеда Хокинса, что он разбойник и пришел в эти обжитые места, рассчитывая, что тут королевская конная полиция не догадается его искать. И сегодня вечером он, вероятно, увидит ее в последний раз в жизни. Он скажет ей правду. Он скажет ей, что его разыскивает полиция всего канадского Севера. И в эту же ночь он отправится с Питером к Голым Землям, лежащим отсюда за тысячу миль. Он знал, что не отступит от принятого решения, знал, даже несмотря на то что темная полоса леса растаяла, заслоненная бледным девичьим лицом с василь-

ковыми глазами и каштановыми кудрями, полными солнечного блеска,—лицом, дороже которого для него не было ничего. Да, он был уверен в себе, как ни искушало его это видение. Он был разбойником, за ним гналась полиция, но...

Питера продолжала тревожить мрачность хозяина. Когда смеркло и в долине сгустилась мгла, Мак-Кей начал выбираться из скалистого лабиринта. Через час они уже осторожно шли по темной расселине, рассекавшей Гребень. В хижине горел огонь, но окошко Нейды было темным. Питер припал к земле, повинуясь ладони Роджера, которая предостерегающе легла на его спину.

— Я пойду один,— сказал Роджер.— Жди меня тут.

Питеру казалось, что он ждал в темноте очень долго. Он не слышал тихого «тук-тук-тук», когда пальцы его хозяина легко забарабанили по стеклу темного окошка. Но и Роджер не услышал никакого ответа на свой сигнал, только в соседней комнате кто-то продолжал говорить глухим, монотонным голосом. Он простоял под окном Нейды полчаса, время от времени вновь постукивая по стеклу. Наконец дверь внутри комнаты открылась, и на фоне светлого прямоугольника появилась фигура Нейды.

Мак-Кей снова тихонько постучал по стеклу, и девушка быстро захлопнула дверь. Через секунду она была уже у чуть приоткрытого окошка.

— Мистер... Роджер,— прошептала она,— это вы?

— Да,— ответил он, отыскав в темноте ее руку.— Это я.

Рука девушки была совсем ледяной, и пальцы сжали его руку так, словно Нейда была чем-то испугана. Питер, устав ждать, тихонько подкрался к ним и услышал почти беззвучный, срывающийся шепот Нейды. Что-то в ее тоне и в напряженном ответе Веселого Роджера приковало его к месту, и он насторожил уши, чутко вслушиваясь в ночь. Он простоял так несколько минут, а потом шепот у окошка смолк, и он услышал, что его хозяин осторожно уходит. Когда они добрались до расселины, Веселый Роджер заговорил, не подозревая, что Питер был у самого окна. Оглянувшись на бледное пятно света, он сказал, обращаясь не столько к Питеру, сколько к самому себе.

— Что-то произошло там сегодня вечером. Она не за-

хотела ответить мне, что именно. Но все равно я почувствовал что-то неладное. Жаль, я не видел в темноте ее лица.

Роджер зашагал по лугу и, словно спохватившись, что ничего не объяснил Питеру, снова заговорил:

— Сегодня она не могла уйти, Хромуля, но она придет к нам в ельник завтра к вечеру. Делать нечего, надо ждать.

Роджер пытался говорить бодрым тоном, но оттого, что он твердо решил во всем признаться Нейде и уйти из этих мест, этот срок казался ему невыносимо длинным. Почти всю ночь он расхаживал по прохладным лугам, а потом долго сидел в душистой глубине густого ельника, где у Нейды был тайник. Питер вскоре обнаружил скрытый от Роджера густой тенью небольшой узел, который был весь пропитан теплым и милым запахом Нейды. Узелок был спрятан под кустом и тщательно укрыт лапником и травой. Уходя из ельника, Мак-Кей никак не мог понять, почему Питер последовал за ним, только повинувшись его настойчивому оклику.

В Духовку они вернулись, когда уже начало светать, и первую половину дня Веселый Роджер проспал в своем убежище. Под вечер они в последний раз поужинали там. Затем Мак-Кей взобрался почти к самому пику и закурил трубку, ожидая той минуты, когда удлинившиеся вечерние тени скажут ему, что настало время идти на место свидания.

Он перевел взгляд на тайник под утесами, чтобы посмотреть, что подделывает Питер. Но ложбинка в песке была пуста и Питера нигде не было видно.

ГЛАВА VII

Питер отправился разгадывать тайну узелка, который он нашел в ельнике.

У подножия кряжа, там, где зелень равнины вступала в неравный бой с раскаленным боком Духовки, он остановился и долго медлил. Блестящие глаза щенка под жесткими кудряшками внимательно оглядывали и небо и землю; потом, слегка прихрамывая — эта ковыляющая походка навсегда осталась напоминанием о жестокости

Джеда Хокинса,— он затрусил в ту сторону, где находилась хижина бутлегера.

Приближаясь к каменистому ущелью, где он так мужественно защищал Нейду и где Джек Хокинс переломал ему кости, Питер подумал о бутлегере и злобно прижал уши. И вдруг в то самое мгновение, когда Питер инстинктивно замер, прислушиваясь, из ущелья вышел Джек Хокинс, держа в одной руке темную бутылку, а в другой — тяжелую дубинку. Его единственный глаз свирепо поблескивал в красноватом свете заходящего солнца. Поравнявшись с камнем, за которым прятался Питер, бутлежер замедлил шаги, и его худая небритая физиономия расплылась в злорадной усмешке. Питер оскалил зубы и весь напрягся. Хокинс пошел дальше, но Питер продолжал лежать неподвижно, выжидая, чтобы бутылку, дубинку и мужчину скрылись из виду.

Он глухо ворчал, когда продолжил свой путь. В его сердце пылало жгучее пламя ненависти. Затем он повернулся и нырнул в ельник, клином вдававшийся в луга. Несколько секунд спустя Питер выбрался на крохотную полянку, где какая-то пичуга весело распевала свою вечернюю песню.

Питер шел вдоль самой опушки, по брюхо утопая в лютиках и огнецветях, а его лапы давили спелые ягоды земляники, которая алела повсюду. Потом он с виноватым видом пробрался сквозь ширму молоденьких елок и увидел Нейду, которая вытирала пальцы, покрасневшие от земляничного сока. Ее алые губы тоже были помазаны соком, а когда она с радостным криком поманила Питера к себе, он заметил, что к ее раскрасневшейся щеке прилип кусочек ягоды. Но Нейда уже не смотрела на Питера и вся ее тоненькая фигурка трепетала от непонятного ему волнения: девушка оглядывалась по сторонам, ожидая увидеть Веселого Роджера.

Питер подошел к ней, положил голову ей на колени и, поглядев вверх, сквозь щетинистые брови увидел под волной каштановых кудрей лиловатый синяк там, где накануне не было никаких следов ушиба. Руки Нейды притянули его поближе, она прижалась подбородком к его голове, и ее густые блестящие волосы опутали его со всех сторон. Питеру ее волосы нравились почти так же, как Веселому Роджеру,— он закрыл глаза и удовлетворенно вздохнул, нежась в их душистой тени.

— Питер, — прошептала она, — знаешь, я боюсь увидеться с ним сегодня. Я ведь обещала ему... ты помнишь, я обещала сказать ему, если Джед Хокинс ударит меня еще раз. А он ударил! Видишь этот синяк? Если Веселый Роджер узнает, он его убьет. Мне нужно придумать что-нибудь... сказать неправду...

Питер завожился у нее на коленях, показывая, что это ему очень интересно, и его сильный хвост застучал по земле. Нейда замолчала, и он слышал и чувствовал, как бьется ее сердце совсем рядом с ним. Потом Нейда подняла голову и посмотрела туда, где, по ее расчетам, должен был показаться между елками Веселый Роджер. Питер, щурившийся от удовольствия, не заметил и не почувствовал перемены, происшедшей с ней за этот день, — в ее синих глазах появился новый блеск, щеки горели румянцем и вся она трепетала от тревожного волнения. Даже Питеру не открыла она своей тайны и продолжала ждать, прислушиваясь, не идет ли Роджер, а когда наконец раздались его шаги и он вышел из-за елочек, краска на ее щеках могла бы соперничать с алым соком земляники на кончиках ее пальцев. Веселый Роджер, едва взглянув на нее, увидел то, чего не видел Питер, и замер на месте, а сердце его застучало, как молот. Никогда еще, даже во сне, он не видел Нейду такой красивой, никогда еще она не глядела на него таким взглядом, никогда еще ее алые губы не говорили ему так много, не произнося ни единого слова. И тут же он заметил лиловый синяк, полуприкрытый каштановой прядью, а потом небольшой узел позади нее под кустом шиповника. Но он вновь перевел взгляд на синяк.

— Джед Хокинс тут ни при чем, — сказала Нейда, догадываясь о его мыслях. — Это его жена. А ее вы убить не можете, — добавила она с некоторым вызовом.

Роджер заметил, как судорожно дернулось ее горло, и понял, что она солгала. Но тут Нейда сняла голову Питера со своих колен и вскочила на ноги. Она стояла перед Веселым Роджером на этой лесной прогалинке, где шелковистая трава пестрела фиалками, лютиками и красной земляникой, и он подумал, что теперь она выглядит не маленькой девочкой, а взрослой девушкой. Позади над их головами запела пичуга, но Нейда не слышала ее звонкой песенки. Жаркий румянец на ее щеках вдруг сменился прежней бледностью, стиснутые руки задрожали.

ли, но синева в ее глазах, когда она поглядела на Веселого Роджера, оставалась такой же ясной, как синева неба.

— Я больше не вернусь к Джеду Хокинсу, мистер Роджер,— сказала она.

Легкий ветерок приподнял прядь на ее лбу, совсем открыв след жестокого удара, и Нейда увидела в глазах Веселого Роджера тот холодный стальной блеск, который всегда пугал ее. Он стиснул кулаки, и, положив ладонь ему на руку, Нейда почувствовала под материей вздувшиеся тугие бугры его мышц, твердых, как древесина березы. И, несмотря на страх, она ощутила гордость при мысли, что стоит ей сказать слово — и он убьет того, кто ее ударил. Она тихонько провела рукой по его локтю, ее глаза потемнели, уголки губ жалобно вздрогнули, и, посмотрев ему прямо в лицо, она повторила:

— Я больше туда не вернусь.

Веселый Роджер понял, что означал узелок под кустом шиповника. Он встретил ее решительный взгляд, и ему показалось, что его сердце сейчас разорвется. Он попытался ослабить напрягшиеся мышцы. Он попытался улыбнуться. Он попытался собраться с духом, чтобы открыть ей все. А Питер, усевшись в гуще фиалок, смотрел на них во все глаза и старался понять, что происходит.

— И куда же ты пойдешь? — спросил Веселый Роджер.

Пальцы Нейды добрались почти до его плеча. Они нервно мяти бумазею его рубашки, но она ни на мгновение не опустила глаз, и Роджер прочел в них ответ до того, как она сказала:

— Я пойду с вами и с Питером.

Роджер отпрянул от нее с придушенным криком, походившим на всхлипывание. Он отвел взгляд и попробовал смотреть на Питера, но бледное лицо Нейды, дрожащие губы, широко открытые чудесные глаза и волосы, которыми играл ветерок, заслоняли от него все. Это была уже не маленькая девочка, которой «пошел восемнадцатый год», — для Роджера Мак-Кея это была единственная женщина на земле.

— Тебе нельзя идти с нами! — воскликнул он с отчаянием. — Я пришел, чтобы сказать тебе все. Я недостойн твоего доверия. Я ведь совсем не тот, за кого ты меня принимаешь. Я обманывал...

Он умолк в нерешительности, но заставил себя продолжать:

— Ты возненавидишь меня, Нейда, когда узнаешь правду. Ты считаешь Джеда Хокинса плохим человеком. Но в глазах закона я еще хуже. Меня разыскивает полиция. Я скрываюсь уже несколько лет. Вот почему я пришел сюда и укрылся в хижине индейца Тома... возле которой повстречал тебя. Я думал, что тут меня не найдут, но они напали на мой след. Вот почему мы с Питером прятались в скалах у конца Гребня. Я... я разбойник. Я совершил много такого, что закон считает преступлением, и, скорее всего, я умру от пули или в тюрьме. Я хотел бы, чтобы все было по-другому, но что толку в сожалениях! Я бы жизнь отдал за то, чтоб сказать тебе, что у меня на сердце. Но я не могу. Это будет не по-честному.

Роджер недоумевал, почему ее взгляд нисколько не изменился, когда он открыл ей правду. Ее щеки вновь порозовели, губы стали еще алее — его слова как будто совсем не удивили и не испугали ее.

— Разве ты не понимаешь, Нейда? — вскричал он. — Я плохой человек. Меня разыскивает полиция. Я беглец, я прячусь от полиции...

Нейда кивнула.

— Я знаю, мистер Роджер, — ответила она спокойно. — Я слышала, как вы давным-давно рассказывали об этом Питеру. И мистер Кассиди приходил к нам на другой день, после того как вы с Питером убежали из хижины индейца Тома, а я проводила его к отцу Джону, и он рассказал мне про вас очень много и еще больше отцу Джону... И я вас стала еще больше уважать, мистер Роджер, и хочу уйти отсюда с вами и с Питером.

— Уважать?! — ахнул Роджер. — Меня?

Она снова кивнула.

— Мистер Кассиди — ну, этот полицейский — сказал то же самое, что вы только что сказали. Он сказал, что вы всегда поступаете по-честному, даже когда грабите. Он сказал, что постарается арестовать вас, если сумеет, но только ему будет очень жаль. Он сказал, что хотел бы иметь такого друга, как вы. И Питер вас очень любит. И я... — Ее щеки запылали. — Я пойду с вами и с Питером, — закончила она решительным тоном.

Тут маленькое происшествие пришло на помощь совсем растерявшемуся Роджеру: Питер, рыскавший в густой траве, вспугнул огромного кролика, и они, как горный обвал, пронеслись по ельнику под звонкий лай Питера, то и дело срывавшийся на визгливое щенячье тявканье. Веселый Роджер отвернулся от Нейды и стал смотреть им вслед. Но он ничего не видел. Он знал, что настала минута самого рокового решения в его жизни. За годы отчаянных приключений и странствий он не раз встречался лицом к лицу со смертью. Он голодал. Он замерзал в снежных пустынях. Он выходил победителем из жестоких схваток со стихией, зверем и человеком. Но он ни разу не изведal ничего равного борьбе, которая шла теперь в его душе. Его сердце стучало, мысли неслись хаотическим вихрем, он тщетно старался совладать с собой, и все это время, пока его глаза смотрели вслед кролику и Питеру, давно скрывшимся из виду, голос Нейды за его спиной повторял, что она пойдет с ним и с Питером. За эти секунды он понял, что не устоит, и от продуманного плана действий не осталось ничего. Он признался во всем, но та, кого он обожал, нежная и чистая, как лесной цветок, упрямо хотела разделить его судьбу. И все в нем кричало: «Обернись, протяни к ней руки, не разлучайся с ней, пока будешь свободен и жив!»

И все же он сопротивлялся этому властному призыву, по крупице собирая благоразумие и чувство долга, а Нейда глядела на него широко открытыми, детски прекрасными глазами и впервые догадывалась о терзаниях, разрывавших сердце этого человека, который был разбойником, но для нее — лучшим из людей. Когда Веселый Роджер повернулся к ней, его лицо постарело и стало серым, как камень, глаза потускнели и в голосе была глухая безнадежность.

— Тебе нельзя идти с нами, — сказал он. — Нельзя! Из этого не получится ничего хорошего. Я не смогу заботиться о тебе, когда попаду в тюрьму. А мне ее не миновать!

Много раз, когда она говорила о Джеде Хокинсе, он видел в ее глазах синее пламя. Теперь оно вновь в них вспыхнуло, и руки Нейды сжались в кулачки.

— Нет! — крикнула она. — Этого не будет. Я не дам, чтобы вы попали в тюрьму. Только позвольте мне пойти с вами и с Питером. — Она шагнула к нему. — А если я

останусь здесь, Джед Хокинс продаст меня в жены человеку, который поставляет шпалы железной дороге. Да, продаст. Я прежде вам про это не говорила, потому что боялась, как бы вы не сделали чего-нибудь отчаянного. Но оно так и будет, если вы не позволите мне пойти с вами и с Питером. Мистер Роджер, ну, пожалуйста...

Ее пальцы опять прокрались к его плечу. Синие глаза, в которых отражалась вся ее смелая благородная душа, были совсем близко от его глаз, но тут же они затуманились, в них блеснули слезы.

— Я пойду за вами всюду,— шептала она.— Мы спрячемся, и нас никогда не найдут. Я буду так счастлива, так счастлива, мистер Роджер... А если вы меня не возьмете, мне легче умереть...

Она тихо плакала, положив голову ему на грудь, обхватив его шею худенькими руками, а Веселый Роджер с жадностью скупца ловил каждое слово, срывавшееся с ее губ вперемешку со всхлипываниями. И внезапно буря в его сердце улеглась, колебания кончились, на смену им пришли радость и счастливое, гордое сознание новой ответственности. Обняв Нейду, он повернул к себе ее лицо и в первый раз поцеловал нежные алые губы, которые по какой-то непонятной причине судьба вверила ему с этого дня.

Все еще не разжимая объятий, все еще чувствуя на шее ее руки, он сказал негромко:

— Ты пойдешь с нами, девочка. Пойдешь со мной и с Питером и навсегда останешься с нами. А уйдем мы сегодня же вечером.

Когда Питер вернулся на полянку, его хозяин стоял там один, а Нейда уже шла по золотящемуся в закатном свете большому лугу к расселине в Гребне Крэгга, которая вела к хижине Джеда Хокинса. Однако Питер нашел на поляне совсем не того Веселого Роджера, которого оставил там всего полчаса назад, с которым прятался среди скал. Роджер Мак-Кей, стоявший перед ним на фоне оранжевого неба, больше не был нарушителем закона и отщепенцем. Он молчал, но все его существо пело от счастья, так гармонизировавшего с бесконечной прелестью этого летнего вечера. На всей земле не нашлось бы человека, с которым он согласился бы поменяться местами, и он не отдал бы своего счастья за счастье всех остальных людей в мире, вместе взятых. Он заговорил,

а Питер, высунув красный язык, свернулся у его ног и принялся слушать.

— Она меня любит, любит, любит,— повторял Роджер, так что, в конце концов, Питер насторожил уши, силясь понять, что могло бы означать это слово.

Тут Веселый Роджер заметил Питера, рассмеялся и нагнулся к нему, а на его лице блаженное выражение боролось с недоумением.

— Она пойдет со мной... с нами! — воскликнул он с мальчишеским восторгом.— Вмешалась судьба, Хромуля, и она пойдет с нами. Мы уйдем сегодня вечером, как взойдет луна. И... Питер, Питер! Мы сразу пойдем к миссионеру, и он нас обвенчает, а потом мы отправимся на поиски такого места, где нас никто и никогда не разыщет. Пусть за нами гонится полиция, но нас любят, Хромуля. И мы постараемся быть достойными этого. Слышишь, Питер?

Он расправил плечи и повернулся к западу. Потом подхватил узелок Нейды и нырнул в ельник, а Питер затрусил за ним. Они быстро прошли по темнеющим лугам и, добравшись до Духовки, вскоре были уже в своем убежище под плечами двух сказочных великанов. Там еще чуть брезжил свет, и, воспользовавшись этим, Роджер Мак-Кей быстро собрал свои пожитки, а потом благоговейно развязал узел Нейды и с нежностью уложил ее вещи в свой заплечный мешок. Все это время он что-то негромко говорил, и Питеру казалось, что его хозяин напевает какую-то песню.

Когда совсем смерклось, они выбрались из скал на луга и через полчаса уже миновали расселину и укрылись в чернильно-черной тени большой скалы в нескольких десятках шагов от хижины Джеда Хокинса. Тут после восхода луны к ним должна была присоединиться Нейда.

Кругом стояла глубокая тишина, и Питер, понимавший, что нарушать ее не следует, улегся на землю, поглядывая то на освещенное окно хижины, то на смутный силуэт своего хозяина. Он чувствовал, что где-то в отдалении собирается гроза. Ее дыхание уже ощущалось в воздухе, хотя в небе еще не было ни единого облачка и только чуть заметная сизая дымка заставляла тускнеть сияние звезд. Веселый Роджер считал про себя минуты, оставшиеся до восхода луны. Ему чудилось, что про-

шли часы, но вот наконец на востоке показался ее золотистый край. Вскоре все кругом наполнилось тенями. Предметы обретали странные, непривычные формы. Как далекие сигнальные огни, мерцали вершины скал. Черные сосны, ели и кедры теперь отливали серебром. А луна поднималась все выше, ее бледные лучи лились в долины и на луга, танцевали на верхушках деревьев, преобразая давно знакомый пейзаж, превращая его в сказочную страну.

Веселый Роджер не спускал глаз с огонька в хижине и напрягал слух, ожидая, что вот-вот раздадутся легкие шаги.

Но по-прежнему все было тихо. Лампа продолжала спокойно гореть. Дверь оставалась закрытой. Он слышал только шелест поднявшегося ветра, крики ночных птиц да завывание старого волка, который всегда был на луну в болотной чаще за лагугой индейца Тома.

Веселого Роджера охватила тревога. Луна давно взошла, а он по-прежнему ждал — полчаса, три четверти часа, час... Нейда все не шла. Его тревога росла, и он начал осторожно пробираться ближе к хижине, прячась в тени Гребня, пока не оказался в кедровнике у заднего крыльца. Питер шел за ним по пятам, бдительно следя за тем, чтобы ненароком не наступить на сухую ветку. Они приблизились к хижине, и тут Роджер Мак-Кей ясно расслышал тихие протяжные стоны.

Он прокрался к окну и заглянул внутрь.

На полу возле стула сидела, скорчившись, жена Джеда Хокинса. Она стонала, раскачиваясь из стороны в сторону, прижав к худой груди костлявые руки, и смотрела на открытую дверь. И вдруг Веселый Роджер понял, что, кроме плачущей старухи, в хижине никого нет. Его оледенил страх, и еще прежде, чем страх этот принял конкретную форму, Роджер уже вбежал в хижину. Женщина уставилась на него покрасневшими от слез, безумными глазами, но стонать перестала и медленно разжала руки. Веселый Роджер нагнулся к ней и невольно вздрогнул, заметив дикий ужас, исказивший ее морщинистое лицо.

— Где Нейда? — спросил он зло. — Скажи мне, где она?

— Нет ее, нет, нет, — забормотала старуха, сновя стискивая руки на груди. — Джек увел ее... за железную

дорогу... к Муни. О господи!.. Я хотела ему помешать, да где там... Он поволок ее за собой и сегодня выдаст ее за Муни, поставщика шпал... продаст этому злобному дьяволу, зверю...

Она захлебнулась от рыдания, застонала и снова принялась раскачиваться. Мак-Кей схватил ее за плечо.

— Где живет Муни? — крикнул он. — Говори скорее!

— Тысячу... тысячу долларов он обещал, если получит ее в жены, — глухо и нараспев сказала она. — Вон та тропа ведет прямо к его дому. За железной дорогой. В миле отсюда. А может, в двух. Я его отговаривала, а он и слушать не стал... не стал...

Веселый Роджер больше не слышал ее голоса. Он стремглав бежал через вырубку, и Питер мчался за ним. Они выбрались на тропу, и Веселый Роджер побежал еще быстрее. Он напрягал память, вспоминая, что именно Нейда говорила ему про Джеда Хокинса и поставщика шпал. Два часа назад на полянке среди елей он не обратил внимания на ее слова, решил, что вечный страх перед Джедом Хокинсом внушил ей мысль, будто тот задумал выдать ее замуж насильно — слишком уж это было бы чудовищно... У него вырвался хриплый крик: Хокинс и Нейда уже давно должны были дойти до жилища Муни — Нейда во власти этих негодяев, в уединенной хижине, где никто не придет к ней на помощь...

Питер, бежавший позади, заскулил, услышав хриплый стон Роджера. А в небе над ними по-прежнему светила луна, но теперь все чаще по ее бледному диску проносились темные облака и время от времени раздавался глухой рокот далекого грома. Внезапно луну заволокла черная туча, и Роджер с Питером продолжали бежать в полной тьме. Потом так же внезапно мрак рассеялся, луна вновь выплыла из-за тучи, озарив дорогу... и Роджер вдруг встал как вкопанный, а его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

К ним навстречу, пошатываясь и рыдая, шла Нейда. Ее волосы растрепались и рассыпались по плечам и груди, платье было разорвано, и в ярком лунном свете там, где рукав был оторван, белело обнаженное плечо. Она увидела Роджера, который протягивал к ней руки, и с криком — никогда еще Питер не слышал, чтобы подобный крик срывался с ее губ, — кинулась к нему. В ее глазах сухих, горящих, огромных, Роджер, прочел траги-

ческий ужас, но это было не то, чего он ждал. Он прижал ее к груди, почувствовал прикосновение ее горячих губ.

— Он... он отвел тебя к Муни?

Роджер почувствовал, как по ее телу прошла дрожь.

— Нет! — задыхаясь, сказала она. — Я отбивалась... всю дорогу. Он тащил меня, бил, порвал мне платье, а я все отбивалась. Там дальше... на дороге... он решил, что я обессилела, и повернулся... а я ударила его камнем. И он упал, и лежит теперь там... на спине...

Она не договорила. Веселый Роджер отодвинул ее от себя на длину руки. Луну опять закрыла туча, и Нейда не видела его лица. Он сказал глухо и яростно:

— Нейда, иди скорее к миссионеру. — Он сделал над собой усилие, стараясь говорить спокойно. — Возьми с собой Питера и иди. Ты успеешь добраться туда до грозы. А я пойду поговорить с Джедом Хокинсом — с глазу на глаз. Потом я приду за тобой, и миссионер нас обвенчает.

Луна выплыла из-за тучи, и он увидел на лице Нейды радостную улыбку. Страх исчез, в глазах играли золотые огоньки. Он снова привлек ее к себе и поцеловал, а ее пальцы гладили его лицо и она тихо и счастливо смеялась.

Но Роджер настойчиво повторил, что ей надо идти.

— Поторопись, девочка, — сказал он. — Поторопись, а не то тебя застигнет гроза.

Нейда ушла, негромко кликнув Питера, а Мак-Кей быстро зашагал дальше по тропе, ни разу не оглянувшись и думая только о том, как он рассчитается в эту ночь с двумя гнуснейшими негодяями. Он испытывал незнакомое ему прежде желание убивать. Еще немного — и он разделается с Хокинсом и Муни, как Хокинс разделался с Питером. Нет, убивать он их не станет, но искалечит их, переломает им все кости, чтобы они надолго запомнили этот урок!

И тут во вновь наступившей тьме он обо что-то споткнулся. Он остановился и, когда облако пронеслось, увидел на земле у своих ног лицо Джеда Хокинса. Оно было страшно искажено, единственный глаз был закрыт. Хокинс не шевелился, а возле его затылка лежал камень, брошенный Нейдой.

Веселый Роджер угрюмо усмехнулся — волей судьбы первая половина его работы была ему облегчена. Но

бить человека, лежащего без сознания, он не мог. Роджер пнул неподвижное тело.

— Вставай, мерзавец! — сказал он. — Я переломала тебе кости, как ты переломал их Питеру и этой бедной старухе! Вставай!..

Джед Хокинс не пошевелился. Его тело казалось обмякшим. Роджер стоял и смотрел на него, и с каждой секундой его глаза расширялись, а взгляд делался все более растерянным. Снова стало темно. Но теперь это был чернильный, непроницаемый мрак, словно над миром захлопнулась подвальная дверь. С запада донесся сильный раскат грома. Верхушки деревьев испуганно зашептались. Но Веселый Роджер слышал только стук собственного сердца. Он опустился на колени и начал ощупывать тело Джеда Хокинса. Даже Питер не уловил бы в эту минуту звука его дыхания.

Он выпрямился, и ночная тьма, в это мгновение застывшая в безмолвии, услышала единственное хриплое слово, сорвавшееся с его губ:

— Мертв!

Жаркая ярость в его душе сменилась леденящим ужасом, сердце налилось свинцовой тяжестью, он задыхался. Джед Хокинс был мертв! Тело его стыло на темной тропе. Он превратился в бездыханный труп, и ветер, предвестник бури, стenal и причитал над ним, а одинокий волк на болоте выл особенно тоскливо, будто чуял мертвеца.

Ногти Роджера Мак-Кея впились в ладони. Если бы он убил эту гадину в человеческом облике, если бы мстителем был он сам, он не испытывал бы этого жуткого всепроникающего страха, который теперь сковал его во мраке. Но он опоздал. Джеда Хокинса убила Нейда. Нейда, чья душа в этот день распустилась от дуновения счастья, как цветок, лишила жизни своего приемного отца. А закон Канады не признавал никаких смягчающих обстоятельств, когда дело касалось убийства.

Холодная дрожь пробежала по телу Роджера, оледенила его пальцы, и бессознательно он всхлипнул сквозь стиснутые зубы, как ребенок. Раскаты грома становились всё громче и ближе, в них чудилась угроза, беспощадное обещание неотвратимой и тяжелой расплаты. Роджер почувствовал удар ветра, и в тот же миг что-то мягко ткнулось в его ногу и раздалось недоуменное по-

визгивание. Это был Питер — Питер вернулся к нему в ту минуту, когда он больше всего нуждался в ободрении. Застонав, Мак-Кей снова опустился на колени и притянул Питера к себе.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Питер, она убила его. Но нельзя, чтобы она об этом узнала. Мы должны скрыть это от всех...

Он умолк, и Питер почувствовал, что тело его вдруг окаменело. Веселый Роджер долго казался таким же безжизненным, как человек, лежавший навзничь на тропе возле него. Потом он, порывшись в кармане, нашел карандаш и старый конверт. На конверте в темноте, такой густой, что он не видел собственной руки, он написал: «Джеда Хокинса убил я», а потом полностью подписался: «Веселый Роджер Мак-Кей».

Затем он подsunул конверт под тело Джеда Хокинса так, чтобы на него не попал дождь, и, чтобы в уличках не было недостатка, накрыл лицо мертвеца своей курткой.

— Мы должны это сделать, Питер, — сказал он новым, незнакомым голосом и встал на ноги. — Мы должны это сделать... ради нее. Мы скажем ей, что догнали Джеда Хокинса и прикончили его.

К нему вернулись обычный ум, хитрость и осторожность. Он оттащил труп бутлегера на другое место, повернул его лицом вниз, отбросил подальше роковой камень и взрыхлил ногами землю, чтобы создать видимость драки.

Когда он кончил и вернулся к Питеру, то, как ни черно было у него на душе, в голосе его звучало торжество.

— Возможно, мы не всегда поступали хорошо, Хромуля, — сказал он, — но сегодня мы, пожалуй, искупили некоторые свои грехи. И если нас повесят, что, возможно, рано или поздно случится, нам думается, будет легче оттого, что сделали мы это ради нее. А, Хромуля?

На несколько мгновений из-за туч показалась луна и осветила смертельно бледное лицо Веселого Роджера. На его губах играла странная холодная улыбка, а глаза глядели прямо перед собой — глаза человека, который принес себя в жертву ради той, которая была ему дороже всего на свете.

Когда Роджер, пройдя три мили, добрался до выруб-ки, на краю которой у самого леса стояла хижина мис-

сионера, луна по-прежнему лишь изредка выглядывала из-за черных туч. Гроза еще не разразилась и словно на-капливала силы, чтобы с бешенством обрушиться на мир. Гром глухо ворчал, и редкие вспышки молний свидетельствовали о том, что небесные стихии притаились в засаде.

Вырубка скрывалась под покровом непроницаемой тьмы, в которой светилось единственное желтое пятно — окно в хижине миссионера. Застыв, точно каменное изваяние, Веселый Роджер несколько минут смотрел на этот светлый квадрат. Его сердце было мертво, дух сломен, мечты развеялись как дым. Теперь ему остался только рассудок, твердая решимость выполнить задуманное и любовь, которая из источника радости стала источником смертной муки. Он глядел прямо перед собой, сознавая, что у него нет выбора. Никакого. И никакой надежды. Ничто не могло изменить случившегося. Перед ним был только один путь.

Когда человек жертвует жизнью ради родины или во имя великой любви, в этом есть непередаваемое величие и мощь. Вот почему у Веселого Роджера нашлись силы пересечь темную вырубку, постучать в дверь и войти в освещенную комнату, где его ждали Нейда и седенький старичок миссионер.

Тревога и страх на лице Нейды тотчас сменились счастливой улыбкой, и, не замечая странной перемены в своем любимом, она бросилась к нему, как тогда на тропе. Веселый Роджер обнял ее, но на этот раз нежно и бережно, точно ребенка, которому он боялся причинить боль. Губы, коснувшиеся ее щеки, были холодны как лед, и Нейда испуганно посмотрела ему в глаза. И опять, как тогда на тропе, Веселый Роджер отстранил ее и повернулся к миссионеру. Холодно и сурово он рассказал ему о том, что произошло с Нейдой в этот вечер — о том, как Джед Хокинс попытался осуществить свой жестокий план и продать ее Муни. Потом он вытащил из внутреннего кармана маленький кожаный бумажник и протянул его старичку.

— Тут почти тысяча долларов, — сказал он. — Это мои деньги. Я даю их вам для Нейды. Оставьте ее у себя, позаботьтесь о ней, и, может быть, потом...

Нейда обеими руками вцепилась в его локоть. Ее глаза стали огромными. По лицу разлилась бледность, и она прерывающимся голосом сказала:

— Я пойду с вами. Я пойду с вами... и с Питером!

— Нет,— сказал он.— Теперь это невозможно. Я уйду один, Нейда. Я догнал Джеда Хокинса... и убил его.

Над хижинной раздался оглушительный удар грома, и пол под их ногами задрожал. Веселый Роджер указал на дверь в перегородке и попросил:

— Отец Джон, оставьте нас с ней вдвоем... на одну минуту...

Старичок миссионер, сжимая в руке бумажник, кивнул и вышел в соседнюю комнату. Закрывая за собой дверь, он увидел, что Роджер Мак-Кей протянул руки к Нейде, и она бросилась в его объятия. И тут разразилась буря. На крышу обрушились потоки дождя. Стихии сорвались с узды, гром гремел не переставая, и ночь казалась еще чернее от белесых вспышек молний. Миссионер стоял в темноте, прислушиваясь к реву бури,— маленький седой старик, видевший на своем веку много человеческих трагедий, умевший только жалеть и молиться. И сейчас он просил бога просветить его. Минуты шли. Пять... Десять... Вдруг рев бури на мгновение сделался еще оглушительнее, но тут же стал прежним, и старичок понял, что входная дверь открылась и закрылась.

Он заглянул в соседнюю комнату. Нейда лежала, скорчившись, на полу, рассыпавшиеся каштановые пряди скрывали от его взгляда ее лицо и руки. Питер стоял у двери. Миссионер подошел к девушке, наклонился к ней и, ласково обняв за плечи, попробовал утешить ее: он говорил ей, что надо уповать на милосердие божье, а вокруг хижины гремела гроза...

Веселый Роджер Мак-Кей, наклонив голову навстречу ударам бури, уходил все дальше от хижины, где осталось его сердце. Он шел на Север.

ГЛАВА VIII

Дверь, за которой исчез его хозяин, захлопнулась перед носом Питера, и он напрасно ждал, не раздадутся ли за ней снова знакомые шаги,— до его слуха доносился лишь шум дождя да грохот грома. Незнакомое чувство жгло его, заставляло дрожать, разливалось огнем по жилам. Говорят, собака иногда распознает неслышное при-

ближение смерти, и тот же самый инстинкт подсказывал Питеру, что в эту ночь случилось нечто страшное, и теперь оно пряталось в ночной буре, мучило его; Питер заскулил и повернулся к Нейде.

Обхватив голову руками, рыдая безудержно, как ребенок, она лежала там, где упала, когда Веселый Роджер поцеловал ее в последний раз и исчез за дверью. Рядом с ней на коленях стоял старик миссионер, гладил худой рукой ее волосы, шептал ей слова ободрения и утешения, а за стенами хижины бушевали дождь и ветер, оконные рамы стучали, откликаясь на жуткие голоса, которые выли и стонали среди древесных вершин.

Рыдания Нейды терзали Питера, и все же у него было только одно желание — догнать того, кто ушел. Он не умел рассуждать, и ему представлялось, что это Джек Хокинс трясет окна невидимыми руками, что это он стучит в дверь порывами ветра и наполняет ночной мрак ужасом и угрозами. Он ненавидел человека, который остался лежать на тропе, подставляя безжизненное лицо потокам дождя. Питер не только ненавидел его, но и боялся, а потому ему казалось, что Нейда плачет на полу из-за этого же страха. Отец Джон гладил ее по плечу и говорил ей какие-то непонятные слова. Питеру хотелось подойти к ней. Ему хотелось, чтобы Нейда опять крепко обняла его, как в те дни, когда она изливала ему свои горести. Но больше всего ему хотелось догнать хозяина и быть с ним.

Питер подошел к двери и прижал нос к щели над порогом. Он почувствовал, что буря яростно ломится в нее, сго ноздри заполнил влажный туман. Но ветер не принес с собой запаха Веселого Роджера Мак-Кея. Питер начал царапать дверь, а потом повернулся и с бьющимся сердцем вопросительно посмотрел на Нейду и миссионера.

Ему было четыре с половиной месяца, но он провел их в лесной глуши, а последние недели постоянно находился в обществе Веселого Роджера, вот почему его ум развился не по возрасту. Конечно, он был не в силах понять, что его хозяин — преступник в глазах закона, но вечная настороженность, необходимость прятаться и быть всегда начеку научили его очень многому. Он инстинктивно чувствовал, что сегодня вечером случилось что-то опасное. Самый воздух был наполнен этой опас-

ностью. Он вдыхал ее запах. Она пронизывала раскаты грома, вспышки небесного огня, могучие удары ветра, от которых содрогалась хижина и дребезжали окна. И Питер смутно сознавал, что во всем виноват мертвец, оставшийся там, на дороге, что из-за этого человека его хозяйка плачет, а хозяин ушел и не возвращается. Он чувствовал, что должен был пойти с Веселым Роджером в таинственную черноту бури и вместе с ним драться с тем единственным, кого он ненавидел всем сердцем, — с мертвецом, который лежал там в густом мраке под черной стеной леса.

Миссионер утешал Нейду, но за долгие годы врачевания чужих горестей его голос утратил силу и убежденность.

— Господь простит его, дитя мое. В своем неизреченном милосердии бог простит Роджера Мак-Кея, ибо он убил Джеда Хокинса, спасая тебя. Но люди его не простят. Служители закона искали его за былые проступки, а теперь он прибавил к ним еще и то, что закон называет убийством. Но бог рассудит иначе. Он заглянет в его сердце, в сердце человека, который пожертвовал собой...

Нейда злобно стряхнула с себя ласковую руку миссионера, и Питер в свете лампы увидел, что лицо ее смертельно побледнело.

— Мне все равно, как рассудит бог! — гневно вскричала она. — Бог был сегодня несправедлив. Мистер Роджер рассказал мне все — сказал, что он разбойник и что мне не следует выходить за него замуж. А я сказала — нет! Я люблю его и буду скрываться вместе с ним. И мы условились сегодня вечером прийти к вам, чтобы вы нас обвенчали, но тут ваш бог позволил Джеду Хокинсу силой вытащить меня из дома, потому что он продал меня человеку, который живет за железной дорогой... И бог допустил, чтобы мистер Роджер догнал Джеда и убил его! Он несправедлив, ваш бог! Да, да, да! Ведь мистер Роджер научил меня, что такое радость, и я любила его, и он меня любил... Бог жесток, раз он позволил ему убить Джеда Хокинса!..

Голос ее прервался от муки. Питер заскулил, глядя, как миссионер помог Нейде подняться, увел ее в спальню и зажег там лампу. Питер тихонько прокрался туда вслед за ними. И когда миссионер ушел, оставив их на-

едине с их горем, Нейда словно только теперь заметила щенка и протянула к нему руки.

— Питер,— прошептала она,— Питер...

Минуты шли, а Питер слушал, как колотится сердце Нейды. Она прижимала его к груди, и он смотрел на ее прекрасное бледное лицо, на вздрагивающие губы, на сияние глаза, прикованные к квадрату окошка, за которым чернела ночь. Буря ненадолго стихла. Но эта тишина была зловещей, а прерывало ее только тиканье стенных часов, таких же старых и усталых, как сам миссионер. И Нейда, примостившаяся на краешке кровати отца Джона, была уже непохожа на прежнюю юную девушку, которой «пошел восемнадцатый год». В этот день на полянке в ельнике, где благоухал жасмин, а в траве прятались фиалки и алая земляника, она стала взрослой. В этот час она впервые в жизни почувствовала себя счастливой. Она слушала, как Веселый Роджер рассказывал ей о том, что она уже давно знала,— что он разбойник и скрывался здесь от полиции, которая все это время разыскивала его на Севере. Он убеждал ее, что недостойна ее любви и будет последним негодяем, если не расстанется с ней. А в ее душе росла ликующая сила. Она сделала свой выбор раз и навсегда без колебаний и страха. И вот теперь, пока она смотрела невидящим взглядом на стекла в струйках дождевой воды, та же сила проснулась в ней, но еще более могучая, чем в часы счастья,— тоска по любимому и отчаянное желание найти выход из роковой ловушки.

В ее памяти пронеслась вся прожитая ею жизнь: тяжкие, мучительные годы, проведенные в хижине Джеда Хокинса и его забитой покорной жены; зимние и летние месяцы, которые казались ей веками беспросветной тоски и одиночества, потому что ее единственным другом на земле был лес. Буря вновь застучала в окно, а Нейда вспоминала тот день, когда несколько месяцев назад она случайно обнаружила убежище Роджера Мак-Кея. С той поры он стал для нее всем и она жила словно в раю. Он стал для нее отцом, матерью, братом, а теперь — и это было важнее всего — возлюбленным. Но в этот самый день, когда он впервые обнял ее, когда они были так счастливы, Джек Хокинс задумал привести в исполнение свой черный замысел, и Веселый Роджер убил его!

Вскрикнув, Нейда вскочила на ноги так стремительно,

что Питер шлепнулся на пол. Он растерянно уставился на нее, приоткрыв пасть. Девушка прерывисто дышала. Вся ее тонкая фигурка сотрясалась от дрожи. Внезапно Питер увидел, что ее глаза вспыхнули, а по щекам разлился жаркий румянец. Она нагнулась к нему и зашептала, стараясь, чтобы ее не услышал миссионер:

— Питер, все это не так. Джеда Хокинса и следовало убить. Так ему и надо. Питер... Питер, ну и пусть за ним гонится полиция. Мы все равно пойдем с ним. Пойдем, слышишь?

Нейда бросилась к окну, и Питер смотрел, как она начала его открывать, задыхаясь и судорожно шепча:

— Мы пойдем с ним, Питер! Пойдем... что бы нам ни грозило... даже смерть!..

Осторожно, дюйм за дюймом, она приоткрыла окно. В комнату ворвалась буря. Порыв ветра задул лампу, но как раз в этот миг Нейда увидела, что на стене висит нож в эскимосских ножнах.

Она на ощупь отыскала его, зажала в руке и выскользнула из окна на размокшую землю. Питер одним прыжком догнал ее. Темнота сомкнулась вокруг них, но они отыскивали тропу, ведущую на Север, — в такую ночь Веселый Роджер не мог пойти напрямик через лес. До них донесся голос миссионера, который окликал их из окошка. Но тут раздался такой раскат грома, что земля у них под ногами содрогнулась и буря заревела с утроенной силой. Небо рассекли ослепительные вспышки молний. Деревья застонали и затрещали, хлынул дождь, но Нейда продолжала бежать по тропе, крепко сжимая нож — свою единственную защиту от ужасов, таящихся во мраке, — а рядом с ней, не обгоняя ее ни на шаг, бежал Питер.

Но видел он ее, только когда вспыхивала молния: ее мокрые волосы растрепались, мокрое платье облепило тело, широко раскрытые глаза были устремлены вперед. Когда же свет молнии сменялся густой тьмой, Питер слышал спотыкающийся топот ее ног, тяжелое дыхание, а иногда свистящий шелест — это ветка хлестала ее по лицу или по груди. Дождь смыл запах его хозяина, но он знал, что они бегут, чтобы догнать Веселого Роджера. Ему хотелось поторопиться, кинуться вперед со всех ног, но он перебарывал это желание, потому что Нейда спотыкалась, тяжело дышала, а ее лицо во вспышках небесного огня было таким белым и странным. Что-то подска-

зывало Питеру, что Нейде во что бы то ни стало надо догнать Веселого Роджера. И он боялся, что она остановится. Он пытался залаять, подбодрить ее, как он лаял, когда они бегали наперегонки по зеленым лугам за Гребнем Крэгга. Но ему мешал дождь. Дождь бил его по спине, как злые руки, плескал ему в глаза воду из луж и забивался в глотку, стоило ему открыть пасть. Зато он старался держаться поближе к Нейде, и она иногда ощущала прикосновение его шершавого бока.

В эти первые минуты, когда Нейда бросилась догонять возлюбленного, она слышала только один голос — голос собственного сердца, всего своего существа, голос, который, заглушая грохот грома и вой ветра, гнал ее вперед, безжалостно заставлял преодолевать усталость и слабость. Веселый Роджер ушел всего за полчаса до того, как они с Питером бросились его догонять. И она должна догнать его — догнать как можно скорее, прежде чем лес успеет его поглотить, прежде чем он уйдет навсегда из ее жизни.

Стена мрака впереди не пугала Нейду. Когда ветки хлестали ее по лицу и цеплялись за волосы, она отводила их и, спотыкаясь, бежала дальше. Дважды она налетала на поваленные деревья, выбиралась из путаницы сучьев, вся исцарапанная, и со стоном подзывала Питера, крепко сжимая в руке тяжелые ножны. Казалось, стихии в диком разгуле ополчились именно против нее, издеваясь над беспомощностью своей жертвы, злобно радуясь живой игрушке, которая посмела бросить им вызов. Питер еще никогда не слышал такого грома. Он сотрясал землю под его лапами. Его раскаты не смолкали ни на мгновение, молнии вспыхивали, словно залпы скорострельных орудий, и в конце концов, не выдержав ярости ветра и дождя, Нейда без сил упала на землю, шаря руками в поисках Питера.

Питер прижался к ней, мокрый и дрожащий. Его теплый язык нашел ее ладонь, а Нейда, крепко обняв его, поникла, и ее кудри смешались с грязью и намокнувшей хвоей. Питер слышал ее тяжелое дыхание... И тут все переменялось. Гром ушел на восток, а с ним и молнии. Ветер в вершинах деревьев стонал все тише и вскоре смолк, а ливень сменился теплым дождиком. Июльская гроза унеслась так же внезапно, как и налетела. Нейда с трудом поднялась на ноги и побрела дальше.

Вместе с бурей улеглось и смятение в ее мыслях, иго страха и растерянности спало с ее рассудка. Она начала рассуждать спокойно, а вместе со спокойствием пришли надежда, уверенность и новые силы. Она знала, что Веселый Роджер идет по этой тропе: другой тропы, ведущей на Север через дремучий лес, тут не было. За полчаса он не мог уйти далеко. А вдруг он укрылся от ярости бури под каким-нибудь большим деревом? В ее сердце вспыхнула радость. Ведь если так, значит, он совсем-совсем близко! Нейда остановилась, глубоко вздохнула и позвала его. Она трижды повторила свой зов, но услышала в ответ только повизгивание Питера. Через несколько минут она опять позвала его, как могла, громче. И снова из мрака впереди не донеслось ответа.

Тропа спустилась в ложбину, и под ногами Нейды зачавкала болотная грязь. Девушка проваливалась в нее по лодыжки, оступалась в глубокие лужи, где вода доходила Питеру до брюха. Только через четверть часа они наконец выбрались на твердую землю. К этому времени уже умчалась последняя туча. Дождь прекратился. Гром глухо рокотал где-то далеко-далеко. Угасли последние вспышки зарниц, и деревья тихо шептались, словно радуясь тому, что буря миновала. Нейда и Питер слышали над головой и повсюду вокруг журчание воды и шелест падающих капель: плакали намокшие ветки, побулькивали лужи, лепетали ручейки, разлетаясь брызгами под их ногами. В просвете между облаками выглянула луна.

— Мы догоним его, Питер, — жалобно сказала Нейда. — Теперь мы его догоним. Он ведь, наверное, где-нибудь совсем близко...

И Питер замер, прислушиваясь, не ответит ли Роджер Мак-Кей на ее зов.

Над их головами плыла полная луна июльских ночей, и ярость бури была уже забыта. Она исхлестала и затопила лес, но теперь каждое дерево было очищено от гнили и праха, был умыт каждый цветок и каждая травинка. От земли поднималось благоухание молодой зелени, дурманящий дух мхов и прелой хвои, и в чистом воздухе чуть слышно веяло ароматом смолы и неуловимо пряным дыханием мохнатых ветвей, которые сплелись в бесконечные пологи и сверкающие завесы. Казалось, могучий лес был полон трепета невидимой и таинственной жизни — бесшумной, но пульсирующей, дышащей, впиваю-

щей целительный бальзам свежего воздуха в упокоении, которое пришло на смену грому и молниям, реву ветра и ливня. Луна, словно повелительница, по чьей воле свершилось все это, глядела вниз с властным торжеством. Ни пыль, ни туман, ни дым лесного пожара не затеняли ее сияния, и в лесу было светло, как на рассвете. Лунные лучи золотыми и серебряными полосами ложились на деревья, отбрасывая густую тень туда, куда они не могли проникнуть, и разливаясь озерами там, где лесная кровля пропускала их потоки. Тропа, уходящая на Север, мерцала серебром, рассекая лес от неба до земли.

На мокрой земле виднелись четкие следы Веселого Роджера, а на полянке, которую расчистил какой-то охотник, чтобы поставить там шалаш, Веселый Роджер остановился передохнуть после бури... и пошел дальше. На эту полянку через три часа после того, как они покинули хижину миссионера, вышли Нейда и Питер.

Они шли медленно; в лунном свете девушка казалась бесплотной тенью. На полянке они остановились, и сердце Питера тоскливо сжалось, когда его хозяйка вновь позвала Веселого Роджера. Это был уже не крик, а рыдание. У Нейды больше не осталось сил. Она еле держалась на ногах, ее лицо осунулось и побледнело от усталости, стиснутые губы и застывший взгляд говорили о мучительном отчаянии. Ей больше не на что было надеяться, и она знала это, когда, упав на землю, с рыданием позвала того, чьи следы так ясно отпечатались на тропе, уходя дальше в лесной сумрак.

— Питер, у меня нет сил идти,— простонала она.— Нет... сил... идти...

Нейда прижала руки к груди. Питер увидел, как блеснули в лунном свете костяные ножны эскимосского ножа, увидел, что ее губы что-то беззвучно шепчут, но он не расслышал ни своего имени, ни какого-нибудь слова. Питер заскучил и медленно двинулся вперед, обнюхивая тропу. Он ясно различил запах Веселого Роджера, и его пронизала радостная дрожь. Он оглянулся, тихо повизгивая, уговаривая свою хозяйку встать.

— Питер! — позвала она.— Питер!

Он вернулся к ней. Нейда вынула нож из ножен, и в ее руке сверкнула холодная сталь. Глаза Нейды блестели, она схватила Питера, притянула его к себе, и он услышал, что часто и прерывисто стучит ее сердце.

— Питер, Питер! — бормотала она. — Если бы ты только умел говорить! Если бы ты мог догнать мистера Роджера и сказать ему, что я здесь, что он должен вернуться...

Ее руки конвульсивно сжались, и Питер почувствовал, что она вся встрепенулась.

— Питер, — шепнула она, — ты это сделаешь?

Несколько секунд она, казалось, не дышала. Потом Питер услышал, как она вскрикнула, словно придумав что-то. Державшие его руки разжались, и в желтоватом свете луны блеснул нож.

Питер ничего не понял, но он знал, что должен внимательно следить за каждым движением своей хозяйки. Она наклонила голову, и почти просохшие волосы заблестели под луной. Ее пальцы утонули в растрепавшихся локонах, и Питер увидел сверкание ножа, услышал, как он поскрипывает, а потом увидел, что Нейда держит в руке отрезанную прядь. Он был совсем сбит с толку. А Нейда бросила нож, зачем-то оторвала длинный лоскут от повисшего лохмотьями платья и тщательно завернула в него отрезанный локон. Затем она, вновь притянув Питера к себе, привязала лоскут с локоном ему на шею, потом оторвала еще несколько узких полосок ситца и намотала их вокруг его шеи так туго, что ему стало трудно дышать.

И все это время она говорила с ним взволнованным, прерывающимся голосом, так что кровь быстрее побежала в жилах Питера, а его возбуждение росло и росло. Кончив, Нейда поднялась на ноги и, покачиваясь, как те ни деревьев, падавшие на поляну, указала в сторону заливной лунным светом тропы.

— Вперед, Питер! — негромко сказала она. — Быстрее! Беги за ним, Питер, догони его, приведи обратно! Мистера Роджера... Веселого Роджера... Вперед, Питер! Вперед!

Питер не знал такой команды. Но он начал понимать, чего от него хотят. Он обнюхал следы Веселого Роджера, быстро поднял голову и увидел, что хозяйка им довольна. Она торопила его. Он продолжал обнюхивать следы, уходя все дальше, а Нейда подбодряла его и повторяла: «Скорее, скорее!»

Инстинкт и сообразительность подсказывали ему, что он должен что-то сделать, и внутри у него все восторжен-

но напряглось. Нейда хотела, чтобы он ушел. Она хотела, чтобы он догнал Веселого Роджера, и повесила ему на шею тряпочку, которую он должен отнести Веселому Роджеру. Он радостно и возбужденно твякнул и неторопливой рысцой побежал по тропе. Это была бессознательная проверка. Но Нейда не окликнула его. Он насторожил уши, ожидая приказа вернуться, но хозяйка молчала. И он возликовал. Он не ошибся! Он не бросил Нейды. Не убежал от нее. Она сама хотела, чтобы он побежал вдогонку за Веселым Роджером.

Ночь поглотила Питера. Он слился с серебристыми потоками ее лунного света, с ее прихотливыми тенями, с ее тишью и тайной, с ее смутным ожиданием. Он знал, что буря принесла с собой много бед и по-прежнему ощущал близость трагедии в этом ночном мире, по которому он бежал. Он не напрягал всех сил и все же продвигался втрое быстрее, чем прежде с Нейдой. Он помнил об осторожности, время от времени останавливался, чтобы прислушаться, и хотя ему этого очень хотелось, ни разу не взвизгнул от нетерпения. Теперь, когда Питер остался один в лесу, все его существо чутко воспринимало биение скрытой жизни вокруг. Он знал, что Ночной народ дремучей чащи не спит. На мягких когтистых лапах, на бесшумных крыльях, остря клыки и клювы, крались во мраке хищники. Они тенями скользили в лунных аркадах леса или парили меж деревьев, поджидая добычу, готовясь пожрать существа слабее себя. Питер знал об этом. И опыт и инстинкт предостерегали его. Вот почему все время, пока он бежал по следу Роджера Мак-Кея, он вглядывался в сумрак, нюхал воздух и окаливал зубы.

Но его переполняла не только жажда приключений. В нем жило ощущение ответственности своей миссии, хотя то, что человек снисходительно называет разумом животных, было здесь ни при чем. Это ощущение ответственности возникало потому, что шею его туго обматывали линялые лоскутки. Они были как бы частью его хозяйки, частью ее души — чем-то очень для нее важным и доверенным ему. И сейчас вся его осторожность, все его мужество нужны были Питеру для того, чтобы охранять эти лоскутки, пока они не окажутся в руках Роджера Мак-Кея. А охранять — значило драться. Это был закон, которому следовало множество поколений его диких предков. Вот почему он прислушивался и принюхивался,

и кровь все быстрее струилась в его жилах, пока он бежал по следу. Он заворчал и с кошачьей стремительностью обернулся на легкий шелест, но это просто выпрямилась ветка, которую во время бури прижал соседний сук. Над тропой впереди мелькнула серая молния, и Питер глухо зарычал. Это была рысь. Питер замер, а потом осторожно обогнул лунное пятно, в котором на мгновение возникла лесная разбойница, вооруженная двадцатью кривыми кинжалами.

Теперь, когда щенок остался в лесу один и присутствие человека, человеческие шаги и его запах уже не отгоняли диких тварей, он замечал, что ночная жизнь леса надвигается на него все ближе. Серые совы больше не хранили безмолвия, когда он пробегал мимо: они шипели и зловеще щелкали сильными клювами. Он слышал легкие шорохи; в кустах, где тайно пробирались мелкие зверюшки, он услышал drobный топот неуклюжих ног и почувствовал острый запах: это дикобраз отправился в полночь перекусить тополиной корой. Потом тропа кончилась, и запах Веселого Роджера повел его прямо через лес, полный лунных потоков и озер, смутных теней и черных провалов мрака. Теперь он вторгся в самое сердце владений Ночного народа. Он услышал волчий вой, полный тоски одиночества и смертельной угрозы; он уловил противный запах лисицы, которая выслеживала добычу, старательно держась так, чтобы ветер дул ей в морду; в минуту полного затишья из черного провала впереди до него донеслось щелканье зубов и хруст — это куница, сверкая глазами, доедала куропатку. А клювы щелкали всё более злобно, серые тени проносились над самой его головой, и он слышал предсмертные крики беззащитных зверюшек — писк лесной мыши, крик дневной птицы, проснувшейся в чьих-то острых зубах, вопль кролика, схваченного одним из серых воздушных пиратов. И вдруг прямо перед собой в центре лунного озера Питер увидел чудовище. Это была огромная медведица с двумя толстыми медвежатами, которые кувыркались и боролись друг с другом в голубоватом свете. Питер никогда не видел медведей и не знал, что такое медведь. Но медведица, которая внезапно вытащила бурый нос из прохладной рыхлой земли, где она искала сладкие корни, знала, что такое собака. Она на своем веку видела много собак, слышала их лай и знала, что

они всегда сопровождают человека. Поэтому она потянула ноздрями воздух и испустила громкое «вуф!», которое подействовало на медвежат, как удар хлыста. Они бросились к матери, получили по оплеухе, показавшей им, куда надо бежать, и все трое, треща валежником, исчезли в темноте.

Несмотря на сжимавший его сердце страх, Питер не удержался и торжествующе тявкнул. Как приятно было, что именно в ту минуту, когда его мужество начало слабеть, при виде его пустилось наутек такое чудовище! И Питер побежал дальше с победоносным видом, высоко задрав хвост.

Еще через милю в новом озерце лунного света он увидел тушу зарезанной волком косули. Сам волк, насытившись, уже ушел, и теперь две огромные совы терзали остатки его пиршества. Это были самец и самка, настоящие Гаргантюа¹ совиного племени. Когда Питер внезапно возник перед ними, они с угрюмой злобой взмыли в воздух; их когти и клювы были красны от крови, а тупой мозг преисполнен ненасытной жадности. Питер к этому времени разучился бояться сов. Правда, в щелканье их клювов, особенно когда оно доносилось из темноты, было что-то зловещее, но эти птицы никогда не нападали на него и предпочитали улетать с его дороги. Поэтому, когда они уселись на темной ели прямо над его головой, это не помешало ему обнюхать мертвую косулю. От запаха свежего мяса в нем проснулся голод. Он начал грызть мягкий бок, распоротый волком; время от времени он глухо ворчал, словно объявляя себя хозяином туши, и это ворчание донеслось до вершины ели.

В ответ раздался шум крыльев, и в лунных лучах мелькнула одна сова, а за ней и другая. Несколько мгновений совы бесшумно парили над Питером, точно серые призраки. Затем с быстротой камня, пущенного из пращи, самец пронизал серебристую дымку и кинулся на Питера. Они перекатились через тушу, и в первое мгновение Питер был совсем оглушен ударами мощных крыльев и острого клюва, долбившего его затылок. Крылатый Гаргантюа промахнулся, не сумел сразу схватить свою жертву когтями и теперь пытался обессилить ее, не поднимаясь в воздух. Он бил и терзал Питера крыльями

¹ Гаргантюа — сказочный великан, действующее лицо романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

и клювом. И вдруг его когти впились в тряпицы на шее щенка. Мгновенно ужас и растерянность Питера сменились боевой яростью. Он извернулся и вонзил зубы в перья, такие густые и мягкие, что ему никак не удавалось отыскать под ними уязвимое место. Питер рвал мягкий покров на пушистой груди, рыча и царапаясь передними лапами. Потом острые когти, прорвав ситец, погрузились в его шею, но тут же челюсти Питера сомкнулись на лапе противника. Он сжал зубы — шелкнув, порвалось сухожилие, затрещала кость, — и сова, хрипло зашипев от боли и страха, напрягла все силы, чтобы освободиться. Могучие крылья достигали в размахе пяти футов, и раненый Гаргантюа приподнял было Питера в воздух, но его когти запутались в тряпках, и оба они вновь рухнули на землю, сплетаясь в один клубок. Питер почти не сознавал, что произошло дальше, он чувствовал только одно — ему грозит смерть. Он закрыл глаза и продолжал дробить и выворачивать зажатую в зубах лапу. Крылья оглушительно хлопали над самой его головой, железный клюв рвал его тело, и поляна вокруг уже была забрызгана кровью. Наконец что-то подалось. Раздался жуткий вопль, не похожий на обычные крики зверей и птиц, могучий Гаргантюа взлетел и упал на ель, ломая сухие ветки.

Питер с трудом поднялся на ноги, все еще держа в зубах совиную лапу. Он наполовину ослеп, все его тело было, казалось, изодрано в клочья и кровоточило, но, заглушая боль и страх, пришло упоительное сознание, что он победил. Опасаясь нового нападения, Питер прильнул к земле, напрягая мышцы, готовый ко всему, но нападения не последовало. Было слышно, как его искалеченный враг бьется и шипит среди веток. Питер медленно пятился, не отводя глаз от поля недавнего боя, и повернулся, чтобы отправиться дальше по следу Веселого Роджера Мак-Кея, только когда от роковой поляны его отделила стена мрака.

Недавний хвастливый задор прошел. Поединок с Гаргантюа был достаточным наказанием за самоуверенность, и теперь Питер крался между темными стволами, точно осторожная лиса. Он крепко-накрепко запомнил, что внушает страх вовсе не каждому обитателю леса — ведь шелкающие клювы и бесшумные серые тени, на которые он легкомысленно не обращал внимания, оказа-

лись опаснейшими врагами. Жестокий урок был полезным и своевременным. Щенок инстинктивно понимал, что спасся почти случайно, и боль от ран мучила его меньше, чем пережитый ужас неравного боя, хотя он и вышел из него победителем. Но это был разумный страх, а не трусость. Раньше темные силуэты сов были для него простой принадлежностью ночной темноты и он испытывал к ним только равнодушие, теперь же он возненавидел их и злобно оскаливал зубы, стоило серой тени пролететь у него над головой.

Питер был сильно изранен. По спине и бокам у него тянулись глубокие царапины, а последний удар когтистой лапы разорвал его плечо до кости. Из ран текла кровь, один глаз заплыл, и все вокруг сливалось в единое смутное пятно. Инстинкт, осторожность и жгучая боль во всем теле подсказывали Питеру, что ему следует укрыться в густом кустарнике и подождать утра. Но его подгоняло воспоминание о настойчивом приказе хозяйки, тряпичный ошейник и совсем свежий запах Веселого Роджера, чьи следы уходили вперед и вперед по лунным коридорам и темным пещерам леса.

Уже занимался июльский рассвет, когда Питер, ковыляя, поднялся на обрывистую каменистую грядку и увидел по ту ее сторону небольшую долину. Как раньше Нейда, обессилев, не смогла сделать больше ни шагу, так теперь и он готов был сдаться. После драки с совой он пробежал несколько миль, его раны запеклись и воспалились, так что каждое движение причиняло ему сильную боль. Поврежденный глаз не открывался, а затылок там, где Гаргантюа бил его клювом, тупо и мучительно ныл. Питеру показалось, что от затянутой утренним туманом долины его отделяет огромное расстояние, и, распластавшись на земле, он принялся вылизывать горячим языком рану на плече. Он устал, был измучен болью, и его угнетало ощущение, что продолжать путь бесполезно. Питер вновь поглядел вниз на долину и жалобно заскулил.

И тут до его ноздрей внезапно донесся запах, не похожий на влажную сырость тумана. Пахло дымом! Сердце Питера забилось быстрее, и, принудив себя встать, он побрел на запах.

На лужке, скрытом двумя скалами, отходившими от кряжа под прямым углом, он нашел Веселого Роджера. Сначала он увидел еле тлеющие угли костра, а потом и

своего хозяина. Веселый Роджер спал. Его обветренное, странно осунувшееся лицо было обращено к небу. Появление Питера не разбудило Мак-Кея. Что-то в выражении его лица заставило щенка удержаться от веселого повизгивания. Он тихонько подошел к Роджеру и лег рядом. Как ни осторожно было это движение, спящий пошевелился. Его рука приподнялась и расслабленно легла поперек спины Питера. Словно подчиняясь воле и отчаянному призыву девушки, оставшейся в лесу, так далеко отсюда, пальцы слепо сжали тряпки, повязанные на шее Питера, — весть, которую он нес своему хозяину.

Солнце уже давно поднялось высоко, озарив лесной пейзаж, а Питер и его хозяин продолжали спать.

ГЛАВА IX

Веселый Роджер проснулся потому, что Питер заворочался. Еще в полудремоте, не открывая глаз, он вдруг вернулся к действительности, которая на несколько часов была заслонена снами. Все его тело ныло. Шея затекла. Он лежал, как бревно, на жесткой земле. Потом к нему вернулись воспоминания обо всем, что произошло накануне, и он впервые заметил присутствие Питера.

Приподнявшись, Роджер в изумлении уставился на щенка. Собственно говоря, в том, что Питер удрал из хижины миссионера и догнал его, не было ничего особенного. Любой верный пес сделал бы то же. Но Мак-Кей расстался от неожиданности и в первый момент почувствовал даже что-то вроде досады. Словно Питер сознательно нарушил возложенный на него долг. Когда накануне Мак-Кей шагал под потоками дождя через лес, он думал о Питере только как о звене, соединяющем его с той, кого он любил. Он как будто поручил Нейду Питеру, поручил ему охранять и беречь ее и напоминать ей о нем. Он находил некоторое утешение в том, что ради Нейды пожертвовал верным другом. А Питер так его предал!

Питер словно отгадал негодование и гнев Мак-Кея, в глазах которого не появилось знакомой улыбки. Он не пошевелился и продолжал лежать, распластавшись на земле, уткнув нос между передними лапами. Эта поза выражала признание своей вины, смиренное ожидание

заслуженной кары. И все же в глазах, блестевших за завитками жесткой шерсти, Веселый Роджер прочел мольбу о прощении.

Мак-Кей молча протянул руку — этого было довольно: в одно мгновение Питер очутился у него на груди. Ведь их сердца соединяла настоящая любовь, и Веселый Роджер сказал голосом, прерывавшимся не то от смеха, не то от рыдания:

— Хромуля, чертенок ты эдакий! Ах ты чертенок...

Его пальцы наткнулись на тряпичный ошейник Питера, и он вздрогнул, сообразив, что это лоскутки, оторванные от платья Нейды. Увидев, что хозяин наконец-то понял, какую важную весть он принес, Питер стал внимательно следить за каждым его движением. Мак-Кей развязал узелок, и яркое, словно умытое вчерашней грозой солнце заиграло на каштановой пряди.

Теперь из груди Веселого Роджера вырвалось настоящее рыдание, и Питер увидел, что хозяин прижимает блестящие волосы к лицу, что по его широким плечам пробегает непонятная дрожь, а глаза наполняются влагой, не похожей на дождевую.

— Радость моя! — бормотал Роджер. — Эх, почему я не малый ребенок, Хромуля! Никогда еще... никогда в жизни у меня еще не было такого желания заплакать!

В его глазах стояли слезы, а губы вздрагивали, но Питер прочел на лице хозяина радость. Мак-Кей поднялся на ноги и поглядел на юг — туда, откуда он ушел навстречу ночной буре. В его воображении возникла картина: он видел, как Нейда в хижине отца Джона привязывает на шею Питеру прядь своих волос и открывает перед ним дверь, за которой бушует гроза, зная, какую радость доставит Веселому Роджеру ее прощальный привет. Этот залог вечной любви и верности.

Он отгадал только малую часть правды. И Питер, по какой-то нелепой ошибке природы лишенный дара речи, напрасно отбегал к тропе, стараясь объяснить хозяину, что Нейда тоже пошла за ним, не боясь бури, и ждет его в глубине леса.

Но Мак-Кей видел мысленным взором только тускло освещенную комнату в хижине миссионера — и ничего больше.

Он прижал к губам шелковистую прядь, еще хранившую дождевую влагу, а потом ревнивым движением

скупца разгладил ее, перевязал веревочкой и спрятал в сумку из мягкой оленьей кожи. Он собирал валежник для костра, а сердце его пело — ведь теперь он был не один.

Они поели и пошли дальше. Дни следовали за днями, а они всё шли и шли. Настал август, они были уже далеко на севере и все продолжали идти по бескрайним дебрям, дремавшим в сонной тишине «месяца первых полетов» — месяца, когда птенцы учатся летать, а дремучие леса погружены в тихий сон.

Дни слагались в недели, и наконец перед нашими путниками открылся бассейн Оленьего озера.

На востоке лежал Гудзонов залив, к западу простирались темные боры и извилистые реки северного Саскачевана¹, а на севере — еще дальше на севере — их манили пустынные равнины и не нанесенные на карты дебри вокруг озер Атабаска, Невольничьего и Большого Медвежьего. Туда-то они и продвигались медленно, но неуклонно.

Леса и болота на их пути временно обезлюдели. Хижины охотников и трапперов², индейские типи стояли пустые и покинутые. Нигде под деревьями не курились дымки костров, на утренней и на вечерней заре не раздавался собачий лай, охотничьи тропы зарастали травой, топоры трапперов смолкли, и все было охвачено великим безмолвием, которое, казалось, пульсировало и билось, точно огромное сердце — сердце дикой природы, сбросившей на время узы, которые наложил на нее человек.

Для обитателей леса это была пора каникул, летнего праздника. Они растили детенышей, их мех сейчас никуда не годился и мясо тоже. Вот почему люди — мужчины, женщины, дети — вместе с собаками на время ушли из лесов к факториям Компании Гудзона залива, разбросанным по границам этих северных дебрей. Еще две-три недели — и они вернутся. Снова закурят дымки над хижинами, смуглые дети будут играть у входов в типи. Десять тысяч лесных жителей — белых, индейцев, метисов — по двое, по трое, целыми семьями вернутся к своим извечным занятиям в диком краю, который раскинулся от

¹ Саскачеван — одна из провинций Канады.

² Траппер — охотник, добывающий пушного зверя с помощью капканов и ловушек.

Гудзонова залива до западных гор, от Водораздела до Ледовитого океана.

Но пока природа была еще свободна, и этой свободой была насыщена звенящая лесная тишина. Ведь наступили дни, когда волк играл с волчатами и не выл, когда рысь сонно потягивалась и не торопилась на охоту, — дни, занятые заботами о потомстве, ночи дремотных шорохов, красноватой полной луны, журчания обмелевших ручьев, которым снились ливни и весенние разливы. И все это — ленивое жужжание насекомых, шелестящие вздохи древесных вершин, приглушенные голоса зверей и птиц — сливалось в тихий вибрирующий шепот, словно природа обрела новую речь, пока человек временно отсутствовал.

Для Веселого Роджера это была сама жизнь. Ее дыхание поднималось к нему от прохладной земли. Он слышал его и над собой и повсюду кругом, хотя многие другие люди не слышали бы ничего — только всеохватывающее гнетущее безмолвие.

Как-то вечером Мак-Кей разбил лагерь на берегу озера Бернтивуд. Почти у самых его ног струилась широкая речка, глубиной в иных местах по щиколотку, а в иных и по колено. Она журчала и пела на отмелях и у завалов — там, где в мае и июне бешено неслась, пенясь от ярости. После утомительного дневного перехода по жаркому лесу Питер следил за хозяином сонными глазами. С тех пор как они ушли от цивилизованных мест, он вырос и стал шире в плечах. Тяготы пути, необходимость раздобывать себе пищу и отстаивать свою жизнь в непрерывной борьбе превратили щенка во взрослого пса. В свои полгода он был покрыт рубцами, силен и ловок и в любую минуту готов к нападению и к защите. Глаза, полуприкрытые, как у эрделя, колечками жесткой шерсти, светились бдительной настороженностью и постоянно обращались назад: Питер никак не мог понять, почему тоненькая синеглазая девушка, которую они оба так любят и без которой так скучают, все еще не догнала их. И его все время томило смутное недоумение, почему хозяин не остановится и не подождет ее.

Изменился и Веселый Роджер. В нем было бы трудно узнать розовощекого обитателя хижин на берегу Быстрого ручья, который целыми днями весело распевал, хотя и знал, что ищейки закона идут по его следу. Он похудел

от безостановочной ходьбы, его лицо стало серьезным. Но ясные глаза по-прежнему хранили жадное любопытство и любовь к жизни — над этим не могло возобладать даже горе, которое непрерывно точило его сердце, пока они шли вперед, всё приближаясь и приближаясь к Голым Землям.

В оранжевом сиянии закатного солнца Питер увидел, что его хозяин достает свое сокровище.

Он давно привык к этим минутам и ждал их. Несколько раз в течение дня и уж обязательно вечером Веселый Роджер повторял все тот же ритуал. Питер подобрался ближе к хозяину, который сидел, прислонившись к валуну, и замер в предвкушении. Когда Веселый Роджер вынимал ревниво оберегаемый сверточек, до Питера всегда доносился милый, чуть различимый запах — запах его хозяйки. Мак-Кей осторожно развернул тряпочку и несколько секунд держал в руке прядь каштановых волос — прощальный привет Нейды перед вечной разлукой. А Питер снова задумался над тем, почему они не вернутся туда, где осталась сама девушка, которая была ведь лучше своих волос. Веселый Роджер, замечая его тревогу и недоумение, много раз пытался объяснить ему, что произошло. Питер изо всех сил старался понять, но не понимал. А во сне он всегда возвращался к любимой хозяйке — бегал за ней, играл с ней, защищал ее, слышал ее голос, чувствовал ласковое прикосновение ее рук. И его собачье сердце тосковало по ней не меньше, чем сердце Веселого Роджера. Однако когда он просыпался, они продолжали свой путь — на север, а не на юг. Питер не мог постичь эту непонятную тайну, как не мог рассказать о тех минутах, когда Нейда в отчаянии и слезах послала его по следу Веселого Роджера, чтобы он привел назад того, кого она любит и будет любить вопреки всем законам мира — нарушенным и соблюденным.

В эту ночь у озера Бернтвуд Питер слышал, как его хозяин во сне звал Нейду. Но на заре они опять пошли на север.

Все эти дни и недели, пока они шли по жарким августовским лесам, Мак-Кей упорно спорил с невидимым собеседником, отстаивая свой кодекс. Правосудие может его настигнуть — и, пожалуй, настигнет. Его могут повесить — и, пожалуй, повесят. Но правосудие так и не узнает, каким был человек, которого оно послало на висели-

цу. В этом-то и была трагическая ирония. Какое дело закону до его бережной любви к маленьким детям, беспомощным женщинам и старикам? Закон только посмеется над правилами, которым он всегда следовал, и издевательски захихикает, если он посмеет сказать, что он не такой уж плохой человек. Ведь закон считает его преступником, убийцей Джеда Хокинса, и семьсот полицейских разыскивают его, чтобы представить правосудию живым или мертвым.

Но такой ли уж он плохой человек?

Как-то вечером он попробовал обсудить этот вопрос с Питером.

— Если я преступник, Хромуля, так моя ли это вина?— спросил он.— Может, дело тут во всем этом...— широким жестом он обвел темнеющую стену леса.— Я родился под открытым небом в точно такую же ночь. Мать, когда была жива, не раз говорила мне, что в ту ночь бы-

ло полнолуние и луна словно смотрела на нее со своей высоты и разговаривала с ней будто живая. С тех пор я и полюбил луну, и солнце, и лес, и все прочее. Вот потому-то я не верю в законы, придуманные людьми. Оттого, Хромуля, и вышли у меня неприятности с полицией. Когда я видел, что от их законов толку нет, я всё улаживал по-своему. Пожалуй, слишком я любил деревья, цветы, солнечный свет, ветры да бури. И бродил где хотел. А по пути много чего натворил. И очень мне это нравилось, Хромуля... Вот и оказался я преступником!

Питер услышал негромкий смех хозяина, в котором не было ни страха, ни сожалений.

— Все началось с договорных денег¹, — продолжал он, наклоняясь к Питеру, словно тот с ним спорил. — Видишь ли, Хромуля, это было племя Желтой Птицы. Я ее знал совсем мальчишкой. Были у нее две длинные черные косы, а лицо почти такое же красивое, как у моей матери. Они были подругами, и я любил Желтую Птицу, точно добрую волшебницу из сказки. И так ее и называл. Знаешь, Питер, детская любовь — это самая верная любовь в мире, и человек хранит ее до конца своих дней. Много лет спустя после смерти матери, когда я уже вырос, побывал в Монреале, Оттаве и Квебеке, я решил навестить племя Желтой Птицы... А они голодали, Хромуля. Слышишь? Умирали с голоду!

Голос Мак-Кея из задумчивого и нежного стал суровым и резким.

— Была зима, — продолжал он. — Самый разгар зимы. И морозы стояли лютые. Даже лисицы и волки спрятались. Осенью рыба ловилась плохо, снегопады разогнали дичь, и индейцы мерли с голоду. Когда я увидел Желтую Птицу, Хромуля, у меня прямо сердце оледенело. Она совсем истаяла. Только глаза остались да косы. Две длинные блестящие косы и глаза — темные, большие, глубокие, точно два озера. Вот ты никогда небось не видел, дружок, чтобы индианка плакала. У них этого не водится. Но когда эта добрая волшебница моего детства увидела меня, она застыла на месте, покачиваясь от слабости, а из ее темных глаз по худым щекам текли слезы. Она вышла замуж за Быстрого Оленя. У них было трое

¹ Договорные деньги — деньги, которые правительство Канады обязалось выплачивать индейским племенам за отобранные у них земли.

детей, и вот двое умерли в одну неделю. Быстрый Олень лежал при смерти. И Желтая Птица совсем обессилела и хотела только одного: умереть вместе с мужем. И вот тут-то пришел я... Питер!—Веселый Роджер наклонился, чтобы лучше видеть собаку в сгущающемся сумраке, и его глаза блеснули.— Вот, Питер, рассуди, плохо ли я тогда поступил. Они мне рассказали, что произошло. Местный торговец был отпетый негодяй, а новый правительственный агент по делам индейцев оказался того же поля ягода. Они скоро спелись. Агент выслал причитавшиеся племени договорные деньги и тут же тайком закупил несколько ящиков дешевого виски и отправил их торговцу. Через пять дней все деньги перекечевали в карман торговца. А тут наступила зима. И все пошло как нельзя хуже. Когда я добрался до них и разузнал, в чем дело, восемнадцать человек из шестидесяти уже умерло, а остальные еле волочили ноги. Знаешь, Хромуля, какой-нибудь мой прадед наверняка был пиратом! Я ушел и вернулся через три дня с саями, полными продовольствия и теплой одежды — ее на всех хватило. Господи, как бедняги набросились на еду! Я опять ушел и через неделю привез продовольствия еще больше. К Желтой Птице вернулась ее красота. Быстрый Олень окреп и становился сильнее с каждым днем. Все племя оправилось от беды — смотреть на них было одно удовольствие! Я кормил их так два месяца. А потом холода кончились. Вернулась дичь. Я доставил им еще запасов — и удрал. Вот так я стал разбойником, Хромуля.

Роджер засмеялся, и Питер услышал в темноте, что он весело потирает руки.

— Хочешь знать, как все это вышло? — спросил МакКей.— Видишь ли, я навестил подлеца торговца и по милости судьбы застал его одного. Сперва я отгузил его хорошенько, а потом приставил ему к горлу нож и заставил написать записку, что он, дескать, должен уехать внезапно по срочному делу на юг, а лавку в свое отсутствие поручает мне. После этого я посадил его на цепь в землянке, которую никто, кроме меня, не мог бы отыскать. И стал хозяйничать в лавке, Хромуля. И еще как! Трапперы тогда обходили свои капканы и ко мне редко кто заглядывал. А я кормил и одевал мое племя целых два месяца. Кормил, пока они не растолстели... И глаза Желтой Птицы снова заблестели, как звезды. А потом я при-

вел Таракана — такое у него было прозвище — назад в лавку, которая сильно-таки опустела, отчитал его, оттузил на прощанье еще раз... и убрался восвояси.

Мак-Кей встал. На черном бархате неба зажглись первые звезды. И Питер услышал, как его хозяин глубоко и радостно вдохнул душистый воздух.

Потом он опять заговорил:

— С той зимы, Питер, за мной гоняется конная полиция. И чем больше они за мной гоняются, тем больше я даю им для этого поводов. Я избил до полусмерти Бодена, почтальона, который оскорбил одну женщину, когда ее муж — мой хороший друг — был в отсутствии. А Боден взял да и присвоил деньги, которые вез, и все свалил на меня. Ну, тогда я и в самом деле ограбил почту... а зачем, ты знаешь! И с тех пор я много чего натворил. Но моим оружием всегда были только кулаки, и я ни разу не пускал в ход ни пистолета, ни ножа, если конечно, не считать того случая с Тараканом. А самое смешное во всем этом, Хромуля, что я и Джеда Хокинса не убивал. Может, я когда-нибудь и расскажу тебе, что случилось тогда на дороге, когда вы с Нейдой ушли. Ну, а пока...

Он умолк, и Питер почувствовал, что его хозяин вздрогнул. Затем Веселый Роджер неожиданно нагнулся к нему.

— Питер, трех женщин мы будем любить до могилы,— прошептал он.— Мою мать — только она давно умерла. Нейду — только ее мы больше никогда не увидим... — Его голос на мгновение прервался. — И... и Желтую Птицу. С тех пор, как я накормил ее племя, прошло пять лет! Наверное, родились уже новые дети. Знаешь что, дружок, пойдем и посмотрим!

ГЛАВА X

На другой день Веселый Роджер и Питер пошли на северо-запад — туда, где жило племя Желтой Птицы. Они шли медленно, соблюдая величайшую осторожность, и Питер все яснее понимал, что по какой-то неизвестной причине им надо постоянно быть начеку. Он заметил, что его хозяин всякий раз настораживается, когда за деревьями раздастся какой-нибудь звук — хруст валеж-

ника, неясный шелест кустов или стук оленьих копыт. Инстинкт, однако, подсказывал ему, что прячутся они от людей.

Он еще не забыл, как они спаслись от Кассиди и несколько дней скрывались среди лабиринта раскаленных скал, которые Веселый Роджер окрестил Духовкой. Хозяин вел себя теперь так же, как в те дни. Он не смеялся, не пел, не свистел, а разговаривал шепотом. Костры он разводил теперь такие маленькие, что Питер вначале только диву давался. Не стрелял он и дичи, хотя ее немало попадалось на их пути, а ставил с вечера силки и ловил рыбу в ручьях. На ночлег они устраивались, отойдя не меньше чем на полмили от того места, где стряпали ужин на крохотном костре. И Питер спал чутким сном, готовый вскочить при малейшем шорохе. Не раз его тихое предостерегающее ворчание будило Роджера, который сразу просыпался, уже хватаясь за пистолет.

Собственно говоря, Мак-Кей вовсе не был уверен, что пустит пистолет в ход, если при таком пробуждении увидит перед собой красный полицейский мундир. В его душе по-прежнему шла борьба. Он анализировал свое положение со всех точек зрения, но как бы он ни рассуждал, вывод всегда был один и тот же. Если он будет арестован, правосудие не станет утруждать себя, карая его за возвращение индейцам их законных денег, за ограбление почты или за прочие мелкие его преступления. Его повесят за убийство Джеда Хокинса. И служители закона не поверят ему, даже если он скажет правду, — а ее он никогда не скажет. Много раз воображение рисовало ему эту невероятную картину — настолько невероятную, что, несмотря на всю ее мрачность, Роджер находил в ней повод для угрюмой улыбки. Даже Нейда поверила, что он убил ее приемного отца. Хотя на самом деле убила его она. И правосудие повесит Нейду, если правда будет когда-нибудь открыта.

Мысленно он вновь и вновь переживал события той роковой ночи у Гребня Крэгга, когда, казалось, он уже стоял на пороге счастья — когда миссионер должен был обвенчать их с Нейдой. А потом... темная дорога, рыдающая девушка, которая, шатаясь, брела ему навстречу в разорванном платье, ее прерывающийся шепот, когда она рассказывала, как Джек Хокинс тащил ее по лесу к хижине Муни и как ей удалось вырваться, ударив его кам-

нем, попавшимся ей под руку в темноте. Поверила ли бы полиция ему, заведомому преступнику, если бы он рассказал правду о том, что произошло дальше? О том, как он бросился за Джемом Хокинсом, чтобы разделаться с ним, и увидел, что он лежит мертвый там, где его оставила Нейда? Поверила ли бы она ему, если бы в минуту слабодушия он признался, что взял на себя вину девушки, которую любил? Нет, ему не поверили бы! Слишком хорошо он подделал все улики. Если бы он рассказал правду о том, что произошло на дороге между Гребнем Крэгга и хижинной Муни, его бы только назвали подлым лжецом и трусом.

Именно эта мысль и служила главным утешением Веселому Роджеру — мысль о том, что он хорошо подделал все улики против себя и ни Нейда и никто другой никогда не узнает правды. Его любовь к синеглазой девушке, которая доверилась ему, даже зная, что он разбойник, была вечной и непреходящей, как любовь к покойной матери.

— Умереть за нее будет совсем нетрудно, — сообщил он Питеру результат своих размышлений, не сомневаясь, что конец будет именно таков.

Эта мысль его не пугала. Он твердо решил бороться за свою жизнь и свободу, пока хватит сил. Но, хорошо зная упорство королевской северо-западной конной полиции, он понимал, что исход его поединка с ней может быть только один. Однако Роджер Мак-Кей не отчаивался, несмотря на пережитую трагедию и на мысль о неизбежном еще более трагическом завершении его жизни. Наяву и во сне его поддерживало и утешало воспоминание о девушке, которая была готова разделить с ним его скитания и в последний час умоляла его взять ее с собой, какие бы невзгоды ни ждали их впереди. Она знала, что он преступник, за которым гонится полиция, но это не оттолкнуло ее. И даже то, что он убил человека — пусть негодяя, не достойного жить, но все же человека, — не уничижило ее доверия к нему. И в тысячный раз Веселый Роджер с отчаянием думал, не ошибся ли он, оттолкнув Нейду, отказавшись от ее любви и верной дружбы, когда она хотела уйти с ним наперекор всему.

День за днем, пока они шли в те края, где жило племя Желтой Птицы, он боролся с собой и постепенно, подавив гнетущие сомнения, убедил себя, что поступил правиль-

но. Он не дал эгоизму взять верх в своей душе и не позволил Нейде стать женой разбойника. Он ничем не связал ее. Ее ждет новая жизнь и, возможно, новое счастье. Он не погубил ее, и эта мысль послужит ему утешением даже в тот серый предрассветный час, когда закон заставит его поплатиться за не совершенное им преступление.

Порой на смену горю и тоске приходит странное успокоение, знакомое только тем, в чьей душе пожар страстей гаснет, не находя более пищи. И вот теперь, когда наши путники пошли на северо-запад к берегам озера Уолластон, именно такое успокоение снизошло на Веселого Роджера. Правда, оно больше походило на боль, на тихую, вечно ноющую боль, но зато оно принесло ему новое единение с природой, с солнцем, с деревьями, цветами, плодоносящей землей — со всем тем, что всегда было ему так дорого, а теперь стало вечным источником утешения и поддержки в самые черные часы.

После того как Веселый Роджер решил навестить племя Желтой Птицы, он больше не торопился. Теперь он старался вообразить, будто Нейда идет с ними, и это удавалось ему так хорошо, что Питер был совсем сбит с толку, пытаясь понять, с кем разговаривает его хозяин.

Их неспешное путешествие, постоянная настороженность и общение с хозяином, который держался с ним как с товарищем, с равным, чрезвычайно развили умственные способности Питера, и он старался показать себя достойным такой дружбы и доверия. Благодаря правильному обучению, дополненному инстинктом, он знал теперь лес и лесную жизнь во многих отношениях даже лучше, чем его хозяин. И вместе с тем Веселый Роджер медленно, но верно внушал ему, что существует огромное различие между охотой для пропитания и бессмысленными убийствами ради забавы.

— Все живое, чтобы жить, должно иногда убивать, и тут уж ничего не поделаешь, Питер, — втолковывал ему Веселый Роджер. — Но совсем другое дело, если ты убиваешь без всякой необходимости. Видишь вон то дерево, которое обвил хмель? Хмель душит дерево, и со временем оно засохнет. Но хмель ни в чем не виноват, потому что иначе он жить не может. Правда, я вырву этот хмель с корнем, так как дерево, на мой взгляд, важнее хмеля. В таких случаях поступаешь, как подсказывает тебе совесть. Нам с тобой надо жить, и поэтому сегодня мы

ужинаем молодыми куропатками. Видишь ли, Питер, тут все решает необходимость. Тебе это понятно?

Этих объяснений Питер не понимал, но он был наблюдателен и умел быстро соображать. Он скоро зарубил себе на носу, что разорять гнезда — непростительное преступление. Он чувствовал, что его немилосердно стыдят, когда он для забавы нападает на существо слабее себя. Правда, в этом он так и не разобрался и в подобных случаях поглядывал на хозяина, ожидая от него какого-нибудь указания. В августе подрастающие крольчата очень доверчивы, и Питер мог бы душить их десятками, но теперь он кидался за ними в погоню, только когда бывал по-настоящему голоден или же по приказанию Веселого Роджера. Этот этап в воспитании Питера был очень интересен его хозяину. Разбойник не придерживался взгляда тех натуралистов, которые считают себя единственными разумными существами в мире. Он верил, что Питер наделен не только великолепными инстинктами и смышленостью, но и способностью рассуждать, а он помогает этой способности развиваться. Вот это-то и занимало его.

На привале, когда Роджер не спал и не занимался воспитанием Питера, он обычно читал какой-нибудь из красных томиков исторических сочинений, которые позаимствовал, остановив почту у границы Голых Земель. Он уже знал их почти наизусть. Больше всего ему нравились жизнеописания Наполеона, Маргариты Анжуйской¹ и Петра Великого, и когда он сравнивал свои беды с трудностями, из которых эти люди выходили победителями, он испытывал прилив бодрости и уверенности. Если природа была его богом и священным писанием, а Нейда — путеводной звездой, то эти зачитанные книжечки, написанные человеком, который давно уже умер, были его собеседниками и наставниками. Они рассказывали ему о великих самопожертвованиях, доблести и подвигах, о верности, чести и предательствах и о страшных трагедиях, к которым неизменно приводят неудержимое честолюбие и эгоизм. Он извлекал из прочитанного уроки для себя. И сообщал Питеру свои умозаключения. Особенно ему

¹ Маргарита Анжуйская (1429—1482) — английская королева, жена Генриха VI, по происхождению француженка; во время междоусобных войн Алой и Белой розы возглавляла партию сторонников короля.

навилаь неустрашимаь Маргарита Анжуйская, и однажды его сердце восторженно забилося, когда голос с печатной страницы шепнул ему, что Нейда — такая же Маргарита, только в сто раз лучше, потому что она не принцесса и не королева.

— Видишь ли, разница в том,— объяснил он Питеру,— что Маргарита жертвовала собой, боролась и готова была умереть ради короля, а наша Нейда — ради бедняка, за которым гонится полиция. Вот почему Нейда куда выше Маргариты,— добавил он.— Маргарита ведь шла на такие жертвы не только для того, чтобы спасти своего мужа, но и чтобы остаться королевой, а Нейде нужны только мы с тобой. И вот тут-то мы последуем примеру Петра Великого,— закончил он с невеселым смешком,— и не позволим ей губить себя.

И так день за днем они шли к речкам Уолластона — в страну, где жила Желтая Птица и ее племя.

В первых числах сентября они перебрались через Гейки и вышли на западный берег Уолластона. Листва берез уже отливала золотом, а в шелесте осин слышались тревожные шепоты осени. Тополя желтели, рябина алела тяжелыми гроздьями, а в прохладных сырых чащобах бархатисто чернели спелые сочные ягоды дикой смородины. Веселый Роджер особенно любил это время года, а Питер впервые в жизни знакомился с сентябрем. Днем еще было жарко, однако по ночам воздух бодряще пощипывал, и Питер уловил новую резкую ноту в голосах обитателей леса. По ночам вновь начали завывать волки. Гагары забыли семейные радости и хрипло кричали под луной. Кролики выросли и утратили детскую доверчивость, а совы словно глубже уходили в ночной мрак и выслеживали добычу особенно хитро. Веселый Роджер знал, что люди уже возвращаются к своим хижинам и охотничьим участкам, и стал еще осторожнее. Он внимательно смотрел по сторонам, не поднимается ли где-нибудь к небу дымок, прислушивался к каждому звуку, и его начали одолевать тревожные мысли: мало ли что могло случиться с племенем Желтой Птицы за пять долгих лет! Еще одна голодная зима или какая-нибудь повальная болезнь могла погубить почти все племя, а горстка оставшихся в живых разбрелась кто куда... А вдруг Желтая Птица умерла?

Три дня он медленно шел по извилистому берегу озе-

ра и наконец набрел на индейские помосты для вяления рыбы. Его с новой силой охватили зловещие предчувствия: люди давно ушли отсюда, земля была испещрена медвежьими следами, а у берега, куда выбрасывались рыбы внутренности, расхаживали два черных медведя — толстые, разъевшиеся; они нисколько не встревожились, увидев человека и собаку.

Однако на другой день к закату они вышли на песчаную косу, где в белом песке возились индейские ребятишки. Они играли и смеялись, и с ними играла и смеялась высокая худощавая женщина в юбке из мягкой оленьей кожи, с двумя черными глянцевитыми косами, которые, когда она бежала, металась у нее за плечами, точно два толстых каната. Веселый Роджер и Питер увидели ее в ту минуту, когда она убегала от детей в сторону, противоположную той, где они стояли. Но вот она внезапно повернулась, бросилась прямо к ним и с испуганным криком остановилась в двух шагах от Мак-Кея. Питер внимательно следил за происходящим. Он увидел, что испуг в темных глазах женщины сменился удивлением, потом она прерывисто вздохнула, и тут Веселый Роджер крикнул:

— Желтая Птица!

Он медленно подошел к ней, еще не веря, что годы так мало ее изменили, и Желтая Птица радостно протянула к нему руки, а Питер, не понимая, что, собственно, происходит, подозрительно косился на смуглых индейских ребятишек, которые тихонько их окружили. Потом из-за ивняка вышла девочка, и Питер был совсем сбит с толку, потому что он увидел еще одну Желтую Птицу — та же стройная гибкая фигура, те же сияющие глаза, хотя она и была даже моложе Нейды. Питер не знал, что это Солнечная Тучка, дочь Желтой Птицы. Но он тут же почувствовал к ней симпатию, такую же, какую внушила ему ясноглазая женщина, которая держала его хозяина за руки. Желтая Птица позвала, девочка подошла к матери, и Веселый Роджер расцеловал ее в обе щеки. Затем они пошли по берегу к стойбищу, а дети во главе с Солнечной Тучкой бросились вперед, чтобы первыми сообщить новость, и Питер бежал рядом с Солнечной Тучкой.

Питеру еще не приходилось слышать, чтобы из человеческого груди вырывался такой вопль, какой испустил Быстрый Олень, муж Желтой Птицы и вождь племени,

когда он поздоровался с Веселым Роджером. Это был старинный боевой клич индейцев кри, а то, что произошло вечером, и вовсе привело Питера в неистовое возбуждение. Пылали огромные костры, вокруг них пело, плясало, смеялось и пировало все племя под нестройное завывание полусотни сивашских собак. Собаки эти Питеру не понравились, но он не стал затевать драку, потому что ему хотелось лежать рядом с Солнечной Тучкой, сунув нос в ее ласковую смуглую руку.

В этот вечер, сидя у большого костра возле типи Быстрого Оленя, Роджер впервые за много недель чувствовал себя счастливым. То и дело он поглядывал на Желтую Птицу. За пять лет она почти не изменилась. Ее глаза блестели глубоким блеском, зубы были белее молока, а на щеках играл такой же темный румянец, как и на щеках Солнечной Тучки. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что ей жилось хорошо и спокойно. Любовался он и Солнечной Тучкой, которая была в полной мере наделена нежной красотой северных индианок. С не меньшим удовольствием смотрел он и на Быстрого Оленя — их счастье было и его счастьем. То же счастье светилось в глазах всех мужчин, женщин и детей, которых он видел вокруг. Быстрый Олень сообщил ему, что три зимы подряд охота была на редкость удачной, а в это лето они заготовили столько рыбы, что им ее хватит на всю зиму, даже если снова настанут черные дни. Их племя стало теперь богатым: у них есть много теплых одеял, хорошей одежды, типи, ружей и саней да еще несколько редкостных диковинок в придачу. В этот же вечер Желтая Птица и ее муж с гордостью показали Веселому Роджеру два из этих новых сокровищ — швейную машину и граммофон! И на берегу озера Уолластон, в шестистах милях от Гребня Крэга, он слушал «Матушку Макри», «Четки» и другие грустные и веселые песенки.

А поздно ночью, когда становище уснуло, Роджер еще долго сидел у погасшего костра с Желтой Птицей и Быстрым Оленем, рассказывая им о том, что произошло с ним на границе населенных мест. Он был рад излить сердце, и хотя его слушал и Быстрый Олень, исповедовался он Желтой Птице, зная, что ее чуткое сердце полно сочувствия. Тихим голосом, которому, как голосам всех ее соплеменниц, была присуща особая мелодичность, она расспрашивала его про Нейду, и ее тонкие

В этот вечер, сидя у большого костра, Роджер с удовольствием смотрел на своих друзей — их счастье было и его счастьем.

пальцы нежно поглаживали каштановую прядь, которую доверил ей Роджер. Потом она сказала:

— Я дала имя твоей девушке. Она — У-Ми, Голубка.

Что-то в ее голосе заставило Быстрого Оленя вздрогнуть.

— Голубка,— повторил он.

— Да, У-Ми, Голубка,— кивнула Желтая Птица. Она не смотрела на них. Ее фигура застыла в неподвижности, а в глазах плясали отблески костра. Не попросив у Роджера разрешения, она спрятала волосы Нейды у себя на груди.— У-Ми, Голубка,— повторила она, глядя вдаль.— Так ее зовут, потому что голубка летит быстро, прямо и верно. Через леса, озера и реки летит голубка. Она не устает. Не замедляет полета. Она всегда летит домой.

Быстрый Олень бесшумно поднялся на ноги.

— Пойдем! — шепнул он Веселому Роджеру.

Желтая Птица не оглянувшись на них и не сказала ни слова. Быстрый Олень взял Веселого Роджера за локоть и потянул за собой. В его глазах был почтительный испуг.

— Сегодня ночью ее дух навестит У-Ми,— сказал он с благоговением.— Он побывает в тех местах, о которых ты нам рассказывал, побывает в сердце твоей девушки, а завтра утром расскажет тебе через Желтую Птицу, что случилось и что может случиться.

Быстрый Олень уже лег, а Веселый Роджер продолжал стоять у зарослей ивняка, глядя на Желтую Птицу, которая сидела неподвижно, точно каменное изваяние. Ему стало немного не по себе. Он не был суеверен, но зато верил в силу внушения и самовнушения. «Если у тебя хватит убеждения и упорства, то может сбыться все, чего ты захочешь»,— не раз говорил он себе. И он знал, что Желтая Птица обладает именно таким убежденным упорством и передающей из поколения в поколение неколебимой верой в силу духов. Роджер твердо знал, что сам он не обладает никакими сверхъестественными способностями, но таинственное безмолвие ночи нашептывало ему, что, быть может, мозг Желтой Птицы наделен какими-то таинственными свойствами, которые утратил цивилизованный человек, выйдя из первобытного состояния, и благодаря этим свойствам ей, быть может, удастся и в самом деле совершить то, что ему представляется чу-

дом. Чего не бывает на свете! Опустившись на песок, Роджер продолжал наблюдать за Желтой Птицей, а Питер свернулся у его ног.

Мак-Кей видел, как в тусклом свете звезд чуть блестят ее волосы, но ее лицо и неподвижная фигура были погружены в глубокую тень. Становище спало. Даже собаки затихли и зарылись в песок; тлеющие угли костров погасли. Прошел час, другой, веки Веселого Роджера словно налились свинцом, и он уснул, привалившись спиной к песчаному холмику, насыпанному детьми. Ему снилось, будто он летит по воздуху с Желтой Птицей. Она неслась вперед с быстротой стрелы, а он отставал и, наконец, в испуге закричал, чтобы она подождала — он вот-вот упадет. Собственный крик разбудил его. Он открыл глаза и увидел, что в сером небе занимается заря. Разбуженный Питер тыкался носом в его руку. Быстрый Олень лежал рядом на песке и крепко спал. Становище было по-прежнему погружено в сонное безмолвие. Вздвигнув, Мак-Кей посмотрел на типичную Желтую Птицу.

Индианка все ещё сидела на прежнем месте, и казалось, что за всю ночь она так ни разу и не пошевелилась. Роджер с трудом поднялся на ноги. Когда он бесшумно подошел к Желтой Птице, она подняла голову и посмотрела на него. Ее волосы и длинные ресницы поседели от росы. Лицо осунулось и побледнело, а глаза стали такими огромными, что он даже испугался. Желтая Птица казалась очень утомленной. Ее плечи устало поникли.

Она вздохнула и чуть-чуть вздрогнула.

— Садись, Никева,— прошептала она, прижимая кося к груди, словно чтобы согреться.

Она провела тонкой рукой по глазам и поежилась.

— Все хорошо, Никева,— сказала она тихо.— Я летала через облака туда, где живет У-Ми, Голубка. Я увидела, что она плачет на лесной тропе. Я шепнула ей, что придет счастье — долгое счастье для Никевы и для Голубки. Это счастье не может погибнуть. Его нельзя убить. Люди в красной одежде, которые служат Великому Белому Отцу, не смогут его погубить. Вы будете жить — ты и она. И встретитесь. И с вами будет счастье. Вот что я узнала, Никева. Вы встретитесь и будете счастливы.

— Но где, когда?—прошептал Веселый Роджер, невольно поддаваясь волнению.

Желтая Птица опять провела рукой по глазам и наклонила голову так, что Мак-Кей видел только ее влажные от росы волосы.

— В Далеком Краю, Никева,— ответила она.

И снова подняла на него большие таинственные глаза.

— Но где же это, Желтая Птица?— спросил он с внезапным страхом.— Ты думаешь, там?— И он указал на серое небо у них над головами.

— Нет, счастье ждет вас в жизни, а не в смерти,— медленно проговорила индианка.— Не в Надзвездной стране, а... а в Далеком Краю.— Ее голова снова устало поникла.— Я не знаю, Никева, где это. Большое белое облако закрыло мне путь. Но где-то этот край есть. Я найду его. И скажу тебе... и Голубке.

Желтая Птица поднялась и, пошатываясь от усталости, вошла в типи. Веселый Роджер услышал, как она тяжело опустилась на постель из одеял.

Он смотрел на восток, где в алом свете зари таяли утренние туманы, и старался разобраться в своих чувствах. Позади раздалились легкие шаги, и к нему подошел Быстрый Олень. Роджер спросил:

— Ты когда-нибудь слышал про Далекий Край?

Быстрый Олень покачал головой, и оба они продолжали молча смотреть на красный шар восходящего солнца.

Питер очень обрадовался, когда стойбище проснулось. Люди разговаривали, смеялись, разводили костры, а он с нетерпением ждал появления Солнечной Тучки. Наконец она вышла из типи Желтой Птицы, протирая глаза, и вдруг, заметив его, улыбнулась ему белозубой улыбкой. Они побежали к озеру, и Питер, виляя хвостом, смотрел, как Солнечная Тучка умывается, войдя по колени в прохладную воду. Это был для него счастливый день. Питер был совсем не похож на индейских собак, и поэтому Солнечной Тучке и ее товарищам очень нравилось играть с ним. Однако даже в самый разгар веселых забав Питер не забывал поглядывать в ту сторону, где находился его хозяин.

А Веселый Роджер почти забыл про Питера. Он пытался отогнать мысли, которые внушило ему пророчество Желтой Птицы. Он напоминал себе, что верить в ее кол-

довство нелепо и ничего хорошего из этого не выйдет, однако ему хотелось верить, и он был достаточно честен с собой, чтобы признать это. Против воли он проникся новой надеждой. Но она несла с собой волнения и страх, потому что в нем росло безотчетное убеждение, что слова Желтой Птицы могут сбыться. Он заметил, что Быстрый Олень как-то по-особенному сдержан. Вождь вполголоса объяснял что-то остальным индейцам. Становище затихло, но в нем закипела работа, и солнце еще только-только поднялось, когда на песчаной косе не осталось других типи, кроме жилища Желтой Птицы.

Только когда коса опустела, Желтая Птица наконец вышла из типи. Она увидела еду, поставленную у входа. Она увидела пустоту там, где стояли жилища ее соплеменников, и следы их лодок на влажном песке у воды. Затем она повернула бледное лицо и усталые глаза к солнцу и распустила косы, так что волосы окутали ее, как плащ, и рассыпались по песку, когда она села перед парусиновым типи, ставшим теперь приютом духов.

Племя разбило новое становище в двух милях от прежнего места, но Быстрый Олень и Роджер вернулись в лесок на мысу всего в полумиле от косы. Они видели, как Желтая Птица вышла из типи. Они следили за ней больше часа, после того как она опустилась на песок. А потом Быстрый Олень издал гортанный звук и жестом показал, что им следует уйти. Веселый Роджер заспорил — нельзя же оставить Желтую Птицу без всякой защиты. В здешних местах полно медведей. Да и встреча с человеком не всегда бывает безопасной в лесных дебрях. Но бронзовое лицо Быстрого Оленя было исполнено гордого спокойствия.

— Желтая Птица колдует только с добрыми духами, — заверил он Мак-Кея. — Злых духов она отгоняет. А добрые духи уберегут ее от любой опасности. Вот почему, Никева, с той голодной зимы мы живем так хорошо!

Он сказал это на языке кри, и Мак-Кей ответил ему на том же языке. Они повернулись и зашагали к новому стойбищу. На полпути их встретили Солнечная Тучка и Питер. Ей понравилось, как накануне Роджер поздоровался с ней, и теперь, вложив смуглые пальцы в его руку, она подставила ему щечку, а потом побежала вперед, и Питер кинулся за ней, весело твякая на ее мокасины.

А Веселый Роджер сказал:

— Эх, почему я не твой брат, Быстрый Олень, а Нейда — не сестра Желтой Птицы! У нас было бы много таких дочерей! — И он тоскливо посмотрел вслед Солнечной Тучке.

Когда он произносил эти слова, Желтая Птица сидела, опустив голову на грудь и закрыв глаза. В ее руке была зажата мягкая прядь каштановых волос. Весь день и всю ночь Желтая Птица прижимала эту прядь к своей груди, веря, что ее душа полетит к У-Ми и отыщет ее. Еду, которую ей оставили, она закопала и плотно утоптала в землю. Два дня она ничего не ела, и два дня Мак-Кей и Быстрый Олень, наблюдавшие за одиноким типом на песчаной косе, не видели там никаких признаков жизни.

Однако на третье утро перед входом поднялся дым от сырых веток, брошенных в огонь.

Быстрый Олень глубоко вздохнул. Это был сигнальный дым.

— Она кончила колдовать, — сказал он, делая знак Роджеру. — Она зовет тебя. Иди!

Сумрачное выражение исчезло с его смуглого лица: он тосковал без Желтой Птицы, а теперь она должна была скоро вернуться к нему. Веселый Роджер быстро шел по песку. Он снова убеждал себя, что всё это выдумки и он идет на зов сигнального дыма, только чтобы не обидеть Желтую Птицу и ее мужа. Однако его сердце забилось сильнее, потому что надежда на невозможное заглушала здравый голос разума.

Желтая Птица вышла к нему, только когда он был уже в нескольких шагах от типа. И Роджер, ахнув, остановился как вкопанный. Индианка⁷ изменилась почти до неузнаваемости: ее распущенные волосы сохранили прежний темный блеск, но лицо посерело, осунулось и стало почти таким, каким оно было в дни голода. Желтая Птица не ела и не спала двое суток, но в ее темных глазах горел лихорадочный огонь торжества, и Мак-Кей почувствовал, что заражается ее волнением.

Желтая Птица протянула ему обе руки.

— Я видела Голубку, мы были с ней вместе, — сказала она. — Она спала, положив голову мне на грудь. Я узнала много тайн, Никева, — все, кроме одной. Духи не сказали мне, где надо искать Далекий Край. Но он не

в Надзвездной стране. Ты отыщешь его живой, а не мертвый. Вот что они мне сказали. И ты не должен возвращаться туда, где живет Голубка. Там все черно. Нет, ты должен идти все вперед и вперед и искать Далекий Край. Ты его найдешь. И найдешь Голубку, а с ней и счастье. Тебе это удастся, Никева. Но мое сердце упрекает меня за то, что я не могу сказать тебе, где искать эту неизвестную землю. Когда я приблизилась к ней, ее закрыли золотые и серебряные облака, и я слышала только пение птиц и голоса духов, которые говорили, что ты найдешь путь туда, если будешь все время искать его, Никева. Я рада.

Каждое слово, которое произносил музыкальный голос Желтой Птицы, пробуждало в груди Веселого Роджера непонятную надежду. Он знал, что это нелепо, он понимал, что сторонний наблюдатель улыбнулся бы и назвал все это глупостями, но ему хотелось надеяться, и он надеялся.

Лицо его прояснилось и ожило, как и лицо Желтой Птицы. Он посмотрел по сторонам, на озаренные солнцем лес и озеро, и внезапно взмахнул рукой.

— Я отыщу это место, Желтая Птица! — воскликнул он. — Отыщу твой Далекий Край! А потом, — он повернулся и сжал в ладонях тонкую руку индианки, — а потом мы вместе с Нейдой вернемся к тебе, Желтая Птица, — закончил он.

И он почтительно коснулся губами смуглых пальцев, точно рыцарь, приветствующий свою даму.

ГЛАВА XI

Мак-Кей гостил у племени Желтой Птицы и был счастлив. Он словно вернулся после долгой разлуки в родную семью. Желтая Птица относилась к нему с материнской нежностью. Быстрый Олень любил его, как брата. Когда Мак-Кей подходил к старикам и заводил с ними разговор, их суровые морщинистые лица смягчались; ребятишки ходили за ним по пятам, а Солнечная Тучка на утренней и на вечерней заре неизменно подставляла ему щечку для поцелуя. Впервые за долгие годы Мак-Кею казалось, что он обрел надежное пристанище. Стоя-

ла теплая тихая осень, солнечные дни и звездные ночи завораживали надеждой, убаюкивали тревогу. Роджер откладывал свой уход со дня на день, а Быстрый Олень настойчиво уговаривал его остаться с ними навсегда.

Но Желтая Птица не присоединялась к его просьбам, и взгляд ее темных глаз оставался непроницаемым. Она как будто чего-то ждала, чего-то опасалась.

И наконец то, чего она ждала и боялась, произошло.

Была темная тихая ночь, но в этой тишине чудилось что-то гнетущее. Она была подобна живому существу, которое то замирало в неподвижности, то бесшумно кралось куда-то между темными облаками и черной землей. Мрак пронизывала смутная тревога, ночная духота казалась порождением скрытых скованных сил, которые тщились вырваться на волю.

Ветра не было, но облака стремительно неслись по небу.

Верхушки деревьев были неподвижны, и все же они шелестели и перешептывались.

Лес окутывала тяжкая, тревожная дремота, и в его безмолвии словно таилось безмолвие смерти.

На белом песке у маслянисто-черных вод Уолластона темнели типи племени Желтой Птицы. Закопченные дымом костров, побуревшие от непогоды, они казались часовыми на берегу огромного озера. За ними в ивняке спали собаки. Оттуда время от времени доносилось тревожное повизгивание, судорожные вздохи, лязганье зубов. Зарывшиеся в песок спящие псы беспокойно перебирали лапами. Так же беспокойно спали и их хозяева в типи. Мужчины, женщины, дети в тяжелом полусне ворочались с боку на бок, просыпались, а когда вновь засыпали, их начинали мучить кошмары.

Желтая Птица лежала на своем одеяле, широко раскрыв глаза, и пристально глядела на серое пятно дымового отверстия. Ее муж спал. Солнечная Тучка разметалась на постели, и ее коса упала на грудь матери. Тонкие пальцы Желтой Птицы машинально поглаживали шелковистые волосы. Она вспоминала — вспоминала те далекие дни, когда еще не встретила Быстрого Оленя, когда белая женщина была ее самой любимой подругой, а маленький сын этой женщины называл ее «моя волшебница».

И хотя ее мучили тяжелые предчувствия, Желтая

Птица невольно улыбнулась своим воспоминаниям, потому что это были светлые дни. Но потом ее мысль обратилась к тому времени, когда маленький мальчик, став взрослым, спас ее племя от голодной смерти — спас ее, Солнечную Тучку и Быстрого Оленя. С тех пор им постоянно улыбалась удача. Духи были добры к ним. Они сохранили ей молодость, дали красоту Солнечной Тучке, вернули силу Быстрому Оленю и сделали все племя счастливым. И всем этим они были обязаны человеку, который спит сейчас под открытым небом на берегу, скрывающемся преступнику, разбойнику, маленькому товарищу дней ее юности — Веселому Роджеру Мак-Кею.

Она продолжала прислушиваться и глядеть на серое пятно дымохода, но теперь духи нашептывали ей другие мысли, и ее глаза в темноте испуганно расширились. Духи упрекали ее. Они говорили, что это из-за нее в ту голодную зиму Роджер Мак-Кей ограбил и чуть не убил торговца. Он сделал это, чтобы ее племя, ее близкие и она сама могли жить. Но то, что он сделал, загло кровь Никевы, ее «маленького белого брата, который вырос», и вот теперь он бродит по лесам один со своей собакой, а хранители закона в красной одежде выслеживают его. Они ищут его потому, что он не раз нарушал их закон, но главное потому, что хотят покарать его за убийство.

Желтая Птица села на постели, стиснув в руке тугую косу Солнечной Тучки. Она вспоминала, как спрашивала духов о том, что ждет в будущем Никеву, ее белого брата. И духи сказали ей, что он убил плохого человека и поступил правильно.

Они обещали ей, что он не будет больше страдать и что в Далеком Краю он найдет белую девушку Нейду, счастье и покой. Желтая Птица верила в духов. И не сомневалась в том, что они говорили с ней. Она твердо знала, что все это должно сбыться — ведь духи не лгут! Тем не менее тягостная духота ночи будила в ней смутную тревогу. Она привстала, вслушиваясь в шепот леса над tipi. Но ничего не могла разобрать — казалось, что сразу шепчется много людей. И Желтую Птицу охватил беспричинный страх.

Она хотела было разбудить Быстрого Оленя, но отдернула уже протянутую руку и вместо этого осторожно отодвинула косу Солнечной Тучки. Потом она встала с,

постели — так тихо, что муж и дочь не очнулись от беспокойной дремоты, вышла из типи и огляделась, стараясь понять причину своей тревоги.

Духота и снаружи была такой же гнетущей. Несколько секунд Желтая Птица всматривалась в небо, ища признаков грозы и не находя их. Облака неслись быстро, но они были светлыми, и там и сям между ними мерцали звезды. Вдали не раздавалось рокотания грома. Не было и ветра. Тут сердце Желтой Птицы вдруг на мгновение перестало биться, и руки ее судорожно прижались к груди — она поняла! Это духи сделали ночь такой тягостной для того, чтобы она проснулась! Это было предостережение! Откуда-то надвигается опасность! И грозит она белому человеку, который спит тут на берегу.

Желтая Птица бросилась искать его, бесшумно ступая смуглыми босыми ногами по мягкому песку. Облака поредели, звезды засверкали ярче, и она сочла это знаком: духи облегчают ей поиски, и, значит, она рассудила верно.

В эту ночь Веселый Роджер расстелил свои одеяла на песке возле плоской плиты отполированного водой песчаника. Он дремал. Но Питер не спал, его глаза бдительно поблескивали в темноте. Мускулистые лапы были готовы к прыжку. Зевая, он не поскуливал и не лязгал зубами, как индейские собаки.

Постоянное общение с человеком, вынужденным скрываться от других людей, научило Питера осторожности, обострило все его чувства. Гнетущая тишина и неподвижность ночи внушили непонятную тревогу и ему: в них скрывалась какая-то неясная угроза, и Питер следил за каждым движением своего беспокойно ворочающегося хозяина, настораживаясь каждый раз, когда тот произносил во сне знакомое имя.

Но вот Мак-Кей позвал Нейду так, словно девушка стояла совсем рядом, он протянул руку — и она ударилась о камень. Его глаза открылись, и, медленно приподнявшись, он сел на песке. Небо очистилось от облаков, и в бледном свете звезд Веселый Роджер увидел, что около него кто-то стоит. Сначала он решил было, что это Солнечная Тучка, так как Питер весь потянулся к ней. Но, взглядевшись получше, узнав Желтую Птицу. Ее красивые глаза смотрели на него пристальным и

странным взглядом. Он вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Рука была холодна как лед. Он почувствовал, что Желтая Птица дрожит всем телом. Внезапно она поглядела мимо него в темноту:

— Слушай, Никева!

Ее пальцы впились в его ладонь. В наступившей тишине он уловил стук ее сердца.

— Я слышу это уже в третий раз! — прошептала индианка. — Никева, тебе надо уходить!

— Но что ты слышишь?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Но только опасность близка. Я видела ее тень над нашим типи, и о ней мне говорили ночные голоса. Она близко. Она подбирается осторожно и тихо. Она очень близко. Слушай, Никева! Ты слышал плеск?

— Это утка ударила крылом по воде, Желтая Птица!

— А это? — Ее пальцы сжались еще сильнее. — Слышишь? Точно дерево трется о дерево.

— Гагара закричала где-то вдалеке, Желтая Птица!

Она выпустила его руку.

— Никева, сделай, как я говорю! — умоляюще сказала она на языке кри. — Духи напугали эту ночь тревогой. Я не могла заснуть. Солнечная Тучка стонет и ворочается во сне. Быстрый Олень что-то шепчет. Ты звал Нейду, У-Ми, когда я подошла к тебе. Я знаю: опасность близко. Совсем близко. И грозит она тебе.

— Но ведь раньше ты говорила, что меня теперь ждут счастье и покой, Желтая Птица! — напомнил Роджер. — Ты сказала, что духи обещали, будто полиция меня не поймает и в каком-то Далеком Краю я найду Нейду. Или духи отреклись от своих прежних слов, потому что ночь сегодня выдалась душная?

Желтая Птица вглядывалась в темноту.

— Нет, они говорили правду, — прошептала она. — Только они хотели рассказать мне еще о многом, но почему-то не могли. Когда они хотели показать мне Далекий Край, где ты найдешь Голубку, его всякий раз заслоняло облако. А теперь они говорят мне, что опасность вон там, на озере. — Внезапно она схватила его за локоть. — Никева! Неужели ты и теперь не слышал?

— Рыба выпрыгнула из воды, только и всего, Желтая Птица.

Вдруг Питер глухо заворчал, и, повернувшись к нему,

Мак-Кей увидел, что и он вглядывается в темноту, окутывающую озеро.

— В чем дело, Хромуля? — спросил он.

Питер опять заворчал.

Роджер погладил холодные пальцы, лежавшие на его локте.

— Иди ляг, Желтая Птица. У меня только один враг — полицейские в красных мундирах. А они не рыщут по лесам темной ночью.

— Нет, они гонятся за тобой, — возразила она. — Я не вижу их, но я слышала — они совсем близко. — Ее пальцы опять сжали его руку. — Очень близко! — повторила она.

— Просто ты устала, Желтая Птица, и тебе чудится бог весть что! — ответил он, вспомнив, как двое суток она не спала и не ела, чтобы лучше слышать голоса духов. — Никакой опасности нет. Просто в такую душную ночь трудно спать, и ты боишься, сама не зная чего.

— Это духи меня разбудили, — стояла она на своем. — Никева, они ничего не забывают. Они не забыли, как ты нашел нас в ту зиму, когда мы все умирали от голода и болезни, когда я боялась, что Солнечная Тучка закроет глаза, чтобы уснуть, и больше никогда их не откроет. Они не забыли, как в ту зиму ты грабил факторию, чтобы спасти нас от смерти. А раз они помнят всё это, они не могут солгать! Я первая прокляла бы их тогда. Но они не лгут.

Мак-Кей молчал. Убежденность Желтой Птицы снова подействовала на него. А индианка, не глядя ему в лицо, продолжала мелодичным голосом:

— Ты сейчас уйдешь, Никева, и мы свидимся не скоро. Не забывай того, что я тебе говорила. И верь. Где-то есть Далекий Край — так сказали духи. Там ты найдешь У-Ми, Голубку, и счастье. А если ты вернешься туда, где оставил Голубку, когда бежал от полицейских в красных мундирах, то не найдешь ничего, кроме черноты и опустошения. Верь мне, и все будет хорошо. Но если ты не согласишься...

Она внезапно умолкла:

— Ты слышал, Никева? Это не утка била крылом, не гагара кричала и не рыба плеснула в озеро! Это плеснуло весло!

Роджер наклонил голову и прислушался.

— Да, это весло,— согласился он, и собственный голос показался ему чужим.— Наверное, кто-нибудь из твоих соплеменников возвращается в стойбище, Желтая Птица.

Она шагнула вперед и протянула к нему руки. Ее волосы и глаза бархатисто блестя в свете звезд. Полуоткрытые губы дрожали.

— Прощай, Никева! — шепнула она.

Вдруг, опустив руки, она стремительно побежала к своему типу и вскоре вышла оттуда в сопровождении Быстрого Оленя. Веселый Роджер молча смотрел, как они подошли к самой воде, прислушиваясь, пройдет ли незнакомая лодка мимо или повернет к берегу. Лодка приближалась медленно и осторожно. Над водой вырисовался ее смутный силуэт, но с каждой минутой он становился все более четким, и наконец Мак-Кей разглядел, что в ней сидят двое. Быстрый Олень, войдя по колени в воду, окликнул лодку.

Ему ответил голос, при звуке которого Мак-Кей, как подстреленный, упал на песок рядом с Питером, а Питер оскалил зубы и зарычал. Затем, повинувшись прикосновению руки хозяина, он скользнул за ним в тень, и Веселый Роджер достал из-под куска парусины свой заплечный мешок и бесшумно просунул руки в лямки, продолжая наблюдать и слушать.

Когда снова раздался тот же голос, он усмехнулся и шепнул:

— Хромуля, это Кассиди! Он нас таки выследил, рыжий лис!

В его глазах запрыгали веселые огоньки, и Питер решил было, что его хозяин смеется. Веселый Роджер приставил ладони рупором ко рту и крикнул громко и отчетливо:

— Э-эй, Кассиди? Это ты, Кассиди?

Питер, задохнувшись, прислушался. Он чувствовал, что на них надвинулась ужасная опасность. Ни с озера, ни с берега не доносилось ни звука. После оклика Веселого Роджера повсюду воцарилась мертвая тишина.

Затем вновь прозвучал тот же голос, и каждое слово прорезало темноту с четкостью ружейного выстрела:

— Да, это Кассиди. Капрал Теренс Кассиди из отряда «М» королевской северо-западной конной полиции. Это ты, Мак-Кей?

— Да, это я! — отозвался Веселый Роджер. — А наш договор еще в силе, Кассиди?

— В силе!

На берегу мелькнула какая-то тень, и снова прозвучал голос:

— Берегись, Мак-Кей! Если ты пошевелишься, я буду стрелять!

С пистолетом в руке Кассиди бросился к тому месту, где только что были Веселый Роджер и Питер, но там валялся лишь кусок парусины. Индеец, проводник Кассиди, подошел к нему, и они долго стояли неподвижно, прислушиваясь, не хрустнет ли где-нибудь ветка. Быстрый Олень остановился возле них, а затем к нему присоединилась и Желтая Птица, чьи глаза горели от волнения, как угли. Кассиди оглянулся на нее: он был поражен ее красотой, но выражение ее лица ему не понравилось. Ирландец бросился назад к воде и внезапно остановился как вкопанный, с растерянным возгласом: его лодка исчезла со всем снаряжением!

Позади него в сумраке звездной ночи раздался звонкий смешок, и Желтая Птица скрылась в своем типи.

А из тумана над водой донесся далекий голос Веселого Роджера Мак-Кея:

— Всего хорошего, Кассиди!

Конец фразы был заглушен вызывающим собачьим лаем.

У себя в типи Желтая Птица притянула к теплой груди темноволосую головку Солнечной Тучки и с сияющей улыбкой взглянула вверх, на отверстие дымохода, через которое к ней пришло предостережение духов. И вновь до нее донесся далекий крик:

— Всего хорошего, Кассиди!

ГЛАВА XII

Веселый Роджер скользил в лодке Кассиди по темной, чуть мерцающей воде Уолластона, ритмично работая веслом, и ночной воздух казался ему бодрящим напитком. Здесь не чувствовалась гнетущая духота. Отражения звезд колебала легкая рябь, потому что поднялся ветер. И любовь к приключениям вновь проснулась в кро-

ви Мак-Кея. Он смеялся, налегая на весло, и на время забыл о том, что он разбойник, преследуемый полицией, и что, лишившись Нейды, он утратил все, ради чего стоило жить. В его смехе звучала прежняя веселая беззаботность — ему очень нравилась шутка, которую он сыграл с Кассиди. Он словно видел, как Кассиди, охваченный пламенем бешенства, даже еще более огненным, чем его волосы, с руганью мечется по берегу в поисках лодки.

— Мы с ним неразлучны, — объяснял Веселый Роджер Питеру. — Куда я, туда и Кассиди. Видишь ли, дело обстоит так: давным-давно Кассиди дали, как это у них называется, задание. А задание было примерно такое: «Изловить Роджера Мак-Кея живым или мертвым!» И с тех пор Кассиди его выполняет. Но ему никак не удается схватить меня, Хромуля. Всегда он на одну минуту опаздывает!

Но хоть Веселый Роджер и смеялся, в его сердце жило одно желание, в котором он не признавался даже самому себе. Ему не раз представлялся случай убить Кассиди, а Кассиди не раз мог убить его. Но ни тот, ни другой не воспользовались подобной возможностью. Они вели честную игру, как подобает настоящим людям, и Веселый Роджер, убедившись в благородстве своего преследователя, начал испытывать к нему что-то вроде дружеского чувства — подчас ему хотелось подойти к Кассиди и крепко пожать ему руку. Тем не менее он всегда помнил, что на земле у него нет врага беспощаднее капитана Кассиди, который долгие месяцы и годы гнался за ним по Голым Землям, за Полярным кругом, вниз по реке Макензи и вверх по ней — неутомимый преследователь, не раз почти настигавший его на протяжении десяти тысяч миль, которые они проделали по глухим дебрям Севера. Вместе играя в эту захватывающую игру, они преодолевали самые смертоносные опасности, какими грозит эта суровая страна. Они голодали и мерзли, и не раз позади них простиралась тысяча миль пустоты, и даже смерть казалась лучше того, что могло ждать их впереди. Но даже и в этой пустыне, когда тоска одиночества начинала граничить с безумием, ни тот, ни другой не сдавался. Игра не кончалась: Кассиди продолжал погоню, а Веселый Роджер Мак-Кей отстаивал свою свободу.

Теперь, плывя на северо-восток, Веселый Роджер вспоминал о договоре, который они заключили много не-

дель назад у Гребня Крэгга, когда он снова взял над Кассиди верх и тот поклялся выйти в отставку, если опять упустит его при следующей встрече. Кассиди, конечно, сдержит слово, и что-то подсказывало Роджеру, что в эту ночь начался последний акт драмы, разыгрываемой двумя актерами. Он снова усмехнулся, представляя себе, как развиваются дальше события на берегу. Кассиди именем закона требует у Быстрого Оленя лодку и снаряжение, а тот с величавым достоинством вождя всячески тянет время. Роджер не сомневался, что успеет уйти от рыжеволосой ищейки по крайней мере на милю, прежде чем погоня возобновится. А озеро Уолластон, достигавшее шестидесяти миль в длину и тридцати в ширину, предлагало ему немало укромных уголков, которые могли послужить безопасным убежищем.

Поднявшийся юго-западный ветер благоприятствовал намерениям Мак-Кея, и он принялся грести с меньшей осторожностью и большей энергией. В течение двух часов он, руководствуясь звездами, плыл точно на восток, а потом повернул на север. На рассвете показался лес противоположного берега, и солнце еще не успело взойти, как Мак-Кей вытащил лодку на песок у оконечности мыса, откуда открывался вид на все озеро.

Удобно устроившись в тени густых елей, Веселый Роджер и Питер весь день высматривали своего врага. Но на тихих просторах Уолластона нигде не было видно ни единой лодки. Только в туманный час перед наступлением сумерек Мак-Кей разжег наконец костер и приготовил ужин из запасов Кассиди: он знал, что в ясную погоду дым заметен с гораздо большего расстояния, чем лодка. Но хотя он и принял эту меру предосторожности, он не сомневался, что уже может спокойно возвратиться к племени Желтой Птицы.

— Видишь ли, Хромуля,— объяснил он Питеру, закуривая трубку,— Кассиди думает, что мы во все лопатки улепетываем на Север. Он отправится к верхнему концу озера, а оттуда по Блэк-ривер к озеру Поркьюпайн. Это обширный край — ведь мы с Кассиди никогда не стеснялись расстояниями в наших прежних прогулках. Так вернемся к Желтой Птице, Питер? И к Солнечной Тучке.

Питер в ответ застучал хвостом по земле, но Веселый Роджер уже усомнился в разумности своего решения. Он хотел вернуться назад — вместе с темнотой на него на-

хлынула тоска одиночества. Только у Желтой Птицы мог он искать сочувствия, только она горевала вместе с ним из-за того, что он потерял Нейду. Когда он был с ней, его не томило отчаяние, ее голос внушал ему надежду, а она, всем сердцем желая ему счастья, обещала, что все его беды кончатся и на смену мраку придет свет. Он уже спустился к воде, где маленькие волны набегали на крупную гальку, но что-то удержало его, и он вернулся туда, где на куче лапника было расстелено его одеяло. Он лег, но еще долго смотрел перед собой в темноту и никак не мог уснуть.

Он забыл о Кассиди и думал теперь только о Желтой Птице. Прежние сомнения, опиравшиеся на доводы рассудка, сменились желанием поверить, с которым он не хотел бороться. За годы, проведенные в лесах, он слышался всяких рассказов о странных способностях индейских шаманов. Его мать была убеждена в том, что мысль обладает особой силой, и учила этому сына, а ему, поклоннику природы, нетрудно было поверить ей.

«Думай о чем-нибудь, верь, что это сбудется,— и это непременно сбудется»,— повторяла она. То же говорила и Желтая Птица. Так, может быть, это правда? Вдруг и в самом деле ее мысль встретилась с мыслью Нейды и даже проникла в будущее, чтобы указать ему путь? Он ничего не видел и не слышал вокруг — ему уже казалось, что происшествие прошлой ночи служит доказательством необычного дара Желтой Птицы. Ведь она предупредила его о приближении опасности! Не колеблясь и не сомневаясь! Она ничего не видела и не слышала, но пришла к нему полная уверенности. Она знала, что Кассиди близко!

Роджер сел, сердце его бешено билось. Да, да, конечно, это доказательство! Желтая Птица дала ему это доказательство невольно. Ею двигала только забота о его безопасности, ее любовь к нему. И тут же, как ни соблазнительно было поверить в столь простое объяснение, он вновь усомнился. Если бы Желтая Птица велела ему немедленно вернуться к Нейде, он поверил бы ей неколлемимо и тотчас же пустился бы в путь. Но она запретила ему это и предсказала, что его возвращение принесет ему только отчаяние и горе. Она уговаривала его идти неведомо куда и искать фантазию, небылицу — несуществующий Далекий Край, о котором ей сказали несущест-

ствующие духи. И вот в этом Далеком Краю, если он до него доберется, он найдет Нейду и вечное счастье. Нет, если поразмыслить трезво, он пытается поверить в какой-то первобытный миф! Быть может, у Желтой Птицы и есть какие-то особые способности, но они очень ограничены. И верить всему, что она говорит, уноситься на крыльях суеверия и воображения за пределы реального — значило уподобиться невежественному ди-карю.

Веселый Роджер вновь растянулся на своем одеяле, еще раз повторяя этот последний неопровержимый довод. Однако когда он наконец уснул, на сердце у него было непривычно легко. Ему приснилась Нейда. Они опять были вместе, но почему-то Желтая Птица все время следила за ними, и они никак не могли ускользнуть от нее. Они бежали по полянам в ельнике, по землянике и по фиалкам — он бежал позади Нейды и видел, как бьются на ветру ее каштановые кудри.

Но как ни быстро они бежали, где бы ни прятались, Желтая Птица не отставала от них. Всюду они встречали взгляд ее темных глаз, и в конце концов, смеясь над собственным смущением, он остановил Нейду возле пригорка, заросшего белыми, голубыми и желтыми цветами, обнял ее и поцеловал, а Желтая Птица смотрела на них из-за куста шиповника в двадцати ярдах от них. Поцелуй этот был настолько реален, настолько реальным было прикосновение теплых рук Нейды к его шее, что он проснулся с радостным криком... и увидел, что небо порозовело.

Несколько секунд он сидел, не в силах разобраться, где сон, а где явь. Потом подозвал Питера и спустился с ним к озеру.

Весь этот день Питер чувствовал в хозяине какую-то перемену. Веселый Роджер не разговаривал с ним, не свистел и не смеялся, а почти все время сидел неподвижно и на лице его было непонятное застывшее выражение. Он в последний раз давал бой своему желанию вернуться к Гребню Крэгга. Предсказания и предостережения Желтой Птицы теперь никак на него не влияли. Он думал только о Нейде. Она ждет его там и с радостью следует за ним в его скитаниях, готовая жить и умереть с ним, деля его горе и радость. И раз десять он уже собирался было отправиться в обратный путь. Но тут же пе-

ред его мысленным взором вставало другое видение: вечное бегство, необходимость прятаться, голод, холод, бесконечные невзгоды, а потом неизбежная, как восход солнца, тюрьма, а может быть, и виселица.

Только к вечеру Питер увидел на лице хозяина прежнее выражение — он снова стал Веселым Роджером, и этот Веселый Роджер сказал:

— Вот мы и решили, Хромуля. Назад возвращаться нам нельзя. Пойдем-ка на Север и перезимуем на краю Голых Земель. Это такие просторы! И если Кассиди явится туда...

Он мрачно пожал плечами.

Через час, когда солнце уже сильно клонилось к западу, они отправились в путь.

Два дня Роджер и Питер неторопливо плыли вдоль восточного берега озера Уолластон. Мак-Кей не сомневался, что правильно угадал, как будет рассуждать Кассиди, строя планы новой погони. Кассиди, конечно, отправится вдоль западного берега, а потом через озеро Хатчет и вверх по Блэк-ривер, так как прежде его противник, когда опасность была близка, всегда уходил прямо на Север. Сам же Веселый Роджер решил не спеша пробираться вдоль восточного берега Уолластона, чтобы потом по рекам Броше и Тивьязе уйти от погони на северо-восток. В таком случае с каждым часом расстояние, отделяющее их от Кассиди, будет увеличиваться, и, выждав достаточно времени, они с Питером спокойно доберутся до Голых Земель.

Питер — и только Питер — замечал великолепие окружающей природы, когда под вечер третьего дня они медленно плыли под самым берегом, приближаясь к прозрачному потоку, который зовется ручьем Хромого Лося. До заката оставалось еще два часа. Стояла полная тишь, и воды Уолластона застыли сверкающим зеркалом. И все же тихий воздух чуть покусывал осенним холодком, а лес на холмистых берегах уходил вдаль красными и золотыми волнами, окутанный сентябрьской туманной дымкой, похожей на дымок пудры, слетевшей с пуховки. Этому вечеру было суждено навеки врезаться в память Питера — этого заката он не забыл до конца своих дней.

Но ничто не предвещало опасности: глаза Питера видели только чудеса окружающего мира, уши слышали

только дремотные голоса леса, а нос чуял только благоухание смолы и запахи спелых ягод. Прямо перед ними за белой полосой береговых песков тянулась невысокая гряда холмов, где лиловатая зелень хвойных деревьев перемежалась алыми пятнами рябины и полосками огнецвета, пламеневшего в лучах заходящего солнца.

Из этого райского уголка до них по мере приближения доносились только птичьи голоса да болтовня рыжих белок. Громко кричала сойка, а между первой и второй — более высокой — грядой стоя ворон взволнованно кружила над черной медведицей и ее полувзрослыми медвежатами, которые лакомились ягодами рябины. Но запах медведей не доносился до Питера, он не слышал их фыркания, и далекие вороны интересовали его куда меньше, чем тайны приближающегося берега.

Со своего места на носу лодки Питер оглянулся на хозяина. Лицо и глаза Веселого Роджера оставались тусклыми. Береговые леса не манили его, как Питера. Там, как и всюду, его ждала только пустота, неизбежное одиночество, хаос погибших надежд, разбитые мечты. Он утратил любовь к жизни. Он больше не видел красоты. Солнце стало другим. Небо тоже. Мысль о бескрайности лесных дебрей теперь угнетала его, а не радовала, как прежде.

Питер ясно чувствовал перемену в хозяине, хотя и не понимал ее причины. Как Веселый Роджер больше не видел вокруг себя прежнего мира, так и Питер больше не видел прежнего Веселого Роджера.

Они пристали к косе, где песок был мягче ковра. Питер выскочил из лодки. Пара чибисов стремительно бросилась от него поперек косы. Он насторожил треугольные уши, и тут его нос уловил весьма интересный запах: по песку недавно прошел дикобраз. Хриплый голос сойки звучал теперь совсем близко, как и мелодичное цоканье белки.

Питер почувствовал глубокое удовлетворение. Ведь это было воплощением жизни, а он, в отличие от хозяина, любил жизнь по-прежнему. Питер смело направился туда, где за ивняком, молодыми березками и алыми полосами огнецвета начинался лес. Тут недавно прошел дождь, и все запахи были свежими и приятными.

Он отыскал куст черной смородины, усыпанной сочными глянцевыми ягодами, и начал их ощипывать.

Суслик, считавший этот куст своей собственностью, недовольно пискнул и сердито посмотрел на собаку из-под мохнатого листа папоротника. Питер завилал хвостом — долгое общение с хозяином научило его добродушию. Он дружески тявкнул.

И тут до его ушей донесся звук, от которого напряглись все его мышцы:

— Руки вверх, Мак-Кей!

Питер оглянулся. Между ним и берегом стоял человек. Он сразу узнал его. Это его запах он впервые почувствовал у хижины индейца Тома, это от него убегал его хозяин, это его голос они слышали три ночи тому назад у типа Желтой Птицы. Теренс Кассиди, капрал королевской северо-западной полиции!

В двадцати шагах от Кассиди стоял Мак-Кей с заплечным мешком на спине и с веслом в руке. Кассиди с мрачной улыбкой держал его под прицелом. На мгновение все они застыли в незабываемой живой картине. Кассиди был без фуражки, и его рыжие волосы горели на солнце. Он покраснел, в голубых ирландских глазах сверкала яростная радость: наконец-то после долгих лет их рискованная игра завершилась. Последний ход сделал он — и выиграл.

Почти минуту после оклика Мак-Кей стоял неподвижно. И Кассиди не повторял приказа: он понял, что его противник оглушен неожиданностью, и готов был дать ему время прийти в себя. Потом Веселый Роджер судорожно вздохнул. Его плечи поникли. Мешок соскользнул на землю. Он выпустил весло и медленно поднял руки над головой. Кассиди негромко засмеялся.

Еще несколько дней назад Мак-Кей спокойно усмехнулся бы ему в ответ, воздавая должное противнику даже в час своего поражения. Но теперь он был другим.

И Кассиди теперь тоже представлялся ему другим. Не храбрецом, свято выполняющим свой долг, не благородным противником, которого он был бы рад назвать другом даже в самый разгар их поединка. Теперь он видел в Кассиди палача. На него ополчился весь мир, и вот, когда он дошел до последнего предела отчаяния, безжалостная судьба поручила Кассиди нанести ему смертельный удар.

Он послушно поднял руки, но его душил слепой гнев. В глазах у него потемнело. В эту минуту он не думал ни

о законе, ни о смерти, ни о свободе. Несправедливость всего случившегося привела его в бешенство, заставила жаждать одного — мести. Пистолета Кассиди, наведенного на его грудь, он просто не замечал. Он не заметил бы сейчас и тысячи пистолетов. С воплем ярости он схватился за кобуру.

В последнюю секунду Кассиди разгадал его намерение и крикнул:

— Стой! Ради бога, остановись, а то я выстрелю!

Даже Питер почувствовал, что эти секунды чреватые страшной угрозой — трагедией, смертью. Питеру было знакомо это ощущение — он испытал его, когда вцепился в ногу Джеда Хокинса, чтобы спасти Нейду.

В ту кратчайшую долю секунды, которая понадобилась Питеру для прыжка, палец капрала Кассиди успел лечь на спусковой крючок, так как Мак-Кей уже почти вытащил пистолет из кобуры. Кассиди прицелился ему в плечо — он не хотел его убивать.

Питер ударил его всем телом в тот момент, когда он выстрелил, и Мак-Кей услышал, как пуля просвистела мимо его уха. Он выхватил пистолет. Питер, все крепче сжимавший зубы, услышал второй выстрел и понял, что стреляет его хозяин. Третьего выстрела не последовало.

Кассиди тяжело осел на землю, и у него вырвалось что-то вроде смешка — только это был не смешок. Он перекатился на бок, придавив Питера.

Веселый Роджер продолжал стоять, сжимая пистолет и глядя перед собой застывшим взглядом. Питер кое-как выбрался из-под навалившегося на него тела и теперь недоуменно поглядывал то на хозяина, то на человека, который распростерся на песке, точно гигантский паук. Затем Мак-Кей очнулся. Он бросил пистолет, словно что-то ненужное и страшное, и, с криком подбежав к Кассиди, нагнулся над ним.

— Кассиди... Кассиди... — повторял он. — Господи, да я же не хотел! Кассиди, дружище...

В его голосе было такое страдание, что Питер перестал рычать. Мак-Кей приподнял Кассиди за плечи и откинул рыжие волосы. Он ничего не видел вокруг себя. Он убил Кассиди. Убил! Он стрелял, чтобы убить, и знал свою меткость. Наконец-то он стал тем, чем давно хотел видеть его закон, — убийцей! И жертвой оказался Кассиди — человек, который с начала и до конца играл честно, ни разу не пустил в ход подлого приема и теперь лежит мертвым на белом песке потому, что не воспользовался своим преимуществом и не подстрелил его сразу же. Он

хрипло выругал себя и, посмотрев на лицо Кассиди, вдруг увидел чудо: глаза ирландца были открыты, губы кривились от боли, но усмехались.

— Я рад, что ты сделал это сдуру,— сказал он.— Мне не хотелось бы менять о тебе мнение, Мак-Кей. Но вот стрелок ты паршивый!

По его телу прошла судорога, улыбка исчезла, и, сдерживая стон, он сказал:

— Может... ты хочешь помочь мне, Мак-Кей? Если да, то в полуmile отсюда выше по ручью есть хижина. Я слышал стук топора... Видел дым... А тебя я не виню. Ты честный противник... и быстрый... а вот стрелок... паршивый... До чего же... паршивый...

Он попытался ухмыльнуться в лицо Веселому Роджеру и безжизненно повис у него на руках.

Веселый Роджер всхлипывал. Без слез, глухо, как плачут мужчины. Он разорвал рубашку Кассиди и увидел на груди под правым плечом сквозную рану. Он сбегал за водой, попробовал привести раненого в чувство, и все это время Питер слышал те же странные звуки, словно его хозяин задыхался. Потом Мак-Кей, встав на четвереньки, взвалил тело Кассиди себе на спину, выпрямился и, пошатываясь, пошел с ним к ручью. Там он увидел узкую тропку и побрел по ней не останавливаясь, пока не оказался на маленькой вырубке, где Кассиди заметил дымок. Там стояла хижина, и оттуда к нему навстречу вышел старик в сопровождении девушки.

Питер тихонько взвизгнул, потому что ему показалось, что позади человека с белыми волосами и бородой идет Нейда. Та же стройная тоненькая фигурка, те же каштановые кудри и тот же... Но нет, это была не Нейда. Девушка была постарше. Выше ростом. И ее лицо, когда она увидела окровавленную ношу Роджера, побелело.

— Я застрелил его,— задыхаясь, сказал Мак-Кей.— Бог свидетель, я этого не хотел. Боюсь, что...

Он умолк, страхась высказать вслух свое опасение, что Кассиди умер или умирает. Несколько секунд он ничего не видел, кроме укоризненных глаз девушки. Старик помог ему внести раненого в дом. Только когда ирландец был уложен на койку, Мак-Кей вдруг заметил, что ослабел, точно ребенок, и понял, чего ему стоило пройти этот путь с тяжелой ношей на спине. Он устало опустился на стул, а старый траппер хлопотал около Кассиди.

Он услышал, что девушка называет старика дедушкой. Ее страх прошел, и она сновала по хижине, готовя воду, повязки и подушки, а когда ее взгляд падал на белое лицо Кассиди, в нем появлялась нежность. Мак-Кей продолжал сидеть неподвижно, видя, что его помощь пока не нужна. Но когда раненый тихо застонал, Роджер встал и подошел к койке.

— Пуля прошла навывлет, — сказал старик. — Хорошо, что ты не пользуешься разрывными пулями, приятель!

Кассиди глубоко вздохнул. Его веки задергались и медленно поднялись. Девушка как раз наклонялась над ним, и Кассиди увидел только ее лицо и каштановые кудри.

— Он не умрет? — робко спросил Веселый Роджер.

Старик молчал. Но Кассиди, чуть-чуть повернув голову, ответил слабым голосом:

— Не беспокойся, Мак-Кей! Не умру...

Веселый Роджер наклонился к Кассиди, заслонив от него девушку. Он осторожно взял раненого за руку.

— Мне жаль, что так вышло, старина, — прошептал он. — Ты победил — по-честному победил. И я не уйду далеко. Я буду тут, когда ты встанешь на ноги. Даю тебе слово.

Кассиди слабо улыбнулся, но тут же застонал и закрыл глаза. Девушка оттолкнула Роджера от койки.

— Да уж не уходите далеко! И подождите, чтобы он выздоровел, — сказала она, и ее горящие мрачным огнем глаза вызвали в его памяти глаза Нейды, когда она в хижине индейца Тома призналась ему, что Джед Хокинс ее ударил.

В этот вечер Веселый Роджер устроился на ночлег возле устья ручья. И в течение трех дней он почти все время проводил в хижине старого Робера Барона и его внуки Жизели. Кассиди бредил. Он постоянно упоминал Веселого Роджера. И Жизель, которая не отходила от него ни днем ни ночью и почти совсем не спала, в конце концов решила, что Мак-Кей и Кассиди — старые неразлучные друзья. Тем не менее она не соглашалась, чтобы Веселый Роджер сменил ее у постели больного. На третий день она отправила его за бинтами и лекарствами в факторию, до которой было шестьдесят миль.

Веселый Роджер и Питер вернулись через трое суток к вечеру. Окна хижины ярко светились, и Мак-Кей за-

глянул в одно из них. Кассиди сидел на постели, прислонясь к подушкам. Он совсем не был похож на умирающего, а рядом с ним на ковре из медвежьей шкуры сидела девушка. Что-то сжало горло Веселого Роджера. Он тихонько положил свои покупки на крыльцо и постучал. Когда Жизель открыла дверь, Роджер с Питером уже скрылись в темноте.

На следующее утро Мак-Кей подстерег старого Робера и сказал ему:

— Мне что-то не сидится на одном месте. Я вернусь через две недели. Передайте это Кассиди, ладно?

Десять минут спустя он уже плыл вдоль берега Уолластона и потом семь дней переезжал от устья одного ручья к другому, нигде подолгу не оставаясь. Питер замечал, что с каждым днем он все больше худеет. Голос хозяина совсем утратил былую веселость, он редко улыбался и никогда не смеялся. Питер старался понять, что произошло, и Мак-Кей разговаривал с ним, но не так, как прежде.

— Мы могли бы прикончить его и навсегда от него избавиться,— сказал он однажды, когда они с Питером грелись у костра, потому что вечер был холодный.— Могли-то могли, а не сделали этого — как не взяли с собой Нейду. И мы вернемся к нему. Я сдержу свое слово. Мы вернемся, Питер, и пусть нас потом повесят!

Веселый Роджер мрачно умолк, прикидывая, сколько еще у него осталось времени.

На десятый день он отправился в обратный путь и к вечеру двенадцатого дня вытащил лодку на песок в устье ручья Хромого Лося. Сам не зная почему, он, прежде чем пойти к хижине старика Барона, взглянул на свои часы. Было четыре часа. Он вернулся на два дня раньше, чем обещал, и это было ему приятно. Его сердце странно сжималось. Он верил в Кассиди — конечно, ирландец объявит, что они сыграли вничью, и отпустит его еще раз попытать счастья в пустынных просторах. Такой человек, если он честно бьется об заклад, не отступает от условий. Ну, а если нет...

Веселый Роджер остановился и разрядил свой пистолет. Он, во всяком случае, больше стрелять не будет.

Неяркие лучи осеннего солнца лились в открытую дверь хижины. Мак-Кей, подходя, услышал смех Жизели. Она что-то говорила. Затем раздался мужской голос,

а издали донесся стук топора. Старый Робер занимался обычным делом. Жизель и Кассиди были дома.

Мак-Кей поднялся на крыльцо и кашлянул, чтобы оповестить о своем приходе. Но, заглянув в комнату, он остановился на пороге как вкопанный.

Теренс Кассиди сидел в большом кресле. Жизель стояла позади, обнимая его за шею, и нежно его целовала.

Тут Кассиди увидел их с Питером.

— Входи-ка! — крикнул он так громко, что Жизель вздрогнула. — Да входи же, Мак-Кей.

Веселый Роджер вошел, и Жизель выпрямилась; ее щеки пылали, в глазах отражался закат. Теренс Кассиди, опираясь на ручки кресла, наклонился вперед и широко ухмыльнулся.

— А ты проиграл, Мак-Кей! — воскликнул он. — Выиграл-то я!

С этими словами он взял девушку за руку и вытащил ее из-за кресла.

— Ну-ка, Жизель, сдержи свое обещание: докажи ему, что выиграл я.

Жизель медленно подошла к Веселому Роджеру, ее щеки были алее вечернего неба, глаза смущенно улыбались. Веселый Роджер ждал, ничего не понимая. Внезапно руки Жизели обвились его шею, она чмокнула его в щеку, кинулась к креслу, упала на колени и спрятала лицо на груди Кассиди, который со смехом протянул Роджеру обе руки.

— Роджер Мак-Кей, знакомься: моя супруга, миссис Кассиди, — сказал он, и Жизель подняла на Роджера сияющие глаза.

Он по-прежнему растерянно молчал.

— Здесь вчера побывал миссионер из Броше и обвенчал нас, — услышал он голос Кассиди. — И помог мне написать прошение об отставке. Мы оба выиграли, старина. Я тебе очень благодарен за эту пулю: она принесла мне счастье. И вот тебе на этом моя рука, Мак-Кей.

Полчаса спустя Веселый Роджер возвращался по тропке к лодке; в его глазах стояли слезы, а сердце преисполнилось радостных надежд. Желтая Птица оказалась права. Разве не это пророчила она ему в ту ночь? А если так, то, наверное, сбудется и все остальное.

Он вновь поверил в возможность счастья, вновь почувствовал любовь к жизни, и пока он шел по тропинке

в сопровождении Питера, его губы шептали имя Нейды, а мысли обращались к предсказанию Желтой Птицы, что когда-нибудь, где-то в неизвестном месте они найдут то же счастье, которое уже нашли Жизель и Кассиди.

До ушей Питера доносился отдаленный стук топора, щебет птиц и цоканье белок, но слышал он только голос хозяина, прежний голос, веселый голос — голос, который он научился любить у Гребня Крэгга в дни фиалок и земляники, когда Нейда составляла весь его мир.

ГЛАВА XIII

Целью странствий Мак-Кея по-прежнему был лес, вдавшийся на сотню миль в Голые Земли. Три года назад он построил себе там хижину и в течение долгой зимы добывал лисьи шкурки. И теперь его манила не только хижина, но и охота на лисиц. Нужда гналась за ним по пятам. Деньги, которые он захватил с собой, покидая Гребень Крэгга, кончились, припасы тоже, а сапоги и одежда были все в заплатках из оленьей кожи.

У озера Сноуберд, куда он добрался через неделю после того, как расстался со счастливым Кассиди, ему улыбнулась удача. Два траппера как раз вернулись сюда на свой охотничий участок из Форт-Черчилля. Один из них заболел, и его товарищу нужен был помощник, чтобы построить хижину для зимовки. Мак-Кей пробыл с ними десять дней, и когда он пошел дальше на север, его заплочный мешок раздулся от припасов, на ногах у него были новые сапоги, а одежда стала более теплой.

Когда он добрался до своей укромной хижины в тысяче миль от Гребня Крэгга, была уже середина октября. В хижине все оставалось таким же, как три года назад. За это время в нее никто не входил. Чугунная печурка только и ждала, чтобы ее затопили. Позади нее лежали сухие дрова. На столе стояли жестяные тарелки, а к потолку, подальше от мышей и горностаев, были подвешены на сыромятных ремнях свертки с запасными одеялами и одеждой, с той далекой весны, когда он их тут оставил, казалось, прошли века. Он приподнял половицу — капканы, тщательно смазанные жиром карибу, лежали на своем месте. Полчаса Веселый Роджер сновал

по хижине, доставая другие спрятанные вещи. Из разных тайников он извлек жестяную лампу, бидон с керосином и свечи, и к тому времени, когда спустилась ночь, в печурке уже весело ревел огонь, посылая в трубу снопы искр, единственное окошко хижины уютно светилось, а старый кофейник булькал и шипел, точно радуясь возвращению хозяина.

На рассвете Роджер начал готовиться к охотничьему сезону. В течение двух дней он убил трех карибу и запаса мясом на всю зиму. Затем он нарубил дров, приготовил отравленную приманку и наметил места для капканов.

Первого ноября по северной стране пронеслось ледяное дыхание зимы. И дальше к югу осень уже умирала. Последние ягоды рябины висели на оголившихся ветках, сморщенные и подмороженные, по ночам мороз сковывал землю, голос леса изменился, и ветры несли грозное предупреждение всем людям и зверям между Гудзоновым заливом и Большим Невольничьим озером, между Водоразделом и Ледовитым океаном. Семь лет назад, как помнил весь этот край, зима наступила со смертоносной внезапностью, сразу начались лютые холода, а с ними такой голод, какого Север не видел уже несколько десятков лет.

Но в этом году зима предупредила о своем приходе. Первую весть о ней сообщили ночные ветры, которые разносили над черными лесами ледяной запах айсбергов. Луна вставала красной и заходила тоже красной, и красным бывало восходящее солнце. Крик гагар смолк на месяц раньше срока. Диким гусям еще полагалось кормиться на Когалукке и по берегам Баффинова залива, а они уже летели на юг: бобры укрепляли стены своих хаток и укладывали молодые осинки и ольху поглубже на дне, чтобы не умереть с голоду, если ледяной покров будет толще обычного. На востоке, на западе, на севере и на юге, в охотничьих хижинах и в волчьих логовах знали, что идет зима, и зима тяжелая. Кролики сменили серые шубки на белые. Лоси и карибу начали сбиваться в стада. По ночам залиристо лаяли лисицы, надвигающийся голод побуждал волков собираться в стаи, а в небе, озаренном красной луной, летели и летели на юг косяки гусей.

Весь ноябрь и весь декабрь Веселый Роджер и Питер

вставали за два часа до рассвета и трудились, не зная отдыха, целый день напролет. Лисиц было так много, что Мак-Кею не хватало ни капканов, ни приманки. Десятого декабря он отправился в факторию, расположенную на девяносто миль южнее — он вез с собой двести сорок лисьих шкур. Веселый Роджер изготовил сани и упряжь для Питера. Сани они тащили вместе и через три дня уже добрались до фактории. А на четвертый день пустились в обратный путь с новыми припасами и тысячью долларов наличными.

Ударили морозы, завывли метели, но Мак-Кей продолжал ставить капканы и в начале февраля снова отправился в факторию.

На обратном пути их застиг Черный буран. Север не скоро его забудет! Это тогда замерзло все племя сарки у озера Дубонт — в живых не осталось никого. Деревья промерзли насквозь и лопались с треском, похожим на пушечный выстрел. Буран уничтожил всех зверей и птиц на границе Голых Земель от озера Абердин до Коппермайна. Реки промерзли до дна, а мужчина, выходя из хижины за дровами и водой, обвязывался веревкой, чтобы не заблудиться в слепящей лавине ветра и снега. И когда он уже не мог противостоять ее ледяной ярости, жена, остававшаяся в хижине, изо всех сил тянула веревку, стараясь помочь ему.

Черный буран застиг Мак-Кея и Питера к западу от озера Аргиллери и к югу от реки Телон и вынудил их закопаться. Они находились в области, где самая толстая ветка, торчавшая над снегом, была не толще большого пальца Мак-Кея. Весной на здешних равнинах, заросших сочной травой, паслись карибу, но зимой, когда тут завывала арктическая буря, эти места превращались в сущий ад.

Веселый Роджер увидел большой сугроб, наметенный у огромного валуна. Сугроб этот не уступал по ширине сельской церкви и был почти так же высок, а его поверхность под постоянным воздействием ветра и ледяной крупы стала твердой, как камень. Веселый Роджер с помощью ножа прорезал в корке узкую дверь и принялся выгребать через нее более мягкий снег, пока не выкопал пещеру величиной в половину своей хижины. Вскоре его собственное тепло и тепло Питера так нагрело эту уютную комнатку, что он мог сбросить доху.

В эту первую ночь бурана Питеру казалось, что все люди мира вопят и рыдают в черном мраке снаружи. Веселый Роджер время от времени закуривал трубку, хотя курение в темноте не доставляло ему особого удовольствия. Вьюга не внушала ему страха — наоборот, он, как ни странно, чувствовал себя спокойно и уверенно. Ветер завывал и бился об сугроб, но внутрь проникнуть не мог. Он лишь наметал больше снега, который делал убежище еще более теплым и безопасным. Эта дикая ярость была не только устрашающей, в ней чудилось что-то нелепое, и Питер слышал, как его хозяин тихонько посмеивается в темноте. С тех пор как в теплые дни осени они в последний раз повстречали рыжего Кассиди и хозяин застрелил его на белом берегу Уолластона, Питер все чаще слышал этот смех.

— Видишь ли,— начал Мак-Кей, на ощупь отыскивая курчавую шею Питера,— дела у нас идут всё лучше и лучше. Я даже начинаю верить, что слова Желтой Птицы сбудутся и мы еще будем счастливы с Нейдой. Что скажешь, Хромуля? Не отправиться ли нам весной к Гребню Крэгга?

Вместо ответа Питер заерзал под ласковой рукой, а на сугроб с визгом обрушился новый порыв ветра.

Пальцы Веселого Роджера стиснули загривок Питера.

— Значит, мы пойдем туда,— объявил он, словно сообщая Питеру неожиданную новость.— Я теперь поверил Желтой Птице. Поверил — и все. Это ведь не было простое гаданье. И она не колдовала, как колдуют индейские шаманы. Ради тебя и меня она закрылась у себя в типи и три дня ничего не ела — это же должно было помочь, верно? Как по-твоему?

Питер фыркнул и лязгнул зубами, показывая, что он все понял.

— Ведь многое из того, что она нам говорила, уже сбылось,— убеждал себя Веселый Роджер.— Против этого не поспоришь, Хромуля. Она предупредила, что за нами гонится Кассиди — так оно и вышло. Она сказала, что духи обещали ей уберечь нас от тюрьмы. Мы уже думали, что все пропало, когда он держал нас под прицелом на берегу, а мы спаслись и подстрелили его, и это была не просто удача. А потом мы отнесли его в хижину, и внучка траппера стала его выхаживать. Кассиди

взял да и влюбился в нее... и женился на ней. Получается, что Желтая Птица и тут была права. Ну как ей не поверить? А она говорила, что все у нас кончится хорошо, мы вернемся к Нейде и будем счастливы...

Трубка Роджера светилась в темноте алым пятнышком.

— Вот что! — сказал Мак-Кей. — Зажгу-ка я спиртовую лампочку. Что-то нам не спится. И я хочу покурить в свое удовольствие. А что за радость курить, когда не видишь дыма? Жаль, что собаки не умеют курить, Питер. Ты, бедняга, даже не знаешь, что значит хорошая трубочка в такой вот час.

Порывшись в тюке, Мак-Кей достал спиртовую лампочку — ее резервуар был полон и надежно завинчен. Питер слушал, как хозяин возится в темноте. Затем чиркнула спичка, желтый огонек озарил лицо Веселого Роджера, и Питер радостно взвизгнул — было очень приятно вдруг увидеть хозяина. Через мгновение маленькая лампочка уже отбрасывала на белые стены их убежища голубоватый свет. Зрачки веселого Роджера от долгого пребывания в темноте расширились, и глаза его казались черными. Колючая щетина покрывала щеки и подбородок. И все же он излучал бодрость, словно назло буре, бушевавшей снаружи. Воткнув лыжу¹ в снежную стену, он, как на столик, поставил на нее лампочку и дружески подмигнул Питеру. А потом со вздохом удовлетворения задымил трубкой и, поднявшись на ноги, оглядел их приют.

— Неплохо, верно? — осведомился он. — Стоит нам захотеть, и мы нароем себе здесь сколько угодно комнат, а, Питер? Будут у нас и гостиные, и спальни, и библиотека — и ни единого полицейского на миллион миль вокруг. Вот что самое приятное во всем этом, Хромуля, — конной полиции мы тут можем не опасаться. Им и в голову не придет разыскивать нас под сугробом в этой богом забытой тундре. Ведь так?

Эта мысль доставила Роджеру большое удовольствие. Он расстелил одеяла на снежном полу, уселся на них лицом к Питеру и продолжал с гордым смешком:

— Мы оставили их в дураках, Хромуля. Мир не так

¹ Индейские лыжи гораздо короче и шире европейских и имеют овальную форму. На них по снегу не скользят, а ступают.

уж велик, когда приходится прятаться, но тут нас никто не разыщет, ищи он хоть миллион лет. Вот если бы нам удалось отыскать такой же безопасный уголок, где могла бы жить и женщина... И если бы с нами была Нейда...

За последние недели Питер не раз видел тот огонь, который вспыхнул сейчас в глазах Веселого Роджера. Этот огонь и странная дрожь в голосе хозяина говорили ему больше, чем слова, которые он тщетно пытался понять.

— А она будет с нами! — яростно dokonчил Мак-Кей и, сжав кулаки, наклонился к Питеру. — Мы, Хромуля, сделали большую ошибку и не скоро догадались об этом. Нам нелегко будет расстаться с нашим Севером, да только придется. Может, добрые духи Желтой Птицы подразумевали как раз это, когда они говорили про Далекий Край, где мы с Нейдой найдем счастье. Далеких Краев на земле полным-полно, Питер, и весной, как только сойдет снег, чтобы можно было идти, не оставляя следов, мы вернемся к Гребню Крэгга, заберем с собой Нейду и отправимся туда, где закон нас никогда не разыщет. Например, в Китай. Там живут люди с желтой кожей... Ну, да нам-то что? Лишь бы она была с нами! И вот еще...

Внезапно он умолк. Насторожился и Питер. Оба они повернулись к узкой дыре, уже наполовину засыпанной снегом, которую Мак-Кей прорезал в ледяной корке сугроба вместо двери. Они привыкли к вою метели. Питер теперь не вздрагивал от ее пронзительного визга и почти человеческих стенаний. Но тут вдруг раздался звук, не похожий на все прежние. Это был голос. Не призрачный голос ветра, а настоящий человеческий голос, и прозвучал он так близко, что даже Веселый Роджер почувствовал что-то вроде страха. Ему показалось, что у самого их сугроба кто-то громко выкрикнул какое-то имя. Но второго зова не последовало. Ветер затих, и снаружи на мгновение воцарилось безмолвие.

Веселый Роджер засмеялся немного вымученно.

— А хорошо, что мы не верим в привидения, Питер, не то бы мы подумали, что там, за стеной, бродит волк-оборотень! — Он набил трубку и кивнул. — Имеется еще Южная Америка. У них там все есть: и самые большие в мире реки, и самые высокие горы, и такие просторы, что даже волк-оборотень нас там не разыщет. Ей там по-

нравится, Хромуля! Ну, а если она предпочтет Африку или, скажем, Австралию, а может, острова Южных Морей.. Это еще что такое?

Питер подпрыгнул словно ужаленный, а Веселый Роджер застыл, как индеец. Потом он вскочил на ноги и недоуменно посмотрел на Питера:

— Что это было, Хромуля? Ветер, каков бы он ни был, не может стрелять из ружья, верно?

Питер тыкался носом в рыхлый снег, засыпавший дверь их убежища. Он глухо ворчал. Глаза за жесткими кудряшками яростно засверкали, и он посмотрел на Роджера, прося разрешения разбросать этот снег и выбраться в воющую тьму. Мак-Кей медленно выбил пепел из трубки и сунул ее в карман.

— Мы пойдем посмотрим,— сказал он странным голосом.— Но это же неразумно, Питер. Ветер — и только. Людей там быть не может. И то, что мы слышали, не было выстрелом. Ветер...

Двумя-тремя движениями Мак-Кей разгреб снег — отверстие находилось с подветренной стороны,— и когда он наполовину высунулся из него, то почти не почувствовал ветра.

Но над сугробом по-прежнему мчалась лавина бури, и он не слышал ничего, кроме ее воя. И ничего не видел — даже собственную вытянутую руку.

— За нами столько гонялись, что мы стали какими-то сверхчувствительными,— заметил он, заползая обратно в голубоватый круг света и кивая Питеру.— Пора и на боковую, дружок. А для сна лучше места не найти: свежего воздуха хоть отбавляй, и ни тебе комаров, ни мух, а уж о полиции и говорить нечего — скоро мы вообще забудем, какой у них вид. Если ты согласен, выпьем холодного чайку, перекусим...

Он не дождался. На мгновение ветер чуть стих, словно собираясь с силами. И то, что Мак-Кей услышал теперь, заставило его вскрикнуть, а Питер залаял. Из черноты ночи до них донесся женский голос! Как ни был Роджер поражен и ошеломлен, он сразу понял, что это не ветер и не обман усталого слуха. Он прозвучал совершенно ясно, этот женский голос, который пронесся над тундрой, призывая на помощь, и тут же замер, слился с воем метели. И тем не менее Мак-Кей усомнился. Женщина — здесь? Он судорожно сглотнул и попробо-

вал усмехнуться. Женщина... в буран, в тысяче миль от ближайшего селения! Нет, это невозможно.

Но смех у него не получился, а сердце сжалось от тревоги. В бледном свете спиртовки было видно, как широко раскрылись его глаза.

Он взглянул на Питера. Пес, весь вытянувшись, стоял у отверстия. Он дрожал.

— Питер!

Питер помахал хвостом и повернул щетинистую морду к хозяину. Веселый Роджер не раз видел этот предостерегающий взгляд своего четвероногого товарища. Снаружи кто-то был! Или Питера, как и его самого, буран свел с ума?

И, вопреки доводам рассудка, Веселый Роджер решил отправиться на поиски. Он надел лыжи и поставил лампочку так, чтобы ее свет был виден со стороны тундры. Потом он выполз через дыру. Питер последовал за ним.

Словно разъяренный их дерзостью, буран обрушился на них из-за сугроба. Они слышали пронзительный скрип ледяной крупы, проносившейся над их головами мириадами дробинки. Ветер доставал до них даже в их убежище и бросал им в лицо колючую снежную пыль. Перед ними в стонущем мраке простиралась тундра. Питер посмотрел вверх, ничего не увидел, но все же понял, откуда брались жуткие стоны, которые он слышал весь вечер: это ветер хлестал по сугробу.

Веселый Роджер напрягал слух, но слышал только завывания бурана, разыгравшегося над тысячемильными просторами тундры. Потом пришло одно из тех кратких затиший, когда вьюга, казалось, собиралась с силами и вой ее постепенно замирал, точно скрип колес быстро удаляющейся гигантской колесницы. Затем на миг наступила полная тишина, а с севера уже снова послышался могучий рокот, возвещавший новый взрыв.

И в этом затишье опять раздался крик — настолько ясный, что Мак-Кей уже не мог более сомневаться, — а вслед за ним выстрел. Голос действительно был женский. Насколько Веселый Роджер мог судить, крик доносился из крошечной тьмы прямо перед ним, и он закричал в ответ. А потом в сопровождении Питера бросился туда. Новая лавина ветра ударила им в спину и потащила вперед, точно пену на гребне волны. От неожиданности

Веселый Роджер пошатнулся и упал на колени; в эту секунду он заметил еле видный огонек своей лампочки у входа в снежную пещеру и ясно осознал, что ему грозит смерть, если он не сумеет разглядеть в темноте это бледное пятнышко. Он опять закричал... второй раз... третий. И, втянув голову в плечи, пошел дальше в темноту.

Внезапно ему в голову пришла безумная мысль, и он забыл про лампочку, пещеру и грозившую ему гибель. В этой сумасшедшей сумятице ветра и снега он слышал человеческий голос. Больше он в этом не сомневался. И голос был женский! А вдруг кричала Нейда? Вдруг она отправилась следом за ним, решив во что бы то ни стало отыскать его и разделить с ним его судьбу? Его сердце мучительно забилося. Какая еще женщина могла идти по его следу через тысячемильную пустыню тундры? Он начал звать ее:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

И рядом с ним залаял невидимый Питер.

Черный буран поглотил их. Свет лампочки растворился во мраке. Но Веселый Роджер не оглядывался. Он брел вперед вслепую, считал шаги и звал Нейду. Дважды ему чудился ответный крик — и каждый раз казалось, что этот призрачный голос совсем близко. Тут ветер ударил ему в спину с особенной силой, он обо что-то споткнулся и растянулся в снегу. Его рука нащупала предмет, о который он споткнулся. Это был не снег. Его пальцы коснулись чего-то мягкого и пушистого. Мужская шуба! Вот пуговицы, пояс и... бородатое лицо.

Мак-Кей встал и выпрямился во весь рост. Ветер опять унесся дальше в тундру, оставив позади себя мгновение тишины. И Роджер крикнул:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

Ответ раздался так близко, что он даже вздрогнул, но кричал не один человек, а два... нет, три, и один голос был голосом испуганной, измученной женщины. Мак-Кей продолжал звать, а голоса отвечали всё ближе, и наконец, в нескольких шагах перед ним, возникло смутное движущееся пятно. Он пошел к этому пятну, пошатываясь под тяжестью человека, которого подобрал в снегу. Теперь он разглядел двух человек, волочивших сани, за которыми, всхлипывая и задыхаясь, брела третья фигура.

— Я нашел кого-то! — крикнул Веселый Роджер. — Вот он...

Мак-Кей уронил свою ношу, и конец его фразы заглушили вопли метели. Но женщина позади саней услышала его, и он вдруг смутно увидел ее возле себя — она склонялась над человеком у его ног, всем телом заслоняя лежащего от ветра, и называла имя, которое он не мог разобрать в завывании бурана. Но на его сердце легла свинцовая тяжесть: он понял, что это не Нейда. Он положил бесчувственное тело на сани, не сомневаясь, что человек уже мертв. Женщина что-то говорила ему, но ее слабый голос тонул в визге вьюги, и он не разобрал, что ему хрипло крикнул один из мужчин, который пошатывался при каждом шаге, с трудом отвоеванном у ветра, и Веселый Роджер понял, что этот человек совсем обесилел и готов лечь в снег и умереть, лишь бы не идти дальше.

— Тут совсем рядом! — крикнул он. — Доберетесь?

Они расслышали его слова. Женщина уцепилась за его локоть. Мужчины потянули сани, а Веселый Роджер схватил свободную постромку между ними и повернулся

навстречу бурану, недоумевая, почему они отправились в такой путь без собак. Казалось, прошла вечность, прежде чем впереди замаячило бледное пятнышко света. Последние пятьдесят шагов они брели как будто навстречу непрерывному пулеметному огню. Но наконец сугроб укрыл их от ветра.

Мак-Кей помог им по очереди пролезть в выкопанное им убежище. На несколько минут он полуослеп и различал землистые лица и закутанные фигуры тех, кого он спас, словно сквозь мутную пелену. Человека, которого он нашел в снегу, он положил на свою постель, и девушка (теперь он разглядел, что она была еще совсем молоденькая) с плачем бросилась к нему. Тут зрение вернулось к Веселому Роджеру, и в тот же миг он вздрогнул и еле устоял на ногах, словно рядом взорвался динамитный заряд.

Девушка откинула меховой капюшон и с рыданием прижалась к неподвижно лежащему человеку, зовя: «Отец, отец!» Она была совсем не похожа на Нейду. Ее темные волосы были закручены в тугий узел, и она была старше. Она казалась очень некрасивой — во всяком случае, в эту минуту. Ее щеки были обморожены, глаза опухли и заплаыли. Но Веселый Роджер не смотрел на нее, он глядел только на ее отца и чувствовал, что вот-вот задохнется. Тот был уже не молод — лысый, с седой бородой и офицерскими усами. И он был жив — его глаза были открыты, а посиневшие губы пытались позвать девушку, которая, совсем ослепнув от снега, все еще думала, что он умер. Но он был одет в форменную меховую шинель королевской северо-западной конной полиции!

Мак-Кей медленно отвернулся, смахнул с глаз тающий снег и посмотрел на остальных двух. Один из них устало скорчился у снежной стены. Ему было на вид не больше тридцати лет, но и он выглядел совершенно измученным. Второй лежал у самой дыры, не в силах подняться. На обоих были шинели и на поясах висели кобуры.

Молодой человек у стены попробовал встать, но не смог и виновато улыбнулся Мак-Кею.

— Огромное спасибо, старина, — пробормотал он, с трудом шевеля растрескавшимися губами. — Я Портер... из отряда «Н»... сопровождал полковника Тэвиша в Форт-Черчилль... Тэвиша и его дочь. Плохим я оказался

проводником, верно? — Он приподнялся. — У нас в багаже есть коньяк. Может, дать... им? — И он кивнул в сторону девушки и седобородого мужчины на одеялах.

ГЛАВА XIV

Веселый Роджер ничего не ответил. Он молча выполз наружу и ощупью нашел сани. Он услышал, что Питер последовал за ним, и, оглянувшись, в голубоватом свете лампочки увидел бескровное лицо Портера, который ждал у входа, чтобы помочь ему втащить тюк. Мак-Кей попытался взять себя в руки. Всего четверть часа назад он усмехался, думая о полиции. Ему казалось, что никогда еще у него не было более надежного убежища и никогда еще он не был так недосыгаем для служителей закона. Он никак не мог прийти в себя. Полицейские не гнались за ним. Они его не выследили, даже не наткнулись на него случайно. Нет, он сам бросился в темный хаос вьюги и притащил их к себе! Кто бы мог подумать, что судьба способна сыграть с ним такую скверную шутку!

Потом его смятение немного улеглось, и он принялся резать ремни, удерживавшие тюки на санях. Участок отряда «Н», говорил он себе, — это область, прилегающая к озеру Атабаска. Он никогда не слышал ни о Портере, ни о полковнике Тэвише, а так как Тэвиш просто ехал в Форт-Черчилль, то и он и его эскорт вряд ли намеревались ловить по пути преступников, и в частности Веселого Роджера Мак-Кея. Вот его шанс. Ведь попытка скрыться от них во время бурана была не просто отчаянным риском — это была верная гибель.

На санях лежало только два тюка, и он передал их Портеру в отверстие. Несколько минут спустя он уже подносил фляжку с коньяком к губам седобородого полковника, а девушка внимательно рассматривала его — опухоль вокруг ее глаз постепенно спадала. Тэвиш сделал судорожный глоток, и его рукавица легла на локоть девушки.

— Я чувствую себя прекрасно, Джо, — пробормотал он. — Прекрасно...

Он посмотрел на Мак-Кея, а потом обвел взглядом

снежные пещеры. Его глаза смотрели из-под кустистых бровей пронизительно и сурово. Они пристально следили за Мак-Кеем, который дал девушке глотнуть коньяку, а затем передал фляжку Портеру.

— Вы спасли нам жизнь,— сказал Тэвиш более твердым голосом.— Я не понимаю, что произошло. Помню только, что споткнулся и не мог встать. Я шел за санями, Портер и Брео тащили их, а Джозефина, моя дочь, лежала, укрытая одеялами. Что было потом...

Он умолк, и Веселый Роджер объяснил, как было дело. Он кивнул в сторону Питера — вот чья это заслуга. Пес всячески показывал, что снаружи кто-то есть. Ну, они и решили пойти посмотреть. Его зовут Джон Каммингс. Он ставит капканы на лисиц, и буран застиг его в пятидесяти милях от хижины. Он отправился в путь без собак, потому что у него только один тюк.

Брео, второй спутник Тэвиша, уже оправился и внимательно слушал его. Мак-Кею было достаточно одного взгляда на его смуглое худое лицо, чтобы понять, что в этой компании только Брео по-настоящему знает Север. Он глядел на Веселого Роджера как-то странно. А потом, словно спохватившись, мотнул головой и начал растирать снегом обмороженные щеки. Портер сбросил меховую шинель и теперь распаковывал один из тюков. Он и девушка, казалось, были измучены меньше своих спутников. Джозефина смотрела на Портера. Потом она перевела взгляд на Роджера. Опухоль совсем исчезла, и оказалось, что глаза у нее большие и очень красивые. Она улыбнулась Мак-Кею дружеской, открытой улыбкой. Он подумал, что характер у нее, по-видимому, сильный и трусливой плаксой ее никак не назовешь. Это было сразу видно.

— Нам всем было бы полезно съесть горячего супу,— сказала она.— Как вы думаете?

В ее глазах была благодарность, которую она не пыталась облечь в слова. Роджеру она очень понравилась. А Питер тихонько подошел к ней сзади и смотрел, как она, по примеру Брео, оттирает щеки бородатого человека снегом.

— В другом выюке есть спиртовая плитка,— сказал Брео, не сводя жесткого, прищуренного взгляда с лица Мак-Кея.— Да, простите, как вас зовут?

— Каммингс... Джон Каммингс.

Брео ничего не ответил. Веселый Роджер почувствовал смутную тревогу, которая продолжала расти. Они выпили бульону и съели по лепешке. В маленькой каморке стало жарко, и девушка сняла меховую шубу. Ее лицо уже не было бледным, глаза блестели, а голос стал счастливым, потому что они нашли жизнь и тепло там, где ждали смерти. Портер держался с Роджером дружески, словно разговаривал со старым товарищем. Он объяснил, что произошло. Негодяи-проводники бросили их — сбежали в начале бурана, забрав обе упряжки и одни сани. А они брели вперед, надеясь найти сугроб, чтобы укрыться от вьюги. Но тундра здесь ровная, как стол. Они стреляли, а мисс Тэвиш кричала не потому, что они рассчитывали найти здесь помощь, а потому, что хватились отставшего Тэвиша. Просто смешно, заключил Портер, что подобное могло случиться с полковником Тэвишем, который слывет в конной полиции железным человеком.

Тэвиш сдержанно усмехнулся. Все они были в хорошем настроении, за исключением, пожалуй, Брео. Он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся. Однако Веселый Роджер заметил, что остальные слушают его с особым вниманием. Однако в нем было что-то непонятное и неприятное — во всяком случае, девушка сразу переставала смеяться, услышав его голос, и ее губы сурово сжимались. Мак-Кей скоро понял, почему она и Портер улыбались так счастливо — дважды он замечал, как они украдкой брались за руки. А когда они смотрели друг на друга, их глаза ясно говорили о том, какое чувство ими владеет. Но Брео был непонятен Мак-Кею. Он не знал, что Брео считался лучшей ищейкой отряда «Н» между берегами Атабаски и Ледовитым океаном и что в области Трех Рек, раскинувшейся на две тысячи миль, его называли «Шингус» — «Хорек»...

Первой уснула девушка, прижавшись щекой к плечу отца. Брео-Хорек завернулся в одеяло и задышал глубоко и размеренно. Портер еще курил трубку, нежно поглядывая на спящую Джозефину Тэвиш. Он с гордостью улыбнулся и шепнул Мак-Кею:

— Она моя невеста. Скоро свадьба.

Веселому Роджеру захотелось крепко пожать ему руку.

Он кивнул, и что-то сдавило ему сердце.

— Я вас понимаю,— сказал он.— Когда я услышал в темноте ее голос... я вспомнил про одну девушку... там, на юге.

— На юге? — переспросил Портер.— Но почему? Если вы ее любите, то почему она там, а вы здесь?

Мак-Кей пожал плечами. Он и так уже сказал лишнее. Но они с Портером не знали, что Брео лежит приоткрыв глаза и внимательно слушает.

Веселый Роджер поднял руку, словно в вое бури ему почудился какой-то новый звук.

— Буря кончится не раньше, чем через два-три дня. Ложитесь-ка спать, Портер. А я пока выкопаю комнату для мисс Тэвиш. Боюсь, она ей понадобится,— мы вряд ли скоро уйдем отсюда. Работа это нетрудная, а время проходит незаметнее.

— Я вам помогу,— предложил Портер.

Они работали около часа, орудуя вместо лопат лыжами Мак-Кея. И весь этот час Брео не смыкал глаз. Когда он смотрел на Роджера Мак-Кея, его губы кривила странная улыбка. Наконец Портер улегся спать. Тогда Хорек встал и потянулся. Мак-Кей уже закончил вторую комнату и принялся копать тоннель, который должен был служить другим выходом. Брео подошел к нему и взял лыжу, брошенную Портером.

— Я, пожалуй, тоже поработаю,— сказал он.— Что-то мне не спится, Каммингс.

Он принялся отгребать снег.

— И давно вы живете в этих краях? — спросил он.

— Третью зиму. Тут много рыжих лисиц, а иногда попадаются даже серебристые и черно-бурые.

Брео неопределенно хмыкнул.

— Так, наверное, вы знакомы с Кассиди,— небрежно произнес он, не глядя на Мак-Кея.— С капралом Теренсом Кассиди. Это ведь его округ.

Веселый Роджер продолжал копать.

— Да, я его знаю. Мы встречались прошлой зимой. Такой рыжий. Хороший человек. Мне он нравится. А вы с ним знакомы?

— Мы вместе начинали службу,— ответил Брео.— Но ему не везет. Он три года гоняется за неким Мак-Кеем. Его прозвали Веселым Роджером. Веселый Роджер Мак-Кей... Слышали о нем?

Веселый Роджер кивнул.

— Кассиди рассказывал мне про него, когда ночевал в моей хижине. Он, по-моему, ничего человек.

— Кто? Кассиди или Веселый Роджер?

— Оба.

Впервые Хорек посмотрел прямо на своего собеседника. У него были странные глаза: непроницаемые, вечно прищуренные, словно он тщательно прятал свои мысли. Мак-Кей показалось, что они видят его насквозь. Его пронизала холодная дрожь — предчувствие опасности, более губительной, чем буран.

— А вы не знаете, где его можно найти, этого Веселого Роджера?

— Нет.

— Дело в том, что он думает, будто убил на юге одного человека. Ну, так он ошибся. Тот выжил. Если вдруг встретитесь с ним, расскажите ему об этом. Ладно?

Веселый Роджер сунул голову и плечи в удлиняющийся тоннель.

— Расскажу.

Он знал, что Брео лжет. И знал, что за узенькими щелочками этих глаз прячется лисья хитрость.

— Скажите ему также, что власти думают простить ему ограбление торговца — ведь с тех пор прошло уже больше пяти лет.

Веселый Роджер выбрался из тоннеля с кучей снега на лыже.

— Ладно, передам ему и это, — сказал он, улыбаясь такой неуклюжей ловушке. — Вы, Брео, никак, думаете, что я держу гостиницу для бездомных разбойников?

Брео улыбнулся. Это была неприятная улыбка, и Веселый Роджер успел заметить ее, оглянувшись. Когда он вернулся, выбросив снег, Брео сказал:

— Видите ли, нам известно, что этот Веселый Роджер зимует где-то в здешних местах. А Кассиди говорит, что на юге есть девушка...

Голова Веселого Роджера исчезла в тоннеле.

— ...которая очень хотела бы повидать его, — закончил Брео.

Когда Мак-Кей вылез из тоннеля, Хорек спокойно закуривал трубку.

— Да, помню... Кассиди рассказывал мне и про девушку, — сказал Веселый Роджер. — Он сказал, что когда-нибудь... поймает этого... человека, потому что он за-

хочет увидаться со своей девушкой. Значит, если я встречу Веселого Роджера Мак-Кея и пошлю его на юг, я помогу полиции. Верно, Брео? А награда за его поимку назначена? Будет мне от этого какая-нибудь выгода?

Брео глядел на него в тусклом свете спиртовой лампочки, выпускал клубы табачного дыма, и загадочная улыбка кривила его тонкие губы.

— Как воеет вьюга! — сказал он. — Мне кажется... Каммингс, что буран усиливается.

Внезапно Брео протянул руку к Питеру, который сидел возле лампочки, не спуская настороженных глаз с незнакомца.

— Хорошая у вас собака, Каммингс. Сюда, Питер! Сюда! Питер! Питер!

У Роджера перехватило дыхание. Он ведь ни разу не произносил вслух кличку Питера с той минуты, как в его убежище появились спасенные им люди.

— Питер... Питер...

Хорек ласково улыбался. Но Питер даже ухом не повел. Он словно не видел протянутой к нему руки. Его взгляд оставался недоверчивым и вызывающим. Роджер еле удержался, чтобы не обнять его. Хорек засмеялся.

— Прекрасная собака, Каммингс, прекрасная! Мне нравятся собаки, которые хранят верность одному человеку, и нравятся люди, которые хранят верность одной собаке. А Веселый Роджер именно таков, как вы сами убедитесь, если когда-нибудь его повстречаете. Странствует с одной собакой. С эрделем по кличке Питер. Странная кличка, верно?

Он повернулся ко входу в соседнюю комнату и потянулся, высоко подняв длинные руки.

— Попробую-ка я опять прилечь, Каммингс. Спокойной ночи. Царица небесная, как воеет ветер!

— Да, ночь бурная, — согласился Мак-Кей.

Когда Брео ушел, Веселый Роджер поглядел на Питера, а сердце его бешено стучало в груди. Он прислушивался к вою ветра. Буран неся над тундрой с еще большей яростью, и глаза Мак-Кея блеснули холодно и зло. На этот раз ему не вырваться из хватки закона. Бегство означало верную смерть. И Брео это знал. Да, он оказался в ловушке, которую сам же соорудил. Конечно, если Брео догадался, кто он такой... А Брео несомненно догадался. Оставалось только одно — драться.

Мак-Кей сходил в первую комнату за своим тюком и одеялами. Он не смотрел на Брео, но знал, что прищуренные глаза полицейского следят за каждым его движением. Лампа в первой комнате продолжала гореть, но когда Роджер расстелил одеяла в новой спальне, он задул свою лампочку. Потом бесшумно проковырял дырку в снежной перегородке. Прежде чем проткнуть указательным пальцем оставшуюся ледяную корочку, он выждал десять минут. Прильнув глазом к отверстию, он увидел Брео. Хорек, сидя на своей постели, наклонился к Портеру, который спал возле него. Он потрогал Портера за плечо.

Веселый Роджер расширил дырочку еще на дюйм и напряг слух. Тэвиш и его дочь продолжали спокойно спать. Портер приподнялся, но Брео предостерегающе сжал его руку и кивнул в сторону второй комнаты. Портер понял и промолчал. Брео наклонился к самому его уху и что-то тихо зашептал. До Мак-Кея доносилось только невнятное бормотание. Однако он ясно разглядел, как Портер переменялся в лице. Глаза молодого человека расширились, он взглянул в сторону внутренней комнаты и протянул руку, намереваясь разбудить Тэвиша и девушку.

Однако Хорек остановил его:

— Не торопитесь. Пусть себе спят.

Только эти слова и расслышал Мак-Кей. Портер и Брео продолжали шептаться. На красивом лице Портера было то же радостное возбуждение, что и на смуглой физиономии Брео. Веселый Роджер продолжал наблюдать за ними, пока Брео не погасил лампу. Тогда он бесшумно залепил дырку снегом и ощупью нашел в темноте голову Питера.

— Они думают, что мы у них в руках, дружок,— прошептал он.— Вот что они думают.

Около часа Веселый Роджер и Питер пролежали не шевелясь. Но они не спали. Когда миновал этот час, Веселый Роджер подполз на четвереньках к дверному отверстию и прислушался. В соседней комнате все четверо дышали спокойно и ровно. Тогда он принялся ощупывать внешние стены, пока не обнаружил сыпучего снега.

— Это-то нам и нужно,— шепнул он не отходившему от него Питеру.— Мы проведем их, дружок. А придется — будем драться.

Он принялся ввинчиваться головой, плечами, торсом в мягкий снег. Постепенно он буравил себе выход, раскачиваясь, чтобы утрамбовать снег по бокам нового отверстия; он уходил в сугроб все глубже, проделывая круглый тоннель фута в два в поперечнике. Через час он добрался до внешней корки с наветренной стороны сугроба. Корку эту, толстую, как зеркальное стекло, он ломать не стал, а несколько минут пролежал, отдыхая и прислушиваясь к свисту ветра снаружи. В узкой норе было тепло и уютно, и Веселый Роджер начал задремывать. С усилием открыв глаза, он выбрался назад в свою комнату. Замаскировав вход в тоннель снежными комьями, он завернулся в одеяло и спокойно уснул.

Теперь в тихой глубине сугроба бодрствовал только Питер. И Питер разбудил Веселого Роджера в час, когда за низкими тучами начинала заниматься заря. Мак-Кей почувствовал, как Питер завожился, и открыл глаза. В его комнатке брезжил какой-то свет, и он привстал. За снежной стенкой снова горела лампа. Оттуда доносились шорохи и тихий неясный шепот. Мак-Кей выковырял затычку из дырочки и, расширив ее, опять приник к ней.

Брео и Тэвиш спали, но Портер сидел на своем одеяле, а рядом с ним примостилась девушка. Волосы ее теперь не были уложены в узел и рассыпались по плечам. Широко открытые глаза были устремлены на отверстие, соединявшее комнаты. Мак-Кею было видно, что ее рука лежит на локте Портера. Тот что-то шептал ей, наклонившись к ней так близко, что его губы касались ее волос, и хотя Веселый Роджер не мог расслышать ни слова, он знал, почему глаза Портера блестят так возбужденно: молодой полицейский рассказывал Джозефине Тэвиш, кем оказался их спаситель. Он увидел, как она вдруг нахмурилась, услышал ее возмущенный шепот, но Портер прижал палец к губам девушки и кивнул в сторону ее спящего отца. Потом его рука легла на ее плечи, и Мак-Кей увидел, как их губы слились в долгом поцелуе. Затем девушка быстро отодвинулась и вновь легла рядом с отцом. Портер закутал ее в одеяло и улегся на своей постели возле Брео.

Веселый Роджер догадывался, что произошло. Девушка проснулась и, испугавшись темноты, разбудила Портера, чтобы он зажег лампу. Портер воспользовался

этим случаем, чтобы сообщить ей об интересном открытии Брео и чтобы поцеловать ее. Мак-Кей поглаживал жесткую шерсть на загривке Питера и прислушивался. Воя метели не было слышно, и он подумал, что буран, вероятно, стихает.

То и дело он заглядывал в дырочку. Примерно через полчаса после того, как Портер вновь уснул, он увидел, что Джозефина Тэвиш не спит. Она сидела на своей постели. Потом тихонько встала на колени и наконец поднялась на ноги. Наклонившись над Портером и Брео, девушка убедилась, что не разбудила их, и прокралась к отверстию, ведущему в его комнату.

Роджер быстро растянулся на своем одеяле, прижав к себе Питера.

— Тихо, дружок, тихо! — шепнул он.

Светлое пятно отверстия исчезло — девушка стояла там, прислушиваясь, спит ли он. Роджер принялся похрапывать, но, закрывая глаза, успел заметить, что Джозефина Тэвиш идет прямо к нему. Вот она нагнулась над ним. По его лицу и рукам скользнули мягкие пряди волос. Девушка тихо опустилась на колени, поглаживая Питера, и осторожно дернула Роджера за плечо.

— Веселый Роджер! — позвала она шепотом. — Веселый Роджер Мак-Кей.

Он открыл глаза и увидел прямо над собой ее лицо.

— А? — спросил он еле слышно. — Что случилось, мисс Тэвиш?

Она прерывисто вздохнула и судорожно сжала его плечо. Наклонившись почти к самому его лицу, она прошептала чуть слышно:

— Вы... вы не спите?

— Нет.

— Ну, так слушайте: если вы Веселый Роджер Мак-Кей, то уходите, скорее уходите. Когда проснется Брео, вы должны быть уже далеко. По-моему, вьюга улеглась... ветра совсем не слышно... Ведь если утро застанет вас здесь...

Она отпустила его плечо. Веселый Роджер нащупал в полумраке ее руку, и она ответила ему крепким дружеским пожатием.

— Я бесконечно благодарна вам за то, что вы сделали, — прошептала она. — Но закон... и Брео... беспощадны.

Джозефина исчезла так же быстро и бесшумно, как вошла. Мак-Кей следил за ней в дырочку, пока девушка снова не улеглась рядом с отцом.

Он притянул Питера поближе.

— Опять нам придется бежать, Хромуля! — шепнул он. — Попробуем рискнуть.

Мак-Кей быстро и бесшумно взялся за дело. Через четверть часа его вещи были упакованы, а вход в тоннель открыт. Тогда он прошел в соседнюю комнату, где Джозефина Тэвиш лежала, широко открыв глаза. Она приподнялась, и Веселый Роджер знаками показал ей, о чем он хотел бы ее попросить. Можно ему взять кое-что из их багажа? Она кивнула. Он порылся в тюке, а когда выпрямился, девушка с изумлением уставилась на пачку старых газет в его руке — ее отец вез их торговцу в Форт-Черчилль. Но его жадный и виноватый взгляд объяснил ей все, и она улыбнулась ему, беззвучно шепча слова благодарности. Возле двери Веселый Роджер оглянулся. И тут Джозефина показалась ему настоящей красавицей — такой свет был в ее глазах, когда она вся потянулась к нему, словно желая ободрить его перед трудной дорогой. Внезапно она прижала ладонь к губам и послала Веселому Роджеру прощальный благодарный поцелуй.

Когда мгновение спустя Мак-Кей полз по тоннелю, слыша позади дыхание Питера, его сердце радостно пело. Ему опять пришлось бежать от представителей власти, но ему помогла, ему желала счастья благородная девушка.

Веселый Роджер проломил ледяную корку в конце тоннеля и выбрался в тундру, над которой занимался хмурый зимний день. Небо было затянуто тяжелыми тучами, но ветер стих. На несколько часов наступило затишье, ознаменовавшее начало второго дня Черного бурана.

Взвесив все их шансы на спасение, Мак-Кей негромко засмеялся.

— Вьюга скоро опять заплывет, Хромуля, — сказал он. — Лучше всего нам будет свернуть на юг, к лесу, благо до него здесь миль двенадцать.

Он обогнул сугроб и зашагал вперед по прямой линии от первого отверстия, которое он выкопал в сугробе. А из комнаты, выкопанной разбойником, который спас

им жизнь, Джозефина Тэвиш смотрела вслед серым силуэтам человека и собаки, пока они не слились с серо-белой землей и серо-белым небом зимней тундры.

ГЛАВА XV

Пробиваясь на юг сквозь метель, Мак-Кей прошел миль двадцать на юг от большого сугроба в сердце тундры. Сутки он переждал буран в низкорослом ельнике, который окаймляет безлесные равнины, простирающиеся до Ледовитого океана. Он был уверен, что тут ему ничто не грозит: ветер и снег сразу же заматали его следы. На второй день он отправился к своей хижине, выбирая кратчайшее направление. Буран по-прежнему свирепствовал над тундрой, но среди деревьев его сила уменьшалась. Мак-Кей не сомневался, что стоит метели утихнуть, и полицейский патруль легко разыщет его хижину. Портер и Тэвиш его не беспокоили. Но он знал, что от Брео ему не уйти. Уж Брео учует его хижину! А поэтому он хотел побывать в ней раньше, опередив полицейских.

На вторую ночь он никак не мог уснуть. Его рассудком овладело какое-то лихорадочное безумие: мысли беспорядочно метались, словно сказочный волк-оборотень, рыщущий в поисках добычи. Они не слушались его и не давали ему спать, хотя он изнемогал от усталости. Он вспоминал последние годы своей жизни, вспоминал, сколько раз ему удавалось спастись от полиции и как теперь он едва не попал к ней в руки. Воображение, точно безжалостный следователь, показывало ему, что сеть стягивается все туже и что в следующий раз ему уже не спастись. А потом, точно смягчившись, оно вдруг перенесло его на зеленый луг под синим небом у Гребня Крэгга — к Нейде.

Теперь это казалось сном. Неужели все это действительно было? Спокойные месяцы на границе населенных мест, где он встретил Нейду и она полюбила его, а когда он признался ей, что он разбойник и скрывается от полиции, захотела разделить с ним его жизнь. Он закрыл глаза и перенесся в последний грозовой вечер, который провел у Гребня Крэгга. Он вновь был в хижине старичка миссионера, за окном сверкали молнии, грохотал гром,

а он обнимал Нейду, чувствовал прикосновение ее губ, смотрел в глаза, полные отчаяния и мольбы. Пстом он увидел, что она, скорчившись, лежит возле стула, и спутанные волосы скрывают от него ее побелевшее лицо — такой он увидел ее в ту последнюю минуту, когда в нерешительности оглянулся, перед тем как распахнуть дверь и скрыться в бурном мраке ночи.

Мак-Кей со стоном вскочил на ноги, отгоняя видения, и подбросил хвороста в костер. Он крикнул Питеру то, что уже столько раз говорил и ему и себе:

— Если бы мы взяли ее с собой, Хромуля, это было бы убийство! Хуже убийства!

Он оглянулся на вихри снега, крутящиеся в свете его костра, и прислушался к плачу ветра среди деревьев. За кругом света во все стороны уходила пелена снега. Мороз достигал сорока градусов. И Мак-Кей тоскливо обрадовался, что сейчас с ним нет Нейды.

Он плотнее закутался в одеяло, уставился на огонь и начал мечтать о несбыточном. Среди языков пламени возникло лицо Нейды — призрачное, очень юное, почти детское лицо, но в ее глазах светилась вся сила ее любви. Веселый Роджер замороженно смотрел на огонь, и ему уже чудилось, что его мечты претворяются в действительность: Нейда была рядом с ним, ее глаза говорили ему о любви, мужестве и верности. Он обнимал ее, чувствовал ласковое прикосновение ее волос и губ, тепло ее рук, обвивающих его шею. Он даже слышал, как бьется ее сердце, но тут посреди костра вдруг возникло лицо Желтой Птицы. Он увидел большие глаза индианки, она что-то говорила ему. Пламя вилось у ее кос, ее губы двигались, а потом она исчезла, но медленно, словно вознеслась вместе с дымом костра к черному небу.

Питер услышал крик своего хозяина. Веселый Роджер вскочил, сбросил одеяла и принялся расхаживать взад и вперед, пока не протоптал в снегу глубокую тропинку. Он понимал, что это сонный бред, что было бы безумием в него поверить — и все-таки верил, потому что хотел верить. Потому что неизбывное отчаяние вновь сменилось исчезающей было надеждой. Черный хаос в его душе рассеялся. В конце концов он присел на корточки и зажал в ладонях колючую морду Питера.

— Хромуля, ведь она говорила, что все кончится хорошо! — воскликнул он совсем другим голосом. — Жел-

тая Птица это говорила, верно? В старые времена се сожгли бы, как колдунью, потому что она говорит, будто может послать свой дух куда захочет и видеть то, чего другие люди не видят. Пусть это не так, а мы с тобой все равно будем в это верить.— Он рассмеялся.— Будем верить, что они обе побывали здесь сегодня,— продолжал он.— И Нейда, и Желтая Птица. Я верю, потому что во всем этом есть свой смысл!

Веселый Роджер выпрямился, и Питер увидел на губах хозяина знакомую улыбку, когда тот, запрокинув голову, стал смотреть на снежные вихри, проносящиеся над темным пологом еловых ветвей. Завывание бури уже не казалось Мак-Кею зловещим и насмешливым — теперь ему чудились в нем ободряющие голоса, которые требовали, чтобы он не отступал от принятого решения.

И он сказал, широко раскинув руки:

— Питер, мы пойдем назад, к Нейде!

Наступил рассвет, но вокруг ничего не переменилось. Только темнота стала не такой густой. Глаз теперь различал закутанные в иней стволы, а в сумтной сумятице в вышине вырисовывались острые верхушки елей.

Когда Веселый Роджер отправился дальше к своей хижине, в нем кипело волнение, согревавшее его и разгонявшее усталость после бессонной ночи. Ему казалось, что вьюга начинает стихать и в воздухе потеплело, однако над безжизненной равниной ветер по-прежнему с ревом гнал снежные смерчи, а термометр показывал сорок один градус ниже нуля. Но Веселому Роджеру чудилось, что полный колючей ледяной пыли воздух уже не обжигает так, как прежде, и там, где вчера он видел только кривые приземистые елки, засыпанные снегом, теперь в белесом свете дня вновь возникал пейзаж, исполненный дикой сумрачной красоты, и не хватало только солнца, чтобы все вокруг оделось невообразимым великолепием. Однако солнце так и не показалось. Впрочем, Мак-Кей этого не заметил: его мысли были заняты Нейдой и планами возвращения к ней, домой.

— Вот именно домой! — сказал он Питеру, который трусил за ним по лыжне.— Отсюда до Гребня Крэгга тысяча миль — тысяча миль снега, льда и бог знает чего еще. Но мы доедем туда.

Теперь Веселый Роджер твердо знал, что он будет делать. Ему казалось, что он выздоровел от тяжелой бо-

лезни. Он натворил глупостей. Ему давно следовало спокойно обдумать свое положение. Да, конечно, у Гребня Крэгга, на границе цивилизованных мест, его может ждать петля, но ведь мрачная тень виселицы всюду следует за ним по пятам. Он всегда убегает от кого-то, будь то Кассиди, Брео, Тэвиш или еще кто-нибудь, облаченный в красный мундир королевской северо-западной конной полиции. И так будет до самого конца. А когда этот конец настанет, когда они все-таки схватят его, то будет лучше, если это случится у Гребня Крэгга, а не здесь, у края Голых Земель.

А кроме того, оставалась безотчетная, нелепая надежда, что вместе с Нейдой он все-таки сумеет отыскать тот таинственный, безопасный и счастливый приют, тот Далекий Край, о котором говорила Желтая Птица, обещая, что там «все кончится хорошо». Мак-Кей не был по-настоящему суеверен и в глубине души относился к колдовству Желтой Птицы весьма скептически, но сейчас он цеплялся за ее слова, как утопающий цепляется за соломинку. Он черпал энергию в этой надежде и наперекор рассудку верил Желтой Птице. Он убеждал себя, что многие ее предсказания уже сбылись. Разве не Желтая Птица предупредила его в ту душную ночь о приближении Кассиди? И, наверное, ее добрым духам он обязан тем чудом, которое произошло у ручья Хромого Лося! И они же предсказали то, что случилось в тундре. Ну, а в таком случае почему бы не предположить, что и все остальное тоже сбудется?

Впрочем, Мак-Кей предпочитал меньше думать на эти темы. Его гнало вперед одно желание, заслоняющее все остальное,— он хотел вновь увидеть Нейду наяву, а не во сне, вновь обнять ее, поцеловать, как в былые дни, почувствовать легкое прикосновение ее волос к лицу и вновь услышать от нее клятву в вечной любви, которую она дала ему в тот далекий вечер в хижине миссионера. Ну, а потом... его не очень тревожило, что будет потом. Пусть приходит Хорек-Брео, или Портер, или кто-нибудь еще в красном мундире конной полиции, которая неумолимо преследует его. Если игра кончится так, он будет доволен.

Когда Веселый Роджер сделал привал, чтобы вскипятить чаю и съесть чего-нибудь горячего, он попытался растолковать Питеру эту новую цель своей жизни.

— Самое главное — благополучно добраться туда... — начал он, а в голове у него роились планы.

И Мак-Кей, завтракая разогретой лепешкой с куском жирной грудинки, продолжал объяснять Питеру, на что он теперь надеется. Веселый и уверенный тон хозяина пробуждал в Питере радостное волнение. Этот тон сулил всякие приключения, и баки Питера грозно топорщились, глаза блестели, а хвост бодро стучал по снегу.

Веселый Роджер даже тихонько засмеялся.

— Сейчас февраль, — сказал он. — К концу марта мы будем там. У Гребня Крэгга, Хромуля!

И они пошли дальше, торопясь добраться до хижины прежде, чем в четыре часа дня ночной мрак окутает их толстым одеялом. Веселым Роджером вдруг овладело странное ощущение: он по-новому осознал, как бесконечно пустынен окружающий мир. словно повязка спала с его глаз, и он постиг истину: все утратило для него значение, кроме Нейды. Только для нее он жил. Ведь там, далеко-далеко, она простирала к нему руки и умоляла его беречь себя. Единственный человек в мире, которому он нужен! Ему вспомнилась одна из потрепанных книжечек, лежавших в его заплечном мешке, — в ней рассказывалось о Жанне д'Арк. И он подумал, что в синеглазой девушке, которую он оставил у Гребня Крэгга, живет тот же великий дух и несокрушимая верность, которые вели французскую героиню.

— И я иду к ней. Иду!

Это последнее слово он произнес вслух, почти прокричал в знак того, что их ничто не остановит. И Питер залаял в ответ.

Но как они ни торопились, темнота застигла их еще в пути. Когда начало смеркаться, метель заметно утихла — по-видимому, буран истощил свои силы. Веселый Роджер понимал, что это означает. Утром небо прояснится, и Хорек-Брео вместе с Портером и Тэвишем покинет гостеприимный сугроб.

Весь его опыт и знание лесной жизни Севера подгоняли его. Как ни странно, он всем сердцем желал, чтобы вьюга продолжала бушевать. Ему надо было успеть кое-что сделать, пока она еще длится. И каждый раз, когда затишье кончалось и над тундрой снова принимался свистеть и завывать ветер, а вершины елок — скрипеть и гнутья, сго это радовало. В сгущающемся мраке они вы-

шли к невысокому длинному холму, который тянулся наискось через открытую тундру к лесу, где стояла их хижина. Они добрались до нее через час. Веселый Роджер открыл дверь и, пошатываясь, перешагнул порог. На мгновение он прислонился к стене, вдыхая чуть более теплый воздух. Дышал он с присвистом и вдруг с удивлением заметил, что совсем измучен. Он услышал, как Питер тяжело упал на пол.

— Устал, Хромуля?,

Он с трудом заставил разомкнуться свои потрескавшиеся губы.

Питер в ответ постучал хвостом по половицам. Этот стук совпал с одним из тех затиший, которые внушали Веселому Роджеру такую тревогу.

— Еще бы два часа метели,— пробормотал он, облизывая губы.— А не то...

Он стянул рукавицы и нащупал спички, думая о Брео. Он боялся только его. Если буран уже кончился, Хорек, конечно, отыщет хижину и его след.

Мак-Кей зажег жестяную лампу на столе и, вспомнив, что экономия ему больше ни к чему, поставил в дальних углах хижины по свече из медвежьего сала. Небольшая комнатка была теперь ярко освещена. Но свет не озарил ничего особенно интересного — стол, сколоченный им самим, стул, старую железную печурку да одеяло на нарах, которым он накрыл остальное свое имущество. За печкой лежали сухие дрова, и через пять минут рев пламени в жестяной трубе присоединился к вою ветра, опять поднявшегося снаружи.

Не обращая внимания на усталость, Веселый Роджер хлопотал у стола и печки. Едва в комнате потеплело, он сбросил верхнюю одежду и начал готовить настоящий пир.

— Будем считать, что сейчас рождество, Хромуля, и поставим на стол всё, что у нас есть. И съедим всю банку маринованных слив, вместо того чтобы взять всего шесть штук. Сегодня мы можем ни в чем себе не отказывать!

Даже Питер был поражен бездумной расточительностью хозяина. Через час они пообедали, и Мак-Кей завершил трапезу двумя кружками горячего кофе. Он почувствовал себя отдохнувшим и откинулся на стуле, позволяя себе еще несколько минут покурить трубку. Питер, объевшийся мяса карибу, растянулся на полу, думая

вздремнуть. Но ему не спалось. Он никак не мог понять, что происходит с его хозяином. Тот вдруг встал, надел тяжелую доху и шапку, а трубку сунул в карман. Потом всунул руки в ремни заплочного мешка, вскинул его на спину и, к вящему недоумению Питера, вылил полбутыли керосина на сухие дрова позади раскаленной печки и поднес к ним зажженную спичку. Питер растерянно твякнул: одним пинком хозяин опрокинул печурку на пол!

Полчаса спустя, когда Питер и Веселый Роджер у вершины холма оглянулись назад, над угрюмым хаосом северной пустыни, которую они покидали, поднимался огненный столб. Со стороны тундры налетал бешеный ветер, бросая им в глаза колючую снежную пыль. И все-таки Веселый Роджер продолжал смотреть.

— Хорошо горит! — пробормотал он в меховой воротник. — Через полчаса все выгорит дотла. И если ветер продержится еще два часа, Брео тут ничего не найдет — ни хижины, ни следов, одни сугробы.

Мак-Кей зашагал вниз по склону холма. Он шел прямо на юг, придерживаясь открытой тундры, где снежные вихри сразу же заносили след его лыж. Теперь темнота его не тревожила. Перед ним простирались просторы тундры, но чуть западнее начинался лес. Два раза Мак-Кей сбивался с пути и выходил к опушке ельника, но тут же возвращался в тундру, следя за тем, чтобы ветер дул ему точно в спину. Он не знал, сколько времени шел так. Потом принялся отсчитывать шаги, отмеряя полмили, милю... И опять начинал считать, пока наконец ему не стало казаться, что на какие-нибудь пятьсот шагов он тратит нисомверно много времени и усилий. В ноге точно заныл зуб: это было предвестие лыжной судороги. Мак-Кей ухмыльнулся окружающему мраку. Он знал, что это означает — предупреждение такое же грозное, как первая судорога, сводящая ногу пловца. Если он попробует идти дальше, то скоро ему придется ползти на четвереньках.

Он быстро повернул к лесу. По его расчетам, с той минуты, когда он поджег хижину, прошло около трех часов. Через полчаса (теперь он продвигался медленнее, стараясь шагать не столь размашисто) он добрался до опушки. Удача и здесь его не покинула, о чем он немедленно сообщил Питеру: они оказались в густом ельнике. Мак-Кей снял лыжи, которые здесь только мешали, и углубил-

ся в чашу. Там было гораздо теплее, а ветер не проникал сюда вовсе.

Веселый Роджер развязал заплечный мешок и вытащил из него сухой смолистый сук, который захватил из хижины. От первой же спички сук запылал, как факел, и осветил их убежище на десяток шагов. Мак-Кей набрал валежника и срубил елку — брошенная в костер, она будет тлеть до утра. Когда факел догорел, костер уже был разведен. Веселый Роджер разгреб снег и, завернувшись в одеяло, залез вместе с Питером в глубину большой кучи лапника, которую он навалил на толстый ковер опавшей хвои.

Елка всю ночь потихоньку горела. В тундре еще долго завывал ветер. Но потом он утих, и мир охватило великое безмолвие. Ни одно живое существо не осмелилось выбраться из своего убежища в первые часы после прекращения бурана. Небо постепенно прояснялось. Между тучами кое-где замелькали звезды. Но Веселый Роджер и Питер, спавшие мертвым сном, ничего не знали об этих переменах.

ГЛАВА XVI

Прошло много часов, и наконец Питер разбудил Роджера — сначала он обнюхал еще тлеющие угли костра, а потом встревожился и потыкался носом в лицо хозяина. Мак-Кей сел, сбросив с себя лапник, и увидел, что верхушки елей освещены солнцем. Он протер глаза и посмотрел еще раз. Потом достал часы — было десять часов утра. Он взглянул в сторону тундры и увидел, что она ослепительно сверкает в солнечных лучах. Веселый Роджер уже давно не видел настоящего солнца, и они с Питером побежали к краю тундры, до которого было шагов сто. Веселому Роджеру захотелось кричать во весь голос. Белая равнина перед ним до самого горизонта сияла нестерпимым блеском, а небо над ней было таким же чистым и синим, как над Гребнем Крэгга.

Мак-Кей вернулся к костру, распевая. И Питер вдруг вспомнил то далекое время, когда его хозяин часто так распевал. Это было в хижине индейца Тома, где за ручьем виднелся Гребень Крэгга, — до того, как Теренс Касиди вынудил их искать другое убежище, в те счастливые

дни, когда к ним приходила Нейда и они отправлялись на свидания с ней у Гребня, когда серая мышка-мать счастливо жила со своими мышатами в коробке на их полке. Питер совсем забыл то время, но теперь вдруг все вспомнил. Его хозяин опять стал прежним Веселым Роджером.

В это тихое ясное утро песня Мак-Кея разносилась на милое вокруг. Но он больше ничего не боялся. Как выюга словно обновила мир, так солнце рассеяло уныние в его душе. Оно обещало счастье. Удача была на его стороне. Жизнь была на его стороне. Природа, которую он так любил, снова раскрывала ему свои объятия, и он пел так, словно от Нейды его отделяла всего лишь миля, а не тысяча миль.

Когда после завтрака они снова тронулись в путь, Веселый Роджер расхохотался при мысли о том, как Брео ищет его след, уничтоженный ветром, снегом и огнем. Это было не по силам никакому человеку, даже Хорьку.

Весь первый день их пути на юг солнце сияло в небе с восхода и до заката. Ни единое облачко ни разу не омрачило его блеска. И настолько потеплело, что Веселый Роджер отбросил меховой капюшон и поднял уши своей шапки. А ночью в небе загорелись мириады звезд.

После этих первых суток надежды Веселого Роджера и его собаки переросли в неколебимую уверенность. Питер знал, что они идут на юг, куда ему всегда хотелось вернуться, и каждый вечер у костра Мак-Кей отмечал карандашом на листке бумаги, сколько они прошли за день и сколько еще им остается пройти. Он уже ни в чем не сомневался. Он и не думал о том, что у Гребня Крэга что-нибудь могло перемениться: Джед Хокинс был убит, а Нейда осталась у старичка миссионера, которому он ее поручил. И он беззаботно предвкушал радость их встречи. Единственной угрозой был Брео и другие ищейки закона. Но если он их перехитрит, то увидится с Нейдой.

Они неуклонно шли на юго-запад, пока не добрались до Телона, а отсюда в метель и лютые морозы направились через дикие леса, не нанесенные ни на одну карту, к замерзшим речкам озера Дубонт. За первые три недели они только один раз приблизились к человеческому жилью — Веселый Роджер свернул к небольшому индейскому стойбищу купить мяса карибу и мокасины для Питера. Потом на пути к озеру Годс они дважды останавливались в хижинах трапперов.

В начале марта они добрались до бассейна Потерянного озера; теперь до Гребня Крэга оставалось триста миль.

И вот там Питер учуял под мягким снежком мерзлые куски оленьего мяса — отравленную приманку для волков, которую разбросал Буало, траппер-француз. Веселый Роджер уже разложил костер и начал разогревать олений жир, собираясь испечь лепешку, когда к нему подполз Питер, волоча задние ноги, уже парализованные действием стрихнина. В одно мгновение Мак-Кей влил весь теплый растопленный жир в горло Питеру и, поспешно разогрев новую порцию, закатил ему и вторую дозу, так что в конце концов Питер срыгнул отравленное мясо.

Полчаса спустя Буало, который мирно обедал у себя в хижине, удивленно вскочил на ноги: дверь без стука распахнулась и порог перешагнул незнакомец с бледным, перекошенным лицом, держа на руках безжизненное тело собаки.

И долго после этого тень смерти витала над охотничьей хижинкой французца. Для Буало, хотя он горячо сочувствовал собрату-трапперу и жалел, что из-за его приманки случилась такая беда, Питер тем не менее был «всего-навсего собакой». Но когда он увидел, как дрожат широкие плечи незнакомца, склонившегося над парализованным псом, и услышал, какого горя исполнены бессвязные слова, срывающиеся с побелевших губ, он почувствовал даже некоторый страх. Питер лежал как мертвый, и Веселый Роджер вдруг обхватил руками его неподвижное тело и, прижав лицо к жестким кудряшкам на шее, начал просить его открыть глаза, не умирать. Буало перекрестился, ощупал Питера и принялся растолковывать Мак-Кею, что собака жива, что ее сердце бьется ровно и сильно, а паралич, вызванный ядом, как будто начинает проходить. Мак-Кей посмотрел на французца, как на чудотворца. Он выпустил Питера из объятий, отодвинулся и, стоя на коленях возле нар, молча наблюдал, как Буало, заняв его место, вливает Питеру в горло теплое консервированное молоко. Вскоре глаза Питера открылись, и он глубоко вздохнул.

Буало оглянулся и пожал плечами.

— Он хорошо дышит, мосье... Яд уже перестал действовать. Ваша собака не умрет.

Мак-Кей ошеломленно поднялся на ноги. Он пошат-

нул и тут только почувствовал, что лицо у него мокро от слез. Из его груди вырвался смех, похожий на рыдание, он отошел к окну и уставился, ничего не видя, на белый лес за окном. Он не раз встречался со смертью лицом к лицу, но никогда еще ее присутствие не навредило на него такого ужаса, как в этот час, когда она совсем близко подступила к Питеру, верному товарищу его скитаний.

Когда он отвернулся от окна, Буало уже укутал Питера в одеяло и укрыл его медвежьей шкурой. Но прошло много дней, прежде чем Питер совсем оправился от изнурительной болезни, которую вызвало у него отравление.

Весна рано пришла на Север в этом году. К югу от Оленьего озера снег начал сходить во второй половине марта, а в первую неделю апреля на реках уже таял лед. Дули юго-западные ветры, и Буало повторял, что такой гсплыни в это время года тут еще никогда не бывало. К концу первой недели апреля Питер совсем окреп, и Мак-Кей снова отправился в путь.

Часть зимнего снаряжения он оставил в хижине Буало и теперь путешествовал налегке, рассчитывая добраться до Гребня Крэгга прежде, чем новорожденная «луна гусиного перелета» пойдет на ущерб. Однако Питер в первые дни быстро уставал, и пока краснота по ободку его глаз не исчезла совсем, Веселый Роджер вынужден был умерять свое нетерпение, так что «луна гусиных перелетов» уже сменилась майской «лягушачьей луной», когда они наконец спустились по последнему склону Водораздела и оказались среди лесов и озер Южной Канады.

Роджер был так рад, что ему уже казалось, будто не беда, а милость судьбы задержала его в пути для того, чтобы он вернулся «домой» в самый разгар весны. Всюду вокруг слышалась таинственная музыка обновления и пробуждения жизни. Ею дышали и небо, и солнце, и благоуханная земля, по которой ступали его ноги, и одетые первой зеленой дымкой деревья, и щебет птиц, вернувшихся с юга. Его приятельницы сойки снова кричали хрипло и весело, ссорясь и хвастая в теплых солнечных лучах; над полянами мелькал черный атлас вороньих крыльев; дятлы, сорокопуты и ореховки летали взад и вперед, хлопотливо занимаясь устройством гнезд; куропатки пировали, склевывая набухшие тополиные почки,

а в золотой час заката он услышал песню первой малиновки.

И до Гребня Крэгга оставался один день пути!

Эту последнюю ночь Веселый Роджер просидел у костра, куря трубку и лишь изредка задремывая. Чуть только небо начало сереть, он уже отправился в путь, шагая так быстро, что Питер, против обыкновения, бежал не впереди него, а сбоку, и еще задолго до полудня они увидели впереди горную грядку, за которой лежало болото индейца Тома, луга Нейды и Гребень Крэгга.

В полдень Веселый Роджер вышел к перевалу. Он тяжело дышал, потому что ему не терпелось поскорее увидеть знакомые места и он взбирался по обрывистому склону почти бегом. Но вот, еле переводя дух, он устремил жадный взгляд на знакомую долину и не сразу понял, что означает открывшийся перед ним вид. А в следующую минуту сердце оборвалось у него в груди.

У его ног всюду, насколько хватал глаз — на восток, на запад и на юг, — простиралась черная пустыня пожара. Огонь добрался до подножия гряды, на гребне которой стоял Веселый Роджер, и там, где он бушевал, нельзя было заметить ни единого признака весны, развернувшей свое величие у него за спиной.

Мак-Кей посмотрел туда, где стояла хижина индейца Тома. На месте лесного болота виднелись теперь только тысячи черных пней и обугленных стволов, оставшихся от дремучей чащи елей, кедров и сосен, где по ночам выли волки.

Он искал глазами лес ниже по течению Быстрого ручья, где прежде стояла хижина старичка миссионера и где в своих мечтах он встречал Нейду. Но вместо этого леса он увидел черный, унылый пустырь.

Тогда он перевел взгляд на Гребень Крэгга и увидел встающие из-за его лысой бесплодной вершины обугленные стволы — знаки гибели и опустошения, уродующие весеннюю синеву небес.

У него вырвался крик, полный отчаяния и ужаса, — сбылось пророчество Желтой Птицы! На этот раз он вспомнил, как она говорила, что у Гребня Крэгга его ждет только чернота и что там он не найдет Нейды. В его ушах словно звучал музыкальный голос индианки, вновь и вновь повторяющий эти слова.

Застонав, Мак-Кей как безумный сбежал в долину и,

не выбирая пути, торопливо зашагал напрямик через завалы и груды золы. Питер с трудом поспевал за ним. Через полчаса они добрались до того места, где стояла хижина миссионера, и увидели пепелище, на котором валялись черные головни. От тропы не осталось и следа. Прежний райский уголок исчез, погубленный пожаром, мрачное клеймо которого неизгладимо легло на землю.

Питер услышал всхлипывающие звуки в горле своего хозяина. Он и сам понимал, что случилась какая-то беда; он осторожно нюхал воздух, зная, что они вернулись домой, — и все-таки это был не дом! Он инстинктивно поглядел на Гребень Крэгга, и Веселый Роджер, заметив, что Питер пристально смотрит на расселину, за которой стояла хижина Джеда Хокинса, внезапно воспрянул духом. Возможно, пожар туда не добрался, и, значит, Нейда там, а может быть, и отец Джон...

Мак-Кей пошел к расселине. До нее было около мили, и с каждым шагом его надежда угасала, так как он видел вокруг все больше свидетельств того, какой огненный океан захлестывал склоны Гребня. Они пересекли луг, где когда-то в молодом ельнике цвели фиалки и алела земляника. Когда они спустились в неглубокую ложбину, Питер вновь услышал всхлипывающий звук и вдруг узнал это место: прежде здесь была полянка, где они с хозяином встречали Нейду. И тут Питер, забыв про хозяина и про осторожность, опрометью бросился к расселине, разделявшей Гребень Крэгга пополам.

Веселый Роджер тоже побежал, и когда расселина осталась позади, ноги у него подкашивались от нечеловеческого напряжения и страха. Задохнувшись, он вскрикнул от радости и прислонился к скале. Впереди расстилалась та же черная пустыня, что и позади, но хижина Джеда Хокинса уцелела! Огонь подкрался к самому ее порогу и погас!

Мак-Кей пошел к прежнему жилищу Нейды и у закрытой двери увидел Питера: пес стоял неподвижно, словно чем-то встревоженный. Веселый Роджер толкнул дверь, и в лицо ему пахнуло сыростью. Хижина была пуста. Ее наполнял могильный сумрак.

Мак-Кей заставил себя переступить порог. Топоча лапками, кинулась в щель тощая лесная крыса, зашелетели обрывки бумаги, и все погрузилось в безмолвие смерти. Дверь комнатухи, где спала Нейда, была от-

крыта, и он прошел туда. Его взгляд упал на голые доски кровати — больше ничего в комнате не было.

Веселый Роджер бродил по хижине точно оглушенный, а Питер бесшумно следовал за своим хозяином. Они вышли наружу, и Веселый Роджер вдруг увидел, что в отдалении над пустыней пожараща что-то угрюмо торчит. Это был крест, наспех сколоченный из двух молодых деревьев, — пламя обуглило их, но крест остался стоять, черный и зловещий.

Он медленно сжал кулаки: под этим крестом покоились останки Джеда Хокинса, гнусного негодяя, погубившего его жизнь.

Мак-Кей вернулся в хижину и вошел в комнату Нейды, затворив за собой дверь. Питер остался снаружи сторожить и очень долго просидел на крыльце, не слыша в хижине ни единого звука.

Когда хозяин вышел к нему, его лицо было бледно и сурово. Веселый Роджер посмотрел в ту сторону, где прежде темнел лес, через который он бежал в грозовую ночь к хижине Муни. Теперь леса не было и в помине, но тропа сохранилась, и Мак-Кей узнал тот поворот, где лежал навзничь мертвый Джек Хокинс. Еще полмили — и они вышли к железной дороге. По-видимому, здесь пожар достигал наибольшей силы — в черных далях, освещенных заходящим солнцем, не было заметно не только признаков жизни, но и ни одного уцелевшего деревца.

И вдруг Веселого Роджера охватил страх, который был ужаснее отчаяния, терзавшего его до этой минуты. Вокруг него простиралось черное кладбище — пожар пожрал тут все. А что, если Нейде и миссионеру не удалось спастись? Этот страх стал еще сильнее, когда солнце зашло и на землю опустилась темнота, принося с собой сырой холод и тяжелый запах гари.

На обратном пути к хижине Мак-Кей не разговаривал с Питером. В первой комнате на подоконнике стояла лампа, а за плитой лежали дрова. Веселый Роджер молча затопил плиту, подрезал фитиль в лампе и зажег ее. А Питер, точно испугавшись призраков минувшего, забился в угол и лежал там без движения. Мак-Кей не стал ужинать и не закурил; он долго сидел не шевелясь, потом взял одеяла, прошел в комнатку Нейды и расстелил их на кровати. Он задул лампу и улегся, глядя в окно, через которое на Нейду столько ночей смотрела луна.

Эта ночь тоже была лунной. Небо на востоке посветлело, а вскоре из-за зубчатого отрога выглянула луна, озарив унылое пожарище и залив комнату мягким сиянием. Небо было ясным, и ни единое облачко не заслоняло круглый диск полной луны, которая, казалось, улыбалась в окошко, не зная, что Нейды тут больше нет и она напрасно освещает голые стены. Веселый Роджер вдруг понял, почему Нейда любила луну больше солнца. Лунные лучи отгораживали ее от всего мира, и Роджеру почудилось, что он видит тоненькую фигурку сидящей на постели девушки, слышит стук ее сердца, различает ее лицо и тонкие руки, простертые к луне. Сколько раз Нейда рассказывала ему о том, как она здоровается с ночным светилом и ищет взглядом улыбающееся лицо Лунного Человека, ее небесного друга, товарища ее игр!

На мгновение Роджеру стало легче, но тут луна, словно заметив чужого в этой маленькой комнате, скрылась за облако, и все вокруг потемнело. Однако облако пронеслось, и вдруг Веселый Роджер увидел Лунного Человека. Никогда еще он не видел его так ясно, хотя Нейда не раз с очаровательной наивной верой рассказывала ему, как она дружит с Лунным Человеком, и объясняла, какие разные выражения бывают у его лица: иногда он выглядит больным, а иногда — здоровым; порой он счастливо улыбается, а порой смотрит грустно и сурово, мучимый каким-то таинственным горем, о котором она ничего не знает.

«Стоит мне посмотреть на Лунного Человека, и я всегда знаю, будет ли у меня легко на сердце или тяжело,— говорила она.— Он не забудет сказать мне об этом, даже если небо затянуто тучами и ему редко-редко удастся выглянуть в щелочку. И он очень много знает про вас, мистер Веселый Роджер, потому что я ведь ему обо всем рассказываю».

Мак-Кей осторожно встал с кровати и вышел в соседнюю комнату, а оттуда на крыльцо, и Питер с недоумением смотрел на фигуру своего хозяина, темную и неподвижную, как обгорелые стволы кругом, и даже взглянул на небо, стараясь понять, что увидел там Веселый Роджер. Но там не было ничего нового — все это он уже видел сотни раз: бесчисленные звезды, плывущую между ними царицу-луну, прозрачные, похожие на паутину,

облачка и безмолвие — великое тихое безмолвие, точно сладкий сон, когда морда лежит на коленях у хозяина.

Потом Питер услышал, как Веселый Роджер негромко сказал:

— Вот видишь, Желтая Птица говорила правду. Она ведь предупреждала, что тут все будет черно. Так оно и есть. И значит, мы разыщем Нейду там, где она обещала, — в Далеком Краю, в стране, которая лежит за лесами и болотами, там, где мы никогда не бывали, хотя и прошли немало тысяч миль по диким просторам. Там люди по воскресеньям сидят в душных церквах, и они будут смеяться над нами, Хромуля, потому что мы на них не похожи. Там мы разыщем Нейду. Отсюда ее прогнал пожар, и она ждет нас теперь в каком-нибудь поселке.

Он говорил твердо и убежденно, и тоскливое выражение исчезло с его лица, повернутого к светлому небу.

Потом он добавил:

— Сегодня мы не будем спать, Питер. Мы пойдем дальше вместе с луной.

Полчаса спустя две одинокие фигуры — человека и собаки — исчезли в направлении ближайшего поселка, до которого было миль пятнадцать. Луна смотрела им вслед и как будто одобрительно улыбалась.

ГЛАВА XVII

Из хижины Мак-Кей сначала пошел к большому утесу неподалеку от расселины, и Питер услышал, как с губ его хозяина сорвался смех, который не был смехом. Но он не поднял курчавую морду, а только тихонько заскулил. Он никак не мог понять, что, собственно, произошло и почему прежний дом так неузнаваемо изменился. Весь день, весь вечер и с тех пор, как взошла луна, он пытался разобраться в этом. Он знал, что вернулся в родные места, но тут не было зеленой травы, а бесчисленные деревья превратились в обугленные пни. Вырубку уже не окружали дремучие леса. А там, где они с Нейдой бегали наперегонки среди цветов, Гребень Крэга был теперь совсем голым, и от опаленной земли тянуло тяжелым

мертвым запахом. Все это по-своему, по-собачьи он еще мог осмыслить, но одно оставалось совершенно непонятным: почему в хижине не было Нейды, почему она не ждала их здесь, хотя мир и переменялся.

Он сел, и Веселый Роджер снова услышал тоскливое поскуливание. В этом собачьем горе человек нашел некоторое утешение: было существо, которое разделяло с ним его отчаяние. И он ласково потрепал своего товарища рукой, почерневшей от сажи.

— Питер, вот с этого утеса, с этого самого места, на котором мы теперь стоим, я в первый раз увидел ее. Давно это было,— сказал он, стараясь придать бодрость охрипшему голосу.— А помнишь ельник вон там? Ты сидел у нее на коленях, маленький такой несмышлениш, запутался лапами в ее волосах и так сердито ворчал, что я тебя услышал еще издали. И тут я наступил на сучок, а она оглянулась, и я опять подумал, какая она красавица — совсем еще девочка, глаза как синие цветы, волосы блестят на солнце, а на щеках следы слез. Она плакала, Хромуля, из-за этого негодяя, который лежит вон там под крестом. Помнишь, как ты затыкал на меня, когда я подошел к вам, Питер?

Питер завилял хвостом.

— То было началом,— сказал Роджер.— А это, кажется, конец. Но... — Он сжал кулаки, и его тень на скале гневно метнулась.— Но мы найдем ее, прежде чем наступит конец,— продолжал он вызывающе.— Мы найдем ее, Хромуля, даже если нам придется искать по поселкам прямо на глазах у полиции.

Он зашагал по каменистому склону, и стук его сапог гулко отдавался в окружающей мертвенной тишине. Мак-Кей снова пошел по тропе, которая вела к хижине Муни за извилистой железнодорожной линией, уходившей от Форт-Уильяма на восемьдесят миль в леса. Эта железнодорожная линия называлась «П. Д. В.»—«Порт Артур—Дулут—Вестерн». Но путь так и не был доведен до Дулута, и некоторые остряки расшифровывали эти буквы так: «Путаница, Дикость, Воровство». Не раз Веселый Роджер смеялся над всякими нелепостями, о которых рассказывала ему Нейда. Например, с поездом, проходившим здесь лишь два раза в неделю, всегда ездила ремонтная бригада; летом и осенью машинист и кондукторы собирали ягоды по лесам и ставили капканы, а как-то даже

затравили медведя и гнались за ним чуть ли не до самого озера Уайтфиш, а поезд тем временем стоял посреди чистого поля и ждал. Поезд она прозвала Пушечным ядром, потому что он однажды прошел за сутки шестьдесят девять миль. Но когда в эту ночь Веселый Роджер в сопровождении Питера выбрался на железнодорожное полотно, ему не хотелось смеяться. Узкая темная насыпь, словно горестная строка из трагедии, уходила во мрак, теряясь в жутком море черноты.

Снова человек и собака остановились, вспоминая о том, что здесь было прежде. Питер опять заскулил, и что-то толкало его залаять на луну, как он часто лаял на нее, смеша Нейду, в дни, когда был еще беззаботным щенком.

Но хозяин пошел дальше, и Питер покорно поплелся зади, ступая по неровным шпалам. Кругом тянулся черный хаос, а над головой простиралось озаренное луной небо, и во всем был оттенок какой-то жуткой нереальности. Серебро и золото лунных лучей не могло осветить черного пепелища, и хотя в вышине путники ясно видели даже самые легкие облачка и самые далекие звезды, вокруг них там, где прежде шумели полные жизни леса, была мрачная пустота. Только две стальные полосы поблескивали в лунном сиянии да обугленные стволы угрюмо рисовались на фоне звездного неба.

Питер страдал не из-за того, что ничего не видел вокруг — его угнетало и мучило отсутствие знакомых звуков и запахов. И, весь насторожившись, он ждал, что вот-вот случится какая-то беда. Много ночей он бежал вот так рядом с хозяином во время их бесконечных скитаний, и бывало, что луна и звезды не светили совсем, так что они находили дорогу ощупью. Но всегда внизу, вокруг и наверху он чувствовал присутствие жизни. А вот в эту ночь жизни не было нигде — он не ощущал ее запаха, не слышал зова ночных птиц, шелеста совиных крыльев, плеска уток, крика гагар. Он напрасно напрягал слух, надеясь услышать хруст валежника и шепот ветра в ветвях. Его чуткий нос не улавливал ни мускусного запаха норки, ни резкой вони лисицы, ни чуть заметного запаха куропатки, кролика или толстого дикобраза. И ниоткуда не доносилось никаких звуков — ни волчьего воя, ни дробного постукивания тяжелых рогов лося о молодые деревца, ни даже лая собаки какого-нибудь траппера.

Земля молчала, и в ее молчании было что-то жуткое. Питеру даже казалось, что страшное и невидимое существо старается приглушить шаги его хозяина. Мак-Кей, который тоже замечал все, что так смущало Питера, в отличие от него, понимал причину гнетущей тишины, и его постепенно охватывал страх. Полное отсутствие какой-либо жизни вокруг показывало, насколько опустошительн был пожар. Ведь ни люди, ни животные не вернулись сюда, хотя пожар, судя по всему, случился еще прошлой осенью, около полугода назад. Сожженный край превратился в могилу, и глубокая кладбищенская тишина показывала, что пепелище простирается на многие мили.

И с этой мыслью пришла ужасная догадка, что в подобном огненном море неминуемо должно было погибнуть много людей. Ведь огонь обрушивался на них с внезапностью приливной волны, пронеслся по лесам с быстротой призового скакуна, и только это узенькое железно-дорожное полотно было ненадежной спасительной нитью. Во многих местах люди могли избежать гибели только чудом. А в смолистых хвойных лесах, среди которых жила Нейда, пожар, конечно, бушевал с наибольшей силой. И, борясь с ледяным ужасом, сковывавшим его сердце, Мак-Кей вспомнил про седого старичка миссионера, отца Джона, в хижине которого укрылась Нейда в ту далекую грозовую ночь, когда Джед Хокинс лежал мертвый на тропе, уставя единственный невидящий глаз в темное небо, раздираемое вспышками молний. Отец Джон тогда обещал ему позаботиться о Нейде, и теперь Мак-Кей твердил себе, что миссионер, конечно, сумел спасти ее от огненной смерти, которая накатывалась на них, как лавина. Он говорил себе, что иначе быть не может. Он даже выкрикнул эти слова, и Питер, услышав его голос, подбежал и ткнулся мордой в ногу хозяина.

По страх не исчез. Наоборот, он все больше терзал Веселого Роджера. Мак-Кею дважды в его жизни довелось бежать наперегонки со смертью во время лесного пожара. Но те пожары не шли ни в какое сравнение с этим. Веселому Роджеру вдруг показалось, что он слышит рев огня, что корчащаяся в пламени земля содрогается у него под ногами, что над головой у него, рассыпая искры, проносятся горящие головни, а все вокруг затянуто смрадным дымом. Всего несколько часов назад он видел место, где прежде стояла хижина отца Джона—

и там и вокруг были только уголь и зола. Что, если огонь застал их врасплох и им некуда было бежать?..

Он крикнул, не находя сил смириться с неизбежным:

— Этого не может быть, Питер! Не может! Они добрались до железной дороги... или до озера... и мы найдем их в каком-нибудь поселке.

Он остановился и взглянул в лунный сумрак слева. То, что он там увидел, заставило его спуститься с насыпи, под которой тянулась канава, наполовину заполненная жидкой черной грязью. Это были остатки хижины заготовщика шпал — куча обгоревших бревен, разметенная ветром зола. Даже здесь, у самой железнодорожной насыпи, огонь пожрал все.

Мак-Кей опять перебрался через канаву, утонув по колено в грязи, и пошел дальше. Он напрягал все душевные и физические силы, чтобы отогнать от себя безумие. Вновь и вновь он повторял вслух, что Нейда и миссионер спаслись, что он отыщет их в одном из поселков. Про

полицию он и не вспоминал. Какая разница, что случится с ним? Лишь бы ему удалось найти Нейду, убедиться, что она жива, прежде чем его настигнет погоня или он попадет в засаду. Тем не менее он сознавал, что ему следует соблюдать осторожность, хотя он и готов был рисковать чем угодно, только бы увидеть Нейду.

Они шли по путям около часа, а луна, заходившая на западе, словно обернулась, чтобы еще раз посмотреть на них. Позади них, когда они оглядывались, зияла черная бездна, а впереди, там, куда падали лунные лучи, маячили смутные тени и даже можно было что-то рассмотреть. Дважды они замечали за мертвыми стволами серебряный блеск озер и около мили шли вдоль речки, слушая ее дружелюбное журчание. Но даже и здесь, где вода готовилась приветствовать жизнь, жизни не было и следа.

Прошел еще час, и Веселый Роджер с бьющимся сердцем все упорнее напрягал зрение, стараясь рассмотреть, что кроется в сумраке перед ними. До ближайшего поселка оставалось около мили—до поселка с лесопильней, окруженной плоскими горами опилок, с аккуратными деревянными домиками и лавкой, где лес подступал к самым дверям. Конечно же, обитатели поселка отстояли его от огня, и там он найдет Нейду с миссионером. Ведь отец Джон часто посещал этот поселок румяных голубоглазых финнов-переселенцев.

Но они шли и шли, а лая собак по-прежнему не было слышно, и ни один огонек не разрывал непроницаемую стену мрака. Вот наконец они миновали поворот и мост над узенькой речкой. Мак-Кей знал, что отсюда он мог бы добросить камень до первого дома поселка. Минуту спустя он окаменел на месте, ахнув от ужаса: поселка не было. На фоне лунного неба не вырисовывалось ни единого дома, ни единого живого дерева. Там, где стояла лавка и маленькая церковь, выкрашенная белой краской, глаз не различал ничего, кроме все той же смутной тьмы.

Веселый Роджер опять спустился с насыпи и долго стоял прислушиваясь, так что Питер боялся пошевелиться. Затем, приставив руки рупором ко рту, Веселый Роджер громко закричал, и Питер испуганно вздрогнул. Но на крик не отозвался никто—только глухое эхо прокатилось во мраке. От поселка не осталось и следа. Даже горы опилок огонь сровнял с землей.

Веселый Роджер вновь поднялся на насыпь и зашагал дальше, хрипло и тяжело дыша. Здесь побывала смерть — смерть внезапная и беспощадная. И если такая судьба постигла финский поселок, если эти сильные женщины и еще более сильные мужчины не смогли отстоять от огня свои дома, то что же могло произойти в хижине, где жили старичок миссионер и Нейда?

Мак-Кей забыл, что рядом бежит Питер. Он думал только об одном: найти хоть одного живого человека. То и дело он пускался бегом и замедлял шаг лишь для того, чтобы немного отдышаться и прислушаться. И вот во время одной из таких передышек Питер первым расслышал живой звук: откуда-то издалека доносился собачий лай.

Через полмили они увидели темный силуэт хижины, вокруг которой не вставали вопросительные знаки обгорелых стволов. В окнах не светило ни единого огонька, но из-за хижины снова донесся собачий лай, и Веселый Роджер бросился туда. Под его подошвами теперь не шуршала зола, и он понял, что наткнулся на первый оазис жизни в этой спаленной пустыне. Он забарабанил кулаками по двери и вскоре услышал, как заскрипела кровать под тяжелым мужским телом, а потом раздался женский голос. Мак-Кей постучал еще раз, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Заскрипел засов, дверь открылась, и Веселый Роджер увидел перед собой мужчину в ночной рубашке, с грубым насупленным лицом и жесткой бородой. В руке он держал лампу.

— Прошу прощения, что разбудил вас,— сказал Веселый Роджер,— но я всю зиму провел на севере и вот вернулся к друзьям, а тут, кроме гари, ничего нет. Вы первый, кого я могу о них спросить.

— А где они жили-то? — пробурчал бородач.

— У Гребня Крэга.

— Господи боже ты мой! — донесся из глубины комнаты голос женщины.

— У Гребня Крэга было самое пекло, да еще поздней ночью,— объяснил мужчина.

Веселый Роджер уцепился за косяк, чтобы устоять на ногах.

— Так, значит...

— Там мало кто спасся,— пробурчал бородач, словно желая поскорее избавиться от непрошеного гостя и снова

лечь спать.— Если это вы про Муни, так он сгорел. И Робсон, и швед Джейк, и вся семья Адамсов — никто живым оттуда не выбрался...

— Нет-нет,— перебил Веселый Роджер, в чьем сердце надежда боролась с отчаянием,— я хотел узнать у вас про отца Джона, миссионера, и про Нейду Хокинс... которая жила у него... а может быть, у своей приемной матери в хижине Хокинса.

Мужчина покачал головой и привернул фитиль лампы.

— Ни про девушку, ни про старую ведьму, ее мамашу, я ничего не знаю,— ответил он.— А вот миссионер — так он спасся и ушел куда-то в поселки.

— Один или с девушкой?

— Никакой девушки с ним не было,— опять донесся женский голос, и кровать заскрипела так, что Питер насторожил уши.— Отец Джон побывал у нас на второй день, как пожар кончился, и сказал, что хоронит мертвых. Нейды Хокинс с ним не было. И он не говорил, кто погиб, а кто спасся, да только...

Муж повернулся к ней, и она умолкла.

— Что вы знаете? — спросил Веселый Роджер, переступая порог.

— Знать-то я не знаю,— ответила женщина,— а только думаю, что она не спаслась. Ведь старуха, жена Хокинса, попала в огонь, когда бежала к озеру.

Бородач взялся за дверь, явно собираясь ее захлопнуть.

— Ради бога, погодите,— умоляюще сказал Веселый Роджер, упираясь в дверь плечом.— Ведь кто-то же спасся с Гребня Крэга и из окрестностей?

— Половина, а то и меньше,— ответил бородач.— Я же вам говорю, что там было настоящее пекло. И хуже всего то, что огонь добрался туда в глухую ночь. А двигался он побыстрее курьерского поезда. У нас здесь расчищено двадцать акров и хижина стоит в самой середине, а все-таки мне бороду опалило, а ей волосы. И руки мы себе пообожгли. А свиньи все от жара передохли. Может, хотите заночевать здесь, приятель?

— Нет, я пойду дальше,— сказал Роджер, леденев от ужаса.— А далеко еще до конца гари?

— Миль с десять будет. Пожар там и начался, ветер дул со стороны следующего поселка.

Роджер попятился, дверь затворилась. Когда они поднялись на насыпь, он увидел, что свет уже погас, а вскоре и лай собаки замер далеко позади. Теперь Мак-Кей ощущал невероятную усталость. Надежда больше не поддерживала его, и начинало сказываться утомление двух бессонных ночей: он шел медленно, все чаще спотыкаясь о неровные шпалы. Однако он упорно гнал от себя мысль, что Нейда умерла; он так часто повторял: «Не может быть, не может быть», что эти слова звучали в его ушах, словно припев какой-то песни. А перед его глазами маячило бледное, худое лицо миссионера, который поклялся заботиться о Нейде и заходил в хижину бородатого поселенца один!

Они шли еще два часа и наконец добрались до леса, не пострадавшего от огня. Веселый Роджер расстелил одеяло под густой елью, и там они дождались рассвета. Питер растянулся на земле во всю длину и уснул, но Веселый Роджер долго сидел, прислонясь к стволу, и только когда небо начало бледнеть, ненадолго забылся в беспокойной дремоте. Его разбудило щебетание проснувшихся птиц, и он умылся в холодной воде ручья поблизости. Питер недоумевал: хозяин не развел костра, не покормил его!

Они ночевали неподалеку от поселка и пришли туда на заре. Во всех домах еще спали, и только из одной трубы в ясное утреннее небо подымался дымок. Дверь этой хижины распахнулась, на крыльцо вышел молодой человек, зевнул, потянулся и посмотрел вверх, прикидывая, какой обещает быть погода. Затем он направился в бревенчатую конюшню, и Веселый Роджер пошел за ним туда. В отличие от бородача, молодой человек приветствовал его дружеской улыбкой.

— Доброе утро! — сказал он. — Раненько же вы поднялись...

Тут он заметил сажу на одежде и сапогах Веселого Роджера и землистую бледность его лица.

— Вы только что пришли сюда? — спросил он сочувственно. — Оттуда?

— Да, оттуда. Я давно не был в этих местах и пытаюсь узнать, удалось ли спастись моим друзьям. Вы знаете отца Джона, миссионера, который жил у Гребня Крэгга?

Молодой человек кивнул.

— Знаю,— ответил он.— Он хоронил моего брата три года назад. Если вы ищете его, так он жив и здоров. Через неделю после пожара он перебрался в Форт-Уильям— а было это в сентябре, восемь месяцев назад.

— А с ним не было девушки, Нейды Хокинс? — спросил Веселый Роджер, стараясь не выдать волнения, с каким он ожидал ответа.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, он был один. Он ночевал у меня по пути в Форт-Уильям и ничего не говорил про девушку, которую звали бы Нейда Хокинс.

— А о других он говорил?

— Он был очень измучен и совсем убит случившимся несчастьем. По-моему, он вообще никого не упоминал.

Тут молодой человек заметил, что лицо Веселого Роджера посерело еще больше, и увидел отчаяние, которое тому не удалось скрыть.

— Но через наш поселок прошло немало девушек, спасшихся от пожара. И с родными и поодиночке,— сказал он ободряюще.— А как выглядела Нейда Хокинс?

— Она была совсем девочка. Я ее так и называл,— ответил Веселый Роджер холодным, мертвым голосом.— Ей восемнадцать лет, она очень красивая. У нее синие глаза и каштановые волосы, которые вьются и всегда падают ей на лоб. Вы бы ее не забыли, если бы увидели хоть один раз.

Молодой человек ласково положил руку на плечо Мак-Кея.

— Здесь она не проходила,— сказал он.— Но, может быть, вы найдете ее где-нибудь еще. Не хотите ли позавтракать со мной? У меня ночует один человек. Он идет как раз в те края, откуда вы сейчас пришли. Он кого-то разыскивает и, может, узнает от вас что-нибудь полезное. Он думает побывать у Гребня Крэгга.

— У Гребня Крэгга? — повторил Веселый Роджер.— А как его зовут?

— Брео,— ответил молодой человек.— Сержант Брео из королевской северо-западной конной полиции.

Веселый Роджер отвернулся и погладил шею лошади, которая терпеливо ждала утренней порции овса. Но когда его ладонь легла на шелковистую шерсть, он ничего не почувствовал. Сердце его налилось свинцом, и он ответил не сразу. Потом он сказал:

— Большое спасибо, но я уже позавтракал, а сейчас я иду в леса на северо-запад, к Рейни-ривер. И лучше не говорите этому Брео про меня, а то он подумает, что я хотел от него что-то утаить. Но... Если вы любили своего умершего брата... вы поймете, что мне сейчас тяжело разговаривать с чужими людьми.

Молодой человек опять дружески положил ему руку на плечо.

— Я все понимаю,— сказал он,— и от души надеюсь, что вам удастся ее отыскать.

Они молча пожали друг другу руки, и Веселый Роджер поспешил уйти подальше от хижины, над трубой которой курился первый дымок.

Три дня спустя в городок Форт-Уильям пришел человек с собакой, который искал спасшихся от пожара миссионера, некоего отца Джона, и молодую красивую девушку по имени Нейда Хокинс. Он зашел сперва в старинную миссию, под защитой крепких стен которой еще в прошлом веке торговцы выменивали меха у индейских охотников. Отец Августин, глубокий старец, беседовавший с неизвестным, после его ухода сказал, что тот, наверное, болен, а может быть, даже и помешан.

И действительно, Веселого Роджера томило такое отчаяние, что оно граничило с безумием. Он уже не верил, что Нейде удалось спастись от огня, хотя и не нашел никаких прямых доказательств ее смерти. Впрочем, последнее не имело большого значения, так как во время сентябрьского пожара многие пропали без вести и, хотя был уже май, о их судьбе никто ничего не знал. Зато он всюду слышал, что отцу Джону удалось спастись, что его видели здесь, и видели одного.

Отец Августин, кроме того, сказал ему, что в сентябре отец Джон провел несколько дней у них в миссии, намереваясь затем отправиться на север, куда-то к озеру Пошкокаган.

Питеру и его хозяину нельзя было мешкать в Форт-Уильяме. Веселый Роджер Мак-Кей не сомневался, что Брео уже напал на их след и идет по нему с кровавым упорством хорька — недаром же он получил такую кличку. Поэтому Мак-Кей пополнил свои запасы в маленькой лавчонке, рассчитывая, что Брео не сразу дога-

дается наводить здесь о нем справки, и отправился через лес на север, к Пошкокагану. Он думал, что через пять-шесть дней найдет отца Джона и узнает от него всю правду, какой бы страшной она ни была.

Тягостное отчаяние хозяина сказалось и на Питере. Он не понимал слов, но чувствовал, что случилась непоправимая беда, и теперь в его повадках появилось что-то волчье, и он утратил прежнюю веселость. Его зрение и чутье были постоянно настороже, и он подозрительно прислушивался к малейшему шороху. А по ночам, когда они кончали ужинать возле крохотного костра, разведенного где-нибудь в глухой чаще, Питер дремал лишь вполглаза, готовый при малейшей тревоге вскочить на ноги.

После той ночи, когда они зашли в хижину бородатого поселенца, лицо Веселого Роджера осунулось и посерело. Не раз он обдумывал, как он поступит в ту неизбежную минуту, когда его наконец настигнет Брео, охотник за людьми. После того как он покинул Форт-Уильям, он принимал меры предосторожности больше по привычке, подчиняясь смутному инстинкту самосохранения, и встреча с Брео его теперь почти не пугала. Ему вовсе не хотелось оттягивать конец. Игра была долгой, интересной и захватывающей, но теперь он устал, и без Нейды будущее представлялось ему беспросветно унылым. Если она умерла, то и ему больше незачем жить. Эта мысль несла с собой какое-то странное успокоение, и он крепким узлом завязал ремешки своей кобуры. Когда Брео догонит его, этот узел яснее всяких слов скажет, что он сдается добровольно.

Мак-Кей и Питер шли по глухим дебрям к озеру Пошкокаган, а кругом ликовала и цвела прекрасная весна. От холодного дыхания зимы не осталось и помина, и теплое лето вступило в свои права на месяц раньше срока. Но Веселый Роджер впервые в жизни не замечал красоты обновленной земли. Первые цветы не радовали его, как бывало. Он больше не останавливался, чтобы полной грудью вдохнуть сладостный воздух, напоенный ароматом смолы. Он слушал птичье пение, но прежние струны не отзывались в его душе, и музыка разлившихся речек оставляла его холодным. В крике гагар ему чудился вопль неизбежного одиночества, а вокруг его глаза видели только безжизненную пустыню.

Так он в конце концов добрался до речки Бернтвуд,

впадающей в озеро Пошкокаган. И когда день начал клониться к вечеру, они с Питером слышали доносившийся из лесной чащи стук топора.

Они осторожно и бесшумно пошли на этот стук и вскоре у речной излучины посреди небольшой вырубki увидели хижину. Она была построена совсем недавно, и из трубы шел дым. Топор продолжал стучать немного в стороне, за еловой и березовой порослью. Мак-Кей и Питер свернули туда и почти сразу наткнулись на дровосека. Веселый Роджер вскрикнул — перед ним был отец Джон.

Несмотря на пережитую трагедию, седенький старичок словно помолодел с тех пор, как Веселый Роджер видел его в последний раз. Он уронил топор, и удивление на его лице сменилось радостью, когда он увидел, кто перед ним.

— Мак-Кей! — воскликнул он, протягивая руки. — Друг мой!

Он заметил, как переменился Веселый Роджер, заметил печать отчаяния на его лице, и радость в его взгляде сменилась сочувствием и жалостью. Их руки встретились в крепком пожатии, но они молчали — говорили только взгляды. Наконец миссионер сказал:

— Вы знаете? Вам кто-нибудь сказал?

— Нет, — ответил Веселый Роджер, опуская голову. — Мне никто не говорил. — Он думал о Нейде и о ее смерти.

Отец Джон крепче сжал его руку.

— Неисповедимы пути господни, — произнес он тихо. — Роджер, вы не убили Джедда Хокинса.

Веселый Роджер тупо смотрел на него, не зная, что сказать.

— Да, да, вы его не убивали, — повторил отец Джон. — В ту самую ночь, когда вы думали, что бросили его на тропе мертвым, он благополучно вернулся к себе домой. Но несколько дней спустя он, пьяный, отправился в скалы, оступился и разбился насмерть. Бедняжка его жена пожелала, чтобы его похоронили неподалеку от хижины...

Но Веселый Роджер думал не о Бре-Хорье и не о том, что виселица ему больше не грозит. Голос отца Джона доносился словно откуда-то издалека:

— Мы говорили про это всем, кто отправлялся на Север, надеясь, что в конце концов кто-нибудь найдет вас и вы вернетесь. И она ждала, ждала все дни и ночи...

Кто-то шел к ним от хижины — девичий голос звонко

пел песню. Лицо Мак-Кея стало серее, чем пепел костра.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Я думал... я думал, она погибла в пожаре.

Только теперь отец Джон понял, почему так изменился Веселый Роджер.

— Да нет же, она жива! — воскликнул он. — На другой день после пожара я отправил ее в эти места с проводником-индейцем напрямик через леса. А позже я оставил для вас письмо в комитете помощи погорельцам в Форт-Уильяме. Я думал, что вы первым делом зайдете туда.

— И вот только туда-то я и не зашел! — воскликнул Веселый Роджер.

Нейда остановилась на краю вырубке, потому что из чащи на звук ее голоса выскочил какой-то странный зверь: собака, курчавая, как эрдель, с лапами гончей и тощим мускулистым телом лесного волка. Питер прыгнул на нее, как прыгал, когда был щенком, и с губ Нейды сорвался рыдающий крик:

— Питер! Питер! Питер!..

Услышав этот крик, Веселый Роджер выпустил руку отца Джона и бросился к вырубке.

Нейда стояла на коленях, обнимая косматую голову Питера, и растерянно смотрела на березовую поросль: оттуда выбежал человек и вдруг замер, словно ослепленный лучами заходящего солнца. И, ощущая ту же непереносимую слабость, она выпустила Питера и протянула руки к серой фигуре на опушке. Ее душили слезы, она хотела что-то сказать и не могла произнести ни слова. Минуту спустя к вырубке подошел отец Джон и осторожно выглянул из-за куста шиповника; он увидел обнявшуюся пару, вокруг которой бешено прыгал Питер, достал носовой платок, вытер глаза и тихонько побрел за топором, который уронил возле свежей поленицы.

Голова Роджера гудела, и в течение нескольких минут он не слышал даже заливистого лая Питера, потому что весь мир слился в судорожные вздохи Нейды и тепло ее прикосновения. Он ничего не видел, кроме повернутого к нему лица и широко открытых глаз. Да и лицо Нейды он видел словно сквозь серебристый туман и словно во сне чувствовал ее руки на своей шее — сколько раз он видел такие сны у ночных костров далеко на Севере! Вдруг Нейда вскрикнула, и он очнулся.

— Роджер... ты сейчас... меня задушишь,— прошептала она, с трудом переводя дыхание, но сама не разжала рук.

Только тогда он сообразил, что причиняет ей боль, и немножко отодвинулся, не отводя глаз от ее лица.

Если бы в эту минуту он мог увидеть себя таким, каким увидел его отец Джон, когда он вышел из леса, каким видела его сейчас Нейда, то гордость, радость и мужество бесследно улетучились бы из его сердца. С тех пор как они с Питером вышли к Гребню Крэгга, он ни разу не брился, и теперь его щеки покрывала жесткая щетина, давно не стриженные волосы были взлохмачены, глаза налились кровью от долгой бессонницы и вечного гнетущего отчаяния.

Но Нейда ничего этого не замечала. А может быть, эти свидетельства тоски и горя казались ей прекрасными. Теперь перед Веселым Роджером стояла уже не прежняя маленькая девочка. Нейда повзрослела, очень повзрослела, как показалось Мак-Кею. Она выросла, а непослушные кудри были теперь уложены в прическу. Заметив эти перемены, Мак-Кей ощутил что-то вроде благоговейного ужаса. Да, перед ним была не маленькая девочка с Гребня Крэгга, а незнакомая красавица. Это чудо преображения свершилось всего за один год, и Роджер был испуган; наверное, Джед Хокинс не посмел бы ударить эту новую Нейду, и он боялся снова обнять ее.

Но в тот миг, когда его руки медленно разжались, он увидел то, что одно осталось прежним,— сияние ее глаз, смотревших на него с такой же любовью и доверием, как когда-то в хижине индейца Тома, когда пиратка миссис Кидд шуршала и пищала среди газет на полке, а Питер, весь перебинтованный, смотрел на них с нар, освещенных закатным солнцем. И пока он стоял в нерешительности, Нейда первая опять обняла его и положила голову ему на грудь, смеясь и плача, а подошедший отец Джон ласково погладил ее по плечу, улыбнулся Мак-Кею и побрел к хижине. Некоторое время после его ухода Веселый Роджер стоял, прижимая лицо к волосам Нейды, и оба молчали, слушая, как бьются рядом их сердца. Потом Нейда протянула руку и нежно погладила его по щетинистой щеке.

— Больше я не позволю вам убегать от меня, мистер Веселый Роджер,— сказала она, как говорила когда-то

маленькая Нейда, но теперь в ее голосе появилась новая решительность и уверенность.

И когда Мак-Кей поднял голову, он увидел вокруг озаренный солнцем мир, который всегда любил.

ГЛАВА XVIII

Все следующие дни Питер замечал, что в хижине на берегу Бернтвуда царит какое-то странное волнение. И даже ничего не происходило, но все равно было такое чувство, словно вот-вот что-то случится. На другой день после того, как они пришли на Бернтвуд, хозяин словно забыл о его существовании. Нейда, правда, замечала его, но и она как-то переменилась, а отец Джон усердно хлопотал по хозяйству вместе с индейцами — мужем и женой, которые жили у него. Бледное худое лицо миссионера освещала загадочная улыбка — она особенно дразнила любопытство Питера и заставляла его быть начеку. Непонятные поступки окружавших его людей приводили беднягу в полное недоумение. На третье утро Нейда не вышла из своей спальни, Веселый Роджер ушел в лес без завтрака, и отец Джон сидел за столом один, с ласковой улыбкой поглядывая на закрытую дверь комнаты Нейды. Даже Усимиска, Молодой Листок, чернокошая индианка, которая убирала дом, была какой-то странной, когда она входила к Нейде, а Мистус, ее муж, пытая и отдуваясь, натаскал полный дом еловых веток.

Веселый Роджер расхаживал по лесу один, неистово дымя трубкой. Его била нервная дрожь, и он не мог совладать со своим волнением. Он встал еще на заре, и с тех пор ему никак не удавалось взять себя в руки.

Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Но это была слабость и беспомощность неизмеримого счастья. Мечтая о встрече с Нейдой, он рисовал себе прежнюю девочку в рваном платье и худых башмаках, запуганную жестоким обращением приемного отца, — беззащитную маленькую девочку, которую он должен любой ценой охранять и оберегать от зла и бед. Ему и в голову не приходило, что за эти полгода, проведенные у отца Джона, «девочка, которой пошел восемнадцатый год», станет совсем взрослой.

Он пытался вспомнить, что именно говорил ей накануне вечером: что он остался разбойником, которого преследует закон, и так будет всегда, какую бы образцовую жизнь он ни начал вести теперь; что она находится на попечении отца Джона и ей не следует любить его — пусть она возьмет назад свою клятву, она будет гораздо счастливее, если просто забудет о тех днях у Гребня Крэгга.

«Ты же теперь совсем взрослая, — сказал он, подчеркивая последнее слово. — И самостоятельная. Я тебе больше не нужен».

А Нейда молча посмотрела на него, точно читая у него в душе, потом вдруг рассмеялась, тряхнула головой так, что волосы рассыпались по плечам, и повторила те самые слова, которые сказала ему давным-давно: «Без вас... я умру... мистер... Веселый Роджер», а потом повернулась и убежала в хижину. С той минуты он ее больше не видел.

И с той минуты его словно была лихорадка, и руки у него дрожали, когда он вынул часы и увидел, как быстро идет время.

А Питер в хижине прижимал нос к щели под дверью Нейды и слушал, как она ходит у себя в комнате, но двери она так и не открыла. Тут случилась новая загадочная вещь: Усимиска, ее муж и отец Джон убрали стены мохнатыми ветками, так что Питеру показалось, будто он опять попал на поляну в ельнике у Гребня Крэгга — тем более что пол они усыпали травой и цветами.

Отчаявшись понять, что все это означает, Питер улегся под крыльцом и грелся на теплом майском солнышке, пока хозяин не вернулся из леса. А потом началось и вовсе непонятное. Вслед за Веселым Роджером он вошел в хижину и увидел, что Мистус и Молодой Листок чинно сидят на стульях, а отец Джон стоит за маленьким столиком, на котором лежит раскрытая книга; он смотрел на часы, когда они входили, и ласково кивнул им. Тут Питер совершенно ясно разглядел, что его хозяин судорожно сглотнул, словно у него что-то застряло в горле. Его чисто выбритые щеки стали белыми как мел. Впервые в жизни Питер видел, чтобы его хозяин так боялся, и он тихонько зарычал из-под еловых веток, ожидая, что в открытой двери вот-вот появится страшный враг.

Отец Джон постучался в дверь Нейды.

Потом он возвратился к своему столику, а когда ручка двери медленно повернулась, его хозяин опять сглотнул и сделал шаг в ту сторону. Наконец дверь открылась, и они увидели Нейду. Веселый Роджер тихо ахнул — так тихо, что Питер еле-еле его услышал, — и протянул к ней руки.

Это была не та Нейда, которая встретила их на вырубке у хижины отца Джона, а прежняя Нейда — девушка с Гребня Крэга, та, с которой Веселый Роджер расстался в грозовую ночь. Ее волосы были распущены, как в те дни, когда она играла с Питером на лугах и среди скал, ее свадебный наряд был ветхим и выцветшим, потому что она надела старенькое платье, которое было на ней в ту страшную ночь, когда она послала Питера вслед за своим возлюбленным, а маленькие ножки были обуты в разбитые и изорванные башмаки, в которых она бежала за ним по лесной тропе. Отец Джон смотрел на нее с недоумением, но в глазах Веселого Роджера вспыхнула такая радость, что Нейда обняла его и поцеловала.

Потом, вся розовая, она встала рядом с Мак-Кеем перед отцом Джоном, который взял в руки открытую книгу, и, потупив глаза под длинными ресницами, вдруг перехватила растерянный взгляд Питера. Она тихонько поманила его пальцем и положила руку ему на голову. Отец Джон начал говорить, и Питер, задрав морду, внимательно слушал. Веселый Роджер смотрел прямо перед собой на еловую гирлянду на стене позади миссионера, но его голова была гордо поднята и страх исчез с его лица. А Нейда стояла совсем рядом с ним, так что ее голова касалась его плеча и ее пальчики сжимали его большой палец, как в ту счастливую ночь, когда они вместе шли по лугу у Гребня Крэга.

Питер так ничего и не понял, но вел себя чинно и достойно. Когда все это кончилось и отец Джон, поцеловав Нейду, тряс руку его хозяина, Питер оскалил зубы и чуть было не зарычал, потому что увидел, как Нейда беззвучно заплакала, точно в те далекие дни, когда он был маленьким щенком. Но теперь ее синие глаза были широко открыты и она не спускала их с Веселого Роджера, щеки разругались, а губы чуть-чуть вздрагивали. И вдруг вместе со слезами пришла улыбка, а Веселый Роджер отвернулся от отца Джона и обнял ее. Тогда Питер завилял хвостом и выбежал на залитую солнцем вы-

рубку, потому что там на пеньке сидела рыжая белка и насмешливо цокала.

Потом Нейда и его хозяин вышли из хижины и пошли через вырубку к молодой поросли, в которой они в день своего прихода слышали топор отца Джона.

Нейда села на поваленный ствол, и Мак-Кей сел рядом, не выпуская ее руки. Пока они шли по вырубке, он не сказал ни слова и, казалось, был не в силах разомкнуть губ и теперь.

Не спуская глаз с травы, зеленеющей у них под ногами, Нейда спросила очень тихо:

— Мистер... Веселый Роджер... вы рады?

— Да,— ответил он.

— Рады, что я теперь... ваша жена?

Мак-Кей вместо ответа глубоко вздохнул и, подняв голову, Нейда увидела, что он смотрит в бездонную синеву над вершинами елей.

— Что я ваша жена,— повторила она и потерлась щекой о его плечо.

— Да, я рад,— ответил он.— Так рад... что мне страшно.

— Ну, если вы рады, то поцелуйте меня еще раз.

Веселый Роджер притянул Нейду к себе, сжал ее лицо в ладонях и крепко поцеловал в губы. Когда он отпустил ее, она посмотрела на него глазами, полными счастья, а потом, отстранившись, сказала требовательно:

— Вы больше не будете убегать от меня?

— Нет!

— Значит, мне больше нечего желать в жизни,— продолжала Нейда, опять прильнув к нему.— Мне ведь, кроме вас, ничего не нужно!

Веселый Роджер ничего не ответил и только чувствовал, как тихо бьется ее сердце рядом с ним, и слушал звонкий птичий щебет. И оба были очень счастливы. Но тут Питер, которому стало скучно, неторопливо отправился исследовать солнечные глубины леса.

И, услышав эти осторожные, крадущиеся шаги, словно говорившие о том, что впереди его ждут опасности, Веселый Роджер переменился в лице. Ладонь Нейды ласково прижалась к его щеке.

— Вы меня очень любите?

— Больше жизни,— ответил он, следя за тем, как Питер принохивается к легкому южному ветерку.

Ее палец нежно коснулся его губ.

— И я буду с вами... всегда и повсюду?

— Да, всегда и повсюду.— Но его глаза смотрели на уходящий вдаль дремучий лес и видели худое безжалостное лицо человека, который шел по его следу. Лицо Брео-Хорька.

Он обнял Нейду и прижал ее головку к своей груди.

— Только бы ты никогда об этом не пожалела,— сказал он, по-прежнему глядя на лес.

— Нет-нет, я никогда не пожалею! — негромко воскликнула она.— Пусть нам придется скитаться без приюта, и голодать, и отбиваться от полиции... и умереть. Я ни о чем не пожалею, пока буду с вами!

Он молчал, прижимая губы к мягким каштановым волосам, и Нейда начала рассказывать ему то, что он уже слышал от отца Джона: как она бежала за ним по лесу в грозу, когда он ушел из хижины миссионера у Гребня Крэгга. А Веселый Роджер в свою очередь рассказал ей, как Питер разбудил его на рассвете и он нашел ее подарок, который спас его от отчаяния и безумия, и как на берегу Уолластона он отдал этот подарок на хранение Желтой Птице.

Они бродили по душистому весеннему лесу, и целый час Нейда расспрашивала его про Желтую Птицу и Солнечную Тучку. Так она постепенно узнала, что в детстве он называл Желтую Птицу доброй волшебницей, а когда вырос, стал ради нее преступником. Когда он кончил рассказывать, глаза Нейды блеснули и она часто дышала.

— Когда-нибудь мы побываем там вместе! — шепнула она.— Я так горжусь тобой, мой Роджер! И я уже люблю Желтую Птицу... и Солнечную Тучку тоже. Когда-нибудь мы навестим их, хорошо?

Веселый Роджер кивнул, и грызущий страх в его сердце исчез — так он был счастлив.

— Да, мы побываем там. Я видел такой сон, и он поддержал меня, когда мне грозила смерть...

Потом он рассказал ей про Кассиди, с которым он расстался на другом берегу Уолластона в хижине старого траппера и его внуки Жизели, где рыжий капрал конной полиции нашел свое счастье.

Время шло незаметно, и только под вечер они вернулись в хижину. Нейда опять заперлась у себя в комнате

и вышла, только когда свадебные яства, состряпанные Усмиской, уже стояли на столе.

И Веселый Роджер снова тихо ахнул, когда увидел ее,— так она преобразилась. Опять перед ним была новая, взрослая Нейда — от волос, красиво уложенных на голове, до изящных туфелек на маленьких ножках. Руки, когда-то покрытые синяками, были теперь белоснежными, и вся ее изящная красота настолько поразила Мак-Кея, что он только тупо смотрел на Нейду, пока она не подбежала к нему и не чмокнула его в щеку, так громко, что Питер наострил от неожиданности уши. Потом Нейда поцеловала отца Джона и принялась весело хозяйничать за свадебным столом.

И теперь она уже не смущалась, произнося его имя, много раз смело называла его Роджером, а дважды с застенчивым лукавством сказала даже «мой муж», и во время этого блаженного обеда Роджер Мак-Кей, закаленный невзгодами северный бродяга, не спускал полных обожания глаз со своей жены и не уставал дивиться своему счастью.

Но и в этот безмятежный час где-то в самом дальнем уголке его мозга пряталось тревожное воспоминание о Брео-Хорьке.

ГЛАВА XIX

Когда сгустились сумерки и в вышине высыпали звезды, он рассказал о своих опасениях отцу Джону.

Нейда кликнула Питера и ушла к себе, а отец Джон, обратив бледное лицо к бескрайнему великолепию небес, беззвучно шептал слова благодарственной молитвы, и вот тогда-то Веселый Роджер тихо положил руку на его плечо.

— Отец Джон,— сказал он,— какая прекрасная ночь!

— Ночь света и благодати,— ответил миссионер.— Взгляните на звезды. Они словно живые и, ликуя, ниспосылают вам свое благословение.

— И все же... мне страшно.

— Страшно?

Отец Джон взглянул на Мак-Кея и увидел, что его глаза устремлены куда-то за стену леса.

— Да, страшно — за нее.

И Мак-Кей коротко рассказал миссионеру о том, что произошло зимой в тундре, и о том, как он чуть было не попал в руки Брео, когда, вернувшись к Гребню Крэгга, искал там их с Нейдой.

— Он идет по моему следу,— закончил Веселый Роджер.— И, наверное, скоро доберется сюда.

Миссионер ласково положил руку на его локоть.

— Вы не убили Джеда Хокинса, сын мой, и это было главным утешением Нейды — и моим — все эти месяцы. Она думала о вас днем и ночью и верила, что вы снова увидите.

— Она мне дороже жизни — тысячи жизней, если бы они у меня были,— прошептал Мак-Кей.— Если что-нибудь случится... теперь...

— Да, если случится то, чего вы опасаетесь, что тогда? — спросил отец Джон проникновенным голосом.— Что произойдет, Роджер? Вы не убивали Джеда Хокинса. И если правосудие заставит вас заплатить за то, что оно считает нарушением закона, так ли уж велика будет цена?

— Тюрьма, отец Джон. Возможно, пять лет тюрьмы.

Миссионер негромко засмеялся и возвел глаза к сияющим звездам.

— Пять лет! — повторил он.— Сын мой, неужели пять лет большая плата за то сокровище, которые вы сегодня поклялись беречь и лелеять? Пять коротеньких лет, всего только пять. А она будет ждать вас, гордиться теми самыми вашими поступками, которые привели вас в тюрьму, и строить планы на те многие светлые годы, которые начнутся, когда кончатся эти пять коротеньких лет. Будет ждать, становясь все лучше и краше. Роджер, неужели это такая уж большая жертва, такая уж непомерная цена? Пять лет... а потом спокойствие, любовь, счастье навеки! Скажите сами, Роджер!

Мак-Кей попытался ответить, но его голос прервался:

— Но как же она, отец Джон...

— Да-да, я знаю, что вы хотите сказать,— мягко перебил его миссионер.— Я уговаривал ее, приводил те же доводы, какие привели бы и вы, Роджер. Я взывал к ее рассудительности. Я объяснял, что ваше возвращение грозит вам тюрьмой, и, по странному совпадению, я тоже назвал пять лет. Но она была упряма, Роджер, очень упряма и не хотела ничего слушать. И это она первая

задала те вопросы, которые я задавал вам сейчас. «Что такое пять лет?— спрашивала она, опровергая мою логику.— Что такое пять лет, десять, даже двадцать, если я буду знать, что потом мы будем вместе?» Да, она была очень упрямой, Роджер. Так велика ее любовь к вам.

Мак-Кей что-то пробормотал и умолк, глядя на звезды невидящими глазами.

— А после этого, после того, как я уступил ее упрямству, она стала строить планы, как мы — она и я — поселимся вблизи того места, где будет ваша тюрьма, и как каждый день вы будете получать от нее весточку — о ней и о вашем сыне...

— Сыне, отец Джон?

— Таковы были ее мечты, Роджер.

С придушенным криком Роджер закрыл лицо руками. Миссионер на мгновение умолк, а потом продолжал почти шепотом:

— Я много лет прожил в лесной глуши, Роджер, и мне открывались сердца многих людей. Но любовь Нейды — самое большое чудо, какое только мне довелось увидеть за всю мою жизнь. А ведь мне уже скоро будет семьдесят лет. Понимаешь ли ты это, сын мой? И разве не черпаешь ты в этом радость и бесстрашие?

Миссионер не стал дожидаться ответа, а медленно побрел к хижине, оставив Роджера наедине со звездами. И как прежде их сияние озаряло лицо отца Джона, так теперь оно озарило черты Мак-Кея, дышавшие глубокой решимостью. Ради Нейды, ради их будущего сына он не хотел приносить ту жертву, о которой говорил отец Джон. Но теперь, после разговора с миссионером, она уже не казалась такой страшной, как раньше. Теперь это была уже не трагедия, а только недолгая разлука — ведь они будут ждать его, Нейда и их сын... Вдруг он услышал шорох и, оглянувшись, увидел Нейду, которая в свете звезд показалась ему еще более стройной и прекрасной.

— Я сказал ему, — шепнул Нейде отец Джон, возвратившись в хижину. — И теперь мысль о тюрьме не будет его пугать — и из-за него самого и из-за вас.

И Нейда вышла к нему тихая и серьезная, а в ее улыбке, когда она протянула к нему руки, была новая зрелая мудрость и почти материнская нежность.

Роджер решился заговорить, только когда Нейда

прильнула к его плечу и он совсем близко увидел ее глаза под длинными ресницами.

— То, что сказал мне отец Джон... это правда? — спросил он.

— Правда,— прошептала она.

Ее пальцы прокрались к его щеке, а Роджер, которому было довольно одного этого слова, прижался губами к ее пушистым волосам, и в этой полной гармонии душ они слушали тихие шепоты ночи.

— Роджер...— сказала наконец Нейда.

— Что, моя Неева?

— А что это слово значит, Роджер?

— Оно значит «возлюбленная», «жена».

— Тогда оно мне нравится. Но больше всего мне нравится, когда ты говоришь...

— Моя жена.

— Да... Я чувствую себя такой счастливой, Роджер! Твоя... жена. Это лучшие в мире слова. Это... и еще...

Она спрятала лицо у него на груди.

— И еще слово «мать»,— закончил он.

— Да,— сказала Нейда дрожащим голосом.— Моя мама, Роджер... я ее не помню. Но она мне часто снилась. И я всегда тосковала по ней. Как, наверное, чудесно, когда у тебя есть мать!

— Но, наверное, еще чудеснее быть матерью, Нейда.

— Послушай! — перебила его Нейда.

— Это поет Усимиска.

— Любовную песню?

— Да, на языке индейцев кри.

Нейда подняла голову и посмотрела на него.

— С тех пор как мы поселились здесь, весь этот чудесный мир вокруг обещал мне песню, Роджер. И когда ты вернулся, он запел и теперь все время поет — каждый час дня и ночи. Ты когда-нибудь думал, Роджер, расстаться со всем этим, уйти в один из больших городов, о которых мне столько рассказывал отец Джон?

— А тебе этого хотелось бы, Нейда?

— Побывать там — да, но не жить. Я хочу всегда жить в лесах, Роджер, где мы познакомились с тобой.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его.

— Я хочу жить возле Желтой Птицы и Солнечной Тучки... Ну, пожалуйста... мистер Веселый Роджер! И отец Джон поедет с нами. И мы будем так счастливы

там все вместе: Желтая Птица, Солнечная Тучка, Жизель и я... Ай!

Роджер внезапно обнял ее так крепко, что она невольно вскрикнула.

— Но прежде нам, наверное, придется расстаться, Нейда. Правда, ненадолго. Что такое пять лет, когда перед нами вся жизнь? Ничего... И они пройдут быстро...

— Да, они пройдут быстро,— повторила Нейда так тихо, что он с трудом расслышал ее слова.

Но он ясно расслышал рыдание, которого она не сумела сдержать. Правда, она тотчас же попробовала улыбнуться, и Роджер, зная, что так ей будет легче, сделал вид, будто ничего не заметил.

Вст так, пока в хижине их терпеливо ждали отец Джон и Питер, Нейда с Роджером под звездным небом обдумывали свое будущее.

ГЛАВА XX

Воскресенье выдалось удивительно ясное и тихое. Над Бернтвудом поднялось золотое теплое солнце, звонко распевали птицы, и когда отец Джон вышел на заре из хижины, воздух показался ему необыкновенно душистым и свежим. Он очень любил эти ранние часы пробуждения природы, сонные шорохи еще сумрачного леса и особую тишину, в которой звуки разносятся удивительно далеко.

В это утро он услышал собачий лай, хотя собака была по крайней мере в миле от него, и Питер, который его сопровождал, немедленно поставил уши торчком. Миссионер не в первый раз замечал эту вечную готовность Питера встретить опасность, настороженность, с которой он то и дело нюхал воздух, и постоянную бдительность его глаз и ушей. Мак-Кей объяснил ему, почему Питер стал таким. Но теперь, пока они с Питером спускались к заводу, отец Джон как-то по-новому воспринял все это. Ночь напролет миссионер, забыв о словах надежды и утешения, которые сам же произносил так недавно, раздумывал об угрозе, нависшей над Мак-Кеем,— угрозе страшной и неотвратимой.

И все же... пять лет — это такой короткий срок! Любое пятилетие его собственной жизни теперь, когда он

вспоминал их, казалось не длиннее пяти минут. Восемь пятилетий назад он впервые увидел ту девушку с милым лицом, которая стала для него всем миром, как Нейда для Роджера, и хотя с тех пор, как он ее потерял, прошло тридцать лет, время пронеслось так быстро, что ему порой чудилось, будто всего несколько часов назад он держал ее в объятиях и слышал ее голос. Однако будущие пять лет, в отличие от прошедших, были вечностью, и отец Джон думал о них с тоской, глядя в зеркало заводи, в котором отражалось небо, розовевшее над верхушками сосен.

Пять лет! А ведь он уже старик. Для него это время ожидания будет невыносимо долгим и тягостным. Но Роджер и Нейда так молоды! И эти пять лет, когда они будут вспоминать про них потом, покажутся им совсем коротенькими. Отец Джон продолжал размышлять о долгой жизни, которую он прожил, и о том недолгом сроке, который ему еще осталось прожить, и им все сильнее овладевало яростное желание оградить эти пять лет от оскверняющего вторжения закона — и не только ради Нейды и Роджера Мак-Кея, но ради себя. На закате своей печальной жизни он обрел радость и утешение в их любви друг к другу, и мысль о том, как безжалостное и заблуждающееся правосудие расправится с этой любовью, пробуждала в нем гнев и протест, которые более приличествовали бойцу, чем смиренному служителю божьему.

Миссионер тщетно боролся с этим, как он считал, греховным чувством. А когда позднее за завтраком он смотрел на счастливые лица Нейды и Роджера, его томил стыд, словно он в чем-то обманул их. И он никак не мог избавиться от тайного страха и тревоги, которые грызли его сердце.

Миссионеру казалось, что весь этот день любое произнесенное им слово было ложью — например, когда он читал проповедь окрестным жителям, собравшимся в молельне, которую они помогли ему построить. Миссионер говорил на языке кри и по-английски; он говорил о благодати надежды и о том, что в каждом несчастье можно найти свою светлую сторону. Мак-Кей слушал его, сжимая руку Нейды, и был преисполнен умиротворения. Если бы в эту минуту в открытую дверь вошел Брео, он встретил бы полицейского спокойно, потому что отец Джон убедил его в необходимости такой жертвы.

Позднее, когда прихожане разошлись и они опять остались одни, отцу Джону пришлось вновь выслушать историю Желтой Птицы, потому что Нейда не уставала расспрашивать про индианку. Однако миссионер впервые узнал, какую нравственную поддержку черпал Веселый Роджер в ее пророчествах.

— Конечно, это было глупо,— с виноватым видом признался Мак-Кей, хотя и видел по глазам Нейды, что она свято уверовала в колдовские способности Желтой Птицы.— Я знал, что обманываю себя, но мне от этого становилось легче.

— Нет, вовсе не глупо! — заспорила Нейда.— Желтая Птица приходила ко мне, теперь я это знаю. И ей все было известно наперед.

— Веру никогда не следует называть глупостью,— мягко сказал отец Джон.— Желтая Птица верила, и это главное. Она ни в чем не сомневалась, она верила, а это, возможно, придает мысли особую силу. Я верую в могущество мысли, дети мои. Я верую, что наступит день, когда она откроет нам даже тайну самой жизни. За сорок с лишним лет, прожитых мною в лесных дебрях, я видел немало странных вещей, и среди них не последнее место занимают замечательные способности людей, еще сохраняющих единство с природой. Мне кажется, Роджер, что Желтая Птица дала тебе много полезных советов. Не приходило ли тебе в голову...

Миссионер умолк, понимая, что говорит все это под влиянием все той же безотчетной тревоги, почти страха.

— Что вы хотели спросить, отец Джон? — сказала Нейда, наклоняясь к нему.

— Это только праздное любопытство, моя дорогая, и вы лишь посмеетесь надо мной. Я подумал, не приходило ли в голову Роджеру, что таинственный Далекий Край, который пригрезился Желтой Птице,— это просто какая-нибудь страна за пределами Канады. Ну, например, Соединенные Штаты.

Он говорил почти против воли и сразу же заметил, что Нейда уловила скрытый смысл его слов. Ее глаза широко раскрылись. Их синева потемнела, и Роджер, когда она повернулась к нему, увидел, что ее пальцы стиснули оборку платья.

— Или, скажем, Китай, Африка, Южные Моря.—

засмеялся он, вспомнив свои мечты.— Да любая страна подальше отсюда!

Губы Нейды полураскрылись, она словно хотела что-то сказать, но промолчала, сжимая руки на коленях, а когда все-таки заговорила, миссионер понял, что она не решилась произнести вслух то, о чем думала на самом деле.

— Я очень люблю Желтую Птицу и когда-нибудь скажу ей об этом,— сказала Нейда.

Следует упомянуть, что с тех пор как Питер пришел с хозяином к Бернтивуду, ему все время казалось, будто он потерял что-то очень важное: занятый своим счастьем Мак-Кей почти не обращал на него внимания, да и Нейда теперь не возилась и не играла с ним, как в прошлые дни. Он лежал в стороне, изнывая от одиночества, но тут Нейда вдруг подбежала к нему и позвала за собой в частый ельник. Питер затаивал от восторга, как щенок, а Нейда даже не взглянула ни на мужа, ни на отца Джона. Однако миссионер все же успел заметить выражение ее лица.

— Я был неосторожен,— сказал он, тяжело вздохнув.— Я поступил нехорошо, ибо теперь ей по моей вине захочется бежать с вами туда... на юг. Она поверила Желтой Птице, потому что Желтая Птица помогла вам вернуться к ней. Она верит...

— Я ведь тоже верил,— ответил Роджер, глядя на стену зеленых елок.

— Да... и все же вам лучше остаться. Счастье не приходит без искупления. Такова воля божья.

Веселый Роджер встал и посмотрел на юг.

— Это большое искушение, отец Джон. Я не знаю, хватит ли у меня сил расстаться с ней. Если бы Брео подождал хоть несколько месяцев! Но теперь...

Он медленно пошел туда, где за завесой из еловых ветвей скрылись Нейда и Питер. Отец Джон смотрел ему вслед, и на его губах дрожала улыбка. В глубине души он понимал, что он трус и что эти молодые люди сильнее его духом. Они были счастливы, потому что он ложными доводами внушил им веру в будущее и они смирились с неизбежным, и вот теперь он сам в минуту слабости подверг их искушению. Он глядел им вслед; он не раскаивался в этом — наоборот, с его души спала большая тяжесть.

Несколько минут в сердце миссионера длилась борьба простых человеческих чувств и того отречения от себя, которого требовала проповедуемая им религия. Он никогда еще не испытывал такого состояния. В нем вдруг проснулась надежда. Пять лет были долгим сроком для него. Он снова и снова возвращался к этой мысли, а она привела за собой и другую: инстинкт самосохранения — это первый закон существования и, следовательно, не может быть греховным. Так отец Джон про себя отрекся от всего, что говорил раньше, хотя его спокойное улыбающееся лицо не выдавало этого, когда час спустя Нейда и Роджер вернулись в хижину с охапками первых цветов.

Щеки Нейды разругались, а глаза были синими, как пучок фиалок, который она приколола у себя на груди.

Отец Джон почувствовал, что Веселого Роджера больше не угнетает сознание своей беспомощности перед лицом неотвратимой опасности — в его глазах, когда он смотрел на Нейду, светилась неколебимая уверенность.

Когда наступил вечер, Питер оказался единственным свидетелем весьма таинственного события. Он сидел у Нейды в комнате. И Нейда была совсем такой, как раньше: она сжимала в ладонях его курчавую морду и болтала с ним. Но тут вдруг Питеру вспомнился некий узел, потому что Нейда очень тихо, словно боясь, что ее подслушивают невидимые уши, сложила на столе всякие вещи и вязала их в узел, но уже другой. Этот узел она спрятала у себя под кроватью, как тот, первый, — под кустом шиповника на маленькой прогалине среди густого ельника под Гребнем Крэгга.

Отец Джон лег в этот вечер рано. Его мысли были заняты Брео: до ближайшей фактории Компании Гудзонова залива всего двенадцать миль, а полицейский, разумеется, сначала побывает там и уж потом отправится от хижины к хижине в поисках своей жертвы.

И вот вскоре после полуночи миссионер тихонько встал и при свете свечи написал записку Нейде о том, что ему нужно побывать на фактории и он не стал их будить, так как решил уйти еще до рассвета. Нейда прочла эту записку Мак-Кею, когда они сели завтракать.

— Он так часто делает, — объяснила Нейда. — Ему нравится ночной лес в лунном свете.

— Но ведь сейчас новолуние, — заметил Роджер.

— Правда...

— И когда отец Джон уходил, небо затянули тучи и было темно, хоть глаз выколи.

— Ты слышал, как он уходил?

— Да. И видел его лицо, когда он зажег свечу, чтобы написать эту записку. Вид у него был встревоженный.

— Роджер, о чем ты?

Мак-Кей подошел к ней сзади и, перегнувшись через спинку стула, поцеловал мягкие волосы и недоумевающие глаза своей жены.

— Это значит, жenuшка, что отец Джон отправился на фабрику, чтобы навести справки о Брео. Это значит, что в глубине души он хотел бы, чтобы мы до конца последовали совету Желтой Птицы. Ведь он, по его мнению, разгадал, что такое Далекий Край. Это мир, лежащий за нашими лесами,— мир, такой огромный, что, если понадобится, мы можем уехать от конной полиции хоть за десять тысяч миль. Вот почему он отправился на фабрику в такую ночь.

Нейда обхватила руками его шею и тоненьким, взволнованным голосом сказала:

— Роджер, мой узелок готов. Я собрала его вчера и спрятала под кровать.

Он обнял ее еще крепче:

— И ты готова пойти со мной... куда угодно?

— Да, куда угодно.

— На край света?

Прижатая к его груди взлохмаченная головка попыталась кивнуть.

— И оставить отца Джона?

— Да. Ради тебя. Но я думаю... когда-нибудь потом... он к нам придет.

Ее пальцы коснулись его щеки.

— Только, Роджер, пусть там, на краю света, тоже будут большие и прекрасные леса.

— Или пустыня, где им и в голову не придет нас искать,— засмеялся он.

— Пустыня мне, наверное, понравится, Роджер.

— А необитаемый остров?

Она снова кивнула:

— Мне всюду понравится, если мы будем вместе.

— В таком случае... мы уедем,— сказал он, стараясь

говорить спокойно, хотя его охватила радость, жаркая, как пламя. И почти невозмутимо он продолжал: — Но это означает, Нейда, что тебе придется отказаться почти от всего, о чём ты мечтала. От этих лесов, которые ты любишь, от отца Джона, от Желтой Птицы, Солнечной Тучки...

— Я мечтаю только об одном,— перебила она нежно.

— А ведь пять лет прошли бы очень быстро,— продолжал он.— Да и почему меня обязательно должны приговорить к пяти годам тюрьмы, а не к четырем или даже трем? И тогда мы могли бы спокойно жить в стране, которую так любим. Я с радостью останусь и сам сдамся полиции, если благодаря этому мы сможем быть счастливы.

— Я мечтаю только об одном,— повторила она, поглаживая его щеку.— Всегда быть с тобой, Роджер. И куда бы ты меня ни увез, я все равно буду самой счастливой женщиной в мире.

— Женщиной! — рассмеялся он.— Для меня ты навсегда останешься маленькой девочкой, которую я встретил у Гребня Крэгга.

И внезапно, крепко прижав ее к себе, он крикнул с гневным вызовом:

— Мне легче лишиться жизни, чем потерять ее, Нейду,— маленькую девочку с распущенными волосами и земляничным пятном на носу, девочку, которая так свято верила в Лунного Человека! И я буду любить ее до конца моих дней.

Тем не менее весь этот день, пока они ждали возвращения отца Джона, Веселый Роджер вновь и вновь убеждался, насколько с тех пор Нейда переменилась. Однако эта перемена его тоже радовала и приводила в восторг. Нейда уже не была робкой, запуганной сироткой, которая потянулась к нему, пожалуй, только потому, что он был большим и сильным и мог ее защитить. Нет, теперь она любила его как подруга, равная ему во всем, а не потому, что чего-то боялась и чувствовала себя беспомощной. И с не меньшим восторгом он заметил еще одно: теперь он все больше начинал полагаться на нее, и когда они обсуждали свои планы, ее спокойная решимость и обдуманные суждения придавали ему новые силы и уверенность. Поглядев на ее волосы, уложенные в прическу, он сказал:

— Когда ты такая, ты моя Маргарита Анжуйская. А когда ты их распускаешь, ты снова становишься маленькой Нейдой с Гребня Крэгга. И... и я не понимаю, за что судьба дала мне такое счастье!

Весь этот день и Питер пытался по-своему осмыслить, что же произошло с Нейдой за месяцы их разлуки. Прикосновение ее руки по-прежнему радовало его, и все-таки он замечал какую-то перемену. Когда она прижималась щекой к его щеке и начинала с ним разговаривать, ее голос звучал даже нежнее, чем в те дни, но все-таки чего-то не хватало — их прежнего товарищеского равенства, хотя этого Питер понять не мог. Однако к новой Нейде он проникся яростным обожанием, которое было еще сильнее его прежней любви к ней. Теперь ему довольно было лежать, уткнувшись носом в ее туфлю или оборку платья. Но когда под вечер она ушла к себе в комнату и вскоре выбежала оттуда, распустив волосы и подхватив их вылинявшей лентой, привезенной с Гребня Крэгга, он запрыгал вокруг нее, заливаясь радостным лаем, и Нейда в ответ на его вызов пустилась с ним наперегонки через вырубку.

Вся раскрасневшаяся, она подбежала затем к Веселому Роджеру и, запыхавшись, упала в его объятия.

И вдруг сквозь облако ее растрепавшихся кудрей Мак-Кей увидел, что из леса кто-то вышел. Это был отец Джон. Он на мгновение остановился, а потом, пошатываясь, побрел к ним — казалось, он вот-вот упадет.

Нейда услышала, как Роджер судорожно вздохнул, почувствовала, как сжались его руки, и, оглянувшись, тоже увидела миссионера. Вскрикнув, она вырвалась от Мак-Кея и бросилась к старику.

Отец Джон тяжело оперся на ее плечо, и тут к ним подбежал Мак-Кей. Лицо миссионера было искажено усталостью, он задыхался, но, держась за сердце, он все-таки попытался улыбнуться им.

— Я торопился,— сказал он, силясь говорить спокойно.— И совсем запыхался.

Он перевел дух и посмотрел на Веселого Роджера.

— Роджер... я торопился... чтобы сказать вам... Брею совсем близко. Я опередил его на полмили или на милю.

Он взял побледневшее лицо Нейды в ладони и посмотрел на нее сквозь сгущающийся сумрак.

— Слишком поздно... я понял, что ошибся... дитя

Мак-Кей увидел, что из леса кто-то вышел. Это был отец Джон.

мое,— сказал он совсем спокойно.— Вам нельзя ждать Брео. Уходите! Времени терять нельзя. Если Брео не сойдет с пути в темноте, он будет здесь через несколько минут. Быстрее!

Нейда молчала, пока они шли к хижине. Но что-то в ее упрямо вздернутом подбородке и откинутой голове сказало Роджеру, что она готова ко всему и не боится.

В хижине их встретила Усимиска, и Нейда что-то быстро шепнула ей. Было видно, что они обо всем договорились заранее,— Усимиска принесла из кухни набитый заплочный мешок, а Нейда появилась из своей комнаты с узлом в руке.

Она остановилась перед Мак-Кеем и миссионером, тяжело дыша от волнения.

— Больше ничего не надо делать! — воскликнула она.— Здесь все, что нам может понадобиться.

На мгновение она забыла обо всем, кроме отца Джона, и, обняв его, подняла на него глаза, в которых не было слез.

— Вы же приедете к нам? — прошептала она.— Вы обещаете?

Миссионер тоже обнял ее и прижался лицом к ее лицу.

— Молю бога, чтобы это сбылось,— произнес он тихо.

Руки Нейды конвульсивно сжались, и в эту секунду перед дверью хижины раздалось предостерегающее рычание.

— Питер! — вскрикнула Нейда.

Отец Джон задул лампу.

— Бегите, дети мои! — приказал он.— Быстрее! В двадцати шагах ниже заводи спрятан челнок. Вчера по моей просьбе его оставил там один из приходивших сюда индейцев. Роджер... Нейда...

Он на ощупь нашел в темноте их руки.

— Да будет на вас благословение божье! Отправляйтесь на юг... Прямо на юг. А теперь — скорее! Мне кажется, я слышу шаги...

Он толкнул их к двери. Нейда схватила узел, а Роджер — мешок. Внезапно миссионер заметил, что рядом стоит Питер, и, нагнувшись, крепко схватил его за загривок.

— Прощайте... — прошептал он хрипло.— Прощайте... Нейда... Роджер...

Нейда, всхлипнув, ответила из темноты:

— Прощайте, отец Джон!

Миссионер и Питер напряженно прислушивались, пока шаги тех, кого они любили, не затихли в ночной тьме.

Питер взвизгнул и попытался вырваться, но отец Джон захлопнул дверь.

— Тебе лучше остаться здесь, Питер,— попробовал он объяснить.— Лучше будет, если ты останешься со мной, для тебя же. Ведь они уедут очень далеко и поселятся в стране, где ты можешь зачахнуть и умереть. Да и в челноке для тебя нет места. Будь же умником, Питер, и останься со мной... со мной...

И Усимиска, которая неподвижно стояла в темноте, услышала, как отец Джон, ощупью искавший лампу, засмеялся странным, придушенным смехом.

ГЛАВА XXI

Хижина осветилась. Сначала вспыхнул желтоватый огонек спички, а потом загорелась лампа, и как только из темноты возникло восковое лицо отца Джона, Питер завизжал, заскулил и принялся царапать дверь.

Усимиска — Молодой Листок — стояла неподвижно, точно статуя, и, казалось, не дышала, хотя ее большие темные глаза были устремлены на отца Джона.

Прочитав в ее упорном взгляде испуганный вопрос, старичок с торжеством улыбнулся.

— Все хорошо, Усимиска,— сказал он вполголоса на языке кри.— Они ушли, и их не поймают. Занимайся своими делами так, словно ничего не произошло. Брео с минуты на минуту будет здесь.

Миссионер расправил плечи, словно собирая все свои силы и мужество, а потом подозвал Питера и начал утешать собаку, чьи хозяин и хозяйка бежали сейчас в темноте к заводи.

— Они уже добрались до заводи,— сказал он и сел, поглаживая колючую морду Питера.— Они, наверное, как раз спустились к заводи, а Брео вышел на вырубку с противоположной стороны. Роджер должен легко найти челнок: он ничем не прикрыт и до него точно двадцать

шагов. Я думаю, он его уже нашел и еще через минуту они отчалият. А по берегам Бернтвуда растет густой лес, и ночью никто не рискнет пуститься за ними в погоню пешком.

Внезапно он крепче сжал руки, и Усимиска, исподтишка наблюдавшая за ним, заметила, что его лицо просветлело.

— Они уже плывут,— воскликнул он ликующе,— а Брео еще не пересек вырубку!

Миссионер встал и принялся расхаживать по комнате, а Питер опять начал тоскливо обнюхивать дверь. Усимиска, предусмотрительная в минуту опасности, как все ее соплеменники, задернула занавески на окнах, и отец Джон одобрительно улыбнулся. Ему была неприятна мысль, что Брео, человек-ищейка, может тайком подсматривать за ним в окно. Расхаживая по комнате, он продолжал прислушиваться, не раздадутся ли шаги Брео. Питер, вздохнув, перестал царапать дверь и уселся у порога комнаты Нейды.

Отец Джон остановился возле него и положил ладонь ему на голову.

— Может быть, мы еще поедem к ним,—сказал он больше самому себе.— Когда-нибудь, когда они найдут безопасное убежище далеко отсюда.

Миссионер вдруг почувствовал, что Питер у него под рукой весь напрягся, а Усимиска предостерегающе вскрикнула. Потом она негромко запела на кухне, принимаясь чистить кастрюли и сковородки, уже начищенные до блеска, и продолжала петь, когда дверь хижины распахнулась. На пороге стоял Брео, ищейка.

Внезапность его появления удивила даже Питера, который не слышал никаких шагов снаружи. Полицейский стоял так несколько секунд, его худое острое лицо четко рисовалось на фоне ночного мрака, а загадочные глаза, прищуренные и все же острые, как буравчики, обводили хижину пронизательным взглядом, от которого ничто не могло ускользнуть.

В его позе чудилась смертельная угроза, и Питер глухо заворчал. Он тотчас узнал этого человека. Он видел его в сугробе посреди тундры и сразу проникся к нему недоверием, а потом они с хозяином убегали от него в самый разгар Черного бурана. Питер соображал быстро — в своем роде так же быстро, как сам Брео. И без

каких-либо логических рассуждений он понял, что появление этого человека предвещает беду, и связал с ним непонятное исчезновение Веселого Роджера и Нейды.

Брео молча кивнул. Потом он увидел Питера, и его губы искривились в улыбке. Улыбка эта была почти дружеской и все же производила неприятное впечатление. Она говорила о характере этого человека, о его беспощадности, упорстве и умении добиваться своего. Он казался воплощением сурового и безжалостного рока.

Брео снова кивнул и протянул руку.

— Питер! — позвал он. — Поди-ка сюда, Питер!

Питер дернул ушами, но не тронулся с места. Однако острый взгляд Брео уловил и это легкое движение.

— Все еще хранит верность одному человеку! — заметил он, входя в хижину и останавливаясь перед миссионером. — Где Мак-Кей, преподобный отец?

Брео не закрыл за собой двери, и Питер не замедлил этим воспользоваться. Усимиска увидела, как он в два прыжка оказался за порогом, но не позвала его, а продолжала внимательно слушать. Брео повторил свой вопрос:

— Где Мак-Кей, преподобный отец?

Питер в темноте снаружи услышал голос полицейского, потому что на мгновение остановился, отыскивая свежий след Нейды и Роджера. Это был очень простой след — прямо к заводу, а оттуда двадцать шагов вниз по течению к маленькой галечной косе. На этой косе была ясно видна борозда от лодки, и тут следы кончались.

Питер заскулил, вглядываясь в черный тоннель между стенами леса, где чуть слышно журчала и булькала вода на пути к еще более темной и густой чаще. Он по брюхо вошел в воду, почти решившись плыть вдогонку за хозяевами, помедлил, прислушиваясь, и не услышал ни голосов, ни плеска весла.

Но ведь он знал, что Нейда и Веселый Роджер должны быть где-то совсем близко!

Питер выбрался на косу и пошел вниз по течению реки, внимательно нюхая воздух и то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Иногда он ловил в воздухе запах своих хозяев, но он тратил слишком много времени на частые остановки и потому челнок был все время впереди.

С кормы этого челнока Мак-Кей еле различал в сла-

бом свете звезд, кое-где пробивавшемся сквозь ветки, бледное лицо Нейды.

Он беззвучно засмеялся от радости.

— Наконец-то моя мечта сбылась, Нейда,— прошептал он.— Ты со мной. И мы отправляемся в совсем другой мир. Там нас никто не найдет. Никто, кроме отца Джона, когда мы пошлем ему весточку. Ты не боишься?

Она ответила чуть дрогнувшим голосом:

— Нет, не боюсь. Только тут очень темно...

— Еще две-три ночи, и нам опять будет светить луна — твоя луна, и Лунный Человек будет нам улыбаться. Я понимаю, каково приходится Лунному Человеку, когда он томится по ту сторону земли и не может тебя увидеть, Нейда!

Она ничего не ответила, и Роджер наклонился вперед, вглядываясь в смутное пятно ее лица.

Тут он услышал вздох, похожий на всхлипывание.

— Я о Питере,— пробормотала она, предупреждая его вопрос.— Роджер, ну почему мы не взяли с собой Питера?

— Наверное, это мы зря,— ответил он и даже на мгновение перестал грести.— Но, пожалуй, для Питера так будет лучше. Он вырос в лесах и никакой другой жизни не знает. А там, куда мы попадем...

— Я понимаю. А потом отец Джон привезет его к нам?

— Да. Он обещал. Питер приедет к нам вместе с отцом Джоном.

Нейда обернулась и поглядела в непроницаемый мрак перед ними. Он был таким густым, что казалось, будто челнок вот-вот упрется в стену. И вода, журчавшая у бортов, казалась черной, как смола.

— Мы въезжаем в большое болото за кедровником,— объяснил Веселый Роджер.— Тут можно играть в жмурки, не завязывая глаз, верно? Ты хоть что-нибудь видишь?

— Дальше носа челнока ничего, Роджер.

— Ну-ка, переберись поближе ко мне, только осторожно,— сказал он.

Нейда послушалась.

— Теперь медленно повернись лицом к носу и приложи голову к моим коленям.

Нейда сделала и это.

— Так уютнее,— прошептала она, устраиваясь поудобнее.— Гораздо уютнее.

Роджер перегнулся, чуть не вывихнув позвоночник, и отыскал в темноте ее щеку, которую и поцеловал.

— Я опасался, что ты не заметишь какой-нибудь ветки над водой,— объяснил он, когда выпрямился.— Ты могла бы больно ушибиться.

Они помолчали, и Роджер вновь начал медленно и ритмично работать веслом. Потом Нейда лукаво спросила:

— Ты ведь думал только про ветки, Роджер, и про то, что они могут меня ушибить?

— Ну конечно,— ответил он со смешком.

— А раз так, то мне сидеть очень неудобно,— пожаловалась она.— Уж лучше я выпрямлюсь, и пусть ветки выколют мне глаза!

Однако она не привстала, а только осторожно, чтобы не помешать ему грести, коснулась его лица.

— Ты тут! — промурлыкала она, словно успокаиваясь.— Я решила на всякий случай проверить: здесь такая темнота!

И в этом непроницаемом мраке, вслепую пробираясь по водному лабиринту, они были счастливы. Мак-Кей внимательно глядел вперед, но ничего не видел, и каждое его движение было легким и точным, словно в танце. То же ощущение охватило и Нейду. Ночь уже не пугала ее. Ведь они были вместе — и вместе, забыв страх, отправлялись навстречу неведомому, таинственному и манящему будущему. А ночь надежно укрывала их. Самая ее тьма была приветливой и дышала надеждой. Роджер еще два раза опускал руку, ища лицо Нейды, и она прижимала ее к губам, спокойная и счастливая.

Они продвигались по болоту очень медленно, потому что из-за темноты Роджер греб еле-еле, осторожно выбирая путь. Он часто въезжал в кусты или упирался в топкий берег, и Нейде не раз приходилось зажигать спички, чтобы помочь ему выбраться из ветвей упавшего дерева. Роджеру очень нравились эти мгновения, когда во мраке вдруг вырисовывалось ее лицо, и дважды он без всякой надобности просил ее зажечь спичку, чтобы подольше ею любоваться.

Но в конце концов Роджер почувствовал, что челнок вошел в течение; вскоре после этого вершины деревьев

поредели, стало чуть светлее, и он понял, что они приближаются к концу болота. Полчаса спустя оно осталось позади, над их головами виднелось чистое небо, а за бортом весело журчала быстрая вода.

Нейда выпрямилась; и было уже так светло, что Веселый Роджер увидел даже блики звездного света в ее волосах. Разглядел он и милую гримаску на ее лице, хотя она и пробовала улыбнуться.

— Ой!—воскликнула она.—Нога совсем затекла! Я не могу шевельнуться!

— Мы сейчас подыщем подходящее место и разонемся,—ответил Мак-Кей, взглянув на часы при свете последней спички.—Мы обогнали Брео по крайней мере на два часа—ведь другого челнока ему взять негде.

Веселый Роджер начал вглядываться в берег и вскоре увидел справа белую полосу песка. Там они полчаса отдыхали.

Потом они отправились дальше, и Мак-Кей уже был готов благословлять болото: ведь теперь оно было преградой на пути Брео!

— Не думаю, что он сумеет пробраться через него без лодки, даже если догадается, куда мы направились,—объяснил он Нейде.—И значит, нам ничто не грозит.

Его голос звенел веселым торжеством, которое сменилось бы ледяным отчаянием, если бы он мог заглянуть в непроницаемую тьму там, где Бернтвуд петлял по болоту, или в еще более густой мрак, окутывавший трясину по его берегам.

Через трясину, с трудом находя путь между бочагами и гнилыми корягами, которые в темноте казались жуткими чудовищами, бежал Питер.

А по Бернтвуду медленно, но уверенно плыл человек. ловко отталкиваясь от илистого дна длинным шестом, которому послушно подчинялся легкий плот из двух стянутых проволокой кедровых стволов, без труда проходивший там, где еще совсем недавно скользя челнок.

Человеком этим был Брео-ищейка.

— Болота ему не одолеть!—с торжеством повторил Мак-Кей.—Даже если он догадается, что мы поплыли сюда, болота ему не одолеть, Нейда!

— Но он ведь и не догадается!—возразила Нейда с такой же уверенностью.—Отец Джон направит его на ложный след.

А позади них в смоляном мраке болота, порой раздвигая узкие губы в мрачной улыбке и вперяясь в тьму широко открытыми, круглыми, как у совы, глазами, плыл на своем плоту Брео

ГЛАВА XXII

Питер, мокрый, облепленный грязью, упрямо бежал через топь, потому что все время чувствовал где-то поблизости непонятное, беззвучное присутствие Брео.

Порой чуть заметный ветерок, словно поднятый крыльями бабочки, доносил до его ноздрей запах Брео, но чаще теплый воздух оставался совсем неподвижным. Всякий раз этот запах приходил откуда-то спереди, и в конце концов Питер решил, что Брео должен быть там же, где Нейда и Питер. Однако их запаха он не чувствовал, и это сбивало его с толку. Иногда он оказывался у черной воды протоки, но неизменно опаздывал на несколько секунд и не успевал увидеть во мраке тень Брео или услышать легкий плеск его шеста.

Он бежал вперед среди неясных теней и непонятных всхлипывающих звуков, от которых кровь стыла в его жилах, хотя он давно уже привык ничего не бояться. Теперь его не пугало злобное шипение сов. Он не останавливался и не сворачивал с пути, заслышав зловещее щелканье клювов. Удары когтей по коре и тихий хруст валежника были ему теперь не в новинку, и он не обращал на них внимания, поглощенный одним желанием: поскорее догнать своих хозяев. Совсем другое пугало теперь Питера и зажигало красные огоньки в его глазах: маслянистое чавканье жирной грязи, которая пыталась засосать его, хриплый смешок трясины, вцеплявшейся в него точно живое существо, кашлявшей и плевавшейся, когда он вырывался из ее хватки.

Грязь залепляла Питеру глаза, и порой он не видел даже темноты, но все-таки продолжал бежать вперед. И наконец, опять оказавшись у протоки, он услышал новый звук — тихий и мерный плеск шеста в руках Брео.

Питер побежал быстрее, потому что земля под его лапами стала тверже, и вскоре догнал человека на плоту. Он слышал его дыхание и даже разглядел на фоне

черной стены леса чуть менее темную движущуюся тень.

Но запаха Нейды или Веселого Роджера не было, и поэтому привычная осторожность не позволила Питеру выдать свое присутствие. Он не стал обгонять Брео, а держался вровень с ним или чуть позади, но так, чтобы все время слышать плеск. То и дело он поднимал нос и принюхивался, надеясь вот-вот обнаружить присутствие тех, кого хотел разыскать во что бы то ни стало.

На рассвете они выбрались из болота, а когда Брео причалил к косе, где несколько часов назад отдыхали Нейда и Веселый Роджер, на востоке уже занималась заря.

Брео очень устал, но, увидев следы на песке, он усмехнулся почти добродушно. Он был в хорошем настроении. Однако об этом трудно было бы догадаться постороннему наблюдателю. В лесных дебрях Брео слыл человеком без сердца. Он был наделен охотничьим инстинктом лисы или волка, безжалостным упорством ласки и неуклонно следовал букве закона, не зная сострадания, не делая исключений ни для кого. Во всяком случае, его считали таким, а если в нем и крылось какое-то благородство, то по его холодным, прищуренным глазам. тонким губам и злому, насмешливому лицу догадаться об этом было нельзя. Начальство считало его безотказным автоматом, который настигнет преступника, даже если все до него потерпели неудачу.

Но в это утро, испытывая ломоту во всем теле после ночного плавания на плоту, Брео, глядя на предательские следы, усмехался, а потом и громко рассмеялся. Он потянулся так, что хрустнули кости. У него не было привычки разговаривать с самим собой, но думал он следующее:

«Вот здесь, у этого камня, сидел Веселый Роджер Мак-Кей. Отпечаток только один. Значит, его жена сидела у него на коленях: вот следы ее каблучков. На ней туфли, а не мокасины».

Усмехнувшись еще раз, он снял с плота свой казенный рюкзак.

«Можно не торопиться,— думал он.— Теперь они от меня не ускользнут. Они считают, что провели меня,— и ошибаются. А это всегда кончается плохо. Всегда»

Когда Брео бывал совсем один, он порой давал себе

чуть-чуть воли, словно на краткий срок отпуская арестанта. Например, он свистел. И довольно мелодично, точно вспоминал о каких-то былых счастливых минутах. А когда он принялся поджаривать грудинку и бросил в кипящую воду горсть сушеного картофеля, он напевал песню, тоже довольно приятно — даже для таких внимательных ушей, как уши Питера.

Ибо Питер, подкравшись сквозь кусты, лежал теперь всего шагах в двадцати от Брео и жадно вдыхал запах грудинки.

Питер знал повадки волков и лисиц, но Брео он не знал и не мог догадаться, почему тот вдруг засвистел громче и почему его песня стала более звонкой. Несколько минут спустя Брео, не оглянувшись на Питера, позвал спокойно и деловито:

— Сюда, Питер! Завтрак готов!

Питер даже пасть открыл от удивления. А Брео повернулся к нему, ухмыляясь во весь рот, и продолжал звать его самым дружеским образом. Не выдержав, Питер вскочил, готовый драться или бежать.

Брео бросил ему жирный кусок грудинки, который держал в руке. Грудинка упала в двух шагах от носа Питера, а он был ужасно голоден. Восхитительный запах одурманил его, заставил забыть про осторожность. Несколько секунд он боролся с собой, потом стал тихонько продвигаться вперед и вдруг, молниеносно схватив грудинку, сразу ее проглотил.

Брео весело рассмеялся, и его лицо, освещенное солнцем, не показалось Питеру лицом врага.

За первым куском последовал второй, потом третий, и вскоре Брео уже пришлось поджаривать новую порцию.

«Это тебе в счет того, что ты сделал тогда в тундре,— думал он.— Если бы не ты...»

Брео даже не стал додумывать эту мысль до конца. А на Питера он больше не обращал ни малейшего внимания. Он знал собак даже, пожалуй, лучше, чем людей, и ничем не показал Питеру, что на самом деле очень им интересуется. По-прежнему посвистывая и напевая, Брео вымыл посуду, вновь приладил рюкзак на плоту и поплыл дальше по течению.

Питер, так и не вышедший из кустов, был тем не менее не только удивлен, но и почувствовал себя покину-

тым. Ведь этот человек оказался вовсе не врагом, а теперь он его бросил, как прежде хозяин и хозяйка. Он заскулил, и Брео еще не скрылся из виду, как Питер был уже на косе и сразу учуял запах Нейды и Веселого Роджера. Брео нарочно оставил у воды большой кусок слипшегося сушеного картофеля, и Питер проглотил его с такой же жадностью, как раньше грудинку. А потом, как и рассчитывал Брео, он побежал вслед за плотом.

Брео не торопился, но и не делал остановок. В его неторопливом, неуклонном продвижении вперед было что-то почти механическое, хотя он знал, что челнок может плыть почти втрое быстрее его плота. Он внимательно всматривался в берега. До полудня Брео трижды замечал следы привала и посмеивался, вспоминая сказку про зайца и черепаху. Сам он задерживался возле этих стоянок не больше двух-трех минут и тотчас отправлялся дальше.

Питера приводили в недоумение размеренно-спокойные движения человека из тундры. Он следил за ними, и его все больше и больше завораживало их неизменное однообразие. Вверх-вниз, вверх-вниз поднимался и опускался длинный шест, высокая фигура ритмично покачивалась, от плотика расходились две маленькие волны да в воздухе плыли колечки дыма из трубки преследователя. Брео не оглядывался. И тем не менее он замечал все. Пять раз за утро он видел Питера, но не позвал его и ничем не выдал, что знает о его присутствии.

В полдень он причалил к берегу, чтобы приготовить обед; разведя костер и достав сковородку, он выпрямился и тем же уверенным тоном позвал:

— Эй, Питер, Питер! Иди-ка сюда, приятели!

И Питер пришел. Борясь с инстинктом, который требовал от него осторожности, он сначала высунул голову из кустов и посмотрел на Брео. Тот, не обращая на него никакого внимания, начал резать грудинку. Когда божественный запах жарящегося мяса достиг ноздрей Питера, он тихонько подобрался ближе и с глубоким вздохом растянулся на земле.

Брео услышал этот вздох.

— Что, опять проголодался, Питер?— спросил он небрежно.

Но у него уже давно была припасена для этой минуты жареная грудинка, оставшаяся от завтрака. Он на-

чал рвать се на части и бросать кусочки Питеру, а сам думал:

«Зачем я это делаю? Пес мне ни к чему. Он будет только мешать и поедать мои запасы. Но это по-честному. Долги следует платить, а он помогал спасти меня в тундре».

Вот так Брео, человек, не знавший милосердия, ищейка закона, определил положение. И он поджарил для Питера пять ломтиков грудинки.

Теперь Питер бежал за плотом, не скрываясь. Под вечер Брео убил косулю, и за ужином они с Питером вволю наелись свежего мяса. Недоверчивость Питера была окончательно побеждена, и он позволил Брео погладить себя. Прикосновение этой руки не особенно понравилось Питеру, но он вежливо терпел, и Брео пробормотал одобрительно, хотя его резкий голос не смягчился:

— Однолюб!

В этот день Питер несколько раз чувствовал запах Нейды и Роджера там, где они выходили на берег, и к вечеру окончательно уверился, что Брео приведет его к ним. Вот почему он и дальше шел за Брео.

На следующий день они увидели брошенный челнок — беглецы пошли на юг пешком через лес. Брео обрадовался, так как ему очень надоело работать шестом. Вечером взошел молодой месяц, и при виде этого узенького серпа Питер почувствовал отчаянное желание кинуться вперед и догнать тех, кого он искал. Однако другой, более могучий инстинкт заставил его остаться с Брео.

В эту ночь Брео спал на своем ложе из кедровых веток как убитый. Но за час до рассвета он уже был на ногах и развел костер, а с первыми лучами зари они отправились в путь. Теперь полицейский не смотрел по сторонам в поисках следов, понимая, что это бесполезно. Но он знал намерения Мак-Кея и шел быстро, прикидывая, что Нейда за то же время пройдет вдвое меньше. В три часа дня он добрался до гряды высоких холмов и на вершине одного из них остановился.

Питера снедало нетерпение, и он утрачивал доверие к Брео. Не то чтобы он начал его опасаться, но в течение всего дня до него ни разу не донесся запах Нейды или Веселого Роджера, и постепенно Питер приходил к выводу, что ему следует заняться их розысками самому.

Брео заметил возбуждение собаки и понял его причину.

«А за псом стоит понаблюдать,— подумал он.— У него есть чутье и инстинкт, которых нет у меня. Да, это будет полезно. Мак-Кей и его жена где-то близко. Возможно, они шли даже медленнее, чем я предполагал, и еще не перебрались через эти холмы, а может быть, они уже там, на равнине. В таком случае я рано или поздно увижу дым костра».

В течение часа он глядел на равнину в бинокль, ожидая, что где-нибудь за деревьями поднимется струйка дыма. Не выпускал он из виду и Питера, который рыскал ниже по склону, описывая все более широкие круги. И вдруг ярдах в двухстах от него Питер как-то странно завертелся на краю лужайки. Он принялся обнюхивать землю, ловил носом воздух, бегал взад и вперед. Затем без колебаний направился на юго-запад.

В мгновение ока Брео вскочил на ноги, подхватил рюкзак и бросился к лужайке. Там на мягкой земле он что-то увидел и с угрюмой улыбкой на тонких губах тоже зашагал прямо на юго-запад.

След, найденный Питером, был трех- четырехчасовой давности и в сумерках вывел его к пешеходной тропе, которая на много миль южнее оканчивалась у одной из факторий Компании Гудзонова залива. На этой тропе, протоптанной не одним поколением обитателей лесных дебрей, оставили свои отпечатки и тяжелые сапоги Роджера Мак-Кея. Теперь Питер все яснее чуял знакомый запах, но осторожность, воспитанная лесной жизнью, не позволяла ему бежать быстро, хотя его снедал огонь нетерпения.

Вновь наступила темнота, а потом выплыл месяц, уже более яркий, чем накануне, и осветил-им путь.

ГЛАВА XXIII

Заря постепенно разгоралась над тихими водами реки Уиллоубед, там, где, покидая дремучие хвойные леса, она вьется среди серебристых березовых рощ в долине Нельсона. Над землей курился легкий душистый туман, поднимаясь к прозрачному небу, которое обещало про-

буждающейся природе новый ясный день. В этой легкой дымке защебетала первая птишка, сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и громче. Однако только когда туман начал рассеиваться, пушистая певунья совсем очнулась от сна и с березовой ветки, нависавшей над водой, полились звонкие трели.

Пичужка то и дело поглядывала вниз, словно удивляясь, почему такая тишина и неподвижность царят там, где на закате происходило столько удивительных вещей и звенела песня, совсем непохожая на ее собственные. Но теперь на ее песенку никто не ответил. Шалаш из еловых и кедровых веток сверкал от росы, на месте веселого костра чернели остывшие угли, и, взъерошив перья, она излила свое торжество в утреннем гимне.

В шалаше Нейда слушала его сквозь дремоту. Она лежала, уютно пристроив голову на руке Роджера, и ей казалось, что песня звучит где-то в отдалении. Она улыбнулась, и губы ее дрогнули, словно и во сне она была готова вступить в состязание с маленькой певицей. А потом песня унеслась совсем вдаль, Нейда ее уже больше не слышала и снова надолго погрузилась в глубокое забытие, как вдруг ее разбудило что-то непонятное.

Очнулась она не сразу, но наконец открыла глаза. Голова ее уже не лежала на руке Роджера. Он сидел боком к ней и не смотрел на нее. «Наверное, час уже поздний», — подумала Нейда, увидев, что лицо мужа озарено утренним солнцем. Она улыбнулась, села и со счастливым смехом встряхнула волосами.

— Роджер... — начала она.

И онемела, широко раскрыв глаза: рядом с Роджером был Питер! Но не поэтому у Нейды перехватило дыхание и в сердце острой иглой вонзился страх.

На бревне, которое Роджер накануне притащил из чащи, сидел, глядя на них, худой человек с острым лицом. На его губах играла странная улыбка, и Нейда сразу поняла, что это Брео.

Несколько секунд он продолжал сидеть неподвижно и молча, и все же ей стало жутко. Нейда решила, что глаза у него нечеловеческие, а губы похожи на сложенные вместе лезвия двух ножей. Его улыбка — вернее, полуулыбка — не была веселой, а только злорадной. При взгляде на Брео никому и в голову не пришло бы, что он любит шутить.

Полицейский кивнул:

— Доброе утро, Веселый Роджер Мак-Кей. И... доброе утро, миссис Мак-Кей. Простите, что я вторгаюсь в ваше уединение, но долг есть долг. Я Брео, сержант королевской северо-западной конной полиции.

Мак-Кей облизнул губы. Брео заметил это, и его улыбка стала шире.

— Я понимаю, что вам сейчас нелегко, — сказал он. — Но скажите спасибо Питеру. Это он привел меня к вам.

Брео встал и небрежно направил на Веселого Роджера свой пистолет.

— Будьте так добры, подойдите поближе, Мак-Кей, — сказал он, побрякивая наручниками, которые держал в левой руке.

Роджер встал, а с ним и Нейда, которая обеими руками вцепилась в его локоть.

— Это лишнее, Брео, — сказал Роджер. — Я не буду сопротивляться.

— Ну все-таки так будет надежнее! — возразил Брео, и его глаза блеснули. — Протяните, пожалуйста, руку... — Браслет щелкнул на запястье Веселого Родже-

ра.— Я ведь Брео, а не Теренс Кассиди,— усмехнулся полицейский.— И никогда напрасно не рискую. Никогда!

Он молниеносно наклонился, и второй браслет шелкнул на руке Нейды. Брео отступил и с той же усмешкой оглядел своих пленников.

— Вот теперь все в порядке,— посмеивался он.— Теперь вам не удастся ускользнуть от меня.— Он спрятал пистолет и отвесил Нейде низкий поклон:— Как вам нравится семейная жизнь, миссис Мак-Кей?

Роджер побледнел; даже Нейда не была так бледна.

— Трус!— сказал он тихо и внятно.— Подлый, жалкий трус! Ты намерен оставить мою жену в кандалах?

— Вот именно,— ответил Брео.— Я не намерен спускать вам те хлопоты, которые вы мне доставили. Я считаю, что каждый человек должен платить свои долги, будь то мужчина или женщина. Да к тому же вы наверняка наптели ей кучу всяких небылиц.

— Это неправда!— гневно крикнула Нейда.— Вы...

— Ну-ну, договаривайте,— добродушно ободрил ее Брео.— Договаривайте, миссис Мак-Кей. Если не подвернется подходящее слово, я могу вам подсказать.

Он помолчал, раскуривая трубку.

— Видите ли, я не вполне точно следую служебным инструкциям, когда нахожусь в обществе столь добрых друзей, — насмешливо извинился он. — Другими словами, вы оба закоренелые преступники. Кассиди представил против вас множество самых веских улик. Он говорит, Мак-Кей, что вас надо повесить сразу же, как только вы попадете к нам в руки. Он предупреждал меня, чтобы я был осторожнее: вы ночью перережете мне горло и глазом не моргнете, представься вам только случай. А я человек ценный. Начальству без меня никак не обойтись.

Мак-Кей молчал, крепко сжав губы.

— Теперь, когда вы лишены возможности сопротивляться, я собираюсь вам кое-что рассказать, — объявил Брео — А заодно разведу костер. Надо же нам позавтракать. Мы с Питером голодны как волки. Хороший пес, Мак-Кей. Он спас нас в тундре. Вы рассказывали об этом миссис Мак-Кей?

Брео не стал ждать ответа и, насвистывая, поджег березовую кору, которую он подложил под сухие кедровые ветки, собранные Роджером накануне.

— Там-то и начались мои неприятности, миссис Мак-Кей, в Голых Землях, — продолжал он, не глядя на Роджера — Видите ли, нам троим — полковник, Тэвишу, Портеру (который стал теперь его зятем) и мне — представилась неповторимая возможность погибнуть мученической смертью и навеки войти в историю конной полиции. Но дело испортили этот тупица, ваш супруг, и Питер Ну, с Питера взятки гладки, он все-таки только собака. Но злой умысел Мак-Кея сомнению не подлежит. Он самым дерзким образом помешал нам стать мучениками: разыскал нас в темноте и увел к себе в сугроб. Не слишком-то благородный поступок — как по-вашему? Ну, полковник Тэвиш — большая шишка, а Портер — его зять, да и мисс Тэвиш была спасена заодно с нами. Вот они и решили, что так этого дела оставить нельзя.

Брео не смотрел на них — с невыносимой медлительностью он подкладывал хворост в костер.

— А в результате... — Он выпрямился и повернулся к ним. — А в результате на меня был возложен крайне неприятный долг разыскать вас, Мак-Кей, и вручить вам отпущение всех ваших прошлых грехов на веки вечные, аминь. Вот оно.

Брео вытащил из нагрудного кармана конверт с внушительными печатями и протянул его не Мак-Кею, а Нейде.

Ни Нейда, ни Роджер не взяли конверта. На губах Брео по-прежнему играла насмешливая улыбка, его глаза-буравчики глядели на них холодно и весело, и в первую минуту они не усомнились, что это еще одна его злобная шуточка. Потом Нейда схватила конверт и вскрыла его, а Мак-Кей смотрел на Брео, веря и не веря.

Нейда вскрикнула, и этот крик, в котором слезы мешались с радостью, открыл ему правду. Стиснув в руке драгоценную бумагу, Нейда спрятала лицо на груди мужа, а Брео, улыбаясь во весь рот, подошел к ним сзади, и Мак-Кей услышал, как поворачивается ключ в замке наручников.

— Кроме того, мне поручено передать вам кучу всяких глупостей, — сказал полицейский, вернувшись к костру. — Во-первых, этот рыжий бездельник Кассиди просил сообщить вам, что он строит для вас на вырубке дом в четыре комнаты и что к вашему приезду дом будет уже готов. Во-вторых, скво, по имени Желтая Птица, и краснокожий, который назвался Быстрым Оленем, велели сказать, что вы всегда будете желанными гостями в их типи. А хорошенькая девчонка, которую зовут Солнечная Тучка, посылает вам столько поцелуев, сколько листьев в лесу...

Брео перевел дух и усмехнулся, не поднимая головы. Поэтому он не заметил, какими сияющими глазами смотрит на него Нейда.

— Но самая смешная штука вышла с младенцем, — продолжал он, готовясь резать грудинку. — Они его ждут в самом скором времени (я говорю про жену Кассиди). И уже выбрали ему имя. Роджер — если родится мальчик, и Нейда — если это будет девочка. Они просили передать вам это. Дураки, правда? Совсем поглупели от счастья...

И тут Франсуа Брео, испытавшему за свою жизнь немало самых странных и страшных приключений, довелось узнать нечто совсем для него новое. Без всякого предупреждения его вдруг принялись душить две тонкие руки, ему запрокинули голову, и к его узким, сухим губам на мгновение прижались теплые нежные губы.

— Черт возьми! — воскликнул он, уронил грудинку и,

вскочив на ноги, пошатнулся точно подстреленный.—
Черт... меня... возьми!

Он схватил свой рюкзак и скрылся в молодом ельнике, не сказав больше ни слова и не оглянувшись. Завтрак ждал, ждали Нейда, Веселый Роджер и Питер, но Франсуа Брео так и не вернулся. Он был странным, загадочным человеком, суровым и безжалостным охотником за людьми, не знающим, что такое страх. Но теперь он трусливо бежал в чащу — бежал от двух алых губок, которые его поцеловали.

Вот так Брео впервые в жизни явился вестником радости, а не горя, и маленькая певица на вершине березы, словно почувствовав, какое счастье воцарилось внизу, залилась ликующей песней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Когда мне исполнилось восемь лет, у меня появилось ружье, а в девять я начал сочинять свои первые шедевры. Это были романы, состоявшие, по крайней мере, из ста глав, по две тысячи слов в каждой из них». Так писал, вспоминая о своих детских годах, известный американский писатель Кервуд.

«Если какая-нибудь глава была напичкана не больше чем полдюжиной убитых индейцев или же белых, объявленных вне закона,— продолжал он,— я считал, что она никуда не годится». Эти сжатые строчки проникнуты легкой насмешкой, но отчетливо говорят о вкусах и пристрастиях будущего писателя, определившихся у него уже с детства.

Джеймс Оливер Кервуд (1878—1927) родился в США. Почти всю жизнь он провел в своем родном городке Суоссо, затерянном в лесной глуши штата Мичиган, у Великих озер и канадской границы. И все же мы можем назвать Кервуда не только американским, но и канадским писателем. Канада всегда неудержимо влекла его к себе и природой своею, и своими людьми— мужественными, сильными охотниками, колонистами, следопытами, путешественниками... Канаде он посвятил все свое творчество.

Маленькому Джеймсу было пять лет, когда его отец приобрел небольшую ферму за городом. Вся семья переселилась в чудесный дом, стоявший на опушке леса, неподалеку от озера Эри. Мальчик подрос и по целым дням бродил с ружьем по болотистым лесным тропам. Однако страсть к охоте довела его до беды: шестнадцатилетнего Джеймса исключили из школы. Но он не упал духом и начал работать. Занявшись звероловством в лесных дебрях Мичигана, юноша через несколько лет заработал достаточно денег, чтобы иметь возможность учиться в университете. Проучившись два года в Мичиганском университете, он решил стать журналистом. В Детройте, самом крупном городе штата Мичиган, Кервуд семь лет сотрудничал в местной газете— сначала в качестве скромного репортера, а потом— редактора. Но журналистика не удовлетворяла его. Он тосковал по лесам и мечтал писать книги.

В 1907 году Джеймс Оливер Кервуд расстался с газетой, вернулся в родной городок и через некоторое время выпустил свой первый роман «Мужество капитана Плюма» (1908). Мечта его жизни сбылась. С тех пор он каждый год с рюкзаком за спиной совершал дли-

тельное путешествие по Канаде, а потом в своих книгах описывает что он там увидел.

Как увлекательно путешествие по Канаде! Как разнообразна растительность, климат, наречия и обычаи народов этой огромной, еще не до конца заселенной земли, этого необозримого доминиона Великобритании, который омывают три океана: Северный Ледовитый, Атлантический и Тихий!

Канада раскинулась во всю ширь северной половины североамериканского материка (кроме Аляски на крайнем северо-западе, принадлежащей США), заняла и канадский арктический архипелаг. На просторах Канады можно встретить гигантские горные цепи со снежными вершинами и непроходимые леса, бурные водопады и медленно ползущие ледники. Там можно встретить могучие реки и тихие лесные ручьи, живописные озера и широкие прерии, то покрытые пшеницей, то превращенные в пастбища для рогатого скота.

Кервуд исходил и изъездил вдоль и поперек весь канадский край — пешком, на лодке, на лыжах, в санях, запряженных собаками. Его зоркий глаз все подмечал. Вся природа Канады с ее бескрайней тайгой, с суровой безлесной тундрой, с арктической ледяной пустыней встает перед нами в его книгах. Кервуда интересовало все: люди, звери, птицы.

Он познакомился с коренным населением Канады: с индейцами — обитателями лесов и с эскимосами — жителями полярных морских побережий. Он стал их другом. Их осталось так мало, истребленных и разоренных европейскими поселенцами — французами и англичанами, которые впервые появились в Канаде еще в XVI веке.

Кервуд написал около двадцати пяти романов. Он любил острые приключенческие сюжеты. В его книгах всегда кого-то убивают, за кем-то гоняется, кого-то берут в плен, кто-то спасается от гибели. Но это как раз наименее сильная и оригинальная сторона его творчества. Его книги захватывают другим — точным и тонким описанием природы, которую он горячо любил и глубоко знал. Большого мастерства Кервуд достиг и в изображении жизни четвероногих обитателей Севера. В его лучших романах — «Гризли» (1916), «Казан» (1917) и «Бродяги Севера» (1919) — главными действующими лицами выступают серые медведи, волки, дикие собаки.

Роман в «Дебрях Севера» был написан в 1922 году. Его главный герой, Веселый Роджер, объявлен вне закона и вынужден скрываться от королевской (английской) полиции. Но Роджер — добрый, благородный человек. Он любит деревья, цветы, маленьких детей, защищает беспомощных женщин и стариков. Единственное его преступление заключается в том, что он спас от голодной смерти целое индейское племя, по-своему наказав наглого торговца виски, ограбившего индейцев. Веселый Роджер самоотверженно любит девушку Нейду и берет на себя ее мнимую вину. Как истинный сын Севера, он умеет все делать, ничего не боится и не отступает ни перед какими препятствиями.

Вместе со своим другом и незаменимым помощником, хромым щенком Питером, Веселый Роджер уходит от преследований полиции, продвигаясь по Канаде сначала с юга на север, а потом обратно. Ведя этим путем и читателя, Кервуд словно перелистывает перед ним сказочные страницы календаря природы. В августе дремучие леса погружены в тихий сон — это месяц, когда птицы учатся летать. В сентябре «листва берез уже отливала золотом, а в шелесте осин

слышались тревожные шепоты осени Тополя желтели, рябина адела тяжелыми гроздьями, а в прохладных, сырых чащобах бархатисто чернели спелые, сочные ягоды дикой смородины».

Лес для Кервуда полон живых звуков: цокают белки, болтают сойки, приглушенно жужжат насекомые. Совместное пугешествие Питера с хозяином и постоянная настороженность развили инстинкты щенка, его сообразительность, его преданность человеку, за которого он готов отдать свою жизнь. Основываясь на своих наблюдениях, Кервуд глубоко проник в психологию собаки, и не будет преувеличением, если мы скажем, что Питер является таким же полноправным героем романа, как и Веселый Роджер.

Беседа с Питером, Веселый Роджер внушает ему, что существует огромная разница между охотой для пропитания и бессмысленным убийством ради забавы. Это излюбленная мысль Кервуда. В предисловии к роману «Гризли» он писал, что в юности «много лет охотился и бил зверя, прежде чем ему открылось, что дебри могут предоставить более захватывающее удовольствие, чем убийство» Чтобы как-нибудь загладить зло, причиненное им, Кервуд дал себе обещание написать книги о зверях, полные достоверных фактов. Это обещание Кервуд выполнил.

М. Черневич

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА

<i>Глава I. Сэр Джон Фотрел</i>	7
<i>Глава II. Убийство у заводи</i>	21
<i>Глава III. Свадьба</i>	38
<i>Глава IV. Клятва аббата</i>	51
<i>Глава V. Что произошло в Крануэле</i>	65
<i>Глава VI. Проклятье Эмлин</i>	83
<i>Глава VII. Предложение аббата</i>	100
<i>Глава VIII. Эмлин призывает своего человека</i>	117
<i>Глава IX. Блосхолмское колдовство</i>	131
<i>Глава X. Бабка Меггс и призрак</i>	145
<i>Глава XI. Суд и приговор</i>	158
<i>Глава XII. Костер</i>	173
<i>Глава XIII. Посланец</i>	190
<i>Глава XIV. Джекоб и драгоценности</i>	206
<i>Глава XV. Черт при дворе</i>	222
<i>Глава XVI. Голос в лесу</i>	238
<i>Глава XVII. Жизнь или честь</i>	252
<i>Глава XVIII. Из тьмы к свету</i>	267
<i>Д. Прицкер. Послесловие</i>	287

ДЖЕЙМС КЕРВУД В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

<i>Глава I</i>	295
<i>Глава II</i>	308
<i>Глава III</i>	316
<i>Глава IV</i>	326
<i>Глава V</i>	331
<i>Глава VI</i>	340
<i>Глава VII</i>	347

<i>Глава VIII</i>	361
<i>Глава IX</i>	375
<i>Глава X</i>	383
<i>Глава XI</i>	397
<i>Глава XII</i>	404
<i>Глава XIII</i>	418
<i>Глава XIV</i>	430
<i>Глава XV</i>	440
<i>Глава XVI</i>	447
<i>Глава XVII</i>	455
<i>Глава XVIII</i>	470
<i>Глава XIX</i>	475
<i>Глава XX</i>	479
<i>Глава XXI</i>	489
<i>Глава XXII</i>	495
<i>Глава XXIII</i>	500
<i>М. Черневич. Послесловие</i>	507

ХАГГАРД ГЕНРИ РАЙДЕР
ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА

КЕРВУД ДЖЕЙМС

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Ответственный редактор *О. А. Лаврова*
Художественный редактор *Е. М. Гуркова*
Технический редактор *Л. В. Гришина*
Корректоры

К И Каревская и М. Б Шварц

Сдано в набор 8/1 1969 г. Подписано к печати 29/XII 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂ Печ л. 16 Усл. печ. л. 26,88 (Уч.-изд. л. 27,62) Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Цена 1 р. 20 к на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3640

